

Шубин Александр

Великая Испанская революция

В 30-е гг. в Испании произошла одна из наиболее глубоких революций в мировой истории. По аналогии с Великой французской и Великой российской революциями, ее тоже можно назвать Великой испанской революцией. О ней помнят больше как о гражданской войне, хотя началась она раньше кровавого раскола страны и развивалась, переплетаясь с военными событиями.

То, что она дала человечеству, сегодня пытаются забыть даже в Испании. Спокойная сытая жизнь Мадрида или Барселоны приучает испанцев, каталонцев и басков быть наследниками Санчо Пансы, а не Дон Кихота. Туристические маршруты Мадрида обходят места былых сражений, экскурсоводы не упоминают бурление революционных страстей 30-х гг. Но нет-нет да и услышишь в каком-нибудь кафе возбужденный спор: «Выбросить Франко из Долины павших!» – «Красные уничтожили бы нашу культуру!» – «Нет, не было никакой революции! Помните, не было, а была только кровавая война!» – «Был шанс!» – «Не было!» – «Был!». И у уважаемого господина дрожит лицо, он бьет кулаком по столу в экстазе спора так, что подпрыгивают тарелки. Наследники Санчо Пансы вспоминают времена, когда их предки были увлечены Дон Кихотами в поход во имя Великих дел. И эта память вызывает сложные эмоции, раскалывает душу. Лава революции проступает сквозь корку забвения.

Испанская революция 30-х гг. – явление очень национальное. Но за национальным колоритом проступают и общемировые закономерности, и мировое значение событий. Впервые за несколько веков Испания встала в центр мировой политики. От исхода гражданской войны в Испании зависело соотношение фашистских и антифашистских сил накануне мирового столкновения. Но не только.

В начале 30-х гг. мир, как и в наши дни, погрузился в состояние глобального экономического кризиса. Человечество искало выход из этой ситуации разными путями – от советского до рузвельтовского, от германского до скандинавского. Испанская революция предложила еще один путь, не замеченный человечеством в дыму сражений, а затем оклеветанный властями разных расцветок. И тем важнее всмотреться в этот опыт сегодня, когда человечество снова стоит перед выбором.

Глава I Корни революции

Испания – это двадцать миллионов рваных Дон Кихотов
Илья Эренбург

Революции кажутся обывателю бедствием, вызванным происками злых сил. Адепты революции видят в них локомотивы истории. Революции разрушительны, но происходят они тогда, когда эгоизм правящей касты не оставляет мирного выхода, когда развитие общества упирается в стену и начинает в давке размазывать по ней людей. Такая давка порождает революции. Революция – не локомотив истории, а ее таран. Она пробивает пути в будущее там, где они завалены наследием прошлого.

Линии разломов

Для Испании XX в. революция – дело привычное. В предыдущем столетии пять испанских революций развели по разные стороны баррикад традицию и модернизацию. Для одних испанцев образцом была Испания XVI в. – могущественная мировая империя. К чему подражать либеральным соседям? Ведь не они освоили для западной цивилизации Южную Америку, не они стояли на страже католического мира среди реформационных бурь. Другие испанцы видели, что Испания на глазах превращается в задворки Европы, в отсталую третьестепенную страну. Нужно было срочно освободиться от пут католического, патриархального, монархического прошлого.

Пока за обновление выступала прежде всего либеральная элита, традиционная почва держалась прочно. Но во время революции 1868–1874 гг. на политическую сцену вышел

социализм и вовлек в социальное творчество рабочий класс¹. И стало ясно, что почва треснула, модернизация – необратима. Для успешного перехода от традиционного аграрного к индустриальному городскому обществу традиция и прогресс должны быть сбалансированы и желательно – находиться в состоянии синтеза. В Испании углублялась пропасть между сторонниками разных стратегий модернизации и приверженцами старинного образа жизни. При этом традиционалисты тоже искали путь страны в будущее, а сознание прогрессистов было пропитано испанскими традициями.

После подавления революции в 1874 г. монархический режим предпринимал символические шаги в сторону либерализации, разрешил выборы и политический плюрализм в узких монархических рамках. В 1890 г. монархия дозволила даже всеобщее избирательное право для мужчин, что не поколебало ее основы. Голоса покупались местными боссами-касиками, полномочия кортесов были ограничены. На выборах либеральные монархисты соревновались с умеренными консерваторами, а их правительства сменяли друг друга.

Но в 1898 г. разразился крах, очевидный для всех. Потерпев поражение в испано-американской войне, Испания потеряла остатки карибских и тихоокеанских колоний. Это привело не только к национальному унижению, но и к осознанию недопустимого отставания Испании от ведущих империалистических стран. Кризис встал в повестку дня, но ответ на этот вызов заставил себя ждать еще три десятилетия.

«Новая Испания», сторонники прогресса, видели на своем пути два главных препятствия – монархию и Церковь.

«Старый порядок» цеплялся за свои позиции изо всех сил. Он апеллировал к вневременным ценностям испанской культуры, обличал модернизацию с ее издержками. Его идеологической опорой была Католическая церковь, которая видела свою миссию в Испании в сохранении традиционных социально-политических устоев. Связь «старого порядка» и Церкви была столь тесной и очевидной, что отношение к порядку переносилось и на отношение к Церкви. Как пишет историк Дж. Коннели, «в 1909 г. большинство священников, как и большинство рабочих, воспринимали Церковь как краеугольный камень существующего порядка»². И это положение, как мы увидим, сохранялось в 30-е годы.

В начале XX в. очагом республиканской и антиклерикальной пропаганды стала Барселона. С 1901 г. здесь развернул свою агитацию создатель Радикальной республиканской партии (до 1907 г. – фракция Республиканского союза, позднее – Радикальный союз) Алехандро Леррус. В своем стремлении заручиться поддержкой широких масс, недовольных существующими порядками, Леррус был очень радикален в речах. Он призывал членов молодежной организации радикалов: «Юные современные варвары, вторгнитесь и разграбьте упадническую и жалкую цивилизацию этой несчастной земли: разрушьте ее замки, сорвите покровы с послушниц и возведите их в ранг матерей, чтобы подбодрить род; проникните в учреждения регистрации собственности и устройте костер из бумаг, и этот огонь очистит позорную социальную организацию, ворвитесь в скромные дома и поднимите легионы пролетариата, и мир задрожит перед его пробудившейся юностью»³. Такая агитация ставила под политический контроль леррусистов сторонников радикальных перемен, в том числе – широкие массы рабочих.

Соратником Лерруса был Франсиско Феррер, но он был известен больше не как политик, а как просветитель. В 1901 г. Феррер открыл в Барселоне «Современную школу», которая стала готовить учителей для рабочих. Основой ее программы были светские взгляды, прямо противоречащие религиозным догматам. Издательство Феррера выпускало учебники с такими же принципами, пользовавшиеся большой популярностью среди учителей-прогрессистов. Стали открываться филиалы школы в других местах Каталонии. Центры обучения Феррера создавались на базе организаций Радикальной партии. Всего влияние педагогики Феррера тогда испытало

¹ См.: Шубин А. В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007. С. 345–347.

² Connolly Ullman J. The Tragic Week. A Study on Anticlericalism in Spain. 1875–1912. Cambridge, Massachusetts, 1968. P.323.

³ Cit.: Connolly Ullman J. Op. cit. P.88.

более 1000 учащихся. 12 апреля 1906 г. он провел массовую манифестацию школьников в защиту светского образования⁴. Однако 31 мая один из сотрудников издательства Феррера бросил бомбу в официальную процессию в Мадриде (женился король Альфонс XIII) и покончил с собой. Феррер был арестован, «Современная школа» закрыта. Только через год выяснилось, что издатель не может отвечать за такие действия своего сотрудника, и Феррера выпустили. Но радикалы, которые в это время стали заботиться о своей респектабельности, больше не хотели сотрудничать с опальным педагогом, и он обратил свой взор к анархо-синдикализму.

Феррер имел хорошие связи с европейскими либералами, масонами и анархистами, иногда представлялся как «философский анархист», но больше был известен как участник европейского просветительского движения (он был организатором Международной лиги рационального образования детей, председателем которой стал Анатоль Франс)⁵. Одновременно Феррер стал спонсировать рабочее движение Барселоны, которое приобрело синдикалистское направление, и советовал своим знакомым анархистам принять в нем активное участие.

Пропаганда Лерруса и Феррера упала на благодатную почву, церковники «достали» значительную часть населения сочетанием ханжества, властности и злоупотреблений. Леррус был избран депутатом, заигрывал с рабочим движением и социалистическими идеями. Это позволяло радикальным либералам контролировать значительную часть рабочих голосов в Каталонии. Правда, приобретя политическое влияние, в 1907 г. Леррус повернул курс партии к большей умеренности. Через четверть века эта эволюция превратит Лерруса в союзника клерикалов. Социальный кризис сделает старый культурный конфликт «двух Испаний» XIX века не столь важным по сравнению с социальным разломом. За два десятилетия Испания настолько изменится, что вчерашние радикальные либералы станут умеренными консерваторами, а политику будут определять социальные силы и факторы. Но отождествление Церкви с Системой угнетения сохранится.

И в начале века попытка Лерруса стать более респектабельным удастся далеко не сразу. Семена радикальной агитации прорастут, и в 1909 г. выльются в события в Барселоне, известные как «Трагическая неделя».

* * *

В первой трети XX в. Испания представляла собой страну, начавшую переход от традиционного общества к индустриальному, и «упершаяся» на этом пути в систему аристократических авторитарных порядков. Сам по себе социальный кризис эпохи модернизации – типичное явление, оно наблюдается в истории большинства стран. Но не в каждой стране происходит такая глубокая революция и такая жестокая гражданская война, как в Испании. В этом отношении Испанию можно сравнить прежде всего с Россией. Стремление «старого порядка» к самосохранению, эгоизм властной элиты оттягивали время перемен, что усугубляло кризис, вело к накоплению социального горячего.

В первой трети XX в. индустриальный прогресс уже достиг в Испании значительных успехов. В конце XIX в. быстро развивалась горнодобывающая промышленность. Добыча железной руды с 60-х гг. выросла в 43 раза и достигла 8,7 млн т (в том числе в колонии Марокко). Только 10 % этой руды переплавлялось в Испании. Возникли металлургия и машиностроение, текстильное производство. Конкуренентоспособность на мировом рынке сохраняло судостроение. К началу 30-х гг. в промышленности было занято около 2 млн чел., в сельском хозяйстве – 5,4 млн чел. Реальная власть в деревне принадлежала касикам – крупным землевладельцам и их представителям. Крестьяне – 86 % земельных собственников, владели 15 % обрабатываемой земли. А помещики – 2 %, имели 67 % обрабатываемых земель. Отсюда – арендная кабала крестьян, нищета, исход «лишней» рабочей силы в крупные города, безработица и низкие зарплаты в промышленности. Лишняя рабочая сила выбрасывалась из деревни в города, толпы безработных давили на рынок труда, снижая уровень зарплаток.

⁴ Connelly Ullman J. Op. cit. P.98.

⁵ Ibid. P.95, 101.

Большинство населения оставалось неграмотным, театр, а затем и кино были недоступны для большинства испанцев как слишком дорогие развлечения.

Промышленное развитие не могло обеспечить «рассасывание» социальных язв в силу периферийной односторонности экономики. Сильные позиции в экономике Испании занимал английский и французский капитал (соответственно 20 % и 60 % иностранных инвестиций), а также капитал национальных меньшинств (басков и каталонцев).

Индустриальная модернизация быстрее шла в национальных регионах, чем в целом по Испании. В Каталонии было сосредоточено 90 % текстильного производства страны, четверть рабочих Испании. В 1920 г. в каталонской индустрии было занято 471246 человек, а в сельском хозяйстве – 335130. Промышленное производство Каталонии давало больше продукции, чем сельское хозяйство (текстильная продукция – 2 млрд песет, производство металлургии, химической и других отраслей промышленности – 500 млн песет, а сельскохозяйственная продукция – 1,5 млн песет). Таким образом, здесь общество становилось индустриально-аграрным. В Басконии производилось около 40 % добычи железной руды и более половины выплавки чугуна и стали. Количество занятых в промышленности в 1920 г. лишь немного уступало числу занятых в сельском хозяйстве (162163 против 165472)⁶.

Каталонская и баскская политическая, коммерческая и культурная элиты считали, что права этих народов ущемляются Мадридом, что Каталония и Баскония стали для монархии «дойными коровами». В 1894 г. возникла Баскская националистическая партия, которая доживет до гражданской войны. Каталонские политические группировки сумеют в основном объединиться только к 1931 г. Бизнес и средние слои поддерживали националистов, выступавших за автономию и даже независимость Каталонии и страны Басков (Эускади). Рабочий класс Каталонии состоял в большинстве своем из испанцев, переселившихся сюда из других регионов. Тяжелое положение пролетариата делало из Каталонии, Басконии и соседней Астурии социальную бомбу с дополнительным национальным компонентом.

Переход от традиционного общества к индустриальному, когда происходит смешение социальных слоев, вышибание людей из привычной социальной ниши, порождает у них стремление вырваться из бедственного состояния, в котором оказался человек – либо «назад», либо «вперед». Первый путь предполагает «ностальгию» по прошлому, мечту о сохранении традиционных форм жизни. Однако чисто традиционалистское стремление к «прекрасному прошлому» соседствует с неприятием «проклятого прошлого». Выбитые, выломанные из своей социальной ниши массы весьма восприимчивы к новым идеям социальной свободы и обобществления производства, влияние которых связано уже с кризисом капиталистического хозяйства. Таким образом, происходит наложение и синтез традиции и утопии, порождающие две противоположности – фашизм и анархизм. Они стремятся к модернизации, которая не ликвидирует структуры традиционного общества, а переносит их в систему индустриальной цивилизации. Фашизм соединяет имперский миф и аристократический элитаризм с национальной унификацией и индустриальной организацией. Анархо-синдикализм преобразует общину, крестьянский «мир» в рабочую самоорганизацию, синдикат. Бурное развитие анархизма, особенно анархо-синдикализма, стало важной особенностью Испанской революции даже в сравнении с Российской революцией, где анархизм тоже играл важную роль.

Развитию социалистических идей, особенно анархо-синдикализма, способствовали и традиции социальной солидарности испанских трудящихся. «Бескорытность испанских крестьян всегда поражала иностранцев. Мартин Андерсен-Нексе рассказывал мне, что молодые годы он провел в Испании; денег у него не было, и неизменно крестьяне ставили перед ним тарелку супа: „Ешь“...»⁷, – пишет И. Эренбург, и делится своими впечатлениями от посещения Испании в 1931 г.: «Безработные не получали никаких пособий. Я спрашивал, как они не умирают от голода, мне отвечали: „А товарищи?..“ Андалузский бедняк разрезал хлеб пополам и половину давал безработному соседу. Рабочие Барселоны несли часть полочки в профсоюзы – для безработных –

⁶ Гарсиа Х. Диктатура Примо де Ривера. М., 1963. С.29; Испания в цифрах. М., 1936. С. 41–44.

⁷ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. М., 1963. С.303.

без призывов, без громких фраз, просто, по-человечески»⁸. Таким образом, безработные все-таки получали пособие, но не от государства. Профсоюзы, общественные организации показали, что могут справляться с задачами, которые не по плечу государству.

Феодализм отмирал, идущий ему на смену капитализм нес новые бедствия. В этом – шанс для антикапиталистической, социалистической идеи. На монополию в трактовке социализма претендовал марксизм. Марксистскую традицию в Испании с 1879 г. развивала Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП, по-испански PSOE). Ее лидер Пабло Иглесиас во многом следовал примеру французских гедистов, но как рабочий-печатник решил сосредоточить усилия на развитии социалистического профсоюза⁹. В 1888 г. был создан Всеобщий союз трудящихся (ВСТ, по-испански UGT), который возглавил П. Иглесиас (он оставался его председателем до самой смерти в 1925 г.). Хотя сначала и партия, и союз были немногочисленны, их влияние росло, и ВСТ на время стал крупнейшим профобъединением страны. Однако к началу века он имел всего 32000 членов. Иглесиас, продолжая брать пример с французов (но теперь уже не с Ж. Геда, а с Ж. Жореса), вступил в союз с либералами и в 1910 г. при поддержке Республиканского союза был избран в кортесы. Однако на ниве и парламентской, и профсоюзной борьбы за социальные права у социалистов были сильные конкуренты – радикалы и анархо-синдикалисты.

В странах с традицией абсолютизма и длительной борьбы с ним идея огосударствления, предлагавшаяся прежде всего марксистами, вызывала сильное отторжение. Это способствовало развитию анархизма. На испанской почве анархизм пророс еще во времена революции 1868–1874 гг. под влиянием П. Ж. Прудона и М. А. Бакунина.

Распространившись среди рабочих, анархизм стал идейной основой синдикализма, защиты труда снизу, через революционные профсоюзы (синдикаты) – организацию самих рабочих, отрицавших партийное руководство социал-демократов. В 1900 г. рабочий съезд в Мадриде постановил создать анархо-синдикалистский профсоюз, но воплотить такое решение в жизнь монархической Испании оказалось не так-то просто.

Важнейшим центром рабочего движения, даже более активного, чем в Мадриде или Астурии, была Барселона. В 1902 г.¹⁰ рабочие сумели провести здесь всеобщую стачку, закончившуюся локаутом и массовыми репрессиями против рабочих активистов. Но лидеры маленьких тред-юнионов не сдавались и в 1907–1908 гг. создали общегородской рабочий центр «Рабочая солидарность» («Солидаридад обрера»). Феррер согласился спонсировать издание одноименной рабочей газеты. Следуя влиянию французского рабочего движения с его «Амьенской хартией» 1906 г., «Солидаридад обрера» провозгласила, что не намерена выбирать между двумя направлениями социализма (то есть между марксизмом и анархизмом), а сосредоточится «исключительно на классовой борьбе»¹¹. Это самоограничение в выборе стратегии постепенно привело французскую Всеобщую конфедерацию труда на путь посибилизма, решения сиюминутных задач. В Испании развитие синдикализма пошло иначе. Здесь ситуация была более отчаянной для рабочих, и сами они оказались куда радикальнее.

Формированию радикальной традиции рабочего движения способствовали и события «Трагической недели» 1909 г. 26 июля профсоюзы начали всеобщую стачку против мобилизации барселонцев в армию на непопулярную Марокканскую колониальную войну. Уже 27 июля стачка переросла в вооруженные столкновения и массовые нападения на церкви и монастыри. Причем, как выяснило последующее расследование, в организации стачки были замешаны анархисты, а инициаторами сожжения монастырей были члены молодежной организации радикалов, вдохновленные зажигательными речами Лерруса (сам он в это время находился за пределами

⁸ Там же.

⁹ Gillespie R. The Spanish Socialist Party. A History of Factionalism. Oxford, 1989. P. 9–11.

¹⁰ В этом году были приняты правила проведения легальных стачек, но они были обставлены таким количеством условий, что рабочие были просто вынуждены проводить незаконные стачки.

¹¹ Connelly Ullman J. Op. cit. P.109.

Испании). Всего в Барселонском бунте участвовало около 3 тысяч человек. К 1 августа стрельба, стачка и поджоги закончились. Было сожжено 12 церквей и 40 монастырей и других церковных учреждений. При этом погибло три служителя церкви. В ходе перестрелок было убито 8 военных и полицейских (124 ранено). Погибло 108 гражданских (большинство – повстанцы)¹².

1725 человек были привлечены к суду военных трибуналов (214 из них не были пойманы), часть потом передана гражданским судам. 458 человек были осуждены, причем 17 – к смертной казни (больше, чем число погибших со стороны власти и Церкви). Из них пятеро были казнены, остальные получили пожизненное заключение. Никто из казненных не был виновен в убийстве¹³. При вынесении приговора трибуналы учитывали мотивы обвиняемого, степень его ненависти к существующим порядкам. Расследованию был нужен «организатор» восстания, нельзя же было признать, что оно вспыхнуло спонтанно в ответ на действия правительства и как результат массовой ненависти к Католической церкви. Наиболее очевидной в организации насильственных действий была роль радикалов. Но они как раз накануне 1909 г. начали сдвигаться к нише уважаемых либеральных политиков, надеялись добиться разрешения на создание общеиспанской партии (Леррус получит такую возможность в 1911 г.). Причастность к организации бунта была для радикалов совершенно некстати, и они стали «переводить стрелки» на другого «козла отпущения».

На основании показаний радикалов 31 августа был арестован Ф. Феррер¹⁴. Он не принимал непосредственного участия в восстании, хотя выступал за революцию, а стачка была организована рабочими, с которыми он был связан. В восстании участвовали некоторые его сотрудники и ученики. Поскольку Феррер был республиканцем (но не радикалом), масоном, «философским анархистом» и имел зарубежные связи, было очень удобно представить его теневым организатором восстания, проводником иноземного влияния. Феррер был приговорен к смерти и 13 октября 1909 г. расстрелян. Его гибель вызвала международную волну протеста.

«Трагическая неделя» имела множество важных долгосрочных последствий. Рабочие разочаровались в политиках, которые превратили социальную и пацифистскую стачку в антицерковный погром. Вырос авторитет идеи «прямого действия» рабочих против предпринимателей – без участия политиков.

С этого времени начинается падение авторитета радикалов и вообще либералов среди рабочих, партия радикалов сдвигается все дальше вправо. Место популиста Лерруса в оппозиционном либеральном спектре постепенно занимают представители интеллигенции, далекие от рабочего движения и социальной проблематики. Ниша политического представительства рабочих освободилась для ИСРП.

Дело просвещения рабочих от Феррера подхватил Иглесиас, как раз в это время получивший широкую известность после избрания депутатом. ИСРП сделала просвещение важным направлением своей деятельности. По словам исследователя Р. Гиллеспы, «ИСРП рассматривала себя как образованную элиту рабочего класса, чьей миссией является просветить остальных»¹⁵.

Гибель Феррера – видного проводника светской культуры – углубила раскол между двумя Испаниями. Католическая консервативная Испания видела в светском образовании источник разрушительного бунта, светская Испания получила доказательство, что «инквизиторский» режим готов приносить на алтарь своего самосохранения невинные жертвы. Поскольку в последние годы Феррер сблизился с анархистами, он стал мучеником анархистского движения, и его посмертный авторитет был унаследован прежде всего анархистами. Рост их авторитета был закреплен сдвигами в рабочем движении Каталонии.

31 октября 1910 г. представители профсоюзов, не входящих в социал-демократический ВСТ, решили превратить барселонскую «Рабочую солидарность» в общеиспанский профцентр. Эта идея

¹² Ibid. P. 167–288.

¹³ Ibid. P. 288–289.

¹⁴ Ibid. P.297.

¹⁵ Gillespie R. Op. cit. P.19.

вызвала протесты со стороны социал-демократов, работавших в «Рабочей солидарности», – они считали, что достаточно присоединиться к ВСТ. 8 сентября 1911 г. общеиспанская рабочая конференция провозгласила создание Национальной Конфедерации Труда (НКТ, по-испански – CNT). Социал-демократы отказались в ней участвовать, так как у них уже был свой профцентр, а вот анархисты по завету Феррера усилили работу в НКТ. Конфедерация выступила за прямой путь к «социальному освобождению», то есть не собиралась оставаться в рамках сиюминутной борьбы за зарплату. Власти не собирались разрешать новое профобъединение с центром в Каталонии, где только что произошло восстание (только в 1914–1918 гг. были сделаны послабления), и НКТ существовала полуподпольно, в условиях острой конфронтации с властью и предпринимателями. Умеренные тред-юнионистские лидеры вышли из НКТ, и она стала анархо-синдикалистским профобъединением. Стачки НКТ отличались особой бескомпромиссностью требований, так как в конечном итоге преследовали цель разрушения существующего общества и замены его другим – анархическим коммунизмом.

За десятилетия подпольного развития анархизм создал собственную субкультуру рабочего и крестьянского протеста. Несмотря на быстрый рост, НКТ в этот период не подверглась бюрократизации. В соответствии со своими анархистскими принципами, она имела тогда только одного освобожденного работника¹⁶. Дешевизна аппарата и демократизм отношений также привлекали рабочих в НКТ. Конфедерация быстро вобрала в себя почти всех анархистов. Анархисты стали ее идеологами. Однако в НКТ было и много рабочих, которые не задумывались о проблемах анархизма, но поддерживали синдикалистские методы борьбы за свои социальные права. В 1927 г. возникла собственно анархистская организация – Федерация анархистов Иберии (ФАИ).

Более умеренные и использующие политические средства борьбы ИСРП и ВСТ имели преимущества в распространении своего влияния в общеиспанском масштабе. Однако НКТ соперничала с ним и по численности, и по влиянию, особенно в Каталонии, с ее антиабсолютистскими традициями.

Революционная волна 1917–1923 гг.

Экономические последствия Мировой войны дестабилизировали хрупкую конструкцию испанской монархии. Хотя страна и была нейтральной, она оказалась на грани революции. Инфляция больно ударила по уровню жизни самых широких слоев населения – включая даже часть офицерства. Так что офицеры с ноября 1916 г. стали создавать хунты (советы) в защиту своих прав. Попытка правительства подавить это движение в мае 1917 г. поставило страну на грань военного восстания, и король пошел на уступки. Умиротворив офицерство, правительство бросило войска на подавление рабочих выступлений¹⁷.

В 1916–1923 гг. Испанию потрясали мощные стачки, а общее количество только зарегистрированных забастовок выросло в 1915–1917 гг. с 169 до 305¹⁸. В 1917 г. в организованных ВСТ и НКТ забастовках участвовало около 200 тысяч человек¹⁹. В мае 1916 г. ВСТ и НКТ объявили о начале кампаний против роста цен. ВСТ намеревался давить на правительство, а НКТ – прежде всего на предпринимателей. 17 июля 1916 г. представители НКТ (С. Сеги, А. Пестанья и А. Лакорт) и ВСТ (Х. Бестейро, Ф. Ларго Кабальеро и В. Баррио) согласовали Сарагосский пакт о предстоящей всеобщей стачке. Это заявление напугало правительство настолько, что оно приостановило конституционные гарантии (и без того куцые).

¹⁶ Thomas H. The Spanish Civil War. Harmondsworth, 1986. P.65.

¹⁷ Подробнее см.: Медников И. Ю. Кризис 1917 г. в Испании. // Испанский альманах. Выпуск 1. М., 2008. С. 245–254.

¹⁸ Там же. С.258.

¹⁹ Broue P., Temime E. The Revolution and the Civil War in Spain. L.1972. P.61.

Несмотря на то, что премьер-министр де Романонес встречался с представителями ВСТ и обещал помочь рабочим, ничего сделано не было, и 18 декабря была проведена первая предупредительная 24-часовая общенациональная забастовка. Ее успех и равнодушие правительства к социальной политике толкали рабочих лидеров к проведению уже долгосрочной всеобщей стачки. Но вот по поводу ее подготовленности социал-демократы сомневались и с трудом отговорили анархо-синдикалистов от затеи немедленно провести всеобщую стачку в Барселоне.

В июле 1917 г. события спровоцировала парламентская оппозиция. Еще в июне правительство очередной раз приостановило конституционные гарантии и распустило парламент (кортесы). Тогда 19 июля 78 депутатов (в большинстве своем каталонцы) вопреки запрету собрались в Барселоне на «Парламентскую ассамблею» и были тут же разогнаны. Разгневанные депутаты угрожали правительству забастовкой, и один из них, М. Доминго, сообщил рабочим-железнодорожникам, что Ассамблея дала сигнал к общенациональной стачке. Либеральная провокация удалась. Рабочие поверили и «начали». Поскольку ни НКТ, ни ВСТ были не в курсе этого «призыва», за железнодорожниками никто не последовал. Когда недоразумение выяснилось, железнодорожники прекратили стачку, но тут предприниматели проявили свою мстительность и уволили весь актив профсоюза. Теперь уже ВСТ должен был бороться «за своих». После того, как компания отказалась вернуть на работу уволенных, на 13 августа была назначена всеобщая политическая стачка с требованием создания Временного правительства и созыва Учредительного собрания. Конечно, теперь дело железнодорожников оказалось предлогом. Если уж готовили революционную стачку, не растрчивать же силы на частные требования.

В нескольких городах (Барселона, Бургос, Сарагоса, Бильбао и др.) развернулись столкновения между стачечниками и войсками. В Барселоне забастовщики запретили движение трамваев во время стачки. Правительство из принципа поддерживало его силами военных, а рабочие обстреливали трамваи – так что пассажиров в них все равно не было. Армия, еще недавно боровшаяся за свои социальные права, не церемонилась – артиллерия разрушала дома, из которых раздавались выстрелы.

18-19 августа забастовка была подавлена. По разным данным, погибло от 80 до 500 человек. Члены забастовочного комитета Ф. Ларго Кабальеро, Х. Бестейро, Д. Ангиано и А. Саборит были 15 августа арестованы. Всего за решеткой оказалось более 2000 человек²⁰. Жесткость действий правительства потрясла страну.

Члены забастовочного комитета были приговорены к пожизненной каторге. В стране развернулось движение за их освобождение. В 1918 г. они были избраны в кортесы, и по законам королевства освобождены²¹. «Почувствовав себя преданными средними классами, ВСТ и НКТ впоследствии стали серьезно смотреть на идею объединения, но оно так и не было достигнуто»²². Мы увидим, что у этой идеи был долгая история начиная с 1917 г. И не только у нее.

Можно согласиться с И. Медниковым: «Все три линии возможного развития Испании – военная диктатура, буржуазная и социальная революции – были обозначены в 1917 г.»²³ Однако события 1917 г. показали слабость либеральной «фронды» против монархии, которая приобрела серьезное влияние прежде всего в Каталонии, а не в общенациональном масштабе.

Репрессии ослабили ВСТ, но обстановка в стране продолжала накаляться. На авансцену вышли синдикалисты НКТ, которые как раз были настроены на жесткую конфронтацию. В феврале 1919 г. НКТ потребовала восстановить на работе нескольких уволенных рабочих, а когда предприниматели отказали, то Барселона снова была парализована стачкой. Власти ввели осадное положение, но стачком запретил газетам публиковать официальные акты. Массовые аресты не

²⁰ Медников И. Ю. Указ. соч. С. 261–265.

²¹ Впрочем, в 20-е гг. в кортесах ИСПИ имела не более семи мандатов – слишком силен был «административный ресурс» местных касиков и центральных властей.

²² Gillespie R. Op. cit. P.21.

²³ Медников И. Ю. Указ. соч. С.366.

помогли, и 24 марта требования забастовщиков были удовлетворены. Забастовки продолжались и в дальнейшем. К тому же развернулась ожесточенная война между террористическими группами НКТ и террористами – «пистолерос», нанятыми предпринимателями. На стороне нанятых террористов действовала полиция, которая практиковала расстрелы профактивистов «при попытке к бегству». В 1917–1923 гг. в Барселоне произошло около 1000 политических убийств и расстрелов. В 1919 г. анархисты убили руководителя «пистолерос» Браво Портильо. В марте 1923 г. погиб лидер НКТ С. Сеги, выступавший против эскалации терроризма. После этих событий большую популярность в анархо-синдикалистском движении приобрели удачливые «робин гуды» терроризма Буэнавентура Дурутти и Франсиско Аскасо (группа «Носотрос»).

Под давлением массового стачечного движения правительство пошло на уступки: в 1920 г. были введены 8-часовой рабочий день и страхование по инвалидности и старости. Был запрещен детский труд. Повысилась зарплата. В 1920 г. 74 % забастовок были выиграны или частично выиграны стачечниками²⁴.

* * *

В 1917–1921 гг. среди участников испанского социалистического движения был крайне популярен опыт российской революции. 15 апреля 1920 г. лидеры Федерации социалистической молодежи провозгласили создание Коммунистической партии Испании (КПИ). В первый ЦК вошли А. Буэндия, В. Аройо, Р. Милья, М. Грасия и др.

Идея присоединения к Коминтерну была популярна и в ИСРП, которая заметно радикализовалась в ходе революционного подъема 1917–1923 гг. В декабре 1919 г. на съезде партии большинство делегатов осудило оппортунистическое грехопадение II Интернационала и поддержало «принципы русской революции», о которых в Испании было довольно смутное представление. Небольшим большинством было решено подождать с немедленным присоединением к Коминтерну, пока не пока не выяснится, какие решения примет Женевская социал-демократическая конференция, намеченная на 1920 г. Делегаты заявили о готовности включить ИСРП в Коминтерн, если на ней социал-демократия не пойдет революционным путем.

Однако когда 19 июня 1920 г. открылся Чрезвычайный съезд ИСРП, посвященный этому вопросу, стало ясно, что руководство Коминтерна в Москве ставит очень жесткие условия вступления, расходящиеся с демократическими традициями ИСРП. Лидеры социалистов Франсиско Ларго Кабальеро, Хулиан Бестейро и Фернандо де лос Риос выступали за присоединение к Коминтерну на условиях идейной и тактической автономии, а также за сближение между Коминтерном и левым крылом социал-демократии. Для выяснения возможности такого участия в Коминтерне съезд направил в Москву Ф. де лос Риоса и Д. Ангиано. В ноябре-декабре представители ИСРП провели в Москве переговоры с Исполкомом Коминтерна и консультации в его секретариате. 10 декабря Ленин объяснил испанцам, что они могут войти в Коминтерн только на основании 21 условия, и решения съезда ИСРП неприемлемы. Таким был и официальный ответ Исполкома Коминтерна (ИККИ): Коминтерн – это не «клуб социалистов, которые желают жить, имея общий идеал»²⁵.

Делегаты ИСРП вернулись разочарованными не только в ответе Коминтерна, но и в результатах большевистского эксперимента, который де лос Риос подверг жесткой критике как бюрократическую диктатуру. В развернувшейся затем дискуссии сторонники присоединения ИСРП к Коминтерну проиграли.

9 апреля 1921 г. Чрезвычайный съезд ИСРП открылся для окончательного решения вопроса. Большинство отказалось присоединяться к Коминтерну. От ИСРП откололось левое крыло (А. Гарсия Кехидо, Ф. Пересагуа, В. Гонсалес, Д. Ангиано и др.), которое провозгласило создание Испанской коммунистической рабочей партии. При этом сохранялась и КПИ, возникшая в 1920 г. Так что на III конгресс Коминтерна в июне 1921 г. приехали делегаты сразу двух компартий, и их с трудом удалось объединить 7 ноября 1921 г. в одну КПИ численностью в 7-10 тыс. членов.

²⁴ Гарсия Х. Указ. соч. С.58.

²⁵ Цит. по: Гарсия Х. Указ. соч. С.80.

Разногласия между «молодыми» леваками и «взрослыми» центристами сохранялись и позднее²⁶.

Был еще и третий источник испанского большевизма. Один из лидеров НКТ Андрес Нин заявил о вступлении НКТ в Коминтерн, не получив от организации на это полномочий. Однако после своей поездки в Россию другой лидер синдикалистов А. Пестанья пришел к выводу, что большевики установили в стране террористическую диктатуру. Испанские анархо-синдикалисты узнали о расправе над Кронштадтом и подавлении крестьянских движений. После этого НКТ разорвала все отношения с Коминтерном и вступила в воссозданное в 1922 г. синдикалистами Международное товарищество рабочих. Не согласившись с этим, А. Нин и несколько других синдикалистов приняли участие в создании КПИ. Сохранив связи в НКТ, сторонники Нина выпускали газету «Ла Баталья», выступавшую за присоединение синдикалистов к Профинтерну. В 1923–1924 гг. они развернули на эту тему дискуссию в НКТ, но проиграли. Впоследствии А. Нин работал в Москве, поддержал Троцкого. Вернувшись в Испанию в 1930 г. Нин создал движение «Левые коммунисты Испании», до 1933 г. связанное с Троцким. Позднее, в сентябре 1935 г., движение Нина объединилось с другой антисталинской коммунистической организацией – Рабоче-крестьянским блоком Х. Маурина – в Объединенную рабочую марксистскую партию (ПОУМ). Эта партия во время революции приобрела некоторое влияние в Каталонии. КПИ вслед за Исполкомом Коминтерна (ИККИ) воспринимала ПОУМ в качестве троцкистов, но А. Нин и его товарищи порвали с Л. Троцким еще в 1933 г., и троцкисты были исключены из ПОУМ²⁷. Объединенную партию возглавил Маурин, но с началом гражданской войны он оказался в плену у франкистов, и ведущим лидером ПОУМ стал Нин.

Коммунистическая партия в Испании взрастала на каменистой почве. С одной стороны, трудно было привлечь радикальные массы, когда рядом действует массовое анархо-синдикалистское движение. С другой стороны, не получается оттянуть от анархистов и тех, кто устал от анархистской дезорганизованности. Во-первых, анархисты в Испании были весьма организованные. Во-вторых, рядом успешно развивается Испанская социалистическая рабочая партия. И ее вождей трудно обвинить в трусости: у них за спиной – кандальный звон 1917 года. Так что коммунисты пока влачили чуть заметное существование благодаря скудной советской помощи. Во время диктатуры Примо де Ривера влияние КПИ сошло на нет, к 1931 г. ее численность составляла около 800 человек²⁸.

Диктатура Примо де Ривера

Тем временем революционный подъем в Испании, как и во всей Европе, подходил к концу. 13 сентября 1923 г. военные во главе с генералом М. Примо де Ривера осуществили переворот. Кортесы и партии были распущены, даже прежние урезанные гражданские гарантии отменены. Диктатор стал опорой монархии. Развернулись репрессии против анархистов, коммунистов и активистов национальных движений в Каталонии, Басконии и Галисии.

Новый правитель Испании не был обычным реакционером. Примо де Ривера пытался осуществлять государственное регулирование экономики и принудительную монополизацию промышленности. Государственные средства вкладывались в развитие инфраструктуры – в строительство дорог, электрификацию. Правда, масштабы коррупции монархической бюрократии были таковы, что результаты такой модернизации оказались незначительными, а государственный долг вырос на 4322 млн песет (доллар стоил 5–6 песет).

В мае 1924 г. была создана единственная официальная партия Патриотический союз. Проводилась политика насильственной испанизации каталонцев и басков. Во многих отношениях Примо де Ривера предвосхитил диктатуру Франко, но без характерной для последнего жестокости.

Подобно многим лидерам межвоенной Европы, Примо искал ответы и на «рабочий вопрос».

²⁶ История Коммунистического интернационала. 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002. С.117.

²⁷ Trotsky L. The Spanish revolution. 1931–1939. NY., 1973. P.268.

²⁸ История Коммунистического интернационала. 1919–1943. Документальные очерки. С. 118–119.

Он выступил за сотрудничество с лидерами ВСТ. В октябре 1923 г. диктатор принял секретаря профсоюза горнорабочих Астурии Льянеса и договорился о создании смешанной комиссии из представителей рабочих и администрации для изыскания путей поднятия производства. Это решение соответствовало идее Ларго Кабальеро об участии рабочих в управлении производством и опыту смешанных комиссий, возникших в 1919 г. в Каталонии для смягчения острой социальной конфронтации. После этого «пробного шара» началось сближение диктатора и руководства ВСТ. ИСРП фактически раскололась по отношению к диктатуре. Для одних лидеров (Ф. Ларго Кабальеро²⁹ и др.) приоритетом были социальные программы, для других (Индалесио Прието³⁰ и др.) – сохранение представительных органов власти, «либеральной демократии». Это размежевание проявится и во время Гражданской войны.

В октябре 1924 г. Ф. Ларго Кабальеро с согласия национальных комитетов ИСРП и ВСТ вошел в Государственный совет – совещательный орган при диктаторе. Ларго считал, что «организация рабочего класса не должна противостоять диктатуре ради того, чтобы защищать политические партии, потерявшие весь свой престиж»³¹. В период правления Примо де Ривера легально выходила газета ИСРП «Эль Социалиста», сохранилась сеть Народных домов, принадлежавших ВСТ и ИСРП. ВСТ организовал в стране сеть бирж труда и арбитражных комитетов, которые могли решать часть трудовых конфликтов без обычного для Испании того времени насилия. Эксперимент принес плоды – влияние профсоюзов в 20-е гг. выросло, положение рабочих было стабильным вплоть до Великой депрессии. Сотрудничество с профсоюзным руководством помогало смягчать и разрешать часть конфликтов, но забастовки по-прежнему подавлялись, а проводившие их организации ВСТ закрывались государственными структурами. Количество открытых трудовых конфликтов упало с 1060 в 1920 г. и 465 в 1923 г. до 165 в 1924 г. и 181 в 1925 г.³²

26 ноября 1926 г. был принят королевский декрет о создании смешанных комиссий в масштабах всей страны (диктатура вдохновлялась как идеями социалистов, так и фашистского режима Муссолини, который принял 3 апреля 1926 г. закон о корпорациях). В отличие от Италии, Примо не пошел на создание тоталитарной системы и не распустил классовый профсоюз ВСТ. Таким образом, испанские «корпорации» не управляли рабочей силой, как в Италии, а были структурой, предназначенной для достижения компромисса и государственного арбитража.

Опыт ВСТ воздействовал и на лидеров НКТ, деморализованных переворотом Примо и последовавшими за ними репрессиями³³. В 1930 г. анархо-синдикалисты вступили в переговоры о легализации НКТ³⁴. Вскоре после падения диктатуры и монархии борьба умеренных и радикалов приведет к расколу НКТ.

Репрессии диктатуры обострили конфликт между поколениями в КПИ. Генеральный секретарь Р. Гонсалес, который принадлежал к «старикам», был обвинен в недостаточно

²⁹ Политику Ларго Кабальеро на этом этапе поддержал верный ученик и «наследник» Иглесиаса Х. Бестейро, фактически ставший лидером партии после смерти своего наставника в 1925 г. Однако мотивы Ларго и Бестейро были разными. Бестейро, «наученный» арестом 1917 г., вообще стал сторонником крайней умеренности.

³⁰ И. Прието в начале века был редактором газеты «Либерал». Он полагал, что рабочий класс может стать мощной силой в борьбе за республику. Став одним из лидеров ИСРП в начале 20-х гг., Прието стремился к союзу либералов и социалистов. Он подчеркивал: «В действительности, я не человек доктрины. Я человек реальностей» (Gillespie R. Op. cit. P.33).

³¹ Largo Caballero F. Escritos de la República. Madrid, 1985. P.XXIV.

³² Гарсиа Х. Указ. соч. С.184.

³³ В сентябре 1923 г. барселонские лидеры заявили даже о роспуске НКТ, так как она не может действовать в подполье (Маурин Х. Анархо-синдикализм в Испании. М., 1925; Peirats J. La CNT en la revolución española. Toulouse, 1952–1953. V.1. P.18.). Однако на деле сеть конфедерации сохранилась, хотя ее численность сократилась в несколько раз.

³⁴ РГАСПИ. Ф.495. Оп.32. Д.221. Л.21.

решительном сопротивлении диктатуре и в 1925 г. сменил на «молодого» Х. Бульехоса. Впрочем, никакой возможности переломить ситуацию у коммунистов не было – ни у «центристов», ни у левых экстремистов. Партия была практически разгромлена диктатурой.

Активизировалось республиканское движение. Союз монархии и диктатуры толкнул в лагерь республиканцев часть либеральных монархистов, в том числе видного литератора Мануэля Асанью Диаса. В 1925 г. они с Хосе Хиралем создали партию «Республиканское действие».

Диктатура справлялась и с протестами либералов, и с волнениями студентов, и с небольшими военными заговорами, и с вооруженными вылазками каталонских националистов. Большим успехом диктатуры стало совместное с Францией подавление в 1926 г. восстания рифов в Марокко (поражение Испании в Марокко в 1922 г. стало одной из причин установления диктатуры).

Устойчивость режима сохранялась до 1929 г. Начавшаяся Великая депрессия показала, что относительное процветание времен Примо – мыльный пузырь. Государство оказалось на грани банкротства. От Примо отвернулись даже правые политики. 26 января 1930 г. диктатор запросил капитан-генералов (военных губернаторов) и командующих о том, считают ли они необходимым сохранять дальше диктатуру. Ответ был отрицательным. В этой обстановке диктатор 28 января 1930 г. подал в отставку, а король с удовольствием ее принял. Он хотел править сам. Но почва уходила из под ног монархии. Консервативные военные не простили королю отставки Примо, а либералы и социалисты, заключившие «Сан-Себастьянский пакт» между собой, развернули республиканскую агитацию. В декабре 1930 г. была предпринята плохо подготовленная попытка республиканского переворота, которая была быстро подавлена. Но монархия не решилась на суровые репрессии против республиканцев, опасаясь, что это вызовет взрыв возмущения.

Глава II Революция под спудом (1931–1936)

В маленькой андалузской деревне я присутствовал при жарком споре учителя с мэром: учитель был за Третий Интернационал, мэр – за Второй. Вдруг в спор вмешался батрак: «Я за Первый Интернационал – за товарища Мигеля Бакунина...»

Илья Эренбург

12 апреля 1931 г. на муниципальных выборах монархисты одержали ожидаемую победу, заняв 22150 мест. Республиканцы получили только 5875. Но зато свои победы они одержали в крупнейших городах. Их сторонники с ликованием высыпали на улицы и стали требовать республику. Командующий гражданской гвардией генерал Хосе Санхурхо сообщил королю, что не сможет разогнать возбужденные толпы. Король Альфонс XIII с печалью констатировал: «Я потерял любовь моего народа» – и отправился в эмиграцию.

Консервативный автор Л. Пио Моа пишет, что «если республика и была установлена мирным путем, то не благодаря республиканцам, которые пытались установить ее в результате военного переворота или выступления, а благодаря монархистам, которые позволили республиканцам и социалистам участвовать в выборах всего лишь четыре месяца спустя после неудавшегося выступления. И, несмотря на то, что эти выборы были муниципальными, а не парламентскими, а республиканцы их проиграли, реакция поспешила передать власть, отказываясь от насилия»³⁵. Здесь Л. Пио Моа «забывает» (как «забывают» об этом нередко, когда речь заходит о начале Российской революции в марте 1917 г.), что монарх отдал власть не по доброте душевной, а оценив неблагоприятное соотношение сил в ходе начавшихся в столице и других городах массовых революционных выступлений.

Так выяснилось, что и в Испании судьба страны решается в крупнейших городах. Лишь через несколько лет стало ясно, что вслед за городской революцией может прийти общенациональная, и тогда провинция скажет центрам страны все, что она о них думает. С провинцией не советовались. Это, конечно, не значит, что республика была провозглашена

³⁵ Pío Moa L. Los mitos de la Guerra Civil. Madrid, 2003. P.186.

«практически против воли большинства испанцев»³⁶, как полагают некоторые исследователи. Ведь никакого массового движения в защиту монархии не возникло, и в дальнейшем большинство испанцев, имевших право голоса, поддержали новые «правила игры». Испания не была настроена против республики, но республика еще не сделала ничего, чтобы массы испанцев были «за». И когда у низов будут возникать претензии к республике, наиболее активная их часть двинется не к монархическим, а к анархическим идеалам.

14 апреля лидеры основных партий страны создали Временное правительство и провозгласили республику. Население городов ликовало, крестьяне в некоторых местностях захватили у грандов часть арендованной земли, но остальные ждали указаний. Так началась революция, которая продолжится до 1939 г. Но до 1936 г. революция будет удерживаться в либеральных рамках, лишь изредка вспыхивая более радикальными социальными выступлениями.

Республиканские реформы и перегруппировка политических сил

Начавшаяся демократическая революция не изменила социальную структуру общества, но породила надежды низов на улучшение их жизни. В стране продолжало править неподконтрольное народу чиновничество. Самостоятельную силу представляла офицерская каста, обладавшая унаследованными от монархии привилегиями. «Республика мало что изменила: голодные продолжали голодать, богачи глупо, по-провинциальному роскошествовали»³⁷, – рассказывает посетивший Испанию советский писатель и журналист И. Эренбург.

28 июня 1931 г. прошли выборы в Учредительное собрание. В них приняли участие 65 % граждан, а 35 % не пошли голосовать. Но не пришли не только сторонники монархии, отрицавшие республику «справа», но и те, кто отрицал ее «слева». Республиканские партии получили 83 % мест, что подтвердило – большинство испанцев приняло республику если не как свой идеал, то как новую реальность. Самую большую фракцию (116 мест из 470) составили социалисты.

9 декабря 1931 г. была принята республиканская конституция, вводившая ответственность правительства перед парламентом, основные гражданские свободы. Конституция провозгласила Испанию «демократической республикой трудящихся всех классов, построенной на началах свободы и справедливости» (Ст. 1) и отделила Церковь от государства (Ст. 26). Ст. 44 конституции предусматривала возможность отчуждения собственности (за вознаграждение) и ее обобществление.

К власти пришло либерально-социалистическое правительство Мигеля Асаньи. Президентом стал Нисето Алкала Самора.

В своей агитации монархисты и фашисты изображали лидеров Республики в виде якобинцев и чуть ли не коммунистов. Сегодня этот миф получил второе дыхание, не перестав, впрочем, быть мифом³⁸. Между тем, Алкала Самора, противник отделения Церкви от государства, сам

³⁶ Пожарская С. П. Исторические корни Гражданской войны в Испании (1936–1939): взгляд из XXI. // Испанский альманах. Вып.1. С.20.

³⁷ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.296.

³⁸ Так, Л. Пио Моа пишет о «якобинизации режима» в 1931–1933 гг. и пытается вывести из этого истоки гражданской войны. Если бы тут была действительная логическая связь, то к войне привел бы уже мятеж Санхурхо 1932 г. За неимением аргументов из области социальной политики Асаньи (весьма умеренной в этот период), Л. Пио Моа находит «якобинство» в демократических положениях конституции республики и символическом открытии кортесов в день взятия Бастилии. (См. Pío Moa L. Op. cit. P.30, 190). Отечественный автор В. Л. Телицын уже совсем отрывается от почвы исторической реальности и следующим образом представляет президента Н. Алкала Самору и премьера М. Асанью: «И тот и другой были известны своими радикальными взглядами на „оптимальное“ устройство общества, выступая сторонниками всеобщей национализации средств производства и государственного развития сельского хозяйства» (Телицын В. Л. Пиренеи в огне. Гражданская война в Испании и советские добровольцы. М., 2003. С.11). В действительности ни Алкала Самора, ни Асанья ничем таким известны не были. Оба были либералами, а не социалистами, причем первый – совсем умеренным, практически консерватором. Либералы не помышляли о «национализации крупной промышленности, банков, железных дорог» и прочих подвигах, которые, излишне доверяясь фашистской пропаганде, им приписывает В. Л. Телицын (Телицын В. Л. Указ. соч. С.11).

признавал, что его роль состояла в том, чтобы «обеспечить консервативный характер республики»³⁹. Он мог с удовлетворением констатировать, что министры-социалисты готовы ради укрепления нового строя «оставить свои социалистические принципы у порога». Когда министр-социалист Индалесио Прието предложил ввести прогрессивный налог на крупные доходы, Асанья сместил его с поста министра финансов, дав «безопасный» портфель министра общественных работ. Впрочем, здесь Прието развернул бурную деятельность. Только на общественные работы в Бильбао было выделено более 16 млн песет. Однако в этом не было ничего собственно якобинского.

Когда региональный парламент Каталонии принял радикальный аграрный закон, Мадридское правительство заблокировало его осуществление. Это лишь усилило каталонский автономизм.

2 августа 1931 г. по инициативе национальной партии «Эскерра републикана де Каталунья» (Каталонская республиканская левая)⁴⁰ и ее харизматичного лидера Франсиска Масиа на референдуме был утвержден статут Каталонии. Его параграф 1 гласил: «Каталония есть автономное государство внутри Испанской республики»⁴¹. Однако общеиспанские политики не собирались терпеть государство в государстве.

Под давлением Мадрида в сентябре 1932 г. Учредительные кортесы Каталонии приняли статут в более умеренной редакции. Каталония стала автономной областью, отказавшись от упоминания в статуте самостоятельной школы, суда, территориальной армии и социального законодательства⁴². Но сам факт федерализации вызвал недовольство в остальной Испании. Уж не начался ли процесс распада страны? В результате баски не получили автономии, а у каталонцев ее фактически отобрали в 1933 г.

Важной задачей республики премьер-министр Асанья считал «упразднение католического мышления»⁴³, и он мог бы еще долго воевать с мельницами на этом направлении, если бы под республиканской конструкцией не разверзлась социальная пропасть. Мышление меняется десятилетиями, а социальные кризисы решают судьбы страны за несколько лет.

Лидеры либералов на протяжении всей Испанской трагедии умудрились не замечать, насколько глубоко изменилась социальная почва страны, продолжали видеть главное противоречие современности в конфликте между католиками-монархистами и «рационально мыслящими» либералами, не учитывая роста сил, растущих за пределами имущественной элиты. Даже по окончании Гражданской войны М. Асанья видел ее причины во «внутренних разногласиях среднего класса и вообще испанской буржуазии, глубоко разделенной по религиозным и социальным основаниям»⁴⁴. Что же, рабочий класс и крестьянство еще не раз удивят будущего президента-либерала, но он так и не поймет, с какой стороны искать пружины событий, сотрясавших республику.

Либеральное сознание фиксировалось на историческом противоречии «либеральное меньшинство – консервативный народ»⁴⁵. Соответственно, «неправильное поведение» народа воспринималось как бунт против модернизации. Такой взгляд еще имел какие-то основания до революции 1868–1874 гг. С выходом на испанскую арену социализма выяснилось, что социальные

³⁹ Cit.: Alvarez del Vayo J. Freedom's Battle. NY., 1940. P.267.

⁴⁰ В марте 1931 г., накануне выборов, «Эскерра» объединила ведущие политические силы, выступающие за создание автономной или независимой республики в Каталонии и федеративной республики в Испании.

⁴¹ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.58.

⁴² Там же.

⁴³ Пожарская С. П. Исторические корни Гражданской войны в Испании... С.24.

⁴⁴ Цит. по: Пожарская С. П. Исторические корни Гражданской войны в Испании... С.15.

⁴⁵ См. Там же. С.18.

низы готовы поддержать перемены. Но их модернизация – это не либеральная модернизация. Раскол в среде элиты стал второстепенным фактором по сравнению с глубоким расколом общества в целом по поводу будущего Испании.

Социальный раскол никогда не проходит строго между классами. В Испании (как и в любой другой стране, оказавшейся в подобной ситуации), были и рабочие-монархисты, и богачи, увлеченные коммунизмом. Но мотором перемен после их начала быстро стал социальный кризис, а не стремление либеральной элиты освободиться от монархических и клерикальных пут. И Церковь вскоре оказалась под ударом низов не из-за стремления народа к атеизму, а из-за того, что накрепко связала себя с несправедливыми порядками. Она активно вмешивалась в политику и после падения монархии. И. Эренбург писал тогда: «Католические газеты расписывали „чудеса“: богородица появлялась почти также часто, как гвардейцы, и неизменно осуждала республику»⁴⁶. Церкви не за что было любить Республику, а Республике – Церковь: в январе 1932 г. был запрещен Орден иезуитов, а в марте 1933 г. – принят закон о конфискации церковных земель и другого хозяйственного имущества. Правда, в это время его не успели ввести в действие.

Л. Пио Моа возмущается: «Республиканцы не проявили и капли щедрости в отношении тех, кто предоставил им власть. Они поставили монарха вне закона, конфисковали его имущество... Гораздо хуже было масштабное сожжение религиозных и культурных зданий, до которого консерваторы проявляли меньшую враждебность по отношению к режиму»⁴⁷. Но церкви-то поджигали не комиссары либерального режима, а возненавидевшие старый режим массы. Они видели в церквях штабы реакции (причем не без оснований), и решали проблему не тонкими рассуждениями, а доступными грубыми методами. Либеральный режим сдерживал поджоги, и до начала Гражданской войны это явление не стало массовым. Так что если кто-то и проявил черную неблагодарность, то это консерваторы по отношению к либеральному правительству, которое как могло сдерживало нарастающий социальный протест против старых институтов, включая даже помещичье землевладение.

«Специалистами» по врачеванию социальных язв считались социалисты. В июне 1931 г. Ларго Кабальеро добился прекращения стачки астурийских шахтеров, им была повышена зарплата. С согласия чрезвычайного съезда ИСРП в июле 1931 г. Ларго Кабальеро стал министром труда. По его инициативе были введены минимум оплаты труда, ниже которого зарплата не должна была опускаться, арбитражные суды, 8-часовой рабочий день, обязательная оплата сверхурочной работы, страхование от несчастных случаев и пособие по беременности. Это вызвало недовольство собственников, которые жаловались на государственное вмешательство в их отношения с работниками.

В период пребывания у власти ИСРП руководство ВСТ, ссылаясь на предусмотренную новым законом систему переговоров между работниками и предпринимателями, отрицательно относилось к стачкам, которые то и дело перерастали в насилие: «Забастовка в настоящий момент не разрешит ни одну из проблем, которые могут нас интересовать, а лишь все запутает»⁴⁸, – говорилось в манифесте исполкома ВСТ в январе 1932 г.

Войдя в правительство – впервые за свою историю – испанские социалисты пребывали в эйфории. Идеолог левого крыла ИСРП Л. Аракистайн писал: «Испания идет к государственному социализму, опираясь на профсоюзы социалистической тенденции, используя демократическую форму правительства, без насилия, которое компрометирует внутри страны и вне ее наше дело»⁴⁹.

Вот-вот капиталистическая эксплуатация исчезнет, и государство станет разумно управлять производством и распределением. Как эта картина была далека от реальности, в которой капитал руководил промышленностью как мог, вызывая отчаянное сопротивление рабочих, а деревня оставалась во власти помещиков и нищеты.

⁴⁶ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.295.

⁴⁷ Pió Moa L. Op. cit. P.187.

⁴⁸ Цит. по: Пожарская С. П. Социалистическая рабочая партия Испании. М., 1966. С.55.

⁴⁹ Там же. С.58.

Не все социалисты разделяли оптимистический взгляд на Республику. Комитет ИСРП Малаги обличал «испанский капитализм, архаический и порочный», который действует против Республики. В результате «остаются без обработки поля, закрываются фабрики»⁵⁰. Мадридская организация ИСРП выступила за выход партии из правительства, действия которого направлены против рабочих.

Вскоре эйфория прошла и у вождей ИСРП. На XIII съезде партии в октябре 1932 г. Ларго Кабальеро признавал, что очень трудно добиться выполнения социального законодательства «при капиталистическом режиме, поскольку касикам, хозяевам, представителям власти и т. д. удастся препятствовать этому»⁵¹. На этом съезде даже Х. де Асуа, бывший руководитель конституционной комиссии Учредительных кортесов, выступил за выход из правительства, поскольку союз с либералами компрометирует ИСРП и придает силы конкурентам партии слева. Но Прието возражал: если уйти из правительства, оно станет откровенно правым и разрушит даже те реформы, которые удалось провести. Они оба были правы.

* * *

Начавшаяся накануне Великая депрессия нанесла удар по промышленности и экспортно-ориентированной части сельского хозяйства Испании. До кризиса в экономику страны был вложен миллиард долларов, прежде всего английских и французских. Добывающая и текстильная отрасли были ориентированы прежде всего на внешние рынки. Теперь инвестиции прекращались, рынки «закрывались». В 1929–1933 гг. промышленное производство упало на 15,6 %. При этом производство чугуна упало на 56 %, а стали – на 58 %. Уровень безработицы достиг полумиллиона человек, а с учетом частично занятых – втрое больше. Частичный отток населения в деревню обострял социальную ситуацию, и там толпы безработных батраков стояли на улицах провинциальных местечек и вглядывались в лица вербовщиков на работы со смешанными чувствами надежды и ненависти.

В первые месяцы революции крестьяне захватили небольшую часть арендуемой ими помещицкой земли. Правительство решительно остановило дальнейшие захваты и пыталось решить проблему нехватки земли, приняв 9 сентября 1932 г. закон об аграрной реформе. Он предусматривал выкуп государством помещичьих земель, находящихся в аренде свыше 12 лет и размером свыше 400 га (как правило необрабатываемых), и распределение их между крестьянами, а также переселение избыточной рабочей силы на государственные земли. Запрещалась субаренда полученной от государства земли. На селе вводилось трудовое законодательство. Однако, проведение реформы предполагало большую работу по учету земли, и она велась медленно. Затем нужно было согласовать многочисленные интересы, включая мнения помещиков, желающих продать государству неудобья, и крестьян, желающих получить участки, достаточные для сытой жизни. В итоге темпы реформы заметно отставали от задуманных десяти лет.

«По мере того, как шло время, всяческие ограничения росли, а масштаб проведения реформы уменьшался»⁵². Было переселено 190000 человек. Государству удалось выкупить немногим более 74 тыс. га в пользу 12260 семей (а нуждались сотни тысяч). Это лишь незначительно снизило остроту кризиса. По замечанию Д. П. Прицкера, «реформа превращалась в выгодную для помещиков сделку, позволявшую им за большую сумму продать необрабатываемую и не приносящую никакого дохода землю»⁵³.

⁵⁰ Там же. С.58. Правда, даже такие умеренные социалисты, как Х. Бестейро, не исключали, что социалистам придется пойти на восстание, если республика перестанет быть «нашей» (Там же. С.61).

⁵¹ Цит. по: Пожарская С. П. Социалистическая рабочая партия Испании. С.75.

⁵² Robledo R. Los economistas ante la reforma agraria de la Segunda República. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.2. Barcelona, 2008. P.274.

⁵³ Прицкер Д. П. Подвиг Испанской республики. М., 1962. С. 17.

Принято считать, что «гражданская власть в Испании была слабой не потому, что военная была сильной, напротив, власть военных была сильной, потому что гражданская власть была слабой»⁵⁴. Однако революция уже на либеральном ее этапе изменила эту ситуацию. Гражданская власть продемонстрировала свою силу в отношениях с военными. Был снят с должности командующий гражданской гвардией, монархист Х. Санхурхо. Правительство Асаньи принялось за модернизацию армии, начав с сокращения генеральских кадров (в Испании 1 генерал приходился на 538 солдат, и по этому показателю Испания была рекордсменом Европы).

Неудивительно, что либеральному режиму приходилось постоянно оглядываться на угрозу военного переворота. 10 августа 1932 г. генерал Санхурхо поднял мятеж в Севилье. Но он был плохо подготовлен, заговорщики не заручились поддержкой консервативных политических сил и были быстро разгромлены. Провал переворота привел к новому полевению Испании, деморализовал правый политический лагерь, что позволило наконец протолкнуть через кортесы аграрный закон.

Санхурхо оставалось обвинить в поражении своих осторожных коллег – прежде всего генерала Франсиско Франко, который предпочел пока выжидать. В тюрьме Санхурхо повторял стишок: «Франкито эс ун кикито, ке ба а ло суйито»⁵⁵ (Франкито – это такая тварь, которая идет только за собственной выгодой). Алкала Самора помиловал неудавшегося каудильо, и в 1934 г. Санхурхо был выслан из Испании. Он уехал не далеко – в Португалию, где стал ждать своего часа.

Поражение военной реакции в то же время привело к консолидации правого лагеря, который теперь попытался использовать против Республики ее собственные институты. Лидером правого лагеря стала возникшая в октябре 1932 г. консервативная Испанская конфедерация автономных правых (СЭДА), в которую вошли ведущие правые партии и движения в спектре от консерватизма до авторитарного национализма. Ее лидер Хосе Хиль Роблес утверждал: «СЭДА родилась, чтобы защитить религию, собственность и семью»⁵⁶. На момент создания СЭДА насчитывала 619 тыс. членов – представителей самых разных социальных слоев, прежде всего – деревенских. Вопреки более раннему и более позднему авторитаризму испанских правых, на этот раз они подчеркивали право на автономию течений и групп. Разбитая консервативная армия стремилась к собиранию сил, и ее вожди были готовы терпеть плюрализм в своих рядах.

По мнению Л. Пио Моа, «СЭДА, не будучи ни республиканской, ни демократической партией, обладала качеством, которое позволило бы осуществить гражданское сосуществование: умеренностью»⁵⁷. Эта умеренность сохранялась, пока консерваторы сидели в обороне, но она стала улетучиваться, как только СЭДА получила шанс на получение власти.

Впрочем, из-за разношерстности и рыхлости СЭДА сторонникам правой диктатуры нужна была новая идеология, способная дать им более широкую социальную опору. Борьба идей и конкуренция течений приводили к противоречивым заимствованиям. Ощущая силу синдикалистских идей, правые пытались взять их на вооружение, создав более прочную социально-политическую конструкцию, чем обычные каудилистские режимы. Незадолго до падения монархии Рамиро Ледесма Рамос стал издавать газету «Завоевание государства», в которой он и Онесимо Редондо (издававший также еженедельник «Свобода») пропагандировали идеи фашизма, но с испанской спецификой. Они считали, что можно заимствовать популярные в Испании синдикалистские идеи для укрепления государственности и социальной стабильности

⁵⁴ Пожарская С. П. Исторические корни Гражданской войны в Испании... С.26.

⁵⁵ Престон П. Франко. М., 1999. С.79.

⁵⁶ Цит. по: Пожарская С. П. Социалистическая рабочая партия Испании. С.84. Здесь и далее мы не будем останавливаться на подробном разборе идеологии и структуры СЭДА и других правых организаций. Это исследование посвящено Испанской революции, и откровенно контрреволюционные силы, равно как и лагерь франкистов, в этой книге рассматриваются скорее как фон, достойный отдельного исследования.

⁵⁷ Pío Moa L. Op. cit. P.187.

(подобно тому, как Муссолини использовал профсоюзные структуры для создания корпоративного государства). Только, в отличие от анархистов, испанские фашисты считали, что синдикаты должны быть не демократическими самоуправляемыми профсоюзами, а структурами управления рабочим классом. Но «в его интересах». Рабочие, сплоченные в такие синдикаты, и их вооруженные отряды, должны нанести удар по буржуазному либеральному государству, которое не может решить социальных проблем, стоящих перед страной. Эти проблемы решит тоталитарная диктатура, как она это уже делает (по мнению Ледесмы и Редондо) в Италии. 10 октября 1931 г. ими была создана организация «Хунты национально-синдикалистского наступления» (ХОНС), ставшая одним из костяков правого радикализма и испанского фашизма. В 1933 г. Редондо создал первый национал-синдикалистский профсоюз. Но лидеры ХОНС не имели заметного влияния ни в рабочей среде, ни в правящей элите.

Зато широкие связи в элитарных салонах Мадрида имел сын бывшего диктатора Хосе Антонио Примо де Ривера. Он был хорошо известен как обаятельный, подающий надежды молодой человек ультраправых взглядов. Ему, как человеку молодому, и в то же время из хорошей семьи, дозволялось пропагандировать в элитарной среде откровенно фашистские взгляды, прежде всего «ценный опыт» Италии и Германии. 29 октября 1933 г. он создал свою организацию «Испанская фаланга». Провозгласив триаду «Империя – Нация – Единство», Хосе Антонио призвал к Крестовому походу и возрождению Империи, ради чего жизнь должна превратиться в военную службу. Участие населения в делах государства должно было осуществляться «через действия в рамках семьи, муниципалитета и профсоюза»⁵⁸. Профсоюзы должны были строиться по фашистскому образцу.

Но вождю фашистов явно не хватало массовки. В феврале 1934 г. он договорился с Ледесмой о создании объединенной организации со сложным названием «Испанская фаланга и ХОНС», которую возглавил Хосе Антонио. Через год он изгнал из организации «плебея» Ледесму. «Фаланга» стала одним из костяков правого радикализма наряду с частью офицерского корпуса.

* * *

В условиях кризиса неприязнь части рабочих и крестьян к государственной власти – все равно какой, парламентской или диктаторской – привела к быстрому росту анархо-синдикалистских настроений.

Однако еще в 20-е гг. в среде анархистов развернулась борьба между умеренными лидерами движения (Анхель Пестанья и Хуан Пейро), которые считали возможным некоторое взаимодействие между государством и анархо-синдикалистским движением, и радикалами (Диего Абад де Сантильян, Хуан Гарсиа Оливер, Буэнавентура Дуррути и др.), которые отстаивали традиционное неприятие любого «оппортунизма» и право анархистской организации на руководство синдикатами.

Характерно, что вожди радикальных анархистов, став старше, возглавят НКТ и ФАИ в период их сотрудничества с правительством Народного фронта в 1936–1939 гг. и проведения в стране широкомасштабных синдикалистских преобразований.

Х. Пейро уже в конце 20-х гг. пришел к выводу, что «государство есть лишь машина управления» и при определенных условиях может развиваться к «широкой производственной демократии» или в «экономико-хозяйственную демократию как вид государства»⁵⁹. Нужно думать не только о классовой конфронтации, но и о конструктивных задачах рабочего движения: «Мы, анархисты, должны в возможных рамках построить в капиталистическом мире наш собственный мир, но не на бумаге, с лирикой, в философской ночной работе, а в недрах практики, в которой мы сегодня и завтра будим доверие к нашему миру»⁶⁰. После революции анархия и

⁵⁸ См.: Рознатовская А. Г. Хосе Антонио Примо де Ривера: основные положения и истоки его идеологии. // Испанский альманах. № 2. С. 89–91.

⁵⁹ Santillan, Peiro. *Okonomie und Revolution*. Wien, 1986. S.39.

⁶⁰ *Op. cit.* S.46.

коммунизм не наступят сразу, «этап синдикализма не миновать. Он будет образовывать мост между современным режимом и либертарным коммунизмом»⁶¹. Для Пейро синдикализм – переходный этап на пути к анархии и коммунизму, которые для большинства испанских анархистов были неразрывными составляющими будущего анархо-коммунистического общества, либертарного, свободного коммунизма.

В качестве принципов организации профсоюза, а в дальнейшем и общества, Х. Пейро назвал формирование структуры снизу вверх, широкую автономию секций, действующих самостоятельно. Другой ячейкой общественного единства будет коммуна, где «не только сходятся отношения сельского хозяйства и индустрии, но и сплачиваются совместные интересы общества»⁶².

11-16 июня 1931 г. в Мадриде состоялся III конгресс НКТ, который восстановил организацию. Уже на этом съезде умеренным лидерам НКТ во главе с Х. Пейро пришлось отражать атаки радикалов.

Революция позволяла анархо-синдикалистам выйти из подполья, но они пока не собирались признавать республику своей. Дуррути был категоричен: «Республика нас не интересует. Если мы и поддержали ее, то только потому, что рассматривали как исходный пункт для процесса демократизации общества, но, конечно, при условии, что республика гарантирует принципы, в соответствии с которыми свобода и социальная справедливость не будут пустыми словами»⁶³. Но характерно, что этот радикальный анархист требует не перехода к анархическому коммунизму, а демократизации. Впрочем, его самого критиковал еще более радикальный Гарсиа Оливер за то, что Дуррути в это время «принял позицию Пестаньи»⁶⁴, то есть одного из лидеров умеренного крыла НКТ.

Конгресс НКТ провозгласил, что «мы продолжаем прямую войну против государства». Но когда речь заходила о планах конкретных действий, говорилось о забастовках и просвещении, но не о вооруженном насилии⁶⁵. Против терроризма выступало умеренное крыло анархо-синдикалистского движения во главе с А. Пестаньей. Он писал: «Огромная нагрузка, которая ложилась на плечи террористов и реальность результатов, которые произвел террор, заставляли меня сомневаться, оправдан ли счет. Сейчас я вижу, что нет»⁶⁶. Иллюзии по поводу возможности использования террора в качестве метода достижения нового общества рассеивались. Терроризм, рожденный ожесточением классовых схваток и малой эффективностью легальных методов борьбы в авторитарном обществе, теперь становился анахронизмом и только дискредитировал организацию.

Но радикальные анархисты, преобладавшие в ФАИ, стремились к действиям, способным спровоцировать революцию. А старшее поколение лидеров НКТ считало, что «революция не может полагаться на смелость более или менее храброго меньшинства, но, напротив, она пытается быть движением всего рабочего класса, движущегося к своему окончательному освобождению, которое одно определит характер и точный момент революции»⁶⁷. Эта мысль, изложенная в «Манифесте тридцати», подписанном в августе 1931 г. лидерами умеренных Х. Пейро, А. Пестанья, Х. Лопесом и др. (по числу 30 их стали называть «триентистами»), казалась лидерам

⁶¹ Op. cit. S.92.

⁶² Op. cit. S.38.

⁶³ Цит. по: Дамье В. Забытый интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т.2. М., 2007. С. 55–56.

⁶⁴ García Oliver J. El eco de los pasos. Paris, 1978. P.136.

⁶⁵ Пономарева Л. В. Рабочее движение в Испании в годы революции 1931–1934 гг. М., 1965. С.176.

⁶⁶ Pestaña. A. Lo que aprendi en la vida. Madrid. P.185.

⁶⁷ Peirats J. Op. cit. V.I. P. 55–57.

ФАИ слишком оппортунистичной. Х. Гарсиа Оливер писал: «Нас не слишком заботит, подготовлены мы или нет к тому, чтобы сделать революцию и ввести либертарный коммунизм»⁶⁸. Эта беззаботность аукнется в 1936 г.

«Триентисты» соглашались, что в стране сложилась революционная ситуация. Но это не значит, что уже есть предпосылки для создания анархического общества. Нужно готовить эти организационные предпосылки, укреплять самоорганизацию рабочих, а не заниматься путчи́змом. «Триентисты» упрекали своих противников в том, что те верят «в чудо революции, как если бы она была святым средством, а не тяжелым и болезненным делом, которое переживают люди со своим телом и духом... Мы революционеры, но мы не культивируем миф революции... Мы хотим революции, но которая с самого начала развивается прямо из народа, а не революция, которую хотят делать отдельные индивиды, как это предлагается. Если они это будут осуществлять, это преобразуется в диктатуру»⁶⁹. «Триентисты» предложили сразу после революции не надеяться на немедленное наступление анархии, а создать систему переходного периода – демократический синдикализм, обоснованный ранее Пейро.

Радикальный актив НКТ пока не воспринял эти прагматические идеи. ФАИ использовала это для того, чтобы поставить НКТ под свой идейный контроль, вытеснив прежних «оппортунистических» лидеров. Развернулась полемика между триентистской «Солидариад обрера» и «Эль Лучадор», защищавшим радикальную позицию ФАИ.

Бойцы «Носотрос» тоже выступили против «триентистов». Б. Дуррути писал: «Ясно видно, что Пестанья и Пейро пошли на моральные компромиссы, не дающие им действовать по-либертарному... Если мы, анархисты, не будем энергично обороняться, мы неизбежно деградируем до социал-демократии. Необходимо совершить революцию, чем раньше, тем лучше, поскольку республика не может дать народу ни экономических, ни политических гарантий»⁷⁰. Более того, раз в условиях кризиса модернизация будет проведена за счет рабочих, Дуррути считает необходимым остановить модернизацию. Нужно дестабилизировать существующую в Испании систему с помощью «революционной гимнастики масс», делать их все решительнее и опытнее в боевом деле. Дуррути разъяснял Гарсиа Оливеру смысл «революционной гимнастики»: «вожди идут впереди»⁷¹. Но Гарсиа Оливеру и некоторым членам «Носотрос» и ФАИ не нравилось, что Дуррути планирует акции этой гимнастики самостоятельно, как вождь, не считаясь с мнением товарищей. «Можем ли мы оказать тебе поддержку, когда ты постоянно ведешь себя так, словно работаешь сам за себя? Нам что, и дальше относиться к тебе с прохладцей из-за того, что ты, когда тебе удобно, плюешь на мнения группы?»⁷²

Горячая социальная атмосфера, углубляющийся экономический кризис, делавший жизнь рабочих все тяжелее – все это придавало силы анархистскому радикализму, для которого крушение старого порядка было синонимом создания нового счастливого общества. Как пишет анархо-синдикалистский историк А. Пас, «в конечном счете именно радикальная тенденция навязала анархо-синдикалистскому объединению свою революционную линию»⁷³. Однако слова «в конечном счете» тут явно лишние, поскольку радикалы 1931 года всего через несколько лет будут сами проводить как раз умеренную политику, предложенную «триентистами».

21 сентября 1931 г. Пейро был вынужден уйти с поста редактора газеты «Солидариад обрера», что стало важной победой радикальных анархистов. Глаза радикалам застилала романтика «чистых идей». Гарсиа Оливер писал: «Революционные акции всегда действенны. Но

⁶⁸ Paz A. Durruti: le Peuple an Armes. Paris, 1972. P.243.

⁶⁹ Peiro J. Perill a la reraguardia. Mataro. P. 77–80.

⁷⁰ Цит. по: Дамье В. В. Указ. Соч. С.70.

⁷¹ García Oliver J. Op.cit. P.136.

⁷² Ibid.

⁷³ Paz A. Op. cit. P.223.

диктатура пролетариата, как она понимается коммунистами и синдикалистами, которые подписали манифест, ничего не меняет. Здесь будет много попыток установить насилие как практическую правительственную форму. Эта диктатура вынужденно образует классы и привилегии»⁷⁴. Оливер считал, что переходное общество синдикалистов – это диктатура, как у большевиков, что она вырождается в общество, против которого нужно будет совершить новую революцию.

Пейро доказывал, что предлагаемое им переходное синдикалистское общество не приведет к диктатуре: «Возможна лишь одна диктатура, при которой, как в России, меньшинство рабочих принуждает большинство... Синдикализм – это господство большинства»⁷⁵.

Российские анархисты сумели донести до западных товарищей критическое представление об опыте Российской революции. Но один вопрос, который станет критическим для анархистов с самого начала гражданской войны, остался незамеченным – что делать, если в начале революции «большинство» не захочет создавать ни анархического, ни синдикалистского общества?

А. Пестанья не хотел бросать НКТ на неподготовленную всеобщую забастовку. Когда Национальный комитет НКТ под давлением радикалов принял решение провести 29 мая 1932 г. всеобщую забастовку, «триентисты» во главе с А. Пестаньей ушли с постов. Забастовка, как и следовало ожидать, закончилась неудачей. Умеренные продолжали протестовать против вспышкостельства новых лидеров НКТ. 5 марта 1933 г. на каталонской региональной конференции «триентисты» вышли из НКТ. Связанные с «триентистами» профсоюзы выступили против «диктатуры ФАИ» (в действительности мифической – речь могла идти лишь о влиянии идей ФАИ) и образовали независимый от НКТ Национальный комитет связи. Позднее А. Пестанья организует небольшую Синдикалистскую партию, которая будет участвовать в правительстве Народного фронта.

Одновременно с конфликтом умеренных и радикалов НКТ развернула борьбу против коммунистов-большевиков в своих рядах. 17 мая 1931 г. проникшие в НКТ коммунисты создали «Национальный комитет НКТ», надеясь, что в условиях неразберихи, связанной с легализацией и притоком новых членов есть шанс перехватить инициативу у анархо-синдикалистов. Но старый костяк организации оказался сильнее. В апреле 1932 г. из НКТ была исключена федерация Героны и Лериды, оказавшаяся под контролем коммунистов-антисталинцев⁷⁶.

Руководство КПИ в новых условиях все никак не могло выйти из привычной изоляции. Коммунисты не жалели эпитетов, чтобы охарактеризовать ничтожество своих противников. Социалисты – «народ конченный», анархисты – «слишком правые», либералы – тайные монархисты⁷⁷. После таких докладов в Коминтерне ждали мощного роста компартии.

Но воз не двигался с места, коммунисты оставались изолированной сектой. Попытались было «отщипнуть» часть актива у НКТ, но неудачно. Часть коммунистов тяготела к союзу с троцкистами. 17 марта 1932 г. в Севилье открылся IV съезд КПИ. В ЦК были избраны как прежние лидеры (Х. Бульехос, М. Адаме, А. Трилья), так и новая «молодежь» (уже более молодые лидеры, чем прежние «молодые» 1920 года) – Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Педро Чека, Висенте Урибе, Антонио Михе. На плечи этой генерации ляжет управление партией в условиях революции. Они были более открыты к диалогу с социалистами и анархистами, и в то же время – куда более деловыми людьми, чем старое руководство. Новая генерация не собиралась слушаться Бульехоса и его друзей, и старые лидеры подали в отставку. Чтобы они не путались под ногами новых руководителей, 29 октября Бульехос и его товарищи были исключены из партии по решению Коминтерна. Обвинение отражало конфликт между двумя поколениями – Бульехос был обвинен в том, что «мешал выдвигению молодых кадров».

Новые менеджеры стали выводить из изоляции проблемную партию. Х. Диас,

⁷⁴ Цит. По: Peiro J. Op.cit. P.97.

⁷⁵ Op. cit. P.93.

⁷⁶ Gomes Casas J. Anarchist organization. The history of the FAI. Montreal-Buffalo, 1986. P.132.

⁷⁷ История Коммунистического интернационала. Документальные очерки. С.119.

выдвинувшийся в качестве рабочего лидера в НКТ и вступивший в КПИ только в 1926 г., оказался в этом отношении настоящей находкой – динамичный, обаятельный, договороспособный, организованный лидер, опиравшийся на энергичную команду. Коммунисты сделали ставку на развитие своего профсоюза УВКТ, который сумел наберечь в свои ряды несколько десятков тысяч рабочих, недовольных оппортунизмом ВСТ и в то же время – излишним радикализмом НКТ.

Но, хотя численность КПИ и прокоммунистического профсоюза стала расти, они все еще заметно уступали и по численности, и по влиянию ИСРП и НКТ.

* * *

Коммунисты и оба анархо-синдикалистских течения приняли активное участие в стачечном движении. Находившийся в бедственном положении пролетариат снова стал «требовать свое». Однако только в 1933 г. стачечная волна превысила уровень 1920 г. Если в 1929 г. произошло 100 стачек, а в 1930 г. – 527, то в 1931 г. – 710, 1932 г. – 830, в 1933 г. – 1499⁷⁸. Очень быстро трудовые конфликты вошли в привычное кровопролитное русло. Если профсоюзы не соглашались на предложенные им условия, власти бросали на забастовщиков гражданскую гвардию, то есть внутренние войска.

Поскольку профсоюзы ВСТ пользовались государственным арбитражем, чтобы хотя бы отчасти решить проблемы своих членов, часть рабочих, недовольных результатом таких компромиссов, сориентировались на НКТ. Анархо-синдикалисты проводили стачки так, будто никакого социального законодательства не существует, а гвардия только ждала повода, чтобы применить насилие против рабочих.

1 мая произошли столкновения в Барселоне, когда полиция попыталась остановить первомайскую демонстрацию, в которой шли вооруженные анархисты.

В июле 1931 г. гвардейцы открыли огонь по стачечникам в Сан-Себастьяне. Пулеметы как средство борьбы со стачкой, убитые и раненые – все это привело к расширению движения и превращению локальной стачки строителей в общегородскую забастовку. Вскоре подобные события произошли и в Севилье. Гвардия применила артиллерию, погибло более 30 рабочих. Более того, арестованных рабочих расстреливали без суда⁷⁹. В разгар этих событий 21 июля был введен в действие декрет о запрете политических стачек. Либерализм повернулся к обездоленному люду авторитарным лицом.

НКТ не стала подчиняться и в августе провела в Каталонии всеобщую стачку солидарности с арестованными рабочими. После того как НКТ завершила стачку, радикальная часть рабочих, вдохновляемая ФАИ, продолжала бастовать до 4 сентября. Стачка не была мирной. Рабочие взрывали телефонные столбы, гражданская гвардия штурмом взяла штаб союза строителей.

В 1931–1933 гг. анархисты инициировали ряд сельских стачек, которые переросли в вооруженные столкновения. В декабре 1931 г., под Новый год, гражданская гвардия напала на организованный анархистами митинг батраков и безработных в эстремадурском местечке Кастильбланко. Разъяренная толпа бросилась в контратаку и буквально растерзала четырех гвардейцев. В январе 1932 г. уже социалисты вывели рабочих на улицы в городке Арнеде – в знак протеста против увольнения рабочих за членство в профсоюзе. Гражданская гвардия открыла огонь по митингующим, убив несколько демонстрантов.

17 января 1932 г. в Бильбао монархисты собрались на митинг, и когда из толпы молодой человек крикнул «Да здравствует Республика!», монархист открыл огонь из пистолета и убил троих юношей. Вскоре город был заполнен возмущенными республиканцами, преимущественно рабочими-социалистами. Монархисты ушли в подполье, опасаясь расправы, но демократы оказались гуманнее традиционалистов.

Оружие применяли представители разных политических течений. Сама социальная ситуация и культурная среда Испании дышали предчувствием гражданской войны. Но, пожалуй, именно

⁷⁸ РГАСПИ. Ф.495. Оп. 32. Д.221. Л.5.

⁷⁹ Коминтерн и гражданская война в Испании. М., 2001. С.41.

анархисты в наибольшей степени были готовы менять эту жизнь прямо сейчас. В Сальенте население под влиянием анархистов провозгласило себя свободной общиной и несколько дней отбивалось от гражданской гвардии.

18 января 1932 г. анархисты, перехватив инициативу у коммунистов (те планировали общенациональную стачку чуть позднее), подняли на забастовку рабочих нескольких шахтерских городков в Пиренеях (Ман-Гессан, Фигольс, Берга и др.). Рабочие установили власть профсоюза, объявили об отмене государства, частной собственности и денег, ввели распределение продуктов по талонам и продолжили работать. Рабочие избрали одним из своих лидеров Гарсиа Оливера и призвали анархистов на помощь. Отряд Дуррути и братьев Аскасо принял участие в пятидневных боях. Анархисты швыряли бомбы в полицию и войска. Рабочие Барселоны, которые уже провели крупную стачку в сентябре, поддержали повстанцев своей забастовкой, но это не помогло. Войска рассеяли повстанцев. Было арестовано несколько сот рабочих активистов, из которых 120, в том числе Дуррути и Аскасо, были отправлены в ссылку в колонии.

Тогда анархисты и коммунисты 15 февраля объявили забастовку протеста против высылки повстанцев. Стачка охватила города по всей Испании, хотя не стала всеобщей. Анархисты нападали на силы охраны порядка и штрейкбрехеров. Хотя движение не добилось немедленного успеха, ссыльным через несколько месяцев разрешили вернуться.

В мае 1932 г. стала нарастать новая волна социального протеста. Стачки против условий, согласованных смешанными комиссиями, охватили Андалусию и Эстремадуру. Рабочие НКТ из принципа отказывались использовать государственное посредничество. Но, впрочем, они не были чужды «соглашательства» – просто предпочитали достигать соглашений с предпринимателями напрямую, без помощи государства⁸⁰. Одновременно крестьяне в нескольких деревнях провозгласили коммунизм и захватили помещичьи земли.

В обстановке революционного возбуждения радикалы получили преобладание в Национальном комитете НКТ, и он провозгласил всеобщую стачку 29 мая 1932 г. «Триентисты», как уже говорилось, не желали участвовать в аванюре и ушли в отставку. Новое руководство во главе с временным генсеком М. Ривасом приступило к созданию вооруженных групп в профсоюзах. «Триентисты» оказались правы: забастовка вылилась в серию столкновений, в которых силы охраны порядка разогнали манифестации стачечников, и те не смогли оказать им существенного сопротивления.

Впрочем, осенью волна стачек повторилась. Снова в городах (Барселона, Севилья, Гранада, Алькой и др.) происходили столкновения стачечников и гражданской гвардии, а в деревнях (Уэрена, Ла-Песа, Льерена, Навальморале и др.) восставшие крестьяне провозглашали коммунизм и раздавали населению захваченное в магазинах продовольствие. В городах на магазины нападали толпы безработных. Выступления вели за собой аресты, а аресты – стачки солидарности.

Тогда радикальные лидеры НКТ, стремившиеся к «настоящему делу», решили, что снова настало время нанести Системе решительный удар. Был создан революционный комитет во главе с Б. Дуррути, который стал готовить восстание, опираясь на созданные при синдикатах НКТ вооруженные «комитеты защиты». «Революция» должна была начаться с забастовки железнодорожников. Но вот беда – сами путейцы бастовать не очень хотели. Волна стачек в Испании уже шла на спад.

Пока шли дискуссии, полиция напала на след заговорщиков и обнаружила склады с оружием. Тогда «комитеты защиты» стали требовать сигнала к восстанию, пока все не пропало. Железнодорожников удалось уломать начать стачку 19 января 1933 г., но Каталонский «комитет защиты» заявил Ривасу, что поднимет восстание безо всякой стачки уже 8 января. Анархистские радикалы стали отрываться от рабочей массы, планы революции выродились в путч. Ривас, который возглавлял профсоюз и в то же время был радикальным анархистом, продемонстрировал эту двойственность: как представитель НКТ он был против восстания, а как «товарищ-анархист» – за⁸¹.

Это противоречие определит дальнейшее развитие анархо-синдикализма в Испании. Люди,

⁸⁰ Дамье В. В. Указ. соч. С.84.

⁸¹ Там же. С. 92–93.

отвечавшие за большую организацию, за НКТ, склонялись ко все большему реализму. Радикальные анархисты, для которых революционное действие было смыслом жизни, стремились свергать, не очень задумываясь о конструктивной стороне дела.

В итоге радикалы, пришедшие к лидерству в НКТ на волне борьбы с «соглашателями»-«триентистами», постепенно становились умереннее, но сама организация в результате «революционной гимнастики», проповедуемой Дурутти, лучше других в Испании подготовилась к повстанческой борьбе. Вопреки ожиданиям Дурутти и других радикалов, эта «гимнастика» пригодилась самой Республике в июле 1936 г. А после начала глубокой социальной революции в июле 1936 г. конструктивные задачи, вставшие перед анархо-синдикалистами, оказались столь сложны, что быстро научили бывших радикалов умеренности.

Как и следовало ожидать, январское восстание 1933 г., организованное группой «Носотрос» и ее сторонниками в «комитетах защиты», вылилось в пшик. 8 января анархисты взорвали бомбу в полицейской префектуре, 8–9 января произошли перестрелки в Барселоне и нескольких городах Каталонии, и все стихло. Излишне говорить, что стачка железнодорожников была сорвана. Зато когда в деревнях Леванта и Андалусии прослышали о восстании в Барселоне, решили, что «началось», и подняли восстания, впрочем, быстро подавленные. 10 января НКТ официально отмежевывалась от выступления: «...упомянутые события имели исключительно анархистское значение, и органы Конфедерации никоим образом не вмешивались в них. Но, хотя мы и не вмешивались, мы никоим образом не обвиняем тех, кто мужественно начал их, потому что мы – тоже анархисты»⁸². Мы – ни при чем, виноваты анархисты, но мы – не осуждаем, потому что тоже анархисты. Власти не оценили этой сложной диалектики. Правительство ответило на выступление волной арестов анархо-синдикалистов, которая привела к серьезным разрушениям в структуре НКТ. По итогам «разбора полетов», 30 января 1933 г. радикальный НК НКТ ушел в отставку. Однако, получив урок, радикалы все равно не признали правоту «триентистов», что предопределило окончательный раскол НКТ с ними в марте 1933 г.

Несмотря на общую неудачу январского выступления, оно все же косвенно нанесло удар по левым республиканцам. Одно из январских деревенских восстаний произошло в деревне Касас-Вьехас в Андалусии. Крестьяне захватили земли герцога Мединасели. Гражданские гвардейцы запросили поддержку, и им прислали штурмовую гвардию («асальто»). Это была новинка – специальные подразделения, созданные для защиты Республики. Правда, «штурмовиков» бросили не против реставрации, а против революционных движений. Выбыв анархистов из местечка, «асальто» провели «зачистку». Пожилой анархист Сейдесос не пустил их в свой дом, и началось новое сражение. Дом Сейдесоса и его дочери Либерталии обороняло несколько человек. Кончилось тем, что дом разбомбили с воздуха. Под шумок расстреляли пленных анархистов. Немотивированная жестокость «асальто» шокировала страну. «Правительство убийц» было атаковано в кортесах справа. Популярность либералов упала, что способствовало их поражению на муниципальных выборах в апреле 1933 г. После принятия в мае закона о религиозных конгрегациях, направленного против Церкви, президент-католик Алкала Самора указал премьер-министру Асанье, что тот уже не пользуется поддержкой президента. Несмотря на то, что правительство Асаньи в этот момент устояло, правые воспряли духом и фактически заблокировали работу парламента. Новые выборы стали неизбежными. 9 сентября 1933 г. после очередной неудачи во время формирования Трибунала конституционных гарантий Асанья ушел в отставку. 12 сентября по поручению президента правительство сформировал А. Леррус, который не включил в него социалистов. Такое правительство не имело поддержки в парламенте и получило вотум недоверия (временным премьер-министром стал однопартиец Лерруса М. Баррио). 9 октября Кортесы были распущены, началась предвыборная кампания.

На своих манифестациях анархо-синдикалисты призывали рабочих не голосовать, потому что все партии одинаковы, и есть только одна альтернатива – социальная революция или фашизм.

Под влиянием анархо-синдикалистской агитации за бойкот выборов («электоральная стачка») значительная часть левых избирателей просто не пришла на избирательные участки на выборах 19 ноября и 3 декабря 1933 г. Ухудшение социальной ситуации в 1932 г. также вело к падению авторитета либерально-социалистической коалиции. Правые получили 3345 тыс. голосов

⁸² Цит. по: Дамье В. В. Указ. соч. С.94.

(СЭДА – 98 мест), радикалы – 1351 тыс. (100 мест), социалисты – 1627 тыс. (60 мест), левые либералы – 1 млн (70 мест), коммунисты – 400 тыс. (но не победили ни в одном округе). Для того, чтобы опередить правых, левым не хватило 400 тыс. голосов (анархо-синдикалисты контролировали около полумиллиона)⁸³.

Правый курс и стратегии левых (1933–1934)

К власти пришел либерально-консервативный блок во главе с лидером Радикального союза А. Леррусом. Бывший радикальный либерал, теперь позиционировавший себя как центрист, практически перешел в консервативный сектор политического спектра.

Правительство правых фактически остановило аграрную реформу, отменило социальные выплаты и стало спонсировать Церковь.

Левые называли Лерруса «испанским Брюнингом» (имея в виду канцлера Германии, при котором возникли предпосылки для прихода к власти Гитлера), и анархисты считали, что теперь только восстание может остановить фашизм. К этому взгляду постепенно склонялись и социалисты, но анархисты стремились перехватить инициативу.

НКТ создала секретариат обороны во главе с А. Ортисом и Национальный революционный комитет в составе Б. Дуррути, С. Меры, И. Пуэнте и др. Новую всеобщую стачку назначили на декабрь. Незадолго до ее начала правительство развернуло массовые аресты анархистского актива. Но радикалы анархизма снова решились выступить в невыгодных условиях.

Через четыре дня после выборов Национальный ревком прибыл в Сарагосу. Стали распространяться листовки с призывом к рабочим занять предприятия, сформировать рабочие комитеты и объединяться в Советы. 8 декабря началась всеобщая стачка анархо-синдикалистских профсоюзов, которая переросла в восстание в Сарагосе и нескольких городках и деревнях Арагона и Каталонии. Крестьяне нескольких деревень по традиции провозгласили коммунизм. Восстание в деревнях было подавлено с помощью авиации. Ревком в Сарагосе продержался четыре дня. Силы были очевидно не равны, большинство рабочих не поддержало анархо-синдикалистскую попытку, и 14 декабря НКТ призвала к прекращению стачки и восстания. Анархисты снова оказались в полуподполье. Уже в августе 1933 г. в тюрьме находилось 9 тысяч забастовщиков и повстанцев (что в Испании часто было тем же самым).

18 декабря в Испании было введено чрезвычайное положение. Правительство использовало его для ударов как по НКТ и КПИ, так и по социалистам – закрывались народные дома ВСТ и распускались некоторые социалистические муниципалитеты.

Оказавшись в оппозиции, ИСРП стала быстро радикализироваться. Левое крыло во главе с Ф. Ларго Кабальеро лидировало в ИСРП. Еще до поражения на выборах 1933 г., 23 июня этого года Ларго Кабальеро выступил с сенсационным докладом «Социалисты и республика», в котором говорил: «Мы знаем, что если наша партия и наши организации окажутся в такой ситуации, когда для того, чтобы воспрепятствовать установлению фашизма, надо будет установить диктатуру пролетариата, мы пойдем на это»⁸⁴. Доклад произвел в среде социалистов эффект разорвавшейся бомбы, Х. Бестейро категорически протестовал против возможности установления диктатуры пролетариата в Испании, повторяя основные аргументы идеологов II Интернационала. Ведь уровень развития Испании ниже даже, чем уровень развития России. Какое же строительство социализма, какая диктатура пролетариата! Бестейро считал «диктатуру пролетариата для Испании абсурдом и пустой детской иллюзией»⁸⁵ (как не вспомнить известную оценку Плехановым «Апрельских тезисов» Ленина). Но Ларго Кабальеро настаивал, и в августе высказался еще более определенно: «Если у меня и были колебания, то они рассеялись после

⁸³ По оценкам коммунистов в 1934 г. в НКТ состояло около 500 тыс. человек, в ВСТ – 700-1000 тыс., в прокоммунистическом УВКТ – 150–200 тыс. (РГАСПИ. Ф.495. Оп. 32. Д.221. Л.22).

⁸⁴ Цит. по: Пожарская С. П. Социалистическая рабочая партия Испании. С.94.

⁸⁵ Там же. С.95.

двадцати с лишним месяцев существования правительства Республики: теперь я убежден, что невозможно реализовать дело социализма внутри буржуазной демократии. Одно дело социальные реформы внутри буржуазной демократии и другое дело – социализм»⁸⁶. Так в чем же тогда различие между левыми социалистами и коммунистами? «Нас разделяет тактика, методы»⁸⁷. Как покажут события гражданской войны, в этих методах заключались и важные стратегические различия.

После поражения на выборах политический поворот Ларго Кабальеро был поддержан партией и ВСТ, который в январе 1934 г. взял курс на подготовку всеобщей забастовки. Ларго Кабальеро совместил посты председателя ВСТ, генерального секретаря ИСРП и председателя парламентской фракции партии. Радикально выглядели и выступления И. Прието, который после падения авторитета Х. Бестейро стал вторым по влиянию лидером ИСРП. Он выступал за восстание во имя спасения республики. Но, в отличие от Ларго Кабальеро, И. Прието выступал против социалистических преобразований в Испании, за возрождение союза с левыми республиканцами⁸⁸. Для него радикальные средства служили задачам крайне умеренных преобразований, по сути – столь же умеренной политики, как и та, за которую радел Бестейро⁸⁹. Уже в это время радикальные речи были для Прието маской, скрывающей лицо правого социалиста.

По мнению лидеров ИСРП (и Ларго, и Прието) началось движение к фашизму и монархии, и этому следовало противостоять даже вооруженным путем. В результате ИСРП стала сближаться с коммунистами, а также с националистами Каталонии, права которой на автономию ущемлялись правым правительством. Еще во время выборов произошел примечательный эпизод. Вступивший в КПИ доктор Каэтано Боливар был поддержан социалистами и демократами и прошел в кортесы. Хотя дело было больше в обаянии Боливара, чем в блокировании партий, это был первый прецедент союза левых сил. Коммунисты были настроены на сближение с социалистами, у которых еще со времен их пребывания у власти образовались запасы оружия. Оно было заготовлено для поддержки демократического восстания в Португалии. Но отстранение испанских социалистов от власти поставило крест на проекте «братской помощи» португальским демократам, а оружие было спрятано «на всякий случай». Коммунисты считали: «Если нам удастся установить взаимное доверие с социалистическими рабочими с самого начала повстанческого движения, то мы получим необходимое оружие и с его помощью найдем остальное»⁹⁰.

Коммунисты предложили социалистам и анархистам создать «единый фронт снизу» – общие непартийные организации. Этот метод использовался компартиями в других странах для сближения у социал-демократов наиболее радикальных рабочих. Социалисты в ответ промолчали, а анархо-синдикалисты осудили «наглое приставание с единым фронтом» коммунистов, которые «представляют собой не что иное, как демагогическую буржуазную разновидность, ... они стремятся к установлению диктатуры столь свирепой и столь подлой, как диктатура Гитлера... Единый фронт с коммунистами равносителен союзу со всей антипролетарской

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 102–103. И. Прието и его сторонники именовали себя «центристами», так как находились между левым крылом Ларго Кабальеро и правым Бестейро. Однако эта характеристика приетистов относительна. Если говорить о средствах борьбы за власть, Прието был бланкистом, радикалом. Если же речь идет о стратегии преобразований общества, то Прието был правым социалистом. Он характеризовал себя как «либеральный тип социалиста», и можно согласиться с Р. Гиллеспи, что он был «больше либералом, чем социалистом» (Gillespie R. Op. cit. P.39). После ослабления политического влияния Бестейро и начала Гражданской войны вопрос о захвате власти отошел на второй план, и с 1936 г. Прието может характеризоваться как лидер правого крыла ИСРП.

⁸⁹ Идеалом Бестейро был Ф. Рузвельт.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф.495. Оп.3. Д.337. Л.271.

реакцией»⁹¹.

Социалисты промолчали не зря – им понравилась идея. Они стали создавать «рабочие альянсы» (объединение социалистов и профактива ВСТ), приглашая в них рабочих других направлений.

Дело сближения левых сил шло туго. У сторон было немало оснований подозревать друг друга в стремлении перехватить чужой актив.

Коммунисты относились к анархо-синдикалистам как к противнику и стремились к их изоляции от рабочих масс. Именно такая задача ставилась политкомиссией секретариата ИККИ на заседании 15 февраля 1933 г. В то же время стратеги Коминтерна признавали, что изолировать рабочие массы от анархо-синдикалистов труднее, чем от социалистов, из-за «внешней революционности» анархизма. Рабочие анархисты – «честно заблуждающиеся революционеры», – говорилось в материалах к этому заседанию⁹².

29 декабря 1933 г. Ларго Кабальеро высказался за единый фронт, но не «снизу, как у коммунистов, а путем соглашения между партиями»⁹³. Анархо-синдикалистов «верхушечное соглашение» как раз не устраивало. 30 января 1934 г. один из лидеров НКТ О. Фернандес писал: «Единый фронт может быть осуществлен... Самое главное, чтобы этот единый фронт базировался на революционной платформе и чтобы при этом основой для согласия служило бы только одно условие: исключение всякого сотрудничества с буржуазным режимом»⁹⁴. Обсудив политику союзов на пленуме 10–12 февраля 1934 г., представители региональных организаций НКТ решили, что на определенных условиях можно вступить в союз с ВСТ, но не с партиями. Однако 28 марта в Астурии был создан «Рабочий альянс» как союз социалистов, коммунистов, ВСТ и НКТ региона. Этот союз возглавит восстание в Астурии в октябре 1934 г.

А пока астурийское начинание вызывало опасение лидеров НКТ. 4 июля 1934 г. А. Жиляберт в «Солидаридад обрера» заявил: «Неправда... что НКТ когда-либо вздумала участвовать в политике или согласиться на союз с коммунистами и социалистами»⁹⁵. Под «политикой» имелось в виду участие в выборах.

В августе 1934 г. некоторые коммунисты и умеренные анархисты стали вступать в созданные социалистами «рабочие альянсы». Коммунисты оправдывали присоединение к организации социалистов тем, что рабочие альянсы могут стать «эмбрионами советов»⁹⁶. Так был сделан первый шаг к созданию Народного фронта в Испании. Но потом дело застопорилось – лидеры социалистов, коммунистов, республиканцев, каталонских националистов и анархистов находились в состоянии идеологической войны между собой.

* * *

Раскол НКТ и неудачи стачек-восстаний в 1933 г. заставили анархо-синдикалистов заняться переосмыслением своего идейного багажа в сторону большей умеренности и практичности. Еще в 1931 г. такие будущие лидеры испанского анархо-синдикализма, как Диего Абад де Сантильян, придерживались взгляда, в соответствии с которым «анархизм – это идеал без границ. Он не может быть помещен в рамки программы»⁹⁷. По мнению Федерико Уралеса «Анархизм должен

⁹¹ Там же. Оп. 32. Д.221. Л.18.

⁹² Там же. Оп.20. Д.261. Л.17.

⁹³ Там же. Оп.32. Д.222. Л.2.

⁹⁴ Там же. Д.22. Л.20.

⁹⁵ Там же. Л.57.

⁹⁶ Там же. Оп.3. Д.337. Л.269.

⁹⁷ Gomes Casas J. Op. cit. P.157.

создаваться бесконечным множеством систем и индивидуумов, свободных от любых оков. Он должен быть экспериментальным полем для всех типов человеческих темпераментов»⁹⁸. Получается – нечего и думать об обществе после свержения государства и капитала – народ сам разберется. Но среди «разных темпераментов» могли оказаться и люди умеренных взглядов. А тут еще «триентисты» начали работать над проектом переходного общества от революции к анархии. В 1934 г. Д. Абад де Сантьян публикует в работе «Экономическая организация революции» конструктивную программу, которую предлагал испанскому анархо-синдикализму. Как анархист, автор признает право производств и регионов на широкую автономию. Ссылаясь на П. Кропоткина, он пишет: «Выгоды регионального хозяйства основываются на том, что человек в отдельных регионах лучше может понять проблему и вместе с тем он выступает за ее развитие с большим интересом и воодушевлением». Но Абад де Сантьян протестует против хозяйственного «провинциализма». Он считает: «Автономия не означает несолидарное отделение или независимость, поскольку все области Испании по необходимости зависимы друг от друга»⁹⁹. Согласно Абаду де Сантьяну, местная экономическая автономия – это анахронизм, а все теории о вольных, самообеспечивающихся коммунах – реакционные утопии.

В это время идеолог НКТ испытал влияние французского синдикализма¹⁰⁰. Это сказалось на его концепции. Необходимо «связать свободу отдельного с обязанностями целого общества... Хозяйственный индивидуализм и локализм бесперспективны. Хозяйство должно быть планируемым, с тем, чтобы исключить индивидуализм»¹⁰¹. Поэтому после революции координация производства и распределения должна осуществляться производственными советами, делегаты которых будут объединены в индустриальные и отраслевые советы. Их работу будет, в свою очередь, координировать Объединенный экономический совет, который «состоит из делегированных производственных отраслей. Он представляет хозяйство всей страны»¹⁰². Получается конкретный проект регулирования экономики¹⁰³. Эта модель очень похожа на демократическое федеративное государство. Такой образ будущего выглядит уже гораздо более конкретно и умеренно, чем прежние позиции антитриентистов. Обдумывая, как можно реорганизовать общество после революции, анархо-синдикалисты готовили ее не в меньшей степени, чем когда доставали оружие¹⁰⁴.

И вот Абад обращается к самой болезненной теме: «Мы все равно останемся меньшинством, даже если в массах революция пробудит волю к освобождению, которая пока текучкой заслонена. Нельзя навязывать мнения силой, но можно силой обороняться... Наше преклонение перед свободой должно включать также свободу наших противников, их частную жизнь, но всегда при условии, что они не будут агрессивны и не будут пытаться подавлять свободу других»¹⁰⁵. Таким образом, было ясно, что первоначально после революции наряду с анархистской системой будут

⁹⁸ Urales F. La anarquía al alcance de todos. Barcelona, 1932. P.29.

⁹⁹ Santillan, Peiro. Op.cit. S.122–123.

¹⁰⁰ Подробнее см.: Дамье В. В. Указ. соч. С.122.

¹⁰¹ Santillan, Peiro. Op.cit. S.125–126.

¹⁰² Op.cit. S.126.

¹⁰³ Чтобы избежать обвинений в стремлении создать новое государство (что для анархистов неприемлемо), Д. Абад де Сантьян оговаривается: «Он получает директивы снизу, он принимает решения в соответствии с позицией региональных и национальных конгрессов, он должен быть только каналом взаимоотношений и ничем более...» (Ibid.).

¹⁰⁴ Подробнее см.: Шубин А. В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917–1939 гг. М., 1998. С. 161–162.

¹⁰⁵ Santillan, Peiro. Op.cit. S.140.

существовать другие «сектора», и общество будет переходным. Анархистам придется как-то выстраивать отношения с ними, сотрудничать с другими революционерами. Анархический коммунизм сразу не возникнет.

Программа Абада де Сантильяна уже мало отличается от идей триентиста Пейро. А это создавало возможность для объединения анархо-синдикалистов на основе прагматической тактики. А значит – для интеграции всех левых сил.

Октябрьское восстание и возникновение Народного фронта

Очередные правительственные перестановки резко обострили ситуацию. В сентябре, обвинив правительство радикала Риккардо Сампера в неспособности навести порядок в стране (манifestации левых сорвали конференцию молодежи СЭДА в Астурии), Хиль Роблес спровоцировал правительственный кризис, дабы взять власть самому. 1 октября Сампер ушел в отставку. Но президент опасался энергичного вождя правых, которого его сторонники уже открыто называли «хефе» (испанский эквивалент слова «фюрер»), и предложил сформировать новое правительство Леррусу. Бывший борец с Церковью был готов пригласить в коалицию клерикалов – религиозный вопрос уже не играл той роли, что прежде, ибо на первый план вышли социальные проблемы. Левые с возмущением утверждали, что в правительство могут войти «фашисты». Действительно, в СЭДА входила организация «Испанское обновление», лидер которой Хосе Кальво Сотело, бывший министр финансов при диктаторе Примо, отстаивал право-радикальные идеи, предельно близкие к фашизму. Он утверждал: «рабочие-аристократы, которые в случае установления анархо-коммунистического режима оказались бы в худшем положении, когда им подобные в России работают больше, а получают меньше, бросаются в эту авантюру, потому что их опьянили, их отравили ядом классовой борьбы. Поэтому надо зафиксировать принцип со всеми его последствиями. Надо ликвидировать классовую борьбу как самый факт. Ясно, что устранение классовой борьбы – это задача, которая не под силу ни вам, ни какому бы то ни было правительству в либеральном государстве. Эта задача может быть выполнена только в государстве с руководимым из единого центра хозяйством, в государстве, преследующем верховные интересы национальной промышленности, обуздывающем в одинаковой мере как аппетиты профсоюзов, так и злоупотребления плутократии»¹⁰⁶. Американский посол писал о Кальво: «Это был настоящий фашист»¹⁰⁷. Репутация Кальво Сотело окрашивала в коричневые тона всю СЭДА, хотя ее лидер Хиль Роблес был не фашистом, а консерватором. Но и он проявлял большой интерес к применению в Испании отдельных черт фашистской модели, а молодежная организация СЭДА действовала в тесном контакте с фалангистами.

Обстановка накалилась, Ларго Кабальеро публично заявил, что если СЭДА войдет в правительство, социалисты призовут народ к восстанию.

4 октября было объявлено, что Леррус включил в свое правительство трех министров СЭДА. В ответ социалистический профсоюз начал всеобщую стачку, которая быстро переросла в восстание.

Позднее лидер СЭДА Хиль Роблес говорил: «Нас обвиняют в том, что своим вступлением в правительство мы вызвали такое возбуждение среди рабочих масс, которое вылилось в восстание; чтобы избежать гражданской войны, было бы лучше отсрочить наше участие в правительстве Лерруса. Но те, которые нас обвиняют, совершенно не поняли развития ситуации. Если бы мы ждали еще несколько месяцев, укрепился бы единый фронт, рабочие альянсы укоренились бы повсюду, последовательно революционные партии завоевали бы гегемонию в этом движении, и нет сомнения, что революция восторжествовала бы, и в данный момент мы имели бы в Испании советы»¹⁰⁸. Хиль Роблес существенно преувеличил силы революционеров. Но суть своей

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф.495. Оп. 32. Д.221. Л.199–200.

¹⁰⁷ Bowers C. G. Ma mission en Espagne (1933–1939). Paris, 1956. P.79.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф.495. Оп.3. Д.337. Л.273–274.

политики сформулировал четко: никаких уступок левым и рабочим организациям, выкорчевывание рабочих альянсов. Поскольку социальное положение рабочих оставалось бедственным, после нового поправления правительства они рвались в бой.

5 октября ВСТ начал всеобщую забастовку, которая была поддержана коммунистами и каталонскими националистами и переросла в Астурии и Каталонии в вооруженное восстание. Анархисты в Астурии присоединились к стачке через несколько часов по собственной инициативе. Однако в целом НКТ отнеслась к выступлению настороженно, так как ИСРП сменила лозунг «Вся власть рабочим альянсам!» на «Вся власть социалистической партии!»¹⁰⁹ Сражаться за установление власти какой-либо партии анархистам не хотелось. В Мадриде лидеры анархистов выступили против несогласованной с ними стачки, но организации НКТ присоединились к ней.

В Каталонии власть захватило автономное правительство – Женералитат во главе с Луисом Компанисом (он стал лидером Ескьеры после кончины Масиа в 1933 г.). 6 октября Компанис зачитал восторженной толпе акт о провозглашении Каталонского государства.

Правительственные силы, управляемые ветераном марокканской войны генералом Франсиско Франко, быстро изолировали очаги восстания и подавили выступление почти по всей стране.

8 октября Компанис капитулировал, после чего социалисты прекратили сопротивление. Лишь в Астурии продолжались бои. 5 октября шахтеры подняли над городами Астурии красные флаги и двинулись на Овьедо. Власть в Астурии взяли рабочие комитеты, включавшие социалистов, коммунистов и анархистов. Они провозглашали социалистическую республику. Астурийский ревком возглавили депутаты-социалисты Белармино Томас и Рамон Гонсалес Пенья.

Опасаясь за надежность войск, правительство направило в Астурию марокканский легион во главе с полковником Хуаном Ягуэ, будущим генералом гражданской войны. Хотя формально командующим карательной операцией в Астурии был генерал Лопес Очоа, фактически из Мадрида ее координировал Франко, которому напрямую подчинялся Ягуэ. Две недели шли упорные бои в горной местности и в городах. Пока повстанцы численностью до 20 000 бойцов сжимали кольцо вокруг гарнизона Овьедо, захватив почти весь город, каратели сжимали кольцо вокруг Астурии. Рабочие устраивали взрывы (шахтеры хорошо умели пользоваться динамитом), но с другим оружием было плохо. К тому же, узнав о поражении движения в остальной Испании, часть делегатов ИСРП вышла из ревкома. Когда у повстанцев кончились боеприпасы, они вынуждены были прекратить сопротивление. По соглашению с генералом Очоа 18 октября повстанцам было обещано, что репрессий не будет. Ягуэ не стал выполнять это обещание, разрешив своим марокканцам «порезвиться». Испания была шокирована известиями из Астурии. Массовые расстрелы пленных без суда были не самым жутким. Марокканцы показали, что такое война по-африкански. Они демонстрировали друг другу лихость, разрубая пленных пополам. Массовые изнасилования без разбора возраста венчали картину. В ходе боев и последующих расправ погибло от 1 до 3 тысяч человек, около 30 тыс. было арестовано.

И. Эренбургу через полтора года показывали места бессудных расстрелов – еще сохранились пятна крови, свидетели рассказывали о зверских пытках «самолетом» (это когда человека растягивают на дыбе) и кипятком¹¹⁰. Сегодня испанский историк Л. Пио Моа причислил эти зверства к мифам: «Не существовало жестоких и кровавых репрессий в Астурии после революции 34-го, упомянутых в сотнях книг»¹¹¹. Просто не было, и все тут.

¹⁰⁹ Там же. Л. 270. Советский автор К. Л. Майданик обвинил анархо-синдикалистов в «штрейкбрейхерстве» за то, что те не стали участвовать в стачке-восстании под чуждыми им лозунгами и никак с ними не согласованной (Майданик К. Л. Испанский анархо-синдикализм в первый период национально-революционной войны 1936–1939 гг. (От фашистского мятежа до майского путча) // Из истории освободительной борьбы испанского народа. М., 1959. С.163). Это один из многих примеров того, что когда речь шла об анархистах и «троцкистах», советские авторы выступали крайне тенденциозно. Все спорные ситуации априори трактовались в пользу коммунистов. Так, через несколько страниц тот же К. Л. Майданик возмущался, что анархисты считают штрейкбрейхерами членов профсоюза ВСТ, которые не участвуют в стачках, организованных НКТ (С.166).

¹¹⁰ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.514.

¹¹¹ Pío Moa L. Op. cit. P.187.

Лидеры социалистов, коммунистов и каталонских националистов, включая Ларго Кабальеро и президента Женералитата Компаниса, оказались в тюрьме. И. Прието бежал за границу и впал в пессимизм (эта реакция на поражения вообще была характерна для него)¹¹². Несмотря на то, что анархо-синдикалистские лидеры узнали о забастовке и восстании из газет, среди актива НКТ также были проведены аресты. В феврале-марте 1935 г. трибунал вынес 20 смертных приговоров и множество приговоров к длительным срокам тюремного заключения. Возникла возможность обезглавить оппозицию. Но в то же время было очевидно, что это создаст в среде левых культ павших героев, и на место казненных придут новые лидеры. Ширилась кампания либеральной интеллигенции и левых партий за спасение приговоренных от казни. Так что 30 марта 1935 г. правительство выступило за отмену смертных приговоров (в знак протеста министры СЭДА вышли из кабинета Лерруса, но вскоре вернулись, причем в мае Хиль Роблес стал военным министром). Смертные приговоры были заменены заключением. И. Эренбург в апреле 1936 г. спрашивал одного из приговоренных к казни за октябрьское восстание С. Кастельона, «сколько времени он ждал смерти. Он ответил: „Пятнадцать месяцев. Только я ждал не смерти, а революции...“¹¹³

* * *

На свободе остались многие социалистические лидеры, а также левые республиканцы, надежда которых на возвращение к власти была связана с возрождением силы социалистов. Они развернули кампанию против правительства, успеху которой способствовали скандалы в правом лагере, связанные с коррупцией, а также продолжение падения жизненного уровня большинства испанцев. В итоге все большее влияние приобретали идеи левого блока, который сможет остановить наступление правых.

Однако идеи так могли и остаться идеями, если бы не удалось найти мостка между недавними непримиримыми врагами – социалистами и коммунистами. В это время во Франции стартовал эксперимент „Народного фронта“, в который вошли не только социалисты и коммунисты, но и либералы. Коминтерн только что принял решение о допустимости распространения такого опыта¹¹⁴, и теперь все зависело от инициативы снизу. В качестве „мостика“ между левыми было использовано пацифистское прокоммунистическое движение „Амстердам-Плейель“¹¹⁵. Его представитель (работавший также и на Коминтерн) был направлен в Испанию, и от имени движения стал „мирить“ социалистов, коммунистов, либералов и анархистов. Задача не из легких, но стремление к реваншу над консерваторами у левых было велико и оно помогло найти компромисс. К 16 января 1935 г. удалось договориться с несколькими мелкими партиями и профобъединениями о том, что они выступят зачинщиками блока. Основные левые партии были еще запрещены. Эмиссар докладывал, что „из запрещенных в настоящее время партий и профсоюзов к народному фронту примкнут представители персонально, а позднее, в случае снятия осадного положения, официально присоединятся и сами организации“¹¹⁶. Этот план делал само существование осадного положения бессмысленным – предвыборный блок с

¹¹² Уже в 1937 г. Прието, занимавший пост министра обороны Республики, потеряет веру в победу над франкистами. Дело было не только в политической и интеллектуальной позиции Прието, но и в его характере. В 1936 г. Антонов-Овсенко писал, что «Прието производит впечатление крайнего импрессиониста, отяжелевшего в скептицизме» (АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.19.). Человек настроения, бывлой романтик, а ныне – скептик, тяжелый и внешне (Прието был полноват), и в своих действиях.

¹¹³ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.512.

¹¹⁴ Подробнее см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне 1929–1941. М., 2004. С. 201–212.

¹¹⁵ Там же. С. 178–180.

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф.495. Оп.3. Д.336. Л.113.

участием видных либералов и социалистов возник бы неизбежно. Уже в январе с инициативой создания фронта готовы были выступить видный социалист Х. Альварес дель Вайо, литератор А. Мачадо, депутат-федералист Ф. Рокка. 20 января состоялась беседа с полномочным представителем ИСРП, который был удовлетворен, что инициаторами переговоров выступили не коммунисты, а Амстердам-Плейель. К 22 января были подготовлены лозунги нового блока: борьба против реакции, снятие осадного положения, защита демократии и парламентских свобод, освобождение политзаключенных, ликвидация трибуналов, отмена смертных приговоров и защита мира. Поскольку дело взяли в свои руки либералы и пацифисты (хотя и прокоммунистические), политические требования отодвинули пока на задний план социально-экономическую программу. Она была сформулирована позднее, когда в „Народный блок“ вошли социалисты и коммунисты.

Анархисты по-своему готовились к грядущим переменам. Они извлекли уроки из неудач 1933–1934 гг. Доклад Комитета революционной подготовки на региональной конференции анархистов Барселоны в январе 1935 г. гласил: „Социальная революция не может рассматриваться как смелый удар в стиле государственных переворотов якобинцев без того, чтобы с неизбежностью в результате не разразилась продолжительная гражданская война“. Эта война „требует колоссальной подготовки, в которой государство и государственники имеют преимущество. Но в этих условиях анархисты должны готовиться к участию в продолжительной вооруженной борьбе, вызванной не ими“¹¹⁷.

Анархисты собирались не в „Народный фронт“ вступать, а дожидаться столкновения между левыми и правыми, после чего делать „свою игру“. В то же время НКТ продолжала сотрудничать в рабочих альянсах, придерживаясь той же тактики „фронта снизу“, от которой уже начали отходить коммунисты. Посланник „Амстердам-Плейеля“ информировал свое руководство в Коминтерне: „Мы рассчитываем, что, втянувшись в ряды единого фронта, анархисты уступят натиску других элементов и в дальнейшем примкнут также к народному фронту“¹¹⁸. В целом этот расчет оказался верным.

В марте 1935 г. Коминтерн рекомендовал создать в Испании блок социалистов и коммунистов с возможным подключением анархистов. Такой „Народный фронт“ должен был „идти по большевистскому пути“ и бороться за „контроль советов над производством“¹¹⁹.

2 июня 1935 г. Х. Диас публично выступил за создание Народного фронта с социалистами. И. Прието, искавший возможности любой ценой взять реванш за октябрь, поддержал идею блока от коммунистов до левых либералов.

В сентябре 1935 г. Леррус и члены его администрации были уличены во взяточничестве. Президент Алкала Самора был вынужден отправить правительство Лерруса в отставку (формальный повод – несогласие правых с предоставлением даже минимальных прав автономии Каталонии), заменив его 25 сентября блеклым политиком Чапаприетой.

В условиях ослабления правого центра усилилась роль левого. В апреле 1934 г. Республиканское действие М. Асанья, левое крыло Радикал-социалистов (лидер М. Доминго) и Автономная республиканская организация Галисии (лидер С. Касарес Кирога) создали Левую республиканскую партию (ЛРП), которая стала наиболее влиятельной политической силой либералов. Вернуться к власти они могли теперь только в союзе с социалистами. 14 ноября Асанья предложил блок исполкому ИСРП.

9 декабря СЭДА отказала правительству Чапаприеты в доверии – Хиль Роблес считал, что теперь путь к власти расчищен для него. Но президент и на этот раз не захотел отдавать премьерское кресло „хефе“. 4 января 1936 г. Алкала Самора назначил выборы, вплоть до которых правительство должен был возглавлять консервативный политик Мануэль Портела Вильядарес.

Раз предстоят новые выборы, режим чрезвычайного положения должен быть устранен. В январе 1936 г. ограничения на деятельность левых партий были сняты. В декабре 1935 г. на процессе Ларго Кабальеро он был оправдан. Общественный климат опять изменился.

¹¹⁷ ИСН. Paquete 24 5, P.106.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф.495. Оп.3. Д.336. Л.117.

¹¹⁹ Там же. Д.338. Л.48–51.

Сразу после выхода из тюрьмы Ларго Кабальеро поддержал союз с коммунистами и республиканцами. События 1934 г. привели к тому, что левые социалисты оказались левее коммунистов. Сначала казалось, что это – результат временных обстоятельств. Позднее выяснится, что речь идет о долгосрочном сдвиге. Социальная ситуация радикализировалась, и наиболее чуткими к этому сдвигу были профсоюзы, а значит – анархо-синдикалисты и левые социалисты (кабальеристы). В 1935 г. этот сдвиг способствовал сближению коммунистов и кабальеристов и образованию Народного фронта, но уже в 1937 г. левый курс Ларго Кабальеро резко разведет его с КПИ¹²⁰. Кабальеризм развивался вместе с революцией, а политика КПИ подчинялась глобальной политической игре СССР.

В 1936 г. – первой половине 1937 г. в ИСРП углубляется дистанция между левым и правым („центристским“) крыльями. По словам Р. Гиллеспи, „с конца 1935 г. и в течении войны ИСРП в действительности представляла из себя две партии, каждая из которых не могла работать как следует“¹²¹. Это в целом верное мнение нуждается в важных поправках. Во-первых, расхождение крыльев существовало и раньше, и не в 1935 г. стало пропастью. Ведь как раз в это время произошло сближение стратегий союза с либералами, на который ориентировался Прието, и союза с коммунистами, к которому склонился Ларго. Конфликт обострится позднее, когда придется выбирать между синдикализмом и этатизмом, между революцией и государственными устоями. Во-вторых, партийная структура сохранялась и продолжала работать от имени всей партии, равно как и Ларго Кабальеро воспринимался обществом как общепартийный лидер. Пока он занимался вопросами большой политики и профсоюзов, аппарат в июне 1936 г. перешел под контроль „центристов“, генеральным секретарем был назначен Рамон Ламонеда, который и развернул аппаратную игру против левых. Кабальеристы компенсировали эти бюрократические комбинации, поощряя радикальные тенденции „снизу“, и в 1936 г. опирались на стремление радикалов-социалистов к сближению с КПИ. Тогда Ларго Кабальеро еще не мог предположить, что коммунисты сумеют „спеться“ с его оппонентами справа.

До начала гражданской войны эта тенденция к конвергенции революционных марксистов принесла богатые плоды. В декабре 1935 г. коммунисты согласились на вхождение УВКТ в ВСТ. Молодежные организации ИСРП и КПИ объединились в апреле 1936 г. в единую организацию Объединенная социалистическая молодежь (ОСМ). В некоторых городах фактически возникли объединенные парторганизации социалистов и коммунистов. Со временем выяснится, что эти слияния оказались выгоднее коммунистам, чем социалистам – коммунисты не отказывались от своей внутренней дисциплины, и тоже вели аппаратную работу по установлению жесткого контроля за объединенными организациями. В ВСТ, „вотчине“ кабальеристов, актив которого по мере углубления революции был настроен все более синдикалистски, успехи коммунистов были пока скромны. А вот ОСМ, которую возглавил Сантьяго Карильо, с началом Гражданской войны фактически стала прокоммунистической организацией. Это вызвало неудовольствие сотрудничеством с КПИ в ИСРП, так как политика руководства ОСМ лишала ИСРП привычного кадрового источника. Однако все эти проблемы проявятся после начала гражданской войны, а принципиальное значение приобретут в 1937 г.

* * *

20 декабря создание Народного фронта поддержали либералы – Левая республиканская партия, Республиканский союз и Национальная республиканская партия. Путь к созданию

¹²⁰ Исследователи, которые не учитывают связь политики кабальеристов и углубления социальной революции, считают их непоследовательными. «Они действовали импульсивно, без ясных перспектив и без последовательной стратегии захвата власти. Их владение марксизмом было бедным, даже в случае с группой интеллектуалов во главе с Луисом Аракистайном, и в сложившихся обстоятельствах это делало их открытыми влиянию сталинистов», – характеризует кабальеристов Р. Гиллеспи (Gillespie R. Op. cit. P.43). Но ни «бедное владение марксизмом», ни отсутствие понятных нынешним марксистским и либеральным интеллектуалам стратегий не помешало Ларго Кабальеро прийти к власти уже осенью 1936 г., а мнимая открытость сталинистскому влиянию кончилась уже в начале 1937 г., как только это влияние пришло в столкновение с кабальеристским пониманием революции.

¹²¹ Gillespie R. Op. cit. P.49.

коалиции был открыт.

15 января 1936 г. социалисты, коммунисты, ПОУМ, республиканцы и каталонские и баскские националисты, а также ряд других организаций подписали соглашение о создании Народного блока (в дальнейшем известного как Народный фронт).

Лидеры новой коалиции очень серьезно отнеслись к составлению программы. Они хотели показать Испании, что речь идет не о беспринципном блоке либералов, социалистов и коммунистов, а о силе, которая действительно знает, как вывести страну из кризиса.

В аграрной области Народный фронт держался практически в рамках реформы 1932 г. с небольшими поправками. Акцент делался на ликвидации мер правительств 1933–1935 гг., в том числе закона, возвращавшего имения, изъятые у знати, которая устраивала заговор против республики в 1932 г. (п.3.). Ставка в аграрной сфере делалась на просвещение, мелиорацию и другие технические усовершенствования.

Более решительной была программа в отношении промышленности. Предлагалось принять хозяйственный план „национальной реконструкции“, который должен быть оформлен „законом или системой законов, которая установила бы основы защиты промышленности“, включая тарифы, налоговые льготы, регулирование рынков и „прочие виды государственной помощи“ (п.4.). Должны были быть созданы структуры экономических и технических исследований для нужд государства и предпринимателей, облегчения и оптимизации регулирования. Предполагалось расширение общественных работ. Их программа предусматривала строительство городского и сельского жилья, объектов кооперативного и коммунального хозяйства, портов, путей сообщения, ирригационных сооружений, оросительных установок и изменение назначения земель¹²².

Важной мерой, в которой виделись и признаки социальной справедливости, и средство финансирования социально-экономических программ, стало прогрессивное налогообложение. Предполагалась и экономия на государственных кредитах, направленных на потребительские цели¹²³.

Однако стоило социалистам и коммунистам выступить за пособие по безработице, как они встретили жесткое сопротивление со стороны либералов, и вынуждены были уступить, хотя это было важное программное требование ИСПП и КПИ. Либералы также отклонили требование национализации банков. Программа даже указывала на недопустимость государственного принуждения в отношении банков. В программу попали лишь абстрактные „некоторые усовершенствования“ банковской системы. Либералы не дали включить в программу также уже очень популярное в Испании требование рабочего контроля¹²⁴. Пока левые социалисты шли на важные уступки, лишь бы переломить общую политическую ситуацию в стране. Установки Коминтерна также ориентировали коммунистов (и не только в Испании, но и во Франции) на то, что главное – остановить фашизм, и вопрос о социалистических преобразованиях не стоит¹²⁵.

Социальное законодательство 1932–1933 гг. должно было быть восстановлено во всей полноте. Более того, „устанавливался фиксированный минимум заработной платы, а ее понижение подлежало уголовному преследованию и суду как дело публичного обвинения“¹²⁶. С безработицей предполагалось бороться с помощью статистики, общественных работ, создания государственных структур трудоустройства, бирж труда и социального страхования. „Наконец, восьмой пункт программы делал ставку на государственное образование на всех уровнях –

¹²² Vallejo R. Programas económicos de la conjunción republicano-socialista y del Frente Popular, 1931–1936. // *Economía y economistas españoles en la Guerra Civil*. V.2. Barcelona, 2008. P. 237–238.

¹²³ *Ibid.* P.239.

¹²⁴ *Ibid.* P. 238–239. Р. Вальехо считает, что программа Народного фронта была «реалистична», потому что, как и общая социально-политическая обстановка, была несколько радикальней, чем практика 1932–1933 гг. (P.237.).

¹²⁵ См., например: Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 212–217.

¹²⁶ Vallejo R. *Op. cit.* P.239.

основной лозунг рабочих партий и левых республиканцев – а также на государственный контроль над частным образованием. В своей программе республиканцы обязались создать систему начального образования в течение первых лет Республики, поднять уровень среднего и профессионального образования, и даже способствовать равенству возможностей в среднем и высшем образовании на основании критерия способностей¹²⁷. Впрочем, как указывает историк Р. Вальехо, „в вопросе преодоления этих проблем республиканцы больше полагались на восстановление экономики“¹²⁸. Однако для левых партий социальное законодательство и государственное регулирование промышленности было шансом показать стране, что именно их идеи позволят вывести Испанию из мирового кризиса.

Победа Народного фронта

Совместный электорат Народного фронта был примерно равен электорату правых. Партия Лерруса, пытавшаяся играть роль центра, была дискредитирована политикой 1933–1935 гг. и раскололась. Из нее выделился Республиканский союз М. Барриоса, который вошел в „Народный фронт“. Но вот СЭДА вела кампанию очень энергично. На ее стороне был „административный ресурс“: католическая церковь практически стала избирательной машиной СЭДА, епископы превращали проповеди в предвыборные митинги (это прямое вмешательство в политику на стороне „реакции“ во многом предопределило широкие гонения, которые обрушатся на Церковь в июле 1936 г.). Фаланга совершала нападения на митинги левых. Нарушения закона достигли таких масштабов, что Асанья даже предлагал призвать к бойкоту выборов.

В этих условиях особое значение приобретали голоса сторонников анархо-синдикалистов. События конца 1933–1934 гг. многому научили недавних экстремистов. В январе 1936 г. региональная каталонская конференция НКТ, подтвердив традиционный абсентеизм организации, заявила, что это вопрос тактики, а не принципа¹²⁹. Такое решение открывало дорогу к отказу от неучастия в выборах. Раз это – не вопрос принципа, то синдикалистские организации на местах могли одобрить участие своих членов и сочувствующих НКТ людей в голосовании за Народный фронт. Еще в первой половине февраля газета НКТ „Солидаридад обрера“ требовала отказа членов НКТ от голосования. Но 14 февраля сторонникам отказа от „электоральной стачки“ удалось переломить ситуацию и в НКТ. Национальный комитет организации опубликовал заявление, в котором говорилось: „Мы – не защитники республики, но мы мобилизуем все свои силы, чтобы нанести поражение старинным врагам пролетариата. Лучше смело опередить события, даже если это означает ошибку, чем после событий сожалеть о своем промахе“¹³⁰. Эта позиция, по словам Д. Абада де Сантильяна, была оправдана необходимостью освобождения политзаключенных и предотвращения прихода к власти фашизма: „Мы вручили власть левым партиям, поскольку были уверены, что в сложившихся обстоятельствах они представляют меньшее зло“¹³¹.

Дуррути считал, что нужно официально менять политическую линию, но „расставлял акценты иначе“ – врагом теперь была не республика и „буржуазная демократия“, а наступающий фашизм. При этом Дуррути признавал, что в своих решениях анархо-синдикалистские лидеры шли за рабочими массами: „Сегодня подавляющее число рабочих забыло о репрессиях 1931–1933 гг., и у них перед глазами только зверства, совершенные правыми в Астурии. Независимо от того, будем мы пропагандировать неучастие в выборах или нет, рабочие проголосуют за

¹²⁷ Ibid. P.240.

¹²⁸ Ibid. P.239.

¹²⁹ Richards V. Lessons of the Spanish revolution. L., 1983. P. 17.

¹³⁰ «Solidaridad odrera». 4-14.2.1936.

¹³¹ Abad de Santillan D. Por que Perdimos la Guerra, Buenos Aires, 1940. P.37.

левых“¹³².

Еще откровеннее, чем НК НКТ, высказались анархисты на местах, особенно в Астурии, где они в октябре 1934 г. сражались вместе с левыми партиями: „Товарищи из Народного фронта, будьте уверены, что анархисты Хихона (и то же мы посоветуем делать анархистам всей Астурии) будут голосовать за Народный фронт. Оставаясь анархистами, мы будем голосовать за Народный фронт, так как мы понимаем, что в случае нашего поражения в этой борьбе то, что произошло в Астурии в 1934 г., будет незначительным эпизодом по сравнению с преступлениями, которые реакция совершит по отношению ко всему пролетариату Испании“¹³³.

Фактический отказ НКТ и ФАИ¹³⁴ от „электоральной стачки“ привел к тому, что левые получили на сотни тысяч голосов больше, чем в 1933 г. Это был решающий фактор победы Народного фронта. „Если поутру 16 февраля политические обозреватели, оценивая активность участия в выборах, могли полагать, что Народный фронт будет побежден, то в полдень массовое прибытие на все избирательные пункты колонн анархо-синдикалистов немало встревожило их... В одиннадцать часов вечера в Мадриде, где уже нельзя было продвигаться ни пешком, ни в трамвае, новость распространилась с быстротой молнии: Народный фронт шел впереди других партий не только в столице Испании, но и в наиболее крупных ее городах. В Барселоне, Бильбао, Севилье охваченные восторгом толпы заполнили улицы. Это был праздник. Праздник без насилия. Но стихийный. Те, кто вопреки кампании запугивания и угроз голосовал за Народный фронт, обнимались, плакали от радости, пели революционные песни, сами еще не веря в собственную победу“¹³⁵.

Народный фронт получил 4654116 голосов, правые 4503524, баскские националисты 125714, центр 400901. Таким образом, перевес левых над правыми был минимален, а с учетом центристов и вовсе сомнителен. Но при мажоритарной системе решающую роль играло сплочение сил в округах, где поддержка анархистов также помогла левым добиться перевеса. Народный фронт завоевал 268 мест из 473. При этом социалисты получили 88 мест, левые республиканцы – 81, коммунисты – 16. Правые и центристы получили 205 мест. Сразу после оглашения итогов выборов генералы Франко и Годед предложили временному премьер-министру Портеле Вильядаресу аннулировать их под предлогом несовершенства мажоритарной системы (характерно, что в 1933 г. это несовершенство правых не смущало) и ввести чрезвычайное положение. Портела обратился за согласием на конституционный переворот к президенту, и тот подписал декрет о введении военного положения, оставив его публикацию на усмотрение Портелы. Никто не хотел быть „крайним“. Все понимали, что введение военного положения немедленно вызовет восстание и гражданскую войну¹³⁶. Левые были в своем праве, городские массы были на их стороне. После некоторых колебаний Портела не решился опубликовать декрет и ушел в отставку. Путь к власти для Народного фронта был открыт. Гражданская война была отложена.

* * *

¹³² Cit.: Paz A. Op. cit. P. 382–383

¹³³ Прицкер Д. П. Указ. соч. С.52.

¹³⁴ Абад де Сангилян вспоминал, что инициатива изменения тактики исходила от полуостровного комитета ФАИ (Gomez Casas J. Op. cit. P.179).

¹³⁵ Сория Ж. Война и революция в Испании. 1936–1939 гг. М.1987. Т.1. С.59.

¹³⁶ К возможному отпору правому перевороту готовились не только сторонники партий Народного фронта, но и анархисты. 18 февраля организация ФАИ Сантандера направила Северному комитету связи ФАИ сообщение, в котором говорилось: «В связи с тяжестью момента мы должны держаться вместе, но готовиться к любым событиям, которые могут произойти... Обучаем группы, находящиеся под нашим контролем. Будьте спокойны». По конспиративным соображениям авторы письма не пишут прямо, чему они обучают своих сторонников и каких событий ждут. Но конечно речь шла о военной подготовке. (IISH. Paquete 24 5, P.101).

В результате победы Народного фронта к власти пришло правительство М. Асаньи. Правительство Народного фронта объявило политическую амнистию. Узники октября и предыдущих социальных волнений вышли из тюрем. Было освобождено более 15 тысяч человек. Уже 23 февраля был восстановлен Женералитат Каталонии.

Асанья выступил в Кортесах с изложением правительственной программы. Он утверждал, что успех Народного фронта – „возможно последний вариант, который у нас есть, не только мирного и нормального развития республиканской политики и окончательного установления республиканского режима в Испании – я хочу сказать: окончательного и мирного – но и парламентского режима“¹³⁷. 15 апреля 1936 г. Асанья подробно изложил экономическую программу, акцентировав ее конъюнктурные, то есть умеренные, близкие либералам стороны. Он определил, что его политика направлена на оздоровление, упорядочение и, по мере возможности, „реанимацию испанской экономики“¹³⁸.

10 мая Кортесы избрали президентом страны М. Асанью (Алкале припомнили нарушения законности при подготовке к выборам и 3 апреля отправили в отставку). Правительство возглавил галисийский либерал Сантьяго Касерес Кирога. Социалисты, имевшие наибольшую фракцию в Кортесах, пока воздержались от вхождения в правительство¹³⁹. Они руководствовались той же логикой, что и российские эсеры и меньшевики в марте 1917 г.: „Мы не хотим, чтобы история возложила на нас ответственность за то, что мы не дали буржуазии выполнить ее миссию“¹⁴⁰, – заявил Ларго Кабальеро. Но в будущем он считал необходимым установить диктатуру пролетариата. Это произойдет скорее, если буржуазные партии не справятся с проблемами страны.

Либералы пытались справиться. Ускорилась аграрная реформа. Если в 1932–1935 гг. было распределено 119 тыс. га земли, то с февраля по июль 1936 г. – 750 тыс. га.¹⁴¹ Создавались кооперативы для управления отчужденными поместьями и для совместной обработки целины (правда, им не хватало техники для повышения производительности труда).

Но реформа хоть и пошла быстрее, но не удовлетворяла тех крестьян, которым еще многие годы предстояло ждать своей очереди. Это привело к усилению „давления снизу“ – крестьяне Эстремадуры стали захватывать пустующие поместья, а гражданская гвардия по привычке – разгонять нарушителей закона. При захватах поместий крестьяне могли проявлять демонстративную шепетильность. Так, они не только составляли письменные протоколы о занятии, но и прописывали, что графу Романонесу должны быть возвращены обнаруженные на кухне продукты¹⁴².

Столкновения происходили то тут, то там. Одновременно в стране нарастали продовольственные трудности в связи с общей неуверенностью крестьян в том, что следует продавать хлеб в условиях начавшейся „смуты“.

Профсоюзы развернули кампанию наступления на капитал. В феврале-июле произошло 113 всеобщих и 228 местных стачек. Предприниматели устраивали локауты, останавливали

¹³⁷ Cit.: Vallejo R. Op. cit. P.241.

¹³⁸ Vallejo R. Op. cit. P.240.

¹³⁹ Прието был не прочь возглавить правительство, но этому воспротивились сторонники Ларго Кабальеро (кабальеристы), считавшие, что проведение социалистами буржуазной политики скомпрометирует ИСРП. Тогда Прието поддержал Асанью. Испанский исследователь А. Виньяс считает отказ от создания правительства Прието ошибкой (Viñas A. La soledad de la República. El oro de España. El abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética. Barcelona, 2006. P.203). Действительно, либеральное правительство Касереса Кироги показало себя не с лучшей стороны. Но, учитывая капитулянтскую позицию Прието в ходе войны, сомнительно, что он смог бы предотвратить или быстро подавить мятеж. Так что в случае создания правительства Прието весной 1936 г. мало что изменилось бы для Республики к лучшему.

¹⁴⁰ Прицкер Д. П. Указ. соч. С.58.

¹⁴¹ Испания в цифрах. С.77.

¹⁴² Эренбург И. Г. Указ. соч. С.517.

предприятия. Тогда рабочие захватывали их и снова запускали производство. Рудники и верфи Андалузии, мадридский трамвай и даже пивоваренный завод стали первыми опытами рабочего самоуправления в Испании, которое пышным цветом расцветет после начала Гражданской войны.

Шла быстрая самоорганизация рабочих и консолидация профсоюзов. Летом 1936 г. ВСТ достиг численности почти в 1,5 млн человек. После объединения с „триентистами“ такой же примерно численности достигла НКТ. Впрочем, численность НКТ могла быть примерно в полтора раза меньше, поскольку учет членов оставлял желать лучшего¹⁴³. Численность рабочего класса оценивалась в 4 миллиона человек, из которых промышленный пролетариат – 2 миллиона¹⁴⁴. Таким образом, в профсоюзы был объединен практически весь промышленный пролетариат и значительная часть сельского.

С февраля по июль численность КПИ выросла с 14000 до 60000. Участие в победившей коалиции явно пошло коммунистам на пользу.

Во время забастовок социалисты и коммунисты то сталкивались, то сотрудничали с анархо-синдикалистами (трудности сотрудничества были вызваны прежде всего тем, что союзы НКТ по-прежнему отрицали государственный арбитраж, даже когда он был выгоден работникам). Значение анархо-синдикалистов было по достоинству оценено Коминтерном. В директивах Секретариата ИККИ 21 февраля 1936 г. ставилась задача „втянуть в единый фронт анархо-синдикалистские рабочие массы. Добиться осуществления профсоюзного единства путем объединения ВСТ и НКТ“¹⁴⁵. Идея объединения профсоюзов была поддержана анархо-синдикалистами, но на своих условиях.

* * *

Участие в голосовании, которое дало такой эффект, убеждало лидеров НКТ в возможности более гибкого подхода и к другим непререкаемым дотеле программным принципам НКТ и ФАИ. Жизнь показала правоту „триентистов“, и они вернулись в НКТ. Этому способствовала и идейная эволюция части идеологов НКТ в сторону концепций, ранее высказанных „триентистами“.

1-12 мая 1936 г. в Сарагосе состоялся Конгресс НКТ, завершивший процесс консолидации движения. К 528 тысячам представленных на конгрессе членов НКТ присоединилось 68 тысяч членов „триентистских“ профсоюзов (часть организаций НКТ не смогла прислать своих делегатов, но подчинились решениям конгресса). Выступая на конгрессе, представитель „вернувшихся“ Хуан Лопес говорил: „Мы не против революции. Мы не противостояем идеологии НКТ. Мы только говорим о своем неверии в то, что наша сила и наши приготовления достаточны в настоящее время для того, чтобы предпринять революцию. Молодежь жила на протяжении семи лет диктатуры без какого-либо культурного и либертарного просвещения. Для того, чтобы подготовить их, нужно время. Однако, если развитие заставит нас выдвинуться вперед уже в этот период, мы не откажемся от того, чтобы выйти на улицу и выполнить наш долг“¹⁴⁶.

В своей речи Х. Лопес снова поставил проблему, которая всего через несколько месяцев станет ключевой для НКТ. Необходим длительный период просвещения для того, чтобы люди были готовы принять и понять конструктивные принципы свободы и солидарности. Но социальная революция может произойти в любой момент. В ней нельзя не участвовать. Это значит, что нельзя не сотрудничать с другими революционными силами, даже весьма далекими от анархизма. В противном случае придется или отходить от массового движения, в котором участвуют далеко не только анархисты, или устанавливать „анархистскую“ диктатуру, чтобы разгромить неанархистские течения и принудить население к выполнению анархистских принципов. Однако последний вариант расходился с глубинными основами либертарной

¹⁴³ Дамье В. В. Указ. соч. С.130.

¹⁴⁴ Испания в цифрах. С.28.

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф.495. Оп.20. Д.262. Л.19.

¹⁴⁶ Gomes Casas J. Op.cit. P. 180.

(анархистской) идеологии, отрицавшей диктатуру и принуждение.

Вдохновленная объединением с „триентистами“, НКТ поставила более масштабную задачу – сближение и даже объединение с ВСТ. Если товарищи из ВСТ осознают преимущества беспартийного общества самоуправления, то синдикалисты не окажутся в изоляции, и новый мир будет строить большинство рабочего класса. Таким образом, стратегический союз с ВСТ становился условием начала социальной революции, при котором анархо-синдикализм не оказывается в изоляции. Конгресс выдвинул условия, на которых НКТ была готова заключить „пакт о революционном альянсе“ с ВСТ: прежде всего ВСТ должен отказаться от сотрудничества с политическими партиями и правительством. То есть НКТ требовала от ВСТ превратиться в анархо-синдикалистский профсоюз, что, по крайней мере в то время, было неосуществимо¹⁴⁷. Уже через несколько месяцев НКТ и ВСТ будут сотрудничать без выполнения таких нереальных условий. Но для этого должна была начаться более глубокая социальная революция.

В результате одновременного стремления объединить большинство рабочих ради революции и придать революции анархо-коммунистический характер в решениях Сарагосского конгресса причудливо сочетаются идеи как умеренного, так и радикального крыла НКТ¹⁴⁸.

После дискуссии Конгресс признал „право“ революционных синдикалистов, анархистов и социалистов на лидерство в революции, которая немедленно приведет к возникновению анархического коммунизма, то есть общества без государственности и частной собственности¹⁴⁹. Мечта о профсоюзной революции затмевала сложности сотрудничества с социалистами и коммунистами, которые смотрели на перспективы и методы этой революции совсем не так, как анархо-синдикалисты. В то же время Конгресс выдвинул требование расширения государственных работ¹⁵⁰, что предполагало не только сохранение, но и усиление роли государства.

Конгресс приступил к выработке программы НКТ, одобрив ее основные принципы в „Концепции либертарного коммунизма“. Идеи, формировавшиеся в Сарагосской программе НКТ, уже через несколько месяцев будут вдохновлять творцов уникальных социальных преобразований Испанской революции. Поэтому мы должны подробнее остановиться на этой программе.

Проект программы стал синтезом коммунитарной концепции анархиста А. Пуэнте и синдикалистских идей, разработанных в работах Пейро и Абада де Сантильяна. Из разногласий между коммунитаристами и синдикалистами вытекала разность подходов к степени автономии личности от синдиката (профсоюза, коллектива). Чтобы снять резкие возражения с той или иной стороны, делегаты специально оговаривали: „Делая набросок норм либертарного коммунизма, мы не представляем его как единственную программу, которая не подлежит изменениям. Эти изменения будут, конечно же, происходить под влиянием конкретных обстоятельств и

¹⁴⁷ Один из основных сторонников сближения НКТ и ВСТ Гарсиа Оливер не понимал, что оно возможно лишь при условии перехода самой НКТ на более умеренные позиции. Много лет спустя и после конгресса Гарсиа ясно помнит свое неприятие умеренного синдикализма, который он именуется «контрреволюционным»: «Это постановление, в котором также зашла речь о предложении ВСТ вступить в альянс с НКТ для совместных действий, выявило революционное взаимопонимание Конгресса, несмотря на тех, кто был одержим контрреволюционным направлением. Это были не только собственно триентисты, но в их число входили также Абад де Сантильян, Карбо, Федерика и другие. Точно так же, как я сделал все возможное для воссоединения с НКТ, чтобы можно было сформировать единый фронт в неизбежных грядущих сражениях, создав альянс между НКТ и ВСТ, я стремился создать достаточно обширную платформу, способную принять всех испанских трудящихся» (García Oliver J. Op.cit. P.139).

¹⁴⁸ Согласно традиции НКТ, Конгресс стремился учесть все позиции и выработать компромиссные решения. Гарсиа Оливер и другие представители текстильного профсоюза Барселоны были раздосадованы тем, что их предложения по вопросу об анархо-коммунизме были сходу отклонены: «Необходимо было смириться с порядками, согласно которым следовало проработать в консультационных комиссиях, избираемых Конгрессами, новое постановление, учитывающее различные позиции, содержащиеся в различных представленных проектах» (García Oliver J. Op.cit. P.137).

¹⁴⁹ Gomes Casas J. Op.cit. P.181.

¹⁵⁰ Дамье В. В. Указ. соч. С.133.

накопленного опыта“¹⁵¹. Эти слова окажутся пророческими. Цель – достижение анархического коммунизма – останется прежней, но путь к ней будет видеться все более постепенным.

Структура послереволюционного общества видится авторам программы в виде сети самоуправляющихся трудовых коллективов и объединяющей их федерации территориальных и отраслевых координационных советов и „статистических“ (информационно-плановых) органов. Эта сеть должна формироваться снизу: „Основой, ячейкой, краеугольным камнем любого социального, экономического и морального творчества будет сам производитель, индивид, на рабочем месте, в профсоюзе, в Коммуне, во всех регулирующих органах нового общества. Связующим органом между Коммуной и рабочим местом будет фабрично-заводской Совет, связанный договором с другими центрами труда. Связующим органом между профсоюзами (ассоциациями производителей) будут Советы статистики и производства. Объединяясь в федерации, они образуют сеть постоянных тесных связей между всеми производителями Иберийской Конфедерации“¹⁵². Деньги будут заменены рабочими карточками, армия и полиция – рабочей милицией на предприятиях.

Федерации федераций должны были бы составить основу политической организации революционной Испании: „Ассоциации промышленных и сельских производителей соединятся в федерации на уровне страны (пока Испания окажется единственной страной, осуществляющей преобразование общества), если те, кто занят в одном и том же трудовом процессе, считают такое разделение необходимым для плодотворного развития экономики. Точно так же объединятся в федерации для облегчения логических и необходимых связей между всеми Вольными Коммунами полуострова те службы, характер которых этого потребует.

Мы убеждены, что со временем новое общество сможет предоставить каждой Коммуне все аграрные и промышленные элементы, необходимые для ее автономии в соответствии с биологическим принципом, согласно которому наиболее свободным является тот (в данном случае та Коммуна), кто наименее зависит от других“¹⁵³. Это пожелание, игнорирующее предостережение Абада де Сантьяна против экономической автаркии, отнесено в более отдаленное будущее.

Сарагосская программа НКТ резюмируется формулой: „Политическим выражением нашей революции служит триада ЧЕЛОВЕК, КОММУНА, ФЕДЕРАЦИЯ“¹⁵⁴. Сарагосская программа не была окончательным, обязательным документом, для ее доработки была создана комиссия¹⁵⁵. Но практика вскоре подвергла принципы Сарагосской программы суровому испытанию.

Анархисты продолжали считать правительство своим противником и готовились к решающему сражению именно с ним. После очередных столкновений радикального населения с

¹⁵¹ Концепция либертарного коммунизма. Перевод В. Дамье. М., 1997. С.4.

¹⁵² Там же. С.6. Близкая система предлагается и в сельской местности: «В сельской местности основой будет производитель в Коммуне, которая станет пользователем всех природных богатств данной политико-географической местности. Органом связи будет Сельскохозяйственный Совет, образуемый техническими и рабочими кадрами, объединенными в ассоциации сельскохозяйственных производителей. Этим советам надлежит направлять интенсификацию производства, определять землю, наиболее пригодную для этого с точки зрения ее химического состава. Сельскохозяйственные Советы образуют ту же сеть, что и фабричные Советы и Советы по статистике и производству, составляя федерацию, в которой Коммуны будут представлены как политические и географические единицы».

¹⁵³ Концепция либертарного коммунизма. С.6.

¹⁵⁴ Там же. Подробнее о Сарагосской программе см.: Шубин А. В. Анархистский социальный эксперимент. С. 163–169, Дамье В. В. Забытый интернационал. Т.2. С. 134–135. В. В. Дамье считает, что «многие элементы этой программы были опробованы либертарными трудящимися на опыте в период 1932–1934 гг., когда в ходе многочисленных местных восстаний, организованных анархо-синдикалистами, провозглашались „вольные коммуны“» (Указ. соч. С. 135.). Учитывая, что эти «коммуны» как правило существовали по несколько дней, трудно согласиться, что трудящиеся могли тогда опробовать «многие элементы программы», предполагавшей сложное взаимодействие территориальных коммун и отраслевых профсоюзов в процессе производства и распределения.

¹⁵⁵ Дамье В. В. Указ. соч. С.135.

силами правопорядка в мае Иберийский комитет ФАИ обратился к анархистским организациям: „Народ ожесточен, и в любой момент может осуществиться психологическое явление, о котором столько говорилось в нашей пропаганде; правительство, которое продолжает оставаться буржуазным и стоять на страже капиталистического порядка, защищается и потому прекрасно осуществляет меры, которые вменялись в вину Хилу Роблесу со товарищи; правительство, отставив в сторону свой маскарад „народности“, столкнется с НКТ, своим самым страшным врагом“¹⁵⁶. Авторам этого письма было трудно представить себе, что уже через два месяца анархисты будут защищать правительство Народного фронта с оружием в руках, а затем и войдут в его структуры, включая и само правительство.

* * *

После победы Народного фронта левый и правый лагеря сочли, что борьба вступила в решающую фазу. Экстремисты „шли в авангарде“, отстреливая активистов противника. Было совершено 213 покушений. В столкновениях между экстремистами и нападениях на демонстрации погибло 269 человек. Это было предчувствие гражданской войны, которое оправдалось.

„На первый план неумолимо выходили левые экстремисты всех направлений...“¹⁵⁷, – пишет современный автор С. Ю. Данилов. Слово „левые“ здесь явно излишне и является признаком тенденциозности этого автора. Неужели „левые“ убили судью Педрегаль, накануне посадившего в тюрьму фалангиста за убийство подростка? Или редактора левой газеты „Ла рехьон“ Малумбреса? Или капитана Фараудо, который выступил на стороне восставших в 1934 г.? В день пятой годовщины провозглашения республики чуть было не взлетели на воздух ее руководители – бомба оказалась у правительственной трибуны. Бомбу подкинули и в дом Ларго Кабальеро. Фалангисты нападали на демонстрации левых, заставляли прохожих вскидывать руки в фашистском приветствии, а отказывавшихся зверски избивали. Левые экстремисты считали, что ведут ответные действия. Они убивали фалангистов, нападали на демонстрации правых.

Правые экстремисты играли с огнем. После того, как фалангисты 9 марта обстреляли собрание рабочих и их семей в Гранаде, профсоюзы объявили общегородскую забастовку. 10 марта возмущенные рабочие вышли на улицы и снова подверглись обстрелу. Ситуация вышла из под контроля, толпа разгромила и сожгла здания горкома Фаланги, структур СЭДА, католической газеты „Эль Идеаль“, католического театра, шоколадной фабрики, хозяин которой спонсировал правых, двух элитарных кафе. Вечером кто-то поджег две церкви. Эти события показали, что в напряженной обстановке, сложившейся в стране, было очень легко вызвать массовые волнения. 14 марта правительство запретило Фалангу, но она продолжала действовать полулегально.

Более того, Фаланга становилась более влиятельной организацией, чем СЭДА, политическим партнером военных заговорщиков. По мнению британского историка, „в Испании впервые сложилась благоприятная обстановка для развития фашизма. Консервативные элементы были напуганы успехом Народного фронта и в сорок восемь часов лишились веры в эффективность тех политических группировок, которые прежде защищали их интересы“. Если раньше католическая молодежь встречала Хилу Роблеса криками „Вождь! Вождь! Вождь!“, то теперь обратилась к фашистской „диалектике кулаков и пистолетов“ и стала вливаться в Фалангу и участвовать в ее акциях»¹⁵⁸.

Правым террором практически открыто руководил Примо де Ривера. 15 марта он был арестован, у него было найдено незаконно хранившееся оружие. Примо оказался в тюрьме. «Народный фронт попирает закон, который ранее требовал защищать»¹⁵⁹, – возмущается по этому поводу С. Ю. Данилов, сетуя, что молодого Примо не выпустили под залог (с деньгами у «золотой

¹⁵⁶ IISH. Paquete 2 F. (Additional).

¹⁵⁷ Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании. М., 2004. С.30.

¹⁵⁸ Southworth H. R. The Falange: An Analysis of Spain's Fascist Heritage. // Spain in Crisis. Hassocs, 1976. P.9.

¹⁵⁹ Данилов С. Ю. Указ. соч. С.35.

молодежи» не было проблем), когда в тюрьмах, в отличие от 1934 года, было так мало левых. Разве ж это правосудие? Если оружие найдено у видного фашиста, то его нужно выпустить хотя бы под подписку о невыезде, дабы не прерывать руководство Фалангой. Вот тогда было бы правосудие, которое бы понравилось фашистам и их адвокатам. Впрочем, С. Ю. Данилова можно успокоить – к Примо был обеспечен практически свободный доступ посетителей¹⁶⁰ – не чета арестованным левакам в 1933 г. С оружием у левых тоже было хуже, чем у фалангистов. Когда начнется мятеж военных, анархистам придется чуть ли не силой вырывать оружие у республиканского правительства. Промедление в получении оружия позволит мятежникам захватить несколько городов, где у анархистов были сильные политические позиции, но не было оружия, как, например, в Севилье и Сарагосе.

Фаланга тем временем не унималась – 11 июля фалангисты захватили с оружием в руках радиостанцию и призвали к вооруженным действиям против правительства. Из тюрьмы Примо сообщил военному заговорщику Моле, что Фаланга активно поддержит военный переворот.

Особенно тревожным был отстрел фалангистами тех офицеров «штурмовой гвардии» («асальто»), которые придерживались левых взглядов. Штурмовая гвардия создавалась как внутренние войска, и от ее позиции зависело, можно ли совершить военный переворот. Убийства офицеров выглядели как зачистка «асальто» от левых – непосредственная прелюдия к перевороту. Чашу терпения гвардейцев-республиканцев переполнило убийство лейтенанта Хосе дель Кастильо 12 июля.

Гибель лейтенанта стала звеном трагической цепи политической «вендетты». Когда 14 апреля в президентскую трибуну была брошена бомба, возникла сумятица. Кому-то из охраны показалось, что офицер направил пистолет на президента, и несчастный гвардеец был убит. Его хоронили 16 апреля, и хотя политические симпатии покойного не были связаны с Фалангой, она превратила похороны в свою демонстрацию протеста. Фалангистов поддержала молодежная организация СЭДА, ведомая Рамоном Серрано Суньером, что немаловажно, свояком генерала Франко. Левые шли по другую сторону похоронной процессии, и две колонны обменивались выстрелами. «Асальто» не пускали демонстрантов на кладбище, и здесь развернулась схватка между фалангистами и гвардейцами. Погибло не менее 12 человек, в том числе двоюродный брат Примо де Риверы-младшего. Его-то и застрелил лейтенант Кастильо. Самого Кастильо застрелили у ворот его дома 12 июля.

Возмущенные леваки из «асальто» решили, что искать исполнителей преступления будет долго, и нужно мстить тем, кто стоит за фалангистами. Группа «асальто» отправилась на квартиру Кальво Сотело, который считался мозгом правого экстремизма, и схватила его. На следующий день, 14 июля, Кальво был найден мертвым. Американский посол в своих мемуарах опровергал распространившийся слух, что Кальво «заказали» коммунисты или правительство: «Штурмовые гвардейцы отомстили за убийство своего офицера»¹⁶¹. Как потом выяснилось, среди убийц были члены ОСМ, но инициатор убийства капитан Кондес действовал по собственной инициативе. Он хотел убить и Хиля Роблеса, но того не оказалось дома.

Убийство Кальво Сотело вызвало взрыв возмущения в правых кругах, но на ход дальнейших событий повлияло незначительно. В это время военные заговорщики уже все подготовили к перевороту. Убийство Кальво ничего не изменило в их планах, но предоставило моральный козырь.

Политическая напряженность и непримиримость нарастали с каждым днем, с каждым шагом обоих лагерей. Это касается как «левых», так и «правых». Начавшийся в стране «хаос», во многом вызванный и действиями представителей правых организаций, вызывал болезненную реакцию традиционалистско-этатистской Испании. Народный фронт воспринимался правыми как готовое рухнуть «прикрытие анархизма и коммунизма». Выступая в парламенте, Хиль Роблес говорил: «Страна может жить при монархии и республике, с парламентарной и президентской системой, при коммунизме или фашизме, но страна не может жить при анархии. Сейчас, однако, Испания находится в состоянии анархии. И мы сегодня присутствуем на церемонии похорон

¹⁶⁰ Bowers C. G. Op. cit. P.213.

¹⁶¹ Ibid. P.230.

демократии»¹⁶².

Накал страстей удивительным образом диссонировал с умеренностью проводившихся правительством преобразований. Массовые настроения искусственно «накручивались», радикализировались идеологической элитой. Возможность победы политических противников рассматривалась как катастрофа. Умеренная политика либералов не соответствовала глубине социального кризиса.

Глава III Мятеж и революция

«...Когда большие, передовые, хорошо организованные народы стали готовиться к капитуляции перед фашизмом, испанский народ принял неравный бой: Дон Кихот остался верен и себе, и человеческому достоинству».

Илья Эренбург

Как только победил «Народный фронт», консервативно настроенные генералы стали готовить переворот. Формально во главе заговора стоял эмигрировавший в Португалию генерал Х. Санхурхо, пытавшийся свергнуть республику еще в 1932 г. Реальное руководство подготовкой осуществлял генерал Эмилио Мола Видадь (псевдоним «Директор»). Большую роль играл также подавитель октябрьского восстания Ф. Франко. Уже в марте правительство заметило подозрительные приготовления и провело кадровые перестановки, которые ослабили позиции заговорщиков, но не остановили их конспираций. Удачным поводом для запуска уже подготовленного заговора стало убийство Кальво Сотело 13 июля.

Симпатизирующий заговорщикам современный историк Л. Пио Моа утверждает: «Если в октябре 34-го переворот правых был почти обречен на успех, то в 1936 г. почти все было против: власть находилась в руках левых, а армия разобщена как никогда»¹⁶³. В своем стремлении романтизировать организаторов Гражданской войны Л. Пио Моа забывает, что в октябре 1934 г. правые и так находились у власти, так что трудно было бы увлечь консервативное офицерство на борьбу против Республики Лерруса и Хиля Роблеса. Переворот назрел именно в 1936 г., потому что теперь у Франко, Молы и их единомышленников было что ненавидеть, чего бояться и что жаждать ниспровергнуть.

Восстание против переворота

17 июля Мола направил своим сторонникам телеграмму «17 в 17. Директор». В пять вечера переворот начался. Восстали части, расквартированные в испанской колонии Марокко. 18 июля мятеж распространился на Испанию. Армия брала под контроль ключевые центры испанских городов. На стороне мятежников оказались 80–85 % офицеров.

Начало мятежа военных 17–18 июля оказалось для правительства неожиданностью и дезорганизовало его работу. Капитан У. Орад де ла Торре вспоминает: «В военном министерстве не было ничего, что стояло бы на своем месте. Все было в хаосе. Касерес Кирога, премьер министр и военный министр, был в состоянии коллапса, неспособным принимать решения»¹⁶⁴. Касерес категорически воспротивился раздаче оружия сторонникам Народного фронта. Но без их поддержки путчисты имели очевидный перевес.

¹⁶² Cit.: Fraser R. Blood of Spain. L., 1988. P.90.

¹⁶³ Pío Moa L. Los mitos de la Guerra Civil. Madrid, 2003. P. 188–189. Здесь же Л. Пио Моа пытается представить мятеж «восстанием против ситуации, которую считали невыносимой не только правые, но также и политики левого толка, начиная с Прието». Милое такое оправдание попытки уничтожения Республики и избивения республиканцев тем, что им самим многое не нравилось в политической ситуации.

¹⁶⁴ Fraser R. Op. cit. P.53.

Не зная, что делать, Касерес подал в отставку. После короткой попытки «премьера на день» М. Барриоса найти компромисс с мятежниками, 19 июля премьер-министром стал либерал Хосе Хираль. В кабинет вошли либералы, каталонские националисты и военные, оставшиеся верными Республике. Хираль санкционировал раздачу оружия республиканцам.

Попытка военных положить конец правлению «левых» привела к немедленному контрудару со стороны профсоюзов и социалистических партий, которые только и ждали повода для драки. Они обеспечили мобилизацию общества и позднее добились раздачи оружия народу. В Мадриде и Барселоне некоторое количество оружия у левых было – они ждали только повода для развертывания революционных действий.

Первые же сведения о выступлении военных включили организационную машину НКТ на полную мощность¹⁶⁵. Из «заначек» вынимали столько оружия, сколько было, но его не хватало. Как вспоминал Гарсия Оливер «в Барселоне мы только и делали, что считали и пересчитывали ружья, пистолеты и патроны, которыми мы располагали»¹⁶⁶. В ночь на 18 июля отряды НКТ стали захватывать оружие на военных складах и брать под контроль улицы Барселоны. Но тут против них выступила каталонская национальная гвардия. Дело чуть не дошло до сражения между анархистами и каталонскими республиканцами. Но мятеж правых примирил их.

Утром 19 июля мятежники вышли из казарм и двинулись в центр Барселоны. С севера двигалась колонна из казарм Педраблес, с юга – из казарм Атарасанас. Солдатам объяснили, что в Барселоне начался мятеж анархистов. Северная колонна дошла до площади Каталунья и заняла телефонную станцию. Анархисты бросились штурмовать ее, и выбили мятежников. Этой станции придется еще раз сыграть роль в истории испанской революции в 1937 г.

После того, как факт военного мятежа стал очевиден, Женералитат прекратил сопротивление анархо-синдикалистам. Извечный их враг – национальная гвардия – перешла на сторону отрядов НКТ. Фактически анархо-синдикалисты возглавили сопротивление перевороту в Каталонии и Арагоне. Б. Дуррути заявил: «Нет времени на разговоры. Мы должны действовать. Мы не хотим становиться жертвами фашизма из-за паралича политиков. С этого момента НКТ и ФАИ будут направлять борьбу»¹⁶⁷. Даже такой критик анархо-синдикалистов, как советский журналист И. Эренбург, признавал летом 1937 г.: «Думаю, что если бы анархисты не выступили на улицу, то в эту пору хозяевами Испании были бы фашисты»¹⁶⁸.

В течение нескольких часов рабочие Барселоны были вооружены. Это событие имело большое значение, так как решительным образом изменило соотношение сил в Каталонии. Но в Сарагосе рабочие не смогли захватить оружие, и этот оплот анархизма перешел под контроль мятежников. Они заняли и другие важные города Арагона – Уэску и Теруэль.

В Барселоне анархисты и республиканцы теснили мятежников. Х. Томас пишет об этом: «Офицеры, командовавшие мятежом, были неспособны что-либо поделать с революционной неортодоксальностью своих противников; второе артиллерийское подразделение, например, было окружено колонной вооруженных рабочих, которые наступали с ружьями, поднятыми вверх, и, с „энергичными словечками“, призывали солдат не стрелять. Затем они убедили войска повернуть оружие против своих офицеров»¹⁶⁹.

¹⁶⁵ Даже в работах советского историка К.Л. Майданика, в целом очень тенденциозной – в духе времени, признается: «В целом первые дни борьбы против фашистского мятежа (конец июля – начало августа 1936 г.) были для НКТ героическим периодом. В условиях полного развала госаппарата и абсолютной беспомощности всех политических партий, кроме КПИ, местные организации НКТ, обладавшие известным опытом вооружённой уличной борьбы и способностью к самостоятельным инициативным действиям, смогли сравнительно эффективно противостоять локальным выступлениям фашистов, а также осуществить первоначальные задачи революции» (Майданик К. Л. Указ. соч. С. 168–169; См. также: Майданик К. Л. Испанский пролетариат в национально-революционной войне 1936–1937 гг. М., 1960).

¹⁶⁶ García Oliver J. Op. cit. P.139.

¹⁶⁷ Gomes Casas J. Op.cit. P.184.

¹⁶⁸ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.116.

¹⁶⁹ Thomas H. Op. cit. P.235.

В Барселону прибыл один из вождей заговора генерал Годед. Он обосновался в порту близ казарм Атарасанас. Но он ничего не мог поделаться – рабочие напирали со всех сторон. Северная колонна была разбита. Порт был взят, Годеда схватили и заставили его выступить по радио. Генерал униженно просил своих товарищей по мятежу прекратить борьбу и сдаться республике. После этого выступления Годеда расстреляли. Некоторое время пулеметчики поливали огнем подступы к казармам. Но к ночи 20 июля все было кончено. При штурме казарм погиб знаменитый анархист, соратник Дуррути Франсиско Аскасо. Всего погибло около 500 человек. Центральные улицы города были завалены трупами, но в Барселоне был праздник. День победы. Никто еще не знал, что война продлится три года.

Улицы Барселоны перешли в руки вооруженных рабочих, в большинстве своем членов НКТ. Одна из лидеров анархо-синдикалистского движения Федерика Монтсени вспоминала о вечере 20 июля: «День завершался славно, в блеске огней, в революционном опьянении ото дня народного триумфа... Буквы НКТ и ФАИ были начертаны на всех стенах, на каждом здании, на всех дверях, домах и автомобилях, на всем»¹⁷⁰.

Активист НКТ Капдевила вспоминал: «Это был момент, когда власть попала в руки масс. Мы в НКТ не думали делать революцию в это время, мы просто защищали себя, защищали рабочий класс»¹⁷¹. Анархо-синдикалисты еще не воспринимали происходящее как социальную революцию, но уже взяли в свои руки реальную власть.

Там, где рабочие уже 17–18 июля получили оружие, силы мятежников встретили энергичное сопротивление¹⁷². 19 июля генерал Фанхуль поднял мятеж в казармах Монтанья к западу от центра Мадрида. Однако толпа окружила путчистов и сначала просто своей массой преградила войскам путь к столице. Мятежники открыли пулеметный огонь по толпе, и, завалив подступы к казармам трупами, продержались до 20 июля. Сторонники Народного фронта и анархисты ворвались в казармы и перебили часть оборонявшихся. Выжившие оказались под арестом. Затем часть мадридцев на автобусах и автомобилях двинулись на Гвадалахару, чтобы не дать мятежникам выйти в тыл к Мадриду. Наступавшие с севера мятежники были отброшены и остановлены в горах Гвадаррамы. Во время этих боев в Мадриде и на подступах к нему сформировалась анархистская колонна во главе с Сиприано Мера, рабочим-строителем и соратником Дуррути еще по восстанию в Сарагосе в 1933 г. В дальнейшем эта колонна росла и стала основой сначала для бригады, затем для 14-й дивизии, а затем и для 4 корпуса, который и возглавил Мера.

В Валенсии докеры-анархисты вывели массы рабочих на центральные площади и стали требовать оружие. Очаги мятежа были задавлены в зародыше. В Толедо вооруженное население загнало мятежников в замок Алькасар.

«Красная» Астурия была отрезана мятежом от Мадрида. Власть в этом регионе перешла к губернатору Б. Томасу (одному из вождей восстания 1934 г.) и многопартийному комитету, в

¹⁷⁰ Peirats J. Op.cit. P.186.

¹⁷¹ Fraser R. Op. cit. P.72.

¹⁷² Пытаясь преуменьшить значение этого фактора, Л. Пио Моа пишет: «И, конечно, в этих городах массы немедленно занимали улицы, бросались против мятежников и играли очень яркую роль. Но за этим красочным и призывным образом скрывается тот факт, что рядом с этими импровизированными дружинами, не имевшими специальных навыков и не знакомыми с тактикой боя, сражались хорошо подготовленные офицеры, отряды и службы безопасности (гражданская и штурмовая гвардия) и авиация. Победа над мятежниками там, где она имела место, была обусловлена прежде всего действиями этих подразделений, хотя и не стоит пренебрегать вспомогательной и моральной ролью масс» (Пио Моа. Op.cit. P.208.). Именно это и делает Л. Пио Моа, приписывая победу именно штурмовой и гражданской гвардии (и уж совсем сомнительна решающая роль авиации в эти первые дни, когда борьба шла в городах). Республиканские «асальто», конечно, не имели бы шансов остановить армию самостоятельно. Вооруженные массы не просто сыграли «моральную роль», они обеспечили моральный перелом и численный перевес, который удержал часть гвардейцев и войск от присоединения к мятежу (в Гранаде, где такого давления не было, «асальто» выступили против Республики). Что касается навыков городского боя, то у «асальто» их было столько же, сколько и у боевиков левых организаций, которые стали авангардом милиции. Так что факт остается фактом – июльские сражения в Мадриде и Барселоне выиграла милиция при поддержке военных, оставшихся верными Республике. А не наоборот, что бы ни писали консервативные мифостроители.

который вошли партии Народного фронта и анархисты. Шахты перешли в руки советов, в которые входили представители администрации предприятия и рабочих. Рядом защищалась страна Басков, сохранившая более консервативный уклад. Баски были добрыми католиками и хранителями национальных традиций. Выборы правительства и президента Хосе Антонио Агирре проводились в Гернике под вековыми деревьями баскских королей¹⁷³. Поскольку баскская буржуазия была настроена против франкистов (а франкисты видели в баскском капитале одного из своих основных врагов), то в Басконии не получила развитие революция самоуправления, и старая администрация продолжала управлять предприятиями¹⁷⁴.

Весь северо-запад Испании оказался в руках врагов Республики. Заняв Сарагосу, один из центров анархистского движения, которое, однако, не смогло получить оружие, мятежники рассекли территорию Республики надвое. Но и очаги мятежа также еще были разделены республиканской территорией, часть его сил действовала в окружении.

По данным Х. Томаса на стороне мятежников оказалось около 50000 солдат (на стороне Республики – около 22000), в том числе около 10000 офицеров (в первые дни с республиканцами осталось около 1000 сухопутных офицеров), 10000 карабинеров (около 4000 остались верны республике). Большинство военнослужащих авиации (3000 против 2000), флота (13000 против 7000) гражданской гвардии (18000 против 14000), «асальто» (12000 против 5000) поддержали республику¹⁷⁵. В мятеже сразу приняли участие около 14000 карлистов и до 50000 фалангистской милиции. Самая грозная сила врагов Республики – Африканская армия – 32000 хорошо по испанским меркам подготовленных бойцов – находилась в Марокко.

Из-за отсутствия офицерского состава старые военные части, оставшиеся на стороне Республики, были дезорганизованы и не могли активно действовать. Республиканская армия формировалась на ходу. Основу новой армии составила милиция – ополчение гражданских людей, которые впервые держали винтовку в руке. Английский очевидец так описывает формирование милиции в Мадриде: «Группа мужчин – членов клуба любителей домино – решает вступить в народную милицию и избирает своим начальником секретаря клуба (так как он хорошо знает всех членов клуба) и лучшего игрока в домино (так как все восхищены его талантом). Парикмахеры пригорода Мадрида тоже хотят вступить в милицию и избирают руководителем одного из парикмахеров за то, что у него есть брат в армии, а он сам награжден золотой медалью. То обстоятельство, что медаль выдана ему за стрижку, не имеет для них значения. Обе группы направляются в военное министерство и выясняют, что там все очень заняты и их не ждут. Тогда они решают отправиться на войну самостоятельно – идут в помещение политической партии или профсоюза, к которым принадлежат некоторые из них и получают винтовки, а может быть, и несколько пулеметов... Потом они садятся в какой-либо транспорт и едут на войну»¹⁷⁶.

При всей комичности этой картины, в поведении республиканцев была своя мудрость. Времени на мобилизацию и обучение не было. Если человек хорошо знает сослуживцев – он и командир. Затем «военная демократия» милиции позволяла выбрать новых командиров, которые будут в большей степени соответствовать обстановке.

Проблема республиканцев заключалась еще и в том, что «испанцы, не имея опыта мировой войны, не имеют в массах старых солдат с боевым опытом»¹⁷⁷. Также, как отмечали советские военные специалисты, «народ здесь, несмотря на сравнительно развитую культуру, весьма беззаботен и безалаберен, большая экспансивность, но выдержки нет никакой, быстро воспламеняется, но столь же быстро поддается упадническим настроениям»¹⁷⁸. В июле народ

¹⁷³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.548. Л.3.

¹⁷⁴ Там же. Д.352. Л.9.

¹⁷⁵ Thomas H. Op.cit. P. 328–329.

¹⁷⁶ Цит. по: Прицкер Д. П. Подвиг Испанской республики 1936–1939. М., 1962. С. 82–84.

¹⁷⁷ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.278. Л.216.

¹⁷⁸ Там же. Д.275. Л.15.

Борьба с мятежом сопровождалась актами насилия и вандализма. Вся ненависть, накопившаяся у городских низов к старой Испании, вышла наружу. Бойцы левых движений и просто уголовные элементы убивали офицеров и священников, жгли церкви, которые были символом идеологического деспотизма предыдущих веков. По словам И. Эренбурга, «люди мстили за гнет, за оброки и требы, за злую духоту исповедален, за разбитую жизнь, за туман, века простоявший над страной. Нигде католическая церковь не была такой всемогущей и такой свирепой»¹⁷⁹. Когда Эренбург сказал своему попутчику, что не нужно было сжигать церкви – в таких хороших зданиях можно было бы устроить что-нибудь полезное, например клуб, тот возмутился: «А вы знаете, сколько мы от них натерпелись? Нет уж, лучше без клуба, только бы не видеть это перед глазами!..»¹⁸⁰ По мнению свидетельницы событий М. Очоа, «это были акции протеста, потому что церкви не были в глазах людей тем, чем они должны были быть. Разочарование человека, который верил и любил, и был предан»¹⁸¹. Однако центральный собор Барселоны и монастырь Педраблес были сохранены, так как революционеры признали их художественную ценность.

Сразу по окончании боев в Барселоне ФАИ принялась бороться против террора с помощью таких, например, воззваний: «Если безответственные лица, которые распространяют по Барселоне террор, не остановятся, мы будем расстреливать каждого, кто будет уличен в нарушении прав людей»¹⁸². Несколько активистов НКТ были расстреляны за самоуправство. Самочинные расстрелы и убийства к августу прекратились. Зато в это время набирал силу франкистский террор. «К стенке» ставили не только сторонников социализма или анархизма, но даже и людей, известных как республиканцы. Так, мятежниками был расстрелян известный поэт Ф. Гарсиа Лорка¹⁸³.

Масштабы террора с двух сторон вызывают споры. По данным расследования, предпринятого франкистами после войны, республиканцы расстреляли 55–70 тысяч человек. Современные, более тщательные расследования дают цифры выше 37 тысяч, но в любом случае ниже 50 тысяч¹⁸⁴. Наиболее вероятная цифра – несколько более 40 тысяч человек. Подавляющее большинство (около 80 %) погибло в первые месяцы после начала мятежа. Затем страсти были охлаждены, и стала работать республиканская юстиция, гораздо осторожнее применявшая «высшую меру».

Пленные франкисты и активисты правых партий (особенно Фаланги), содержались в лагерях и тюрьмах. Условия содержания были лучше, чем у франкистов. Республика наказывала за расстрелы заключенных, предпринимала систематические меры к облегчению их участи (мы еще вернемся к теме республиканской пенитенциарной системы). У франкистов расстрелы заключенных были обычной практикой на протяжении всей войны. Вот одно из свидетельств советских специалистов, побывавших в плену у франкистов: «Он видел пленных испанцев. Но не летчиков. С ними очень плохо обращались и большинство из них расстреляли»¹⁸⁵. Для сравнения

¹⁷⁹ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.295.

¹⁸⁰ Там же. С.530.

¹⁸¹ Fraser R. Op. cit. P.153.

¹⁸² Gomes Casas J. Op. cit. P.190.

¹⁸³ Подробнее см.: Гибсон Я. Гранада 1936 г. Убийство Федерико Гарсиа Лорки. М., 1983.

¹⁸⁴ Juliá S. Víctimas del terror y de la represión. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.2. P.409.

¹⁸⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.322. Л.4.

– свидетельство о положении пленнх у республиканцев, возмущившее советских специалистов уже по противоположной причине: «Обычно захваченных фашистских пленнх мы сдавали в общевоинской штаб, откуда их часто после небольших допросов отпускали свободно ходить по расположению наших частей»¹⁸⁶. Это – другая крайность. И, хотя республиканцы, как правило, держали пленнх под замком, факт характерный. Положение пленнх в Республике было все-таки существенно гуманнее.

По современным испанским оценкам, «количество жертв террора, убитых или казненных мятежниками и судами нового государства сразу после окончания войны, приближается к 140 000»¹⁸⁷.

Говоря о различии в характере террора по обе стороны баррикад, можно согласиться с А. Виньясом: «Сразу становится ясно, что франкистский террор был навязан сверху, с высшего уровня руководства. Для начала кровавые расправы над республиканскими массами и их элитой были предопределены мозговым центром заговора, генералом Эмилио Молой. Он установил террор без промедления; тем не менее, это было ничто по сравнению с той формой, в которой вел военные действия генерал Франко. Он увидел в войне блестящую возможность стереть с лица земли испанских левых, неисправимых в своих грехах...

Республиканское же насилие в основе своей было следствием крушения государственного аппарата. Оно не долго длилось, но было впечатляющим, о чем свидетельствует факт убийства 6 тыс. верующих. Однако республиканское правительство с самого начала пыталось его сдерживать. И ему это удалось к началу 1937 г.»¹⁸⁸ В действительности даже раньше. Ведь террор сдерживало не только республиканское государство, но и общество, которое взяло на себя задачи рухнувшего государственного аппарата.

Фашизм, помощь и невмешательство

К 20 июля стало ясно, что на большей части территории страны вооруженный народ смог блокировать и разгромить мятежные части. Восставшая часть армии и отряды фалангистов не могли обеспечить военный перевес над многочисленной милицией республиканцев. Флот и авиация в своем большинстве поддержали республику. Основные силы мятежников могли быть заблокированы республиканским флотом в Марокко. В Испании оставалось два небольших очага мятежа. В разгар событий в авиакатастрофе погиб Санхурхо. Казалось, попытка переворота кончится полным провалом. Командование мятежниками взяла на себя учрежденная 23 июля Хунта во главе с генералом Мигелем Кабанельясом. Фактически руководство мятежом все в большей степени переходило к командующему Африканской армией Ф. Франко, который сосредоточил в своих руках контакты с Германией и Италией.

«В ходе восстания мятежная территория разделилась на три части, каждая из которых находилась под командованием уважаемого генерала, и существовал риск ослабляющего соперничества, которое наблюдалось в левом лагере. Мола, как кажется, не отличался особыми лидерскими амбициями, но, возможно, они были у Кейпо. На этом фоне успех рискованных маневров Франко поставил его выше обоих генералов в плане престижа и влияния, а позднее – и в плане фактического командования. Кроме того, Италия и Германия сразу же обратили на него

¹⁸⁶ Там же. Д.495. Л.29.

¹⁸⁷ Juliá S. Op. cit. P. 409–410. Существуют несколько более скромные оценки террора франкистов. М. Рубио оценивает их в 83 000, включая 25000 – 30000 жертв первых послевоенных лет. Однако даже эти пониженные данные, и даже если из них вычесть жертвы террора после победы Франко, показывают тенденциозность тех авторов, которые пытаются обелить франкистов, утверждая: «во время войны кровавая жатва... была сильнее со стороны Народного фронта...» (Рiо Моа. Op.cit. P.208). По самым скромным оценкам франкистского террора, он был интенсивнее республиканского. По современным реалистичным оценкам – втрое интенсивнее.

¹⁸⁸ Виньяс А. Гражданская война в Испании (1936–1939): современные исследования. // Испанский альманах. Вып. 1. С.42.

наибольшее внимание. Но, вопреки мнению Виньяса, это было только дополнительным, а не решающим фактором»¹⁸⁹, – пишет Л. Рио Моа. Здесь мы заступимся за А. Виньяса, тем более, что его мнение опирается на весьма аргументированную позицию П. Престона¹⁹⁰. Разумеется, дело было не в том, что некий генерал Франко первым «вышел» на Гитлера и Муссолини, и поэтому стал каудильо. Франко был одним из лидеров выступления и среди них оказался тем, кто сразу понял необходимость связать судьбу движения с фашистскими державами.

Роль внешних союзников мятежа оказалась ключевой – война стала частью международной борьбы. Советник немецкого посольства в Мадриде Швендеман сообщал 23 июля: «Развитие обстановки в начале мятежа... отчетливо свидетельствует о растущей силе и успехах правительства и о застое и развале у мятежников»¹⁹¹. 25 июля Гитлера достигло письмо Франко с мольбой о поддержке. Германия и Италия протянули руку помощи мятежникам в этот критический для них момент. 28 июля транспортные самолеты стали перебрасывать мятежные войска из Марокко в Испанию. Авиационное прикрытие позволило Франко переправить часть сил и по морю. Республиканский флот при этом действовал нерешительно (впрочем, как и в дальнейшем). Переброска Африканской армии на территорию Пиренейского полуострова стала критически важным фактором спасения мятежа и превращения его в полноценную гражданскую войну¹⁹².

В 1936 г. Германия поставила мятежникам 173 самолета, Италия – 114. Вскоре стали прибывать боеприпасы, инструктора. Германия направила в зону конфликта военно-воздушный легион «Кондор». Италия «не препятствовала» отправке «добровольцев» – немедленно было отправлено около 70 тыс. человек, организованных в полки и дивизии. В декабре советский журналист 1936 г. М. Кольцов сообщил о появлении на фронте португальских частей¹⁹³.

Для Гитлера гражданская война в Испании была настоящей дипломатической находкой. Сотрудничество в Испании помогало Германии окончательно перетянуть Муссолини на свою сторону в дипломатическом противостоянии в Европе. Для Дуче Франко был идейным братом. Гитлер относился к ситуации более цинично и высказывался за затягивание войны – чем дольше она будет длиться, тем большее раздражение Великобритании и Франции будет вызывать итальянское вмешательство. Сама Германия действовала осторожнее, ограничиваясь посылкой авиации, инструкторов и финансированием каудильо. Франко понимал, что если Италия – реальный союзник, то Гитлер играл на европейских противоречиях, стремясь затянуть испанскую трагедию. Во время Второй мировой войны Франко оплатил Гитлеру той же монетой, уклонившись от прямого участия в войне.

Помощь стран «Оси» помогла мятежникам оправиться от первого удара, полученного в июльские дни. И тут стало ясно, что республиканская милиция, превосходившая армию в

¹⁸⁹ Рио Моа. *Op. cit.* P.222. Отсутствие «лидерских амбиций» у Мола сомнительно – не случайно он некоторое время не включал Франко в состав Хунты, в чем можно усмотреть ревность к сопернику. Но проблема Мола заключалась в том, что он был младше по званию, что было важно для движения, основанного на принципах военного чинопочитания.

¹⁹⁰ См.: Престон П. Франко. Биография. М., 1999. С. 127–137. Дошло до того, что немецкий представитель уведомил Мола при отправке ему оружия: «Я получил приказ передать Вам, что Вы получаете все это оружие не от Германии, а от генерала Франко».

¹⁹¹ Цит. по: Овсяный Д. В. Тайна, в которой война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали Вторую мировую войну). М., 1975. С.147.

¹⁹² Л. Рио Моа и здесь ищет «миф гражданской войны», впрочем, с прежним успехом: «Транспортное сообщение осуществлялось благодаря воздушному мосту, неизменно медленному и уязвимому. До конца октября марокканским войскам не удастся полностью (около 22 000 человек) перебраться на полуостров» (Л. Рио Моа. *Op. cit.* P.221.). Но это – полностью. Нужно понимать, что даже небольшие силы Африканской армии могли переломить ситуацию, когда им, имевшим реальный боевой опыт в войне против рифов, противостояло пока совсем неподготовленное ополчение. А ведь только за один день 5 августа было переброшено 3000 человек. Так что переброска шла интенсивно, и уже до своего завершения оказала большое воздействие на ход войны.

¹⁹³ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.6. Л.51.

условиях противоборства в городах, не может вести наступательную войну. Попытка наступления милиции НКТ на Сарагосу не удалась. Здесь фронт стабилизировался. В других регионах, где милиционная система не опиралась на прочную синдикалистскую структуру в тылу, милиция не могла организовать и достаточного сопротивления фронтальному наступлению армии.

* * *

Военное искусство развивается по закону смены преобладания средств наступления и защиты. Копье можно остановить прочным щитом и доспехом, доспех пробивает пуля, линейную тактику ломает массовая армия, ее порыв останавливают пулемет и окопы. Во время Первой мировой войны технические средства обороны были более развиты, чем средства наступления, что позволило создавать прочные фронты, пробивание которых было невероятно тяжелой задачей. Отсюда «застойность» Первой мировой, которая вплоть до Второй мировой войны определяла военную моду в Западной Европе. Но на востоке Европы уже был опыт Гражданской войны в России – маневренной, полной драматических перемен. Революционная война вообще тяготеет к маневренности. Массовые армии, непрочные тылы враждующих армий – все это способствует драматизму событий и быстрому перемещению войск. Эпоха моторов дала этой стратегии материальную подкладку.

К Гражданской войне в Испании были прикованы взоры военных специалистов: какая стратегия возобладает – революционной войны, подобной Российской «гражданке», или позиционной мясорубки, как Первая мировая? Мы увидим, что ответ на этот вопрос зависел не только от военных, но и от политических обстоятельств.

Испанская гражданская война начиналась как мобильная. Все было перемешано: здесь победили мятежники, там – республиканцы. В августе мятежники контролировали Кастилию, но на юге располагали лишь небольшим плацдармом. Перед ними лежала Андалузия. Здесь крестьяне были заняты социальной революцией, а не организацией армии. У местных анархистов и социалистов не нашлось организатора, подобного Дуррути, который сосредоточился бы на укреплении фронта.

Высадившиеся с итало-германской помощью в Испании части Африканской армии во главе с Хуаном Ягуэ в начале августа двинулись на север, в сторону территории, находящейся под контролем Молы. Опираясь на Севилью, марокканцы 10 августа взяли Мериду и 14 августа – Бадахос. Одновременно другая часть африканцев под командованием генерала Хосе Варелы завоевала Андалузию, деблокировав гарнизоны Кордовы и Гранады.

20 августа франкисты двинулись на Мадрид. Под Медельином Ягуэ столкнулся с республиканской армией Эстремадуры генерала Рикельме. Однако у Ягуэ были лучшие испанские войска, обстрелянные и спаянные во время колониальной войны в Марокко, профессионалы своего дела. Им противостояли разрозненные части, оставшиеся верными республике, и многочисленная, но еще совершенно не научившаяся воевать милиция. Главной силой франкистов в этой ситуации была способность скоординированно маневрировать (чему республиканцы еще не научились). Мятежники сумели обойти позиции Рикельме, и тот приказал отходить. Анархисты не подчинились и с 2000 бойцов атаковали трехтысячную группировку Ягуэ при Сан-Висенте. Но эта храбрая атака лишь ненадолго могла задержать движение франкистов.

Республиканцы сосредоточились в Талавере-де-ла-Рейна, но и здесь повторилась ситуация с Медельином, только уже без контратаки анархистов – они не хотели зря проливать кровь, зная, что их не поддержат. 3 сентября Ягуэ обошел город, что вызвало паническое отступление. Взяв Талаверу, франкисты получили возможность объединить свою территорию, занятую в июле-августе на севере и на юге Испании. Отныне запад Испании контролировали франкисты, а восток – республиканцы. На севере продолжала держаться республиканская зона в Астурии и стране Басков. Но войска Молы взяли Сан-Себастьян и таким образом обеспечили себе удобные коммуникации снабжения из Германии.

Перед решающим наступлением на Мадрид Франко должен был отвлечься на взятие Толедо – иначе республиканцы оказались бы в тылу у наступающей на Мадрид армии.

Республиканцы контратаковали – 24 сентября нанесли удар от Эскалона с севера по наступающим на Толедо частям и взяли Македу. Франко пришлось остановиться и отбиваться.

Толедо был взят 27 сентября без значительного сопротивления. Большое моральное значение

имело освобождение от осады франкистского гарнизона Алькасара. Ссылаясь на Алькасар, можно было доказывать, насколько участники «крестового похода» против республики храбрее республиканцев. Но это сравнение было уместно чуть больше месяца – до битвы за Мадрид.

* * *

1 октября 1936 г. Франко был провозглашен новым главой государства, каудильо и генералиссимусом. 18 ноября фашистские государства признали Франко законным правителем Испании.

Франко поддержала консервативная Испания, живущая католическими традициями, мечтавшая о возвращении средневекового могущества страны и с благожелательным интересом наблюдавшая преобразования в Италии и Германии.

Каудильо стремился оставаться «отцом нации» и, со временем, восстановителем монархии. Он нашел политическую опору в лице консерваторов СЭДА (тем более, что их вождь Хиль Роблес покинул Испанию), карлистов (твердых сторонников монархии, когда-то боровшихся против Бурбонов) и особенно – фашистской «Фаланги и ХОНС». Лидер «Фаланги» Примо де Ривера 20 ноября был расстрелян республиканцами. Новый лидер Фаланги Мануэль Эдилья не обладал харизмой основателя движения и взял курс на подчинение фаланги Франко. Тот был не прочь взять в свои руки фашистскую организацию (и как инструмент управления, и как доказательство своего фашизма, необходимое для сохранения благосклонности Муссолини), но при условии полного подчинения фалангистов ему лично.

Хотя Франко и его генералы самоидентифицировались весьма многозначным термином «националисты», их идеология проявила свой фашистский характер, родственной итальянскому фашизму. Франко прямо и публично заявил в марте 1937 г.: «Для нас парламентаризм – причина нашего несчастья. Мы установили цеховой режим, который с малой разницей будет аналогичен режиму Италии и Португалии»¹⁹⁴. Обращаясь к итальянскому послу, Франко снова подчеркнул эту мысль: «Итальянский народ, несомненно, однороден с нами в идеях, и поэтому понял и чувствует испанскую трагедию»¹⁹⁵.

Не только каудильо, но и его генералы в этот период исповедовали отчетливо фашистские взгляды. Гонсало Кейпо де Льяно стал искоренять «классовую борьбу» фашистскими методами. На подведомственном ему юге Испании он ликвидировал профсоюзы и в феврале 1937 г. создал «Делегацию труда» из «представителей рабочих» всех отраслей. Они должны были вести переговоры с представителями предпринимателей в палатах «Агрикультуры и торговли» и «Морской и промышленной индустрии». Такое странное соединение отраслей объяснялось, вероятно, тем, что генерал хотел свести число палат к минимуму. «Председателями этих палат остаются назначенные мною лица, являющиеся делегатами моего авторитета»¹⁹⁶, – разъяснял генерал.

Развернутое изложение своих взглядов дал генерал Мола, выступая по радио Саламанки 27 февраля 1937 г. По его мнению, нынешнее движение устойчивее предыдущих, в том числе авторитарно-монархических режимов Испании. Каждый из предыдущих испанских режимов имел фундаментальные недостатки. Монархия пала «вследствие отвращения и презрения, которое чувствовали подданные по отношению к правителям»; М. Примо де Ривера, при всем уважении к его диктатуре, «не смог определить цель ее осуществления», деятели республики – рабы еврейского и масонского интернационализма – забыли, что в пробудившихся к общественной жизни слоях «традиционный дух коллективной души крепче, чем материалистическое властолюбие». В отличие от всех этих примеров, националистическое движение во главе с Франко имеет ясные цели, опирается на традиции страны и пользуется поддержкой всех классов. «Это доказывает энтузиазм, который все растет у масс, подтверждает постоянный прилив

¹⁹⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.327. Л.18.

¹⁹⁵ Там же. Л.23.

¹⁹⁶ Там же. Л.17.

добровольцев (на деле как раз в это время Франко произвел мобилизацию пяти возрастов – добровольцев уже не было – А. Ш.), утверждают бури аплодисментов, с которыми встречает каждый раз публика нашего генералиссимуса»¹⁹⁷.

В программе движения, изложенной Молой, мы снова встречаем «цеховую организацию отраслей промышленности», которая предотвращает возникновение «классовой борьбы – этой создательницы ненависти и главной причины слабости государства». Впрочем, «подавив классовую борьбу» на своей территории с помощью фашистских структур и террора, франкисты не избавились от ненависти. Их целью было не столько преодоление социальной ненависти, сколько сильное государство, которое обеспечит «признание исторической роли Испании и ее преимущественного положения среди свободных стран...». Как и другие фашисты, Мола выступал также за частную собственность (с характерной оговоркой «защита гражданина от эксплуатации капитала») и государственное регулирование промышленности¹⁹⁸.

Пропагандистская машина франкистов еще сильнее была ориентирована на социальные лозунги, пытаясь «перебить» этот «kozyрь» республиканцев. При этом франкистам было важно доказать, что не их, а республиканские социальные обещания являются демагогическими.

В сброшенной над Овьедо листовке, подписанной Франко, франкистские пропагандисты не стеснялись откровенно лгать от имени каудильо: «Столица и почти вся территория Испании в наших руках». Они обещали солдатам противника: «У нас вы будете иметь настоящую социальную правду, мир и работу»¹⁹⁹. В то время, когда идет война, в тылу Республики процветают богатство и торговля²⁰⁰. Испанское золото поделили Россия, масоны и евреи.

Поскольку в это время в Республике уже развернулись глубокие социальные преобразования, франкисты критиковали Республику в целом, включая и период до прихода к власти Народного фронта: «В течение этих лет снижались цены на скот, на сельскохозяйственные продукты, вас эксплуатировали посредники и касики, в то время, как за ваш счет в городах росла бюрократия». А вот национальное движение «освободит поля от касиков, от эксплуататоров, поднимет цены на продукты вашего сельского хозяйства, создаст богатство, новые источники труда и производства; обеспечит для всех рабочих семей справедливый и достаточный рабочий день; облегчит превращение земледельцев в собственников, будет создавать и сохранять настоящие богатства и изгонит из испанского общества эксплуататоров и паразитов»²⁰¹. Чем не программа левых «разжигателей классовой борьбы», ради искоренения которых генералы и начали Гражданскую войну.

На практике в зоне Франко не происходило никакого «изгнания эксплуататоров». Разве что осуществлялись меры по регулированию сельскохозяйственных цен (что привело к развитию черного рынка) и умеренные солидаристские меры. Из-за продовольственных трудностей власти пытались ограничить потребление, вводя «патриотические посты». Вводились косвенные налоги, производился «добровольный» сбор ценных вещей и сбор средств на «дни единого блюда», чтобы накормить нуждающихся. При этом «за недостаточные пожертвования в фонд единого блюда» обыватели штрафовались, о чем сообщалось в газетах²⁰².

В армии тоже культивировалась сплоченность между солдатами и офицерами. Республиканская пропаганда сообщала, что офицеры-фалангисты живут с солдатами, головой отвечают за состояние дисциплины и стойкость бойцов, живут надеждой на привилегированное

¹⁹⁷ Там же. Л.18–20.

¹⁹⁸ Там же. Л.20–21.

¹⁹⁹ Там же. Д.287. Л.32.

²⁰⁰ Там же. Л.33.

²⁰¹ Там же. Л.34.

²⁰² Там же. Д.327. Л.13.

положение после победы. Ведется эффективная романтически-героизаторская пропаганда²⁰³.

Набор взглядов и действий Франко, Мола и Кейпо вполне соответствует критериям именно фашистских режимов²⁰⁴. Это составляет большую проблему для нынешних адвокатов Франко и франкистов. Л. Пио Моа пишет: «Позднее страсть к борьбе, всемирный кризис либерализма и влияние европейских фашистских движений придали восстанию некоторые фашистские черты, которые никогда не достигали полноты итальянского фашизма и, тем более, немецкого нацизма»²⁰⁵. И в чем же это «некоторые фашистские черты» франкизма не достигли «полноты итальянского фашизма»? Муссолини создал корпоративную социально-политическую систему через несколько лет после прихода к власти, в конце 20-х – начале 30-х гг. Франко-уже в ходе Гражданской войны. Дуче делил власть с королем и монархическими кругами (которые отстранили его от власти, стоило Италии оказаться в затруднительной ситуации), а каудильо сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Итальянские фашисты много лет боролись с оппозицией методами арестов, издевательств и отдельных казней. Франкисты сразу пошли по пути массового террора. Фалангизм Франко оказался жестче итальянской разновидности фашизма и в сфере идеологического контроля, использовав институты католичества. Итальянский фашизм – проба пера, испанский – зрелое произведение, отстающее разве что от «классики» нацизма.

* * *

После смерти генерала Мола 3 июня 1937 г. в авиакатастрофе и успехов в боях на северо-западе страны Франко уже меньше опасался своих генералов.

«Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС» фактически стала правящей партией, но ее руководство претендовало на самостоятельность. Франко решил, что пора покончить с остатками плюрализма в стане националистов и слить все политические группы в Фалангу, а фалангистов поставить под свое начало, как армию. Но «хефе» Фаланги Эдилья критиковал монархизм Франко, считал необходимым после войны проводить более «левую» социальную политику²⁰⁶. Можно было бы и пожалеть противников после победы (подобные идеи высказывал и генерал Ягуэ). Франко не собирался мириться с тем, что кто-то будет «смягчать» его позицию.

Через своих людей Франко поощрял разногласия между фалангистскими вождями, которые, почувствовав близость абсолютной власти, были готовы решить спор вооруженной силой. 16 апреля товарищи покойного Хосе Антонио Примо де Ривера Аснар, Давила и Морено попытались сместить Эдилью, опираясь на отряды фалангистов. Эдилья собрал своих сторонников. Саламанка оказалась на грани «гражданской войны в тылу гражданской войны» – почти как Барселона в мае 1937 г. Эдилья попытался арестовать своих противников, вышла перестрелка, погибло по одному активисту. Противники Эдильи были арестованы при помощи армии. Казалось, что он станет правой рукой Франко в объединенной Фаланге. 19 апреля была провозглашена «унификация» – все легальные политические силы националистов (прежде всего, карлисты) входили в Испанскую традиционалистскую Фалангу и ХОНС, которую теперь возглавлял Франко. Отряды фалангистов распределили по фронтам. Эдилью сделали рядовым членом Политсовета. Тот был возмущен, отказался принять этот пост, а по некоторым данным, даже предпринял шаги к сохранению прежней фаланги²⁰⁷. Франко счел это подготовкой мятежа, и Эдилья был арестован. Ему вменили в вину беспорядки 16 апреля, и «хефе» был приговорен к смерти. Потом смертную казнь заменили тюрьмой, где оказалась и часть его сторонников.

²⁰³ Там же. Д.483. Л.15.

²⁰⁴ Подробнее о феномене фашизма см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне (1929–1941). С. 81–116.

²⁰⁵ Рио Моа. Op. cit. P.189.

²⁰⁶ Престон П. Указ. соч. С.202.

²⁰⁷ Там же. С. 204–210.

* * *

Франко провозгласил программу государственного регулирования экономики. Во время гражданской войны эта политика проявила себя прежде всего в сельском хозяйстве. По словам испанского историка С. Барсьелы, «земледельцы часто оказывались в ситуации полнейшей неопределенности в отношении цены, которую они должны были получить за свое зерно. Иногда госцена объявлялась в разгар сбора урожая, и часто Национальная служба зерна прибегала к ее увеличению с обратным действием на короткое время в период тяжелой нехватки зерна. Также не соблюдался принцип неизменности системы цен в течение длительного периода. Так как Служба упорно и любой ценой старалась поддержать низкие и стабильные твердые цены, а земледельцы уходили из-под этой системы, Служба... установила твердые стабильные базовые цены, которые дополнялись рядом премий без какого-либо экономического обоснования... Кроме того, Служба допустила одну из худших ошибок, которую можно допустить в системе цен: установление различных цен за одинаковый продукт. Можно без преувеличения утверждать, что именно правительство и ввергло рынок зерна в ужасную путаницу. Установление премий без экономического обоснования привело к тому, что уплаченные цены могли колебаться от 84 до 224 песет за квинталь. Собственно Служба признала, хоть и слишком поздно, эту чудовищную ошибку: „Эти различные премии приводили к установлению различных цен за зерно одинакового качества и существенно стимулировали развитие подпольного рынка“. Тем не менее, как было указано выше, худшим в этой системе и тем, что определенно привело к депрессии производства, было отсутствие цен, покрывающих издержки, политика низких твердых цен. Можно заключить, что ошибки и недостатки системы вмешательства в сельское хозяйство в контексте общей и экономической политики, неблагоприятной для экономического прогресса, в большой степени определили производственный крах сельского хозяйства Испании, который начался в годы конфликта и продолжился в течение бесконечного послевоенного периода»²⁰⁸.

19 марта 1938 г. по образцу фашистской Италии была принята «Хартия труда», а 9 апреля 1938 г. – закон о труде, введившие корпоративную систему регулирования трудовых отношений, при которой государство руководило «вертикальными синдикатами», объединявшими работников и работодателей. Так были заложены основы послевоенного социального государства Испании. Франкистский режим развивался по фашистскому пути.

* * *

По подсчетам испанских историков, 60 % жителей Испании «остались на республиканской территории и 40 % – на территории националистов. Правительство Республики контролировало 22 столицы провинций, тогда как мятежники – 28.

Экономическая структура также оказалась очень различной, так как в начале конфликта около 30 % сельскохозяйственной продукции приходилось на республиканскую зону, а 70 % – на территорию националистов. Напротив, 80 % промышленного производства располагалась в республиканской зоне, и 20 % – на территории националистов. Другими словами, территория республиканцев соответствовала 70 % государственного бюджета, против 30 %, которые приходились на территорию националистов»²⁰⁹.

Однако вмешательство в конфликт фашистских государств резко изменило соотношение сил между «двумя Испаниями», за спиной одной из которых встали две великие державы.

Военная промышленность Испании была слабо развита, современное оружие можно было только купить за границей. 24 июля Испания запросила дружескую Францию о возможностях закупки вооружений. Блюм ответил согласием: почему бы нет, подавление мятежа – внутреннее дело Испании. 23 июля министр авиации П. Кот с одобрения Блюма предложил поставить в

²⁰⁸ Barciela C. Las reformas agrarias de los nacionales: propuestas y realizaciones. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. P. 500–501.

²⁰⁹ Sánchez Asiaín J. A. La economía española durante la Guerra Civil: dos modelos enfrentados. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. P.430.

Испанию 20–30 бомбардировщиков. Поставки готовились в тайне, но испанский военный атташе в Париже А. Барросо решил посодействовать мятежникам и сообщил о предстоящих поставках прессе. Противники Народного фронта подняли скандал – Франция решила вмешаться в дела соседней страны! Французский премьер Блюм слыл пацифистом, но он же был и лидером Народного фронта Франции. Как пацифист, Блюм не хотел «разжигать войну» в соседней стране, как социал-демократ – хотел помочь Народному фронту Испании.

Одновременно Хираль стучался и в другие двери. Он просил горючее и оружие у англичан, СССР, а сначала даже у немцев²¹⁰. Уже 22 июля Сталин принял принципиальное решение о продаже Испании горючего по льготной цене²¹¹. Однако к практической реализации этого решения советское руководство подошло только в середине августа. Обстановка опять изменилась.

Интернационализация конфликта в Испании оказалась неожиданностью для европейской дипломатии. Сначала казалось, что дело быстро решится или победой переворота, или его разгромом. Вместо этого началась затяжная война, причем во многом – из-за внешнего вмешательства. Теперь с этим нужно было что-то делать.

В этой ситуации 23–24 июля Блюм прибыл в Лондон, чтобы обсудить возможности политики невмешательства, которая могла бы предотвратить помощь участникам внутрииспанского конфликта. Блюму казалось, что этот пацифистский план сможет остановить вмешательство Германии и Италии в обмен на обещание Франции и Великобритании не помогать Республике. Таким образом Франция избегала угрозы конфликта с Германией и Италией к югу от своих границ.

25 июля – 9 августа французское правительство то запрещало, то снова разрешало продажу французского оружия Испании. За это время Кот протолкнул первую поставку.

До начала советской помощи Республика получила 17 истребителей и 12 бомбардировщиков, по качеству уступающих немецким и итальянским.

2 августа итальянский самолет, летевший на помощь франкистам, сломался и вынужден был сесть во французском Алжире. Франция узнала, что конфликт уже не носит сугубо внутреннего характера. Казалось бы, нужно было возмутиться и усилить поддержку Испании, которая, по сути, оказалась жертвой агрессии. Но французскому правительству совсем не хотелось ссориться с Италией. Конфронтация с ней, да еще в условиях неприязненного отношения Великобритании к революционной Испании, грозила Франции изоляцией.

2 августа Франция обратилась к Великобритании и Италии, а затем ко всем заинтересованным странам, включая Германию, СССР и США, с предложением организовать режим «невмешательства» в испанские дела, полностью исключив поставку в этот очаг конфликта военных материалов. Это было бы выгодно Испанской республике, так как она в августе меньше нуждалась в помощи, чем Франко. Германия обусловила свое участие в «невмешательстве» тем, что к нему должен присоединиться также СССР. Для французской дипломатии было важно привлечь к соглашению СССР, и она снискала успех – в этот момент Франция для советского руководства была важным партнером по «коллективной безопасности». СССР боялся вернуться в положение международной изоляции, а «невмешательство» становилось клубом держав, допущенных к участию в испанских делах. Чтобы ни у кого не возникло сомнений в необходимости пустить СССР в этот клуб, 2 августа были начаты массовые демонстрации солидарности с Испанской республикой и сбор средств в помощь ей. В этот период помощь Республике увязывалась с кампанией демократических сил в мире. Как говорилось в докладе замзавотделом ИККИ П. Шубина 7 августа, «Гитлер и Муссолини стремятся сорвать морально-политическую и материальную помощь, которую народные массы во всем демократическом мире начали оказывать испанскому народу и его законному правительству. Нам

²¹⁰ Виньяс А. Почему Сталин решил оказать помощь Испанской республике? Дискуссионный вопрос в историографии гражданской войны. Ч.1. // Испанский альманах. Выпуск 2. М., 2010. С.102.

²¹¹ Рыбалкин Ю. Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000. С.37.

надо спешить с этой помощью»²¹².

Подобные сигналы поступали руководству СССР и по линии разведки. 7 августа заместитель начальника Разведуправления РККА комдив Никонов и полковой комиссар Йолк делали следующие выводы: «Судьба Народного фронта в Испании в значительной степени зависит сейчас от внешнего фактора. По соотношению внутренних сил Народный фронт имеет сейчас явные шансы на победу.

Однако, в виду помощи мятежникам со стороны германского и итальянского фашизма перспективы Народного фронта значительно ухудшаются. Неполучение Мадридом существенной поддержки извне может иметь тяжелые последствия для исхода борьбы»²¹³.

Получив предложение Франции о невмешательстве, заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский советовал Сталину: «Мы не можем не дать положительный, или дать уклончивый ответ, потому что это будет использовано немцами и итальянцами, которые этим нашим ответом будут оправдывать свою дальнейшую помощь повстанцам»²¹⁴. Советское руководство склонялось к поддержке «невмешательства», но при этом оказывало невоенную поддержку Республике. 17 августа Политбюро постановило продать Мадриду мазут на льготных условиях²¹⁵. Теперь мазут пошел в Испанию.

Чтобы проще было координировать помощь, были оперативно установлены официальные дипломатические отношения между Испанией и СССР (которых раньше не было), и 24 августа в Мадрид прибыл советский полпред М. Розенберг. В Москву был направлен посол М. Паскуа.

15 августа соглашение о «невмешательстве» было подписано Великобританией и Францией. 21 августа об участии в «невмешательстве» заявили Италия и Португалия, 23 августа – СССР, 24 августа – Германия. 9 сентября 1936 г. был создан Международный комитет по невмешательству, в который со временем вошло 27 государств. При этом, как отмечает В. В. Малай, «политическая наивность – полагать, что помощь прекратится – не была свойственна никому из европейских лидеров, начинавших непростую игру под названием „невмешательство“»²¹⁶.

А. Виньяс считает, что «республиканцы совершили чудовищную ошибку, когда не оказали жесткого сопротивления принятию Лигой Наций Пакта о невмешательстве»²¹⁷. Но кто бы стал считаться с мнением Испанской республики, когда по этому поводу определились Лондон и Париж? Через два года Чехословакия окажет «жесткое сопротивление» заключению Мюнхенского пакта, и ее представителей просто выставят за дверь. С того момента, как Франция нашла для себя выход в «невмешательстве», остановить проведение этой политики было нельзя. Испания должна была сопротивляться международному произволу не на дипломатическом паркете, а на полях сражений. И она делала это.

Бурная дипломатическая активность вокруг испанской трагедии создает у некоторых авторов впечатление, что судьба Испании решалась не в Мадриде²¹⁸. Именно из этого и исходили

²¹² Коминтерн и гражданская война в Испании. С.116.

²¹³ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.845. Л.9.

²¹⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001. С. 339.

²¹⁵ Там же. С. 340.

²¹⁶ Малай В.В. СССР в Испании (1936): малоизвестные страницы (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации). // Испанский альманах. Выпуск 2. С.129.

²¹⁷ Viñas Á. El honor de la República. Barcelona, 2009. P.543. Характерно, что англо-французская дипломатия, конструируя «невмешательство», пошла как раз в обход Лиги наций, лишая эту структуру даже скромного влияния на международные дела. Великие державы брали на себя ответственность за судьбу «младших братьев» по Европейскому дому. Испания, а затем Чехословакия, Польша, Румыния фактически были признаны государствами второго сорта, судьбу которых будут решать Лондон, Париж, Берлин и Рим (нехотя признавалось – и Москва).

²¹⁸ Малай В. В. Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны, 1936–1939. Белгород, 1999.

«вершители судеб мира» в Лондоне, Париже, Берлине и Риме. Кто такие эти испанцы, чтобы решать свою судьбу?! Но дипломатические игры три года буксовали, потому что судьба Испании решалась хоть и не только в Мадриде, но в Мадриде – не в меньшей степени, чем за пределами Испании. Потому что если бы республиканцы не остановили франкистов под Мадридом, в европейских кабинетах по «Испанскому вопросу» нечего было бы даже обсуждать. Те авторы, которые убеждают нас, будто «Испанская война выигрывалась и терпела поражение не в Бургосе и Мадриде, не у Теруэля или вдоль Эбро, а в кабинетах Европы»²¹⁹, пытаются доказать бессмысленность сопротивления воле мироправителей. Получается, не нужно было лить кровь на полях сражений. Достаточно было покорно ждать, что решат в европейских кабинетах. А там уже осенью 1936 г. решили – сопротивление Республики бессмысленно, оно мешает умиротворению. Но оно продолжало мешать. И в этом было его глубокое значение. Это к октябрю осознано советское руководство. Испания приняла на себя удар фашизма – и не сдалась. Начинается сражение на дальних подступах. Следует помогать Народному фронту, потому что он уже начал войну, к которой готовился СССР.

Сейчас, когда мы знаем дальнейший ход событий, включая позор Мюнхена и капитуляции Франции 1940 г., позиция СССР предстает и как более благородная, и как более разумная. Умиротворение провалилось.

Но в 1936–1938 гг. у него были шансы на успех (хотя, вероятно, этот успех был бы страшнее провала 1939–1940 гг.), и успех этот заключался в перенаправлении энергии германской агрессии на восток²²⁰. А Испания, оказав это «досадное» сопротивление фашизму, смешивала карты, направляла внимание Гитлера совсем не туда, куда «следовало» – на запад. Это геополитическое мышление умиротворителей настолько подводило их, что они готовы были поставить Францию в окружение фашистских государств, лишь бы те обратили потом взоры прочь от Пиренеев.

Но для СССР и по идеологическим, и по внешнеполитическим соображениям было принципиально важно, чтобы Республика не была разгромлена. Сталин решил протянуть ей руку помощи, хотя бы и через всю Европу, где многие хотели бы эту руку «укусить».

Всерьез «невмешательство» собирались выполнять только либеральные режимы, особенно Франция, перепуганная близостью к ее границам войны и революции.

Единственной страной, которая в силу своей удаленности от Германии, Италии и Японии могла не просто помогать Испанской республике, но делать это открыто, была Мексика. Президент Карденас говорил в марте 1937 г.: «Нам нечего скрывать нашу помощь Испании, мы будем продолжать снабжать ее оружием»²²¹.

Однако пример Мексики (которая в то же время предоставляла прикрытие и для советской помощи) служил укором для СССР, что использовалось оппонентами коммунистов. Как писала «СНТ» 10 марта: «Мексика не принимала участия в сделках контрольной комиссии и отзывала своих послов из Берлина и Рима потому, что считала, что из этих стран отправлялись в фашистскую Испанию регулярные армии»²²². Впрочем, критики СССР могли бы догадаться, что Мексика, не обладавшая развитой военной промышленностью, является посредником. Уже 6 сентября Сталин дал указание Кагановичу изучить возможность переправки самолетов в Испанию под видом закупок в Мексике. 14 сентября по указанию политического руководства иностранный отдел НКВД и Разведуправление НКО разработали план «операции X» – отправки военной помощи Испании²²³.

Германия и Италия были ближе и могли спокойно перебрасывать военные материалы и войска через Португалию. Португальский диктатор Салазар активно поддерживал Франко, и

²¹⁹ Puzzo D. Spain and Great Powers. 1936–1941. N.Y., 1961. P.195.

²²⁰ См.: Шубин А. В. Указ. соч. С. 183–196, 270–297, 308–311.

²²¹ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.52.

²²² Там же.

²²³ Подробнее см.: Испанский альманах. Выпуск 2. С. 100–155.

проконтролировать переброску «нелегальных грузов» через португальско-испанскую границу было практически невозможно. Более того, осенью 1936 г. полиция Бордо вскрыла контрабанду французского оружия (бомб) в пользу Франко²²⁴.

Советский Союз был далеко, а Италия – близко. Транзит грузов из Германии и Италии в Португалию и дальше к Франко шел гораздо интенсивнее, чем полулегальные поставки, организованные СССР. В результате Франко получил очевидную выгоду от политики «невмешательства». Приобретя боеприпасы и авиацию, франкисты стали стремительно продвигаться вперед.

Осознав, что политика невмешательства не способна помочь Республике, советское руководство 26 сентября приняло решение об оказании военной помощи Испании. Сделано это было не без колебаний – еще накануне советская сторона давала понять республиканцам, что не заинтересована в эскалации конфликта и опасается расширения интервенции фашистов²²⁵.

7 октября 1936 г. советский представитель С. Б. Каган выступил с разоблачением грубых нарушений соглашения о «невмешательстве» Италией, Германией и Португалией. Он констатировал, что в условиях постоянного потока помощи мятежникам, в частности, через Португалию, соглашение о невмешательстве фактически не действует. Если это не прекратится, если нарушения в Португалии не будут расследованы, СССР грозил выходом из соглашения.

Первый пароход с советским оружием прибыл в Испанию 14 октября (десятью днями ранее советское оружие привез испанский пароход). С этого времени СССР, Германия и Италия вмешивались в конфликт в Испании почти открыто. Поставки по воде были связаны с большим риском, так как итальянцы развернули в Средиземном море подводную войну. В ноябре 1936 г. в результате атаки Картахены подводными лодками был поврежден крейсер «Мигель Сервантес». Министр авиации и флота Прието комментировал: «Мятежники никогда не располагали собственными подводными лодками»²²⁶. Сомнений не было – это были итальянцы. 14 декабря 1936 г. фашистами был потоплен пароход «Комсомол».

Впрочем, СССР не собирался выходить из соглашения по «невмешательству», которое в октябре 1936 г. не соблюдали ни Германия, ни Италия, ни сам СССР. Во-первых, необходимо было сохранять с таким трудом налаженные отношения с Францией как с потенциальным союзником против Германии в Центральной и Восточной Европе (французы предупредили, что в случае столкновения СССР и Германии в Испании советско-французский пакт действовать не будет). Во-вторых, СССР не хотел в это время выглядеть международным буйном, срывающим миротворческие инициативы. В-третьих, механизм «невмешательства», как казалось, позволяет хотя бы отчасти контролировать и сдерживать вмешательство Германии и Италии. В действительности, поняв, что французские демократы предали испанских демократов из страха перед войной и революцией, фашистские державы в Испании практически не стеснялись в действиях.

23 октября на заседании Комитета по «невмешательству» СССР заявил о том, что ввиду систематических нарушений другими странами соглашения о невмешательстве советское

²²⁴ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.6. Л.56.

²²⁵ Alvarez del Vayo J. Les batailles de la liberte. Paris, 1963. P.237. А. Виньяс, стремящийся представить Сталина обычным прагматичным европейским политиком, настаивает, что он втянулся в испанский конфликт как бы произвольно: он «не напрасно подчеркивал ранее, что его помощь является вспомогательной по отношению к той, которую должны оказать западные демократии. Советский диктатор полагал, что должен всегда находиться на второй линии. Тем не менее, самоустранение демократических держав привело к тому, что, несмотря на желание Сталина, поставки Советского Союза вышли для республиканцев на первый план» (Viñas A. Armas y hombres para España. Los aroyos exteriores en la guerra civil. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. P.407). Это замечание А. Виньяса исходит из реалий июля – августа 1936 г., когда СССР еще не оказывал Испании военную помощь, а также из более поздних советских заявлений. Но что бы формально ни провозглашалось, Сталин не был настолько наивен, чтобы после октября 1936 г. полагать, будто Франция, не говоря уже о Великобритании, будет оказывать Республике больше помощи, чем СССР. Вступая в военную игру на Пиренеях, Сталин понимал, что СССР здесь будет противостоять Германии и Италии в одиночку, рассчитывая лишь на дружественный нейтралитет Франции. Так что советская помощь Республике вышла на первый план с того момента, с которого стала поступать.

²²⁶ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.6. Л.57.

правительство не может считать себя связанным им в большей степени, чем любой из остальных участников этого соглашения. Таким образом, СССР провозгласил, что будет соблюдать соглашение в той же степени, что и Германия и Италия. То есть – в минимальной.

Впрочем, британская дипломатия, игравшая ведущую роль в Комитете, не склонна была ставить большевиков на одну доску с уважаемыми Германией и Италией. Так, на заседании Комитета 28 октября лорд Плимут добился утверждения резолюции, признающей необоснованность советских обвинений против Италии и Португалии. Вместе с тем, Комитет принял к сведению 15 из 20 пунктов итальянской ноты против СССР²²⁷.

Согласованные Комитетом меры контроля за военными поставками в Испанию, принятые 15 февраля 1937 г. при фактическом игнорировании советских предложений, касались прежде всего испанских портов. При этом поставки по воздуху и через Португалию не контролировались. Это значит, что «невмешательство» было направлено прежде всего против помощи Республике.

Обобщая для советского руководства ход военных действий на море, капитан второго ранга Алафузов писал, что различие в положении двух сторон заключается в том, что фашистские перевозки производились на итальянских и немецких судах под прикрытием итальянского военного флота, на который республиканцы не могли напасть, а «перевозки оружия в республиканские порты производились почти исключительно на республиканских торговых судах, и уже это полностью развязывало руки фашистам... Все это привело к тому, что роли в борьбе на коммуникациях распределились таким образом, что республиканцы остались стороной, борющейся за сохранение своих коммуникаций и ни в какой мере не посягающей на коммуникации противника, фашисты – стороной стремящейся нарушить коммуникации противника и нисколько не озабоченной защитой своих коммуникаций»²²⁸.

Таким образом, уже к октябрю 1936 г. стало ясно (и затем этот факт находил все больше подтверждений), что «невмешательство» стало формой умиротворения агрессора со стороны Великобритании и Франции. Правительство Народного фронта Франции готово было оставить Народный фронт Испании на съедение фашистам. В этих условиях у Республики остались два союзника – СССР и Мексика. Оба – крайне удаленные от места событий. И только СССР производил современное оружие, которое могло тягаться с германским и итальянским. Такова была расстановка международных сил, крайне неблагоприятная для Республики.

Испанский историк А. Виньяс стремится обосновать тот же тезис «Судьба Испании решалась не в Мадриде», не питая иллюзий по поводу дипломатических игр в европейских кабинетах. Он придает решающее значение советской военной помощи: «В условиях, когда демократические державы устарились от поддержки, а вмешательство фашистов стало более активным, только помощь Советского Союза на какое-то время спасла Республику. Именно эта помощь установила материальную базу для того, чтобы вести длительную войну, но никогда не была достаточной для того, чтобы республиканцы могли победить в конфликте, который они проиграли почти с самого начала»²²⁹. Это рассуждение не вызывало бы возражений, если бы не приговор: Республика «проиграла почти с самого начала». Бессмысленны были сражения под Мадридом, разгром итальянцев под Гвадалахарой и взятие Теруэля. Правы были не миллионы испанцев, произносившие «No pasaran», а «мудрые пескари», пропагандировавшие капитуляцию.

²²⁷ См.: Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и Европа: международные аспекты конфликта. М., 2011.

²²⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.450. Л.2.

²²⁹ Viñas Á. Op. cit. P.410. А. Виньяс делает оговорку, которая ставит под сомнение его же тезис о проигрыше с самого начала: «Внешние поставки сами по себе не определяли ни поражение, ни победу, но, без сомнения, самым существенным образом способствовали тому или иному. Абсолютное превосходство мятежников, которое они имели с самого начала войны, основанное на африканских вооруженных силах, в частности, колониальных войсках и Легионе, единых формированиях, обладающих достаточной дисциплиной и опытом для того, чтобы разбить дезорганизованную милицию и останки поверженных войск, было усилено иностранными солдатами и материальным обеспечением» (Там же). Получается еще интереснее: Франко и без помощи фашистов мог разгромить республику, но даже с их помощью не смог взять Мадрид в ноябре 1936 г. – когда советские поставки еще только начались. Нет, тезис об абсолютном превосходстве франкистов независимо от помощи извне явно не соответствует картине военных действий в ноябре 1936 г. – декабре 1937 г.

Это – принципиальный вопрос, и мы не раз будем к нему возвращаться: была ли Республика обречена с самого начала, или она могла при определенных условиях победить или хотя бы продержаться до начала Второй мировой войны.

Истоки позиции современных авторов, проповедующих «изначальную обреченность» Республики, уходят корнями в пессимизм и последующее капитулянтство части ее лидеров либерального и социал-либерального направления, прежде всего М. Асанья, И. Прието и Х. Бестейро. Они не верили во внутренний ресурс Республики, в мобилизацию широких масс. Асанья связывал успех с поддержкой Франции. Но французское правительство отвернулось от Республики. Антонов-Овсеенко сообщал о беседе с президентом 21 октября: «Наедине со мною Асанья прямо говорит о потере им веры в возможность удержать Мадрид». Трудно сопротивляться «перед лицом современных бомбовозов»²³⁰.

Однако в сложившихся условиях Асанья ориентировался на тех, кто может предложить внешнюю помощь, даже если они далеки идеологически: «Асанья чрезвычайно хвалит Коммунистическую партию, ее четкую программу, ее организацию, выдержку, твердую дисциплину, сознание ответственности, что сделало из нее основу новой Испании и единственную надежду на окончательную победу над фашизмом и над хаосом анархии»²³¹.

Не веря в победу, Асанья искал спасения, возможности прекратить войну «вничью», опираясь на поддержку Сталина против Гитлера и коммунистов – против «анархии». Когда коммунисты задавят «анархию», а помощь Сталина окажется недостаточной, Асанья станет искать пути капитуляции.

Помощь СССР уравнивала, хотя бы отчасти, внешний фактор вмешательства фашистских государств. Она, даже если бы оказывалась в больших масштабах, не могла уравновесить всё, если бы сами антифашисты не имели воли к сопротивлению. Откровенно недооценивая внутренние факторы сопротивления, А. Виньяс готов видеть именно в советской помощи объяснение того, что «обреченная» Республика устояла осенью 1936 г.: «То, что было ВОЙНОЙ, и длительной, стало возможным благодаря помощи, предоставляемой Советским Союзом республиканскому правительству, когда последнее отступало на всех фронтах, теснимое силами под командованием профессионалов, подпитываемыми наемниками (Иностранский легион и колониальные солдаты, уже имевшиеся или спешно набранные в неисчерпаемых ресурсах Марокко)»²³². Получается, что под Мадридом несокрушимых африканцев остановили некие советские силы (именно такую картину рисовала франкистская пропаганда).

Как мы увидим, под Мадридом дело обстояло далеко не так, советская помощь, только начавшая поступать, сама по себе не могла обеспечить спасение столицы²³³. Натиск франкистов был уравновешен прежде всего внутрииспанским фактором, который отказываются замечать такие авторы, как А. Виньяс. Они не замечают его по идеологическим причинам, потому что он нарушает добропорядочную политкорректную картину прошлого. Этот фактор – РЕВОЛЮЦИЯ. Они либо не видят революции в упор²³⁴, либо замечают только ее разрушительные стороны. Задача объективного исследователя – рассмотреть не только разрушительные, но и созидательные стороны революционного процесса. И тогда станет видно, что у антифашистов по большому счету

²³⁰ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.79.

²³¹ Там же.

²³² Viñas Á. El honor de la República. Barcelona, 2009. P.542.

²³³ Полемизуя с Л. Пио Моа и косвенно с А. Виньясом, С. П. Пожарская справедливо пишет: «Ко времени обороны Мадрида поставки военной техники только начинались... Главную роль сыграли, без всякого сомнения, испанские соединения республики» (Пожарская С. П. Франсиско Франко и его время. М., 2007. С.66.). Впрочем, дело не только в ситуации времен битвы за Мадрид, но и в концептуальном преувеличении внешних факторов гражданской войны частью испанских авторов. Из этого вытекают и их идеологизированные интерпретации событий мая 1937 г. и последующего заката Республики.

²³⁴ В разговоре со мной в сентябре 2009 г. А. Виньяс эмоционально воскликнул: «Не было никакой революции, была война и только война!».

был не один (внешний), а как минимум два фактора сопротивления (что доказывает уже оборона Мадрида) – революция и помощь СССР. В сложившихся условиях нельзя было победить, имея только один из них. Поражение вытекало из ослабления не только советской помощи, но и революции.

* * *

В Испанию прибывали добровольцы левых взглядов со всего мира, которые вступали в интернациональные бригады, сражавшиеся против франкистов. Свыше 70 % интернационалистов составляли коммунисты, и столько же – участники Первой мировой войны²³⁵. Это было очень важно, потому что большинство испанских мужчин не имели военного опыта. В этом заключался секрет повышенной боеспособности интербригад по сравнению со средними республиканскими частями.

Советские военные специалисты также считались добровольцами. Однако советским гражданам, которые по собственной инициативе обращались с просьбой направить их в Испанию, отправлялся стандартный ответ: «Сообщаем Вам по этому поводу, что Советское правительство не занимается вербовкой добровольцев для Испании»²³⁶.

С августа в Испанию стали прибывать военные специалисты. Всего в Испании присутствовало около 4 тысяч советских граждан. СССР поставил республике 648 самолетов (RZ, СБ, Р-5, И-15, И-16), 347 танков (Т-26, БТ-5), 60 бронемашин, 1186 орудий, 340 минометов, 20486 пулеметов, 497813 винтовок²³⁷.

Эффективность использования этого оружия могла быть куда выше. Как докладывал в 1938 г. Р. Малиновский, «если посчитать брошенное оружие республиканцами за всю войну, то его хватило бы с избытком на целую новую армию...»²³⁸

Впрочем, Сталин предпочитал вести беспроигрышную игру. Поставки советского оружия оплачивались за счет золотого запаса Испании. 510 тонн испанского золота прибыло в Одессу 5 ноября 1936 г. Этот запас был исчерпан только к концу 1938 г., и лишь последние, уже нерегулярные поставки были произведены «в кредит».

У Сталина были основания также опасаться утери советских военно-технических секретов через Испанию. Так, осенью 1936 г. два только что поставленных И-15 были угнаны к противнику испанскими пилотами, симпатизировавшими франкистам²³⁹. Эти опасения, наряду с политическими соображениями министра авиации и флота Прието, препятствовали передаче авиации в «неблагонадежные» районы Каталонии и Арагона, что трагически сказалось на ходе военных действий.

В целом, конечно, вмешательство фашистских государств значительно превышало помощь СССР. Прежде всего, Италия и Германия направили в Испанию свои боевые части, а не только советников. Здесь постоянно находилось до 50000 итальянских солдат и до 10000 немецких²⁴⁰. Через Испанию прошли 150–200 тыс. итальянцев и 50 тыс. немцев²⁴¹. По советским данным, Германия и Италия поставили в Испанию соответственно: 593 и 1000 самолетов, 250 и 950 танков и бронемашин, 700 и 1930 орудий, 6174 и 1426 минометов, 31000 и 3436 пулеметов, 157306 и

²³⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.278. Л.215.

²³⁶ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.6. Л.87.

²³⁷ Рыбалкин Ю. Е. Указ. соч. С.44.

²³⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.483. Л.74.

²³⁹ Там же. Д.275. Л.28.

²⁴⁰ Thomas H. Op. cit. P. 977–978.

²⁴¹ Рыбалкин Ю. Е. Указ. соч. С.18.

240747 винтовок. Это гораздо больше, чем мог себе позволить СССР²⁴².

Испания стала полигоном для проверки в деле военной техники СССР, Германии и Италии. Военные специалисты обеих сторон скрупулезно фиксировали все нюансы действий и технического состояния танков, самолетов и артиллерии, оценивали и передавали в центр информацию о том, как ведут себя отдельные детали – вплоть до винтиков и патрубков, удобно ли летчику и танкисту, каким образом ведет себя техника в разных погодных и климатических условиях. Пристальное внимание уделялось трофейной технике. Испания предоставила уникальную возможность помериться техническими силами с потенциальным противником. Свое превосходство над итальянской техникой показали советские танки и самолеты, обогатился опыт их применения.

Первоначально советские специалисты с удовольствием докладывали: «Воздушные бои неизменно заканчиваются перевесом в нашу сторону»²⁴³. Советским летчикам удалось добиться прекращения систематических бомбардировок глубоких тылов республики, включая Картахену и Альбасете. «Хейнкели» и «Фиаты» отстают от И-15 по маневренности и от И-16 – по скорости. Ситуация стала меняться к худшему в 1937 г., когда в воздухе появились «Мессершмитты-109», а союзники Франко стали резко наращивать поставки.

Советские летчики в Испании работали до изнеможения: за 5 месяцев в среднем на каждого приходилось по 250 часов боевой работы. «Без советских пилотов война с началом помощи пошла бы намного хуже для Республики, попросту потому, что в битве при Мадриде у нее не было достаточного количества опытных летчиков и мало кто был знаком с новыми самолетами, прибывавшими с Востока»²⁴⁴, – считает историк А. Виньяс.

Потери авиации составляли 400 % в год. Роль советских специалистов-авиаторов в 1936–1938 гг. оставалась ключевой. Все решения испанского авиационного командования согласовывались с главным советником авиации Я. Смушкевичем. «Можно сказать, что Смушкевич, оставаясь формально на положении советника, фактически является руководителем всей авиации»²⁴⁵.

Сообщения из Испании оказали существенное влияние не только на техническое развитие авиации, но и на понимание стратегических аспектов ее применения. Так, в докладе майора Гречнева говорилось: «На наших учениях и маневрах тяжелая авиация используется в основном по крупным объектам в глубоком тылу, без взаимодействия с истребительной авиацией, так как радиус действия последней позволяет осуществлять это взаимодействие только в зонах, расположенных недалеко от линии фронта. Опыт войны в Испании показал, что материальная часть, находящаяся на вооружении тяжелой авиации, не позволит осуществить эту задачу»²⁴⁶.

Гречнев обращает внимание и на такой парадокс: при том, что матчасть лучше у нас, подготовка пилотов лучше у противника. Почему? Наша подготовка засорена лишними предметами, в том числе стрелковыми. Более того: «У нас очень сильно увлекаются физкультурой и часто за счет основных элементов обучения в некоторых частях умудряются даже освобождать от полетной работы летно-технических состав, лишь бы не ударить лицом в грязь при очередных состязаниях по физкультуре»²⁴⁷. Увы, избавиться от этого недостатка до 1941 г. не удалось.

По мнению А. Виньяса, «советское вооружение было изначально лучшего качества, чем итальянское и немецкое, но державы Оси компенсировали качественное отставание тремя способами: убыстрение поставок, создание ударных сил, таких как „Кондор“, и направление

²⁴² Там же. С.44.

²⁴³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.278. Л.218.

²⁴⁴ Viñas Á. El escudo de la República. Barcelona, 2007. P.633.

²⁴⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.360. Л.12.

²⁴⁶ Там же. Д.441. Л.17.

²⁴⁷ Там же. Л.22.

военных сил и техники в таком количестве и динамике, при которых был быстро достигнут баланс в пользу Франко»²⁴⁸. Слово «быстро» нуждается в уточнении. Мы увидим, что перевес стал решающим только с 1938 г.

Анархия и власть

На стороне Республики сражались сторонники перемен, модернизации страны, преодоления вековой отсталости. Однако согласие заканчивалось на уровне общих лозунгов и необходимости сражаться против мятежников.

Старт Гражданской войны, всеобщее вооружение активных граждан в Республике привели к началу уже не просто политической, а глубокой социальной революции²⁴⁹. Некоторое время Республика была открыта социальному творчеству снизу, созданию именно таких порядков, какие по нраву организованным работникам.

И под пулями, и в тылу люди живо обсуждали перспективы перемен. «В 1936 г. свобода была полной, как будто на дворе не война, а предвыборная кампания»²⁵⁰. Бывает, что революция, открывая дверь свободе выбора, которая и не снится современным предвыборным кампаниям, в то же время связана с необходимостью защищать и эту свободу, и этот выбор с оружием в руках. И война начинает пожирать свободу. Но в спокойное и стабильное время не открывается сама дверь.

Дезорганизация государственной машины была общим следствием революции на всей территории Испании, и притом весьма долгосрочным. Даже в октябре А. Марти сетовал: «Государственный аппарат либо уничтожен, либо парализован. В лучшем случае он не пользуется никаким авторитетом»²⁵¹.

Теперь каждая партия и профсоюз имели свои вооруженные формирования. Это значит, что реальная власть оказалась в руках множества низовых формирований, как никогда приблизилась к населению, и, вопреки предсказаниям правых, это не вызвало хаотической войны всех против всех. В июле во многих регионах страны возникли местные центры власти – Центральный комитет антифашистской милиции Каталонии, правительство Страны Басков, Совет Астурии и Леона, Арагонский Совет, Хунта Сантандера и др. В эти органы входили представители партий Народного фронта и анархисты. Советы и хунты пользовались широчайшей автономией. Активно действовали и многочисленные низовые структуры самоорганизации – профсоюзные комитеты на предприятиях, территориальные революционные комитеты и комитеты Народного фронта,

²⁴⁸ Viñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. P. 410–411.

²⁴⁹ В. В. Дамье пишет: «Современные российские исследователи склонны считать, что в Испании того периода не существовало реальных условий для победы социальной революции», и ссылается при этом почему-то на нашу с С. П. Пожарской главу «Гражданская война и франкизм в Испании» в монографии «Тоталитаризм в Европе XX в. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления». М., 1996 (Дамье В. В. Указ. соч. С.667). Однако он не приводит какой-то конкретной цитаты, и это не удивительно, потому что моя точка зрения прямо противоположна – в Испании была социальная революция и она теоретически могла победить. Об этом говорится и в указанной главе: анархо-синдикалисты столкнулись «с реалиями социальной революции» (С.159), то есть революция случилась. При этом победить франкизм было можно «только методами, принципиально альтернативными как авторитаризму, так и тоталитарной перспективе» (С.169). А это и есть методы реальной социальной революции. Такова действительная позиция «современных российских исследователей» в работе, на которую ссылается В. В. Дамье. Характерно, что В. В. Дамье считает, что говорить о социальной революции в Испании после лета 1937 г. «можно было уже только с большой натяжкой» (Дамье В. В. Указ. соч. С.371). И это – при сохранении возникшего в 1936 г. сектора коллективов. Все-таки революция – это не только то, что соответствует программе того или иного революционера. Социальная революция – это раскалывающая социум социально-политическая конфронтация, направленная на изменение фундаментальных принципов общественного устройства. В индустриальном обществе это – принципы собственности и организации производства. Конфронтация такого рода продолжалась в Испании до конца гражданской войны, а сохранение коллективизированного сектора доказывает, что революция оставалась не просто социально-политической, а глубокой социальной, проникающей в самый фундамент общества.

²⁵⁰ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.539.

²⁵¹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.18. Д.1117. Л.112.

довоенные муниципалитеты. При этом «революционные комитеты никогда не вытесняли полностью муниципалитеты Народного фронта»²⁵². Все это многообразие должно было быть сведено в какую-то систему – либо демократическую, согласующую между собой позиции разных структур самоуправления, либо авторитарную, подавляющую структуры самоуправления ради проведения воли центра.

23 декабря 1936 г. был принят декрет о системе местной власти на территории республики, за исключением автономных регионов, имевших статуты (Каталония и Страна Басков). Создавались советы провинций, которые должны были состоять из представителей профсоюзов и политических партий Народного фронта. Совет работал под председательством гражданского губернатора. К ведению советов относились строительство и содержание дорог, коммунальные работы, благотворительность, здравоохранение, судебная деятельность и образование. Правительство Республики сохранило за собой полномочия в сфере общественного порядка, цензуры и регулирования права на общественное объединение. Эти структуры были созданы и заполнены представителями тех сил, которые преобладали в провинции. Государственные структуры стали фасадом партий и профсоюзов, государство пока не сформировало консолидированные бюрократические интересы. Но пока революция углублялась, консолидировалось и сопротивление ей.

По мнению современного испанского историка Р. Вальехо, «после того, как была нарушено нормальное функционирование политических институтов, политические программы потеряли значение, а предвыборные альянсы – смысл»²⁵³. Но ведь Народный фронт был создан ради социальных реформ. И углубление социальной революции позволило проводить их решительнее. Программа Народного фронта 1936 г. была существенно скорректирована революцией, но заключившие пакт партии вскоре стали стремиться к восстановлению именно этого умеренного социал-либерального курса, который уже в 1937 г. получил вторую жизнь. Таким образом, программа Народного фронта стала программой социал-либеральной реставрации, противостоящей революционному процессу, который пошел куда глубже. Социал-либералы с тревогой, если не сказать – с ужасом, смотрели на происходящее, но ждали своего часа.

* * *

Особенное значение среди регионов Республики имела Каталония, где было сосредоточено около 70 % промышленного потенциала республиканской зоны. В Барселоне действовали паровозный завод, автомобильный завод Испано-Сюиза, автосборочные мастерские Форда, электротехнический завод Сименса, химзаводы, механические предприятия.

Каталония и Арагон стали очагом социальных преобразований, о которых подробнее речь пойдет ниже. Сразу после начала войны анархо-синдикалисты практически безраздельно доминировали в столице Каталонии Барселоне. Государственный аппарат Каталонии был полностью дезорганизован. В конце июля 1936 г. главе Женералитета Каталонии Луису Компанису в Барселоне не подчинялся почти никто²⁵⁴. Он было попытался вызвать национальную гвардию из провинции, но лидеры НКТ пригрозили забастовкой, и от этой идеи пришлось отказаться²⁵⁵.

Компанис – «человек по природе мягкий и вместе с тем горячий, интеллигент, влюбленный в каталонскую культуру»²⁵⁶. Компанис мог бы быть на своем месте, окажись он национальным

²⁵² Cenarro A. El poder local durante la guerra civil. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. Barcelona, 2008. P.262.

²⁵³ Vallejo R. Op. cit. P.240.

²⁵⁴ Fraser R. Op. cit. P.141.

²⁵⁵ Op. cit. P.142.

²⁵⁶ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.549. По словам Антонова-Овсенко, Компанис «производит впечатление усталого, несколько истеричного экзальтированного человека» (АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.7.).

лидером в 70-е гг., или, скажем, во время Перестройки в стране Прибалтики, когда ветры истории дули бы ему в спину. Но Компанису не хватало харизмы и собственной целеустремленности Масиа. В шторме революции и гражданской войны он стал теряться, двигаться по воле волн, превратился в игрушку сил, для которых каталонские националисты были лишь фигуркой на шахматной доске, а сама эта каталонская автономия в перспективе – тем же, что и украинская или белорусская в СССР. Но это потом, а пока первое, что должен был сделать Компанис – это как-то договориться с анархо-синдикалистами.

Перед анархо-синдикалистами встал выбор – добить существующую социальную систему, попытаться «установить» анархический коммунизм и проводить в жизнь концепцию съезда в Сарагосе или пойти на сотрудничество с другими антифашистскими силами в Каталонии и в Испании в целом. На состоявшемся 20 июля пленуме Барселонской организации НКТ Гарсиа Оливер защищал первую позицию (близкую также взглядам Дуррути), а Абад де Сантильян – вторую. Линия Абада победила. Позднее Гарсиа и сам признал, что выбор стоял «между либертарным коммунизмом, который означал диктатуру, и демократией, которая означала сотрудничество»²⁵⁷. Навязывание анархии и коммунизма силой диктатуры было бы предательством принципов анархистской идеологии, переходом на позиции большевизма. Но и сотрудничество с государством, пусть и революционным, противоречило идеям радикального анархо-коммунизма, закрепленным в программе НКТ. По мнению радикального анархистского английского автора В. Ричардса, «выбор 20 июля, как мы думаем, может рассматриваться как начало предательства ожиданий рабочих их представителями»²⁵⁸. Но разве большинство рабочих ожидало немедленного пришествия анархии и коммунизма? Ситуация была сложнее: надежда на то, что либертарная революция вовлечет в себя массы всех трудящихся, не оправдалась. Анархо-синдикалистам пришлось выбирать между двумя фундаментальными основами своей идеологии – радикализмом и антиавторитаризмом. Лидеры НКТ и ФАИ выбрали второе, отказавшись от установления «собственной диктатуры». По словам Гарсиа Оливера, «НКТ и ФАИ решились на сотрудничество и признание демократии, отвергая революционный тоталитаризм, который мог привести к удушению Конфедерации диктатурой анархистов»²⁵⁹.

Другой лидер НКТ М. Эскоса и его единомышленники считали, что нужно строить либертарное общество, не заключая соглашений с властью и не вступая с ней в конфронтацию. «Ни мира, ни войны». Но ведь значительная часть населения региона не собиралась участвовать в анархистском строительстве. Так что каким-то образом нужно было определить отношения с их представителями.

В итоге лидеры НКТ решили, что следует все-таки встретиться и поговорить с Компанисом. Приняв принципиальное решение, лидеры НКТ направили к нему делегацию в составе Дуррути, Гарсиа Оливера, Абада де Сантильяна, Фернандеса, которые представляли Каталонский комитет и ФАИ, и Ж. Асенса от регионального комитета. «Мы сели, держа ружья между коленей», – вспоминает Гарсиа о начале встречи. Президент Женералитета Каталонии заявил: «Вы всегда грубо преследовались, в том числе, к сожалению, и мной... Сегодня Вы – хозяева положения, потому что Вы победили вооруженный мятеж... Вы победили, и все в Ваших руках, и если я не нужен Вам, и Вы не признаете меня Президентом Каталонии, скажите мне сейчас, и я стану еще одним рядовым бойцом против фашизма... Но, с другой стороны,... Вы можете рассчитывать на меня как на человека и как на политика...»²⁶⁰.

Х. Томас видит в этом тонкую игру, когда Компанис стремился добиться независимости Каталонии, опираясь на анархистов против республиканского правительства²⁶¹. Трудно

²⁵⁷ Richards V. Op. cit. P.35.

²⁵⁸ Ibid.

²⁵⁹ Cit.: Op.cit. P.34.

²⁶⁰ García Olivier J. (i otros). Op. cit. P. 193.

²⁶¹ Thomas H. Op. cit. P.249.

согласиться с тем, что Компанис был настолько наивен, чтобы сознательно уступать ключевые позиции в регионе радикальной общеиспанской организации ради дальнейшего раскола страны, который никак не входил в планы НКТ. Характерно, что при первой возможности Компанис станет бороться с НКТ, вступая в рискованные союзы. Это привело каталонскую автономию к краху еще до поражения в войне с франкизмом. В июле-августе 1936 г. решения об устройстве новой системы власти принимал не Компанис, а анархо-синдикалистские вожди, а президент Женералитета мог только подстраиваться под них.

Компанис понимал, что анархисты вряд ли войдут просто в правительство, и создал его аналог под названием, концептуально приемлемым для анархистов. По итогам беседы с делегацией НКТ и ФАИ президент издал декрет о формировании Центрального комитета Антифашистских милиций (ополчений) (ЦК МАФ). Региональный комитет НКТ согласился войти в эту структуру, выдвинув вполне политическое условие: треть голосов (3 для НКТ и 2 для ФАИ из 15).

Однако 21 июля радикальные анархисты на региональном пленуме НКТ предприняли новую атаку на идею коалиции. Делегация Нижнего Льобрегата во главе с Шеной и Гарсиа потребовали выхода из ЦК МАФ и провозглашения анархического коммунизма. Однако провозгласить коммунизм легко, а вот как его в таких условиях осуществить? Снова пришлось повторить весь круг обсуждения. Придется принуждать жить по-коммунистически значительную часть населения, которая не собирается этого делать. А тогда не обойтись без диктатуры. Диктатура же неприемлема для анархистов. Против установления диктатуры энергично высказались Ф. Монтсени, Д. Абад де Сантльян и Мариано Васкес, секретарь каталонской организации НКТ.

Большинство участников пленума (кроме делегации Нижнего Льобрегата) проголосовали за укрепление «сложившегося на улице антифашистского фронта»²⁶² по крайней мере до освобождения страны от фашизма²⁶³.

Некоторое время Гарсиа не унимался: «Я сумел распознать мнение большинства и не пошел против него. Хотя, конечно, я предложил группе „Носотрос“ покончить с буржуазным положением Каталонии с помощью активных действий, извлекая пользу из скопления бойцов, которые должны были выступить с Дуррути, воспользовавшись сложившимися историческими обстоятельствами, героями которых мы были»²⁶⁴. То есть, Гарсиа предложил Дуррути все же совершить военный переворот. Однако перед лицом фашистской угрозы Дуррути не пошел на это.

Современный исследователь В. В. Дамье комментирует эти дискуссии: «Утверждения, будто провозглашение либертарного коммунизма в противовес идее „антифашистского сотрудничества“ звучали весьма странно с точки зрения либертарной теории». Ссылаясь на Х. Гомеса Касаса, В. В. Дамье полагает, что осуществление идеи Гарсиа привело бы к таким мерам, как «роспуск старых партий, приверженных идее власти», либо, если это не получится, «лишение их возможности прибегать к политике, направленной на завоевание власти»²⁶⁵. Ну что же тут диктаторского? Людям «либертарно» запрещают участвовать в партиях, исповедующих «неправильные», не анархические концепции, а если приверженцы «неправильных идей» все же останутся в партиях, то их придется дискриминировать при принятии решений (а то они будут

²⁶² Цит. по: Дамье В. В. Указ. соч. С.323.

²⁶³ В. В. Дамье объясняет это решение «поспешной оценкой сложившейся ситуации» (С.323). Это объяснение противоречит тому очевидному факту, что чем больше было времени у анархо-синдикалистов разобраться в ситуации, тем глубже они втягивались в политику сотрудничества. Также критик политики НКТ добавляет: «Они приняли решение на пленуме, не имея наказа от пославших их рабочих союзов и организаций» (С.323). Это и понятно, решение принималось в срочном порядке. Но когда обсуждение политики НКТ позднее проводилось в более спокойной обстановке, противники сотрудничества так и не сумели заручиться поддержкой большинства рабочих союзов и организаций. Так что решение о сотрудничестве действительно отвечало стремлениям большинства членов НКТ. Это стало ясно уже в момент голосования анархо-синдикалистских масс за Народный фронт.

²⁶⁴ García Oliver J. El eco de los pasos. Paris, 1978. P.429.

²⁶⁵ Дамье В. В. Указ. соч. С.322.

проводить политику, направленную на завоевание власти). Вполне очевидно, что для поддержания такого режима в Каталонии в августе 1936 г. потребовалось бы проведение регулярных репрессий, разгон тех структур, где преобладают сторонники партий.

Это не смущает В. В. Дамье: «Анархисты и анархо-синдикалисты всегда исходили из того, что в ходе революции будут применяться принудительные меры, такие как экспроприация собственности эксплуататоров и слом используемого ими государственного и политического аппарата. В то же время трудящиеся должны были пользоваться полной свободой в своих синдикатах и коммунах»²⁶⁶. Вот тут и содержится проблема. Сломать, разогнать государственные структуры можно. Но синдикаты (включая ВСТ) и коммуны (в не-анархистских кварталах Барселоны, например) вольны их тут же восстановить. И даже защищать от попытки разгона.

Одно дело – лихо, по-анархически разогнать чиновников, тот же Женералитат. А что делать, если националисты восстановят его, а сторонники коммунистов, социалистов и либералов станут подчиняться не анархистским советам, а мэриям? Разгонять эти мэрии вновь и вновь? Это и называется диктатура – и с точки зрения либертарной идеологии, и любой другой.

Совершенно безвластное общество может возникнуть, если люди могут решать свои проблемы, минуя органы власти. Очевидно, в 1936 г. предпосылок для такого общества еще не возникло. Согласно анархистским концепциям это требовало создания органов самоуправления, полномочных принимать решения. Работники, которые не разделяют идей анархизма, имеют такое же право участвовать в этом самоуправлении и продвигать в них своих партийных лидеров. Таким образом, отказ от естественной анархистской диктатуры естественно требовал согласования действий с неанархистами, коалиции с теми силами, которые оказались по эту сторону антифашистских баррикад. Либо – диктатура анархистов, либо – сотрудничество с демократами, либо – война на два фронта к радости Франко. Какой-то иной возможности в тех условиях не существовало. Это и пытались втолковать Гарсиа Оливеру Монтсени, Васкес и Абад де Сантильян. Судя по тому, что Гарсиа Оливер позднее вошел в правительство Испании, им удалось разъяснить положение дел своему радикальному товарищу. Несколько позднее Гарсиа уже утверждал: «Мы отлично понимаем необходимость осторожного подхода к вопросу углубления революции. Мы хотим единого фронта с социалистами»²⁶⁷.

21 июля, еще не осознав правоту сторонников умеренного анархизма, Гарсиа говорил: «Я утверждаю, что синдикализм, в Испании и в остальном мире, стоит перед актом провозглашения своих конструктивных ценностей перед лицом человечества и истории»²⁶⁸. История покажет, что анархо-синдикалисты смогли предъявить свой конструктивный потенциал, и не разгоняя другие политические силы. Собственно, другой возможности осуществить какие-то конструктивные преобразования не было – ведь новая экономика требовала какого-то пространства, не охваченного войной – не только отдельных сел, но и городов. Антифашистский союз предоставил анархо-синдикалистам такую территорию. Только благодаря этому мы теперь можем вообще судить о конструктивной практике экономического строительства анархо-синдикалистов, о своеобразном варианте производственной демократии, который Испания предложила миру.

Анархо-синдикалисты чувствовали, что вступают на еще более опасную стезю, чем раньше. Представители синдикалистских профсоюзных организаций опасались отрыва министров от низовых организаций НКТ. На октябрьском пленуме регионального комитета НКТ-ФАИ «большинство делегатов выразили свое логичное требование, что, насколько возможно, с рядовыми членами организации должны консультироваться, просили не использовать свои полномочия кроме чрезвычайных случаев»²⁶⁹. Но в условиях Революции и Гражданской войны все случаи были чрезвычайными.

Согласившись сохранить республиканскую государственность в Каталонии,

²⁶⁶ Дамье В. В. Указ. соч. С.322.

²⁶⁷ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.32.

²⁶⁸ Цит. по: Дамье В. В. Указ. соч. С.323.

²⁶⁹ Richards V. Op. cit. P.64.

анархо-синдикалисты сделали выбор, который определил развитие Революции вплоть до мая 1937 г. Женералитат и Народный фронт признавали право анархо-синдикалистов на проведение социально-экономических преобразований в Каталонии. Такую же политику в отношении социальной революции стало проводить и общеиспанское правительство. При этом анархо-синдикалисты могли исходить из того, что «их» революция еще не началась, пока не выиграна война. В ответ НКТ и ФАИ признавали легитимность коалиционных правительств Испании и Каталонии.

* * *

Принципиальным оппонентом анархистов стала Объединенная социалистическая партия Каталонии (ОСПК, испанское сокращение PSUC), образовавшаяся 24 июля 1936 г. путем слияния каталонских коммунистов и социалистов, а также небольших каталонских структур – Социалистического союза и Пролетарской партии. Это объединение готовилось заранее, но состоялось сразу после подавления мятежа в Барселоне²⁷⁰. ОСПК попросилась в Коминтерн, признав тем самым его строгие принципы. Это, однако, не значит, что все члены ОСПК в мановение ока стали коммунистами: «ОСПК в начале существования по сути своей была партией националистической, марксистской и, прежде всего, антифашистской. Поскольку она считала себя крылом Коминтерна, это породило определяющий фактор, характерный для Коминтерна и КПИ в отправной точке существования новой организации, и которая вместе с ними считала себя принадлежащей к коммунистическому движению, что положило начало запутанным взаимоотношениям»²⁷¹, – пишет «биограф» ОСПК Ж. Пучсек. С одной стороны, шло приведение партии к коминтерновским образцам, с другой – в нее входили люди более умеренных взглядов, симпатизирующие национальной автономии.

До 1939 г. ОСПК не была принята в Коминтерн, руководители которого считали, что в Испании должна быть только одна компартия, и ОСПК может войти в КПИ как ее региональная организация. Однако «заминка» с приемом в Коминтерн была вызвана не идеологическими причинами в строгом смысле слова, и не будет ошибкой называть ОСПК коммунистической партией уже с 1937 г. Во-первых, ее отношения с Коминтерном, несмотря на отсутствие формального статуса, строились так, как если бы ОСПК была секцией Интернационала. У партии был свой куратор Э. Гёре, она информировала ИККИ о своей деятельности и подчинялась указаниям ИККИ. Во-вторых, уже в январе 1937 г. КПИ признавала общность политических программ двух партий по крайней мере на современном этапе²⁷². В-третьих, идейная эволюция руководства ОСПК быстро привела от абстрактно-эстетических представлений о социализме к одобрению той модели «социализма», которая существовала в СССР. Этому способствовал и визит первого секретаря ОСПК Х. Комореры в СССР в марте 1938 г. Фасад СССР производил впечатление на многих иностранных гостей, и не разделявших коммунистических взглядов. За фасадом разверзлись террор и социальные трудности. Но в данном случае Коморера не был обманутым гостем. Впечатления от «страны победившего пролетариата» лишь укрепили его во мнении, ранее сформировавшемся об СССР. Лидеров ОСПК не смущали критические публикации об СССР, в обилии выходившие в Каталонии. В 1937–1938 гг. ОСПК была вовлечена в репрессии против «троцкистов». В-четвертых, неоднородность ОСПК не мешала ей проводить целостную политическую линию. Влияние внутренних разногласий на ее курс было куда меньше, чем у НКТ и ИСРП. Эта линия четко укладывалась в указания Коминтерна, за исключением вполне терпимого в это время национального «флюса». Таким образом, ОСПК может быть охарактеризована не как социал-демократическая или просто демократическая, антифашистская партия, а как партия коммунистическая – в том смысле, в каком были коммунистическими

²⁷⁰ Puigsech Farràs J. Entre Franco y Stalin. El difícil interpretario de los communistas en Cataluña, 1936–1949. El Viejo Topo, 2009. P. 22–35.

²⁷¹ Op. cit. P.288.

²⁷² Puigsech Farràs J. Op. cit. P.50.

восточногерманская СЕПГ или польская ПОРП во второй половине 40-х гг. ОСПК стала одним из модельных примеров распространенного во второй половине XX в. явления национального коммунизма.

* * *

Дуррути, вместо того чтобы разгонять Женералитат, двинул ополчение из Каталонии в Арагон, навстречу франкистам. Если верить М. Кольцову, особые надежды анархистский вождь связывал со взятием Сарагосы: «Я войду в Сарагосу первым, провозглашу там свободную коммуну. Мы не будем подчиняться ни Мадриду, ни Барселоне, ни Асанье, ни Хиралю, ни Компанису, ни Казановасу. Хотят – пусть живут с нами в мире, не хотят – мы пойдем на Мадрид... Мы покажем вам, большевикам, русским и испанским, как надо делать революцию, как доводить ее до конца»²⁷³. Но в августе стало ясно, что Дуррути не собирается воевать с Мадридом.

С самого начала войны Дуррути стремился сделать отряды милиции моделью нового коммунистического общества (аналогичного подхода через тридцать лет придерживался Э. Че Гевара, правда, представления о коммунизме у них были разными). И. Эренбург рассказывал: «За столиками сидели дружинники, некоторые в красно-черных рубашках, другие в синих комбинезонах, все с большущими револьверами, ели, пили вино, смеялись; никто не обращал внимания ни на нас, ни на Дуррути. Один из дружинников разносил еду, кувшины с вином, рядом с тарелкой Дуррути он поставил бутылку минеральной воды. Я пошутил: „Вот, ты говорил, что у тебя полное равенство, а все пьют вино, только тебе принесли минеральную воду“. Я не мог себе представить, какое впечатление это произведет на Дуррути. Он вскочил, закричал: „Уберите! Дайте мне воды из колодца!“ Он долго оправдывался: „Я их не просил. Они знают, что я не могу пить вино, и где-то раздобыли ящик с минеральной водой. Конечно, это безобразие, ты прав...“ Мы молча ели, потом он неожиданно сказал: „Трудно все изменить сразу. Одно дело – принципы, другое – жизнь...“²⁷⁴ Во всяком случае, этот эпизод показывает, насколько серьезно лидеры анархистов относились к своим принципам»²⁷⁵.

Хотя анархисты и республиканцы двинулись на Сарагосу почти сразу после победы в Барселоне, на пути к ней мятежники уже успели занять все удобные позиции, включая Уэску и Хаку. На Уэску также двинулись гарнизон Барбастро, оставшийся верным республике, колонны ОСПК и ПОУМ. Но они были остановлены противником. Ближе всего к Сарагосе подошли колонны анархистов во главе с Дуррути. Его отрядами командовали Доминго Аскасо (брат только что погибшего Франсиско Аскасо), Грегорио Ховер, Гарсиа Виванкос и Антонио Ортис. Тылом заведовал сподвижник Дуррути Рикардо Санс.

Взяв Сарагосу в полукруг, анархисты и республиканцы не смогли продвинуться дальше. Формально командовавший этим наступлением полковник Вильяльба (командир гарнизона Барбастро) потребовал, чтобы анархистские колонны остановились. Он убеждал Дуррути, что не сможет поддержать его при штурме Сарагосы, и анархисты будут отрезаны. Что здесь сыграло роль – политическая ревность к успехам анархистов или действительные военные соображения? Ведь милиция не смогла выполнить и более скромную задачу – взять Уэску. Во всяком случае, другого шанса взять Сарагосу с ходу уже не представится.

Южнее колонна Ортиса взяла Мольтальбан и подошла к Теруэлю с севера. Дальше на юг начиналась зона ответственности центрального республиканского правительства.

* * *

²⁷³ Кольцов М. Испания в огне. М, 1987. Т.1. С.35.

²⁷⁴ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.563.

²⁷⁵ По словам его старого друга и критика Гарсиа Оливера, «хотя Дуррути и казался гигантом снаружи, вел он себя как большой ребенок, постоянно пытаясь отличиться от того, каким казался, отчего его репутация ужасного человека и мальчишеская улыбка странно противоречили друг другу» (García Oliver J. El eco de los pasos. P.336.).

После соглашения НКТ и Компаниса в Каталонии возникла плюралистичная политическая система (своего рода «двоевластие»), включавшая помимо широкой сети органов самоуправления различные правительственные и партийные организации, имевшие свои военные формирования.

ЦК МАФ состоял из трех представителей НКТ, трех – ВСТ, трех – Эскерра (Каталонская левая республиканская партия, партия Компаниса), двух представителей ФАИ и по одному от организации виноделов, Каталонского действия, ОСПК и ПОУМ. Характерно, что пока за ОСПК и ПОУМ было признано равное влияние в Каталонии.

Де-факто власть в Каталонии и Арагоне находилась у анархо-синдикалистов, так как на их стороне было большинство организованных тружеников. ВСТ здесь играл роль младшего партнера, а в Арагоне был взят курс на слияние ВСТ с НКТ, что нашло отражение в договоре двух федераций²⁷⁶.

Когда Компанис предложил (в русле анархистских речей) сделать ЦК не органом власти, а чисто техническим военно-координационным органом, анархисты сказали свое веское «нет». Именно этот орган и должен руководить Каталонией (то есть стать фактическим правительством)²⁷⁷.

6 октября на конференции делегатов деревень и колонн НКТ в Бухаралосе был создан Совет Арагона (первоначально – совет обороны, то есть военный, а не административный орган), в который вошли один из основателей ФАИ М. Хименес, Х. Аскасо – брат погибшего в первые дни мятежа анархистского героя, и др.

Совет Арагона и ЦК МАФ фактически взяли в свои руки власть на северо-востоке Республики. Каталонский националист Х. Миравильес, работавший в ЦК, вспоминал: «С организационной точки зрения он был хаотичен... Каждый „секретарь“ делал в большей или меньшей степени что хотел. Однако мы находились в состоянии постоянной сессии, хотя и не присутствовали на ней все одновременно». Коллеги анархо-синдикалистов по ЦК не могли понять, почему представители НКТ не «управляют» вверенными им «секретариатами». «Либертарианцы контролировали наиболее важные „секретариаты“, но власть все еще лежала на улицах»²⁷⁸ – вспоминает Х. Миравильес. Задача анархо-синдикалистов первоначально заключалась не во взятии власти, а в «прикрытии сверху» низовых организаций трудящихся, которые брали хозяйство в свои руки. Секретари ЦК МАФ от НКТ не давали партиям вмешиваться в сферу экономики. Они сознательно оставляли власть улице. Однако «улица» была хорошо организована структурами НКТ и ФАИ. Милиция взяла под свой контроль ключевые пункты коммуникаций (это было не сложно сделать, так как везде в Барселоне большинство составляли рабочие – члены НКТ), охрану границы. Нужно было только координировать низовую активность, которая в это время «била ключом». Люди сами готовы были организовать все, что нужно.

Секретариаты ЦК МАФ действовали более или менее эффективно в зависимости от авторитета «секретаря» и организации, которую он представлял. Так, руководить комитетом снабжения был направлен один из лидеров ФАИ и НКТ Д. Абад де Сантильян. В его аппарат

²⁷⁶ Souchy Bauer A. With the peasants of Aragon. Minneapolis, 1982. P.26.

²⁷⁷ В. В. Дамье, ссылаясь на Гарсиа Оливера, утверждает: «Комитет принимал решения по основным общественно-политическим вопросам, но в то же время его нельзя было считать и органом, имеющим чисто правительственный характер, поскольку его члены несли ответственность, прежде всего, перед комитетами направивших их организаций, считаясь их делегатами. Именно эти организации принимали решения, а Комитет лишь ратифицировал их» (С.326). Однако отличие ЦК от регионального правительства заключалось не в этом. Во-первых, и члены правительства могут нести ответственность перед пославшими их организациями – партиями. Во-вторых, мы увидим, что члены ЦК вполне могли принимать оперативные решения, не согласовывая их с организациями. Вряд ли было возможно всегда сначала выяснять мнение нижестоящей организации, а потом принимать срочное решение, тем более, если не отождествлять организацию и ее руководящий комитет. Так что принципиальное отличие новой системы власти заключалась в ее опоре не только на партии, но и на профсоюзы, стремившиеся к радикальным преобразованиям. В принципе ЦК МАФ был революционным правительством, ответственным перед структурами гражданского общества.

²⁷⁸ Fraser R. Op. cit. P.146.

вошел секретарь союза стекольщиков Х. Доменек, по его собственному признанию, ничего не понимавший в снабжении. Инструктируя своих сотрудников, Д. Абад де Сантьян сказал: «Сейчас ты должен достать продовольствие для колонн милиции, госпиталей и населения... О да, – добавил он, как бы между прочим, – послезавтра до вечера мы должны обеспечить поставку 5000 холодных рационов для колонн милиции, которые собираются поужинать перед атакой на Арагонском фронте. Вы займетесь этим. До свидания»²⁷⁹. Однако в условиях энтузиазма сторонников синдикализма и страха перед анархистами со стороны их противников достать продовольствие для фронта оказалось не сложно. «Волшебные слова» «мы из комитета по снабжению» обеспечивали немедленное сотрудничество рабочих и беспрекословное подчинение торговцев²⁸⁰. Продовольствие вовремя поступило на фронт.

Комитет по снабжению ЦК МАФ, опираясь на связи с сельскими коллективами, развернул сеть бесплатных народных столовых, где было до конца года потреблено 700 т. хлеба, 600 т. картофеля и 170 тыс. дюжин яиц²⁸¹.

Оказавшись у власти и организуя экономическое регулирование, анархо-синдикалисты должны были воплотить в жизнь и свои собственные требования надежного социального обеспечения. В комитет по снабжению стали стекаться люди, требовавшие социальной поддержки. «Войдя, он или она начинали рассказывать долгую историю. Человек, чья жена родила, хотел попросить цыпленка, но никак не мог перейти к сути дела. „Скажи мне только, что ты хочешь!“ – кричал я на него, как генерал. „Цыпленка“. „Возьми этот листок бумаги. Иди к окошку туда-то. Там тебе дадут одного. Следующий“, – вспоминал Х. Доменек²⁸². Столкнувшись с необходимостью выполнения задач, которыми веками занималось государство, анархо-синдикалисты не располагали для этого разветвленным бюрократическим аппаратом, необходимость которого отрицали. В результате первоначально основная тяжесть этой работы упала на плечи лидеров движения. Анархо-синдикалистская доктрина возлагала функции социального вспомоществования на синдикаты и коммуны. Подключение низовых организаций к этой работе постепенно избавило координирующие органы от потока случайных посетителей.

„Несмотря на то, что мы были антиавторитарны, мы были единственным авторитетом (властью – А. Ш.) здесь“, – вспоминает член Иберийского комитета ФАИ Ф. Караскер, – местный комитет НКТ вынужден был заниматься администрацией, транспортом, продовольствием, здравоохранением...» Чтобы наладить нормальную жизнь в контролируемых районах, анархистам приходилось взаимодействовать и с бывшими непримиримыми противниками: «Они были, судя по всему, фалангистами, но вынуждены были продолжать работу»²⁸³, – вспоминает он о медицинском персонале одного из госпиталей.

Фактического влияния на политику ЦК Л. Компанис не имел. После посещения им ЦК Б. Дуррути сказал представителю партии президента: «Скажите ему, чтобы он сюда больше не приходил. Если придет – я заставлю его почувствовать, что он наполнен пулями»²⁸⁴. Конечно, это была фигуральная угроза бывшего террориста, но она произвела впечатление. Публично же НКТ выступала за прекращение терроризма. В конце июля НКТ призывала: «Революция не должна позволить потопить нас в крови! Сознательная справедливость – да! Никогда больше – убийства!»²⁸⁵.

²⁷⁹ Op. cit. P.143.

²⁸⁰ Op. cit. P.144.

²⁸¹ Дамье В. В. Указ. соч. С.333.

²⁸² Fraser R. Op. cit. P.144.

²⁸³ Op. cit. P.138.

²⁸⁴ Op. cit. P.143.

²⁸⁵ Op. cit. P.146.

За неполных два месяца работы ЦК МАФ был сформирован Арагонский фронт, налажено продовольственное снабжение вооруженных сил и города, обеспечено поддержание порядка.

* * *

6 августа Л. Компанис приступил к восстановлению правительства Каталонии и официально предложил социалистам и анархо-синдикалистам войти в него. Этот вопрос был чрезвычайно сложен для анархо-синдикалистов. Ведь они до этого отрицали возможность использовать государственные институты в целях своей организации. Первоначально создание полновесного органа власти рассматривалось как реорганизация ЦК МАФ. Пленум ФАИ 17 августа согласился преобразовать ЦК МАФ в региональный совет, состоящий из 3 представителей ВСТ, 5 НКТ, 3 левых (каталонских националистов), 2 ФАИ и 2 марксистов. Так был сделан первый шаг к вхождению анархистов в правительство, которое первоначально представлялось как новый революционный орган. В итоге дискуссии было принято решение: «Пленум согласен с роспуском Комитета антифашистских милиций, обходясь созданием таких советов, которые требуют политическая и органическая жизнь Каталонии... Это преобразование прежнего Комитета антифашистских милиций продолжает исключать республиканские буржуазные партии, при уважении интересов, которые сейчас связаны с Женералитатом и Республиканской левой Каталонии»²⁸⁶. Это была идея, близкая «однородному социалистическому правительству», в котором российские социалисты видели выход из кризиса власти в 1917 г.²⁸⁷

Затем выяснилось, что другие партии не готовы войти в Совет, и речь может идти о формировании коалиционного Женералитата, к которому должны перейти полномочия ЦК МАФ. Это не меняло сути дела, но терминология имела большое значение для анархистов, которые могли рассматривать как «негосударственный орган» ЦК МАФ и Совет, но не Женералитат. Проблема обсуждалась на совместном пленуме региональных комитетов НКТ, ФАИ и Федерации либертарной молодежи (ФЛМ), где снова разгорелась дискуссия между радикалами, включая Х. Гарсиа Оливера, в этих условиях снова вернувшегося на прежние позиции «несотрудничества», и Д. Абадом де Сантьяном. Один из радикалов Р. Санс утверждал: «Ситуация в целом не улучшается. Она ухудшается, пока мы сотрудничаем,... мы должны взять всю власть несмотря на последствия». Тогда Абад де Сантьян разъяснил оппонентам, какими будут эти «последствия»: «В Каталонию не придет оружие, никто не даст нам валюты, чтобы купить его за границей, нам не дадут сырья для промышленности. Мы чувствуем, что проиграть войну – значит проиграть все, вернуться к тем ничтожным, бессильным позициям, как во времена Фердинанда VII»²⁸⁸. Абад де Сантьян просто напомнил своим оппонентам, в каком окружении развивается революция. Приоритет сопротивления франкизму останется основой политики анархо-синдикалистов. Объясняя мотивы вхождения в правительство, Абад де Сантьян писал: «Если бы это был только вопрос революции, само существование правительства было бы не только нежелательным фактором, но и препятствием, которое было бы разрушено. Но мы столкнулись с требованиями жестокой войны, международными связями, которые были вынужденно связаны с международными рынками, с отношениями с государственным миром. И для организации и управления этой войной, в условиях, в которых мы оказались, мы не располагали инструментом, который мог бы заменить старый государственный аппарат»²⁸⁹.

Решение о вхождении в правительство Каталонии было принято региональным пленумом НКТ 26 сентября 1936 г. Затем аналогичное решение было принято и Национальным пленумом.

28 сентября правительство во главе с Жосепом Таррадельясом было сформировано. В него вошли Эскерра (кроме Таррадельяса советник (министр) просвещения В. Гассол и внутренних дел

²⁸⁶ IISH. Paquete CP 24 5, P.104.

²⁸⁷ См.: Шубин А. В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007. С. 620–622, 644–648.

²⁸⁸ Souchy Bauer A. Op. cit. P.25.

²⁸⁹ Gomes Casas J. Op. cit. P.194.

А. Айгуаде), ОСПК (Х. Коморера, общественные службы), ПОУМ (А. Нин, юстиция) и НКТ – советники по вопросам продовольствия (Х. Доменек), здравоохранения (Г. Бирлан) и экономики (Х. Фабрегас). Оборону возглавил каталонский националист Д. Сандино, но его влияние на Арагонском фронте было невелико.

1 октября структуры ЦК МАФ были объединены со структурами Женералитата. 6 октября был принят декрет Женералитата о замене спонтанно возникших «самозахватом» местных органов власти на коммунальные советы, состоящие из основных политических сил. На деле часть новых советов возникла путем переименования прежних, образовавшихся еще в июле, а также путем пополнения их представителями других партий и союзов. Таким образом, социальная база местной власти расширилась.

Начальник службы департамента внешней безопасности Каталонии каталонский националист Х. Регас, характеризуя ситуацию в Каталонии, сказал советскому консулу В. Антонову-Овсеенко: «Прибираем немного к рукам»²⁹⁰. Однако он выдавал желаемое за действительное. Каталонские националисты вынуждены были пойти на раздел власти. Это равновесие устраивало участников соглашения, и они готовы были защищать его от радикалов в собственных рядах. Когда сторонники ПОУМ попытались взять власть в Лериде, то эта попытка была пресечена представителями ОСПК, НКТ и центрального руководства самой ПОУМ²⁹¹.

Постепенно анархо-синдикалисты втягивались в межпартийную борьбу. В условиях участия в многопартийном правительстве это было неизбежно, но представители НКТ не имели здесь никакого опыта. К тому же, по словам Таррадельяса, анархо-синдикалисты – «деловые люди», но «легковерные»²⁹². В ноябре-декабре 1936 г. статья советского консула В. Антонова-Овсеенко о связи троцкистов с фашистами спровоцировала правительственный кризис в Каталонии. ОСПК потребовала выдворения ПОУМ из Женералитата. Анархо-синдикалисты, не доверявшие коммунистическим обвинениям, заступились за ПОУМ: «НКТ и ФАИ настаивали на оставлении ПОУМа и соглашались дать любую гарантию в том, что ПОУМ никакой компании против СССР и его представителей вести не будет»²⁹³, – сообщали советские наблюдатели. Но все же НКТ не была готова со всей решительностью защищать ПОУМ. Обострившееся противоборство двух марксистских партий воспринималось НКТ как борьба за влияние в рабочем движении (прежде всего в ВСТ). НКТ была не в восторге и от политики лидера ПОУМ А. Нина в качестве члена Женералитата. Именно он отвечал за роспуск местных революционных комитетов, возникших в Каталонии в первые месяцы революции. Нин требовал централизации власти, что не могло нравиться анархистам.

Кризис в Женералитате был разрешен формированием 15 декабря профсоюзного правительства из представителей НКТ, ВСТ и каталонских профсоюзов. ПОУМ потеряла в этом правительстве место²⁹⁴. НКТ получила вместо трех четыре места (Абад де Сантильян, Доменек, Фабрегас, Херрера).

Компанис надеялся, что анархо-синдикалистские министры приструнят свою «вольницу» и будут как-то управлять своими массами. Но вскоре выяснилось, что члены Женералитата от НКТ «не годятся» для того, чтобы навязать анархо-синдикалистам политику, расходящуюся с их принципами. В феврале 1937 г. Антонов-Овсеенко писал: «И, голосуя в совете генералитета за те или иные декреты, идущие вразрез анархистской практике, представители НКТ оказываются бессильными провести эти директивы к исполнению организациями НКТ. Отсюда слабость каталонского правительства»²⁹⁵. Решения Женералитата (по-испански – Генералидада, советский

²⁹⁰ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.1.

²⁹¹ Там же. Л.4.

²⁹² Там же. Л.2.

²⁹³ РГВА Ф.35082. Оп. 1. Д.282. Л.16.

²⁹⁴ Richards V. Op. cit. P. 69–70.

²⁹⁵ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.1.

консул смешал два наименования) проходили, если они шли в фарватере социальной революции и закрепляли ее результаты, и саботировались, если это было не так.

Осенью 1936 г. – в начале 1937 г. анархо-синдикалисты и каталонские националисты нашли точки соприкосновения своей политики, которые помогали им блокироваться. Антонов-Овсеенко докладывал в Москву, что анархисты и националисты совместно выступили за создание самостоятельных каталонских армии, банка, погранохраны. Пока требования сняты, «но их выдвижение характерно»²⁹⁶. Для НКТ это было не только программное требование, направленное на децентрализацию, но и прощупывание возможности снизить зависимость своей «вотчины» Каталонии от центрального правительства.

Программа каталонского правительства, получившая название «План Таррадельяса», в свою очередь, несла на себе сильнейшее влияние анархо-синдикализма:

1. Регулирование производства в зависимости от потребления.
2. Монополия внешней торговли.
3. Коллективизация крупных сельскохозяйственных владений и обязательное объединение земледельцев в сельскохозяйственный синдикат.
4. Установление налога на собственность и уменьшение налога на доход от недвижимости.
5. Коллективизация крупной промышленности; коллективизация экспроприированного имущества.
6. Распространение кооперативного режима на коммерческую торговлю.
7. Рабочий контроль за банком для обеспечения его национализации Правительством Каталонии.
8. Рабочий контроль в маленьких предприятиях.
9. Устранение безработицы.
10. Отмена косвенных налогов и введение единого налога²⁹⁷.

Ради осуществления этих мер (а к концу 1936 г. часть из них уже стала реальностью) анархо-синдикалистам стоило идти на сотрудничество с Женералитатом и Народным фронтом. Никогда еще анархо-синдикалистские меры не проводились на практике в таких масштабах.

В ответ в начале 1937 г. НКТ поддержала 58 декретов Таррадельяса, включая муниципализацию городского хозяйства, создание каталонского госбанка, введение налогов, в том числе на коллективизированные предприятия. Из уважения к национальным чувствам каталонцев НКТ стала выпускать газету «Каталония» на каталонском языке. Как отмечал Антонов-Овсеенко, «до сих пор все их издания – на испанском, который все здесь, не в пример каталонскому, понимают»²⁹⁸.

В этих условиях Компанис колебался, «...опереться ему на анархистов, которые согласны поддержать национальные, даже националистические требования Эскерры, или на ПСУК²⁹⁹ для борьбы против ФАИ»³⁰⁰. Защищая свою власть и социальные интересы каталонской буржуазии и «среднего слоя», Компанис выбрал второе. Социальная революция оказалась страшнее для него, чем потеря самостоятельности Каталонии. Этот выбор оказался трагическим и для каталонской автономии, и для всего хода Испанской революции.

В 1936 г. в НКТ вступали даже работники Женералитата, ввергая своего патрона в состояние безысходности: «Я окружен трусами, из страха вступившими в НКТ. Отряды фаистской милиции суют свой нос повсюду, – вспоминает Д. Ибаррури о словах Л. Компаниса на встрече с коммунистами, – Мне одному приходится бороться со всем этим, и у меня нет больше сил!

²⁹⁶ Там же. Л.2.

²⁹⁷ Sánchez Asiain J. A. Op. cit. P. 440–441.

²⁹⁸ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.2.

²⁹⁹ ОСПК.

³⁰⁰ Эренбург И. Г. Указ. соч. С. 552–553.

Тут заговорил сопровождавший нас товарищ из ОСПК. Он напомнил Компанису, что тот не одинок, что на его стороне ОСПК и ВСТ, готовые помочь ему в установлении и удержании порядка»³⁰¹. В этом корень противоестественного союза националиста Компаниса с коммунистами – последние оставались единственной реальной силой в Каталонии, которая могла «установить твердую власть». Компанису она виделась только как власть Женералитата. В реальности все будет иначе. В октябре 1936 г. Компанис, вероятно, вполне искренне говорил Антонову-Овсеенко: «В мире есть только две силы – фашизм и Советский Союз. Все честные и прогрессивные люди имеют только один выбор – идти с Советским Союзом. Мы выбрали и идем с вами»³⁰². В начале 1937 г. Каталония двинулась к майскому кровавому расколу.

* * *

Интегрировав НКТ в систему власти, Компанис и его сторонники стремились теперь гарантировать автономию Каталонии в рамках Испанской республики, которую хотели бы видеть в качестве федерации. Не случайно председатель конституционной комиссии Каталонии профессор Массанет интересовался конституцией СССР³⁰³. Конечно, это был жест вежливости в адрес советского консула. Но в то же время СССР считался союзом республик, и эта модель соответствовала чаяниям каталонского национального движения³⁰⁴.

Самые смелые предложения каталонцев не были связаны с выходом из Испании, хотя и угрожали Мадриду как столице. Каталонские националисты мечтали о том, что Барселона станет столицей Испанской федеративной республики, в которой будет существовать автономия национальных систем образования, местные военные формирования³⁰⁵.

Однако каталонский федерализм вызывал неприятие в Мадриде. В разговоре с Эренбургом в сентябре 1936 г. Компанис жаловался, что «новое правительство ничего не изменило, Каталонию третируют как провинцию, отказались передать духовные школы в ведение Женералите (Женералитата – разговор шел по-французски – А. Ш.), требуют солдат, а оружия не дают, не дали ни одного самолета»³⁰⁶. По словам Антонова-Овсеенко, центральное правительство «никогда не поддерживало Каталонии и именно оно ведет политику сепаратизма на основе невыносимого великодержавия»³⁰⁷. Иными словами, неуступчивость центра провоцирует сепаратизм регионов. Антонов-Овсеенко считал, что Ларго Кабальеро ведет себя бестактно в отношении Каталонии³⁰⁸. Компанис говорил Антонову-Овсеенко: «Мадрид не понимает Каталонии... Мадридские министры усиленно подчеркивают, что они – министры для всей Испании»³⁰⁹, а не для одного

³⁰¹ Ибаррури Д. Воспоминания. М., 1988. Т.1. С.230.

³⁰² АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.74.

³⁰³ Там же. Л.1.

³⁰⁴ Там же. Л.7.

³⁰⁵ Там же. Л.5.

³⁰⁶ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.551.

³⁰⁷ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.2. В литературе встречается мнение, что Антонов-Овсеенко «активно поддерживал сепаратистские настроения лидеров Барселонь» (Малай В. В. Указ. соч. С.137). Однако такое впечатление возникало прежде всего у испанских политиков, которые игнорировали нужды Каталонии и тем провоцировали смертельно опасный раскол между административным и промышленным центрами Республики. Антонов-Овсеенко, за плечами которого был опыт гражданской войны на Украине, пытался по мере сил предотвратить этот раскол, иногда заступаясь за Каталонию.

³⁰⁸ Там же. Оп.17. П.131. Д.50. Л.5.

³⁰⁹ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.6.

региона. В итоге их политики Каталония стала «падчерицей» Республики при снабжении современным оружием.

Антонов-Овсеенко позволил себе заступиться за федерализм в беседе с президентом Испании, но 23 ноября 1936 г. констатировал неудачу этой попытки: «Асанья отверг мои указания о необходимости пойти навстречу националистическим стремлениям некоторых провинций, стремлениям, которые, как мне было ясно, должны были возрасти с развитием революции и ослаблением центрального правительства»³¹⁰. Но Асанья не хотел ни того, ни другого, и интерпретировал мнение консула по-своему: «Когда президент Асанья переехал в Барселону, Антонов-Овсеенко говорил с ним и сказал, что Правительству стоило бы предупреждать националистические стремления некоторых провинций, так как они имели свойство расти по мере развития революции и ослабления центральной власти»³¹¹.

Антонов-Овсеенко хорошо помнил, чем обернулась недооценка национального фактора во время гражданской войны на Украине в 1919 г.³¹² Он не оставлял своих попыток «вразумить» страдающих великодержавием испанских политиков. При этом советский консул считал, что в проведении своего курса он заручился поддержкой высшего советского руководства. Он говорил Эренбургу: «В Москве считают, что в интересах Испании сближение Каталонии с Мадридом. Мне говорили, что я должен попытаться урезонить анархистов, привлечь их к обороне, у них, черт побери, огромное влияние... Да вы это знаете лучше меня. Но вот инстанция согласилась, это замечательно!»³¹³

Испанские политики не желали идти на уступки в Каталонском вопросе, а министр финансов Х. Негрин и вовсе отреагировал на слова Антонова истерически. На обеде, который проходил в торговом представительстве СССР и на котором присутствовали Прието, Негрин, Таррадельяс, Абад де Сантильян, Коморера, Мальков, Антонов-Овсеенко и Шашевский, Антонов-Овсеенко стал защищать позиции каталонцев. Это вызвало реплику Негрина: «он, Антонов, больше каталонец, чем сами каталонцы», и добавил что-то о бюрократизме советского консула. Антонов резко ответил, что он «революционер, а не бюрократ». «Тогда Негрин сказал, что после слов Антонова ему остается только подать в отставку, т. к. он может бороться с басками или каталонцами, но не хочет бороться против СССР. Утверждение Антонова Негрин истолковал таким образом, будто СССР не одобряет его линию поведения, и поэтому он уходит. Действительно, на следующий день стало известно через Прието, что в тот же вечер Негрин пытался дозвониться до Кабальеро, но не нашел его. В течение обратного полета Негрин повторял всем подряд, что он не может работать в таких условиях и должен уйти»³¹⁴. Впрочем, Негрин не ушел. Он нашел поддержку своей линии в советском посольстве, где не были согласны с советским консулом. Против активной позиции консула выступал советник посольства Л. Гайкис, который в мае 1937 г. стал послом.

При этом финансовая политика Негрина действительно создавала проблемы для Каталонии, что признает даже его апологет А. Виньяс: «Отказ в предоставлении валюты вынудил

³¹⁰ Там же. Л.58.

³¹¹ Viñas Á. El escudo de la República. P.173.

³¹² См.: Шубин А. В. Анархия – мать порядка. Нестор Махно как зеркало Российской революции. М., 2005. С. 147–197.

³¹³ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.555.

³¹⁴ Viñas Á. El escudo de la República. P.193. Эмоциональный эпизод, во многом спровоцированный Негрином, был только началом его кампании против Антонова-Овсеенко, которая продолжилась и после отъезда консула в СССР. Негрин продолжал жаловаться поверенному в делах Марченко, что Антонов-Овсеенко покровительствовал анархо-синдикалистам, и «для него вообще существовала одна Каталония, вся остальная Испания представлялась ему чем-то вроде Туркестана» (РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1149. Л.316.). Аналогия явно неудачная, учитывая, что Каталония входила в состав Испании, а не наоборот. Скорее уместно говорить о том, что Антонов-Овсеенко призывал испанских политиков не смотреть на Каталонию как на «что-то вроде Туркестана».

Правительство Каталонии мобилизовать собственные „резервы“ на приобретение продуктов за рубежом»³¹⁵. Жесткая финансовая линия министра финансов подрывала экономическое единство Республики.

Советские военные советники, так же как и консул, были недовольны противоречиями Центра и Каталонии и не спешили встать именно на сторону Центра: «Недоговоренность каталонцев с центральным правительством, постоянное проявление недоверия друг к другу затягивают и срывают необходимые и полезные мероприятия»³¹⁶.

Главные противоречия, которые возникали между правительством Испании и Каталонией, были связаны с распределением оружия и боеприпасов. И это при том, что ситуация с боеприпасами становилась критической. В начале октября на бойца приходилось только до 30 патронов. Предприятия изготовили 4 миллиона гильз, но не было пороха, чтобы их набить. Мадрид направил в Каталонию только 1,5 миллиона патронов, полученных от импорта³¹⁷. В конце октября было поставлено еще 440 тыс. патронов, но они вскоре вернулись в Мадрид вместе с дивизией Дуррути.

Возможности испанской промышленности были ограничены, тем более, что она пока только перестраивалась на военный лад. Но правительство распоряжалось старыми военными запасами, а затем стало получать советскую военную помощь. Арагонский фронт претендовал на ее часть. Гарсиа Оливер в беседе с Антоновым-Овсеенко передавал ему недоумение трудящихся: «Ты видишься каждый день с русским консулом. Где же помощь от России?» Оливер был «очень раздосадован тем, что всякая помощь минует Барселону»³¹⁸.

Антонов-Овсеенко считал, что эти политические мотивы мешают ведению войны. «На этом фронте нет танков и нет ни одного современного самолета»³¹⁹. Военная помощь Каталонии не оказывается, хотя она «свои обязательства выполняет аккуратно (я это утверждаю)»³²⁰.

Представитель ОСПК Пьеро конфиденциально разъяснял мотивы премьер-министра: он «отказывается дать оружие Каталонии, так как оно попадет к ФАИ. И так как дело Каталонии – только пассивная оборона»³²¹. Таким образом, в центре и не рассчитывали, что Арагонский фронт сможет наступать при такой нехватке боеприпасов и бедном техническом оснащении.

Арагонский фронт

Особенностью колонн НКТ и ПОУМ была принципиальная приверженность милиционной демократии: командиры избирались, колонны поддерживали связь с организациями трудящихся в тылу, ответственными за обеспечение колонн. Культивировалось коллективистское фронтовое братство³²². Кандидатов на свободные командные должности выдвигали комитеты

³¹⁵ Viñas Á. Op. cit. P.178.

³¹⁶ РГВА Ф.35082. Оп.1. Д.284. Л.3.

³¹⁷ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.8.

³¹⁸ Там же. Л.84.

³¹⁹ Там же. Л.63.

³²⁰ Там же. Л.59.

³²¹ Там же. Л.88.

³²² Аналогичные принципы «военной демократии» успешно практиковались Махновским движением. См.: Шубин А. В. Анархия – мать порядка. Нестор Махно как зеркало Российской революции.

подразделения³²³.

Нечто подобное существовало и на других фронтах, но для анархистов милиционная самоорганизация вытекала из их принципов и воспринималась как неотъемлемая составляющая революции. Соответственно, делом принципа был и вопрос о боевых качествах милиции. Насколько боеспособна милиция и эффективны коллективизированные предприятия – настолько верны принципы анархо-синдикализма и самоуправленческого, левого социализма (и, следовательно, – ошибочны идеи коммунистов и социал-либералов). Не удивительно, что милиция Арагонского фронта оказалась в центре идеологических дискуссий.

Профессиональный военный полковник Х. де ла Бераса так оценивал анархо-синдикалистскую милицию: «С военной точки зрения – это хаос, но это хаос, который работает»³²⁴. Боеспособность милиции поддерживало также осознание справедливости существовавших в ней отношений. Д. Оруэлл писал о своих впечатлениях от службы в милиции: «Для испанских милиционеров, пока они существовали, существовал и некий микрокосм бесклассового общества. В этом сообществе не было никого, кто действовал бы из-под палки. Когда был недостаток всего, но не было привилегий и чиновничества, каждый получал, возможно, грубый прообраз того, как будут выглядеть начальные стадии социализма»³²⁵.

Коммунисты и их союзники упрекали анархистов и «троцкистов» в том, что те не могут решить «легкую» задачу наступления в Арагоне. Пытаясь доказать тезис о низкой боеспособности анархо-синдикалистских формирований, один из лидеров коммунистов Д. Ибаррури писала: «Арагонский фронт оставался неподвижным на протяжении многих месяцев»³²⁶. Мы увидим, что пассивность Арагонского фронта – миф. Но даже если так – пока другие фронты отступали, анархо-синдикалисты, не имея авиации и советских танков, по крайней мере смогли обеспечить устойчивость этого фронта, а вот их оппоненты позднее допустили его прорыв франкистами в 1938 г. Арагонский фронт прикрывал промышленную Каталонию и аграрный Арагон. И уже это было принципиально важно для победы.

* * *

Первоначально милиция была добровольческой. Однако уже в начале августа развернулась борьба за мобилизацию в Каталонии. Причем за нее выступили как раз анархистские лидеры Дуррути и Гарсиа Оливер, хотя для мобилизуемых не хватало оружия³²⁷. Но у них были иные мотивы – они опасались, что ОСПК произведет в тылу ползучий переворот. Гарсиа возмущался, кричал на Эренбурга: «В тылу укрываются коммунисты и социалисты, они выживают из городов и деревень ФАИ»³²⁸. С одной стороны, все силы нужно было отдавать фронту. С другой, тыловые

³²³ РГВА Ф.35082. Оп.1. Д.284. Л.17.

³²⁴ Richards V. Op. cit. P. 59–60.

³²⁵ Orwell D. Orwell D. Homage to Catalonia. // The Spanish civil war. A cultural and historical reader. Oxford, 1992. P.190.

³²⁶ Ибаррури Д. Указ. соч. С.378.

³²⁷ Интересно, что советские авторы настаивали на версии, что анархисты сорвали мобилизацию в августе 1936 г., уничтожив «списки мобилизуемых» (Майданик К. Л. Испанский анархо-синдикализм в первый период национально-революционной войны 1936–1939 гг. (От фашистского мятежа до майского путча). С.179 с характерной ссылкой на газету «Известия» за 11.11.1936). Интересно, кто мог бы составить эти списки за пару недель после начала мятежа – ведь в Испании прежде не было всеобщей воинской обязанности. Вообще к «компромату» советских авторов на политических противников КПИ нужно относиться осторожно. Тут же К. Л. Майданик продолжает: «Анархистские части отказывались участвовать в операциях, руководимых испанским генеральным штабом» (С.180). При этом ему наверняка известно о важной роли анархистов в сражениях при Хараме и Гвадалахаре. Анархисты превращаются у коммунистического автора в универсальное объяснение чуть ли не всех поражений 1936 г.

³²⁸ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.552.

формирования гарантировали прочность политических позиций партии или профсоюза.

ОСПК выдвинула лозунг: «Разоружение тыла». Но даже Антонов-Овсеенко считал, что этот лозунг был выдвинут «по-дурацки». Нужно было бороться за «перераспределение и оформление вооруженных сил». Ведь какие-то вооруженные силы нужно держать в тылу. Компанис тоже выступил против этого лозунга, полагая, что тыл и так уже был в достаточной степени разоружен³²⁹. Но каждая партия хотела быть уверенной, что пока ее бойцы сражаются на фронте, силовые структуры не помогут оппонентам переделить власть.

В тылу было около 20000 человек, ожидавших оружия (через несколько месяцев их число выросло до 40000)³³⁰. А его пока не было. Пришлось формировать из них три безоружные дивизии.

Большой проблемой стали «неконтролируемые»³³¹, действовавшие под флагом анархизма, но не подчинявшиеся НКТ и ФАИ. В октябре с фронта снялась анархистская «Железная колонна», которая отправилась в Валенсию, оправдывая свои действия тем, что в тылу у сторонников партий много вооруженных формирований, и нужно отправить их на фронт. В Валенсии погиб боец «Железной колонны», а похоронная процессия была обстреляна. Колонна ворвалась в Валенсию, разоружила республиканскую милицию и подвергла ее бойцов издевательствам³³². Руководство НКТ взяло улаживание конфликта на себя и с большим трудом добилось преобразования «колонны» в бригаду. В итоге колонну удалось вернуть на фронт.

До поездки в Каталонию советский военный советник «Сид» был на собрании «Железной колонны», которая произвела на него впечатление «форменной банды». Он был наслышан, что и в Арагоне творится то же самое. Но слухи об арагонских анархистах не подтвердились (это полезно помнить и современным авторам, которые судят о них по слухам, распространявшимся за пределами Каталонии и Арагона). «И вот, анархистские части Каталонии сильно отличаются от этой „колонны“... – это все же воинские части, примерно, типа мадридских (с учетом их необстрелянности, элементов демократизации от сидения в окопах и т. д.)... бойцы анархистских частей вполне годны для военных действий. Самое главное, что у них еще не утрачены наступательные настроения. Бойцы хотят воевать»³³³.

В феврале 1937 г. уже митинг анархистской молодежи выступил за изъятие оружия в тылу у всех не контролируемых профсоюзами, вплоть до обысков³³⁴. Таким образом, анархисты – даже радикальная молодежь, не говоря уже об НКТ, – не поддерживали неконтролируемых в тылу.

В то же время под видом борьбы с «неконтролируемыми» коммунисты пытались «приручить», сделать «контролируемыми» анархо-синдикалистов в целом, обвиняя в «неконтролируемости» тех анархистов, которые вступали в конфликты с государственными структурами и компартией.

* * *

Анархо-синдикалисты выступали против создания армии, основанной на казарменной,

³²⁹ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.57.

³³⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.292. Л.12.

³³¹ В. В. Дамье оценивает «неподконтрольные группы» как «инициативы снизу» (Указ. соч. С.346), превращая это понятие в синоним демократичности, а борьбу с ними – в авторитаризм. Однако куда более массовые инициативы снизу могли проводиться и проводились через структуры НКТ, ВСТ и других организаций, интегрированных в систему антифашистской коалиции. Таким образом, «неконтролируемые» в той части, в которой они вступали в конфликт со структурой НКТ, уместнее считать не столько «инициативами снизу», сколько «инициативами сбоку».

³³² РГАСПИ. Ф.495. Оп.18. Д.1117. Л.113.

³³³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.340. Л.5–6.

³³⁴ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.5.

палочной дисциплине. 9 августа митинг НКТ так отозвался на решение правительства о мобилизации: «Мы не можем быть единообразными солдатами. Мы хотим быть милиционерами свободы. На фронт – конечно. Но в казармы как солдаты, а не субъект народных сил – конечно нет!»³³⁵. Агитируя за милиционную систему, бойцы отрядов ФАИ писали в листовке: «Мы не признаем милитаризацию, так как она несет явную опасность. Мы не признаем чинов в воинских частях, ибо признание чинов есть отрицание анархизма. Выиграть войну – не значит выиграть революцию. В современной войне имеет значение техника и стратегия, а не дисциплина, предусматривающая подавление личности»³³⁶.

В то же время лидеры НКТ понимали необходимость укрепления «сознательной» (то есть не слепой, не палочной) дисциплины, «не предусматривающей подавления личности» в анархо-синдикалистских отрядах, сочетания милиционных и регулярных принципов военного строительства. Гарсиа Оливер в беседе с советским консулом выступал за дисциплину в бою, но «против восстановления постоянного офицерства, этой основы милитаризма»³³⁷. И другие анархисты «сами заговаривают о необходимости дисциплины и единого командования»³³⁸. Как докладывал советский консул, «пресса, включая и анархистскую, начиная с декабря ведет систематическую кампанию за поддержку мероприятий правительства по созданию народной армии»³³⁹. Милиционная система вовсе не исключала дисциплины. Антонов-Овсеенко рассказывал, что когда колонна ПОУМ бежала под Тардиенте, командование требовало суда над командиром и комиссаром. Последовал отказ. А вот анархисты за то же своего командира расстреляли, о чем Антонов-Овсеенко писал с уважением³⁴⁰.

При этом, как сообщали советские военные советники, партийные противоречия в милиции «на массы почти не переносятся, и в анархистских частях хорошо уживаются коммунисты и наоборот»³⁴¹.

6 августа НКТ санкционировала мобилизацию призывников в милицию. В сентябре 1936 г., принимая решение о вхождении в Женералитат, региональный пленум НКТ принял резолюцию с призывом к укреплению дисциплины, в том числе и в милиции³⁴². Однако это вызывало недовольство рядовых бойцов, особенно первоначально. Как вспоминал один из командиров милиции С. Карод: «Сейчас, когда революция произошла, они не могли понять, когда я говорил о необходимости милитаризации, уважения республиканских институтов и политических партий, организации городских советов, новых органов власти. Они просто покидали колонну. Но в их родных деревнях на них оказывалось огромное давление, заставлявшее их возвращаться. Многие возвращались»³⁴³. Крестьянское самоуправление, как и во время Махновского движения на Украине в 1917–1921 гг., становилось не только экономическим, но и моральным тылом синдикалистских отрядов, который не давал им распасться, несмотря на недовольство анархистской молодежи «оппортунизмом» лидеров.

³³⁵ Cit.: Thomas H. Op. cit. P. 299–300.

³³⁶ Ибаррури Д. Указ. соч. С.380.

³³⁷ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.3.

³³⁸ Там же. Л.8.

³³⁹ РГВА Ф.35082. Оп. 1. Д.282. Л.17.

³⁴⁰ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.83.

³⁴¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.275. Л.24.

³⁴² Richards V. Op. cit. P.57.

³⁴³ Fraser R. Op. cit. P.133.

При поддержке анархо-синдикалистов 24 октября 1936 г. вышел декрет Женералитата о «милитаризации» милиции, в котором говорилось: «Из уроков народной войны против фашистского движения вытекает безусловная необходимость объединить милитаризованные разнородные колонны народа, который вышел, чтобы бороться против преступного движения профессионалов-военных». Предполагалось четко определить обязанности и права бойцов. Колонны милиции должны были реорганизоваться в батальоны, роты и взводы. Вооружение должно было распределяться равномерно – независимо от партийной принадлежности. Командиры батальонов утверждались командованием (хотя низший комсостав, как и прежде, избирался бойцами). Не желающие подчиняться новым правилам и в то же время не относящиеся к мобилизуемым возрастам могут демобилизоваться, а остальной личный состав считается мобилизованным³⁴⁴.

Бойцы Арагонского фронта получали 4 песеты в день и хлебный паек – 630 грамм (семейные – 6 песет)³⁴⁵. В Центральной Испании бойцы республиканской армии получали 10 песет, но снабжались хуже. Как сообщали советские советники в декабре 1936 г., «материальное положение значительно улучшилось, не может быть сравнимо с положением на Мадридском фронте»³⁴⁶. Хорошее снабжение бойцов Арагонского фронта обеспечивалось структурой коллективистской экономики, о которой речь пойдет ниже. Те части, которые связаны с НКТ, «хорошо обмундированы и имеют склады, забитые обмундированием. Другие же части с трудом добывают самое необходимое»³⁴⁷.

В декабре 1936 г. милиционные колонны анархо-синдикалистов были сведены в три дивизии во главе с майорами Сансом, Ховером и Ортисом. ОСПК укомплектовала дивизию им. К. Маркса, а ПОУМ – им. В. Ленина. Под Уэской действовала также колонна итальянских интернационалистов, организованная анархистом К. Бернери (около 500 бойцов). Однако колонны милиции фактически сохранялись как боевые единицы. По советским оценкам, 67 % численности фронта составляли анархисты³⁴⁸. Командиры-анархисты находились под контролем своей политической организации. Советские специалисты сообщали, что командиры-анархисты «крепко придерживаются партдисциплины и, прежде чем приступить к выполнению приказа, они испрашивают разрешение своей партии»³⁴⁹. Естественно, что вскоре и пост военного министра Женералитата перешел к представителю НКТ Ф. Исглиесу.

В октябре на Арагонском фронте у республиканцев было 28000 штыков в 10 отрядах и 25 старых самолетов. Франкистов было вдвое меньше³⁵⁰ (по другим данным – 18000)³⁵¹, но, в отличие от центрального фронта, они в Арагоне не наступали, а оборонялись, занимая укрепленные позиции. У них была мобильная резервная группа в 3000 солдат на машинах³⁵². Время от времени то милиция, то франкисты проверяли позиции друг друга на прочность. Гарсиа Оливер присутствовал при одной из атак франкистов: «Несомненно, бомбардировка служила подготовкой для наступления. Они пошли в атаку без особой надежды на успех, стремясь пересечь

³⁴⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.275. Л.40–41.

³⁴⁵ Там же. Д.282. Л.17.

³⁴⁶ Там же. Д.282. Л.18.

³⁴⁷ Там же. Д.292. Л.4.

³⁴⁸ Там же. Д.284. Л.11.

³⁴⁹ Там же. Д.284. Л.17.

³⁵⁰ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.10.

³⁵¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.340. Л.7.

³⁵² Там же. Д.275. Л.14.

мост. Мы обороняли мост, рядом со мной „Старичок“ со своим винчестером и Аранда с пулеметом, а у меня автомат. Наши выстрелы слились с выстрелами остальных. На мгновение показалось, что враг лавиной накатывается на нас. Участились звуки выстрелов и треск взрывающихся ручных гранат. На их стороне валялись на землю мертвые и раненые. На нашей, оборонявшейся, не упал никто»³⁵³.

3 сентября антифашисты предприняли новый штурм Уэски. Она оказалась крепким орешком – с колокольни церкви и башен замка били пулеметы, извилистые улочки были хорошо защищены. Разрушить эту оборону без тяжелой артиллерии и авиации штурмующие не смогли. Ни в это время, ни после того, когда командование перешло от анархистов к их противникам в республиканском лагере, взять Уэску и тем более Сарагосу не удалось.

Новое наступление было предпринято в октябре. В это время в Уэске оборонялось 4500 франкистов, против которых наступали около 12000 антифашистов, из них 9000 анархо-синдикалистов и 4500 коммунистов и социалистов из дивизии им. Маркса³⁵⁴. 21 октября Дуррути продвинулся на 12 км и отрезал Уэску³⁵⁵. 22 октября его бойцы ворвались в Уэску, но тут кончились патроны, и пришлось отойти. По признанию Антонова-Овсеенко, коммунисты действовали не лучше анархо-синдикалистов³⁵⁶.

Во время сражения за Мадрид Арагонский фронт снова атаковал франкистов. 19–23 ноября его колонны атаковали Альмудевар юго-западнее Уэски и Бельчите, а подошли к Пердигеру северо-западнее Сарагосы³⁵⁷. Увы, желание наступать «проявляли только рядовые бойцы»³⁵⁸, а командование и политики колебались (это советское свидетельство подтверждает, что милиционная организация не препятствовала активности фронта). Военный министр Сандино и начштаба фронта Гуарнер внесли в приказ о наступлении важную поправку: части должны были наступать, если успешны действия соседей. Действия дивизии Маркса были неудачны, и соседи вперед не двинулись³⁵⁹. В итоге все свелось к атаке трех пунктов – Санта Китерия, Кинто и Альмудевар³⁶⁰, после чего милиция вернулась на исходные позиции.

Франкисты тоже не оставляли Арагонский фронт в покое. 17 февраля они ударили по левому крылу фронта, заняв Вивель дель Рио и Фуенферрадо в направлении угольных копей Монтальбан³⁶¹. Но здесь были остановлены.

Прощупав противника, руководство Арагонского фронта во главе с военным советником Женералитата Ф. Исглиесом³⁶² (представитель НКТ, назначенный вместо Сандино) и начальником штаба В. Гуарнером пришло к выводу, что без военной техники здесь нельзя

³⁵³ García Oliver J. Op. cit. P.335.

³⁵⁴ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.10.

³⁵⁵ Там же. Л.78.

³⁵⁶ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.80.

³⁵⁷ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.845. Л.209, 212, 219.

³⁵⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.284. Л.10.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же. Л.11.

³⁶¹ Там же. Д.304. Л.7.

³⁶² Советские военные советники высказывали высокое мнение об Ф. Исглиесе, горняке, который «проявил хорошие организаторские способности» при создании милиции, «трезво оценивает обстановку, принимает волевые решения, умеет подбирать и использовать людей» (РГВА Ф.35082 оп.1. Д.284. Л.2.). Так что его мнение было продиктовано как раз этой «трезвой оценкой обстановки».

наступать³⁶³. Исглиес был готов провести наступательную операцию, но просил для этого у советских товарищей танки и самолеты³⁶⁴.

Советские военные специалисты были недовольны, что анархисты «ссылаются на недостаток танков, самолетов и небоеспособность армии. Они преувеличивают силы противника, его технику и неприступность укреплений»³⁶⁵. Когда удалось сломить анархистскую «вольницу» и атаковать франкистов с помощью танков, самолетов и подкреплений с Центрального фронта, выяснилось, что советские военные советники недооценивали «неприступность укреплений» противника.

«Раскритиковав» анархистов, советник все-таки принял их аргументы в главном: «Чтобы выявить истинные намерения анархистов, необходимо перебросить на наш фронт хотя бы на одну операцию отряд танков и отряд самолетов истребителей»³⁶⁶. Командование весной 1937 г. не решилось на это.

«Солидарidad obrera» была недалеко от истины, когда писала 30 января 1937 г.: «На арагонском фронте не наступают потому, что не имеют средств для этого, а не получают средства потому, что на арагонском фронте и в Каталонии доминируют анархо-синдикалисты, которых всяческим средствами хотят заставить потерпеть поражение»³⁶⁷.

Ей вторил и орган Арагонского совета «Новый Арагон» 31 января: «Не хватает оружия, оружия, оружия! Военный министр, если он искренен, может дать на этот вопрос обоснованный ответ... У него, вот у кого надо спросить, почему Арагонский фронт бездействует»³⁶⁸.

Проблемы с поставками современного оружия в Каталонию и Арагон ухудшали отношение анархистов к Ларго Кабальеро, и особенно к его заместителю Асенсио, реально управлявшему военным ведомством, и к министерству авиации и флота Прието.

20 апреля 1937 г. пленум НКТ решил провести реорганизацию Арагонского фронта, чтобы приблизить его структуру и условия службы к другим фронтам. Одним из основных направлений этой работы должна была стать борьба с дезертирством³⁶⁹. Советские наблюдатели констатируют, что «каталонские анархисты сейчас с большей энергией занимаются приведением в порядок армии на арагонском фронте»³⁷⁰.

Впрочем, даже преобразуя колонны в бригады, полки и батальоны, анархисты сохраняли демократические основы армии. Советские офицеры с опаской фиксируют «факты сохранения комитетов в некоторых уже переименованных частях, обсуждение кандидатур на офицерские должности и снятие с работы искренних сторонников реорганизации»³⁷¹. Анархисты «стоят за уравниловку офицеров с рядовыми»³⁷².

Более того, «работа по реорганизации народной милиции в регулярную народную армию не уничтожила организации соединений по принципу партийности. Наоборот, она сконцентрировала

³⁶³ РГВА Ф.35082 оп.1. Д.284. Л.2.

³⁶⁴ Там же. Д.275. Л.24.

³⁶⁵ Там же. Д.292. Л.5.

³⁶⁶ Там же. Л.10.

³⁶⁷ Там же. Д.304. Л.4.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ IISH. Paquete 24 5, P.13. N13... Valencia a 20 Abril de 1937.

³⁷⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.292. Л.11.

³⁷¹ Там же. Л.6.

³⁷² Там же. Л.5.

силы одного и того же политического направления на определенных участках»³⁷³.

7-13 апреля Арагонский фронт провел наступательную операцию под Каса де Бланка южнее Уэски, о которой забывают те, кто считает, будто фронт был пассивным. Удар наносился дивизией Маркса (более 2500 солдат), полутора батальонами анархо-синдикалистов и анархистской интернациональной ротой. В случае успеха планировалось перерезать коммуникации противника между Сарагосой и Теруэлем.

7 апреля войска Арагонского фронта атаковали позиции франкистов в лоб и одновременно заняли Каса де Бланка у них в тылу. Противник частично был перебит, частью бежал. Но часть франкистов продолжала сопротивляться в полуокружении. Авиация противника беспрепятственно бомбила республиканцев.

К утру 13 апреля противник ввел в бой еще 3300 солдат и три батареи артиллерии, что уже исключало развитие республиканского наступления. «Абсолютно неправы некоторые товарищи, утверждающие, что на арагонском фронте нет сил противника. Бой показал обратное, появились вовремя резервы и по своему составу, качеству действовали отлично»³⁷⁴, – комментирует советский военный специалист «Гораци». После артподготовки и авиаударов франкисты нанесли контрудар, и республиканцам пришлось отходить.

Дивизия Маркса потеряла 872 человек, из них 120 командиров. «Рядовой и оставшийся комсостав дивизии оказывал весьма большое сопротивление противнику, и его стойкость была на большой высоте»³⁷⁵.

Одновременно анархо-синдикалистская дивизия атаковала франкистов севернее Уэски и отошла, потеряв 330 человек³⁷⁶. Ее удар должен был облегчить выполнение основной задачи.

«Нужно отметить, что как авиация, так и танки центрального фронта в данный момент бездействовали и, несомненно, использование их на арагонском фронте на 2–3 дня дало бы положительные результаты»³⁷⁷, – пишет светский военный специалист «Гораци», фактически подтверждая аргументацию анархо-синдикалистов. Если бы такой обмен осуществился, в ответ можно было бы воспользоваться артиллерией и частью сил Арагонского фронта (до дивизии можно было перевезти автотранспортом) при проведении операции в Эстремадуре (к этим планам мы вернемся ниже).

По мнению «Гораци» операция под Касса де Бланка – «доказательство того, что арагонский фронт может действовать в существующем положении без придания каких-то отдельных технических частей или общевойсковых соединений... Что касается операций, имеющих большее значение и влияние на другие участки фронта, требуется техника и наличие вооруженных резервов.

Рассчитывать на получение последних вряд ли приходится, ибо предубежденность, не лишенная некоторого основания, к анархистам со стороны Ларго Кабальеро чрезмерно велика»³⁷⁸. Ирония ситуации заключалась в том, что как раз в это время предубежденность Ларго Кабальеро против анархистов стала проходить, а это открывало новые перспективы перед Арагонским фронтом и всей Республикой.

Правительство широкой антифашистской коалиции

³⁷³ Там же. Д.304. Л.2.

³⁷⁴ Там же. Д.355. Л.17.

³⁷⁵ Там же. Л.14.

³⁷⁶ Там же. Л.15.

³⁷⁷ Там же. Л.10–11.

³⁷⁸ Там же. Л.10.

Франко продвигался к Мадриду. Координация действий революционных сил, а значит, и вооруженных формирований, была организована плохо. Для того, чтобы скоординировать усилия многочисленных политических сил Республики, нужно было менять правительство.

Широкий союз левых сил, опирающийся на массовые организации, и прежде всего на профсоюзы, который возник в Каталонии, теперь был жизненно необходим в центре. Падение Талаверы поставило вопрос ребром: для согласования многочисленных региональных, партийных и социальных интересов кабинет Хиралья не годился. Поскольку Кортесы не отражали фактической расстановки сил (анархо-синдикалисты в них вообще не были представлены), правительство нужно было формировать с опорой на левые организации, пользующиеся реальным влиянием.

Президент Асанья поручил формирование правительства Ф. Ларго Кабальеро. По словам историков П. Бруэ и Э. Темиме, «участие ВСТ и поддержка НКТ должны были в нормальных условиях дать ему (правительству – А. Ш.) авторитет, которого не было у Хиралья»³⁷⁹. Асанья не без колебаний пошел на такое полевение курса³⁸⁰. Но что было делать старому либералу, когда его страна ушла еще дальше влево.

Задачей номер один для Ларго Кабальеро было вовлечь в правительство коммунистов, чтобы теснее привязать СССР к Испанской республике и в то же время обеспечить лояльность этой сплоченной партии. Позиция Коминтерна о вхождении КПИ в правительство была сформулирована 24 июля 1936 г. и допускала приход коммунистов к власти в коалиции «только в крайнем случае, если это абсолютно необходимо в целях подавления мятежа»³⁸¹.

Сталин продолжал колебаться по этому поводу до сентября. В условиях острого социально-политического кризиса политика коммунистов может оказаться неудачной, что скомпрометирует все коммунистическое движение, и без того проводящее после VII Конгресса Коминтерна «оппортунистическую» политику³⁸². Приходить к власти предпочтительно на волне разгрома франкистов. В сентябре 1936 г. ситуация стала значительно хуже, чем в конце июля, и не получится ли, что коммунисты разделят ответственность за позорное поражение? Понимая суть этих колебаний, Ларго стал убеждать коммунистов в том, что они будут нести ответственность за поражение, если в решающий момент уклонятся от вхождения в правительство. «Конечно, – говорили нам, – вы остаетесь вне правительства, чтобы не компрометировать себя. Нет, вы войдете в правительство, и мы либо вместе победим, либо вместе умрем»³⁸³. Этот довод сработал.

4 сентября правительство Ларго Кабальеро было сформировано. Большинство в нем принадлежало ИСРП – сам Ларго, который взял также пост военного министра, близкий к нему А. Галарса³⁸⁴ (министр внутренних дел), И. Прието (министр авиации и флота)³⁸⁵, Х. Альварес

³⁷⁹ Broue P., Temime E. Op. cit. P.202.

³⁸⁰ Alvarez del Vayo J. Op. cit. P.205.

³⁸¹ Мещеряков М. Т. Испанская республика и Коминтерн. М., 1981. С.16.

³⁸² Подробнее см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. С. 197–223.

³⁸³ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.142.

³⁸⁴ Оппоненты кабальеристов справа и их нынешние последователи часто обвиняют Галарсу в некомпетентности. Однако дело не в каких-то его частных ошибках, а в том, что он старался избежать подавления социальной активности, развернувшейся на территории Республики, даже если она шла «поперек» принятым ранее законам. Однако поскольку он все-таки занимался наведением порядка, насколько это было возможно в условиях революции, против него выступали и правые социалисты, и коммунисты, и анархо-синдикалисты (Graham H. Socialism and War. The Spanish Socialist Party in Power and Crisis. 1936–1939. Cambridge, 1991. P.63).

³⁸⁵ Прието, поддержанный исполкомом ИСРП, надеялся возглавить единое военное министерство, но Ларго Кабальеро не доверил своему оппоненту столь важную роль. Острое соперничество между лидерами ИСРП было перенесено в сферу военной политики. Это может показаться ошибкой. В действительности с точки зрения Ларго Кабальеро ошибкой было бы доверять Прието ведение войны. Но и полностью отстранить его от этого дела премьер

дель Вайо³⁸⁶ (иностранные дела), Х. Негрин (министр финансов). В правительство вошли два коммуниста – В. Урибе (министр сельского хозяйства) и Х. Эрнандес (образование). Также два места получили представители ЛРП – в кабинет вошел, правда, без портфеля, экс-премьер Х. Хираль, представлявший интересы Асаньи. По одному месту получили также Республиканский союз и Эскерра.

С анархо-синдикалистами все было сложнее. Выступая на заседании секретариата ИККИ, А. Марти утверждал: «Влияние анархистов имеет решающее значение для всей страны и даже для Мадрида, где находится правительство»³⁸⁷. Ларго Кабальеро и коммунисты понимали, что привлечение этой силы в единую систему, координируемую правительством, имеет решающее значение для сопротивления франкизму. А. Марти на заседании ИККИ заявил о необходимости «втянуть в работу государственного аппарата не только Каталонии, но и всей страны, анархистов. Это повысит в них чувство ответственности и сократит безответственную критику с их стороны... Борьба с ними перед лицом фашизма – это конец. Значит, не нужно останавливаться перед тем, чтобы уступить им кое в чем, а после победы мы с ними посчитаемся, тем более, что после победы мы будем иметь сильную армию»³⁸⁸. Надежды Марти оправдались лишь частично – войдя в систему власти, анархисты продолжали проводить те же преобразования, что и раньше, и остро критиковать коммунистов за стремление остановить социальную революцию. Решающее столкновение между коммунистами и анархо-синдикалистами произошло «до победы» и подорвало шансы на нее.

В сентябре НКТ была готова войти не в правительство, а в некий «национальный совет обороны» (это словесное различие было важно для противников государственных институтов). Возможность вхождения в такой орган обсуждалась анархо-синдикалистскими лидерами в конце августа – начале сентября, во время кризиса кабинета Хиралья. Анархо-синдикалисты предложили столь радикальное переустройство политической системы, что это вызвало слухи о готовящемся государственном перевороте³⁸⁹. Впрочем, в планах анархо-синдикалистов не было ничего секретного. 18 сентября они были изложены в резолюции Национального пленума НКТ, который предложил сформировать Национальный совет обороны с реальными полномочиями и включить в него по пять представителей от ВСТ, НКТ и республиканцев (коммунисты должны были войти в Совет через ВСТ). Так была выдвинута идея создания исполнительной власти, ответственной не столько перед партиями и президентом, сколько перед массовыми организациями трудящихся. Позднее эта идея трансформируется в проект «профсоюзного правительства», к которому весной 1937 г. будет склоняться Ларго Кабальеро.

Совет должен был организовать народную милицию на основе всеобщей воинской повинности, провести социализацию промышленности и осуществлять планирование работы крупных предприятий, гарантировать свободу социальных экспериментов в деревне³⁹⁰. В сентябре 1936 г. для Ларго Кабальеро эти меры были еще слишком радикальными. Он считал, что

не мог. Для Прието эти события переполнили чашу терпения (ведь Ларго прежде не допустил и его назначения премьером), и он, по выражению Х. Грэхэм, начал «политическую вендетту» (Graham H. Or. cit. P.62, 68).

³⁸⁶ Ларго Кабальеро предложил в министры иностранных дел ведущего левосоциалистического интеллектуала Л. Аракистайна. Но тот был ярким полемистом, от которого доставалось либералам, и Асанья заблокировал это предложение. Ларго настаивал, но сам Аракистайн предложил заменить свою кандидатуру Альваресом, которого считал левым. Однако позднее выяснится, что Альварес был левым социалистом совсем другого рода – не кабальеристом, а прокоммунистом. «Назначение Альвареса дель Вайо с самого начала разрушило единство левосоциалистического ядра правительства», – комментирует исследователь внутрипартийной борьбы в ИСРП Х. Грэхэм (Graham H. Or. cit. P.62).

³⁸⁷ РГАСПИ. Ф.495. Оп.18. Д.1117. Л.118.

³⁸⁸ Там же. Л.145, 147.

³⁸⁹ Там же. Л.123.

³⁹⁰ Там же. Л.123–124.

НКТ собирается «навязать государственную структуру, основанную на неправительственных органах, которые в действительности привели бы к исчезновению республиканского государства (такое обвинение для анархо-синдикалистов звучит как похвала, ведь исчезновение бюрократического государства было их программной целью – А. Ш.). Они хотели, чтобы премьер-министр стал президентом анархо-синдикалистского государства. Он ответил, что принял власть для того, чтобы сделать все возможное для спасения республики, а не для того, чтобы ее предать»³⁹¹. Эти возвышенные строки были написаны уже после событий. В 1936–1937 гг. Ларго Кабальеро не исключал переустройства республиканских институтов в направлении прямой демократии. Но предложение НКТ шло куда дальше его намерений, лишало реальной власти президента, партии и правительственные органы. Осенью 1936 г. Ларго Кабальеро побоялся остаться без этой опоры, без привычной республиканской легитимности. Когда партии проигнорировали идею Национального совета обороны и сформировали обычное правительство, НКТ сначала отказалась от участия в нем.

Как говорилось в установочном материале «Солидарidad obrera» от 4 сентября 1936 г. (то есть в день формирования правительства Ларго Кабальеро), «координация сил Народного фронта и организация снабжения продовольствием при одновременном развитии коллективизации предприятий жизненно важны для достижения наших целей... Однако до сих пор это осуществлялось не регулируемым государством, а децентрализованным и немилитаризованным образом» на основе союза НКТ и ВСТ³⁹². Правительство в этих условиях не нужно и даже вредно. Оно является «всего лишь слабым охранником „статус-кво“ в распределении собственности и международных финансовых интересов»³⁹³. Продолжая по инерции критиковать правительство, орган НКТ в целом верно определил его положение в республике – регулятор («охранник») распределения собственности (то есть соотношения экономических секторов) и отношений с миром. Располагая собственным сектором в экономике и нуждаясь в налаживании отношений с другими государствами, анархо-синдикалисты вскоре начнут претендовать на свое место в таком правительстве. Это будет логично вытекать из их решения проводить преобразования в рамках Республики.

И после образования правительства Ларго Кабальеро анархо-синдикалисты продолжили переговоры о его переименовании в Совет (Хунту), что позволило бы «войти во власть», не отказываясь от формального следования старым догматам. 30 сентября посол во Франции Л. Аракистайн сообщил Антонову-Овсеенко, «что в Мадриде оформляется под названием „хунты“ новое правительство с участием анархо-синдикалистов»³⁹⁴. Но, как рассказывал Асанья, анархисты требовали в правительстве пять мест, включая военное министерство. Последнее было неприемлемо для президента и премьера³⁹⁵.

25 октября ВСТ и НКТ Каталонии заключили соглашение о сотрудничестве. Оба профсоюза выступили в поддержку коллективизации промышленности, координируемой Женералитатом, за мобилизацию в милицию, которая должна действовать под единым командованием. Сближение рабочих организаций создавало проблемы для политической системы Республики. Тыл опирался на коллективизированные предприятия, а правительство не имело с ними организационной связи. В свою очередь, Каталония и Арагонский фронт не имели прямого доступа к ресурсам правительства (включая помощь СССР) и не могли согласовывать возникающие в связи с этим вопросы в рабочем порядке. 23 октября пленум НКТ снова поставил вопрос о вхождении в систему власти на условиях, выдвинутых в середине сентября.

Но если в сентябре 1936 г. критика идеи вхождения в национальное правительство со

³⁹¹ Cit.: Bollothen B. The Spanish Civil War. NY., 1991. P.200.

³⁹² Цит. по: Дамье В. В. указ. СЧ. С.329.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.1.

³⁹⁵ Там же. Л.79.

стороны Х. Гарсия Оливера, М. Эскосы и др. оказалась решающей, то в октябре, когда Франко приближался к Мадриду, а в Каталонии дал первые плоды опыт вхождения в Женералитат, позиция НКТ и ФАИ продолжила сдвигаться к большей умеренности.

К этому времени правительство уже успело показать анархистам, что без золотого запаса Республики им будет трудно обойтись. Правительство отклонило запрос экономического совета Каталонии о предоставлении валюты на закупку сырья и военных материалов. Валютная проблема вызвала серьезный конфликт. В начале октября Д. Сандино и Д. Абад де Сантьян в резких выражениях требовали у президента Асаньи золото на военные нужды. Дуррути даже угрожал захватить Банк Испании, но Абад де Сантьян отговорил его от этой идеи. На всякий случай Дуррути был допущен к неофициальным испано-советским переговорам по поводу закупки оружия³⁹⁶.

Тем временем франкисты вышли на подступы к Мадриду. Анархисты готовились выступить на помощь столице, и дивизия Дуррути должна была поступить в оперативное подчинение республиканскому командованию, а значит – и правительству. Ситуация требовала усиления контроля за правительством, более тесной координации действий. Вопрос о вхождении анархо-синдикалистов в правительство «встал ребром». Принципиально об этом договорились Ларго Кабальеро и генсек НКТ О. Прието.

В правительство Испании лидеры анархо-синдикалистов вошли после личных колебаний и терзаний. Ф. Монтсени позднее вспоминала об этом: «После соглашения между Ларго Кабальеро и Орасио Прието последний вернулся в Каталонию и объяснил позицию, достигнутую на переговорах, которые закончились назначением Х. Лопеса, Пейро, Гарсия Оливера и меня членами правительства. Я отказалась, Орасио Прието и Мариано Васкес настаивали. Я попросила 24 часа, чтобы обдумать это. Я посоветовалась с моим отцом (ветеран анархистского движения Ф. Уралес – А. Ш.), который, подумав, сказал: „Ты знаешь, что это значит. Фактически это значит ликвидацию анархизма и НКТ. Оказавшись у власти, ты никогда уже не освободишься от власти...“» Несмотря на это отец Ф. Монтсени все же благословил ее на вхождение в правительство³⁹⁷. Позднее она говорила: «Я, анархистка, которая отрицала государство, решила выдать ему небольшой кредит доверия, чтобы способствовать революции сверху»³⁹⁸.

Идея вхождения в республиканское правительство вызвала естественную оппозицию в НКТ. 18 октября прошла конференция анархистской молодежи, на которой юные радикалы дали волю эмоциям против «соглашательства». Трех советников-анархистов называли «тройная свинья». Под горячую руку попал и французский анархист С. Фор, которому вообще не дали говорить³⁹⁹. Однако когда пленумы НКТ одобрили вхождение в правительство, его противникам оставалось только согласиться со свершившимся фактом. Против сотрудничества выступило лишь незначительное меньшинство групп ФАИ и ФЛМ, ориентированных на газету «Носотрос». После принятия решения о вхождении в правительство недовольство курсом О. Прието возросло, и он был вынужден оставить пост секретаря. Однако делегаты пленума НКТ, недовольные оппортунизмом Прието, не поставили вопрос об уходе министров-анархистов из правительства. «Отыгравшись» на Прието, они де-факто признали правоту его курса⁴⁰⁰.

4 ноября в правительство Испании вошли четыре представителя НКТ: Х. Лопес (министерство торговли), Х. Пейро (промышленности), Ф. Монтсени (здравоохранения), Х. Гарсия Оливер (юстиции). Лопес и Пейро были «триентистами», умеренными лидерами НКТ. Синдикалистам в сотрудничестве с социалистическим министерством труда предстояло обеспечить проведение в стране социально-экономических преобразований.

³⁹⁶ Thomas H. Op. cit. P.429, 443–444, 448.

³⁹⁷ Peirats J. Op. cit. V.I. P.293.

³⁹⁸ Gomes Casas J. Op. cit. P.199.

³⁹⁹ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.87.

⁴⁰⁰ García Oliver J. Op. cit. P.337.

Новое правительство считалось правительством Народного фронта, несмотря на то, что в него вошли и представители организации, в Народный фронт официально не входившей (правда, сами анархо-синдикалисты стали отождествлять себя с Народным фронтом⁴⁰¹). Кабинет Ларго Кабальеро стал правительством широкой антифашистской коалиции, которая просуществует до мая 1937 г.

* * *

Резкий рост влияния НКТ на национальном уровне вызвал эйфорию среди анархо-синдикалистов. Иногда часть их идеологов забывала о вспомогательном характере участия в кабинете с точки зрения выполнения задач НКТ и допускала высказывания в духе государственного социализма. Так, например, «Солидарidad obrera» писала: «Государство более не представляет организма, который разделяет общество на классы», поскольку вхождение рабочих организаций «привносит в него дух масс»⁴⁰².

Также министры НКТ стали сильным лобби Каталонии в общеиспанском правительстве. Так, в декабре 1936 г. Гарсиа Оливер, Ф. Монтсени и генеральный секретарь НКТ М. Васкес говорили советскому экономическому советнику А. Сташевскому, что они поддержат составление планов поставки военной продукции, но только при условии, что будет предусмотрено часть продукции оставлять в Каталонии⁴⁰³.

Эффект вовлечения НКТ в правительство скоро сказался и на экономике. Был выстроен мост взаимопонимания между синдикалистским сектором и Республикой. Сташевский отмечал, что «недоверие к центральному правительству, очень сильное в течение предыдущих месяцев, начало уменьшаться. Министр промышленности Хуан Пейро, анархист, выступал за усиление дисциплины в производстве и против роста числа комитетов»⁴⁰⁴.

«Министр промышленности Х. Пейро, принадлежавший к умеренному крылу Национальной конфедерации труда, после получения поста министра объявил, что его целью является распространение на всю Испанию коллективизации, которая была осуществлена в Каталонии»⁴⁰⁵. То, что министром промышленности стал синдикалист, имело большое значение – ведь часть рабочих, выступая за ликвидацию частной собственности на их предприятиях, предпочла бы национализацию, чтобы автоматически получать зарплату от государства независимо от результатов работы. Такой исход был опасен и для финансов страны, и для эффективности производства (что подтвердят и события второй половины 1937–1938 гг.). Пейро отстаивал путь производственной демократии. Его важной заслугой является легализация коллективизации в масштабах Испании, что будет иметь важное значение, когда революция пойдет на спад, и синдикалистский сектор окажется под государственным прессингом. Министерство Пейро продолжило процесс ликвидации частной собственности – в согласии с желанием коллективов предприятий: «В январе 1937 г. в министерство поступило более одиннадцати тысяч прошений об инкаутации предприятий, которые просили помощи в управлении»⁴⁰⁶.

23 февраля 1937 г. министерство получило право секвестировать предприятия по всей Испании (2 марта Пейро издал приказ, определяющий порядок ликвидации частной

⁴⁰¹ IISH. Juan García Oliver. Ministerio de Justicia. 3.4.37.

⁴⁰² Richards V. Op. cit. P. 70–71.

⁴⁰³ Viñas Á. El escudo de la República. P.178.

⁴⁰⁴ Op. cit. P.179.

⁴⁰⁵ Bricall J. M. Política industrial de la República española (1936–1939). // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. Barcelona, 2008. P.527.

⁴⁰⁶ Op. cit. P.527.

собственности). Он предусматривал создание рабочих комитетов⁴⁰⁷. После отставки Пейро в мае его меры были изменены в направлении национализации предприятий, но рабочие комитеты сохранились.

Деятельность министров-анархистов в правительстве в основном носила не какой-то специфически анархический, а общедемократический характер, вписывалась в рамки социального государства. За это им доставалось от анархо-коммунистов, которым вхождение в правительство кажется бессмысленным и вредным. При этом смысл вхождения оценивается по результатам ведомственной деятельности самих министров, в то время как правительство было коллегиальным органом, и министры от НКТ получили возможность вырабатывать общий политический курс Республики.

Но прежде чем оценить этот курс, остановимся на собственно министерской работе министров-анархистов. Так уж было положено: хочешь участвовать в принятии стратегических решений, – нужно вести управленческую работу. И пока министерства не были заменены эффективной системой самоуправления, кто-то должен был ими руководить.

После прихода к руководству министерством здравоохранения Ф. Монтсени по всей стране стало вводиться бесплатное медицинское обслуживание. Развертывались новые места для больных туберкулезом, укреплялась профилактика эпидемиологических заболеваний (несмотря на войну, в это время Испанию минули эпидемии), создавались детские медицинские учреждения. Вводились новые методы спасения раненых (включая переливание крови), которые предложили медики-интернационалисты. По словам Х. Томаса, эти методы «произвели медицинскую революцию»⁴⁰⁸. 13 января 1937 г. Монтсени легализовала аборты.

Оказавшись во главе министерства юстиции (по-испански это слово значит как «право», так и «справедливость»), Гарсиа Оливер начал с сожжения архива обвинительных актов. Дальнейшие действия анархистов в этой области отличались большей конструктивностью. Гарсиа Оливер «боролся против спекулянтов, расширил юридические права женщин, организовал трудовые колонии для фашистов»⁴⁰⁹. Министерство Гарсиа Оливера провело серию общедемократических мер, включая уравнивание в правах мужчин и женщин, признание законности «свободных» (не зарегистрированных) браков, амнистию по преступлениям, совершенным до начала гражданской войны. Были отменены судебные платежи.

Министерство вело систематическую работу по наведению порядка в республиканских структурах, предотвращению внедрения в них сторонников франкистов. Соответствующее обращение министр отправил и ФАИ. Товарищи по движению, солидаризировавшись с поставленной Гарсиа целью, напомнили ему, что пока к членам организации не предъявлялось конкретных обвинений в шпионаже⁴¹⁰.

Одновременно Гарсиа был назначен уполномоченным правительства по формированию воинских частей. На этом посту он заслужил высокую оценку советских военных специалистов: «Совместная работа с ним в течение последних дней свидетельствует, что работа по формированию безусловно сдвинется; он весьма энергичен и в общем руководствуется здоровыми устремлениями о необходимости жесткой дисциплины и централизации»⁴¹¹.

Также в качестве министра Гарсиа занимался организацией военных школ. Эта работа министра-анархиста также заслужила положительные отзывы профессиональных военных. Работавший под его началом М. Бласкес вспоминал: «Мы с Кордоном вступили с ним в контакт, однако нам только и оставалось, что выполнять его инструкции. Помещения, инструкторы, оборудование – все, о чем мы могли попросить, было незамедлительно предоставлено. Оливер

⁴⁰⁷ Ibid.

⁴⁰⁸ Thomas H. Op. cit. P.536.

⁴⁰⁹ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.566.

⁴¹⁰ PSH. Paquete 45, x 2 xxxx 14578 12 abril 7 221-GS.

⁴¹¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.278. Л.180.

был неутомим. Решал все и все контролировал лично. Он углублялся в мельчайшие детали и следил за точным выполнением своих приказов. Также он интересовался расписанием слушателей и их питанием. Однако, особенно он настаивал на том, чтобы новые сотрудники проходили подготовку в условиях строжайшей дисциплины»⁴¹². Гарсиа потому мог оперативно решать сложные хозяйственные вопросы, что в его распоряжении была вездесущая структура НКТ. Благодаря кипучей работе Гарсиа, помимо прочего, премьер Ларго Кабальеро постепенно убеждался в деловых качествах анархо-синдикалистов. Так, он лично вместе со своим замом по военному ведомству Асенсио проинспектировал школы, создававшиеся при участии Гарсиа Оливера, и поблагодарил министра-анархиста: «Ожидал много, однако не столько и не за такое короткое время. Кажется, я понимаю, в чем секрет вашего успеха: вы верите в созидательную силу трудящихся. Что ж, я тоже»⁴¹³.

Взяв на себя задачу реформирования юриспруденции, анархо-синдикалисты занялись и реорганизацией пенитенциарной системы. Теперь уже нельзя было, как они раньше хотели, просто ликвидировать тюрьмы – нужно было решать, где содержать хотя бы военнопленных. Декрет 26 декабря 1936 г. санкционировал создание трудовых лагерей, которые были организованы в республиканской зоне в первые месяцы гражданской войны. 7 апреля 1937 г. был сформирован Национальный патронат трудовых лагерей, который осуществлял общее руководство и контроль над их состоянием⁴¹⁴. Гарсиа Оливер считал, что смысл заключения – не в наказании. Он выступал за то, чтобы осужденные жили под лозунгом «Трудись и не теряй надежды»⁴¹⁵.

Гарсиа утверждал: «Справедливость (право) должна пылать, справедливость должна быть живой, справедливость не может быть ограничена рамками профессии. Это не значит, что мы полностью отрицаем сборники права и юристов. Но дело в том, что у нас было слишком много юристов. Когда отношения между людьми будут такими, какими они должны быть, не будет нужды красть и убивать. Прежде всего, разрешите нам допустить, здесь в Испании, что обычный преступник – не враг общества. Он преимущественно – жертва общества»⁴¹⁶.

В отличие от трудовых исправительных лагерей XX века, в анархо-синдикалистской пенитенциарной системе за осужденным признавались гражданские права, кроме свободы передвижения и безделья. А. Сухи во время поездки по Арагону посетил концентрационный лагерь в Вальмуэле, контролируемый ФАИ. Здесь вместе работали и заключенные, и анархисты, одновременно охранявшие лагерь. Они строили ирригационную систему, пасли скот, занимались земледелием. Заключенные и охранники «обращались друг к другу как равные». Ограничения на встречи с родными и знакомыми были незначительны. Во время этих встреч заключенные и их посетители предоставлялись сами себе (на территории лагеря, конечно). Государство и местные власти не оказывали лагерю поддержки. По существу это был производственный коллектив, в котором вынуждены были работать и фалангисты⁴¹⁷. Коммунист Э. Листер утверждает, что в этих лагерях было много и антифашистов, но конкретных примеров не приводит⁴¹⁸. Это – не те республиканские тюрьмы, куда действительно отправляли антифашистов, считая их «троцкистами». Характерно, что «либертарные» лагеря продолжали существовать и после

⁴¹² Cit.: García Oliver J. Op. cit. P.377.

⁴¹³ Ibid.

⁴¹⁴ PSH. Paquete 45 B. Ministerio de Justicia. Barcelona 8 de agosto de 1938. Comité Nacional de la Federación Anarquista Iberica.

⁴¹⁵ García Oliver J. Op. cit. P.378.

⁴¹⁶ Cit.: Thomas H. Op. cit. P.538.

⁴¹⁷ Souchy Bauer A. Op. cit. P. 32–34.

⁴¹⁸ Листер Э. Наша война. М.1969. С.178, 181.

отстранения анархо-синдикалистов от правительственной власти в мае 1937 г.⁴¹⁹

Получив под свое начало тюрьмы, Гарсиа Оливер отправился инспектировать ближайшие из них. Выяснилось, что многие заключенные-иностранцы не представляли перед судом, а попали в тюрьму «с приказом, гласившим: „По распоряжению командующего Центрального штаба“, подписанного Мартинесом Кабрера».

Так Гарсиа столкнулся с практикой чисток интербригад. Ларго Кабальеро, к которому отправился Гарсиа, «также ничего не знал. Я отдал ему список с именами и национальностями. Объяснил, что командующий действовал как феодальный сеньор в те времена, когда еще были сеньоры виселицы и ножа, с собственными тюрьмами, куда они заточали своих врагов. А также сообщил, что факт содержания в гражданской тюрьме военных граждан, без следствия и предъявления обвинения, выходит из ряда вон, поскольку Валенсия была местом пребывания посольств.

– Непостижимо, – сказал Ларго Кабальеро. – Хотя должен признать, что генерала Мартинеса Кабрера, выбранного по предложению Индалесио Прието, можно было бы сравнить с мулом из-за его головотяпства и упрямства. Какие решения вы приняли? Вы их выпустили?

– Не мог пойти на это, предварительно не поговорив с вами. Но я им пообещал, что завтра, чтобы предотвратить любую случайность, их отведут под охраной к французской границе»⁴²⁰. По итогам этой истории Гарсиа устроил взбучку Кабрере. Однако практика арестов интербригадистов без суда продолжалась за пределами Валенсии. Оказалось, что дело не в Кабрере, а в политическом руководителе интербригад А. Марти: «То, что происходит в бригадах, военная жизнь в них невыносима... Диктатура – вот как надо назвать это командование... Морис Торез приехал в Испанию, он увидел и понял: с Марти надо драться, и только Видаль их разнял... Марти хочет диктатуры. Марти честолюбив и хочет сыграть в Испании большую роль,» – писал в Тулон французский боец⁴²¹. Интербригадисты жаловались, что желающих вернуться во Францию Марти отправляет в лагерь⁴²².

Гарсиа развернул борьбу с партийными тюрьмами, возникшими в первые месяцы революции. Формально в них содержались арестованные «фашисты», но таковыми могли объявить и политических противников. Анархисты подали пример и передали свою тюрьму Женералитату. 58 узников при этом были освобождены⁴²³.

Гарсиа Оливер назначил генеральным директором тюрем философа-гуманиста М. Родригеса, который стал наводить порядок в республиканских «узилищах». Режим заключения был смягчен⁴²⁴.

В лагеря и тюрьмы направлялись люди, осужденные трибуналами. До создания системы

⁴¹⁹ IISH. Paquete 45 B. Ministerio de Justicia. Barcelona 8 de agosto de 1938.

⁴²⁰ García Oliver J. Op. cit. P.380.

⁴²¹ РГАСПИ. Ф.495. Оп. 20. Д.262. Л.35.

⁴²² Там же. Л.36. Интересно, что часть интербригадистов, опасаясь арестов, уходила к анархо-синдикалистам. Чтобы пресечь эти «перетоки», руководство бригад пожаловалось Ларго Кабальеро на то, что анархо-синдикалисты принимают иностранцев, исключенных из интербригад, в том числе обвиняемых в шпионаже (самый надежный аргумент против политического противника в это время). Ларго Кабальеро обратился с соответствующим запросом к НКТ (продублировав его по линии министерства юстиции), а ее органы в свою очередь – к ФАИ. Иберийский комитет ФАИ ответил, что ему о таких случаях не известно. Анархо-синдикалисты не доверяли обвинениям, выдвигаемым коммунистами. 20 марта секретариат НКТ направил премьеру документ, в котором сообщал о тех лицах, которые вполне легально перевелись из интербригад в административные структуры ФАИ (IISH. Paquete 45 B. AIT. Confederación Nacional del Trabajo. Carta del Presidente del Consejo al compañero García; Ibid....20 de Marzo de 1937; El Secretario Particular del Ministro de Justicia. A los Delegados del Comité Peninsular de la FAI... M. Rivas 16.3.37; xxxx 14578 18 marzo 7 164-GS.). На этом дело и «заглохло». Предотвратить отток иностранцев к анархо-синдикалистам и, вероятно, «поумистам», не удалось.

⁴²³ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.18.

⁴²⁴ Thomas H. Op. cit. P.538.

лагерей трибуналы широко пользовались орудием смертной казни. Декрет 26 декабря 1936 г. упорядочил меры ответственности, предусматривая заключение в лагере вместо мер, за которые раньше давали «вышку»⁴²⁵.

Упорядочение системы трибуналов, возникших в ходе революции, стало важнейшим достижением министерства юстиции во главе с Гарсиа Оливером. Хаотичность «народного правосудия» создавала множество возможностей для произвола, и министерство занялось систематическим упорядочением как методов судопроизводства, так и комплектования трибуналов. 10 и 26 декабря 1936 г. и 7 мая 1937 г. (когда участие анархо-синдикалистов в правительстве доживало последние дни) были приняты важнейшие декреты о различных категориях трибуналов. Последний декрет, разработанный наиболее тщательно, должен был поставить репрессивную силу государства под контроль всех политических сил республики, так как трибуналы должны были комплектоваться из их представителей в соответствии с определенной пропорцией (п. 74 декрета)⁴²⁶. Это должно было предотвратить саму возможность использования трибуналов в качестве орудия политической расправы.

Министерская деятельность Х. Гарсиа Оливера и Ф. Монтсени лишней раз доказала, что на пути к социализму или коммунизму необходимо сначала доделать работу социального государства. Собственно социалистическую политику «прикрытия сверху» социально-экономических преобразований проводили Х. Пейро и Х. Лопес. Однако при всей важности этой работы смысл вхождения НКТ в правительство заключался не столько в этой текущей административной работе, сколько в воздействии на политику кабинета в целом. Присутствуя в правительстве, НКТ не только защищала начавшиеся снизу преобразования, но и сдвинула политику правительства Ларго Кабальеро навстречу социальной революции, обеспечивая синтез социалистических стратегий.

Пока НКТ оставалась в правительстве, противники анархо-синдикалистского социально-экономического эксперимента не могли развернуть серьезное наступление против него. Как только НКТ покинула правительство, это наступление началось и привело к существенному свертыванию социальной революции. Пребывание НКТ в правительстве было условием сохранения той глубины революции, которая была достигнута осенью 1936 г.

После вхождения в правительство Испании синдикалисты проводили здесь относительно плюралистичную экономическую политику, которая поддерживалась Ларго Кабальеро и по существу стала основой социально-экономического курса кабинета в целом. Характеризуя этот курс, Гарсиа Оливер говорил: «У меня есть причины считать, что есть вещи, которые следует коллективизировать, потому что они могут быть коллективизированы, что также есть вещи, которые необходимо муниципализировать, потому что они не могут быть коллективизированы с точки зрения экономической эффективности или прибыльности, что есть вещи, которые должны быть национализированы, потому что, из-за экономических обстоятельств, постоянных или

⁴²⁵ IISH. Paquete 45 B. Ministerio de Justicia. Aprobado...

⁴²⁶ IISH. Paquete 45 B, 2.02.38. 10 апреля 1937 г., обращаясь к партиям и организациям с предложением прислать присяжных для организующихся трибуналов, Гарсиа Оливер писал, что люди должны быть надежны, дабы не скомпрометировать эти учреждения. «Мой долг, связанный с моим постом, вынуждает меня напомнить вам, что настоящими хранителями народных учреждений, которые народ постоянно творчески создает, являются организации и партии – синтез и организованное выражение нашего народа. Если эта фраза не была бы искажена, – пишет министр-анархист, опасаясь критики за отход от принципов анархизма, – то я бы сказал: пусть все погибнет, но не наши институты справедливости. Со стороны партий и организаций, входящих в Трибуналы юстиции, случались несправедливости и искажения. Также часто неправильно интерпретируется смысл законов, так как кажется, что (в них – А. Ш.) присутствует сильное влияние партийности. Поэтому важно, чтобы комитеты, организации и партии выбрали тех людей, которых они считают самыми способными, и которых все считают наиболее справедливыми и неподкупными, чтобы сегодняшние недоработки не стали бы большой эпидемией, которая покрыла бы нас позором» (IISH. Paquete 45. Ministerio de Justicia. 10 de Abril de 1937... G. Olivier.). Министр-анархист понимал, что без правосудия любое социальное преобразование будет скомпрометировано. И поэтому он, даже рискуя подвергнуться новым обвинениям за отход от идей анархо-коммунизма, видевшего в государственной юстиции один из источников зла, призывал сохранить законность и юридические учреждения в огне революции, в которой «погибнет все», что унаследовано от старого мира. Под контролем организаций и партий – общественных, а не государственных институтов, юстиция по мысли Гарсиа могла бы стать истинно народной, общественной, а не бюрократической и коррумпированной.

временных, они не могут быть ни коллективизированы, ни муниципализированы. У меня есть причины считать, что есть вещи, которые должны оставаться в свободной эксплуатации мелких собственников и мелких промышленников. Все существующие проблемы могут быть решены хорошим правительством людей, которые работают, которые не путешествуют слишком много, которые меньше занимаются политикой и больше – решением проблем и организацией работы, которая должна быть сделана»⁴²⁷. Эта модель смешанной экономики, регулируемой «народным правительством» (с точки зрения синдикалистов – правительством представителей организованного труда), далека от радикализма принципов съезда в Сарагосе. Политика анархо-синдикалистов в правительстве осуществляла своего рода «программу-минимум», необходимость которой ранее отрицалась. Несмотря на то, что идея многосекторной экономики и «хорошего правительства» несомненно противоречила идеологии анархического коммунизма, она, тем не менее, обеспечивала большее приближение к идеалам свободы (позитивное наполнение идеи анархии) и социальной справедливости, чем запрещение и разгром тех социально-экономических и социально-политических структур, которые не укладывались в анархо-коммунистическую модель. В этом смысле отказ от радикализма и сотрудничество с другими силами в рамках государственных и рыночных структур позволял анархо-синдикалистам с большим или меньшим успехом двигаться в направлении целей, определенных в Сарагосской программе. Это не был еще либертарный коммунизм, но стал на практике возникать сектор либертарного социализма.

Глава IV

Экономика самоуправления

Человеческие существа старались чувствовать себя как человеческие существа, а не зубцы в капиталистической машине.

Джордж Оруэлл

Испанская революция уникальна. Впервые в истории в таких масштабах практиковалась производственная демократия в индустриальном секторе. Впервые миллионы рабочих получили право на деле принимать решения, от которых зависит их жизнь, и создали социально-экономическую систему самоуправления, о работе которой можно судить по действительным результатам, а не только по намерениям.

Особенно глубокие преобразования в ходе Испанской революции происходили на северо-востоке страны, в Каталонии и в Арагоне, где их проводили анархо-синдикалисты и левые социалисты.

Фабрики – рабочим

Социальная революция, о которой анархисты, левые социалисты и коммунисты мечтали всю жизнь, началась.

В первые дни после начала войны многие лидеры анархо-синдикализма продолжали пребывать во власти апокалипсических представлений о революции как о процессе тотального разрушения, лишь после которого последует строительство нового мира. На вопрос корреспондента «Вы будете сидеть на куче руин, если победите?», Б. Дуррути ответил: «Мы всегда жили в трущобах и стенных дырах. Мы знаем, как можно со временем приспособиться к такой жизни. Но не забывайте – мы умеем также строить. Именно мы построили дворцы и города здесь в Испании и в Америке, и везде... Мы не боимся руин. Мы хотим унаследовать Землю... Мы несем новый мир в наших сердцах. Этот мир растет сейчас, в эту минуту»⁴²⁸. Устами Дуррути говорили люди, привыкшие к нищете и тяжелому труду. Для них даже пуританский образ жизни

⁴²⁷ Richards V. Op. cit. P. 93–94.

⁴²⁸ A New World in our Hearts. Edited by A. Meltzes. Orkney, 1978. P. VIII.

был заметным улучшением. Их вдохновляла не перспектива сытости, а ощущение справедливости и свободы. Именно воодушевление, вера в то, что революция несет освобождение, побуждали миллионы людей к самоотверженному труду, к активному участию в политической жизни, к готовности отдать жизнь за «новый мир в наших сердцах».

Советский комбриг Алексеев подчеркивает оптимистическую обстановку в тылу: «Тыл живет полной жизнью. Торгуют магазины, гостиницы и рестораны полны людей, работают кино, театры. Идет строительная работа. Непрерывно мчатся автомобили. Настроение людей бодрое и, я бы сказал, веселое»⁴²⁹.

Казалось, этот мир возникнет вот-вот. Участник анархо-синдикалистского движения Э. Понс Прадес вспоминал о своих ощущениях того времени: «Было бы достаточно сменить флаги, запеть новые революционные песни, отменить деньги, иерархию, эгоизм, спесь – столпы, на которых покоится империя денег. Так думал не только я, рядовой юнец. Так думали бойцы НКТ, которые так долго и ожесточенно боролись в своей жизни»⁴³⁰.

Часто анархисты пытались «забежать вперед», ускорить полное обобществление экономики. По словам умеренного синдикалиста С. Клара, «рабочий класс продемонстрировал замечательное чувство инициативы. Но это не значит, что не было глупостей в коллективизации. Возьмите парикмахерские. Что там было на самом деле коллективизировать?... И каков был результат? Все те мелкие собственники, которые по своей воле поддержали борьбу против фашизма, повернулись против нас»⁴³¹.

17 сентября вышло воззвание НКТ с призывом охранять мелких собственников, крестьян, лавочников от произвольных конфискации⁴³². 15 ноября 1936 г. газета НКТ «Солидаридад обрера» призвала к «пониманию и уважению мелкой буржуазии»⁴³³.

Хотя Республика формально не выступала против капитализма, а ее руководство включало либералов, активная часть общества двинулась по антикапиталистическому пути. Советский специалист докладывал: «Класс крупных и средних промышленных и торговых капиталистов экспроприирован... Никто в республиканской Испании – ни рабочие, ни коммунисты, ни левые республиканцы, ни социалисты, не считают, что в случае победы республики возможен возврат к старому порядку»⁴³⁴.

Побывавший в Барселоне в декабре 1936 г. Д. Оруэлл писал: «Впервые я был в городе, где рабочий класс был „в седле“. Практически любое здание любого размера было захвачено рабочими и украшено красными флагами или черно-красными флагами анархистов... Церкви здесь и там были систематически разрушаемы группами рабочих. Каждый магазин и кафе имели надпись, сообщающую, что они коллективизированы... Официанты и продавцы смотрели вам в глаза и обращались к вам как к равному. Холопские и даже церемониальные формы речи на время исчезли. Никто не говорил „Дон“ или „Сеньор“. Каждый обращался к каждому „товарищ“ и „ты“, и говорил „привет“ вместо „добрый день“»⁴³⁵.

Много лет спустя участник этих событий рабочий-коммунист Н. Хулиан говорил корреспонденту: «Вы не представляете, как быстро массы могут организовать сами себя»⁴³⁶.

⁴²⁹ РГВА Ф.35082. Оп. 1. Д.282. Л.42.

⁴³⁰ Fraser R. Op. cit. P.137.

⁴³¹ Op. cit. P.233.

⁴³² Эренбург И. Г. Указ. соч. С.554.

⁴³³ «Solidaridad obrera». 15.11.1936.

⁴³⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.331. Л.6.

⁴³⁵ Orwell D. Op. cit. P.184.

⁴³⁶ Fraser R. Op. cit. P.137.

Волна захватов предприятий рабочими сделала профсоюзы хозяевами экономики. Влияние НКТ резко возросло. Эмиссар Коминтерна А. Марти признавал: «Анархисты держат под своим контролем прямо или косвенно всю основную промышленность и сельское хозяйство страны»⁴³⁷. ВСТ тоже поддержал коллективизацию. Развернулся процесс реорганизации экономики на новых началах не только в Каталонии, но и по всей Испании.

В соответствии с анархо-синдикалистской доктриной рабочие взяли предприятия в свои руки. Этот процесс назывался по-разному: коллективизация, инкаутация, синдикализация, и составлял, по мнению анархо-синдикалистов, «первый этап социальной революции». Поскольку речь шла о переходе управления предприятием из рук частного собственника в руки самих работников, то можно говорить о возникновении в Испании социалистического сектора, основанного на производственной демократии. Демократия, которую элита общества до сих пор оставляла для себя, пришла на предприятия. Это открывало возможность для постепенного развития самоуправления – преодоления социального разделения на управляющих и управляемых.

Первая волна коллективизации прошла в июле-сентябре 1936 г. Наиболее активно коллективизация проводилась в Каталонии, хотя и в других регионах Испании рабочие часто коллективизировали предприятия. Но там все же преобладал рабочий контроль над принятием управленческих решений.

Коммунисты требовали отложить вопрос о собственности на предприятия, так как в тех условиях у них не было шанса добиться широкомасштабной национализации. Но анархо-синдикалистские реформы в большей степени отвечали настроениям рабочих, а рабочие были хозяевами положения.

Первые месяцы войны и социальной революции породили огромный энтузиазм трудящихся, которые впервые в своей жизни почувствовали, что их никто не угнетает. Казалось, вот-вот наступит победа и новая счастливая жизнь. И профсоюзные лидеры, и широкие массы трудящихся считали, что страница истории окончательно перевернута, и нужно переходить к фронтальному наступлению на капитализм. «Господа, капитализм погиб, – говорил на конференции Единого профсоюза металлистов г. Алкойан председатель союза Г. Боу. – Единственной основой его существования является фашизм, а фашизм в Испании на пути к уничтожению. Профсоюз предложил всеобщую социализацию и координацию промышленности советом делегатов предприятий»⁴³⁸.

Иногда всеобщая коллективизация встречала сопротивление со стороны умеренных членов НКТ. Так, например, на заседании городского совета союза мельников и булочников, обсуждавшем перспективы дополнительной коллективизации еще оставшихся частных производств, один из активистов НКТ Х. Крусас предупреждал собравшихся: «Я принимаю во внимание, что мы находимся в состоянии войны, и что наш коллективизм противоречит нашим же решениям о том, что мы должны тратить на нужды войны часть нашей энергии, и я говорю вам: иллюзии могут скоро привести к разочарованиям». Эти возражения не возымели действия, что не помешало рабочим избрать Х. Крусаса в совет своего предприятия⁴³⁹.

Часто вопрос о коллективизации решался автоматически – когда хозяева бежали из зоны, охваченной революцией. «Мы столкнулись с необходимостью снова наладить работу фабрики, – вспоминает синдикалист Л. Сантакана, работавший на крупном текстильном предприятии. – Мы призвали рабочих (в большинстве своем женщин) вернуться, и через четыре-пять дней фабрика уже давала продукцию... Мы собрали общую конференцию 2500 рабочих компании в местном кинотеатре. Группа из дюжины активистов НКТ собралась предварительно, чтобы обдумать план работы предприятия, который можно было бы предложить конференции». Поскольку 80 % рабочих принадлежало к НКТ, рабочие приняли план без бурной дискуссии. Обсудив финансовое состояние предприятия, рабочие избрали фабричный комитет из 12 человек, который включал в себя представителей цехов, техников и административного аппарата. Таким образом, комитет

⁴³⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп.18. Д.1117. Л.126.

⁴³⁸ Там же. Л.115–117.

⁴³⁹ IISH. Paquete 37. B2. Estadística... P.100.

становился местом согласования интересов различных социальных групп предприятия, в том числе и инженерного персонала. Позднее в комитет было включено два представителя от профсоюза ВСТ⁴⁴⁰.

Иногда хозяева были готовы продолжать работу. Но охваченные эйфорией рабочие обычно выдвигали такие требования к администрации, которые та не могла принять. И тогда следовало решение о коллективизации⁴⁴¹. Крупная буржуазия в районах коллективизации перестала существовать как класс. Антонов-Овсенко сообщал, что владельцы сбежали, убиты или трудятся простыми работниками⁴⁴².

В принципе, анархо-синдикалистские лидеры считали необходимым сохранить управленческие и инженерные кадры на предприятиях. Абад де Сантьян утверждал: «Громадное большинство специалистов и техников, работающих в промышленности, пришли в наши ряды и продолжают давать ценные услуги на коллективизированных предприятиях»⁴⁴³. Но часто старые обиды приводили к изгнанию прежних управленцев и инженеров. Тот, кто и раньше умел находить общий язык с рабочими, оставался.

На основании исследования опыта фабрики Ривьер Л. Гарридо пишет: «Наилучшим образом оказались подготовлены в смысле человеческого капитала самопровозглашенные профсоюзы, офисные служащие и техники с определенным уровнем установленной квалификации. Именно они участвовали в комитетах управления или администрации либо руководили ими, и им даже приходилось преодолевать сопротивление других работников при решении соответствующих задач... Она осуществлялась людьми грамотными, среднего возраста, хорошо разбирающимися в деятельности предприятия и имеющими приемлемую профессиональную подготовку»⁴⁴⁴. Таким образом, в данном случае сложившаяся система была эффективна и существенно отличалась от капиталистической, так как управленческая группа формировалась не собственником, а коллективом, и была ответственна перед ним.

Современный анархо-коммунистический исследователь В. В. Дамье утверждает: «Члены комитетов действовали в рамках обязательного для исполнения наказа от избравшего их собрания, могли быть отозваны в любой момент. Все важные решения комитетов принимались только в согласии с избравшими их коллективами»⁴⁴⁵. Такова идеальная модель, которой реальность соответствовала далеко не всегда. Но рабочие-синдикалисты по крайней мере стремились к этому идеалу. Как говорил выбранный глава коллектива, член НКТ Воех: «Анархия – это идеал, а сейчас нужно дело»⁴⁴⁶.

Проанализировав опыт фабрики Ривьер, историк Л. Гарридо утверждает, что «только небольшое меньшинство работников приняло активное участие в коллективизации и управлении фабриками»⁴⁴⁷. Здесь испанский автор смешал «участие в коллективизации», «участие в

⁴⁴⁰ Fraser R. Op. cit. P. 139–140.

⁴⁴¹ Op. cit. P.214.

⁴⁴² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.8.

⁴⁴³ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.9. Л.72.

⁴⁴⁴ Garrido L. Las enfrentadas alternativas económicas de anarquistas y comunistas. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.2. Barcelona, 2008. P.289. Л. Гарридо добавляет: «В отличие от аграрного сектора, только немногие работники способствовали развитию промышленной коллективизации». Однако проведенного Л. Гарридо исследования недостаточно для такого обобщения. И в промышленном, и в аграрном секторе можно найти примеры целого спектра большей и меньшей активности работников.

⁴⁴⁵ Дамье В. В. Указ. Соч. С.317.

⁴⁴⁶ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.11.

⁴⁴⁷ Garrido L. Op. cit. P.289.

управлении» и осуществление управления. В коллективизации участвовали практически все работники, но с разной степенью активности. Кто-то лишь присутствовал на ассамблеях, кто-то выступал, кто-то проводил свое мнение через более активных коллег, а кто-то регулярно участвовал в принятии решений. Важно, что выбор между этими возможностями находился в руках самого человека труда. Коллективизация предполагает получение работниками прав (которыми человек может пользоваться по мере необходимости), участие в собраниях, в распределении доходов предприятия. Производственная демократия и самоуправление вовсе не требуют непрерывного участия всех работников в принятии всех решений. Это – механизм ответственности, зависимости оперативного руководства от работников, одобрения (или не одобрения) работниками решений, которые, разумеется, готовит более узкая группа.

Рабочие советы были избраны практически на всех предприятиях Каталонии и на большинстве предприятий остальной части Республики. Каждый год их состав обновлялся. По соглашению с рабочими на их заседании мог присутствовать представитель Женералитата (под более жестким контролем Женералитата были оставлены 125 заводов)⁴⁴⁸. Ассамблея назначала и смещала директора. Позднее его мог сместить также Генеральный индустриальный совет Каталонии. Руководство было относительно стабильным⁴⁴⁹.

Высшим органом на коллективизированном предприятии считалось рабочее собрание (ассамблея). Сами ассамблеи, конечно, не могли управлять производством. Первоначально на них царил хаос, так как опыта самоуправления у рабочих не было – большинство из них большую часть своей жизни даже не состояли в профсоюзах. «Каждый хотел сказать, что он или она думает и чувствует»⁴⁵⁰, – вспоминает текстильный рабочий А. Капдевила. Позднее ассамблеи более четко организовывались синдикатами. В этих условиях на ассамблее доминировала лидерская группа, хотя сама форма ассамблей облегчала выявление реальных лидеров и обеспечивала обратную связь рабочих и руководства. Рабочие считали, что они сами принимают решения, и это обеспечивало согласие работников с этими решениями. Конференции рабочих играли мобилизующую роль, и иногда на них высказывались идеи, помогавшие менеджерам и профсоюзным лидерам находить выход в тяжелой экономической ситуации военного времени. Но главным было то, что работники сознавали себя хозяевами производства, которым управляли тесно связанные с ними люди.

Большое значение в успехе производства играл энтузиазм рабочих, ощущавших себя хозяевами предприятия. Чувство хозяина привело и к появлению новой рабочей морали. Коллектив стал силой, действующей на каждого рабочего. Воровство и даже недисциплинированность воспринимались как вызов коллективу. Л. Сантакана вспоминает, что на его предприятии были установлены «черные доски», куда заносились имена провинившихся. Реакция человека, который мог попасть на эту доску, была панической: «„Нет, нет, кричал он – только не черная доска!“ Больше не было случаев недисциплинированности...»⁴⁵¹ Трудно сказать, смогли бы подобные стимулы стать долгосрочными. Но материальная заинтересованность также играла немалую роль, так как рабочие на ассамблее определяли принципы распределения дохода.

По мнению историка Л. Гарридо, «большинство промышленных работников (среди которых преобладали женщины или неграмотные мужчины, неквалифицированные работники, которые не принимали активного участия в трудовых и социальных конфликтах, завязанных анархо-синдикалистами до гражданской войны) были едва вовлечены в перемены, происходившие во внутренней организации предприятий, или в новую иерархию трудовых отношений. Многие работники могли воспринять такую реорганизацию промышленных сообществ как обычную смену руководства, но это не означало решение их повседневных проблем, связанных с

⁴⁴⁸ Fraser R. Op. cit. P.297.

⁴⁴⁹ Op. cit. P.211, 219.

⁴⁵⁰ Op. cit. P. 214–215.

⁴⁵¹ Op. cit. P.219.

увеличением заработной платы или обеспечением уровня жизни и меньшим объемом труда. Вне всякого сомнения, экономика войны была не лучшим условием для всеобщего признания промышленной коллективизации»⁴⁵². Если бы автор не противопоставлял эту ситуацию аграрной коллективизации (где происходило в целом примерно то же самое), то с этой характеристикой можно было бы и согласиться. Однако это вовсе не повод для скептических обобщений. Во-первых, даже у «пассива» появились возможности и стимулы «спрашивать» с лидеров за результаты работы. Во-вторых, система коллективизации позволяла вовлекать в процесс принятия решений тех, кто был готов тратить на это свое время и энергию. Именно в привлечении «актива» заключается смысл развития самоуправления на первом этапе, пока еще не начался рост культурно-творческого потенциала «пассива». И здесь даже «скептическое» исследование Л. Гарридо показывает очень неплохие результаты: «Только 9,5 % работников Ривьер С. А. вступили в комитеты управления и администрации, и 23 % приняли „активное“ участие в коллективизации»⁴⁵³. Таким образом, почти четверть работников была активно вовлечена в процесс принятия решений только на этой фабрике. Это – качественное различие с авторитарно-капиталистической системой управления, при которой принятие решений сосредоточено в руках людей, независимых от мнения работников.

Распределение и координация

Самоуправляющиеся предприятия должны были сбывать свою продукцию, самоокупаться. Они не могли рассчитывать ни на зарубежные инвестиции, ни на значительную помощь государства. Цены в Каталонии и Арагоне, а отчасти и в других регионах, контролировались НКТ, а в обмене между синдикатами деньги, как правило, не употреблялись. Благодаря существованию разветвленной сети синдикатов удалось организовать бартерный обмен между отраслями и между городом и деревней. «Они говорили, что им нужна обувь, – вспоминал Х. Доменек. – Мы обращались к влиятельному делегату НКТ по обувной промышленности и говорили: „Завтра нам понадобится 700 пар обуви“. И назавтра обувь была у нас»⁴⁵⁴.

Однако когда прошел первый прилив энтузиазма и начались будни, неотлаженность системы распределения дала себя знать. Как менять продукцию села на продукцию города, чтобы обмен воспринимался как справедливый и крестьяне не считали горожан дармоедами? Какие эквиваленты могут действовать при обмене, и как быть, если поставки задерживаются? Отсутствие ясных ответов на эти вопросы вызывало конфликты. И. Эренбург рассказывает об одном из них, когда крестьяне поставили в город 5 вагонов хлеба, и теперь хотят получить в обмен обувь и одежду⁴⁵⁵.

Несовершенство и системные недостатки прямого продуктообмена приводили к тому, что сохранялся рынок, где сельские и городские коллективы встречались как продавцы и покупатели. Рынок не вытеснил прямые поставки, но компенсировал проблемы, возникавшие в бартерном синдикалистском распределении.

По мнению участника событий А. Переса-Барро, на территории, контролируемой анархо-синдикалистами, «капитализм не был отменен, но его роль была сведена к минимуму»⁴⁵⁶.

«Рыночный социализм», возникший в Каталонии, вызывал протесты у части актива НКТ. Так, лидеры синдиката деревообрабатывающей промышленности заявляли: «Мы согласны с коллективизацией всех отраслей, но с единой кассой, переходя к эгалитарному распределению. С

⁴⁵² Garrido L. Op. cit. P.289.

⁴⁵³ Op. cit. P. 289–290.

⁴⁵⁴ Fraser R. Op. cit. P.145.

⁴⁵⁵ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.53.

⁴⁵⁶ Op. cit. P.211.

чем мы не согласны, так это с тем, что будут коллективы бедные и богатые...»⁴⁵⁷ 8 декабря 1936 г. областной пленум ФАИ выступил против «частичных коллективизаций предприятий, являющихся прямым отрицанием духа социализации», за «социализированное распределение» против спекуляции⁴⁵⁸.

Опасаясь «возрождения капитализма», Пленум НКТ 20 апреля 1937 г. объявил кампанию против «спекулянтов»⁴⁵⁹. Наступая на черный рынок, анархисты боролись с конкурентами своей системы распределения.

В феврале 1937 г. в Каталонии усилились трудности со снабжением, вызванные потоком беженцев из Малаги. ОСПК требовала централизованного распределения продовольствия⁴⁶⁰. Но оказалось, что это – лозунги. Департамент Женералитата, возглавляемый в это время лидером ОСПК Х. Коморерой, не нашел ничего лучше, как объявить свободу торговли. Это ударило по синдикалистской системе распределения, что больно сказалось на положении трудящихся, вызвав инфляцию. Анархо-синдикалисты протестовали, но коммунисты настаивали на своем до апреля, когда экономическая ситуация заставила их согласиться на введение карточной системы⁴⁶¹. Впрочем, в Барселоне цены росли медленнее, чем в целом в Республике, а весной их рост и вовсе затормозился⁴⁶².

Коллективное самоуправление способствует росту группового эгоизма. Решения принимает коллектив, и он вполне может противопоставить свои интересы другому коллективу. Коллективы не хотят делиться с синдикатами и региональными властями своими прибылями, но, как отмечал Антонов-Овсеенко, «охотно делятся убытками, наседая на государство как в Каталонии, так и в Валенсии». Скажем, строители стимулировали спрос, требуя от властей ремонтировать здания⁴⁶³.

Синдикаты имели право вмешиваться во внутренние дела коллективов для борьбы с групповым эгоизмом. Каталонский комитет ВСТ заслушал вопрос о злоупотреблениях в некоторых коллективах (завышения зарплаты, распределение предполагаемых доходов) и принял меры к их устранению и установлению персональной ответственности виновных⁴⁶⁴.

Чтобы не допустить социального расслоения между рабочими разных коллективов, анархо-синдикалисты пытались ввести единые принципы оплаты. Так, министр-анархист Женералитата Фабрегас добивался проведения принципа семейной оплаты в металлической промышленности, в соответствии с которым первый работник семьи получает 100 % (70 песо в неделю), второй – 50 %, третий – 25 %, далее – 10 %⁴⁶⁵. По мысли министра-анархиста, это должно было помочь экономить зарплату на больших семьях, члены которых работали вместе, вели совместное хозяйство, могли помочь друг другу (не будем забывать, что значительная часть пролетариата Каталонии недавно ушла из села и продолжала жить большими семьями). Сдерживание зарплаты было необходимо, чтобы остановить характерную для самоуправляющихся предприятий тенденцию к проеданию основных фондов. На эту угрозу

⁴⁵⁷ Цит. по: Дамье В. В. Указ. соч. С.357.

⁴⁵⁸ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.71.

⁴⁵⁹ IISH. Paquete 254 P.13 № 13... Valencia a 20 de Abril de 1937.

⁴⁶⁰ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.1.

⁴⁶¹ Fraser R. Op. cit. P.375.

⁴⁶² Bricall J. M. Op. cit. P.511.

⁴⁶³ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.9.

⁴⁶⁴ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.207.

⁴⁶⁵ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.35.

указывается в донесении советского консульства во второй половине 1937 г.⁴⁶⁶ Но на большинстве предприятий не пошли по пути полной уравниловки, ограничившись сближением уровней зарплат инженеров и рабочих. Так, на Испано-сюизе инженер получал около 150 песо в неделю, мастер – 125, рабочий – 100⁴⁶⁷.

Достижением анархо-синдикалистов стало сведение к минимуму безработицы. Несмотря на обстановку экономического кризиса военного типа рабочие не увольнялись, а снижался рабочий день (в текстильной отрасли – до трех дней в неделю)⁴⁶⁸. Борьбе с безработицей способствовал и отток людей на фронт. Но безработица сохранялась. По данным газеты «Ла вангардиа», в августе 1936 г. в Каталонии было 81048 безработных (29720 – полностью, 51328 – частично)⁴⁶⁹.

Если первоначально аскетическая мораль рабочего класса накладывала отпечаток на жизнь Барселоны, с улиц которой совершенно исчезла нарядная одежда, то со временем этот пуританизм ушел. Посетивший столицу Каталонии в январе-феврале 1937 г. Ф. Боркено писал о «возрождении мелкобуржуазных элементов» и о том, что «девушки уже не боятся надевать свою лучшую одежду»⁴⁷⁰. Образ жизни Барселоны в 1937 г. напоминал советский НЭП – с ресторанами и очередями за дешевыми продуктами, бедными и богатыми, но все же с поддержанием минимальных социальных гарантий и с ощущением населения, что страна стремится к социализму. В отличие от СССР это стремление подкреплялось и реальными правами, которые рабочие имели в принятии производственных решений на своих предприятиях, в профсоюзах и партиях.

* * *

Серьезной проблемой для коллективизации была позиция государств Запада. Ведь Республика искала поддержки с их стороны, а конфискация предприятий, принадлежавших иностранному капиталу, никак этому не способствовала. После коллективизации завода Форда в Барселоне последовали протесты американского правительства⁴⁷¹. Тогда НКТ выпустила список восьми британских компаний, предприятия которых не подлежат отчуждению⁴⁷². Лидеры революции понимали, что конфликт со всем внешним миром чреват быстрой экономической катастрофой. «Если сырье приходило из-за границы, – комментирует Х. Томас, – (а хлопок, использовавшийся на фабриках Барселоны, шел из Египта), фабрикам приходилось торговать с капиталистами»⁴⁷³.

Министр-анархист каталонского правительства Абад де Сантильян в интервью газете «Дженераль коммерс» разъяснял, что НКТ не выступает за автаркичную экономику: «Наше намерение – делать все возможное, чтобы покровительствовать обмену с другими нациями». Заводы «Дженерал моторс» производят грузовики из испанских материалов. Возобновлен экспорт с оловянных рудников Бельмунт, Осо, Мола, Марторель. Экспортируется медь, найден цинк, который тоже может быть направлен на внешний рынок. Вовлечение в международную торговлю

⁴⁶⁶ Там же. Оп.17. П.131. Д.49. Л.7.

⁴⁶⁷ Там же. Оп.16. П.119. Д.62. Л.11.

⁴⁶⁸ Thomas H. Op. cit. P.297.

⁴⁶⁹ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.187.

⁴⁷⁰ Borkenau F. The Spanish Cockpit. L., 1937. P.175.

⁴⁷¹ Thomas H. Op. cit. P.295.

⁴⁷² Peirats J. Op. cit. P.177.

⁴⁷³ Thomas H. Op. cit. P.296.

способствует успеху коллективных предприятий. Рудники уже отдают займы государству⁴⁷⁴.

Если интересы иностранного капитала были ущемлены, то Абад де Сантильян считает возможным исправить ситуацию: «Мы признаем все обязательства, сделанные с заграницей»⁴⁷⁵.

По декрету 23 февраля 1937 г., в случае участия в предприятии иностранного капитала было необходимо получить разрешение Совета министров на его экспроприацию, что затрудняло ее.

Каталония продолжала активно торговать с внешним миром: ввоз в октябре-декабре 1936 г. составил 42 млн песет, вывоз – 30 млн песет. При этом в статистику не попала часть вывезенного продовольствия⁴⁷⁶.

Центральное правительство сохраняло в своих руках валютные резервы, что давало ему контроль над импортом и финансовой системой. Первое время правительство отказывалось кредитовать промышленность Каталонии, за что критиковалось на региональном пленуме НКТ в сентябре 1936 г.⁴⁷⁷. Только войдя в правительство, НКТ получила доступ к рычагам экономического регулирования, без которых республика, во всяком случае пока, не могла обойтись.

* * *

НКТ стремилась как можно скорее объединить все производства в единый организм, чтобы устранить конкуренцию между рабочими. Секретарь союза стекольщиков Х. Доменек так разъяснял эту идею представителям коллективов, которые теперь сами стали работодателями: «Хорошо, сеньоры, вы – работодатели, и мы с Вами находимся в водовороте революции. Сейчас, если мы так считаем, это то же самое, что всем сесть за руль одной машины, и тогда эта машина разобьется... Сейчас вы как работодатели конкурируете между собой самым нечестным и незаконным образом». Х. Доменек критиковал стекольщиков за производство ненужной продукции, борьбу за сырье и т. д. «Это не должно далее продолжаться». Он призвал подписать документ о синдикализации производства, что вызвало протесты части собравшихся, так как рабочие не хотели «кормить лодырей», которые работают на менее прибыльных предприятиях. Но Доменек предложил систему экономического стимулирования, которая удовлетворила большинство. По его мнению, было необходимо произвести инвентаризацию, в зависимости от результатов которой распределять прибыль: «Тем, кто оказывается прибыльными, мы будем доплачивать каждые три месяца 10 % от среднего дохода, а кто будет в убытке – увы». Таким образом, практики анархо-синдикализма отступали от уравнилельных принципов, чтобы заинтересовать рабочих в синдикализации. Но больше энтузиазма вызывали мечты о будущем: «Я сказал им, что скоро мы будем строить дома из стекла, что скоро все уличные надписи будут из стекла, и так далее»⁴⁷⁸.

Синдикалисты стремились к более строгой координации работы предприятий, к безденежному товарообмену, к созданию общей статистики и планирования. Но в условиях самоорганизации коллективов их можно было включить в широкую систему планирования только добровольно. Необходимые функции общей координации выполняли профсоюзные структуры и Экономический совет Каталонии, созданный 11 августа. Большинство мест в нем получили НКТ и ФАИ (5 членов), и по одному – ВСТ, Женералитат и ПОУМ. Совет претендовал на регулирование производства, однако мог делать это прежде всего через профсоюзы, рекомендуя производить ту или иную продукцию, договариваясь о поставках, настаивая на трудоустройстве безработных.

В сентябре Экономический совет опубликовал программу своих действий:

⁴⁷⁴ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.9. Л.71.

⁴⁷⁵ Там же. Л.72.

⁴⁷⁶ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.9. Л.73.

⁴⁷⁷ Richards V. Op. cit. P.62.

⁴⁷⁸ Fraser R. Op. cit. P. 140–141.

- «1. Нормализация производства в соответствии с размерами потребления,
2. Контроль национальной внешней торговли,
3. Коллективизация крупной земельной собственности и соблюдение прав мелких землевладельцев,
4. Снижение квартплаты,
5. Коллективизация крупной промышленности, общественных предприятий и транспорта,
6. Секвестр и коллективизация предприятий, брошенных владельцами,
7. „Усиление кооперативного принципа в области распределения продуктов и особенно эксплуатации оптовых торговых предприятий на кооперативных началах“.

Пункты 8-11 предусматривали контроль над банками, рабочий контроль на частных предприятиях, вовлечение безработных в производство, электрификацию Каталонии, упразднение, по мере возможности, косвенных налогов⁴⁷⁹. Если не считать электрификацию, которая представляла собой длительный процесс, вся эта программа была выполнена в течение ближайших месяцев. В Каталонии и прилегающих областях после коллективизации стал преобладать кооперативный социалистический сектор экономики.

В октябре развернулась вторая, более систематическая, чем летняя, волна коллективизации. Было принято решение объединенного пленума НКТ и ФАИ: „Рабочие всех отраслей промышленности должны немедленно приступить к секвестру (здесь – конфискации – А. Ш.) всех предприятий путем их коллективизации. Это должно быть проведено в кратчайший срок, после чего избирается рабочий совет, который будет управлять промышленностью при помощи соответствующего технического персонала. В случае отсутствия такого персонала обращаться с заявками в технический контрольный комитет Национальной конфедерации труда. В состав совета должен быть привлечен представитель от Экономического совета“⁴⁸⁰. Таким образом, в октябре коллективизация планировалась уже как создание системы, в которой предприятия связаны с Экономическим советом.

24 октября 1936 г. Женералитат Каталонии декретировал коллективизацию большей части промышленности региона. Коллективизации подлежали предприятия, на которых было занято свыше 100 человек. Остальные предприятия также могли быть коллективизированы по особому решению рабочих. Несмотря на то, что декрет не требовал коллективизации мелких предприятий, фактически и они перешли под контроль синдикатов⁴⁸¹.

Предусматривалась единообразная система самоуправления: коллектив избирал совет, а совет – директора. Декрет легализовал около 2000 уже работавших коллективных предприятий и распространил принципы производственной демократии практически на всю промышленность Каталонии. Авторы декрета провозглашали: „Победа людей должна означать смерть капитализма“⁴⁸². Этим декретом был юридически оформлен и приведен к общему знаменателю фактически прошедший с июля процесс захвата предприятий их коллективами. Рабочие приобрели уверенность в легальном статусе своих прав на предприятия, что создало дополнительные стимулы к труду. Предусматривалось, что предприятия будут координироваться отраслевыми советами.

Декрет о коллективизации был компромиссом различных политических сил. Идеалом НКТ с ее теорией анархического коммунизма была „единственная и неотчуждаемая собственность социального организма, осуществляемая при посредстве производящего класса, и в том числе организаций, которые объединяют производителей – синдикаты“⁴⁸³. Эта формулировка из циркуляра секретаря Национального комитета НКТ по экономике М. Роселя обосновывала

⁴⁷⁹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.18. Д.1117. Л.121.

⁴⁸⁰ Там же. Л.114.

⁴⁸¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.8.

⁴⁸² Thomas H. Op. cit. P.209.

⁴⁸³ IISH. Paquete 36, D 1, doc. «La socializacion...» P.2.

соответствие практики фактической передачи собственности в руки синдикатов и коллективов идеям анархо-коммунизма. Рабочие должны помнить – они лишь представляют интересы рабочего класса в целом и не должны „тянуть одеяло на себя“. В перспективе – социализация, превращение коллективизированных предприятий в часть единого организма, организованного как сеть самоуправляющихся коллективов.

Партии, входившие в Экономический совет, выступили против полной социализации. По словам А. Капдевиллы, участвовавшего в этой дискуссии, „причина, по которой НКТ согласилась на коллективизацию, было то, что мы не могли добиться социализации, которая была нашей целью“⁴⁸⁴.

Однако против социализации выступали не только партии, но и часть синдикатов. В сентябре 1936 г. на заседании пленума Каталонского комитета НКТ разгорелась дискуссия между сторонниками социализации и кооперативизации. Социализация предполагала передачу фабрик в руки синдикатов, которые регулировали бы их работу. Кооперативизация сохраняла права владения за коллективами, которые сами могли бы распоряжаться капиталом фабрики. Крупные синдикаты отстаивали первый вариант, мелкие тяготели ко второму. После двухдневной работы согласительной комиссии был выработан компромиссный вариант, выдвинутый членом Женералитета от НКТ и председателем Экономического совета Каталонии Х. Фабрегасом. Участник согласительной комиссии Х. Феррер так характеризует смысл соглашения: „Каждая коллективизированная фирма сохраняет свой индивидуальный характер, но при условии вступления всех предприятий данной отрасли в федерацию“⁴⁸⁵. Таким образом, за предприятиями сохранялась широкая внутренняя автономия, но они все же должны были войти в систему экономического регулирования.

Анархисты всячески сопротивлялись унификации внутреннего устройства предприятий и форм их взаимоотношений с синдикатами и регулирующими органами. Особенно последовательно против унификации выступал экономический советник (министр) Женералитета Д. Абад де Сантьян, сторонник „автономии и спонтанности работы“⁴⁸⁶. Рабочие советы, созданные на предприятиях, тоже часто сопротивлялись вступлению в федерацию⁴⁸⁷. Организации ФАИ критиковали возникающий социалистический сектор за бюрократизацию⁴⁸⁸. Но большинство коллективов предпочитали участвовать в общей системе регулирования, которая обеспечивала большую стабильность, снабжение сырьем, социальную поддержку синдикатов.

В октябре 1936 г. была создана новая регулирующая надстройка – Генеральный индустриальный совет, в который вошли представители профсоюзов, Экономического совета, совета предприятий и Женералитета. При Генсовете были созданы фонды, призванные сбалансировать развитие разных предприятий и областей. 50 % прибыли предприятий шло в фонд торгово-промышленного кредитования, 20 % – в резервный фонд, 15 % – на социальные программы коллективов и 15 % распределялись по решению рабочих собраний. На крупнейших предприятиях избрание директора должно было быть одобрено Экономическим советом. Совет предприятий и Генеральный индустриальный совет планировали производство с целью добиться его максимальной социальной эффективности и ограничения конкуренции. Генеральный совет также обеспечивал связь с внешними рынками, взаимодействуя с правительством Испании. В случае если какой-либо из субъектов этой системы выступал против решения Генерального индустриального совета, он мог апеллировать к советнику по экономике Женералитета⁴⁸⁹.

⁴⁸⁴ Fraser R. Op. cit. P.215.

⁴⁸⁵ Op. cit. P.212.

⁴⁸⁶ Ibid.

⁴⁸⁷ Op. cit. P.220.

⁴⁸⁸ Op. cit. P.222.

⁴⁸⁹ R. Fraser. Op. cit. P.211, V. Richards. Op. cit. P. 109–110.

Главные решения в этой системе принимались не в „надстройке“, где предполагалось согласование разных интересов, а на уровне предприятий и синдикатов. НКТ стремилась выстроить самоуправление и синдикалистские органы в стройную систему в масштабах всей Испании. 20 апреля 1937 г. пленум НКТ решил создать Конфедеративный орган экономического регулирования. Проект конкретной структуры представила каталонская организация. В нем говорилось: „Первое. Промышленный синдикат будет состояться из территориальных организаций на сессиях, которые представляют различные специальности и подразделения труда в каждой отрасли, синдикальном комитете, фабрике, мастерской, деревне, шахте, и, наконец, в каждом пункте производства и распределения... Второе. На месте труда или центра производства трудящиеся назначают различных товарищей, которыми создается фабричный комитет, который осуществляет профсоюзный контроль, идеологическую ориентацию и отношения, разрешает моральные конфликты, (поддерживает) нормы гигиены и безопасности на производстве“, посылает делегатов на пленум синдиката. Как видим, синдикалисты стремились к созданию сетевой структуры, где пересекаются территориальные и отраслевые интересы.

Синдикат создает административный совет из представителей секций, который формируется на Генеральной ассамблее. Региональная федерация формируется из представителей синдикатов. В ее комитете и секретариате должно быть сохранено равноправие различных отраслей путем ротации руководства. Национальный комитет должен формироваться на национальном съезде или референдуме организаций. Региональные и национальный комитеты создадут советы по экономике, контролю и статистике соответствующего уровня. „Главная задача этого совета – установить общую статистику для всех отраслей федерального региона, техническую организацию, административный контроль, распределение труда, компенсацию и взаимопомощь между отраслями, регулирование заработной платы там, и всех тех аспектов, которые имеют большее или меньшее отношение к общему интересу, также как и к порядку производства и распределения всех отраслей“⁴⁹⁰. Таким образом, стратегия социальных преобразований НКТ была основана на идее общества, которое развивается не хаотически, которое регулирует себя, но не через государственную бюрократию, а через демократические сетевые организации трудящихся, которые создают делегированные органы координации экономики.

Сделали максимум возможного

Несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, вызванную войной и расколом страны, коллективизированная промышленность не допустила резкого падения производства. Добывающая и продовольственная промышленность особенно зависели от зарубежных рынков, и по ним ударил разрыв с Италией и Германией и особенно морская блокада. Как отмечают испанские авторы, „с сентября 1936 г. возник недостаток хлопка, джута и текстильного сырья в целом, а также бумаги; в октябре прекратились поставки для химической промышленности, с ноября перестало хватать фосфатов для удобрений. В том, что касается энергоносителей, то нехватка угля возникла с октября 1936 г., и он был заменен лигнитом; нехватка тяжелых масел возникла с ноября того же года. Трудности с поставкой бензина появились в октябре 1936 г. и усилились в мае 1937 г., а в середине 1938 г. бензин полностью исчез... Негативно повлияла на коллективизированную текстильную отрасль потеря большей части внутреннего рынка, куда до войны поставлялось 75 % каталонского производства хлопковых тканей и 79 % – шерстяных тканей“⁴⁹¹.

И в этих тяжелейших условиях, с июля по декабрь 1936 г. производство промышленности Каталонии упало на 29 % и стабилизировалось до июня 1937 г.⁴⁹² (когда началось силовое разрушение синдикалистской системы противниками анархистов).

⁴⁹⁰ IISH. Paquete 6 °C 1. Acuerdos de Pleno Nacional...

⁴⁹¹ Garrido L. Op. cit. P.310.

⁴⁹² Fraser R. Op. cit. P.235.

А вот металлургическое производство Республики после коллективизации выросло.

Если принять за 100 % средний уровень производства металлургии Каталонии в первой половине 1936 г., то в сентябре оно составило 105,1 %, в октябре – 118,2 %. В ноябре 1936 г. отрасль испытала падение до 76,6 %, но в декабре „отыграла“ до 134,7 %, в январе 1937 г. – до 130,3 %. После падения до 92 % в феврале снова последовал рост до 106,2 %, а в мае рывок до 145,6 %. После падения правительства Ларго Кабальеро и начала свертывания революции при Негрине падение стало необратимым. Октябрь 1937 г. – 32,8 %, октябрь 1938 г. – 35,6 %⁴⁹³. Таким образом, в первые месяцы правления Негрина металлургическое производство упало в несколько раз.

Зависимость эффективности производства от наличия самоуправления иллюстрирует динамика добычи угля на синдикализованных рудниках Берге. В августе 1936 г. было добыто 302 т. сырья. В сентябре, после коллективизации (инкаутации) добыча снизилась на две тонны, однако уже в октябре возросла до 334 т., а в декабре 1936 – до 360 т. В январе-феврале 1937 г. добыча падает до 328–335 т. (уровень октября 1936 г.), но в июне-июле восстанавливается. Однако в августе-декабре 1937 г., по мере вытеснения самоуправления государственным контролем, добыча угля падает до 235 т.⁴⁹⁴. Таким образом, фактический материал подтверждает, что введение системы производственной демократии обеспечило ту эффективность производства, которая вообще была возможна на испанских предприятиях того времени в условиях войны и частичной экономической блокады. Миф о том, что „анархо-синдикалисты развалили производство“ можно считать окончательно опровергнутым. Получив в свои руки фабрики, рабочие и инженеры сделали максимум возможного. Производство, необходимое для нужд войны, смогло превысить довоенные показатели. Борьба против производственной демократии, предпринятая в период правления Негрина, подорвала экономику Республики⁴⁹⁵.

* * *

Особое значение в условиях войны имело военное производство, особенно, если учесть, что до войны современное оружие в Испании почти не производилось. Состояние военной промышленности Испании и особенно Каталонии оказывается в перекрестье множества концептуальных дискуссий. Могла ли Испания производить оружие и в какой степени? „Развалили“ анархо-синдикалисты военную промышленность или нет? И если выясняется, что военная промышленность Испании и особенно Каталонии работала успешно – то чья это заслуга?

Для представителей самых разных идейных течений важно доказать, что эффективной альтернативы их экономическому идеалу не существует. И коммунисты с их верой в государственное хозяйство, и либералы со священной коровой частной собственности относятся весьма критически к попытке трудящихся организовать самоуправление. Они заранее уверены в том, что анархо-синдикалисты развалили экономику Республики, и именно они виноваты в том, что республиканцы не смогли наладить производство собственных боеприпасов в достаточном количестве. Здесь открывается благодатная возможность для того, чтобы найти „крайнего“ и за

⁴⁹³ Catalan J. Fabricar para la guerra, padecer por el frente: la coyuntura industrial del conflicto armado español. // *Economía y economistas españoles en la Guerra Civil*. V.1. Barcelona, 2008. P.598.

⁴⁹⁴ IISH. Paquete 37, B1, P.115. Также в первой половине 1937 г. развернулась добыча марганца (5 тонн в день) с извлечением 78 % полезного вещества (Javier de Madariaga F. *Taradellas y la industria de Guerra de Cataluña (1936–1939)*. Lleida, 2008. P.24.).

⁴⁹⁵ Перед лицом впечатляющих статистических данных, свидетельствующих об успехах коллективизированного сектора, критикам Испанской революции важно доказать, что «экономическая альтернатива анархо-синдикалистов менее чем в течение года столкнулась с теми же трудностями по повышению, а иногда и просто по поддержанию уровня производства, что и капиталистическая система, и, конечно, с сопротивлением, с которым работники воспринимали суровую трудовую дисциплину. В итоге, для анархистов оказалось весьма трудным выполнить свою роль в военной экономике» (Garrido L. *Op.cit.* P.289.). Но для доказательства этой мысли нужно привести примеры либо забастовок против НКТ в 1936–1937 гг., либо факты репрессий против рабочих масс, принуждающих их трудиться вопреки собственной воле. Нет, утверждение о существенном сопротивлении остается голословным. Ниже мы увидим, что и вывод о военном производстве здесь также тенденциозен.

поражение Республики, и за подчинение ее воле Сталина – ведь иначе нельзя было получить боеприпасы и технику.

Спору нет – советская помощь была важным фактором, и монополия СССР в деле помощи республиканцам вытекает не только из состояния испанской экономики, но и из блокады, которую установили в отношении Республики либеральные режимы Европы.

Тем не менее, проблема остается: насколько предприятиям, работающим в соответствии с принципом производственной демократии, удалось сделать все возможное для обороны?

Автор этой книги также давно вовлечен в эту полемику. В том числе – с видным испанским историком А. Виньясом, с которым мы неоднократно обсуждали эту проблему. Позиция А. Виньяса ярко окрашена политически – он приверженец социал-либеральных взглядов и, применительно к теме Гражданской войны, политики Х. Негрина. Следовательно – противник политики Ф. Ларго Кабальеро, предшественника и антипода Негрина. Сближение Ларго Кабальеро с анархо-синдикалистами также оценивается А. Виньясом весьма критически – ведь они развалили экономику Республики и своим экспериментом подорвали военную промышленность. А. Виньяс видит в анархистах главную проблему тыла Республики: „В тылу накапливались трудности из-за, прежде всего, безответственного поведения анархистов“⁴⁹⁶, что сказывалось и на „военной промышленности в Каталонии“, развитие которой „постоянно затруднялось из-за анархических и националистических идей“⁴⁹⁷.

Очевидно, у меня другая точка зрения. Сегодня можно сказать, что советские архивные материалы позволяют решить эту проблему. Важный свидетель, которого нельзя заподозрить в стремлении обелить анархистов и скрыть теневые стороны их деятельности – советский консул Антонов-Овсеенко⁴⁹⁸. Прибыв в Каталонию, Антонов-Овсеенко стал вникать в дела каталонских предприятий так энергично, что это вызвало даже недовольство министра Женеалитата: советский консул „отдает приказы даже отдельным заводам“⁴⁹⁹. Конечно, Антонов-Овсеенко мог давать не приказы, а советы. Во всяком случае, он внимательно ознакомился с состоянием коллективизированной экономики, консультировался с советскими специалистами, также направленными на предприятия. И главный вопрос, который волновал Антонова-Овсеенко – каким образом добиться максимальной производительности боеприпасов.

Первый диагноз Антонова-Овсеенко в конце октября таков: „Производительность патронных заводов Барселоны 60 тысяч штук в день. Нужны автоматы“⁵⁰⁰. Следующее свидетельство в середине ноября: „Производство патронов выросло в 5 раз до 200 тысяч штук в сутки. Больше

⁴⁹⁶ Vinas A. La Soledad de la Republica. Barcelona, 2006. P.199.

⁴⁹⁷ Viñas Á. El escudo de la República. P.633. Делая такой вывод, А. Виньяс признает, что эта тема «не является достаточно исследованной» (еще бы, в книге А. Виньяса нет даже ссылок на коллекцию воспоминаний о коллективизации, собранную Р. Фрэзером). Но как только речь заходит об энтузиазме работников, А. Виньяс категорически утверждает: «В ситуации, когда промышленность была дезорганизована и разрушена, собственники и технические работники запуганы, а подчас в бегах или ликвидированы, этот вклад не мог быть особо значимым и не был таковым» (P.175.). Так сказать, не может быть, потому что не может быть никогда. Не исследовано, но уверен, что было так. Какое может быть эффективное производство и энтузиазм работников, если «собственники запуганы и в бегах»? Похоже, здесь А. Виньяс в большей степени характеризует свою идеологическую позицию, чем социально-экономическую ситуацию в Испании того времени.

⁴⁹⁸ А. Виньяс считает советского консула надежным информатором, обличителем анархо-синдикализма: «В документах генерального консула Антонова-Овсеенко постоянно обличаются анархистские демарши и их разрушительная роль в системе управления Каталонии» (Viñas Á. El escudo de la República. P.172.). Эта неконкретная ссылка на «документы» без указания конкретных дел и листов должна придать дополнительную солидность обвинениям А. Виньяса против анархо-синдикалистов. Но, как видно из материалов, приводимых нами, систематическое изучение документов консула показывает, что у него есть немало свидетельств и в пользу анархистов (см. также выше свидетельства консула об Арагонском фронте и ниже – о политических конфликтах в Каталонии).

⁴⁹⁹ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.62.

⁵⁰⁰ Там же. Л.25.

нельзя – нет инструментальной стали и инструментов⁵⁰¹. Таким образом, производственная демократия синдикалистов выжала из имеющегося оборудования все, что возможно. Дальнейшее повышение производительности труда было реально только при условии поставки из СССР автоматического оборудования по производству патронов, инструментальной стали и инструментов. Главный военный советник Я. Берзин рекомендовал поставить в Испанию автоматическую патронную линию производительностью в 2 млн патронов в сутки⁵⁰². На это Сталин не пошел. В этом – ключевая причина невозможности наладить производство достаточного количества боеприпасов в республиканской Испании. Не мог наладить его и Франко, но к нему боеприпасы в изобилии поступали от союзников.

Несмотря на такой „приговор“: повысить производительность труда на таком оборудовании более невозможно, – синдикалистская экономика сделала невозможное. 11 декабря 1936 г. Антонов-Овсенко докладывает: „Производство патронов за месяц выросло втрое, но вдвое меньше потребления Арагонского фронта“⁵⁰³. В апреле 1937 г. Каталония производила около 300 тысяч патронов⁵⁰⁴.

При этом все разумное, что предлагают советские специалисты, НКТ вполне готова принять: „Абад де Сантьян поддержал советские предложения по интенсификации военной промышленности“⁵⁰⁵.

Советский консул подтверждал, что и по производству снарядов коллективизированные предприятия также достигли пределов объективных возможностей. В марте он докладывал: „Производство снарядов составляет 4000 шт. в день. Нельзя повысить, как требуется, до 20000 шт. из-за объективного недостатка материалов... Последнее обстоятельство объективно проверено и подтверждено“⁵⁰⁶.

Таким образом, советские данные позволяют ответить на вопрос: как сказывались анархистские идеи синдикализации на военном производстве Каталонии? Военное производство в период гегемонии анархо-синдикалистов достигло пределов возможного и даже несколько превзошло их⁵⁰⁷. Это произошло прежде всего за счет энтузиазма и организационных возможностей самоуправления и производственной демократии. Дальнейшее развитие ВПК Испании определялось тем, будут ли поставлены из СССР не только оружие и боеприпасы (которые, кстати, почти не доходили до Арагонского фронта), но еще и высокопроизводительное оборудование. Что для Сталина было неприемлемо⁵⁰⁸.

⁵⁰¹ Там же. Л.62. А. Виньяс оценивает состояние военной промышленности по докладу советского специалиста Малкина, который осенью 1936 г. посетил восемь фабрик в Каталонии, где налаживали производство гильз (Viñas Á. El escudo de la República. P.189.). Эти фабрики производили около 18000 новых гильз. Малкин был настроен скептически и выдвигал рационализаторские предложения: если восстанавливать уже использованные гильзы, то удастся повысить производство до 80000 гильз в день (то есть бойцы должны были собирать все эти гильзы). «Уровень Малкина» был вскоре превзойден каталонской промышленностью.

⁵⁰² РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.275. Л.21.

⁵⁰³ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.65.

⁵⁰⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.331. Л.14.

⁵⁰⁵ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.62.

⁵⁰⁶ Там же. Оп.17. П.131. Д.50. Л.14.

⁵⁰⁷ Современный исследователь военного производства в Каталонии Ф. Хавьер де Мадариага, который опирается не на советские, а на каталонские документы, тоже считает, что республиканские силы «смогли достичь максимума в своем военном производстве» (Javier de Madariaga F. Op. cit. P.24).

⁵⁰⁸ Малкин сообщает, что закупленное для одной из фабрик французское оборудование долго монтируется. Что-то там не получилось, и при оборудовании оставили одного работника. Это Малкин в духе времени оценил как саботаж, а А. Виньяс (Р.190) в соответствии со своей тенденцией – как плохую организацию труда. То, что оборудование, которое не удастся запустить, просто является негодным, в расчет не принимается.

Производственная демократия способствовала привлечению как можно большего числа работников к решению нестандартных проблем перестройки экономики на военный лад. До войны собственно военной была одна фабрика в Каталонии – пиротехническая в Реусе. „Множество вопросов должны были найти техническое решение: может ли фабрика губной помады производить ящики с гильзами?“⁵⁰⁹ – комментирует Х. Томас. Положительные ответы были найдены. В Каталонии было налажено массовое производство стрелкового оружия, патронов и даже броневикуров⁵¹⁰. В Барселоне производились даже танки, впрочем, довольно несовершенные⁵¹¹. В военной промышленности Каталонии было занято 50000 рабочих⁵¹².

В остальной Республике тоже кипела работа, но успехи ее были скромнее, чем в Каталонии. С декабря 1936 г. по апрель 1937 г. производство патронов выросло с 380 до 500 тыс. штук⁵¹³. Эта цифра, которой пользуются исследователи⁵¹⁴, нуждается в уточнении. В апреле за пределами Каталонии производилось 90 тысяч патронов в Картахене, 30–50 тысяч в Валенсии, и еще 100 тысяч переснаряжалось из собранных гильз в Мадриде⁵¹⁵. Как видим, результат усилий центрального правительства оказался куда скромнее, чем у каталонцев, производивших около 300 тысяч. Сюда нужно добавить еще более 120 тысяч патронов, производимых на севере⁵¹⁶. Всего получается более 650 тысяч патронов. К тому же в марте 1937 г. Каталония обеспечивала потребности в снарядах на Арагонском фронте и отправляла в центральную Испанию еще 1500 снарядов в день⁵¹⁷.

* * *

И неудачи, и успехи военного производства нельзя относить только на счет анархо-синдикалистов. Во-первых, в деле коллективизации хоть и лидировала НКТ, но она действовала совместно с ВСТ. Во-вторых, Каталония была хоть и важнейшим, но не единственным местом производства вооружений и боеприпасов. В-третьих, и в Каталонии, и в на остальной территории Республики производством вооружений и боеприпасов занимались не только работники и их самоуправление, но и государственные структуры, которые могли как помогать, так и мешать самоуправлению.

Военное производство наряду с профсоюзами координировали также структуры Женералитата, прежде всего созданная 7 августа Ж. Таррадельясом Комиссия военной промышленности (КВП). Каталонский историк Ф. Хавьер де Мадариага считает, что „создание КВП 7 августа означало качественный скачок“ в военном производстве. При этом историк С. Сервельо напоминает: „Однако не будем забывать, что МАФ и НКТ тоже создавали структуры координации экономики, и первые усилия по налаживанию именно военного производства

⁵⁰⁹ Thomas H. Op. cit. P.297.

⁵¹⁰ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.11.

⁵¹¹ Thomas H. Op. cit. P.940.

⁵¹² АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.9. Л.71.

⁵¹³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.331. Л.13.

⁵¹⁴ Рыбалкин Ю. Е. Указ. соч. С.26; Viñas Á. El escudo de la República. P.191.

⁵¹⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.331. Л.14.

⁵¹⁶ Там же. Д.306. Л.10–11.

⁵¹⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.15.

начались на предприятиях – без нажима Женералитата“⁵¹⁸.

Скачок действительно происходил, и его причины заключались в упорядочении социалистического сектора, энтузиазме рабочих и инженеров (включая советских специалистов), и уже затем в координирующей роли КВП и команды Таррадельяса, которая по мере возможности старалась решить многочисленные проблемы, возникавшие между предприятиями и государственными структурами. В это время „к равновесию функций стремились три социальных сектора: промышленный пролетариат, связанный в значительной степени с НКТ; каталонские республиканцы, держатели контроля в Женералитате и влияния среди техников и лучших профессионалов; и определенное количество военных профессионалов, чей социальный вес был равен нулю, но без которых работники никогда не приобрели бы знания и навыки, необходимые для военного производства“⁵¹⁹.

В декрете Женералитата 12 августа 1936 г., который официально учреждал КВП, ей предоставлялись следующие полномочия: „...контроль за всей деятельностью производств предприятий, их закупок, распределения, контроля и экспериментов с техническим оборудованием, а также все аспекты, связанные с промышленной мобилизацией“. КВП формировалась из представителей Министерства обороны, Совета экономики и публичных служб, Совета финансов и Совета управления⁵²⁰.

Сначала предполагалось, что все военные производства поступят в прямое подчинение КВП, но на практике самоуправление на военных производствах сохранилось, а КВП играла роль координатора и помощника. КВП „не вмешивалась ни в формы собственности компании, которые впоследствии регулировал Декрет по коллективизации, ни в отношения профсоюзов, ни в функционирование политико-социальных отношений, установленных рабочими“⁵²¹. Предприятия, необходимые для военного производства, не национализировались, а подвергались инкаутации (в данном случае – коллективизации)⁵²². Контроль Женералитата на этих предприятиях осуществляли делегаты КВП и Комиссии по трудовому контролю (иногда должность делегата совмещал директор фабрики). Военный сектор включал крупнейшие предприятия металлургии, машиностроения и химической промышленности. После победы Таррадельяс рассчитывал сохранить этот сектор и на его базе начать строительство современной индустрии в Каталонии. Он „считал, что необходимо вкладываться в будущее Каталонии, которая в результате импульса войны должна занять весомое место в сфере индустрии“⁵²³.

Как это ни странно, большие проблемы для работы КВП создавали коммунисты: „ОСПК, чье влияние и политический вес в Каталонии не переставал расти на протяжении всей войны... часто атаковала и дискредитировала работу КВП и ее результаты, включая клевету, осуществляя линию пропаганды, полную ловушек и сектантских обвинений. С самого начала их выступления были направлены на поддержку линии на военную централизацию, которую проводила КПИ...“⁵²⁴. То

⁵¹⁸ Sàncnes Cervelló. Prólogo. // Javier de Madariaga F. Op. cit. P.7.

⁵¹⁹ Javier de Madariaga F. Op. cit. P. 175–176.

⁵²⁰ Op. cit. P.26.

⁵²¹ Op. cit. P.31.

⁵²² Javier de Madariaga F. Op. cit. P.28. В ведение КВП перешли Товарищеское акционерное общество, Национальная фабрика красителей и взрывчатых веществ, Электро-химическое общество, Фликс, Испанский союз по взрывчатым веществам, Союз наземных и прибрежных механиков, Испано-Сюиза, Акционерное общество по строительству и производству железнодорожных материалов, Пирелли С. А., Ривьера С. А., Элизальде С. А., металлы и серебро Ривера, Франсиско Лакамбра СА. И Г. Де Андрейс, Металлографика Эспаньола, Форет, Современная механика для строительных и общественных работ, Машиностроительные индустрии.

⁵²³ Javier de Madariaga F. Op. cit. P.28.

⁵²⁴ Op. cit. P.176. Была и еще одна причина неприязни ОСПК к КВП. 8 октября 1936 г. комиссия получила монополию на контроль за изготовлением вооружения в Каталонии, а ОСПК, как мы увидим, стремилась бесконтрольно пополнять запасы оружия для выяснения политических отношений в тылу.

есть, для того, чтобы расчистить место для создания управляемого из Валенсии ВПК, коммунисты были готовы разрушить уже то, что есть и неплохо работает. Аналогичную политику проводил и министр Прието⁵²⁵.

В организации своей команды КВП отошла от принципа политических квот, принятых в других коалиционных органах Женералитата. Это было встречено партиями и профсоюзами с пониманием – для работы в такой структуре важны были инженерные знания.

КВП не управляла, а координировала военное производство, обеспечивая связи между предприятиями, поставки, формируя госзаказ. Каталонский историк Ф. Хавьер де Мадариага пишет, что Женералитат через КВП „инвестировал средства в покупку иностранных материалов, в переплавку металла, строительство машин, усовершенствования промышленности; были мобилизованы и собраны рабочие, выплачивали зарплаты, давали дотации коллективам; и все это получали обратно в качестве военных материалов, пороха и взрывчатых веществ, тысяч бомб, гранат, минометов, ружей и почти ста миллионов зарядок для них“⁵²⁶. Часть этих достижений (организация рабочих, часть инноваций) принадлежит не КВП, а профсоюзам и самоуправлению. Но в целом Таррадельяс, НКТ и ВСТ сумели найти оптимальное соотношение государственной координации и самоуправления.

Но Центр не хотел пускать Каталонское производство на самотек. И. Прието настаивал, что „государство не может уступать автономным организациям свои обязанности“⁵²⁷. В феврале 1937 г. „на нескольких встречах, в которых участвовали Таррадельяс, Коморера, Доменек со стороны Правительства Каталонии и Прието, Негрин и Пейро со стороны центрального Правительства, было принято решение, что производство будет координироваться таким образом, чтобы интенсифицировать его насколько это возможно“. Было решено, что структуры центрального правительства могли заключить договоры с каталонскими предприятиями и контролировать их работу. Впрочем, из этого вряд ли мог получиться толк. „Критика Прието была жесткой. Чинились все возможные препятствия и трудности для того, чтобы избежать реализации желаний правительства“⁵²⁸, – возмущается вслед за министром историк А. Виньяс. Ж. Таррадельяс был не в восторге от попыток И. Прието действовать через его голову, а на предприятиях вообще не понимали, почему центральные чиновники пытаются указывать, как вести дела.

Вслед за Прието А. Виньяс обвиняет барселонцев в невыполнении обязательств по поставке грузовиков⁵²⁹. Виньяс здесь доверился свидетельству Прието, и напрасно. Советские наблюдатели сообщали, что предприятия задерживают поставку шасси „Форд“ в центр, потому что правительство не рассчиталось с производителями⁵³⁰. Так что как раз Прието не выполнял

⁵²⁵ Как пишет Хавьер де Мадариага, Прието создал «отдельную структуру – делегацию субсекретариата вооружений министерства обороны Каталонии. Она принялась хозяйничать в сфере производства вооружений, которое уже было налажено профсоюзами и Комиссией военной промышленности Женералитата. Они видели в этом угрозу для промышленной сети, которая была основана, в частности, на политических контрактах, поставках и установке единой заработной платы по критерию... Они приводили в пример производство снарядов 7,5 калибра, чья документация и технический процесс был запрошен Делегацией для начала его производства. Они спрашивали, почему для решения этой задачи был поставлен заместитель министра, когда в Каталонии были уже изготовлены полностью 300000 снарядов, в производстве которых участвовало 47 заводов и цехов» (Javier de Madariaga F. Op. cit. P. 44–45.).

⁵²⁶ Javier de Madariaga F. Op. cit. P.178. В частности, Женералитат инвестировал 22 миллиона франков в сырьевые материалы, машиностроение, инструменты и специальные стали (P.24).

⁵²⁷ Javier de Madariaga F. Op. cit. P. 177–178.

⁵²⁸ Viñas Á. El escudo de la República. P.186.

⁵²⁹ Ibid.

⁵³⁰ РГВА Ф.35082. Оп.1. Д.284. Л.3. Здесь уместно напомнить, что республиканская армия в 1937–1938 гг. была хорошо обеспечена грузовиками. Советские военные специалисты отмечают, например, что республиканская авиация была обеспечена автотранспортом лучше, чем в РККА (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.499. Л.19.).

своих финансовых обязательств, что вызывало трения и перебои в поставках. Министр авиации и флота, взяв на себя несвойственные посту обязательства, выполнял их не лучшим образом и подчас действовал как слон в посудной лавке.

Первоначально производство вооружений не входило в компетенцию Прието. Ларго Кабальеро знал, что оно уже развернулось в Каталонии. За тыл отвечали Генеральный штаб и Асенсио, который также занимался развертыванием тыловой инфраструктуры. Но Прието решил взять на себя ответственность за военное производство посредством создания Комиссариата вооружения и боеприпасов (КВБ). „По мнению Ларго Кабальеро, Комиссариат был создан под советским давлением, – комментирует А. Виньяс. – Если это так, то удивляют три вещи: первое, что Кабальеро не признавал до этого необходимость Комиссариата, которая была очевидна; второе, что он отказался от того, чтобы его министерство (Министерство военных дел), было представлено в этом учреждении; третье, что он также не считал подходящим, как его неоднократно просил Прието, трансформировать КВБ в самостоятельное министерство“⁵³¹. Но Ларго Кабальеро стремился избегать создания административных структур, которые своими попытками управлять самоуправлением будут провоцировать конфликты и тем мешать делу. Если в Центральной зоне работа КВБ была полезна (тем более, что и самоуправление здесь было слабее), то вмешательство И. Прието в дела Каталонии вызвало множество конфликтов как с НКТ, так и со структурами Женеалитата. Так что осторожность Ларго Кабальеро в этом вопросе вполне объяснима⁵³². Современный исследователь военного производства времен гражданской войны Ф. Хавьер де Мадариага также довольно скептически оценивает результаты работы КВБ: „Комиссариат по вооружению и боеприпасам продолжал свое официальное неэффективное существование до смены Правительства в июне 1937 года“⁵³³.

* * *

Но без поставок современного военного промышленного оборудования испанское производство в любом случае было недостаточным – в этом можно согласиться с А. Виньясом. Он полагает: „Например, при ежедневной потребности в патронах для ружей и пулеметов в 3,5 миллиона, производство составляло ничтожные 380000 в декабре 1936 г. и не превысило половины миллиона в марте 1937 г. В конце этого месяца количество патронов в наличии составляло около 60–70 миллионов, что не позволяло поддерживать достаточную интенсивность военных действий. В случае со снарядами для 75-миллиметровых пушек, при потребности в 8000 снарядов, Республика производила 500-1000 в день“⁵³⁴. Советские архивы позволяют внести важные поправки к этой картине. Потребность в патронах 3,5 миллиона рассчитывалась не для декабря 1936 г., а для апреля 1937 г.⁵³⁵, когда, с учетом возможностей советских поставок,

⁵³¹ Viñas Á. El escudo de la República. P. 179–180.

⁵³² Увлекаясь задачами, подведомственным военному министерству (которое И. Прието хотел возглавить), министр авиации и флота упускал дела, которыми был обязан заниматься по службе. Так, советские специалисты отмечали, что у штаба авиации не было структуры, занимающейся развитием аэродромной сети, приходится разведывать, какие гражданские аэродромы и площадки годятся для военной авиации (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.441. Л.3.).

⁵³³ Javier de Madariaga F. Op. cit. P.40. Правительство сменилось в мае, в июне было реорганизовано Министерство обороны, что привело к ликвидации КВБ, но не его функций. Приведенная выше статистика производства патронов показывает, что КВБ сумел наладить производство до 140 тысяч патронов в сутки (не считая переснаряжения патронов в Мадриде, организацией которого занимались мадридские военные власти), что вдвое меньше, чем каталонцы. И это несмотря на то, что военное производство в Картахене существовало до войны. Если уж Прието взялся за организацию производства боеприпасов, следовало тщательнее вести эту работу в Центральной зоне, а не дезорганизовывать своим вмешательством производство в Каталонии.

⁵³⁴ Viñas Á. Op. cit. P.191.

⁵³⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.331. Л.12.

планировалось широкомасштабное наступление. Да и возможности испанской промышленности превысили не только декабрьские 380000, но, как мы видели, и полмиллиона. Так что 3,5 миллиона патронов в день – потребности, рассчитанные „по гамбургскому счету“. Когда советская военная помощь только начинала оказываться, в ноябре 1936 г. Я. Берзин, К. Мерецков и др. советские специалисты представили более экономный доклад о суточной потребности фронта. Она составляла 1,5 млн патронов, а только без Каталонии в это время производилось 400 тыс.⁵³⁶ То есть Республика с учетом Каталонии покрывала более трети своих потребностей. Этот вклад все же нельзя называть „ничтожным“. Он был достаточно важен в условиях неритмичности советских поставок.

Из этого следует два обстоятельства: важность советской помощи, о чем уже говорилось (особенно, если бы Сталин решился поставить Республике оборудование по производству боеприпасов), и опасность для Республики затяжной войны, когда стороны целиком оказываются во власти поставок боеприпасов.

Коллективизация по-испански

Одновременно с городской коллективизацией развернулось движение за коллективизацию сельского хозяйства. „Огромный вред индивидуального хозяйства, – писал Д. Абад де Сантильян, – который ложится на всех трудоспособных членов семьи: отца, мать, детей, – это чрезмерный объем труда... Крестьянин не должен приносить себя и детей в жертву прибыли. Важно, что он должен иметь время и энергию для того, чтобы дать образование себе и своей семье, что свет цивилизации должен осветить жизнь села“⁵³⁷. Анархо-синдикалисты стремились противопоставить беспросветному семейному труду крестьянина силу общинной солидарности, которая позволила бы рационализировать производство и высвободить часть времени сельских тружеников для их культурного развития, преодоления вековой отсталости. Идея была поддержана тысячами крестьян. Началось массовое движение коллективизации. Инициатива исходила от крестьянской массы.

Аграрная революция началась разгромом помещичьего землевладения в конце июля. Советский наблюдатель сообщал: „Положение в деревне таково: начиная с событий 19 июля, в течение нескольких месяцев, крестьянство расправилось с помещиками. Произошла настоящая аграрная революция. На территории республиканской Испании класс помещиков ликвидирован. В провинции Хаен, например, за август-сентябрь убили свыше 3 тысяч помещиков. Везде помещичья земля захвачена крестьянами и сельскохозяйственными рабочими. Декрет Урибе от 7.10. („конфискация земель помещиков-фашистов“) перевыполнен сразу, так как фактически конфискованы земли всех (или почти всех) помещиков (крупных и средних) вообще. Многие помещики „добровольно“ отдали свои земли и тем спасали свою жизнь“⁵³⁸. Либералы и коммунисты попытались использовать декрет 7 октября для того, чтобы уменьшить масштабы экспроприации и коллективизации. Однако крестьяне, захватившие землю и создававшие коллективы, не желали поворачивать этот процесс вспять. Как пишет историк Л. Гарридо, „при применении декрета от 7 октября все еще возникали серьезные трудности... Работники, занимавшие коллективизированные поместья, не очень ясно понимали, зачем пересматривать уже осуществленные экспроприации“⁵³⁹. Так что пришлось оставить аграрную революцию в покое.

В общем порыве землю конфисковали не только у помещиков, но и у большинства кулаков. Кулаками считались те, кто применяли наемный труд круглый год⁵⁴⁰. „Согласно данным

⁵³⁶ Там же. Д.278. Л.192.

⁵³⁷ Abad de Santillan D. La revolución y la guerra en España. Mexico, 1938. P. 107–108.

⁵³⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.331. Л.2.

⁵³⁹ Garrido L. Op. cit. P. 300–301.

⁵⁴⁰ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.10.

Института аграрной реформы по 15 провинциям, которые не включали провинции Арагона и Кастилии, до августа 1938 г. было экспроприровано 5 458 885 гектаров (приблизительно 40 % полезной площади)⁵⁴¹.

„Все секвестированные земли будут находиться под контролем и управлением союза, и обработка их коллективным способом отразится в первую очередь на союзах и всех трудящихся вообще“⁵⁴², – говорилось в решении крестьянского съезда Каталонии, представлявшего около 200 союзов. Впрочем, региональный пленум крестьянских синдикатов Каталонии 5–7 сентября 1936 г. оставил принципы организации новой жизни на усмотрение местных организаций.

Как и в СССР, коллективизация отчасти мотивировалась будущим применением техники на полях. Однако в Испании было только 190 тракторов⁵⁴³, и этот мотив был вторичен по сравнению с возможностью прямо сейчас организовать жизнь более справедливо. Крестьян привлекали в коллектив как выгоды совместного ведения хозяйства в тяжелых условиях войны (прежде всего в области товарообмена и культурной жизни, которые обеспечивались и поддерживались структурами НКТ), так и идеологическое (в отдельных случаях – и принудительное) давление анархистов. Однако говорить о насильственном характере коллективизации, как в СССР, в Испании не приходится – коллективы развивались и в тех регионах, где влияние анархо-синдикалистов не было доминирующим – в Леванте и Кастилии. Участник коллективизации М. Рохо считает основными ее мотивами также оказание помощи фронту (коллективы были удобной формой для организации снабжения) и установление „социального равенства“, к которому стремились крестьяне в это время⁵⁴⁴.

По свидетельству советского писателя И. Эренбурга, посетившего Арагон и беседовавшего с крестьянами об их жизни, коллективизация была стихийной⁵⁴⁵. При этом „коммунисты не знали, как им себя вести. В некоторых деревнях они вместе с анархистами вначале уничтожали денежную систему. В других – они пытались отстаивать сохранение частной собственности на землю, что не было популярным среди крестьян Арагона“⁵⁴⁶. В итоге там, где преобладали анархисты, прошла полная коллективизация, был введен режим пайков без денег. Там, где доминировали социалисты и коммунисты, коллективизация была более мягкой, она охватывала 90 % крестьян и обошлась без обобществления мелкого скота и птицы⁵⁴⁷.

* * *

В начале Гражданской войны в деревне, как и в городах, происходили эксцессы террора. Так, 24 сентября 1936 г. анархисты в Сесе расстреляли 10 „фашистов“⁵⁴⁸. Однако после расправы над наиболее ненавистными представителями старого порядка ситуация становилась более спокойной.

В тех коллективах, где не было существенных противоречий, порядок поддерживался специально выбранным человеком, своего рода шерифом. А. Сухи подчеркивает благополучную

⁵⁴¹ Casanova J. Las colectivizaciones en el campo: hechos e ideas. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. Barcelona, 2008. P.460.

⁵⁴² РГАСПИ. Ф.495. Оп.18. Д.1117. Л.119.

⁵⁴³ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.12.

⁵⁴⁴ Fraser R. Op. cit. P.349.

⁵⁴⁵ Письмо В. А. Антонову-Овсеевко 17.11.1936. АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.50.

⁵⁴⁶ Там же. Л.50–51.

⁵⁴⁷ Там же. Л.51.

⁵⁴⁸ Там же. Л.53.

криминальную ситуацию в местах, где ему довелось побывать⁵⁴⁹.

Как правило, коллективизация не была насильственной, но моральное давление общины было сильным фактором, который заставлял крестьян, еще не вошедших в коллектив, склоняться к участию в коллективизации, чтобы быть „как все“. Несмотря на то, что региональная конференция НКТ приняла специальное решение о недопустимости принудительного вовлечения крестьян в коллективы⁵⁵⁰, моральное давление играло очень большую роль. Участник коллективизации в Мас де лас Матас Э. Маргелли вспоминает: „Наш следующий шаг был ошибкой – наибольшей, как я сейчас считаю. Мы обязали „правых“ присоединиться. Мы принуждали их морально, не физически, но все же принуждали“⁵⁵¹.

Казалось, что после того как сомневающиеся войдут в коллектив, они сразу же поймут преимущества нового образа жизни, и дело пойдет быстрее. На деле принуждение имело мало смысла, так как вовлеченные в общину таким образом работали мало и „сидели на шее у коллектива“⁵⁵². Поэтому многие коллективы отказывались от вовлечения в эксперимент несогласных, устраивая экономическое соревнование с индивидуалистами⁵⁵³.

Г. Леваль был свидетелем обсуждения на ассамблее вопроса о выходе группы крестьян из коллектива. Само право на выход не подвергалось сомнению, и обсуждался лишь вопрос о порядке пользования инфраструктурой коллектива индивидуалистами⁵⁵⁴.

В отличие от коллективизации в СССР, на стороне организаторов коллективизации не было постоянно присутствующей государственной поддержки. Однако в отдельных коллективах устанавливались диктатуры пришлых радикалов⁵⁵⁵. Об одной из таких ситуаций вспоминает Х. Авила: „Это не был режим террора, Вы не можете это так назвать. И все же мы повидали вещи, которых мы раньше не видели. Что за вещи? Расстрелы. Некоторые после суда, некоторые – без. И поэтому все вынуждены были делать то, что ОНИ скажут“⁵⁵⁶. Рейды городских анархистов, пытавшихся форсировать коллективизацию, резко критиковались лидерами НКТ. Х. Пейро писал: „Революционные „знаменосцы“ уже прошли через деревню. Для ее освобождения? Для того, чтобы помочь ее освободить? Нет, они прошли через деревню, чтобы грабить тех, кто годами и веками был ограбляем людьми, побежденными революцией“⁵⁵⁷. Осуждение радикалов

⁵⁴⁹ Souchy Bauer A. Op. cit. P.57.

⁵⁵⁰ Op. cit. P.60.

⁵⁵¹ Fraser R. Op. cit. P.353.

⁵⁵² Op. cit. P.354.

⁵⁵³ Op. cit. P.362.

⁵⁵⁴ Leval G. Collectives in the Spanish revolution. L., 1975. P.209.

⁵⁵⁵ Советские авторы пытались представить такие ситуации как типичные и единственно возможные, игнорируя весь материал о добровольной коллективизации. Рассказ о коллективизации, например, у К. Л. Майданика (Указ. соч. С. 192–193) превращается в очередной «сборник компромата», основанный на безусловном доверии к утверждениям коммунистов в разгар полемики с НКТ и трактовках, не вытекающих из источника. Так, автор цитирует левых социалистов: «Чтобы защитить коллективистскую систему, товарищи из НКТ сделали невозможной жизнь для единоличников... Это привело к огромному недовольству и беспорядку», и делает из этого вывод, что НКТ сгоняли единоличников с земли и таким образом загнали в коллективы 433 тыс. жителей Арагона. Далее следует ссылка на анархистского автора Х. Пейратса. Но ничего подобного утверждениям К. Л. Майданика в указанных источниках не содержится. Кабальеристы во многом справедливо заступаются за единоличников, давление на которых вызывает недовольство. Но они не упоминают о фактах сгона с земли. А Пейратс вообще сообщает о числе членов коллективов, утверждая, что подавляющее большинство их вошли в коллективы добровольно. Жуткая карикатура на испанскую коллективизацию нужна была советским авторам для оправдания коллективизации в СССР.

⁵⁵⁶ Fraser R. Op. cit. P.355.

⁵⁵⁷ Peiro J. Op. cit. P. 102–103.

анархо-синдикалистами и всеобщее вооружение крестьян не давали „знаменосцам революции“ развернуться, и в большинстве районов, охваченных коллективизацией, власть оставалась в руках местного крестьянского самоуправления. Важно также учитывать, что республиканская милиция также вмешивалась в ситуацию в селениях Арагона, помогая нежелающим жить в коллективах против анархистов-экстремистов⁵⁵⁸.

Идеологи анархистов считали, что оружие в руках крестьян защитит их от набегов со стороны. В радикальном анархистском издании „Идеас“ 22 апреля 1937 г. говорилось: „Трудящиеся, сохраняйте оружие! И когда на соседнюю деревню нападают наемники, весь окружной народ должен бежать им на помощь“⁵⁵⁹.

* * *

Движение коллективизации было поддержано и НКТ, и ВСТ, что было закреплено в соглашении арагонских организаций этих союзов 22 февраля 1937 г.: „НКТ и ВСТ поддержат и будут стимулировать свободно создаваемые коллективы, которые могут служить примером остальным рабочим и крестьянам“⁵⁶⁰. Фактически это соглашение лишь подтверждало то положение, которое сложилось в июле-сентябре 1936 после первой волны коллективизации.

90 тыс. крестьян-арендаторов Арагона и Каталонии, получивших землю в результате революции, не вошли в коллективы и создали свой союз (Крестьянская федерация мелких собственников). Они не желали продавать свои продукты по твердым ценам НКТ. Гарсиа Оливер обещал их делегации „принять меры против ограничения торговли их продуктами“⁵⁶¹. Вскоре НКТ допустила крестьянские кооперативы к торговле апельсинами⁵⁶².

При формировании Женералитата НКТ Каталонии 28 марта 1937 г. сформулировала свою программу, которая исходила из сочетания коллективного и индивидуального землепользования. Земля должна предоставляться крестьянам в размере, который может обрабатываться трудом одной семьи, а остальная часть – предоставляться коллективам, „если найдутся желающие работать коллективно“. Необходимо проводить обмен земельных участков, если их расположение препятствует коллективной обработке. Батрачество запрещалось. Крестьяне должны были иметь право обрабатывать муниципальную землю, если муниципалитет не нашел ей другое применение⁵⁶³. Все крестьяне должны быть объединены в сельские профсоюзы – ВСТ, НКТ или Рабассайрес⁵⁶⁴.

Крестьяне разных форм собственности входили также в Федерацию работников земли (ФРЗ), включавшую 120 тысяч крестьян и батраков. В ней большим влиянием пользовались как анархо-синдикалисты, так и коммунисты. ФРЗ в принципе поддерживала коллективизацию, выступая за ее упорядочение. В марте 1937 г. съезд ФРЗ провозгласил, что в каждом селе должен быть один кооператив (а не два и более, организованных на разных принципах, как случилось в ходе стихийной коллективизации). ФРЗ гарантировала: „Мы будем уважать мелкую собственность, если речь идет о хозяйстве, которое может обслуживаться одной семьей“⁵⁶⁵.

⁵⁵⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.292. Л.7.

⁵⁵⁹ АВП. Ф.097. Оп.14. П.3. Д.7. Л.14.

⁵⁶⁰ Souchy Bauer A. Op.cit. P.26.

⁵⁶¹ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.16.

⁵⁶² Там же. Оп.17. П.131. Д.49. Л.21.

⁵⁶³ Там же. Д.50. Л.30.

⁵⁶⁴ Там же. Л.31.

⁵⁶⁵ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.11.

Поскольку анархисты были признанными защитниками коллективизации, то коммунисты стали делать ставку на защиту мелких хозяев, что сдвигало курс партии вправо. Советский консул констатировал, что „базу партии в деревне составляют мелкие собственники-крестьяне“⁵⁶⁶. Этот правый курс соответствовал и другим составляющим стратегии Коминтерна в этот период. Считалось, что раз в Испании еще не решен вопрос о власти, переходить к социализму рано. Это будет следующий этап. Анархо-синдикалисты не соглашались с такой логикой – массам нужно показать, ради чего они сражаются, предложить основы нового мироустройства уже здесь и сейчас.

Когда министр-коммунист Урибе, подчиняясь правым установкам Сталина (стремившегося по международным соображениям придать Народному фронту как можно более умеренный имидж), предложил отказаться от коллективизации, это вызвало сопротивление не только НКТ, но и ВСТ. Это свидетельствует о широкой поддержке коллективизации не только анархистами, но и большинством организованного крестьянства вообще. И. Эренбург сообщал: „В настоящее время за коллективизацию против предложенной коммунистическим министром parcelляции конфискованных земель выступают не анархисты, а левые социалисты из УХТ“⁵⁶⁷, в частности, Паскуаль Томас, фактический руководитель УХТ“⁵⁶⁸. 9 марта 1937 г. орган ИСРП „Аделанте“ выступил за добровольную коллективизацию, которая должна охватить всех крестьян⁵⁶⁹. Для полного успеха необходимы технологические предпосылки: „чтобы добиться коллективизации, нужно превратить плуги в трактора“⁵⁷⁰.

Большинством коллективов руководили анархисты. Но около 800 хозяйств из примерно 2500 находились под контролем социалистов и коммунистов, а в органах большинства коллективов социалисты и коммунисты присутствовали. Очаг движения располагался в Арагоне (около 450 коллективов). Влияние анархистов здесь было преобладающим, но не тотальным. Помимо органов самоуправления коллективов, в Арагоне сохранялись и местные органы власти. Так, в коллективизированном селении Альмагро анархисты заняли только 6 из 15 мест в местном муниципальном совете⁵⁷¹. В Арагонском совете анархисты располагали 7 местами, а представители партий Народного фронта – 6. В декабре Аскасо был признан в качестве представителя центрального правительства⁵⁷². В соглашении Арагонских организаций НКТ и ВСТ, заключенном 22 февраля 1937 г., говорилось: „Мы предпримем усилия к реализации всех указаний легитимного правительства Испанской республики и Совета Арагона, в котором наши уважаемые организации представлены, используя для этой цели все наше влияние и ресурсы“⁵⁷³.

Даже в Арагоне коллективизация не была тотальной – в коллективы вошло около 70 % населения провинции⁵⁷⁴. Движение охватывало провинции, в которых анархисты не находились у

⁵⁶⁶ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.11.

⁵⁶⁷ ВСТ.

⁵⁶⁸ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.21.

⁵⁶⁹ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.11.

⁵⁷⁰ Там же. Л.12.

⁵⁷¹ Thomas H. Op. cit. P.561

⁵⁷² РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.304. Л.9.

⁵⁷³ R. Fraser. Op. cit. P.146.

⁵⁷⁴ Abad de Santillan D. Op. cit. P.94; Prats A. Vanguardia y Retaguardia de Aragon. Buenos Aires, 1938. P.81.

власти (Андалузия, Кастилия, Левант). Четыре пятых коллективов находились там⁵⁷⁵. Всего в руках коллективов находилось около 9 миллионов акров земли. В Леванте коллективы объединяли около 40 % крестьян.

В провинции Хаен, например, было 400 коллективов, затем часть распалась, осталось 270 коллективов с 38000 семей⁵⁷⁶. Опыт провинции Хаен свидетельствовал, „что оставшиеся в провинции „колхозы“, организованы добровольно, что сами рабочие предпочитают именно эту форму хозяйствования на бывшей земле помещиков, но что обычно везде есть меньшинство, которое хочет раздела и против этой формы“. При этом „весенние полевые работы идут полным ходом, работают хорошо. Вообще провинция, главным образом коллективы, – увеличила посевную площадь пшеницы на 30 % по сравнению с дореволюционным 1936 годом“⁵⁷⁷. Коллективы кормят и принимают беженцев, содержат госпитали, отгружают продовольствие на фронт, собирают деньги для нужд войны⁵⁷⁸.

Ликвидация помещичьего землевладения и коллективизация теоретически должны были нарушить производственный процесс (как, например, в СССР), но в Испании этого не произошло. Советские наблюдатели сообщали: „Уборка произведена полностью“. Расширены посевы зерновых. А картофеля – даже в 2 раза. Запасы Арагонского совета составляют 10000 тонн зерна, не считая запасов крестьян. Карточная система позволяет обеспечить население и армию мясом⁵⁷⁹.

* * *

Типичные коллективы объединили по 200–500 крестьян (реже от 30 до 5000). Говоря словами А. Переса-Баро, „только меньшинство понимало, что коллективизация означает возвращение к обществу, которое, исторически было экспроприровано капитализмом“⁵⁸⁰. Организаторы коллективов считали, что создают новый справедливый мир.

Основная часть имущества в результате коллективизации становилась общей, работу вели совместно. Важнейшие решения принимались на общих собраниях. Ассамблеи решали множество вопросов – от строительства школы до определения хлебных рационов⁵⁸¹. Часто в ассамблеях участвовали и крестьяне, не вступившие в коллектив⁵⁸².

Ассамблея избирала административную комиссию (исполнительный комитет), регулярно (раз в неделю или в месяц) собиравшую ассамблею для решения важнейших вопросов. Члены комиссии руководили текущей работой коллектива. В уставе коллектива Тамарите де Литера говорилось, что „все обязаны выполнять инструкции ответственных делегатов, полученные на предварительной встрече перед работой“ под угрозой исключения из коллектива⁵⁸³. Формально работник как истинный анархист мог отказаться от выполнения указания менеджера до начала

⁵⁷⁵ Thomas H. Op. cit. P.553.

⁵⁷⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.331. Л.3.

⁵⁷⁷ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.331. Л.3–4.

⁵⁷⁸ Там же. Л.5.

⁵⁷⁹ Там же. Д.304. Л.7.

⁵⁸⁰ R. Fraser. Op. cit. P.232.

⁵⁸¹ Op. cit. P.357.

⁵⁸² Leval G. Op. cit. P.207.

⁵⁸³ Op. cit. P.216.

работы, но, дав согласие, должен был держать слово. Это считалось уже проявлением не власти, а самодисциплины.

Ячейкой коммунальной демократии были бригады числом в несколько человек. Здесь крестьяне вместе трудились и вечером обсуждали производственные планы на завтрашний день, вопросы распределения и т. д.

В коллективы, как правило, входили крестьяне нескольких селений. Часть крестьян коллективизированного села в коллектив не входили, продолжая вести индивидуальное хозяйство. Частники, как правило, участвовали в некоторых мероприятиях коллектива (что определялось специальными договоренностями), имели кредит в коллективных лавках, участвовали в потребкооперации⁵⁸⁴. Наемный труд в Арагоне был запрещен даже в индивидуальных хозяйствах⁵⁸⁵.

Большинство коллективов сначала отменили деньги⁵⁸⁶ и ввели уравнильное распределение. Часть потребления осуществлялась коллективно. Так, например, в Муньесе по субботам и воскресеньям для всех крестьян сервировали столы для питья кофе. Бесплатно, а иногда и неограниченно выдавался хлеб, оливковое масло, мясо, подчас и вино⁵⁸⁷. Ограничение потребления „по потребностям“ обеспечивалось все тем же моральным давлением коллектива, по образцу отношений в семье. Но изъяны коммунистических принципов, на которых объединялись крестьяне, скоро дали себя знать. „Люди выбрасывали хлеб, потому что могли получить его свободно, – вспоминает М. Рохо, – Это была трагедия для нас, приверженцев либертарного общества, но мы столкнулись с этим“⁵⁸⁸. В итоге коллективам пришлось вводить хлебные rationy⁵⁸⁹ или собственные деньги. Иногда это были карточки, позволявшие приобретать определенные продукты⁵⁹⁰. Иногда работникам выплачивалась небольшая зарплата для удовлетворения тех индивидуальных нужд, которые выходили за рамки общедоступного минимума.

Вспоминает участник коллективизации Маргелли: „С детства мы читали анархистских мыслителей, которые писали, что в деньгах – корень зла. Но у нас не было идей по поводу происшедших теперь трудностей... И введение собственных денег в каждой деревне только добавило путаницы...“⁵⁹¹.

Непроработанность в программе испанских анархо-синдикалистов конкретных, „минималистских“ проблем, которые постоянно возникали при столкновении с жизнью, тяжело сказывалась на преобразованиях. Но тем не менее привлечение большого количества людей к поискам выхода из каждой сложной ситуации, возможность опробовать в каждом коллективе свой собственный вариант развития, гибкость системы коллективов – все это помогало избегать серьезного социально-политического или экономического кризиса, подобного „издержкам“ коллективизации в СССР.

Впрочем, переход к системе собственных денег коллективов далеко не везде вызывал „добавочную путаницу“. Секретарь коллектива в городке Муньес Х. Вальенте объяснял А. Сухи:

⁵⁸⁴ Souchy Bauer A. Op.cit. P.44.

⁵⁸⁵ Leval G. Op. cit. P.86.

⁵⁸⁶ Отмена денег иногда сопровождалась отъемом их у крестьян в пользу колонн милиции (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.292. Л.7).

⁵⁸⁷ Souchy Bauer A. Op.cit. P. 56–57.

⁵⁸⁸ Fraser R. Op. cit. P.354.

⁵⁸⁹ Leval G. Op. cit. P.210.

⁵⁹⁰ Souchy Bauer A. Op.cit. P.30.

⁵⁹¹ Fraser R. Op. cit. P.354.

„Деньги, выпущенные городом, не зависят от денег, выпущенных государством. Новые городские деньги не являются средством инфляции – только обмена... По необходимости, – добавляет Сухи, – местные деньги обменивались на национальную валюту. Но для этого должны были быть веские причины...“⁵⁹².

11 марта 1937 г. „Солидаридад обрера“ выступила против ликвидации денежных знаков, поскольку на этот счет существуют разные мнения и тенденции. Идеологов анархо-синдикалистов смущало различие в доходах крестьян разных коллективов. „Солидаридад обрера“ 7 марта 1937 г. критически писала о разном положении коллективов: в Монблане работники получали 10 песет в день на семью, а в Альвегде, Альсанеле, Эстопилье, Бенабар Эльса – по 4⁵⁹³.

И. Эренбург писал о разных ситуациях, сложившихся в коллективах, которые он посетил в Арагоне. Во Фраге анархисты ввели равные пайки. Каждый из 10 тысяч жителей получал книжку с указанием, на сколько песет в неделю какой продукт можно брать. В книжке делались соответствующие пометки, при которых „песета“ была не купюрой, а количественной мерой продуктов, цена которых устанавливалась самим коллективом. По свидетельству Эренбурга, в кафе продуктов не было, крестьяне просто сидели и отдыхали там. Лидеры местного комитета выступали против торговли с Барселоной, опирались на собственные силы вплоть до анекдотических ситуаций. Председатель комитета предлагал доктору не покупать книгу в Барселоне, а напечатать ее в местной типографии. В Пине действовала сложная система карточек – на каждый вид продуктов и услуг⁵⁹⁴.

Режим пайков установился и в небольшой деревне Сеса с населением 800 человек. Крестьяне были вооружены, что исключало принуждение их к порядкам, которые бы их не устраивали.

Здесь паек составлял 50 гр. мяса в день (больные получали 150 гр.), пол-литра молока, 30 гр. сахара и 5 гр. кофе в неделю, 10 папирос в день. Полагалось также четверть литра растительного масла на четверых.

Хлеб выдавался без ограничений (мыслимо ли было такое при советской коллективизации). Несмотря на то, что Эренбург был весьма скептически настроен в отношении испанской коллективизации, он вынужден признать: „Но все же они едят теперь больше мяса“⁵⁹⁵.

По словам местного врача, которого Эренбург считал объективным свидетелем, этой системой теперь довольно 70 % жителей⁵⁹⁶.

В деревне Уэрто анархисты не получили преобладания. В совете коллектива состояли 60 коммунистов и 20 синдикалистов. Из 800 человек населения 5 семей не вошли в коллектив. Сам коллектив строился по модели советского колхоза, как она официально провозглашалась. Свиньи, кролики и птица оставались в индивидуальном хозяйстве. У коллектива был трактор⁵⁹⁷, что придавало объединению и технологический смысл.

Коллектив не отменил деньги, но распределялся доход уравнилельно. Одинокие мужчины получали 6 песо в день. Глава семьи – 5 песо, член семьи – 2 песо, дети до 14 лет и старики старше 60 лет – 1 песо (если не работают)⁵⁹⁸. „Члены комитета говорят, что уравниловка, потому что все работают пока что с энтузиазмом“. Но если уравниловка приведет к падению стимулов к труду, то

⁵⁹² Souchy Bauer A. Op. cit. P. 55–56.

⁵⁹³ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.13.

⁵⁹⁴ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.573.

⁵⁹⁵ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.53.

⁵⁹⁶ Там же.

⁵⁹⁷ Там же. Л.55.

⁵⁹⁸ Там же.

можно будет ввести и трудовни⁵⁹⁹.

По сути, в Уэрто сложилось социальное государство в миниатюре. Работники получали фиксированную поденную зарплату, остальные – пенсию. Жители собирали продукты в дар госпиталям. Работали кооперативное кафе, танцклуб, библиотека⁶⁰⁰.

По словам Г. Эсенвейна, „характеристикой большинства коллективов, например, было сильное чувство социальной солидарности... Существовало также сильное стремление к образованию, некоторые коллективы впервые предприняли усилия к созданию школ, особенно в отдаленных деревушках, где люди веками были лишены базового права на образование“⁶⁰¹.

Для вхождения в коллективы не существовало имущественных ограничений – в движении участвовали и зажиточные крестьяне. Противник коллективизации Э. Сеговия, посещавший Арагон, встречался с богатым крестьянином, вступившим в коллектив. „Как вы стали коммунистом?“ – спросил я. У него было вдосталь земли, вина, оливкового масла, чтобы жить комфортабельно. „Почему? Потому что здесь создана наиболее гуманистичная система“. В Мас де лас Матас она работала действительно хорошо. Я помню, они послали человека, который страдал от язвы, лечиться в Барселону. Это стоило ему 7000 песет – значительная сумма по тем временам, гораздо больше, чем этот человек мог бы потратить сам...»⁶⁰² Собственник магазинчика, оставшийся работать в нем после коллективизации, говорил А. Сухи: «Я не должен волноваться по поводу отдачи приказов. Я получаю достаточно средств на жизнь. Коллектив заботится обо всем. Я работал раньше. Работаю и сейчас»⁶⁰³. А. Пратс писал об участнике коллектива: «Все службы коллектива в его распоряжении. От рождения и до смерти он защищен коллективом»⁶⁰⁴.

Конечно, логика власти и привилегий засасывала некоторых местных лидеров-анархистов, условия жизни, которые создали себе лидеры Арагонского совета, были значительно лучше, чем у крестьян Арагона в среднем. Это подрывало авторитет лидеров и облегчило впоследствии разгон этого органа⁶⁰⁵. Но в большинстве своем вожди анархо-синдикализма оставались пуританами.

По мнению участника коллективизации в Алосе, средний уровень жизни был таким же, как и до войны, но положение социально уязвимых слоев – значительно лучше⁶⁰⁶. В то же время Ф. Буркено, посетивший Арагон, считал, что «концепция нового порядка, которая осуществляется здесь, последовательно аскетична»⁶⁰⁷. Впрочем, содержание, выплачивавшееся в коллективах (4-12 песет в день), была в несколько раз выше, чем прежняя зарплата сельскохозяйственного рабочего. Так, например, в Альканисе платили 10 песет в день при стоимости килограмма мяса 4,5 песеты⁶⁰⁸.

В большинстве случаев коллектив обеспечивал, как и в городе, более высокий уровень культурной жизни, нежели до коллективизации, концентрируя средства на просветительских

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Bolloten B. Op.cit. P.78.

⁶⁰² Fraser R. Op. cit. P.358.

⁶⁰³ Souchy Bauer A. Op. cit. P.45.

⁶⁰⁴ Prats A. Op. cit. P.93.

⁶⁰⁵ Fraser R. Op. cit. P.392.

⁶⁰⁶ Fraser R. Op. cit. P.360.

⁶⁰⁷ The Anarchist reader. Ed. G. Woodcock. Glasgow, 1977. P.248.

⁶⁰⁸ Souchy Bauer A. Op. cit. P.30.

программах. Иногда средств хватало и на модернизацию производства⁶⁰⁹.

И. Эренбург подводил итог своим наблюдениям о жизни коллективов Арагона: «Население, привыкшее к очень низкому уровню жизни, в большинстве не страдает от установленного режима»⁶¹⁰.

Говоря об анархистских коллективах, писатель пророчествовал: «Однако, через 2–3 месяца эти деревни ждет катастрофа»⁶¹¹. Этот прогноз, навеянный печальным опытом советской коллективизации, не сбудется.

Эренбург оценивал коллективизацию как либерал, мнение которого сформировалось по результатам коллективизации в СССР. Он не учитывал, что причиной катастрофы в советском селе было не самоуправление и коллективизм, а государственное давление и тотальное изъятие продовольствия.

Попытка полного обобществления собственности и ликвидации товарообмена в Арагоне столкнулись не только с трудностями в сфере обмена, но и с бригадным эгоизмом. Здесь, как и в городе, преуспевающие коллективы не хотели содержать «лодырей». По словам участника коллективизации Л. Мартина «каждая рабочая группа в конечном счете руководствовалась своим собственным интересом»⁶¹². Конкуренция внутри коллективов дополнялась конкуренцией между ними. Началось расслоение коллективов на преуспевающие и беднеющие. Но рыночные отношения, сохранявшиеся в коллективизированном секторе в тех или иных формах, всегда ограничивались и регулировались.

* * *

Работа коллективов Арагона координировалась Арагонским советом и Федерацией коллективов Арагона, в которую входило 24 кантональных федерации, 275 селений и 141430 человек⁶¹³. Арагонский совет направляет коммунам удобрения и семена (хотя и немного⁶¹⁴). В Арагоне анархистская модель предполагала наличие экономического центра, выполняющего роль социального государства.

Федерация располагала фондом продуктов, осуществляла связь с рынками, регулировала перетоки рабочей силы в случае возникновения ее излишков и недостатка, организовывала инновационный процесс и рациональное землепользование, вела культурно-просветительскую работу⁶¹⁵. Кантональные федерации поддерживали связи с промышленностью без торговых посредников. Крестьянские федерации и Арагонский совет вели самостоятельные внешнеторговые операции – например, торговали шафраном⁶¹⁶.

Крестьянским и профсоюзным организациям пришлось разрешать множество противоречий

⁶⁰⁹ Ibid.

⁶¹⁰ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.51.

⁶¹¹ Там же. Вообще, Эренбург – важный свидетель, потому что признает успехи испанских коллективов с большой неохотой. Он относится к модели коллективизации, предложенной анархистами, с высокомерием: «Надо, однако, сказать, что во всем этом больше невежества, нежели злой воли. Анархистов на местах можно переубедить. К сожалению, в ПСУКе мало людей, которые понимают, как надо разговаривать с анархистами» (ПСУК – испанское сокращение ОСПК). (АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.52.).

⁶¹² Fraser R. Op. cit. P.355.

⁶¹³ Leval G. Op. cit. P.83.

⁶¹⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.304. Л.8–9.

⁶¹⁵ Leval G. Op. cit. P. 84–85, 87.

⁶¹⁶ Листер Э. Указ. соч. С.177.

и конфликтов. Во-первых, между коллективами, частниками и государственными органами, которые за пределами Арагона по инициативе коммунистов уже с октября 1936 г. вставали на сторону единоличников и кулачества («неправомерно» экспроприированных). Во-первых, между производителями продовольствия и структурами сбыта, вынужденными учитывать интересы не только селян, но и горожан, не говоря уже о потребностях фронта. В-третьих, между экстремистами анархо-коммунизма и крестьянской массой, стремящейся к более мягкой коллективизации.

14-15 февраля 1937 г. в Каспе был проведен конгресс Федерации коллективов. В нем приняли участие 600 делегатов от 300 тысяч членов из 500 коллективов⁶¹⁷. «Это была значительная цифра, если учесть, что все население республиканского сектора Арагона составляло 500 тысяч человек⁶¹⁸. Фактически конгресс, на котором была основана Федерация коллективов Арагона, представлял большинство населения региона», – считает В. Дамье⁶¹⁹.

В ноябре 1937 г. была создана Национальная федерация коллективов, призванная координировать движение в масштабах всей Испании. Экономическое значение работы коллективизированного сектора для Испанской республики было очень велико. Коллективы производили около половины зерна, поступавшего в города Испании и на экспорт⁶²⁰.

Советский наблюдатель, критически настроенный в отношении системы коллективов, утверждал: «Раньше крестьянство находилось в плену у посредников. В настоящее время роль посредников взяли на себя деревенские комитеты контроля СНТ и отчасти УХТ, к которым крестьянство относится также враждебно, как и к старым посредникам»⁶²¹. Если бы враждебность была действительно такой же, то деревня была бы охвачена восстаниями против НКТ и ВСТ (испанские сокращения – СНТ и УХТ), как она восставала против системы, существовавшей до 1936 г. Этого не было. Несмотря на свою тенденциозность, критик указал на важную черту системы снабжения – организации профсоюзов заняли нишу, которую раньше занимали торговцы. Впрочем, это явление, как бы его ни оценивать, не было всеобщим. Член валенсийского провинциального комитета Федерации работников земли возмущался: «Громадное большинство посредников в деревне – это мелкие собственники, которым так помогает декрет 7 октября, они являются врагами прогресса и республики»⁶²². Имеется в виду принятый по инициативе коммунистов аграрный закон, который признал коллективизацию, но гарантировал и права частных собственников, которые не вошли в коллективы.

Город не мог удовлетворить запросы деревни в условиях войны, что делало неизбежным нарастание недовольства. Однако, в отличие от советской истории 1918–1933 гг., это не привело к существенным массовым выступлениям крестьян против анархистов, за исключением трех инцидентов (во всяком случае, только о них стало известно советскому консульству). В двух селах в результате крестьянских волнений и убийств анархистов коллективы были распущены⁶²³. Наибольшую известность приобрел третий инцидент – в феврале 1937 г. в небольшом селении Фатарелья между мелкими собственниками и анархистами произошло столкновение, крестьяне обезоружили анархо-радикалов, после чего анархисты прислали подкрепление и подавили

⁶¹⁷ Как мы видим, эти официальные данные различаются с цифрами, которые привел Г. Леваль. Это можно объяснить как некоторым «ростом рядов» в конце 1936–1937 гг., так и бесконтрольными «приписками».

⁶¹⁸ По другим данным – миллион (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.304. Л.7.).

⁶¹⁹ Концепция либертарного коммунизма. С.3.

⁶²⁰ Leval G. Op. cit. P. 155–156.

⁶²¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.12.

⁶²² «Adelante». 18.3.1937. АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.12.

⁶²³ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.11.

сопротивление⁶²⁴. В результате этих событий шокированными оказались сами анархисты, НКТ и ФАИ прикладывали теперь усилия к тому, чтобы ничего подобного не повторилось (и это им удалось).

Эти события «по полной» использовались противниками анархистов для их компрометации. И. Эренбург иронизировал, что селение теперь называют «ФАИтарелия»⁶²⁵. Однако исключительность событий показательна. В заявлении по итогам Фатарелии 19 марта ФАИ выступила за свободный выбор формы землепользования, хотя и выразила уверенность, что при этом коллективизация будет преобладать⁶²⁶.

Другим важным конфликтом стало «апельсиновое дело»⁶²⁷. НКТ и ВСТ создали в Леванте совет сельскохозяйственного экспорта и подготовили к вывозу за рубеж урожай, но из-за неблагоприятной международной конъюнктуры не смогла его продать. Когда апельсины, подготовленные на экспорт, начали гнить, правительство вмешалось. С согласия министра Х. Лопеса в начале 1937 г. был установлен правительственный контроль над внешней торговлей коллективов. Но крестьяне левантийских деревень Тульера, Альфара, Хатива и др. не желали упускать из своих рук экспортную продукцию и не допускали к ней правительственную комиссию. Правительство направило в район Кальера войска, им навстречу выдвинулась анархистская «Железная колонна». Произошли вооруженные столкновения, был провозглашен «фронт Виланеса». Конфликты произошли также в районах Сьюдад-Реаль и Альбасете.

После вмешательства НКТ обстановка разрядилась, и кооперативы сохранили право на экспорт своей продукции, которым, правда, не могли реально воспользоваться из-за внешнеэкономической конъюнктуры. Как видим, даже в случаях явных неудач профсоюзов в деле снабжения крестьянское самоуправление защищало систему коллективизации.

Решение о правительственном контроле над экспортом было лучше воспринято в Аликанте, Альмерии и Мурсии⁶²⁸. «Апельсиновое дело» скомпрометировало синдикалистов, но подтвердило – коллективы и профсоюзы оказались эффективными хотя бы в деле сбора урожая, что тоже немаловажно.

Массовую поддержку коллективизации и ее добровольный характер для большинства крестьян подтверждает и тот факт, что после поражения анархо-синдикалистов в столкновении с коммунистами в мае-августе 1937 г., когда никакой возможности применять насилие в отношении противников у анархистов уже не было, массовое движение аграрных коллективов продолжалось и даже расширялось.

В целом коллективизация дала хороший эффект и в масштабах всей страны. Положение с продовольствием весной 1937 г. заметно улучшилось, расширялись посевные площади, что признавали и противники анархистов⁶²⁹. Успехи и неудачи конкретных коллективов зависели от их лидеров, но в целом движение, явочным порядком ликвидировавшее налоговый гнет, латифундизм и мелкое парцеллярное хозяйство, показало свою жизнеспособность.

Подводя итоги испанской коллективизации, отметим, что она имела мало общего с коллективизацией в СССР. Можно согласиться с мнением исследователя арагонского аграрного эксперимента Г. Келси о том, что «несмотря на воздействие войны, угрозу международных санкций и противодействие основных политических групп, республиканского правительства и даже Национального комитета НКТ, арагонские сельские активисты нашли возможность в состоянии коллапса существующего социального и политического порядка организовать новое,

⁶²⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.292. Л.7.

⁶²⁵ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.5.

⁶²⁶ Там же. Л.21.

⁶²⁷ Там же. Д.49. Л.12.

⁶²⁸ Там же. Л.13.

⁶²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 206. Л.2.

* * *

В результате преобразований в Испании, прежде всего в Каталонии и Арагоне, возник новый сектор экономики, качественно отличавшийся как от капиталистического, так и от государственного – прежде всего развитой системой самоуправления и участия труженика в принятии производственных решений. Отрицательное отношение анархистской доктрины к «демократии» как многопартийной парламентской системе не помешало анархо-синдикалистам распространить демократию на сферу производства. Опираясь на профсоюзные структуры, анархо-синдикалисты и левые социалисты сделали практический шаг к ликвидации отчуждения производителя от средств производства. Но это был только шаг.

На место диктатуры менеджера пришла власть коллектива в лице его актива (прежде всего профсоюзных вожakov из структуры НКТ) и почти религиозное воздействие анархистских лозунгов, противодействие которым могло рассматриваться как контрреволюция. Однако влияние идеологии, разделявшейся значительной массой рабочих, играло и мобилизующую роль, в том числе на производстве.

Эффективность производства в социалистическом (коллективистском, синдикалистском) секторе оценивают по-разному. Но она и была различной, так как коллективистская экономика сама по себе была весьма многообразной. По словам Г. Джексона, «где сырье было доступно, где рабочие были горды и умелы в обслуживании своих машин, где благоразумная часть персонала симпатизировала революции, фабрика работала успешно. Где сырья было мало, где не могли найти запчастей, где соперничество НКТ и ВСТ разделяло рабочих, и где политические цели ставились выше работы, там коллективные предприятия терпели неудачи»⁶³¹.

Синдикалистская экономическая модель существенно отличалась от капиталистической или государственно-социалистической экономики не только по формальным признакам, но и в конкретных экономических проявлениях, например – в реагировании на кризисные условия. Так, например, кризис сбыта из-за потери рынков приводил не к росту открытой или скрытой безработицы, а к уменьшению рабочего дня. Инвестирование шло прежде всего не в индустриальные, а в культурные проекты. Обеспеченное синдикатами снижение цен на билеты в учреждениях культуры привело к массовому притоку зрителей⁶³². Благодаря революции многие рабочие и крестьяне впервые смогли посетить театр и кино. Количество детей, обучавшихся в школах Барселоны, возросло с июля 1936 г. по июль 1937 г. с 34431 до 116846⁶³³. Так закладывались основы культурного процесса, который даст результаты десятилетия спустя.

По словам Р. Фрезера, «несмотря на ошибки на практике, декрет о коллективизации (в Каталонии распространено мнение, что он повлиял и на послевоенный югославский эксперимент) остается революционным памятником промышленного самоуправления. Несмотря на большие трудности, включая ожесточенную междоусобную политическую борьбу, рабочий класс Каталонии сохранил коллективизированное производство на протяжении тридцати месяцев войны»⁶³⁴. При этом, по замечанию В. Ричардса, «еще никто из критиков не сообщил, что кто-то умер от голода»⁶³⁵. Зато после свертывания анархо-социалистических реформ голод начался и с особой силой проявился при франкистах.

⁶³⁰ Spain in conflict., 1931–1939. Democracy and its Enemies. L., 1986. P.77.

⁶³¹ Jackson G. The Spanish Republic and the Civil War 1931–1939. Princeton, 1963. P.283.

⁶³² Fraser R. Op. cit. P.224.

⁶³³ Thomas H. Op. cit. P.536.

⁶³⁴ Fraser R. Op. cit. P.234.

⁶³⁵ Richards V. Op. cit. P.59.

Однако модель самоуправления и производственной демократии, координируемой профсоюзами и полугосударственными общественными структурами, не устраивала представителей других политических сил. В 1937 г. это привело к резкому обострению политической борьбы в республиканском лагере.

Глава V Борьба за Мадрид и «военная демократия»

Город, нынешний город,
В твоём огромном чреве,
В недрах борьбы и трагедий,
Уже шевелится зародыш,
Будущее шевелится.

Рафаэль Альберти

Шах Мадриду

По данным Исполкома Коминтерна, на октябрь 1936 г. правительственные войска на всех фронтах насчитывали 120 тыс. человек, «но боеспособных имеется максимум 30 тыс. человек... Остальные силы представляют собою разрозненные зачастую батальоны»⁶³⁶. В сентябре республиканцы попытались отбить Талаверу. Город атаковала сводная группа под командованием полковника Хосе Асенсио, который был назначен командующим Центральным фронтом⁶³⁷. Но франкисты уже закрепились, и Асенсио был отброшен. Неудачей кончилась и попытка контрнаступления на Толедо 3 октября. В газетах, включая коммунистическую «Мундо обреро», царило «шапкозакидайство»⁶³⁸.

А 6 октября началось наступление франкистов под общим командованием Мола на Мадрид. Против столицы Франко сосредоточил все 10000 своей Африканской армии и еще 15 000 солдат и фалангистов. Их поддерживали 4 батальона итальянских танков. Войска Франко наступали двумя дивизиями (Ягуэ и Варелы), в каждой из которых действовали три колонны. Каждая колонна включала три компонента (как правило – по батальону), о качествах которых советские специалисты писали так: «Лучшими по боевым качествам были марокканцы, затем иностранный легион и, наконец, регулярные части»⁶³⁹. Кулик отмечал «высокую маневренность колонн мятежников, все время искавших открытые фланги республиканцев, старавшихся охватить эти фланги и, окружая отдельные колонны, разбить республиканцев по частям, зная, что республиканцы боятся за фланги»⁶⁴⁰.

Одновременно было предпринято второстепенное наступление через Сигуэнсу на Гвадалахару.

⁶³⁶ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.163.

⁶³⁷ Интересно, что в это время представитель Коминтерна В. Кодовилья высоко оценивал военное мастерство Асенсио (см. Коминтерн и гражданская война в Испании. С.134). Позднее, когда Асенсио станет заместителем Ларго Кабальеро по военному министерству, а компартия начнет кампанию против премьера, Асенсио будут обвинять во всех военных бедах.

⁶³⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.278. Л.205.

⁶³⁹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.518. Л.16.

⁶⁴⁰ Там же. Л.24–25.

Наступающим противостоял Центральный фронт – 30–40 тысяч⁶⁴¹ плохо вооруженных и в большинстве своем необученных бойцов.

Как писали советские военные советники о качествах республиканской армии в это время, «бойцы пехоты охотно шли в бой, но слабая подготовка не позволяла использовать высокий боевой дух республиканских пехотинцев»⁶⁴². Еще 10 тысяч республиканцев вообще не были вооружены. Советские специалисты сообщали, что «людей (бойцов) для фронта хоть отбавляй (нужно было десять бригад – 30000, а добровольцев набралось на 60000)»⁶⁴³. Главной проблемой на этом этапе была нехватка оружия. Оружие часто выдавалось побатальонно за 2–3 дня до выступления. Но часть бойцов после этого уходила в тыл. Состав некоторых колонн менялся до 8 раз⁶⁴⁴.

Поведение бойцов перед боем и в бою поражало советских специалистов: «Казалось при беседе с бойцами, что эти люди, решившиеся умереть, но не отступать. Между тем, при небольшом сравнительно нажиме противника, они отступали. Так происходит со всеми частями... Стреляют много и бесцельно, но когда противник атакует хотя бы небольшими силами, и его остановить неумелой стрельбой невозможно – отступают»⁶⁴⁵.

Оставшиеся на стороне Республики офицеры тоже не соответствовали требованиям современной войны: «офицерский состав малограмотен в военном отношении с глубоко вкоренившимися навыками рутины и бюрократизма»⁶⁴⁶. Это, кстати, давало и некоторый повод для оптимизма, потому что у франкистов были такие же офицеры.

* * *

Франкистам сопутствовал успех – 9 октября они окружили республиканско-анархистскую колонну «Либертад». Однако 11–12 октября республиканцы провели сильные контратаки в сторону Толедо, заняв Баргас, и колонна «Либертад» пробилась из окружения. 15 октября на республиканцев обрушились удары немецко-итальянской авиации, что произвело на республиканцев очень тяжелое впечатление. 22 октября фашисты начали бомбить Мадрид. 28 октября в бой вступили советские летчики.

17 октября пал Ильескас – полпути до Мадрида было пройдено. Здесь, на первой линии обороны Мадрида, командующий фронтом генерал Асенсио снова предпринял контрнаступление. 19 октября колонны Меры, Листера и Модесто атаковали Ильескас и Чапинерию, но были отброшены. Однако и франкисты на время были остановлены, что подняло дух республиканских войск. Оказывается, есть шанс на успешное сопротивление.

Сначала советские специалисты связывали с Асенсио некоторые надежды. Военный атташе в Испании В. Горев писал об нем 4 сентября: «Он по сравнению с другими неплохой командир, волевой, с опытом марокканской войны, организатор». Опыт марокканской войны потом будет ставиться Асенсио в вину – ведь он служил под началом Франко. Горев сопровождает свои похвалы оговорками: «Не особенный революционер, честолюбив. Если его как следует привлечь

⁶⁴¹ Там же. Л.3.

⁶⁴² Гражданская война в Испании: Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 – апрель 1937 года); П. Самойлов. Гвадалахара. СПб., 2006. С.46.

⁶⁴³ РГВА Ф.35082. Оп. 1. Д.282. Л.6.

⁶⁴⁴ Там же. Д.275. Л.14.

⁶⁴⁵ Там же. Д.278. Л.206.

⁶⁴⁶ Там же. Обращаясь к оценкам советских советников, не будем забывать, что и они сами не были эталоном объективности и эффективности. С их промахами и необъективностью мы будем сталкиваться не только при оценке политической ситуации, но и в связи с военными вопросами.

на свою сторону, из него выйдет толк. Но смотреть за ним нужно как следует»⁶⁴⁷.

Через месяц Горев был уже разочарован в Асенсио. Он резко критиковал его за то, что тот бросает в бой неподготовленное пополнение: «Асенсио – генерал генерального штаба, достаточно подготовлен, чтобы понимать, что такая мельница для малообученных резервов приведет только к истощению и к потере политико-моральных качеств войск. Однако все его операции начинались с того, что отдавался неплохой приказ, выполнение приказа никак не контролировалось, связь и взаимодействие отсутствовали, войска шли вперед, натыкались на оборону или на контрудар, останавливались. Белые вызывали авиацию, войска катились обратно, Асенсио доносил – фронт открыт, если не пришлете двух батальонов, за последствия не отвечаю»⁶⁴⁸. Впрочем, после отставки Асенсио с поста командующего фронтом операции республиканцев здесь проходили по такому же примерно сценарию – в том числе и тогда, когда в руководстве ими участвовали советские военные специалисты. Дело было не в Асенсио, а в ситуации. С подобной «мельницей» советское командование столкнется в 1941 г., когда придется бросать в бой необученные пополнения, лишь бы замедлить продвижение врага к столице.

21 октября Асенсио был заменен на посту командующего Центральным фронтом генералом Себастьяном Посасом, вскоре став фактическим заместителем Ларго Кабальеро по военному министерству.

А Посас продолжал жаловаться на обстановку: «В стране нет организованных и обученных войск, а наспех сформированные бригады несут большие потери». И все равно был вынужден бросать их в бой: «Резервы иссякли»⁶⁴⁹.

Советские специалисты докладывали: «На Мадрид белые наступали на узком фронте в 15–20 километров, не пытаясь широким охватом отрезать снабжающие пути и выход из города. Для такого охвата у них сил очевидно не хватает...» Поэтому франкистам приходится маневрировать и перегруппировывать силы для новых бросков, применения «тактики сосредоточения небольших кулачков и удара ими накоротке»⁶⁵⁰. Если бы франкистам противостояла несколько более подготовленная армия, они были бы разбиты. Но франкисты могли использовать неустойчивость правительственных войск и неумение наступать, поэтому, как казалось советским специалистам, не заботились о флангах. Однако проверка этой гипотезы показала, что она неверна.

26 октября первая линия обороны Мадрида была прорвана. Но тут в распоряжение республиканцев прибыла первая танковая рота из СССР. Советские военные советники включились в планирование военных операций, а при проведении некоторых из них осуществляли командование войсками. По замыслу советского военного советника Г. Кулика, нужно было бить по слабому правому флангу противника, чтобы задержать его и поднять моральный дух республиканцев.

29 октября 8–9 тысяч республиканцев под общим командованием Кулика предприняли фланговую атаку на Сесенью. Увы, замысел Кулика стал разваливаться с самого начала, о чем рассказывает сам комкор: «Бригада Листера запоздала с занятием исходного положения, и потребовалось мое личное вмешательство, чтобы заставить комбрига ускорять выполнение приказа; только один батальон был сосредоточен вовремя»⁶⁵¹. Советские танки тоже задержались, потому что их окружила восторженная толпа (включая и бойцов Листера). Танковая рота под командованием Армана (П. Тылтиня) сосредоточилась раньше и, не став дожидаться, пошла в атаку. 15 танков Т-26 прорвали фронт и рассеяли кавалерию, сконцентрированную здесь для удара в сторону Мадрида. Однако танки пошли дальше, а пехота их не поддержала. «Уцелевшие группы противника быстро оправались от замешательства, привели себя в порядок,

⁶⁴⁷ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.845. Л.6.

⁶⁴⁸ Там же. Л.7.

⁶⁴⁹ Родимцев А. И. Под небом Испании. М., 1968. С.23.

⁶⁵⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.275. Л.13.

⁶⁵¹ Там же. Д.518. Л.17.

встретили наступавшие за танками два батальона бригады Листера хорошо управляемым метким огнем и отрезали пехоту от танков»⁶⁵², – рассказывает Г. Кулик. Франкисты захлопнули «дверцу» за танками, отбив атаку Листера. Прилетели «Юнкерсы». Начался беспорядочный отход бойцов Листера, затем бегство. Вечером танки вернулись и с потерями в три танка прорвались через Сесенью назад⁶⁵³. Франкисты вообще быстро укрепляли свои позиции. «Всякий захваченный пункт немедленно превращался в крепость»⁶⁵⁴.

3 ноября на этом же направлении была предпринята новая контратака, но ее первоначальный успех не удалось развить из-за неорганизованности колонн Листера и Буэно⁶⁵⁵. 4 ноября участникам операции было приказано срочно двигаться к Мадриду – на западном направлении республиканцы были опрокинуты, и франкисты подошли вплотную к столице.

Дивизия Ягуэ 1 ноября взяла Брунете, отрезая Мадрид от гор.

Контратаки октября – начала ноября не пропали даром. Кулик считал, что к 6 ноября «противник также понес большие потери и был сильно измотан. Наступательный порыв его выдохся. Сказалось отсутствие второго оперативного эшелона у мятежников, им нечем было развивать успех»⁶⁵⁶. Впрочем, следующие дни показали, что наступавшая на Мадрид армия Мола все еще сохраняла силы и наступательный порыв. Однако счет шел на дни, оборона Республики крепла, и фланговые удары замедлили наступление на Мадрид.

Армия нового типа

Поражения остро поставили перед Республикой вопрос о военном строительстве. У республиканской армии было две крайности – самостийность на Арагонском фронте и бюрократизм и неповоротливость – под Мадридом. Генералитет республики при поддержке правых социалистов и коммунистов выступал за создание традиционной кадровой армии, а анархо-синдикалисты и левые социалисты – за милиционную организацию армии, в которой присутствуют начала самоуправления и демократии.

Преимущества регулярной армии прежде всего должны были обеспечить четкость и скоординированность командования. Но как раз здесь республиканские офицерские кадры демонстрировали неважную картину: «Органы управления армией (выше бригад и колонн) существуют только формально, штаб центрального фронта фактически никем не руководит. Никто его не слушается, и он в свою очередь никого не хочет слушать»⁶⁵⁷.

Конкурентом строго иерархической армии традиционного образца выступила вооруженная милиция. Она возникла в первые дни войны как реакция на переворот. Милиционные формирования выступили на фронт, когда регулярных частей у республики почти не было. Не настала ли пора реорганизовать армию «как у франкистов»? Но анархисты возражали – милиция, опирающаяся на сеть самоуправления в тылу, хорошо держит фронт в Арагоне. А переиграть франкистов на поле военных действий регулярных армий очень сложно – ведь там у них уже есть преимущество.

В итоге в Республике стала формироваться армия нового типа, сочетавшая принципы

⁶⁵² Там же. Л.18.

⁶⁵³ Там же. Д.518. Л.20.

⁶⁵⁴ Там же. Л.7.

⁶⁵⁵ Гражданская война в Испании: Действия на Центральном фронте... С.58.

⁶⁵⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.518. Л.32. Коллеги Кулика представили его в качестве воистину эпического героя: «Четыре дня подряд у Пинто, Хетафе, Леганес, Алькоркона, Карабанчель – Кулик один с танками отбивал атаки и отгонял белых с большими для них потерями» (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.275. Л.4.).

⁶⁵⁷ РГВА Ф.35082. Оп. 1. Д.282. Л.3.

милиционности на уровне подразделений и регулярности – на уровне управления частями.

По мнению Дуррути следовало также развернуть массовую партизанскую войну в тылу франкистов, создать несколько «махновских» армий и активно снабжать их оружием и боеприпасами. Советские специалисты в принципе поддерживали идею развертывания партизанского движения, но не «махновщины», а небольших управляемых из центра диверсионно-партизанских групп⁶⁵⁸. Были созданы специальные диверсионно-партизанские подразделения, насчитывавшие в марте 1937 г. около 600 человек. Удалось связаться с несколькими подпольными группами, которые, также как и переправленные через фронт группы, занимались преимущественно диверсиями на железных дорогах, нападениями на автомобили с солдатами, порчей линий связи и др. В горах восточнее Альбукерке действовал отряд под командованием Паскуаля и др., достигавший 400 бойцов. Но в феврале 1937 г. он потерпел поражение, и численность сократилась до 160 бойцов. Они уничтожили 6 грузовиков, разозлили франкистов, и те силами до 2000 бойцов 23–26 марта вытеснили партизан на республиканскую территорию. Существовали также еще две крупные по испанским меркам повстанческие группы – у Монтеррубано под Пособланко (180 бойцов) и Кампильо (к востоку от Сафры) во главе с местным социалистом (около 150 бойцов)⁶⁵⁹. Менее двухсот партизан отвлекают на себя две тысячи франкистов. Казалось бы – вот путь к изменению ситуации на фронте. Необходимо делать все для разжигания партизанской войны в тылу врага, формировать и поддерживать из всех сил крупные группы, делать ставку на них, а не на булавочные диверсионные уколы. Но организаторы борьбы в тылу врага (начальник разведуправления Генштаба подполковник Коэльо и советские специалисты) жалуются на «отсутствие регулярного снабжения оружием, имуществом и продовольствием» даже имеющихся групп – численностью в несколько десятков человек на целый фронт⁶⁶⁰. Ставка на широкое развитие повстанчества сделана не была, и воздействие этого движения на ход войны оказалось минимальным.

Франкисты изначально имели преимущество над республиканцами в дисциплине, а республиканцы – в энтузиазме бойцов. Перенесение центра тяжести на партизанскую войну в тылу Франко могло дать «асимметричный ответ» и на техническое преимущество фашистов, и на лучшую подготовку офицерских кадров Франко. Но свою роль в отказе от партизанской стратегии сыграли политические мотивы. Военное руководство и без того не доверяло возникшей в Арагоне и Каталонии «махновщине», чтобы создать еще несколько неконтролируемых партизанских зон и тратить на них ресурсы.

А. Марти, который был сторонником более активной партизанской войны, так характеризовал отношение к ней со стороны испанских коммунистов: «Наши испанские товарищи как бы боятся того, что не все население пойдет с ними, и что партизаны могут повернуть оружие против нас же»⁶⁶¹. Угроза «испанской махновщины», вышедшей за пределы Арагона и Каталонии, будет сковывать военную инициативу республиканского командования, что станет одной из важнейших причин поражения Республики.

В результате шанс был упущен. Уместно напомнить, что уже после падения республики, без опоры на свободную от франкистов территорию страны, в Испании развернулась партизанская война, которая активно продолжалась до конца 40-х гг.

* * *

⁶⁵⁸ Там же. Л.12.

⁶⁵⁹ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.991. Л.110–113; Там же. Д.1015. Л.6–8.

⁶⁶⁰ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.11. Даже эти руководители, которые не считали нужным разворачивать широкомасштабное партизанское движение, жалуются на «отсутствие помощи, а иногда и неблагоприятное отношение и препятствование специальной работе наших групп со стороны некоторых командующих фронтами и дивизий, на участке которых работают наши группы, объяснимое желанием этих командиров не беспокоить и жить бездействуя против противника, тихо и мирно».

⁶⁶¹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.18. Д.1117. Л.141.

30 сентября был принят декрет о преобразовании милиции в регулярную армию. Однако тогда эта мера была всего лишь переименованием – структура республиканских частей оставалась прежней.

15 октября Ларго Кабальеро начал реорганизацию армии, призванную усилить ее управляемость. Была введена единая военная повинность для мужчин в возрасте 20–45 лет. Был принят декрет о создании Генерального комиссариата. В части были направлены комиссары правительства, которые должны были поднять боевой дух и обеспечить неукоснительное подчинение приказам. Комиссары подчинялись генеральному комиссару Х. Альваресу дель Вайо и его заместителям, среди которых были не только представители республиканских партий, но и старый синдикалист Анхель Пестанья и анархист Хиль Рольдан.

Задачи комиссаров официально заключались в том, чтобы вдохновлять солдат примером в бою, проводить мобилизации на работы, преодолевать конфликты, бороться с провокаторами, обеспечивать бойцов всем необходимым, организовывать обратную связь бойцов с командирами, досуг и военную подготовку бойцов, разъяснительную политработу, работу с населением, поддержание дисциплины. Неофициально комиссары должны были приглядывать за комсоставом. Одним словом, и «рука правительства», и «отец солдатам», и завхоз, и пропагандист. На практике полномочия комиссаров были неопределенными, а качество их работы очень различным – это зависело от конкретного человека. Советские военные советники сообщали: «Отношения между командирами и комиссарами неплохие, но довольно неопределенные. Комиссары жалуются, что их недостаточно используют, а командиры – что комиссары вмешиваются в их дела»⁶⁶².

Решением 16 октября милиция и регулярные батальоны сливались в единые бригады. Батальоны милиции сохраняли свою демократическую структуру. 24 октября был принят дополнительный декрет о милитаризации милиции, который подтвердил, что ее бойцы должны войти в состав регулярной армии. Под влиянием Дуррути комитет НКТ отказался поддержать этот декрет⁶⁶³. В итоге милиция Арагонского фронта пока в бригады не вошла. Однако те бойцы, которые перемещались на Центральный фронт, вливались в формировавшуюся там смешанную систему бригад, в которые входили как обычные, так и милиционные батальоны (колонны).

Бригада по штату должна была иметь 4 батальона – 2500–3000 бойцов, но реально бывало и 800–1200, которые, однако, должны были удерживать участок фронта, предназначенный для бригады. Позднее 2–4 бригады объединялись в группу (дивизию), 2–4 дивизии – в корпус⁶⁶⁴. Численность республиканской дивизии примерно соответствовала численности франкистской бригады, а корпуса – дивизии⁶⁶⁵.

* * *

В начале ноября в Женералитате возникла идея отправить Дуррути на оборону Мадрида. Антонов-Овсеенко рассказывает об интриге, которая была разыграна, чтобы «сплавить» войска Дуррути в Мадрид, оставив прокоммунистические части в Каталонии. «Чтобы подбить Дуррути, инспирировано было нами заявление комдива им. К. Маркса о направлении этой дивизии под Мадрид (дивизию было трудно вывести из боя, и сверх того ПСУК не хотела, по политическим соображениям, снятия ее с каталонского фронта)»⁶⁶⁶. Второе соображение вернее – ведь вывести с фронта бойцов ОСПК (ПСУК) было не труднее, чем анархистов. Но коммунисты стремились отправить Дуррути под Мадрид, чтобы получить военное преобладание в Каталонии.

Вопрос обсуждался 6 ноября на совещании командиров и советских представителей.

⁶⁶² РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.287. Л.13.

⁶⁶³ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.56.

⁶⁶⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.483. Л.1а-2.

⁶⁶⁵ Там же. Д.483. Л.13.

⁶⁶⁶ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.61.

«Дуррути восстал против посылки под Мадрид подкреплений, жестко напав на мадридское правительство, „подготовившее (де) поражение“, назвал положение Мадрида безнадежным и заключил, что Мадрид имеет чисто политическое, а не стратегическое значение». Антонов-Овсеенко и Абад де Сантильян буквально уломали Дуррути⁶⁶⁷. Договорились, что анархисты дают 5000, коммунисты – 1000, остальные партии – 800 бойцов до 8 ноября⁶⁶⁸.

При этом Дуррути, по выражению Антонова-Овсеенко, «выкинул трюк»: призвал резерв, который был у анархистов безоружным, передал новобранцам ружья «Маузер», а бойцов, собравшихся под Мадрид, прислал в Барселону безоружными для получения оружия с правительственных складов. Дуррути требовал вооружения за счет тыловой жандармерии. Он снова перехватывал у коммунистов лозунг разоружения тыла, обернув его против силовых структур Женералитета. «Таким образом Дуррути добивался своего – не ослаблять Арагонского фронта», – комментировал Антонов-Овсеенко, – и «подрывает вооруженную опору нынешнего правительства в Барселоне»⁶⁶⁹. Согласимся, что стремление Дуррути «не ослаблять Арагонского фронта» вряд ли может быть поставлено ему в вину. Антонов-Овсеенко признает: «Мы с большим напряжением сорвали этот план»⁶⁷⁰ под предлогом, что он затягивал отправку под Мадрид. Однако и сам советский консул признает, что на самом деле отправку анархистов задержала также «испанская военспецкостность»⁶⁷¹, то есть бюрократическая неразбериха в штабах регулярной армии.

В итоге дивизия Дуррути выступила 8 ноября. Всего 6500 бойцов при 75 пулеметах и 12 орудиях. Еще 1000 анархистов были позднее отправлены вдогонку⁶⁷². Непосредственно с Дуррути двигалось 3000 бойцов⁶⁷³. На Центральном фронте действовала также анархистская бригада С. Меры, но отдельно от каталонских анархистов⁶⁷⁴. Часть сил Дуррути распределили по другим участкам, и под его непосредственным командованием осталось 3 тысячи бойцов⁶⁷⁵.

Баррикады Мадрида

Падение столицы могло иметь катастрофические военные, моральные и политические последствия для республики, но наступление Франко казалось неудержимым. Правительство отбыло из Мадрида в Валенсию. При этом Ларго Кабальеро допустил ошибку, которая потом

⁶⁶⁷ Там же. Х. Гарсиа Оливер утверждает, что выступил против посылки Дуррути в Мадрид: «Разве это я, случаем, послал его в Мадрид как простого командира колонны? Об этом тебе надо спросить у Федерики, Марианета, Сантильяна, которые вынудили его, практически в одиночестве, спасти Мадрид. А я возражал» (García Oliver J. Op. cit. P.336). Разумеется, Дуррути отправился в Мадрид не как «простой командир колонны», и спасал столицу не в одиночестве. Но разногласия по этому поводу в руководстве НКТ, видимо, имели место.

⁶⁶⁸ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.61.

⁶⁶⁹ Там же. Л.61–62.

⁶⁷⁰ Там же. Л.62.

⁶⁷¹ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.62.

⁶⁷² Там же.

⁶⁷³ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.845. Л.184.

⁶⁷⁴ Гарсиа Оливер упрекал Мэру после гибели Дуррути: «Дуррути остался весьма разочарованным тем, как вы с Валем приняли его в Комитете обороны... Правда, что твои силы не соединились с силами колонны Дуррути после их прибытия?» (García Oliver J. Op.cit. P.336.). Упреки Гарсиа здесь несправедливы, так как Мера действовал на другом участке фронта. Но важно отметить, что число анархистов под Мадридом не сводилось только к дивизии Дуррути.

⁶⁷⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.518. Л.41.

использовалась в агитации его противников. Советские специалисты отмечали «чрезмерно долгое пребывание правительства и генштаба в Мадриде, что при непосредственной близости противника вовлекало их во все детали борьбы города и почти полностью прекратило общегосударственную работу»⁶⁷⁶. Зато, когда накануне штурма Мадрида правительство все же уехало, министров стали обвинять в бегстве. Пикеты анархистов задерживали эвакуирующихся в Валенсию министров и генералов. «Сиприано Мера, в итоге ставший влиятельным милицейским командующим, позволял себе порицать задержанных, обвиняя их в том, что они оставили „народ“. Им позволили продолжать путь, не без споров»⁶⁷⁷. Все это произвело на республиканцев неблагоприятное впечатление. Авторитет правительства упал, казалось, что оно решило сдать столицу.

Командование войсками, оборонявшими Мадрид, перешло к генералу Хосе Миахе, который также возглавил Хунту обороны Мадрида. Она сосредоточила власть в городе и окрестностях. В Хунту вошли восемь представителей партий Народного фронта и анархистов. Советские военные специалисты отмечали пессимизм у генералов Миахи и Посаса. Ссылаясь на то, что за Франко сражаются свирепые марокканцы, они повторяли, что «с нашим народом воевать нельзя, что противник войдет поэтому в Мадрид»⁶⁷⁸. Миаха был вовсе не рад выпавшей ему роли. «В одной из комнатшек, сгорбившись, сидел старый, больной и подавленный событиями человек – генерал Миаха»⁶⁷⁹, – вспоминал И. Эренбург.

Но тут построенная по милиционному принципу республиканская армия, терпевшая неудачи в маневренной войне, в крупном индустриальном центре значительно усилилась. Здесь «запускался» тот же механизм восстания, который помог разгромить мятежников в крупных городах в июле 1936 г. Милиция, опершись спиной на улицы Мадрида, немедленно обросла местными жителями, снабжавшими ее к тому же всем необходимым: «Водители трамваев, сталкиваясь лицом к лицу с противником, превращали вагоны в баррикады, брали винтовки у раненых или убитых солдат, а часто просто кирки и лопаты – любое орудие, которым можно было убивать фашистов. То же самое делали парикмахеры, официанты, служащие. Все!.. Женщины, захватив кофе, коньяк и другие продукты, отправлялись на передовую, чтобы подкрепить ополченцев. Они говорили бойцам самые нежные и самые жестокие слова. Они обнимали храбрых и насмехались над теми, кто колебался... Каждый квартал города возводил свои оборонительные сооружения»⁶⁸⁰.

7 ноября франкисты под командованием Варелы пошли на штурм города силами 14–20 тысяч солдат. Осуществлявший общее командование наступлением генерал Мола заявил, что на город идут четыре колонны, и есть еще пятая – сторонники франкистов в самом Мадриде. Мола блефовал, но «пятая колонна» стала распространенным понятием.

Главный удар франкистов наносился через парк Каса-дель-Кампо. Франкисты атаковали пригород Карабанчель и мосты через Мансанарес. По советским оценкам, «действия противника 7 ноября и в последующие дни носили исключительно напористый характер вплоть до начала контрудара республиканцев 13 ноября»⁶⁸¹. А 8 ноября советская разведка докладывала: «В Мадриде продолжают работы по сооружению баррикад. Настроение в городе стало более спокойным и уверенным. Отмечается увеличение сопротивляемости правительственных войск»⁶⁸².

⁶⁷⁶ Там же. Д.278. Л.217.

⁶⁷⁷ Viñas Á. El escudo de la República. P.173.

⁶⁷⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.278. Л.205.

⁶⁷⁹ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.583.

⁶⁸⁰ Листер Э. Указ. соч. С. 96–97.

⁶⁸¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.518. Л.40.

⁶⁸² РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.845. Л.174.

Столицу обороняли 10 колонн милиции и только что сформированных бригад – примерно 30000 бойцов. В первые дни сражения в Мадрид прибыла недавно сформированная 11-я интербригада под командованием Э. Клебера (М. Штерна) – первое формирование интернационалистов (около 1900 бойцов). 11 ноября в город прибыла колонна Дуррути и 12-я интернациональная бригада под командованием П. Лукача (М. Залка) (правда, в неполном составе – только 1600 бойцов).

Поскольку решающую роль в создании интербригад играли коммунисты, в советской литературе их значение и непобедимость, как правило, преувеличивались. Эта легенда стала создаваться сразу после боев, что имело негативные последствия для республиканцев. Как сообщал позднее полковник К. Сверчевский (комдив Вальтер), «факт беззастенчивого возведения Клебера в звание „спасителя“ Мадрида, а тем самым и Испании, является на мой взгляд одним из наиболее серьезных доказательств неправильного понимания роли интерчастей. Клебером мы нанесли незаслуженное оскорбление героическому испанскому народу, который, видите ли, без нас, кучки „варягов“, не способен организовать себя и найти силы для защиты собственной страны и независимости»⁶⁸³. Сверчевский здесь не учитывает, что возвеличивание интебригад должно было «приподнять» роль коммунистов вообще, а заодно и затушевать вклад анархистов и других течений. «Клебер явился грубым вызовом той части старого офицерства, которое осталось верным республиканцам, и не только Миаха или Рохо, но и целый ряд других менее видных профессионалов по сей день не могут равнодушно слышать упоминание его имени»⁶⁸⁴. Клебер и Лукач были названы генералами для пущего авторитета, но это скорее сыграло против них. Вопрос о званиях был болезненным. Командиров из милиции независимо от занимаемой должности нельзя было производить даже в подполковники – такая уступка была сделана кадровым офицерам, которым не нравилось, что их обгоняют «выскочки» из гражданских⁶⁸⁵.

К чести интербригадистов нужно сказать, что их тоже смущала кампания восхваления. На совещании политкомиссаров Центрального фронта представитель 11-й интербригады Николетти говорил: «Роль и значение интербригады в боевых действиях были преувеличены. Некоторые даже заявляли, что успех обороны Мадрида обязан исключительно интербригаде»⁶⁸⁶. Возвеличивание интербригад было и на руку Франко-он вел «войну с чужеземцами».

Характеризуя республиканские силы в закрытых отчетах, советские военные специалисты отмечали: «Боеспособность этих бригад, включая интернациональные, минимальная»⁶⁸⁷.

К. Сверчевский продолжает: в республиканской пропаганде «исчезли герои милиционеры, которые почти с голыми руками сдерживали натиск фашистских орд на Мадрид...» и даже 5-й полк, не говоря о Миахе, Рохо, Бурильо и др.⁶⁸⁸ Миахе, впрочем, было грех жаловаться – его, примкнувшего к коммунистам, вскоре тоже стали возвеличивать как спасителя Мадрида. Генералу это нравилось – как писал о Миахе Р. Малиновский, «Правда, старик любит славу, но кто из испанцев не любит славы и популярности?»⁶⁸⁹.

⁶⁸³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.490. Л.6.

⁶⁸⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.490. Л.6. Доходило до того, что в декабре 1936 г. одна из газет приписала Клеберу победу над Колчаком (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.490. Л.7.).

⁶⁸⁵ «„Генералы“ Клебер, Гомец и Галл неоднократно служили испанцам темой для многочисленных анекдотов, острот и возмущения», – писал Сверчевский (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.490. Л.10.). Сам Клебер тоже критиковал его «производство в генералы», которое произошло по инициативе руководства компартии, рекомендовавшего его для работы в республиканской армии как ценного иностранного специалиста (Коминтерн и гражданская война в Испании. С.327).

⁶⁸⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.287. Л.9.

⁶⁸⁷ Там же. Д.282. Л.2.

⁶⁸⁸ Там же. Д.490. Л.7.

⁶⁸⁹ Там же. Д.483. Л.75.

Современные авторы, даже негативно относящиеся к коммунистам, наследуют у них основные мифы об испанской войне. Так, С. Ю. Данилов утверждает: «За три самых напряженных дня фронтального штурма столицы единственным подкреплением, полученным республиканцами, стала 11-я и 12-я интернациональные бригады (в совокупности – 8000 штыков)»⁶⁹⁰. Но 12-я интербригада прибыла несколько позднее, одновременно с дивизией Дуррути, численность которой здесь просто «приписана» интербригадам. В самые напряженные периоды битвы за Мадрид – 7–13 и 15–17 ноября, ситуацию спасали не только интербригады.

Впрочем, среди советских историков при всем прессинге цензуры были серьезные исследователи, которые высказывались более осторожно: «В ноябре 1936 г. в боях под Мадридом участвовало всего 3–4 тыс. солдат интернациональных бригад, которые, разумеется, не могли решить исход этой битвы»⁶⁹¹. Хотя совокупные подкрепления (интербригады и анархисты) уже выглядят более весомой «прибавкой».

Не будем, впрочем, впадать в другую крайность и отрицать важную роль интербригад. Во-первых, многие ее бойцы имели боевой опыт – как правило, Первой мировой войны. Во-вторых, в критической ситуации равновесия сил подкрепления оказывались важнейшими гирьками на чаше весов. Их бросали в мясорубку решающих пунктов сражения. И там они действовали плечом к плечу с анархистами.

Советский военный специалист Мокроусов, непосредственно наблюдавший действия дивизии, докладывал: «Они храбры, не трусы, но недисциплинированны и, по-видимому, в первых боях с технически оснащенным противником будут сдавать. Пока не привыкнут к самолетам и танкам. Над самим Дуррути нужно много работать, у него есть много черт махновских. Поэтому можно дать директиву Мадриду, чтобы к нему был приставлен наш хороший товарищ, который смог бы с ним сработаться, а главное сдружиться»⁶⁹². Эта характеристика подтверждает, что у коммунистов были к Дуррути идеологические претензии, но качество его войск находилось примерно на том же уровне, что и остальных республиканцев под Мадридом.

В действительности в боях за Мадрид партийная окраска колонн стала стираться. Как вспоминает боец анархистской колонны Рошаля М. Карабаньо, они стали подчиняться ближайшему к их позициям штабу, даже не поинтересовавшись партийной принадлежностью его офицеров⁶⁹³.

Республиканское командование бросало под Мадрид все вновь сформированные бригады. Советские специалисты считали, что из них следовало создать кулак, которым ударить все по тому же правому флангу противника. Но создать такой кулак не удалось, так как Миаха «в приступах паники» втягивал все силы в Мадрид и даже заворачивал колонны, которые уже готовились для контрудара⁶⁹⁴.

Советский военный советник Колпакчи настаивал: «Я понимал и сейчас держусь того же мнения, что решающее воздействие на исход операции под Мадридом мог оказать только организованный ввод в бой этих бригад резерва против открытого правого фланга противника, наступавшего на узком фронте на Мадрид»⁶⁹⁵. Правда, он тоже понимал, что войска мадридского фронта «не способны совершенно к наступлению и не устойчивы в обороне»⁶⁹⁶. Но обороняться,

⁶⁹⁰ Данилов С. Ю. Указ. соч. С.99.

⁶⁹¹ Прицкер Д. П. Указ. соч. С.169.

⁶⁹² РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.275. Л.23.

⁶⁹³ Fraser R. Op. cit. P.266.

⁶⁹⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.518. Л.44.

⁶⁹⁵ Там же. Д.278. Л.199.

⁶⁹⁶ Там же. Л.199.

опираясь на Мадрид, республиканцы научились, и теперь Миаха не был расположен рисковать судьбой пусть неустойчивой, но все же имевшейся обороны Мадрида ради сомнительного флангового наступления.

Для флангового удара удалось собрать только 17 батальонов вместо запланированных 32⁶⁹⁷. Общая численность резерва составляла на 8 ноября 15–18 тыс. бойцов. 13 ноября силами этого кулака и соседних частей республиканцы нанесли фланговый удар на высоты Эль Серо де лос Анхелес восточнее Хетафе, что заставило франкистов прекратить на время атаки на Мадрид. Направление удара было выбрано неудачно, франкисты зацепились за каменную гряду высот и отбились. Авиация не поддержала республиканцев⁶⁹⁸.

После этого была предпринята новая, пожалуй, самая опасная попытка франкистов прорваться в Мадрид. 15 ноября Варела после сильной артиллерийской подготовки и авиационных ударов нанес основной удар по Французскому мосту, выбил с него анархистов и прорвался в Университетский городок. Это было начало нового штурма. Но анархисты продолжали оказывать ожесточенное сопротивление марокканцам, и франкисты к концу дня смогли пройти только несколько сот метров. Это позволило подтянуть резервы – 4-ю бригаду и 1-ю интербригаду. В парке Монклоа и в Университетском городке развернулись ожесточенные бои. Городок мог превратиться в брешь, через которую Варела надеялся прорваться в Мадрид. 16 ноября интербригада попыталась пробиться к Французскому мосту, но безуспешно. Однако мост простреливался республиканцами, и франкисты подвозили подкрепления и боеприпасы по нему на танкетках. В этих боях 1-я интербригада потеряла треть состава и была заменена 2-й, подошедшей в Мадрид 17 ноября⁶⁹⁹.

Авангард марокканцев двинулся через площадь Монклоа на улицы Калье-де-ла-Принцесса и Пасео-де-Росалес. Это было очень опасно – достаточно было пройти эти улицы, чтобы оказаться на площади Испании – в самом центре Мадрида. Но контрударом Дуррути авангард марокканцев был уничтожен. Анархисты вернулись на площадь Монклоа. Сюда прибыл и генерал Миаха, который лично принял участие в баррикадных боях. К этому времени генерал уже приободрился и, по словам Р. Малиновского, «своим сварливо-шумливым характером подбодрял каждого, вселяя веру в защитников Мадрида...»⁷⁰⁰.

17 ноября стало ясно, что у Варелы больше нет сил, чтобы выйти за пределы университетского городка и даже захватить его целиком. Однако атаки на Монклоа с помощью танкеток продолжались до 25 ноября⁷⁰¹.

19 ноября был смертельно ранен Дуррути. Пуля поразила его в момент затишья, что породило множество слухов. В гибели прославленного вождя обвиняли и агентов франкистов – «пятую колонну», и анархистов, которым не нравилась дисциплина, насаждавшаяся командиром, и коммунисты, которые хотели устранить популярного конкурента. Роста влияния Дуррути мог опасаться также Миаха и другие члены Хунты обороны Мадрида, на что намекает Гарсиа Оливер, рассказывая о планах назначения Дуррути главой Хунты⁷⁰².

Но все эти версии имеют слишком мало доказательств, а гибель командира во время сражения, на линии огня, мало похожа на результат заговора. Журналист Э. де Гусман, опросивший свидетелей сразу после гибели Дуррути, утверждает, что выстрел прозвучал с

⁶⁹⁷ Там же. Д.518. Л.45.

⁶⁹⁸ Там же. Д.278. Л.196.

⁶⁹⁹ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.845. Л.195–211.

⁷⁰⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.483. Л.76.

⁷⁰¹ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.845. Л.214, 222.

⁷⁰² García Oliver J. Op. cit. P.336.

позиций противника, находившихся примерно в 500 метрах⁷⁰³.

И. Эренбург, находившийся тогда в Испании, считает, что «его смерть была большим ударом по всем силам республиканцев»⁷⁰⁴. Похороны Дуррути, скончавшегося 20 ноября, вылились в грандиозную демонстрацию – в последний путь его провожало около 200 тысяч человек, что свидетельствует о высоком авторитете анархистов в Мадриде – что бы потом ни писали об их «трусости» коммунистические авторы и их либеральные эпигоны. По свежим следам вклад дивизии Дуррути в оборону столицы был по достоинству оценен мадридцами⁷⁰⁵.

Таким образом, решающую роль в обороне Мадрида сыграли милиция; интербригады и дивизия Дуррути, действовавшие в самых опасных местах; а также советские военные специалисты, прежде всего – летчики, давшие отпор немецким и итальянским асам.

Ожесточенные бои под Мадридом шли до 23 ноября. В ноябрьской битве за Мадрид погибло более 10000 человек. Франкистам не удалось взять столицу. «Но результатом этого было лишь то, что война продлилась еще два с половиной года вместо того, чтобы закончиться, возможно, через четыре месяца с небольшим»⁷⁰⁶, – грустит адвокат франкизма Л. Пио Моа.

Республика была спасена и доказала всему миру, что может сопротивляться. И это имело всемирно-историческое значение. Впервые наступлению фашизма на Европу был дан вооруженный отпор. Это было начало общеевропейской борьбы, которая закончилась победой в 1945 году.

Глава VI Поляризация

Оглядываясь теперь на прошлое, я вижу, что первая половина года была решающей.

Илья Эренбург

Два полюса

Остановив противника под Мадридом, республиканцы могли передохнуть. Но эта передышка от осеннего напряжения, сплочения всех сил, открывала дорогу для выхода на политическую поверхность принципиальных политических противоречий, разделявших силы широкой антифашистской коалиции. Причем полюсами этого противостояния были не правое (либеральное) и левое крылья коалиции, а две ее крайне левые силы – коммунисты и анархо-синдикалисты.

Коммунисты понимали, что основная сила, способная противостоять им в республиканском лагере – это анархо-синдикализм. Выступая в октябре на секретариате ИККИ, А. Марти говорил: «Налицо только две силы: анархисты и коммунисты. Социалисты отошли на задний план вследствие внутренних раздоров и не способны взять в свои руки инициативу. В общем, анархистские профсоюзы пользуются не меньшим влиянием, чем профсоюз Кабальеро»⁷⁰⁷. Несмотря на то, что влияние лидеров и структур ИСРП было все еще велико, в главном Марти был прав – за каждой из фракций социалистов стояла более решительная сила с ясной концепцией революции. Республика могла двигаться по двум расходящимся направлениям –

⁷⁰³ Fraser R. Op. cit. P.269.

⁷⁰⁴ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.565.

⁷⁰⁵ По завершении сражения за Мадрид Хунта обороны стремилась вывести анархистов из столицы. Часть их была направлена в анархистскую бригаду Меры, часть отправилась назад в Арагон.

⁷⁰⁶ Pío Moa L. Op. cit. P.342.

⁷⁰⁷ РГАСПИ. Ф.495. Оп.18. Д.1117. Л.123.

самоуправленческому или авторитарно-этатистскому.

Влияние КПИ быстро росло. Численность КПИ к середине 1937 г. возросла до 250 тысяч членов. Быстро росла и прокоммунистическая ОСПК – за шесть месяцев выросла с 10 до 43 тыс. членов.

С одной стороны, коммунисты имели имидж радикальности и решительности. С другой стороны, они выступали за укрепление государственных структур, что в условиях войны расценивалось как «реализм» (в сравнении с анархистами). Это сочетание приводило в ряды КПИ политически активных радикально настроенных революционеров, которых не устраивала теория и практика анархо-синдикализма. Организованность и деловитость компартии импонировала сторонникам «порядка», даже если они были далеки от социалистических идей.

Усиление влияния коммунистов было связано не только с их организованностью и дисциплиной, но и с военной помощью Советского Союза, в обмен на которую испанская демократия готова была терпеть усиленную инфильтрацию КПИ и ОСПК в государственные, особенно в силовые структуры. А это, к тому же, давало людям, примкнувшим к коммунистам, хорошие перспективы для карьеры, для защиты от революционности масс. Советские дипломаты признавали: «Рост партии идет в непропорционально большей степени за счет крестьян, мелких торговцев и ремесленников, чем за счет рабочих»⁷⁰⁸. Посол Л. Гайкис отмечал рост влияния компартии «среди значительной прослойки мелкой буржуазии города и деревни, для которой партия является гарантом революционного правопорядка и законности»⁷⁰⁹. Если у мелкого лавочника есть партбилет компартии, то его уже не отнесут к «фашистам». Партийный билет был сертификатом лояльности, даже если революция станет более радикальной. Но пока лидеры коммунистов могли демонстрировать умеренный курс, соответствовавший линии Коминтерна и СССР. Кремль заложил руль направо, к умеренности, консолидации республики и союзу с Францией.

Государства Запада не могли спокойно смотреть, как рядом с ними усиливается влияние прокоммунистической державы. Сталин пытался успокоить их, демонстрируя в Испании умеренность коммунистической политики.

Отказ коммунистов от поддержки создания Советов в Испании имел и другую причину – недостаточное влияние компартии в среде рабочего класса. Еще 23 июля 1936 г., выступая на секретариате ИККИ, Г. Димитров сказал: «Нельзя ставить на данном этапе задачу создания Советов и стараться установить диктатуру пролетариата в Испании... Когда наши позиции укрепятся, мы сможем пойти дальше»⁷¹⁰. Поддержка Советов в условиях растущей революционной волны привела бы к тому, что коммунисты оказались бы в этих органах в заведомом меньшинстве. Государственный и военный аппарат давал более надежные политические перспективы коммунистам, а умеренный политический курс должен был успокоить Францию.

Тогда же Димитров начал формулировать новую тактику захвата власти в Испании через армию: «Если бы удалось взять гарнизон в центре, мы могли бы по-болгарски и по-гречески в 24 часа создать переворот, свергнуть правительство Асанья рано утром, издать манифест нового правительства, настоящего республиканского демократического правительства и т. д.»⁷¹¹. Димитров предлагает провести «очистку» армии, а не заменять ее милицией. Милиционная система, таким образом, оказалась препятствием для взятия власти через армию. С началом войны КПИ стала «воюющей партией», насыщавшей армию и особенно командный состав своими кадрами. Однако развитие событий оказалось менее динамичным, чем казалось в июле.

Руководство СССР и Коминтерна решило поддержать «парламентский путь» революции в Испании. В письме к Ларго Кабальеро от 21 декабря 1936 г. руководители ВКП(б) отмечали:

⁷⁰⁸ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.9.

⁷⁰⁹ Там же. Л.47.

⁷¹⁰ РГАСПИ. Ф.495. Оп.18. Д.1101. Л.14.

⁷¹¹ Там же. Л.22–23.

«Вполне возможно, что парламентский путь окажется более действенным средством революционного развития в Испании, чем в России»⁷¹².

В Испании отработывался вариант прихода к власти коммунистов в условиях сохранения парламентских институтов. Впоследствии этот вариант будет успешно воплощен в жизнь в Восточной Европе⁷¹³. Это направление «революционного развития» предполагало укрепление влияния коммунистов в аппарате власти (прежде всего в армии и силовых ведомствах), создание правящей группы на основе компартии и части социалистов и либералов, готовых ориентироваться на Москву. Этот постепенный переворот включал чистки против противников правительства, слияние компартии с очищенными от оппозиции социалистическими партиями, сохранение также «очищенных» немарксистских партий в управляемом коммунистами «фронте», своего рода «комсомоле для взрослых».

Такой путь мог обеспечить создание коммунистического режима без открытого переворота, разрушения республиканских институтов. Однако для успеха такого сценария существовало одно важнейшее условие: структуры самоорганизации трудящихся должны быть лишены реальной власти, которую они получили в ходе революции.

Такой курс на начальной фазе его проведения предусматривал сплочение вокруг КПИ единой «партии порядка», требовал от коммунистов гораздо большей умеренности, чем прежде. Такая позиция сделала их союзниками правого крыла социалистов («центристов» ИСРП) и либералов-республиканцев. Началось сближение компартии с президентом Асаньей, что будет иметь далеко идущие последствия. Асанья быстро оценил начавшиеся в КПИ сдвиги и уже в сентябре заявил: «Если вы хотите иметь правильную оценку положения, если вы хотите видеть людей, которые знают, чего они хотят, читайте „Мундо обреро“»⁷¹⁴ (то есть – издание коммунистов).

Очевидно, что превращение Испании в тринадцатую республику СССР не устраивало в Республике почти никого, в том числе и либералов, правых социалистов и каталонских националистов. Но в это время все они больше опасались анархистов у себя под боком, чем Сталина в далекой Москве. За различием в отношении к советскому присутствию скрывалось различное отношение к революции, которое и разделяло два лагеря Республики. При этом социал-либералы не понимали, что к тоталитаризму можно прийти не только путем революционного взрыва, но и с соблюдением «внешних приличий» и видимой легальности. Они полагали, что КПИ следует в фарватере их умеренной политики, хотя на деле способствовали укреплению позиций будущей «народной демократии» (употребляя восточноевропейский термин 40-х гг.).

Лозунгом КПИ стало: «Сначала война, потом революция». Однако за этим стояло недовольство именно той революцией, которая разразилась в июле 1936 г. Другая революция, основанная на национализации, коммунистов вполне устраивала, они готовы были уже сейчас проводить меры, направленные на огосударствливание экономики. То, что для либералов и правых социалистов казалось временной данью войне, для коммунистов было дорогой к социализму. Курс на централизацию и милитаризацию общества диаметрально противостоял стремлению анархистов и левых социалистов укрепить общественное самоуправление.

Областной пленум ФАИ 8 декабря 1936 г. принял резолюцию, в которой требовал «ликвидировать паразитическую бюрократию, значительно возросшую в настоящее время как на фабриках, так и в мастерских, равно как и в муниципальных органах государства»⁷¹⁵. Таким образом, революция должна быть направлена против бюрократии, в том числе республиканской. А это не устраивало как либералов и правых социалистов, так и коммунистов, стремившихся к

⁷¹² Война и революция в Испании. М., 1968. Т.1. С.419.

⁷¹³ См.: Шубин А. В. СССР и режимы «народной демократии». // Тоталитаризм в Европе в XX веке. М., 1996. С. 388–393.

⁷¹⁴ РГАСПИ. Ф.495. Оп. 18. Д.1117. Л.128.

⁷¹⁵ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.71.

огосударствливанню, этатизации экономики.

«Фрагуа социаль» 13 марта 1937 г. прямо выступила против лозунга компартии «Первым долгом надо выиграть войну». Надо разъяснить, ради чего победа: «для перестройки буржуазно-демократической республики, для установления пролетарской диктатуры или для организации свободного коммунизма... Скрывать это намерение – худшая форма пораженчества»⁷¹⁶.

Отказ от социальной революции до конца войны, который проповедовали коммунисты, был несовместим с уверенностью анархистов в том, что именно эти революционные преобразования обеспечат левым силам поддержку населения, необходимую для того, чтобы выиграть войну. «Пролетариат не может и не должен прерывать начавшийся процесс революции, который сейчас является гарантией успеха в войне против фашизма...» – говорится в документах НКТ⁷¹⁷. Уже в декабре 1936 г. «Солидарidad obrera» критиковала коммунистов за лозунг «сначала выиграем войну»⁷¹⁸. Анархисты считали, что в случае отказа от глубоких преобразований массы не будут понимать, за что они сражаются.

Именно против анархо-синдикалистов были направлены директивы Исполкома Коминтерна (ИККИ), призывавшие «решительно бороться против авантюристического прожектерства, направленного к созданию нового общества...»⁷¹⁹.

А ведь анархо-синдикалисты превратились в большую силу. В целом по Испании численность НКТ достигла миллиона членов, а в 1938 г. – двух с половиной миллионов⁷²⁰. Наибольшее количество членов НКТ трудилось в Каталонии – около 600 тыс. членов. В ВСТ было 475 тыс., в Союзе арендаторов – 40 тыс., в Федерации трудящихся деревни – 80 тыс. членов⁷²¹.

Характеризуя ситуацию в Каталонии, советский консул В. Антонов-Овсеенко писал: «Свыше половины рабочих – в рядах НКТ, которая располагает гораздо более солидными, энергичными и толковыми кадрами, чем ВРС»⁷²² (имеется в виду ВСТ).

Политика сотрудничества НКТ с другими силами предполагала сближение с ВСТ (этого требовали и решения съезда в Сарагосе). Синдикалисты вообще предпочитали союзу с партиями союз с профсоюзами как родственными организациями. В профсоюзах влияние партийной идеологии было слабее, а задачи непосредственной защиты нужд трудящихся выражались рельефнее. Ряд союзов ВСТ тяготели к НКТ. 22 февраля 1937 г. арагонские организации НКТ и ВСТ заключили договор о сотрудничестве, который был основан на идее политического плюрализма: «если взять в расчет различие в программах разных секторов антифашистского фронта, ...попытка внедрить ограниченный тип экономического и политического устройства была бы самоубийственна и фатальна для нашей борьбы»⁷²³. Анархо-синдикалисты высказывались за слияние профсоюзов в масштабах страны. ВСТ не возражал против такой постановки вопроса, но каждый раз сближение прерывалось из-за разнообразных частных конфликтов. Министерство внутренних дел даже предлагало создать согласительную комиссию двух профцентров, но ВСТ

⁷¹⁶ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.3.

⁷¹⁷ IISH. Paquete 36. D1, doc. «La socialización...» P.3.

⁷¹⁸ Thomas H. Op. cit. P.525.

⁷¹⁹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.20. Д.262. Л.99.

⁷²⁰ A. Souchy Bauer. With the peasants of Aragon. Minneapolis, 1982. P. 25.

⁷²¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.2.

⁷²² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.52.

⁷²³ Ибаррури Д. Указ. соч. С.296.

отклонил это предложение⁷²⁴.

В то же время анархо-синдикалисты не скрывали, что сближение с ВСТ «представит более безопасный путь к полному вытеснению политических партий или хотя бы значительному ослаблению влияния центризма, которое усиливается в недрах ВСТ»⁷²⁵. Перспектива вытеснения не радовала этатистов в ВСТ. В марте 1937 г. коммунисты отметили «опасное сближение СНТ и УХТ⁷²⁶, которое наметилось в последнее время, – сближения под гегемонией анархистов»⁷²⁷.

* * *

Коммунистические руководители возмущались ситуацией, сложившейся в синдикализированном секторе. Выступая на заседании секретариата ИККИ 7 марта 1937 г., А. Марти так характеризовал ситуацию в экономике Испании: «Предприятия. – Кто ими руководит? Профсоюзы – каждый за себя, без плана, как заблагорассудится. Промышленность „синдикализирована“ по анархистскому образцу. Каждое предприятие работает не только без плана, но и без отчетности»⁷²⁸. Последнее обстоятельство для коммуниста казалось, конечно, возмутительным. Но с коммунистической логикой соглашались и либеральные деятели Республики, которые, казалось бы, должны были отстаивать свободу предприятий и критиковать НКТ с противоположных позиций – за регулирование. Ан нет, республиканцы заражаются от коммунистов этатизмом, начинают движение в идейном фарватере коммунистов. Действительно, теперь только государство может защитить собственность от экономической демократии. «Национализация существует на бумаге, но почти не проводится на практике, – продолжал Марти. – Разумеется, можно не касаться предприятий, принадлежащих иностранцам, можно сохранить за ними некоторые права, но в общем и целом национализация является единственным средством для преодоления существующей анархии»⁷²⁹.

Выступая по радио 1 января 1937 г. с изложением линии КПИ, Д. Ибаррури заявила, в частности: коммунистическая партия считает необходимым, «чтобы правительство... пользовалось всей полнотой власти, и чтобы все граждане и организации уважали решения этого правительства и его органов, подчинялись им и выполняли их». Также Пасионария выступила за национализацию основных отраслей промышленности и руководство ею из единого центра⁷³⁰.

КПИ выступала за установление со временем режима, подобного тому, который существовал в СССР. Но сталинский режим выдавался за образец демократии: «Вся Испания никогда не забудет братских слов великого Сталина – отца советской демократии, обращенных к испанскому народу», – писала Д. Ибаррури⁷³¹. Конечно, романские коммунисты (это касается не только испанцев, но и многих эмиссаров Коминтерна), не считали нужным копировать путь к социализму СССР. Но результат, достигнутый в Стране Советов, в это время вполне устраивал их в качестве образца.

Анархистская пресса остро критиковала коммунистов за «желание пробраться на все

⁷²⁴ IISH. Paquete P 61 ... P3.

⁷²⁵ IISH. Paquete 6 °C 1 Acuerdos de Pleno Nacional...

⁷²⁶ НКТ и ВСТ.

⁷²⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.17.

⁷²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 206. Л.1.

⁷²⁹ Там же. Л.2.

⁷³⁰ Ибаррури Д. Воспоминания. Т.1. С. 360–361.

⁷³¹ Ибаррури Д. Речи и статьи. 1936–1938. М., 1938. С.24.

командные посты»⁷³². «Хозяева Компартии не должны удивляться, если, когда они пытаются неподобающим образом действовать на почве, непривычной для их пропагандистских способностей, несмотря на нашу большую симпатию, они получают наилучшим образом по голове»⁷³³, – иронизировала анархистская «Фрага социаль» 31 марта 1937 г. и продолжала тему 18 апреля: «Испанский пролетариат не похож на немецкий или русский, какой бы ни была наша симпатия к антифашистам этих стран»⁷³⁴. Острые этих высказываний направлено против СССР и Коминтерна.

Выступая на массовом митинге 20 сентября 1936 г., Лопес говорил: «Имеется одна партия, которая хочет монополизировать революцию. Если эта партия будет продолжать свою линию, мы решили ее раздавить. В Мадриде находится иностранный посол, вмешивающийся в испанские дела. Мы его предупреждаем, что испанские дела касаются лишь испанцев»⁷³⁵. По мнению А. Марти Х. Лопес был наиболее резким противником коммунистов. Он поддерживал тесные контакты с анархистскими эмигрантскими кругами в Европе, включая «русскую еврейку» Эмму Голдман⁷³⁶. Информация об опыте Российской революции и об СССР, распространявшаяся анархистской эмиграцией, была неблагоприятна для коммунистов. Но влиятельные лидеры НКТ, включая Дуррути, выступали за единство с коммунистами, без которого нельзя победить франкизм⁷³⁷. Тем не менее, и эти лидеры не были «друзьями СССР». В сентябре 1936 г. в интервью П. ван Паасену Б. Дуррути резко высказался против ориентации на «фашистское варварство Сталина»⁷³⁸. Анархист Э. Понс Прадес вспоминает, что «историческая память Кронштадта, Украины и ликвидации анархистов большевиками была жива»⁷³⁹.

Советское вмешательство было связано с военно-технической помощью СССР, и угрозы «раздавить» коммунистов скоро стихли. Но сотрудничество оставалось вынужденным, в чем обе стороны отдавали себе отчет. «Я знаю, – говорил Х. Гарсиа Оливер Х. Коморрере, – что вы хотите устранить нас, как русские большевики устранили своих анархистов»⁷⁴⁰.

Первоначально коммунисты сравнительно терпимо относились к анархистским выпадам. В. Кодовилья докладывал секретариату ИККИ: «С точки зрения политической есть тоже различные группы, например, Дуррути, Гарсиа Оливер, которые честно дерутся, чтобы через анархию установить коммунизм в Испании... Они говорят (в обращении к трудящимся СССР – А. Ш.): „вы произвели свой эксперимент, дайте теперь нам произвести свой опыт, мы покажем Вам, что мы установим анархический коммунизм, не пойдя путем России“. Эти менее опасны, ибо в ряде проблем они, несмотря на свои анархистские утопии, занимают позицию, очень близкую к нашей. По крайней мере они дерутся»⁷⁴¹.

⁷³² АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.2.

⁷³³ Там же. Л.46.

⁷³⁴ Там же. Л.51.

⁷³⁵ РГАСПИ. Ф.495. Оп. 18. Д.1117. Л.125.

⁷³⁶ Там же. Л.127.

⁷³⁷ Там же.

⁷³⁸ The Anarchist reader. P. 243–244.

⁷³⁹ Fraser R. Op. cit. P.379.

⁷⁴⁰ Кольцов М. Указ. соч. С.17. НКТ обращалась к Антонову-Овсеенко с просьбами освободить анархистов в СССР. Консул, понимая, что ничем помочь не сможет, говорил, что в каждом случае нужно разбираться конкретно, а те, кто утверждает, что в СССР кого-то преследуют за анархистские взгляды, «вбивают клин между нами» (АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.77–78.).

⁷⁴¹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.20. Д.270. Л.28.

Несмотря на разногласия коммунистов и анархо-синдикалистов, линия на сотрудничество в рамках антифашистского фронта давала плоды. 25 октября 1936 г. был заключен пакт о единстве действий ОСПК и НКТ-ФАИ.

Антонов-Овсеенко подозревал, что уже в феврале лидеры анархистов пришли к выводу о «неизбежности, в более или менее близком будущем открытого столкновения с коммунистами»⁷⁴². Но вплоть до апреля 1937 г. анархо-синдикалисты воздерживались от прямой конфронтации с коммунистами.

* * *

Сделав выбор в пользу сотрудничества с «государственниками», лидеры НКТ столкнулись с серьезными проблемами в своей организации. Давление противников сотрудничества с коммунистами в НКТ было сильным.

На Каталонском конгрессе НКТ 20 марта – 3 апреля 1937 г., который официально представлял 980 тыс. членов (по данным советского консульства, в действительности около 600 тыс.), 150–200 тыс. поддерживало оппозицию, критиковавшую сотрудничество НКТ с Народным фронтом⁷⁴³. Лидер Оспиталетских анархистов Шена прямо угрожал Народному фронту «не мирным» путем революции⁷⁴⁴. Против Шены на Конференции выступил секретарь областной организации Мас. А вот Доменеч, считавшийся «очень ответственным», поддержал Шену⁷⁴⁵. Дошло до того, что Абад де Сантильян предупредил коллег в Женералитате о возможном путче экстремистов⁷⁴⁶.

Таким образом, внутренняя напряженность в НКТ усиливала напряженность в Каталонии, но при этом НКТ как организация превращалась в опору стабильности. Атака против НКТ подрывала стабильность в Каталонии.

Коммунистам было выгодно усиление конфликтов между умеренными и экстремистами в НКТ. «Разрыв с такой сильной группой привел бы к расколу НКТ и поглощению ее социалистическим всеобщим союзом трудящихся»⁷⁴⁷. Но давление радикалов делало и умеренных лидеров НКТ менее уступчивыми в отношениях с коммунистами и другими партиями.

Гарсиа Оливер говорил М. Кольцову: «Анархисты отдали и готовы дальше отдавать жизнь революции. Больше, чем жизнь – они готовы даже сотрудничать с буржуазным антифашистским правительством. Ему, Оливеру, трудно убеждать в этом анархистскую массу, но и он, и его товарищи делают все, чтобы дисциплинировать ее, поставить ее под руководство всего Народного фронта: и это удастся, ведь его, Оливера, уже обвиняли на митингах в соглашательстве, и в измене анархистским принципам. Пусть коммунисты учтут все это и не слишком натягивают струну. Коммунисты чересчур прибирают к рукам власть»⁷⁴⁸.

Хотя радикальные анархисты потерпели поражение на конгрессе НКТ, они сохранили позиции в региональном комитете⁷⁴⁹. Позиции анархистов-радикалов были сильны в

⁷⁴² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.2.

⁷⁴³ Там же. Л.10.

⁷⁴⁴ Там же. Л.21.

⁷⁴⁵ Там же. Л.21.

⁷⁴⁶ Там же. Л.22.

⁷⁴⁷ Там же. Л.2.

⁷⁴⁸ Кольцов М. Указ. соч. С.20.

⁷⁴⁹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.20.

Барселонской федерации, Барселонском союзе анархистской молодежи, Оспиталетской организации и еженедельнике «Идеас»⁷⁵⁰.

Умеренной политике НКТ требовалось соответствующее идеологическое обеспечение. Стало невозможным, чтобы «Солидаридад обрера» продолжала издаваться командой Калехаса, которая выступала против политики сотрудничества НКТ и Народного фронта. Калехаса сменил Торио, которого радикалы обвиняли в том, что он выкинул из «Солидаридад обрера» ряд старейших анархистов и заменил их «бывшими буржуазными журналистами»⁷⁵¹.

На конференции анархо-синдикалистской прессы 28 марта 1937 г. издания НКТ были подчинены руководящим органам конфедерации, что противоречило принципам анархизма, но объяснялось трудностями военного времени. Контроль над прессой был усилен решением пленума НКТ 17 апреля 1937 г., который ввел ответственность редакций за публикации⁷⁵².

Авторитарные тенденции в НКТ были связаны с несколькими обстоятельствами. Во-первых, большая организация в индустриальную эпоху имеет склонность к бюрократизации. Во-вторых, действовал харизматический авторитет лидеров, не имевших возможности в быстро меняющейся ситуации согласовывать каждое свое решение с широкими массами рабочих. В-третьих, анархо-коммунистическая идеология признавала давление коллективов на личность. А от имени коллектива часто действуют его лидеры. В-четвертых, оружие, оказавшееся в руках трудящихся, само по себе порождало соблазн навязать свои взгляды не силой убеждения, а насилием. Однако политическое насилие сдерживалось тем, что каждое идейное течение от либералов до коммунистов имело свои вооруженные формирования. И, в-пятых, война требовала «временных мер», связанных с борьбой за единство сил перед лицом фашизма.

Хотя трения между правительственными структурами и анархо-синдикалистским движением на местах были неизбежны, лидеры НКТ понимали важность помощи СССР и сохранения единства антифашистского фронта. Коммунистам казалось, что «наивных» анархистских лидеров можно будет переубедить, превратив из анархо-коммунистов в коммунистов-большевиков (некоторые коммунистические лидеры в прошлом были анархистами, что порождало надежды на подобную же эволюцию нынешних вождей НКТ). А. Марти говорил в январе: «В особенности важно терпеливо разъяснять анархистским руководителям, органам и анархистским массам, что наше сотрудничество с НКТ и ФАИ основано на общих интересах рабочего класса, что мы их рассматриваем как братьев по классу, как особо важную составляющую испанского пролетариата, что наше сотрудничество и наша совместная борьба имеют искренний характер, что это сотрудничество будет продолжаться и после победы над фашизмом в деле построения свободной и справедливой Испании»⁷⁵³. Трогательная сентенция, если учесть уверенность Марти в том, что «после победы мы с ними посчитаемся, тем более, что после победы мы будем иметь сильную армию»⁷⁵⁴. Но в своих публичных заявлениях коммунисты не жалели теплых выражений в адрес анархо-синдикалистов: «Особенно необходимое упрочение братских взаимоотношений с анархо-синдикалистами, к которому коммунистическая партия искренне стремится, в большой степени облегчается тем фактом, что в последнее время НКТ в ряде случаев на практике доказала способность делать из событий правильные тактические выводы, поняла необходимость создания сильной народной республиканской армии, высказалась за революционную военную дисциплину на фронте и в тылу, принимает участие в правительстве и проявляет готовность к образованию единого и централизованного руководства военными операциями на всех фронтах», – формулировал президиум ИККИ установки для пропагандистской работы КПИ 28 декабря

⁷⁵⁰ Там же. Л.2.

⁷⁵¹ Там же. Л.10. Калехас ушел в более радикальное издание «Идеас» (АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.9.).

⁷⁵² ISH. Paquete 6 °C 1, Acuerdos de Pleno Nacional...

⁷⁵³ РГАСПИ. Ф.495. Оп. 20. Д.1132. Л.49.

⁷⁵⁴ Там же. Оп.18. Д.1117. Л.145.

1936 г.⁷⁵⁵ Добрый учитель поощряет начинающего исправляться ученика. Коммунистическая тактика в Испании повторяла шаги, предпринимавшиеся в свое время в отношении махновцев на Украине.

Консул В. Антонов-Овсеенко был как раз «специалистом» по махновщине⁷⁵⁶. НКТ поддержала несколько декретов правительства, и Антонов-Овсеенко делает вывод: «В среде анархо-синдикалистского руководства начинает решительно преобладать тенденция к переходу на позиции демократической государственности...»⁷⁵⁷ Антонов-Овсеенко докладывал в Москву 8 февраля 1937 г.: «Умеренные анархо-синдикалистские элементы, на практике убедившиеся в несостоятельности анархистских теорий, проявляют все более растущую склонность к отказу от этих теорий», но «не решаются открыто порвать с экстремистами»⁷⁵⁸.

Здесь Антонов-Овсеенко, как и другие сторонники постепенной перевербовки анархистов в коммунисты, делает типичную ошибку человека, относящегося к анархизму как к заведомо ущербной идеологии. Стоит анархистам столкнуться с практикой, и они поймут, что анархистские взгляды (в их упрощенном восприятии Антоновым-Овсеенко) – ошибочны. Но дело в том, что столкновение с практикой приводит к замене упрощенных анархистских взглядов, действительно распространенных в радикальной массе, более сложными, более прагматичными, но все равно анархистскими, а не марксистскими взглядами. Антонов-Овсеенко уже мог убедиться в этом в 1919 г., общаясь с Махно. Но тогда Антонов убеждал себя, что Махно был без пяти минут большевик, и только грубость командования оттолкнула его от красных, а вот осторожный педагогический подход Антонова сделал бы из Махно красного комдива. Признать более глубокую основу конфликта коммунистов и анархистов, содержащуюся в том числе и в дефектах коммунистической идеологии, – значило признать провал своей тактики в 1919 г., а этого Антонов-Овсеенко не хотел. Он и в Каталонии продолжал свою линию 1919 г., надеясь взять реванш за неудачу с Махно. Вот-вот, и анархисты, отказавшись от экстремизма, придут в ряды коммунистов, как пришли уже многие их отдельные активисты. Антонов-Овсеенко не замечал, что умеренные анархисты смыкаются не с коммунистами, а с более близкими им левыми социалистами. И этот блок становится главной альтернативой компартии. Непонимание этой перспективы приведет политику Антонова-Овсеенко к краху в мае 1937 г.

Анархо-синдикалисты были готовы искать идеологические компромиссы с коммунистами и социалистами. Модель, предлагавшаяся анархо-синдикалистами, не исключала ни регулирования, ни концентрации управления. В беседах с советскими представителями Васкес и Монтсени утверждали, что готовы провести «мобилизацию промышленности» военного значения, усилить централизацию промышленности, лишь бы это не называлось национализацией⁷⁵⁹. Однако именно здесь и пролегал принципиальный водораздел: национализация передает государству права решать судьбу хозяйства после войны, а для лидеров НКТ было принципиально оставить эти рычаги в руках рабочих организаций. «Единственным вопросом, на котором они будут

⁷⁵⁵ Там же. Д.1179. Л.109–110.

⁷⁵⁶ Н. Махно в 1919 г. подчинился В. Антонову-Овсеенко как командующему Украинским фронтом. См.: Шубин А. В. Анархия – мать порядка. Нестор Махно как зеркало Российской революции. С. 178–211.

⁷⁵⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.43.

⁷⁵⁸ Там же. Л.1. Общая линия Антонова-Овсеенко в Каталонии была скорее «педагогической». Это даже вызывало недовольство военных советников. Когда они хотели нажать на испанцев «в категорической форме», Антонов «прямо сказал, что получил директиву от старшего хозяина, в которой категорически запрещается ставить вопрос в ультимативной форме, а предлагается действовать советами». Говоря о работе с анархистами, Антонов-Овсеенко наставлял: «Это все верно, но все равно нужно доказывать им, пока не переломим. Я даю советы военному советнику, он слушает и как будто бы принимает их, но делает совершенно другое, но ничего не поделаешь. Нужно упорно добиваться своего даже тогда, когда нас игнорируют. Учитывая эволюцию анархистов в нашу сторону, нужно надеяться, что скоро они поймут пагубность своей политики и начнут действовать так, как этого требует революция» (РГВА Ф.35082. Оп.1. Д.284. Л.18.).

⁷⁵⁹ Там же. Д.49. Л.14–15.

настаивать, это руководящая роль профсоюзов в управлении промышленностью. Но и тут они не исключают участия государства в виде регулирующего и контролирующего органа»⁷⁶⁰. Согласие на национализацию означало бы отказ от принципов, а централизация и регулирование – нет. В разгар войны централизация полезна, но после войны не государство, а синдикаты должны определять степень централизма хозяйственного регулирования.

Попытка коммунистов разделить задачи войны и революции вызывала у анархистов подозрение, что их революцию терпят постольку, поскольку сохраняется угроза фашизма. «СНТ» разъясняла суть опасений анархистов: пока массы будут бороться за победу, «известные силы, работая за кулисами, могут оказаться единственными силами, подготовленными для использования победы для обуздания революции»⁷⁶¹. По сообщениям из полпредства СССР в НКИД, анархисты опасались, «что после победы над Франко испанские коммунисты, с помощью СССР, бросят все свои силы на уничтожение анархистов» и «многие» коммунисты тоже этого ждут⁷⁶². Анархистам нужны были гарантии на будущее. Монтсени предлагала выработать платформу сотрудничества с анархистами как до, так и после победы над фашизмом. В СССР к этой идее отнеслись с вниманием. В донесении из Барселоны в НКИД СССР подчеркнута фраза: «платформа экономического переустройства Испании, приемлемая для большинства анархистов»⁷⁶³.

Представители НКТ считали, что такое централизованное управление обобщественными предприятиями может осуществляться с помощью отраслевых и провинциальных органов, директора будут назначаться по представлению профсоюзов. Это не национализация, которой добивались коммунисты. Платформа могла предусматривать и такие уступки в стиле НЭП, как свобода торговли, возвращение в частные руки предприятий свыше 50 человек, но при условии соблюдения социальных гарантий⁷⁶⁴.

Казалось, «разъяснительная работа» коммунистов среди анархистов принесла плоды: «Целый фланг анархистского движения, фланг, о котором я только что говорил, со всеми его нюансами, идет с компартией под одними лозунгами»⁷⁶⁵, – докладывал А. Марти. Лидеры НКТ в большинстве своем были анархо-коммунистами и потому, как и российские анархисты, выдвигали лозунги, близкие по звучанию лозунгам коммунистов-марксистов. Хотя в одни и те же слова вкладывалось разное содержание, коммунисты считали некоторых анархо-синдикалистских лидеров «завоеванными уже на сторону ряда лозунгов, являющихся нашими»⁷⁶⁶. Выступая на секретариате ИККИ, А. Марти причислял анархо-синдикалистских лидеров, в частности М. Васкеса, который в ноябре сменил Х. Прието на посту генерального секретаря НКТ, к «ядру, стоящему за единство», под которым Марти понимал противников «группы Кабальеро-Галарсы»⁷⁶⁷.

Марти считал необходимым втягивать НКТ и ФАИ в Народный фронт, вести совместную борьбу против «безответственных элементов, выступавших (при правке текста исправлено на „выступающих“ – эти элементы все еще сильны – А. Ш.) под флагом НКТ и ФАИ со своими

⁷⁶⁰ Там же. Л.14.

⁷⁶¹ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.44–45.

⁷⁶² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.7.

⁷⁶³ Там же. Л.15.

⁷⁶⁴ Там же. Л.16.

⁷⁶⁵ РГАСПИ. Ф.495. Оп.74. Д.206. Л.10.

⁷⁶⁶ Там же. Л.5.

⁷⁶⁷ Там же. Л.4–5.

провокационными действиями...»⁷⁶⁸.

В результате в конце 1936 г. – начале 1937 г. отношения коммунистов и анархо-синдикалистов были лучше, чем отношения последних с Ларго Кабальеро. Как сообщал Антонов-Овсеенко о беседе с одним из руководителей ОСПК, «крайне отрицательно отзывается Пьеро о Кабальеро за его упрямую непримиримость к СНТ и ФАИ»⁷⁶⁹. Коммунисты надеялись использовать НКТ в начинающемся конфликте с Ларго Кабальеро.

«Испанский Ленин» или «махровый меньшевик»

Ларго Кабальеро называли «испанским Лениным». Однако коммунистом он не стал. Правый курс КПИ не устраивал Ларго Кабальеро и его сторонников. Они искали модель нового общества, которое образуется в ходе революции и будет соответствовать принципам демократического социализма. Познакомившись поближе с идеями, которые отстаивали вошедшие в правительство синдикалисты, кабальеристы стали склоняться к идее создания общества, базисом которого являются профсоюзные организации трудящихся. Отношение Ларго Кабальеро к социальной революции «по-испански» эволюционировало, но не было враждебным. 1 февраля 1937 г. он заявил в кортесах: «Уже достаточно напробовано»⁷⁷⁰. Сделанного достаточно, нужно сохранить и упорядочить новые социальные отношения, но не отменять их. Это было близко и позиции лидеров НКТ, которые стремились упорядочить коллективизированный сектор. Каталонский конгресс НКТ 20 марта – 3 апреля 1937 г. решил не форсировать коллективизацию промышленности и борьбу с мелкой буржуазией⁷⁷¹. Необходимо было упорядочить то, что уже получено в результате революции. Однако это воспринималось только как пауза на пути к синдикалистскому переустройству общества, на что указывали и советские наблюдатели: организация НКТ строится с упором на отраслевую «с явной целью форсировать коллективизацию этих отраслей»⁷⁷².

В то же время курс Ларго противоречил планам коммунистов и социал-либералов, направленным на ликвидацию производственной демократии.

В декабре 1936 г. начались переговоры о слиянии КПИ и ИСРП. В Испании существуют две марксистские, «рабочие» партии, объединенные, как казалось, общим курсом в правительстве – чем не возможность для объединения. Но процесс шел туго. Только 24 апреля 1937 г. был создан Национальный комитет связи двух партий. В Коминтерне опасались, что, как это уже было в Венгрии в 1919 г., при немедленном объединении коммунисты не смогут установить контроль над объединенной партией. Социалисты пока превосходили коммунистов численно, да и лидером объединенной партии очевидно становился Ларго Кабальеро. Этот популярный и самостоятельный лидер страны мог бы стать препятствием для создания после победы над Франко

⁷⁶⁸ Там же. Д.1132. Л.49–50, 63.

⁷⁶⁹ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.89.

⁷⁷⁰ Х. Грэхэм, которая смотрит на Ларго Кабальеро глазами генсека ИСРП Ламонеды, переводит слова премьеры «*ya se ha ensayado bastante*» как «достаточно революционного экспериментирования» (Op. cit. P.89). Даже не зная испанского языка можно понять, что слово «революционное» здесь отсутствует. Но Х. Грэхэм блестяще знает испанский язык, и знает, что «*ensayar*» значит «пробовать, репетировать», а не «революционно экспериментировать». Просто для Х. Грэхэм очень важно доказать беспринципность Ларго Кабальеро, который придерживается в принципе такой же политики, как и впоследствии Негрин, в феврале критикует анархо-синдикалистов вроде бы за то же, что он будет поддерживать в мае. В действительности революционная стратегия Ларго Кабальеро, к которой он пришел в 1937 г. (а в некоторых чертах – и значительно раньше), привела его к сближению с НКТ в марте 1937 г. И именно это вызовет принципиальный конфликт Ларго Кабальеро и тех сил, которые позднее войдут в правительство Негрина.

⁷⁷¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.9.

⁷⁷² Там же. Л.10.

Испании, «руководимой коммунистами»⁷⁷³.

В августе 1937 г. Ларго Кабальеро (на мой взгляд, ошибочно) объяснял начало атаки коммунистов против него, в частности, тем, что из Москвы рекомендовали создать единую партию во главе с Ларго Кабальеро, но он отказался, опасаясь раскола ИСРП⁷⁷⁴. Формальное возглавление партии премьером по замыслу стратегов Коминтерна не мешало бы установлению контроля над объединенной партией со стороны коммунистического ядра. Но это неминуемо вызвало бы сопротивление со стороны правых и левых флангов. Как показывает более поздний опыт стран «народной демократии», эта проблема должна была быть решена с помощью чисток. Но Ларго Кабальеро как противник раскола оказывался препятствием на пути такого тихого переворота и должен был быть устранен и с поста премьера, и с позиции лидера партии. Сделав такой вывод в ходе переговоров об объединении ИСРП и КПИ, руководство Коминтерна склонилось к плану кампании против Ларго Кабальеро до начала объединения двух партий.

В то же время процесс объединения партий получил и поддержку противников Ларго Кабальеро в ИСРП. Генеральный секретарь ИСРП «Рамон Ламонеда рассматривал соглашение о создании объединенного комитета как оружие против левых социалистов»⁷⁷⁵. Решив, что коммунисты могут стать союзниками в борьбе против революционного кабальеризма, социал-либералы вступили в опасную игру, и продолжали «моторить» дело объединения даже тогда, когда его уже не лоббировал Коминтерн. Но для Ламонеды, в отличие от Ларго Кабальеро, было важно договориться именно на уровне руководящего звена, а не на уровне самих партийных масс и местных структур⁷⁷⁶.

В январе соцпартия публично форсировала процесс объединения. Но компартия получила указание Коминтерна не торопиться⁷⁷⁷. Нужно было сначала решить проблему Ларго Кабальеро⁷⁷⁸. А сам Ларго не замечал, что правый аппарат его партии работает с ориентацией на КПИ.

Фиксируя в январе 1937 г. ухудшение отношений Ларго Кабальеро и КПИ, Антонов-Овсенко отмечает, что причины этого кроются в политике коммунистов: «За последнее время отношения между Кабальеро и коммунистической партией стали довольно натянутыми». Это вызвано, в частности, «монополизацией политработы в армии коммунистами, зачастую довольно бестактно игнорировавшими другие организации народного фронта»⁷⁷⁹. Ларго Кабальеро был недоволен репрессивными акциями коммунистов, «переманиванием» лидеров социалистической молодежи в КПИ, сближением коммунистов и его главного соперника в ИСРП Прието⁷⁸⁰. «Весьма вероятно, что Кабальеро рассматривал все эти факты как результат

⁷⁷³ Так откровенно о перспективах послевоенного развития страны высказался эмиссар Коминтерна И. Степанов (Коминтерн и гражданская война. С.232).

⁷⁷⁴ «L' Endependan de Pirine Oriental». 10.8.1937. АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.143.

⁷⁷⁵ Graham H. Op. cit. P.84.

⁷⁷⁶ Op. cit. P.75.

⁷⁷⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.6. Это доказывает, что, хотя КПИ формально продолжала держать курс на слияние с ИСРП, проблемы с объединением двух партий не были причиной действий коммунистов против Ларго Кабальеро. Скорее наоборот – объединение не удалось из-за конфликтов компартии и левого крыла ИСРП.

⁷⁷⁸ А уже когда под Ларго Кабальеро зашаталось кресло, процесс объединения потерял динамизм, все острее стали проявляться конфликты между коммунистами и разными фракциями социалистов. В апреле было создано несколько региональных комитетов связи партий, но уже в мае они распались. Так что из объединения пока ничего не вышло, хотя к этой идее возвращались и при Негрине.

⁷⁷⁹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.4-5

⁷⁸⁰ Там же. Л.4.

сознательного стремления коммунистов изолировать его»⁷⁸¹. Однако за политическими комбинациями стояли стратегические разногласия левых социалистов и прокоммунистического блока. Ларго Кабальеро неприязненно говорил, что компартия «является самой умеренной партией»⁷⁸². Как видим, советский консул признавал инициативу коммунистов в конфликте с Ларго Кабальеро и уже на его раннем этапе отметил, что за тактическими частностями стоит различие политических стратегий.

Ларго Кабальеро, как и большинство лидеров ИСРП, относился к коммунистам с опаской. Его не могло не волновать проникновение коммунистов в армию (особенно в ее политическое руководство). В 1937 г. в вооруженные силы было направлено 296 тысяч членов КПИ, ОСПК и прокоммунистической «Объединенной социалистической молодежи» (ОСМ) из 349 тысяч их состава⁷⁸³. При этом особое внимание уделялось продвижению кадров в командный и комиссарский состав. Коммунистические кадры, подготовленные в контролируемой компартией учебном 5-м полку, занимали командные посты и места комиссаров. Старые генералы Посас, Миаха и другие офицеры, оценив ситуацию, также вступили в компартию. Советских представителей беспокоило, что при этом они сохраняют членство в традиционных для Испании масонских ложах, чуждых коммунистической идеологии⁷⁸⁴. Получалось, что генералы скорее отдают дань конъюнктуре, чем проникаются идеями КПИ.

Из 5 командующих корпусами в компартии состояли два, из 18 комдивов 8 были коммунистами и еще 4 – близки к партии⁷⁸⁵. В апреле 1937 г. из 11 дивизионных комиссаров 3 были коммунистами и 1 член ОСМ, из 51 комиссара бригад 24 были коммунистами, из 186 батальонных комиссаров – 93 коммуниста и 32 члена ОСМ⁷⁸⁶.

Пропагандистская машина коммунистов обличала с одной стороны – милиционную «военную демократию», ограничивающую власть офицеров, а с другой – офицеров «старой школы», считая их источником предательства. Вывод напрашивался сам собой – армия должна быть дисциплинирована и подчинена офицерам-коммунистам⁷⁸⁷.

Ларго Кабальеро стал предпринимать ответные меры, о которых советские военспецы с возмущением писали: «Борьба против коммунистов в армии приобретает все более широкий характер; смещение коммунистов с командирских и комиссарских должностей продолжается»⁷⁸⁸. Впрочем, это наступление на коммунистов на практике вылилось в восстановление баланса.

Ларго не утверждал в должности мадридского комиссара, а также 120 комиссаров центрального фронта (по советским данным, к этому приложили руку и «центристы»⁷⁸⁹). Также Ларго старался не давать комиссарам вмешиваться в планирование военных операций: «На доклад Михе о плане политобеспечения намечавшейся операции Кабальеро заявил, что операция – дело генералов, и Генеральный комиссариат не должен вмешиваться в это дело»⁷⁹⁰.

⁷⁸¹ Там же. Л.5.

⁷⁸² Там же. Л.5.

⁷⁸³ Мещеряков М. Т. Указ. соч. С.70.

⁷⁸⁴ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.2.

⁷⁸⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.334. Л.22.

⁷⁸⁶ Там же. Д.348. Л.3.

⁷⁸⁷ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.214.

⁷⁸⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.334. Л.2.

⁷⁸⁹ Там же. Д.312. Л.4.

⁷⁹⁰ Там же. Л.4.

Вообще, когда какой-нибудь министр интересовался военными вопросами и спрашивал у Кабальеро, какие есть новости, тот отвечал: «Вы узнаете об этом из газет»⁷⁹¹. А Виньяс комментирует: «Читатель может подумать, например, что военную политику определяло республиканское Правительство. Но это было бы ошибкой. Ларго Кабальеро передал эту функцию Высшему военному совету, но, так как совет не собирался, на практике именно Кабальеро как уполномоченный министр и председатель этого совета осуществлял руководство военными делами согласно своему добросовестному умению и пониманию»⁷⁹². Это мнение А. Виньяса (он горячо отстаивал его и в устной дискуссии со мной) противоречиво. Если Ларго не собирал Высший военный совет, значит на деле он и не передал ему реальных функций. Это было не то место, где на деле принимались военные решения. Читатель не должен был думать о том, что ситуация на фронте должна обязательно обсуждаться именно в правительстве – большинство министров отвечают не за фронт, а за тыл. Чисто военная сторона дела – это сфера компетенции военного министра, министра авиации и флота, генерального штаба. Так и было в республике при Ларго Кабальеро. Хотя А. Виньяс пробует использовать эту тему для компрометации кадровых назначений Ларго Кабальеро в феврале 1937 г. (о чем ниже), дело было не в том, что Ларго Кабальеро мало советовался с невоенными министрами, а в характере его военной политики. А вот она вызывала раздражение и у социал-либералов, и у коммунистов, в том числе советских.

Главный военный советник Я. Берзин характеризовал Ларго Кабальеро как «махрового меньшевика»⁷⁹³. Премьер, видя благоволение советских специалистов коммунистам, относился к ним «подозрительно»⁷⁹⁴.

Руководство Коминтерна уже во время прихода к власти Ларго Кабальеро относилось к нему с недоверием и даже враждебностью. Г. Димитров в сентябре 1936 г. говорил, что Ларго Кабальеро относится к тем деятелям социал-демократии, которые «отходят от позиций классового сотрудничества с буржуазией, отходят от реформизма – попадают в другую крайность, становятся экстремистами, проявляют свое сектантство, своего рода левацкие загибы»⁷⁹⁵. В октябре А. Марти характеризовал Ларго Кабальеро на заседании ИККИ как «тип плохого профсоюзного бюрократа» и жаловался на то, что премьер отвергает предложения коммунистов⁷⁹⁶. Таким образом, конфликт между коммунистами (не только испанскими) и Ларго Кабальеро вызревал уже с осени 1936 г.

* * *

ИСРП все сильнее разрывалась между курсом на социальную революцию и сотрудничеством с коммунистами, стремившимися остановить и повернуть в другую сторону ее поток.

Коммунистам было необходимо найти противовес Ларго Кабальеро в его собственной партии, и это оказалось несложно. В 1936–1937 гг. помимо коммунистов симпатии советских специалистов вызывает и лидер правого крыла ИСРП (формально – «центрист»), министр авиации и флота И. Прието. Несмотря на состояние «некоторой депрессии»⁷⁹⁷, в котором он признавался советским товарищам, Прието казался оплотом деловитости и порядка, умел скрывать свой

⁷⁹¹ Viñas Á. El escudo de la República. P.550. (здесь А. Виньяс ссылается на Асанью).

⁷⁹² Op. cit. P.458.

⁷⁹³ РГВА Ф.35082. Оп. 1. Д.282. Л.4.

⁷⁹⁴ Там же.

⁷⁹⁵ РГАСПИ. Ф.495. Оп. 18. Д.1135. Л.7.

⁷⁹⁶ Там же. Д.1117. Л.111.

⁷⁹⁷ РГВА Ф.35082. Оп.1. Д.284. Л.26.

антикоммунизм, который более очевидно проявится в 1938 г. Выступая в январе 1937 г. Прието говорил: «Если бы не помощь России в данный момент, мы проиграли бы войну»⁷⁹⁸.

И. Прието рисовал многообещающие перспективы союза СССР и Республики после победы над общим врагом: «В общем пролетарском деле уже ясно видно, что по-настоящему можно рассчитывать только на поддержку коллективистских стран. Если победа будет за нами, Испания, конечно, будет жить в дипломатическом окружении стран Запада, но другая связь, более глубокая, будет соединять нас со странами коммунистическими или социалистическими. Россия и Испания – вот клещи, которые с двух противоположных концов Европы будут сжимать капиталистические страны»⁷⁹⁹. По словам И. Прието, нужно использовать советский опыт, «чтобы Испания не начала бы с безумств и избежала бы искривлений»⁸⁰⁰. Фракция Прието в ИСРП казалась хорошим партнером для коммунистов.

Уже в декабре 1936 г. Я. Берзин предлагал делать ставку на Прието при смене правительства: «Он авторитетный, деловой и энергичный человек, политически же его может держать в руках Розенберг»⁸⁰¹ (имеется в виду полпред СССР). Так стала обсуждаться кампания против Ларго Кабальеро, которая развернется в феврале-мае 1937 г., и в которой ставка будет сделана на правое крыло ИСРП.

Как покажут дальнейшие события, И. Прието готов был принимать в советском опыте принципы твердого порядка и дисциплины, но перспективы глубоких социальных преобразований его не радовали. Не радовала Прието и его однопартийцев инфильтрация коммунистов в офицерский корпус. И. Прието и другие лидеры ИСРП стремились с помощью формальной деполитизации армии остановить ее переход под контроль КПИ. Министр финансов Х. Негрин запретил карабинерам, а министр внутренних дел А. Галарса – солдатам и офицерам национальной гвардии принадлежать к политическим партиям. «Это свидетельствует о тенденциях поставить армию „вне политики“, конечно, безнадежных в данной обстановке»⁸⁰², – сообщалось в Москву. Как показали дальнейшие события, скорее здесь проявилась тенденция использовать тыловые части как дубинку в политической борьбе против своих противников. Во всяком случае, эта тенденция вызвала неблагоприятную реакцию и в других частях. Комиссар дивизии А. Видаль говорил на совещании у Генерального комиссара в марте 1937 г.: «Солдаты думают, что завтра им могут запретить участвовать в политической жизни. Все это порождает значительное недовольство среди личного состава боевых частей»⁸⁰³.

Стратегические различия курсов коммунистов и правого крыла ИСРП касались и внешней политики. Последние предпочли бы видеть в качестве партнера и защитника Францию. Однако на этом этапе войны вовлечение Франции в испанский конфликт входило и в планы Сталина, так что различие внешнеполитических ориентаций пока выливалось в разницу акцентов. Зато внешнеполитическая «структура момента» опять действовала против Ларго Кабальеро, «так как в глазах политиков Народного фронта радикальный имидж Ларго отчуждал Францию и Британию как потенциальных зарубежных союзников Республики»⁸⁰⁴. Внешнеполитические рассуждения оппонентов премьер-министра были наивными. После свержения Ларго Кабальеро имидж Республики сменится, а вот союзники так и останутся «потенциальными».

⁷⁹⁸ Там же.

⁷⁹⁹ Там же. Л.27–28.

⁸⁰⁰ Там же. Л.26–27.

⁸⁰¹ Там же. Д.282. Л.8.

⁸⁰² Там же. Д.312. Л.5.

⁸⁰³ Там же. Л.8.

⁸⁰⁴ Graham H. Op. cit. P.95.

Коммунисты использовали советского полпреда М. Розенберга в качестве лоббиста своей политики⁸⁰⁵. Приехав в Мадрид, Розенберг принялся давать рекомендации и по составу правительства, и по основам его политики, а военный атташе – проект декрета об армии «по нашему образцу». Это вызвало недовольство в испанских политических кругах, особенно резко высказался один из лидеров НКТ Х. Лопес. Литвинов в этой ситуации указывал Розенбергу, что необходимо «воздержаться от всякого рода влияния на правительственные комбинации». Однако, как справедливо пишет В. В. Малай, «скорее, речь шла о формах и степени вмешательства»⁸⁰⁶, тем более, что Москва могла более осторожно и негласно влиять на правительственные комбинации по линии Коминтерн – КПИ. В дальнейшем давление советских дипломатов и военных советников на испанских политиков и командование продолжилось, а советники временами и просто брали власть на фронте в свои руки.

Советские рекомендации, которые нередко высказывались в бестактной форме, не всегда принимались премьером с благодарностью. Ларго Кабальеро отказался уступить давлению советского посла в вопросе назначения высших военных кадров, включая требование отставки генерала Асенсио. Итог этой беседы был весьма драматичен: «Убирайтесь! Вы должны понять, господин посол, что испанцы могут быть бедны и нуждаться в помощи из-за границы, но они достаточно горды, чтобы не допускать, когда иностранный посол пытается своей волей управлять испанским правительством»⁸⁰⁷. После этого конфликта Розенбергу рекомендовали воздерживаться от прямого вмешательства во внутренние дела Испании, и советское посольство действовало осторожнее. Оно и не должно было вмешиваться во внутренние дела – это была сфера Коминтерна.

Ларго Кабальеро позднее писал о советских рекомендациях и инструкциях: «Они привыкли управлять массами, которые действуют механически, нисколько не раздумывая, без какой-либо аналитической или критичной мысли». Создавалось ощущение, что представители Союза прибыли в Испанию «как в академию, учиться и тренироваться». Более того: «В нашей войне испанское Правительство и, в частности, министр, ответственный за ход операций, а также генеральные штабы, особенно центральный, не смогли действовать полностью независимо, потому что им пришлось подчиняться против собственной воли безответственному иностранному вмешательству, не имея средств освободиться от него, боясь поставить под угрозу помощь в поставке военных материалов, которую мы получали от России. Иногда, под предлогом того, что приказы не выполнялись с желаемой точностью, русское посольство и титулованные русские генералы позволяли себе выказывать свое недовольство, говоря, что если мы не считаем необходимыми и подходящими их сотрудничество, то мы можем ясно об этом сказать, чтобы они передали это своему правительству и ушли. И что делать при подобных угрозах?»⁸⁰⁸.

Таким образом, с начала 1937 г. между Ларго Кабальеро и его сторонниками с одной стороны, и коммунистами (включая советских) с другой стала нарастать напряженность. Это произошло по трем основным причинам. Во-первых, левые социалисты не разделяли курс коммунистов, правых социалистов и либералов на свертывание самоуправленческой революции и на дальнейшую этатизацию. Во-вторых, Ларго Кабальеро противостоял кадровой экспансии коммунистов (и в этом его осторожно поддерживали однопартийцы справа, предпочитая, однако, оставаться в тени). В-третьих, Ларго Кабальеро демонстрировал самостоятельное поведение в отношении к советским рекомендациям о внешнеполитическом курсе и методах ведения войны. Первое вызывало недовольство Сталина, так как могло помешать его сложной дипломатической игре, а второе вызывало сомнения в успехе войны, ибо до 1937 г. Сталин доверял своим военным

⁸⁰⁵ Например, Коминтерн и гражданская война в Испании. С.326.

⁸⁰⁶ Малай В. В. СССР в Испании (1936)... С.136.

⁸⁰⁷ Cit.: Thomas H. Op. cit. P.533. За низкопоклонство перед СССР от Ларго досталось и министру Альваресу.

⁸⁰⁸ Cit.: Viñas Á. El escudo de la República. P.252.

и полагал, что они то уж знают, как выиграть войну. В любом случае, победа республики, во главе которой стоял Ларго Кабальеро, не была бы победой Сталина.

* * *

На встрече с испанским послом М. Паскуа 3 февраля 1937 г. Сталин высказал мысль, которую собеседник Вождя записал заглавными буквами: «БЕЗ ДИСЦИПЛИНЫ И СИЛЫ НЕ ВЕДЕТСЯ ВОЙНА, И НЕ ДОСТИГАЕТСЯ ПОБЕДА»⁸⁰⁹. Поскольку республиканцы не всегда следовали этому принципу, у Сталина, по мнению А. Виньяса, «создавалось впечатление, что иногда Республика и не хотела победы. У нее были люди, хорошее вооружение, техника и вспомогательные материалы, но, в глубине души, Республика не хотела победить»⁸¹⁰.

Если в отношении парламентаризма советские руководители были пока терпимы к испанским лидерам, то вот в экономике они настаивали на принципиальной важности своего опыта. И это различие было не случайным. Политическая надстройка сменится в свое время, если все правильно организовать с «базисом».

Во время беседы Сталина с Паскуа присутствовали также В. Молотов, К. Ворошилов и журналист Н. Михайлов. Молотов высказался по поводу коллективизации, сославшись на советский опыт: «Земли конфисковывались в 1917 и 1918 гг., но колхозы были учреждены только двенадцать лет спустя. До 1935 г. результаты этой борьбы не были ясны. В Испании было необходимо добиться того, чтобы крестьяне остались с землей. Может быть, Правительство могло бы сделать торжественное заявление о поддержке лишенных собственности в Эстремадуре. Крестьяне знали, что сделал Франко. Они должны были также знать, что сделает Правительство. Они были склонны не доверять пропаганде, но хорошо отзывались на конкретные действия. Может быть, это не порадует некоторых военных и многих республиканцев, но необходимо выбирать. Каким способом была достигнута победа большевиков в революции? Крестьянам было обещано дать землю, и это было сделано»⁸¹¹. Для Молотова коллективизация – необходимое для государства мероприятие, которое не выгодно крестьянству. Пока идет борьба за власть между революцией и открытой контрреволюцией, крестьян нужно подманить землей, а изъять ее уже на другом этапе. Дело не просто в том, что Молотов не учитывал принципиальных различий в характере коллективизации в Испании и СССР. Испанская революция развивалась как-то не так.

В любом случае, дело было не только в военных вопросах. Советских лидеров не устраивало направление Испанской революции, которая была слишком радикальной, да и шла «не туда».

Тень Троцкого

Авторитет Сталина был большим подспорьем сторонникам авторитарно-этатистской альтернативы Революции – ведь сталинский СССР был важнейшим союзником Республики. По словам комбрига Алексеева, «Я не видел ни одного селения, где не было бы на стенах лозунга – „Виват комрад Сталину“. И наряду с этим ты не видишь ни портретов, ни приветствий своих испанских руководителей и вождей»⁸¹².

Однако против авторитета Сталина систематическую борьбу вели коммунисты-диссиденты из ПОУМ. Они были опасны для планов Сталина, так как могли увлечь за собой часть коммунистов, разрушив их иллюзии по поводу СССР. Ведь «поумисты» также были марксистами-ленинцами, но обладали критической информацией в отношении сталинизма. По словам сотрудника НКВД В. Кривицкого, «успех Сталина в установлении контроля над Испанией

⁸⁰⁹ Cit.: Viñas Á. El escudo de la República. P.342.

⁸¹⁰ Viñas Á. El escudo de la República. P.342.

⁸¹¹ Op. cit. P.339.

⁸¹² РГВА Ф.35082. Оп. 1. Д.282. Л.44.

зависел от его способности преодолеть мощную антикоммунистическую оппозицию в республиканском лагере. Необходимо было взять под постоянное наблюдение идеалистов из числа иностранных добровольцев, помешать им смыкаться с элементами, выступавшими против сталинской политики и амбиций»⁸¹³. Прибыв в Испанию, руководитель иностранного отдела ОГПУ А. Слущкий наставлял своих подчиненных в отношении «троцкистов» и «анархистов»: «Это – контрреволюционеры, и мы должны их выкорчевать»⁸¹⁴. Члены ПОУМ обвинялись в том, что они являются одновременно агентами и Троцкого, и Франко. Но если с Троцким у ПОУМ была хотя бы общая идеология, то «связь с Франко» реконструировалась через «материалы» Московских процессов 1936–1937 гг. Раз троцкисты – агенты фашизма, значит ПОУМ – агенты Франко.

Поумисты не стеснялись в выражениях, обличая сталинский режим и его проникновение в Испанию. В условиях, когда СССР оказывал помощь Республике, это шокировало далеко не только коммунистов. Пропаганда ПОУМ активизировалась в связи с развертыванием террора в СССР. Член ЦК ПОУМ Ю. Горкин заявлял, что Сталин «приступает к политическому и физическому уничтожению всех оппозиционеров внутри России. Советский режим, также как и аппарат компартии, превращается в громадную бюрократическую пирамиду, наверху которой он себя провозглашает, как неоспоримый вождь»⁸¹⁵. Орган ПОУМ «Ла Баталья» писала 24 января 1937 г.: «Сталин и Литвинов оставляют революционный марксизм и впадают в национализм»⁸¹⁶. СССР занял место российской империи, советская демократия уничтожена. Обличая советских лидеров в переходе от интернационализма к национализму, «Ла Баталья» не прочь была опереться на национальные чувства испанцев. 11 февраля она писала: «Испания не должна быть ни немецкой колонией, ни русской колонией»⁸¹⁷.

Разоблачительная кампания ПОУМ заставляла задуматься партнеров коммунистов – какую судьбу готовят им после победы над Франко. Хотя за плечами союзников компартии еще не было опыта стран «народной демократии» (именно в Испании он и отрабатывался), ужас сталинской чистки в СССР, со всей неприглядностью описывавшейся коммунистами-диссидентами, будил самые неприятные мысли. Критика нынешних коммунистов с ленинских позиций получила распространение и в ОСМ, где сохранилась оппозиция во главе с К. Эрнандесом.

Опасность ПОУМ для коммунистической пропаганды заключалась и в том, что раскольники коммунистического движения лучше всех в Испании знали его опыт, включая самые болезненные для Сталина страницы, среди которых переворот Чан Кайши стоял на одном из первых мест⁸¹⁸. Политика «Народного фронта» была аналогична сталинской линии в Китае, которая десять лет назад закончилась сокрушительным провалом. 2 марта 1937 г. «Ла Баталья» напомнила об этом: «В Китае сделали то, что претендуют сделать в Испании – передать командование профессиональным военным... Эти военные, во главе которых был Чан Кайши, взяли на себя задачу задуть революцию. О парадокс! С оружием, полученным именно из России. Мы не хотим, чтобы этот опыт повторился»⁸¹⁹. Коммунистам следовало срочно представить ПОУМ как банду пособников Франко и, следовательно, – клеветников.

После того как в декабре ПОУМ была «выкинута» из Женералитата, пошли слухи о

⁸¹³ Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1996. С.81.

⁸¹⁴ Там же. С.97.

⁸¹⁵ «La Batalla». 21.1.1937. АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.59.

⁸¹⁶ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.59.

⁸¹⁷ Там же. Л.64.

⁸¹⁸ Подробнее см.: Шубин А. В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20-30-е гг. М., 2004. С. 133–138; Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941. М., 2004. С. 19–25.

⁸¹⁹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.66.

подготовке ею путча «в контакте с экстремистско-гангстеровскими элементами НКТ». Якобы это выступление готовилось на январь 1937 г.⁸²⁰ Но эти слухи не подтвердились. Они отражали реальный поворот в политике ПОУМ. Чтобы преодолеть свою политическую слабость, она сориентировалась на союз с радикальными анархистскими кругами, недовольными относительной умеренностью лидеров НКТ.

Критика сталинизма падала на подготовленную почву. 21 января 1937 г. Комитет анархистской молодежи, с которым стала активно сотрудничать ПОУМ, направил Антонову-Овсеенко письмо против Московского процесса «выдуманных троцкистов»⁸²¹. Советский консул комментировал: «ПОУМ в настоящее время опасен не тем, что он насчитывает в своих рядах несколько тысяч человек, а тем, что пытается вовлечь в орбиту своей провокационной деятельности значительные слои СНТ, действуя через крайних анархистов»⁸²². Более того, противники Сталина «протащили» в газету ОСПК «Требаль» статью о Троцком как спасителе Питера⁸²³.

Антонов-Овсеенко делает вывод, вполне соответствовавший позиции советского руководства: «Лишь политический разгром ПОУМа создаст здоровые условия для длительного сотрудничества между Коммунистической партией и СНТ, ибо ПОУМ является штабом провокации, имеющим свои щупальца во всех организациях и особенно в СНТ и ФАИ»⁸²⁴. Такая демонизация ПОУМ была связана с недооценкой идейной самостоятельности анархистов. Если они идейно противостоят коммунистам-сталинцам, значит за их спиной – другая сила. Стоит разгромить «теневой штаб троцкистов», и анархистов легко будет подчинить влиянию КПИ. Как мы видели, у коммунистов встречались и более реалистические оценки анархо-синдикалистов как принципиальных идейных противников Коминтерна. Однако если с анархистами, как казалось, предстоит «разбираться» после победы над Франко, то «троцкисты» оказались главным врагом СССР, что определило их имидж в Испании.

Сближение ПОУМ и анархистов вовсе не было результатом односторонней инфильтрации «троцкистов» в «хаотическую» анархистскую среду. Анархисты сознательно содействовали этому сотрудничеству: «Анархисты старательно приглашают ПОУМ на общие заседания, изолируя социалистов⁸²⁵, отказывающихся от участия с ПОУМ»⁸²⁶. После охлаждения отношений с коммунистами анархисты использовали ПОУМ как красную тряпку, чтобы поставить коммунистов в неудобное положение, изолировать их от своих массовых мероприятий. Пытаясь изолировать ПОУМ с помощью жесткого бойкота, коммунисты переиграли себя и сузили собственные возможности воздействия на массы анархистов. Ведь коммунисты не могли участвовать в общих мероприятиях с «троцкистами». 19 февраля на совещании у Компаниса представители НКТ предложили привлечь ПОУМ к мероприятиям «недели войны». Представитель ОСПК вынужден был согласиться, но ЦК партии аннулировал это согласие, выставив тем самым коммунистов в невыгодном свете⁸²⁷.

⁸²⁰ Там же. Д.50. Л.43.

⁸²¹ Там же. Д.49. Л.63.

⁸²² Там же. Л.29–30.

⁸²³ Там же. Л.30.

⁸²⁴ Там же. Л.30–31. Следуя в фарватере антитроцкистской истерии, развернувшейся в СССР, Антонов-Овсеенко в то же время фиксирует разногласия в ПОУМ между руководством, фронтовиками, валенсийской организацией. Есть оппозиция и в ЦК (АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.31.). Не слишком ли много разногласий для тайного штаба, руководящего заговором?

⁸²⁵ Здесь имеются в виду члены ОСПК, то есть коммунисты и прокоммунисты.

⁸²⁶ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.6.

⁸²⁷ Там же.

Особенной неприятностью для Сталина могло бы стать появление в Испании Троцкого и провозглашение им здесь, в героическом антураже, нового Интернационала. А. Марти с тревогой докладывал Исполкому Коминтерна о планах «троцкистов» созвать 1 мая 1937 г. Всемирный рабочий конгресс в Барселоне⁸²⁸. Не это ли заставило коммунистов форсировать борьбу за власть в Барселоне в начале мая? Хотя ПОУМ не успела подготовить конгресс к началу мая, да и сам Троцкий опасался приехать в Испанию, где он мог быть арестован агентами НКВД, угроза использования барселонской «площадки» в целях крупной международной антисталинистской акции сохранялась и делала ПОУМ особенно опасным фактором для Сталина.

Стратегический тупик

Отбив штурм Мадрида, республиканцы не могли перейти в контрнаступление. Равновесие сил привело к позиционной войне на Центральном фронте, подобной Первой мировой войне. Сначала франкисты надеялись нанести здесь решающее поражение Республике, затем республиканские генералы, вопреки более перспективным предложениям, стали тешить себя надеждой сокрушить Франко именно здесь, под Мадридом.

13 декабря франкисты попытались обойти Мадрид, прорвавшись между столицей и горами Гвадаррамы. Для начала нужно было перерезать дорогу на Ла-Корунью. В наступление пошли четыре бригады численностью 18000 бойцов. 14 декабря франкисты взяли городок Боадилья, который тут же был отбит с помощью танков Павлова. Новая волна франкистского наступления накрыла Боадилью, где были окружены два батальона интербригадистов. Они с трудом проложили себе дорогу назад, оставив горы своих и вражеских трупов. На рождество в сражении наступила пауза. Перегруппировавшись и получив подкрепления, франкисты начали новое наступление на шоссе.

Им противостояла реорганизованная по новому образцу армия республиканцев. Мадрид и окрестности оборонял армейский корпус Миахи, включавший пять дивизий по две бригады в каждой. Шоссе на Ла-Корунью обороняла дивизия Модесто, в состав которой входили четыре смешанные бригады, в том числе преимущественно анархистская бригада Меры. 3 января 1937 г. франкисты подошли к шоссе у местечка Лас-Росас, где закипели ожесточенные бои. Атаки и контратаки сменяли друг друга, стороны зарылись в землю, как во время Первой мировой войны. Республиканцы цеплялись за многочисленные в этом районе дачные домики и виллы. 5 января на фронт республиканцев обрушился шквал огня, немецкие бомбардировщики и итальянские танки. Фронт был прорван. Над Мадридским фронтом нависла тень катастрофы. К шоссе срочно перебрасывались резервы республики и части с других фронтов. В Лас-Росас продолжали держаться окруженные интербригадисты, преимущественно немцы, но у Посуэло франкисты все же перерезали шоссе. Мера не давал противнику продвинуться от Лас-Росас дальше к Гвадарраме. 11 января в тумане в бой вступили 12-я и 14-я интербригады, переброшенные с других участков фронта. Они вышли к Лас-Росас, где еще держались последние бойцы батальона Тельмана. В прорыв пошли 47 советских танков. Республиканцы окружили пункты Кольменар Вьехо и Галапагар⁸²⁹. Но там упорно оборонялись франкисты, имевшие к тому же противотанковые средства.

Появление советских танков произвело больше впечатления на республиканцев, чем на франкистов: «При малейшей попытке противника проявить активность пехота всюду требует поддержки танков. Любое свое отступление пехота мотивирует отсутствием танков. Часто пехотные начальники выдумывают несуществующие атаки противника, только бы получить танки»⁸³⁰. Чего же хотят от анархистов Арагона, у которых советских танков вовсе не было?

⁸²⁸ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.15.

⁸²⁹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.296. Л.2.

⁸³⁰ Там же. Л.3.

Советские танки действительно наносили противнику существенный урон в сотни бойцов, но этого было недостаточно для прорыва фронта. Однако контрудар остановил натиск противника. В итоге франкисты оставили за собой небольшой участок шоссе, но не более. К 15 января противники зарылись в землю, и сражение иссякло.

* * *

Позиционная война требовала большого напряжения сил без видимого эффекта. Бытовые условия в окопах под Мадридом были куда хуже, чем на Арагонском фронте, где о боях заботились профсоюзы и коллективы в тылу. Солдаты Центрального фронта получали немного риса, картофеля, мало мяса, выменивали бобы в деревнях⁸³¹.

«Командиры более опытные и сноровистые проявляют изобретательность и инициативу. На первом месте тут, конечно, хитрый генерал Лукач. Он уже отлично разобрался в незнакомой обстановке, подобрал энергичных снабженцев, развил громадную деятельность...

– А как же! Сплошной блат, дорогой Михаил Ефимович, я прямо измучился. Без блата ничего не достанешь. Артиллерия стреляет по блату, ей-богу!»⁸³², – рассказывал М. Кольцов. Только подружившись с командиром артиллерийского артдивизиона, Лукач обеспечил достаточную интенсивность огня.

Теплой одежды не хватало. Пришли болезни. Под Мадридом потери от болезней были сопоставимы с боевыми – в типичном батальоне из 510 бойцов осталось в строю 201, при этом за 13.11–15.12.1936 г. боевые потери составили 196 человек, а по болезни – 96⁸³³.

Бойцы требовали отпуска, чтобы помыться и почиститься от насекомых⁸³⁴. Вся эта обстановка деморализующе действовала на бойцов Центрального фронта. Иногда происходили волнения, солдаты требовали их сменить. Зачинщиков арестовали⁸³⁵.

Сама столица при этом снабжалась нормально⁸³⁶. Как рассказывает И. Эренбург, «даже в Мадриде молодежь танцевала, суды разбирали дела о разводах, профсоюз официантов обсуждал новые ставки, и мальчишки выпрашивали у интербригадцев заграничные почтовые марки»⁸³⁷.

К началу 1937 г. в районе Мадрида сконцентрировались основные силы противников – по 30 тысяч с обеих сторон. Общая численность республиканских войск на фронте в начале года оценивалась в 100–110 тысяч, а франкистов на фронте – в 65 тысяч⁸³⁸ (однако с учетом фалангистской милиции и рэкета, в том числе в тылу, численность вероятно доходила до 150 тысяч)⁸³⁹.

В 1937 г. обе стороны развернули мобилизацию, которая на территории Франко шла быстрее, так как там не было дефицита стрелкового оружия. Но главным фактором, который в начале 1937 г. нарушил равновесие сил, стало прибытие итальянского экспедиционного корпуса.

⁸³¹ Там же. Д.287. Л.6.

⁸³² Генерал Лукач. Воспоминания. М., 1967. С.155.

⁸³³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.287. Л.2.

⁸³⁴ Там же. Л.8–9.

⁸³⁵ Там же. Л.7.

⁸³⁶ Там же. Д.334. Л.19.

⁸³⁷ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.613.

⁸³⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.275. Л.11–12.

⁸³⁹ АВП РФ. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л. 64.

Война, начавшаяся как маневренная, превратилась в позиционную. Теперь под Мадридом, а с весны 1937 г. по весну 1938 г. – и на других фронтах, операции проводились, как в Первую мировую – лобовым ударом на перегруженных войсками участках фронта. Большим успехом было продвижение на несколько километров. Война в Испании стала – как и Первая мировая – войной на изнурение. Этим она дезориентировала военных специалистов Европы, не ожидавших возможностей блицкрига.

* * *

События в Мадриде подтвердили необходимость сочетания кадровых и милиционных форм военного строительства. Концепция Ларго Кабальеро и его сторонников, с которой согласились и анархо-синдикалисты, называлась «Народная армия». Все колонны милиции были 29 января 1937 г. объявлены батальонами и бригадами «Народной армии». Они должны были подчиняться общему командованию, но по своей внутренней структуре часть из них, особенно в зоне влияния анархистов, сохраняла начала «военной демократии» (выборность командиров, обсуждение с бойцами плана боя, политические дискуссии и др.).

В. В. Дамье считает принятие декрета 29 января 1937 г. «контрреволюционной мерой», которая означала «ликвидацию народных ополчений и замену их регулярной армией», которая «оказалась, как показал дальнейший ход войны, гораздо менее боеспособной...»⁸⁴⁰. Такие резкие оценки основаны на явном недоразумении. Во-первых, единственный очевидный успех республиканской армии – битва при Гвадалахаре – относится к периоду после принятия декрета 29 января. Получается, что ликвидация ополчений помогла одержать победу (что соответствует и статистическим оценкам). Во-вторых, январский декрет подтверждал решения, уже принятые в октябре. Но в том-то и дело, что в этот период «ликвидации народных ополчений» и «замены» не произошло, поскольку у правительства при всем желании не было возможности изменить структуру милиции там, где бойцы за нее держались (а только в этом случае она давала эффект). Поскольку ни октябрьские, ни январские решения не привели к полному вытеснению милиционных начал, можно говорить о процессе реорганизации, а не о каком-то переломе. Этот процесс шел практически всю войну в одном направлении – больше регулярности. До середины 1937 г. он вел в сторону баланса между милиционными и административными началами. Только после падения Ларго Кабальеро казарменность стала преобладать над милиционностью все сильнее – вплоть до полного вытеснения.

Военное строительство первой половины 1937 г. де-факто основывалось на сочетании милиционных и регулярных принципов. Это сочетание и давало положительный эффект. А вот чисто регулярная армия в 1938 г. действительно показала себя менее боеспособной (впрочем, на то были и другие причины, о которых ниже). Но это произошло вовсе не в результате январского декрета 1937 г., а после падения правительства Ларго Кабальеро и антимилиционной реорганизации армии, предпринятой Прието во второй половине 1937 г. Военное строительство – еще одно подтверждение того, что перелом в развитии революции наступил не в период широкой коалиции с участием НКТ, а после ее распада и падения правительства Ларго Кабальеро.

Создатели новой «Народной армии» прежде всего думали о том, что делать с милиционной «вольницей», а между тем не меньшие, если не большие проблемы исходили как раз от принципов регулярности, от авторитарных устремлений офицерского корпуса. Советские специалисты отмечали многочисленные недостатки республиканских командиров: местничество, неумение действовать согласованно, отсутствие инициативы, неумение маневрировать. «Командиры дивизий, армейских корпусов и армий нуждаются в переподготовке: одни в силу устарелости их методов, другие по молодости и недостатку опыта в управлении крупными соединениями»⁸⁴¹. Эти недостатки мало зависели от милиционной организации. С вытеснением «военной демократии» во второй половине 1937 г. многие из них только обостряются. Почти все эти недостатки можно было встретить и у франкистов. Но все же была и существенная разница,

⁸⁴⁰ Дамье В. В. Указ. соч. С.362.

⁸⁴¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.298. Л.15.

способствовавшая развитию офицерского своеволия у республиканцев: советские специалисты отмечают, что у франкистов за неисполнение приказа наказывают, а у республиканцев, как правило, – нет⁸⁴². До второй половины 1937 г. своеволие командиров сдерживал хотя бы политический контроль и давление снизу.

Старые офицеры ревновали к выдвиженцам из милиции, да и эти выдвиженцы вскоре «бронзовели». Кастовость офицерства вызывала напряженность в отношениях с лучшими бойцами. На Центральном фронте, как жаловались комиссары, «имеется много милиционеров, бывших солдат старой армии, которые воюют с самого начала войны, и они не получают никакого продвижения. Среди этих бойцов можно наблюдать ослабление энтузиазма; это факт, который не следует отрицать»⁸⁴³.

Новые бригады, формировавшиеся из вновь мобилизованных солдат уже на чисто регулярных началах, не отличались от старых бригад в лучшую сторону. По советским оценкам, их боеспособность была «на уровне „среднячков“ – бригад, в большом количестве созданных после реорганизации в Мадриде из разных батальонов и колонн, и надежной силы не представляют»⁸⁴⁴. Комиссар Центрального фронта, коммунист Антон признавал: «На новые пополнения мы не можем полагаться в такой степени, в какой это делаем в отношении частей милиции». Поэтому нужно смешивать пополнения с революционными солдатами, прошедшими школу милиции⁸⁴⁵. В этом сочетании тоже заключались принципы «Народной армии». Но в феврале она еще только начинала формироваться. Прежде чем она одержит первую победу, республике предстояло испытать горечь поражения.

Малага и политический гамбит

Новые трения между союзниками по антифашистскому фронту возникли в связи с падением Малаги, в обороне которой участвовали и анархисты, и коммунисты. Малага представляла собой важный порт на Средиземном море. В августе мятежники во главе с Кейпо де Льяно и Варелой взяли его в полукольцо, но сил для захвата Малаги у них не было. Здесь у республиканцев было 5–8 тысяч бойцов. Однако позиции франкистов, нависающие над городом с запада и севера, были очень опасны. С другой стороны, оказавшись у республиканцев мобильные силы, они могли нанести из Малаги удар в тыл франкистам. Я. Берзин считал что, поскольку у «белых» существенных сил нет, отсюда можно захватить Гранаду⁸⁴⁶.

Я. Берзин сообщает информацию для понимания последующих событий: «Почти все органы власти, в том числе и военные, и основное влияние среди рабочих, крестьян и мелкой буржуазии города находится у компартии...»⁸⁴⁷ Влияние других сил незначительно, только в Малаге заметны анархисты. Это соотношение будет трактоваться коммунистами «с точностью до наоборот», когда придется искать виноватых за поражение.

Кто первый начал бы наступление под Малагой, тот получал стратегические преимущества. Но сил для наступления не было и у республиканцев. Когда комиссар Малаги депутат-коммунист К. Боливар попросил у Ларго Кабальеро подкреплений, премьеру пришлось пристыдить коммуниста – ведь в этот момент разгорелось сражение на подступах к Мадриду, и приходилось срочно перебрасывать подкрепления к столице.

⁸⁴² Там же. Л.16.

⁸⁴³ Там же. Д.312. Л.19.

⁸⁴⁴ Там же. Д.301. Л.3.

⁸⁴⁵ Там же. Д.312. Л.18.

⁸⁴⁶ Там же. Д.275. Л.17.

⁸⁴⁷ Там же.

Равновесие нарушила внешняя сила. В Испании высадились дивизии итальянского экспедиционного корпуса. Итальянский генерал Арнальди, вступая в должность командира 1-й «добровольческой» бригады заявил своим солдатам в приказе от 1 января: «Мы, добровольцы первой бригады, стоим за честь нашей императорской и фашисткой Италии, и победим под священным именем Рима и под вестим знаком фашизма.

Подготовимся со страстью, с сознанием ожидающих нас испытаний и победим. Бог хочет этого, и он руководит бригадой»⁸⁴⁸.

10 тысяч итальянцев двинулись на Малагу. 17 января они перешли в наступление. Без большого труда итальянцы прорвали растянутую оборону Малаги, отрезали ее от республиканской территории и 8 февраля взяли город.

При этом выяснилось, что подступы к городу не были укреплены, отступление было паническим – в том числе и из-за приказов командования. «Местность в районе Малаги чрезвычайно пересеченная, и не было никакой выгоды оставить противнику без боя сильные промежуточные позиции. На некоторых участках танки и автомашины противника могли продвигаться только по дороге, и простая канава, хорошо прикрытая огнем, или взрыв моста – могли бы надолго задержать моторизованную пехоту противника»⁸⁴⁹, – комментировал Я. Берзин.

По сообщению Антонова-Овсеенко, падение Малаги «произвело сильнейшее впечатление», так как после Мадрида сложилось мнение об истощении сил франкистов и «неспособности к сколько-нибудь серьезным наступательным операциям»⁸⁵⁰.

Новое поражение немедленно было использовано в политической игре. По воспоминаниям члена ЦК КПИ Э. Кастро, «Малага была больше чем военным поражением – она была хорошей возможностью для партии начать свою наиболее тяжелую битву за гегемонию – борьбу за свержение Ларго Кабальеро»⁸⁵¹. На заседании испанского правительства коммунисты потребовали тщательного расследования обстоятельств падения города⁸⁵². Коммунисты и анархо-синдикалисты обвиняли в провале друг друга (комиссаром Малаги был коммунист Боливар). Разбираться в обстоятельствах падения Малаги было доверено комиссии под руководством министра-анархиста Х. Гарсиа Оливера и министра-коммуниста В. Уррибе. «Козлом отпущения» назначили заместителя министра (субсекретаря министерства) обороны и секретаря Высшего военного совета Х. Асенсио, за которым не стояло влиятельной партии, но который занимал ключевой военный пост. Его падение могло укрепить позиции коммунистов в армии, что соответствовало стратегическим задачам партии. Досталось и непартийным командным кадрам как таковым, которых КПИ считала «подозрительными»: «Нужно провести тщательный пересмотр всех командных постов и удалить не только сомнительных, подозрительных и ненадежных людей, но и всех тех, кто вследствие инертности и неспособности может служить врагу»⁸⁵³, – говорилось в заявлении КПИ.

⁸⁴⁸ Там же. Д.342. Л.6.

⁸⁴⁹ Там же. Д.298. Л.11.

⁸⁵⁰ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.4.

⁸⁵¹ E. Castro. *Hombres made in Moscow*. Mexico, 1960. P. 489. Мы увидим, что вопрос о свержении Ларго Кабальеро был поставлен не сразу после падения Малаги, а через месяц.

⁸⁵² Ибаррури Д. Указ. соч. С.369. Исследователи, для которых тема войны важнее темы революции, считают: «Поиск виноватых в последовательных военных поражениях (Малага, Теруэль, Эбро) был главным элементом в кризисах, которые имели место на протяжении данного периода времени» (García H. *La charca política republicana* (1936–1939). // *Economía y economistas españoles en la Guerra Civil*. V.1. P.222.). Применительно к Малаге поиск виноватых оказался фасадом, за которым крылась борьба по более существенному поводу – соотношение сил, которые придерживаются принципиально различных стратегий социальных преобразований.

⁸⁵³ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.18–19.

14 февраля многотысячной манифестацией в Валенсии коммунисты начали кампанию за чистку армии. Премьер-министр сначала не понял замысла коммунистов и воспринял демонстрацию 14 февраля «как демонстрацию полного и безоговорочного доверия к нему, лично к Кабальеро»⁸⁵⁴.

Коммунистическая агитационная машина открыла огонь из всех орудий. 15 февраля «Мундо обреро» выдвинула лозунг «Чистка, чистка, чистка!». «Френте рохо» персонифицировала это требование, выступив против «организатора поражений» (имелся в виду Асенсио). Травлю подхватила «Мундо обреро» в опубликованной 16 февраля большой статье «Организатор поражений»: «Его сделали командующим центрального фронта, и тогда начались поражения»⁸⁵⁵. Это обвинение было несправедливым – и до Асенсио у республиканцев не было существенных побед на фронте. Но, атакуя Асенсио, коммунисты убивали двух зайцев – нашли «крайнего» за неудачу в Малаге и получали шанс продвинуть своего человека на пост фактического руководителя армии.

Анархо-синдикалисты, которые вели борьбу с генералитетом за сохранение милиции, поддержали атаку на Асенсио, которого «Кастилия либре» назвала «Большим организатором поражений»⁸⁵⁶.

А. Виньяс справедливо, на наш взгляд, называет среди причин атаки на Асенсио и советский фактор: «Его обвиняли в многочисленных ошибках и провалах, представители Союза питали безосновательные подозрения на предмет его лояльности»⁸⁵⁷.

Советская разведка вела сбор компромата на Асенсио. Ничего особенно убедительного «нарыть» не удалось. Помимо его кадровой политики – разгульная жизнь в бытность военным атташе в Португалии в 1934 г. и – «жемчужина коллекции» – письмо Франко к Асенсио 5 ноября 1934 г. Его текст был передан неким масоном Э. Барберо испанскому консулу в Бордо якобы от анонимных «португальских антифашистов», что само по себе ставило под сомнение подлинность «письма»⁸⁵⁸. Советская сторона подозревала Асенсио в работе на Франко, но доказательств не имела. Поэтому в ход пошла агитационная машина.

В ответ на эту кампанию Ларго Кабальеро 16 февраля направил письмо в ЦК КПИ: «Так нельзя защищать общее дело, правительство и единое командование, о которых многие кричат, чтобы потом саботировать их»⁸⁵⁹. Однако против Асенсио выступили и влиятельные социалисты, в том числе считавшийся левым генкомиссар Альварес дель Вайо.

Коммунисты прозрачно намекали на то, что Асенсио – предатель, и 19 февраля Ларго Кабальеро потребовал от коммунистов доказательств этого⁸⁶⁰. Доказательства не были

⁸⁵⁴ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.26.

⁸⁵⁵ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.19.

⁸⁵⁶ Там же. Л.21.

⁸⁵⁷ Viñas Á. El escudo de la República. P.458.

⁸⁵⁸ В тексте говорилось: «Я получил твою телеграмму из Лиссабона, в которой ты предлагаешь свои услуги из высших революционных побуждений. Пользуюсь случаем сказать тебе, что я настолько ценю твою патриотическую деятельность, еще раз свидетельствующую о твоём прекрасном воинском духе, что еще раз сделал представление военному министру.

Быстрое разрешение астурийского конфликта исключило необходимость использования твоего ценного сотрудничества.

Прими объятия твоего лучшего друга и товарища, который, как ты знаешь, любит тебя». И приписка: «Мы оставляем тебя для португальской кампании» (РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.845. Л.2).

⁸⁵⁹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.25.

⁸⁶⁰ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.19.

представлены, но в условиях травли 20 февраля Асен시오 подал в отставку⁸⁶¹. Вслед за ним рапорт об отставке написал и Кабрера, но Ларго пока оставил его на посту, и, как пишет Я. Берзин, «он на второй день опять заходил петушком»⁸⁶². 19 февраля Ларго даже поставил перед Асаньей вопрос об отставке правительства, но это был скорее демарш, чем серьезное намерение.

Все ждали: кто же придет на место Асен시오? А. Виньяс рассказывает: «В качестве преемника Асен시오 Ларго выбрал очень преданного журналиста без малейшего военного образования... – Карлоса Барайбара. В это время тот находился в Касабланке и, естественно, ничего не знал... Выбор был ошибочным, так как, за исключением личной преданности, Барайбар не мог привнести ничего в ситуацию, в которой прежде всего требовалось знание военных вопросов»⁸⁶³.

Барайбар, конечно, вернулся из Касабланки, но его роль оставалась чисто политической, что показывает – выбор Ларго был не так глуп, как кажется его критикам. Он считал, что лучшим военным специалистом для координации работы военного министерства является Асен시오, назначенный теперь помощником военного министра. Следовательно, заменить его нужно было не другим генералом, который принесет в военную политику новые политические влияния и новые, не обязательно удачные, идеи. Чтобы продолжать прежний курс, нужно было «заменить» Асен시오 человеком, который не сможет и даже не будет претендовать на то, чтобы его заменить. Опытный политик, Ларго на этом этапе обыграл оппозицию, оставив Асен시오 реальным руководителем военного министерства, выставив в качестве чисто фасадной фигуры Барайбара.

Поскольку Высший военный свет собирался редко и работал под председательством Ларго Кабальеро⁸⁶⁴, было не столь важно, кто формально являлся его секретарем. Реальное руководство военным ведомством и Генеральным штабом оставалось в руках премьера, а текущую работу продолжал вести Асен시오 и другие лояльные Ларго Кабальеро офицеры. Грандиозная кампания, инициированная коммунистами, закончилась гамбитом. Пожертвовав малым, Ларго Кабальеро сохранил свои позиции. Как справедливо пишет А. Виньяс, «вопрос заключался не в поддержке генерала Асен시오, а, не более и не менее, в контроле над военной политикой»⁸⁶⁵. Ларго выиграл партию, сохранив контроль за собой.

Берзин с неудовольствием констатирует, что сняв Асен시오, а потом и Кабреру, «Кабальеро все оставил по-старому»⁸⁶⁶. Асен시오 оставался ключевой фигурой в военном ведомстве, влиял на решение кадровых вопросов. Так, на место начальника Генерального штаба советские советники, коммунисты и Прието прочили начальника штаба Центрального фронта Висенте Рохо, но Асен시오 и его сторонники заблокировали это назначение⁸⁶⁷. Впоследствии мы увидим, что в сомнениях по поводу Рохо были свои резоны.

Фактически работу начальника Генштаба вел Альварес Коке, по мнению советских

⁸⁶¹ Левые социалисты продолжали защищать престиж Асен시오 и весной 1937 г., одновременно выступая против культа генерала Миахи, который раздували коммунисты. Газета ИСРП «Аделанте» 23 марта (то есть после победы под Гвадалахарой) утверждала, что в ходе развязанной коммунистами кампании против Асен시오 в падении Малаги был обвинен человек, «который не мог воспрепятствовать этой большой потере». При всем уважении к Миахе, «те люди, которые пытаются преувеличить то, что сделал генерал Миаха, и что является результатом общей работы, с целью приуменьшить роль человека, который сделал главное для обеспечения успехов, являются сознательными или несознательными изменниками родины» (АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.31.).

⁸⁶² РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.991. Л.61.

⁸⁶³ Viñas Á. El escudo de la República. P. 458–459.

⁸⁶⁴ García Oliver J. El eco de los pasos. P.376.

⁸⁶⁵ Viñas Á. El escudo de la República. P.461.

⁸⁶⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.334. Л.2.

⁸⁶⁷ Там же. Д.331. Л.9.

специалистов – «военное дело понимающий», но «бесхребетный»⁸⁶⁸, – то есть как раз управляемый Ларго Кабальеро и Асенсио. «Фактическим руководителем штаба и субсекретариата военмина, очевидно, является находящийся за кулисами Асенсио, который нигде не показывается, но рука которого везде чувствуется»⁸⁶⁹.

С учетом этого неубедительно выглядят и выдвинутые историком А. Виньясом обвинения центрального республиканского командования в непрофессионализме, например: «Необходимо подчеркнуть этот недостаток профессионализма в самом центре военных усилий Республики и сравнить его со строго войсковым, пусть и лишенным особого воображения, подходом Франко к военным вопросам»⁸⁷⁰. Асенсио был профессионалом (что, кстати, определяло не только его достоинства, но и недостатки)⁸⁷¹, Ларго сохранил позиции этого и других профессионалов, не поступившись при этом основами своей военной политики. Мы имеем возможность выполнить пожелание А. Виньяса и сравнить эффективность этого курса Ларго и военной политики Франко и его союзников. Такую возможность нам предоставила битва при Гвадалахаре. Ее результаты доказывают – военная политика Ларго в этот период оказалась успешнее. Увы, правительство Негрина, которым восторгается А. Виньяс, не смогло предоставить на поле боя такого же «результата сравнения». «По плодам узнаете...»

* * *

В связи с отставкой Асенсио коммунисты стали развивать успех и требовали во «Френте Рохо» «самой глубокой чистки командных должностей»⁸⁷². Анархисты все еще поддерживали их, перенося огонь и на Ларго Кабальеро. Когда он 24 февраля назвал Асенсио «ценным сотрудником»⁸⁷³, орган Валенсийской ФАИ писал 25 февраля: «Народ, который стоит выше всякого правительства, обвиняет генерала Асенсио в том, что он – организатор поражений, и если Ларго Кабальеро не отказывается от того, что он – сын народа, он должен:

1. Покинуть пост военного министра.

2. Не мешать работе по очистке командного состава армии»⁸⁷⁴. Радикальные анархисты разошлись настолько, что высказали мысль, уже обсуждавшуюся в кулуарах более умеренных противников Ларго Кабальеро: он «должен принять во внимание, что он больше, чем стар, что он впал в старчество, а старческие люди не могут и не должны управлять»⁸⁷⁵. За этот грубый «наезд» на премьер-министра газета была конфискована и закрыта до 2 марта. «Носотрос» поддержала тему: «Кабальеро стар» и пусть уходит с генералами. Негодных генералов уберем и

⁸⁶⁸ Там же. Д.334. Л.2.

⁸⁶⁹ Там же. Л.2.

⁸⁷⁰ Viñas Á. El escudo de la República. P.459.

⁸⁷¹ Характерно, что противники Ларго, к авторитету которых апеллирует А. Виньяс, как раз остро критиковали профессиональных военных с их специфическими недостатками. Альварес писал: «Один такой из Генерального штаба, Мартинес Кабрера, – совершенный тупица. Но он управляется с бумагами и успешно работает как бюрократ. Генеральный штаб не существует ни как цельная организация, ни как объединение способностей. Мадрид и Малага одновременно не укладываются у них в голове» (Viñas Á. El escudo de la República. P.477). Но раз в Испании были такие профессионалы, то было необходимо сочетание профессионализма и революционной демократичности.

⁸⁷² АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.22.

⁸⁷³ «Adelante», 24.2.1937. АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.21.

⁸⁷⁴ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.23–24.

⁸⁷⁵ Там же. Л.24.

силой⁸⁷⁶. Таким образом радикалы-анархисты шли впереди коммунистической атаки на правительство Ларго Кабальеро. Но лидерам НКТ, по советским данным, это не нравилось. Они «резко отрицательно относятся к позиции этой анархистской газеты»⁸⁷⁷. На съезде ФАИ Васкес собирается требовать закрытия этой газеты «как вредной»⁸⁷⁸.

27 февраля Ларго Кабальеро выступил с заявлением, где попытался опереться на авторитет манифестации, с которой и началась кампания коммунистов: 14 февраля «весь народ показал свое желание работать вместе с правительством не только в делах, касающихся военных действий против изменников Родине, но также в деле, без которого нельзя реализовать никоим образом победу: упорядочение гражданской жизни и введение гражданской дисциплины»⁸⁷⁹. Премьер с горечью утверждал, что от всех организаций, кроме ВСТ, получил пока только «словесную помощь». Более того, отвечая на клеветнические обвинения в адрес своих сотрудников, премьер заявил, что в партиях Народного фронта действуют «фашисты с партийными книжками». Он требовал: «Подчинение, повторяю, подчинение, дисциплина и лояльность»⁸⁸⁰.

Для партийных лидеров ИСРП это была неприятная речь – ведь упрек лидера относился и к ним. Для Ларго Кабальеро профсоюз ВСТ (в отличие от партии) был «его» организацией.

Советские дипломаты отметили, что после Малаги «произошло значительное улучшение отношений между СНТ и коммунистической партией» по вопросу о чистке высшего состава. Министры-анархисты выступали вместе с компартией. В связи с этим обострились отношения кабальеристов ВСТ и НКТ⁸⁸¹.

Однако как раз в этот момент произошла перемена в тоне анархо-синдикалистской прессы. «Фрагуа социаль» приветствовала заявление премьера, увидев в нем критику сторонников сговора с фашистами. Советские дипломаты отметили: «После опубликования манифеста Ларго Кабальеро резко меняется тон анархистской печати в Валенсии»⁸⁸². Конечно, дело было не только в нюансах речи премьер-министра, но и в консультациях по линии ВСТ-НКТ в Валенсии.

«Солидарidad obrera» по инерции выразила недовольство выпячиванием ВСТ, а «Носотрос» 4 марта высказалась против претензий Ларго Кабальеро на господство, что может привести к тирании⁸⁸³. Однако социалисты предпочли заметить изменение тональности «Фрагуа социаль»⁸⁸⁴.

После февральского кризиса начинается сближение между левым крылом ИСРП и НКТ, то есть между кабальеристами и анархо-синдикалистами. Столкнувшись с реальностью революции, у которой оказалось анархо-синдикалистское самоуправленческое лицо, Ларго Кабальеро постепенно стал признавать полезность происходящих перемен и для социализма, и для победы. Сделав ставку не на партии, а на профсоюзные организации, он стал искать модель системы, основанной на организованном труде.

В феврале Ларго Кабальеро нашел принципиальный ответ образовавшемуся против него

⁸⁷⁶ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.23.

⁸⁷⁷ Там же.

⁸⁷⁸ Там же. Л.24.

⁸⁷⁹ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.26.

⁸⁸⁰ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.26.

⁸⁸¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.20.

⁸⁸² АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.27.

⁸⁸³ Там же.

⁸⁸⁴ Там же. Л.28.

блоку коммунистов и правых – преобразование власти на основе организаций трудящихся. Он выдвинул идею правительства профсоюзов, а не партий⁸⁸⁵. В начале марта Я. Берзин докладывал, что недавно была «попытка создать синдикалистское правительство, против чего резко высказался Асанья и пригрозил поставить вопрос перед кортесами (парламентом)»⁸⁸⁶.

Д. Ибаррури заявила: «Ни один марксист не может защищать идею профсоюзного правительства, так как это означало бы отрицание всех принципов социализма, правильность которых была доказана борьбой рабочих всех стран, и прежде всего победой социализма в Советском Союзе»⁸⁸⁷. Несомненно, переход власти к профсоюзным структурам (в том числе и ВСТ, где позиции коммунистов были сильны, но влияние левых социалистов все же преобладало) означал бы шаг назад на пути к социализму советского образца.

Идея правительства, ответственного перед профсоюзами, как минимум до апреля 1937 г. не пользовалась поддержкой и в НКТ. «СНТ» 30 марта выступила против лозунга профсоюзного правительства: «Всякий, маневрирующий призраком профсоюзного правительства, о котором не думали сами профсоюзы, является контрреволюционером и предателем антифашистских интересов»⁸⁸⁸. Но «профсоюзы подумали», и критика этой идеи со стороны НКТ стихла.

В апреле завершилась перегруппировка политических сил, в результате которой левое крыло ИСРП, ВСТ и НКТ стали союзниками на основе курса поддержки синдикалистской революции. Но уже в марте развернулось наступление на правительство со стороны блока коммунистов, правого крыла ИСРП и либералов.

Харама и Гвадалахара: республика получает шанс

Неспособность республиканцев парировать удар на Малагу объяснялась еще и тем, что они готовили операцию под Мадридом. Казалось, что противник здесь выдохся, и можно будет нанести ему поражение, решив тем судьбу войны. Это мнение о необходимости действовать под Мадридом в феврале 1937 г. разделяли и Асенсио, и Кабрера, и командование франкистов.

Пока республиканское командование стягивало силы южнее Мадрида, в район реки Харама, франкисты именно здесь нанесли удар.

Разбирая ход сражения, советник Р. Малиновский «в духе времени» пишет о предательстве в республиканском генштабе, из-за которого франкисты якобы знали о планах наступления⁸⁸⁹. Это сомнительно, франкисты явно недооценивали силы, которыми здесь располагали республиканцы. В своих более поздних воспоминаниях Малиновский обвиняет испанское командование в том, что оно не уничтожило мосты через Хараму: «Нетрудно было предугадать, что мятежники сразу же завяжут бои за переправы. Они были гораздо более необходимы им, нежели республиканцам». Однако на этот раз он не пишет о предательстве, ссылаясь на «тактическое недомыслие испанских офицеров» или... «инерцию задуманного ранее наступательного плана»⁸⁹⁰. Но если накануне планировалось наступление республиканцев, то они очевидно должны были беречь мосты. Малиновский в данном случае «умен задним умом» (чем нередко грешат советские военные специалисты, подчеркивая свое превосходство над испанскими офицерами).

⁸⁸⁵ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.213.

⁸⁸⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.334. Л.3.

⁸⁸⁷ Ибаррури Д. Указ. соч. Т.1. С.372.

⁸⁸⁸ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.45.

⁸⁸⁹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.7.

⁸⁹⁰ Генерал Лукач. С.134.

6 февраля франкисты перешли в наступление силами 20–25 тыс. человек⁸⁹¹. Части, контролируемые коммунистами, заняли высокий берег Харамы, но не смогли удержаться – здесь франкисты форсировали реку. Ночью 11 февраля марокканцы «сняли» посты интербатальона имени Андре Марти на мосту и открыли проходы для кавалерии. Республиканцы взорвали мост, но, словно в мультфильме, он подскочил на месте и, с дырой, упал на прежние опоры. Кавалерия франкистов устремилась в атаку. Батальон имени Андре Марти был разбит. Брешь закрыли другие интербригадисты – поляки и итальянцы. На кону было стратегически важное шоссе на Валенсию.

Проблема республиканцев заключалась теперь уже не столько в подготовке бойцов, сколько в качестве командования: «Штаб и управление харамской группой войск созданы не были, их создали в процессе сражения. Мало того, в процессе самых тяжелых боев делилась власть над войсками между генералом Посас и генералом Миаха и их штабами, в результате чего управление харамским сражением перешло от штаба Посаса в штаб Миаха. Это случилось, главным образом, потому, что ни при каких других условиях Миаха не дал бы своих мадридских частей для усиления войск харамского участка, а других резервов уже не было, все уже было введено в тяжелые бои. А сражение продолжалось и требовало все новых и новых подкреплений»⁸⁹², – рассказывает Р. Малиновский. Республиканцы ввели в бой около 40 тыс. человек⁸⁹³.

16 февраля наступление франкистов за Харамой уперлось в гору Пингарон, где развернулись тяжелые встречные бои. В интервью «Носотрос» 13 июля 1937 г. М. Кольцов рассказывал об участии в них анархистской бригады: «Я видел в боях на Хараме и под Пингароном героическое поведение 70-й бригады из непобедимой дивизии Мэра. Я восхищался этим героическим поведением и желаю... чтобы все секторы испанского рабочего класса объединились для того, чтобы обеспечить победу пролетариата над фашизмом всех классов и оттенков»⁸⁹⁴.

На Хараме республиканцы показали, что бойцы научились обороняться. «Моменты паники вспыхивали неоднократно, но в целом упорство, проявленное частями под тяжелым огнем всех видов, не сравнимо с первым периодом войны»⁸⁹⁵, – докладывал советский наблюдатель.

В ходе этих боев «особую жестокость проявили марокканцы, вырезавшие всех наших раненых и пленных у высоты Пингарон, которая переходила неоднократно из рук в руки»⁸⁹⁶. Но жертвы марокканцев были отмщены. По словам Р. Малиновского, «харамское сражение произвело опустошение в рядах этих войск, и они потеряли свое решающее значение на исход сражений и войны»⁸⁹⁷.

В качестве замены Франко надеялся использовать итальянский корпус, так хорошо показавший себя под Малагой. Но под Харамой он не ударил (хотя это могло принести победу Франко). Итальянцы готовили собственную операцию, которая должна была принести Муссолини славу победителя «красных».

17 февраля Миаха нанес контрудар, и фронт стабилизировался. Отвоевать захваченную франкистами территорию не удалось. Поскольку на этом участке фронта особенно активно проявили себя коммунисты, КПИ предприняла агитационную кампанию, объявлявшую Хараму победой.

Между тем вскоре выяснилось, что республиканская армия способна нанести своим испано-итальянским противникам настоящее поражение.

⁸⁹¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.325. Л.2.

⁸⁹² Там же. Д.503. Л.8.

⁸⁹³ Там же.

⁸⁹⁴ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.115–116.

⁸⁹⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.312. Л.3.

⁸⁹⁶ Там же. Д.325. Л.2.

⁸⁹⁷ Там же. Д.483. Л.14.

* * *

После блестящего дебюта в Малаге корпус чернорубашечников был переброшен под Мадрид, но не для банального удара в лоб. Фронт изгибался так, что можно было ударить в тыл всему мадридскому фронту республиканцев через Гвадалахару.

Против Гвадалахары были сосредоточены лучшие части Франко – 15000 испанцев и марокканцев, на этот раз во главе с героем Алькасара Хосе Москардо, четыре дивизии итальянского корпуса общей численностью 35000 чернорубашечников при 250 танках под общим командованием Марио Роатты. 8 марта они двинулись вперед.

Первоначально фашистскому наступлению противостояла 12-я дивизия республиканцев – 10000 бойцов, из которых было вооружено немногим более половины. Ее фронт был быстро прорван, итальянские танки преследовали отходящих республиканцев. Но уже 9-12 марта на место действия были переброшены все свободные части Центрального фронта, в том числе и те, что еще не отдохнули после Харамы. Из них к 12 марта был сформирован 4 армейский корпус. Под Гвадалахарой им командовал Энрике Хурадо. В него вошли 12-я дивизия Н. Нанетти, 11-я дивизия Э. Листера, в которой действовали 11-я и 12-я интербригады, и 14-я дивизия под общим командованием С. Меры. Хотя численность республиканцев удвоилась, противник сохранял более чем двойное превосходство в живой силе. У республиканцев было только 60 советских танков, но их качество было выше, чем у итальянских.

Битва на земле сопровождалась боями в воздухе (республиканская авиация только 12 марта сделала 142 самолетовылета⁸⁹⁸) и даже катаклизмами в атмосфере. Бойцы шли в атаку то под ледяным ливнем, то по морозу, непривычному для южан – испанцев и итальянцев, которые сражались по обе стороны фронта. Под Бриуэгой, у замка Ибарра, столкнулись чернорубашечники и интербригадисты-итальянцы. Эта «гражданская война» итальянцев в Испании лишней раз показала, что здесь идет лишь одна из битв мировой, а не чисто испанской борьбы.

11 марта фашисты с помощью огнеметных танкеток прорвали фронт Листера на участке 11-й интербригады под Трихуэке и ринулись вперед. Их удалось остановить на подступах к Торихе только с помощью советских танков и авиации. Зато 12-й интербригаде Лукача сопутствовал успех, она удачно провела контратаку и взяла пленных⁸⁹⁹. Однако фашисты продолжали наступать на 12-ю бригаду, стараясь зажать ее в клещи. 12 марта ожесточенные бои продолжались, итальянцев успешно атаковали советские танки.

На участке Меры итальянцы были остановлены за Бриуэгой, после чего и здесь республиканцы стали наносить контрудары.

13 марта, собравшись с силами, части Листера отбили Трихуэке. Роатта был вынужден перейти к обороне, как казалось, временно. 13 марта Муссолини направил телеграмму сражающимся частям: «Обратить в бегство интернациональные силы будет также и политическим успехом большого значения»⁹⁰⁰.

14 марта в район Гвадалахары прибыл командующий Центральным фронтом Миаха.

В этот день бойцы 12-й интербригады при поддержке советских танков взяли важную позицию – замок Ибарра.

Контратаки республиканцев показали, что клин фашистов может быть зажат республиканцами с двух сторон. 11-я и 12-я дивизии вместе с 11-й интербригадой наступали на него с запада, а 14-я дивизия Меры и 12-я интербригада – с востока. Несмотря на то, что у фашистов сохранялось двойное превосходство в силах, республиканское командование решилось

⁸⁹⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.23.

⁸⁹⁹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.10. Р. Малиновский утверждал, что взяли в плен 200 итальянцев, но он здесь преувеличивает. А. Родимцев приводит записку комбрига Лукача, направленную ему в эти дни, где он с гордостью говорит о захвате 25 пленных. К. Мерецков также вспоминает, что в начале сражения 12-й бригадой были захвачены десятки, а не сотни пленных. (Генерал Лукач. С.103, 144). Часть из них «попались», приняв интербригадистов-итальянцев за своих (С.166).

⁹⁰⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.342. Л.37.

на контрнаступление. Ради этого анархисту Мере были даже выделены 16 танков. Ему вместе с 12-й интербригадой и 1-й штурмовой бригадой предстояло взять Бриуэгу с востока, в то время как навстречу с запада должны были ударить Листер и 11-я интербригада.

18 марта контрнаступление началось. Ливень, грязь не остановили продвижение республиканцев. Они ворвались в Бриуэгу с востока и севера. Республиканские танки перерезали шоссе, и чтобы вырваться из окружения, итальянцам пришлось бросать технику и автотранспорт. В плен было взято 300 итальянцев. Роатта принял решение об отходе. Преследуя фашистов, республиканцы обратили их в бегство⁹⁰¹.

20 марта итальянцы закрепились под Леданкой и Аламинос, вскоре после чего сражение прекратилось⁹⁰². Коммунистические части были переброшены на другие участки фронта, а костяком 4 корпуса стала 14-я дивизия Меры. В корпус вошла и поредевшая 12-я дивизия. В дальнейшем по мере пополнения корпус доформировывался.

Сражение под Гвадалахарой имело огромное значение для всего хода войны. В республиканской зоне произошел взрыв энтузиазма. Казалось, наступил перелом. Фашисты потеряли инициативу. Теперь республиканцы могли сами выбрать место для своего удара.

* * *

Итальянцы зализывали раны, Франко сосредоточил силы против Северного фронта. Чаша весов войны колебалась.

В начале апреля Я. Берзин подготовил доклад для Ларго Кабальеро о состоянии республиканской армии. Он считал, что боеспособность противника подорвана – в том числе потерями наиболее боеспособных марокканских частей при Хараме. Республиканцы неплохо показали себя и на южном фронте, отстояв Пособланко в боях с войсками Кейпо де Льяно 17 марта – 11 апреля, но не могли развить успех без снарядов. Бои на южном фронте показали, что на юге и западе противник относительно слаб, и в случае переброски дополнительных сил из под Мадрида может не устоять.

Весь апрель республиканцы тревожили Франко боями местного значения, не давая понять, какой следующий ход предпримет Республика.

Республиканские «войска стали упорнее в обороне и начинают овладевать искусством наступательного боя»⁹⁰³. Республиканская армия насчитывала около 250 тыс. солдат⁹⁰⁴ при 156 танках, 33 броневедомолах и 151 самолете (из них 20 устаревших). Армия удовлетворительно оснащена. Ее слабое место – недостаток снарядов – кроме Каталонии и севера, где положение вполне удовлетворительное (как не вспомнить, что Каталония и север сами обеспечили себя боеприпасами). Республиканцы имели примерно двойное превосходство в численности над противником. Полная готовность армии к наступлению могла быть достигнута к 20 апреля.⁹⁰⁵

Но главный вопрос заключался в том, где и как применить эту силу? На перегруженном Центральном фронте? В Арагоне? Или там, где у франкистов нет существенных сил, например, в Эстремадуре? Именно здесь планировал нанести удар республиканский Генеральный штаб. В этом регионе республиканская территория выдавалась далеко на запад, что позволяло рассеять франкистскую зону надвое. Это дало бы моральные и стратегические преимущества. Операция в

⁹⁰¹ Вскоре после завершения сражения американский журналист и писатель Э. Хемингуэй, воевавший в Италии во время Первой мировой войны, «долго глядел, как выносили из укрытий ручные гранаты итальянской армии, красные, похожие на крупную клубнику, усмехался: „Побросали все... Узнаю ...“» (Эренбург И. Г. Указ. соч. С.597.).

⁹⁰² Подробный разбор сражения при Гвадалахаре см. также: Гражданская война в Испании: Действия на Центральном фронте (октябрь 1936 – апрель 1937 года); П. Самойлов. Гвадалахара. С. 183–412.

⁹⁰³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.334. Л.9-10. Берзин не вполне откровенен с Ларго Кабальеро. Ему он пишет о падении духа мятежников, а в Москву сообщает, что это не так.

⁹⁰⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.334. Л.11.

⁹⁰⁵ Там же. Л.13.

Эстремадуре могла быть подготовлена раньше, но «как кажется, Миаха попытался саботировать наступление, частично потому что предпочитал сосредоточить операции в секторе Брунете, но, может быть, и потому, что уже давно не испытывал симпатии к Ларго Кабальеро»⁹⁰⁶. Таким образом, кампания против премьера уже ощутимо мешала ведению войны. И дело было не только в Миахе, а в целой группе прокоммунистических военных, которые надеялись нанести решающий удар именно под Мадридом. Это был вопрос и их личного престижа (группа Миахи), и приверженности именно позиционной войне вместо более рискованной маневренной⁹⁰⁷.

План наступления, разработанный советскими специалистами и в начале апреля предложенный Я. Берзиным премьер-министру, тоже предусматривал удар в Эстремадуре. Но идея плана Берзина была более сложной. Он предлагал в середине апреля начать наступление Арагонского фронта и окружить Теруэль. Как видно из дальнейшего изложения, этот удар рассматривался как отвлекающий. Передавать технику Арагонскому фронту не планировалось, зато предполагалось позаимствовать у Каталонии артиллерию для Эстремадуры. 20 апреля Берзин предлагал начать большую операцию на Мериду из Эстремадуры, сосредоточив там 10 бригад, танки и артиллерию, в том числе из Каталонии. Одновременно предлагалось нанести удар на Оропес и Талаверу южнее Тахо силами 9 бригад. А затем, 22–23 апреля Центральный фронт должен был ударить в направлении Аранхуэс – Ильескас силами 15 бригад⁹⁰⁸.

Таким образом, планировалось общее наступление против франкистов на широком фронте от Эстремадуры до Мадрида с дополнительными отвлекающими ударами. Пожалуй, при силах, имеющихся у Республики, этот план был «слишком смелым». Но даже при частичном осуществлении он сулил перелом в ходе войны, выход ее из губительной для Республики позиционной фазы. Весна давала Республике новые шансы, но они не были использованы из-за разразившегося в это время политического кризиса.

Цель – Ларго Кабальеро

По версии, высказанной в воспоминаниях министра-коммуниста Х. Эрнандеса, решение о необходимости отставки Ларго Кабальеро было принято накануне мартовского пленума ЦК КПИ, в конце февраля – начале марта на заседании нескольких членов Политбюро ЦК КПИ под сильным давлением эмиссаров Коминтерна, прежде всего И. Степанова (Стояна Минева). По версии Эрнандеса, Диас выступал против снятия Ларго Кабальеро. В условиях военных неудач борьба за власть, чреватая внутренними столкновениями, могла окончательно подорвать обороноспособность республики: «Мне не ясны мотивы, по которым мы должны принести в жертву Кабальеро... Мы можем спровоцировать вражду большей части социалистической партии... анархисты поддержат Кабальеро... Скажут, что мы претендуем на гегемонию в ведении войны и политики». Однако большинство членов Политбюро ждало «голоса Москвы, прежде чем высказать мнение».

Отвечая Диасу и поддержавшему его Эрнандесу, Степанов говорил: «Диас и Эрнандес защищают черное дело. Не Москва, а история обрекла Кабальеро. После возникновения правительства Кабальеро мы идем от катастрофы к катастрофе...

– Это неправда! – прервал Диас.

⁹⁰⁶ Viñas Á. El escudo de la República. P.535.

⁹⁰⁷ В литературе распространено мнение, что план наступления в Эстремадуре «зарубили» советские советники. Это даже породило некоторую дискуссию – только ли они считали, что план плох. А Виньяс, который тоже критически относится к плану (как и почти ко всему, что исходит от администрации Ларго Кабальеро), нападает по этому поводу на историка А. Бивора: «Вопреки утверждениям Бивора, который следует распространенной историографической легенде, возражения против плана „Эстремадура“ выдвигались не только советскими консультантами или коммунистическим руководством» (Р.554). Виньяс вместо старой легенды выдвигает другую, тоже, впрочем, не новую – что все советские специалисты были против Эстремадуры. Но это – совсем не так.

⁹⁰⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.334. Л.13–14. Вскоре Я. Берзин покинул Испанию, и после падения правительства Ларго Кабальеро его план был забыт.

Невозмутимый Степанов упер свои зеленые глаза в черные глаза Диаса и продолжил:

– ... от катастрофы к катастрофе в военном отношении... Кто отвечает за Малагу?»⁹⁰⁹. Конечно, коммунисты не могли признать, что Ларго Кабальеро виноват в падении Малаги не больше, чем они сами.

Диас считал Ларго революционером и бросил реплику против Марти, назвав его бюрократом, а не революционером. Начался скандал, лидеры коммунистов повскакали с мест, Ибаррури бросилась их мирить. В конце концов Тольятти провел голосование, и большинство согласилось со Степановым – партия окончательно брала курс на снятие Ларго Кабальеро⁹¹⁰.

Исследователи критикуют версию Эрнандеса, подметив, что перечисленные им участники этой встречи (а к ним экс-министр отнес также советских представителей Орлова, Розенберга и Гайкиса) не могли бы в этот период оказаться в одном месте. Так, указав, что все перечисленные Эрнандесом люди не находились в Валенсии одновременно, А. Виньяс относит свидетельство Эрнандеса к разряду «манипуляций»⁹¹¹.

Исследователи, отрицающие достоверность воспоминаний Эрнандеса и обвиняющие его в фальсификации, не учитывают особенности мемуарных источников. Известно, что воспоминания, сделанные много лет спустя после событий, лучше передают «дух события», мотивы действующих лиц, чем формальную сторону дела (даты, состав участников совещаний и т. п.). Нередко сливаются вместе несколько бесед, происходивших в действительности. При этом протокол таких заседаний (на который иногда ссылаются как на истину в последней инстанции) часто не передает важнейших деталей беседы, которые самим участникам кажутся наиболее важными. Поэтому на основе ошибок в составе участников нельзя сбрасывать со счетов такой важный источник, как воспоминания члена ЦК КПИ и министра правительства Народного фронта. Нет ничего невероятного в том, что, пусть не в одной, но в нескольких встречах в конце февраля – начале марта участвовали и Марти, и Степанов, и молчаливые советские представители.

При использовании воспоминаний важно не столько перечисление статистов (в котором Эрнандес действительно преувеличивает степень вовлеченности официальных советских представителей во внутрипартийную «кухню» КПИ), сколько выявление позиций активных участников ситуации. А в данном случае это Диас, Степанов, Марти⁹¹² и в меньшей степени Тольятти и Ибаррури. Самое интересное в воспоминаниях – указание на эмиссара Коминтерна Степанова как на мотор кампании за свержение Ларго Кабальеро, против которой сначала возражал Диас. До того, как открылись архивы Коминтерна, мы знали об этом факте именно от Эрнандеса.

Указав на известные противоречия в рассказе Эрнандеса, А. Виньяс добавляет: «Но, помимо

⁹⁰⁹ Yo fui ministro de Stalin. Mexico, 1953. P. 66–68.

⁹¹⁰ Op. cit. P. 70–71.

⁹¹¹ Viñas Á. El escudo de la República. P.635. А. Виньяс видит причины неточностей Эрнандеса в его сознательном обмане: «Он писал в период сильной конфронтации между Сталиным и Тито и воспользовался ей для нападок на режим Москвы. Атмосфера холодной войны, царившая в то время, благоприятствовала развитию всяческого рода кровожадных и заговорщических версий. Как отмечал Эрнандес Санчес, его воспоминания основывались на лекциях, прочитанных в Высшей кадровой школе Коммунистической партии Югославии, и опыте работы в качестве ассистента при югославском посольстве в Мексике. С самого начала эти воспоминания стали политическим орудием сведения счетов с бывшими товарищами. Этот момент не ушел от внимания Прието, который использовал воспоминания Эрнандеса как диалектическое оружие в подкрепление собственных нападок в изгнании» (P.451). Конечно, для А. Виньяса близость к югославским коммунистам должна скомпрометировать в наших глазах этого мемуариста. Получается, что хорошая память лишь у тех, кому нравятся Сталин и Негрин. Однако непонятно, почему именно нелюбовь к Сталину заставила Эрнандеса «свести» в одно место Марти, Степанова и Тольятти, где они на самом деле в это время не встретились.

⁹¹² Чтобы дополнительно дискредитировать свидетельство Эрнандеса, А. Виньяс утверждает, что Марти по возвращении в Москву представил 7 марта доклад с «восхвалениями Ларго Кабальеро» (Viñas Á. Op. cit. P.568). Получается, что Эрнандес «приписал» Марти отрицательное отношение к премьеру. Однако в докладе от 7 марта Марти пишет о том, что Ларго Кабальеро выступил с «атакой против коммунистической партии» и ее союзников, прямо противопоставляет «группу Кабальеро-Галарсы» «ядру, стоящему за единство» (то есть коммунистам и их союзникам). См. Коминтерн и гражданская война в Испании. С.201. Так что здесь прав Эрнандес, а не Виньяс.

этого, Эрнандес совершенно смазал политический контекст момента»⁹¹³. Сегодня архивные материалы позволяют уточнить картину, нарисованную Эрнандесом. «Контекст момента» заключается в том, что с февраля-марта среди советских советников и представителей Коминтерна образовалась влиятельная группа сторонников отставки Ларго Кабальеро с поста не только военного министра, но и премьер-министра. «Мотором» этой группы, как верно указал Эрнандес, был Степанов. Но он был совсем не одинок.

Мы видели, что против Ларго Кабальеро был настроен Димитров, за его смену выступал Берзин (выражавший мнение и других советников как их начальник) и Горев. Вскоре эту позицию будет отстаивать и посол Гайкис.

А. Виньяс категорически настаивает: «Наконец, установлено документально, что позиция Сталина и Коминтерна заключалась в поддержании Ларго Кабальеро во главе Правительства. В этом вопросе сталкивались приказы из Москвы, и то, что фильтровал из Испании „Степанов“»⁹¹⁴. Нет, это не установлено. Во всяком случае, А. Виньяс не доказал, что Степанов обладал монополией на информационные связи между Валенсией и Москвой (ниже мы приведем документ о перепроверке мнения Степанова Димитровым, и эта перепроверка оказалась в пользу Степанова). Также ни А. Виньяс, ни другие сторонники версии о том, что свержение Ларго было проведено вопреки воле Сталина, не доказали, что вопрос о сохранении Ларго был для Сталина принципиальным в его политике в Испании. В противном случае Степанову нечего было бы «фильтровать». Для Сталина был принципиален не Ларго Кабальеро во главе правительства, а контроль за ситуацией. Сохранять Ларго в качестве председателя правительства вовсе не было делом принципа для Сталина. Куда важнее было убрать его с поста военного министра. Если бы Сталин был недоволен, как Степанов «фильтровал» его указания в Испании, Степанову бы потом не поздоровилось бы. Но его жизнь сложилась благополучно⁹¹⁵.

На пленуме 5–9 марта «Хозе Диас поставил открыто вопрос: если правительство не желает и не может очистить свой собственный дом и весь военный аппарат от агентов врага и от неспособных, если правительство не желает или чувствует себя бессильным быстро провести организацию и обучение резервов, организацию руководства военной промышленностью и т. д. – тогда компартия чувствует себя достаточно сильной, чтобы взять на себя ответственность и обязанность по реализации всего этого»⁹¹⁶, – сообщал И. Степанов. Это была заявка коммунистов на ключевые позиции в системе власти.

7 марта Эрнандес выступил с этой идеей на митинге, причем очень резко. Ларго Кабальеро расценил это как выступление против главы правительства⁹¹⁷. Таким образом, по крайней мере в интерпретации Степанова, позиция Диаса была очень близка позиции Эрнандеса, а ее Ларго расценил как выступление против премьера. Он еще не знал, что это позиция не просто

⁹¹³ Viñas Á. El escudo de la República. P.455.

⁹¹⁴ Ibid. P.570.

⁹¹⁵ А. Виньяс вообще пытается представить Степанова неким самостоятельным игроком на испанской политической сцене, который может проводить политику, противостоящую самому Сталину: «Неясен момент, когда становятся очевидными во всей полноте расхождения по вопросу желаемой будущей роли для Ларго Кабальеро. В этой части видно, насколько линия „Степанова“ противоречит линии, неоднократно заявленной Москвой. Тот факт, что преданный и сверхидейный агент поддерживал это противоречие в вопросе, который отнюдь не был пустяковым, может объяснить то, что в критичный момент Коминтерн решил отправить Тольятти в Испанию, независимо от того, был ли он там раньше или нет. Патетическое обращение „Степанова“ от 11 мая, в котором он просит совета (*feedback*, в современной терминологии) у своего руководства, позволяет думать, что он уже не чувствовал себя уверенно на земле, по которой ступал» (P.570). Если в письме от 11 мая и есть признаки «неуверенности», то объясняется это не «расхождениями» со Сталиным, а тем, что 7-17 мая был неясен политический исход майских столкновений, и он мог оказаться совсем неблагоприятным для коммунистов. Разумеется, никаких расхождений в курсах Сталина и Степанова не было, «аватар» Сталина просто шел впереди, а Сталин был осторожнее. Но результат получился тот, к которому стремился Степанов, и Сталин его за это не наказал.

⁹¹⁶ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.210.

⁹¹⁷ Там же. С.211.

Эрнандеса, а КПИ, и 9 марта официально потребовал отставки Эрнандеса. В своем ответе ЦК КПИ сообщил премьер-министру, что Эрнандес выражает позицию партии, но тут же оговаривался – это позиция была выдвинута еще на митинге 14 февраля. А правительство не справляется так хорошо, как справилась бы компартия (что было, конечно, чисто пропагандистским заявлением)⁹¹⁸. В итоге разговора с Диасом Ларго признал, что позиция ЦК КПИ «усиливает и углубляет все то, что сказал Эрнандес»⁹¹⁹, и поэтому отказался от требования его отставки – ведь министр выражает позицию партии, входившей в коалицию.

* * *

В руках компартии был мощный агитационный аппарат: «Если мы решали показать, что Кабальеро, Прието, Асанья или Дуррути ответственны за наши неудачи, полмиллиона людей, десятки изданий, миллионы листовок, сотни ораторов начинали в один голос доказывать опасность, которая исходит от этих граждан...» – вспоминал Х. Эрнандес⁹²⁰.

Но позиции Ларго Кабальеро и его сторонников были достаточно сильны. Оценивая их, А. Марти докладывал в секретариат ИККИ: «Кабальеро и Галарса опираются на следующие элементы: 1. На профсоюзные кадры всеобщего рабочего совета (УХТ), являющиеся не только руководителями профсоюзов, но и руководителями предприятий; 2) на генеральный штаб армии, состоящий из старых, неспособных и подозрительных генералов и из молодых честолюбивых, но опять-таки подозрительных (то есть антикоммунистически настроенных – А. Ш.) генералов вроде Асенцио; 3) через Галарса он опирается на массу функционеров, которых он привлек на полицейскую службу». Продолжал колебаться президент Асанья, который был враждебен как коммунистическим, так и анархо-синдикалистским идеям⁹²¹.

В марте левосоциалистическая пресса ответила информационным залпом против коммунистической партии⁹²². 27 марта на Политбюро КПИ с тревогой говорилось о том, что Ларго Кабальеро и его сторонники стремятся вытеснить коммунистов с занимаемых ими постов в государственном аппарате и армии⁹²³. Уже в марте коммунистическая пресса сетовала, что чистка комсостава обернулась против коммунистов⁹²⁴. За что боролись, на то и напоролись.

В своей пропаганде левые социалисты стали ставить СССР на одну доску с державами, проводившими политику невмешательства. Газета «Аделанте» утверждала, что, выдвигая различные мирные инициативы в то время, пока Германия и Италия помогают Франко, мировые державы ждут, «чтобы Испания превратилась в гору трупов». «До каких пор мистер Иден, месье Блюм, товарищ Сталин... до каких же пор». Слово «товарищ» было написано русскими буквами, чем подчеркивалось, что оно использовано в официальном, переносном смысле⁹²⁵. Полемика имеет свою инерцию, и раздражение политикой коммунистов и их покровителей выливалось в несправедливые упреки, которые с неудовольствием фиксировались советскими дипломатами.

С началом сражения под Гвадалахарой коммунисты стали в ультимативной форме требовать принятия своих военных требований, изрядно нервирова премьерера. 11 марта на заседании

⁹¹⁸ Там же.

⁹¹⁹ Там же.

⁹²⁰ Ernandes J. Op. cit. P.134.

⁹²¹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.74. Д.206. Л.4–5.

⁹²² АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.5.

⁹²³ Там же. Л.39.

⁹²⁴ «Frente Rojo». 26.3.1937. АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.35.

⁹²⁵ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.63.

Политбюро они впервые поставили вопрос о главе правительства⁹²⁶, «посоветовавшись» с лидерами НКТ, ВСТ и соцпартии. Ларго объяснял, что в разгар сражения реорганизации неуместны, что «положение хорошее». Коммунисты атаковали «смехотворные предложения» Генштаба. Вся эта политическая суета могла дезорганизовать управление войсками. Ларго в этой критической ситуации оказался мудрее своих противников, «без взрывов гнева» принял их предложения. Благо, частично эти предложения представляли собой самоочевидные вещи (переброска резервов к месту сражения), а частично не могли быть осуществлены немедленно и тем помешать командованию (чистка армии). Однако эмиссар Коминтерна Степанов был уверен, что «если правительственный кризис ныне избегнут, то это не надолго»⁹²⁷.

С началом сражения при Гвадалахаре Степанов впал в панику: «опасность катастрофы вполне реальна», «мы находимся не накануне, а уже в начале практической реализации повторения в большом масштабе (в секторе Центр – Мадрид – Гвадалахара) катастрофы Малаги»⁹²⁸.

Готовясь к грядущему кризису, партия укрепляла контакты с ВСТ, НКТ и социалистами. Учитывая, что о либералах Степанов также отзывался положительно, против кого же будут направлены действия в скором правительственном кризисе? Догадаться несложно. Однако в одном противники Ларго Кабальеро просчитались: анархо-синдикалисты в этом конфликте уже не были на стороне коммунистов и правых социалистов.

Позиция анархистов была двойственной: «Идею отделения военного министерства от управления правительством разделяют также и анархисты, однако они ставят непременным условием сохранение Кабальеро во главе правительства, усматривая в его лице гарантию против возможного крена вправо»⁹²⁹. А коммунисты, в отличие от анархистов, несмотря на все оговорки, готовы на это и «ценой ухода», и «ценой крена революции вправо». В этом и заключалось принципиальное разногласие двух сил по вопросу о Ларго Кабальеро. В то же время советские представители с тревогой сообщали, что в Валенсии (то есть в правительстве) у представителей НКТ «роман с Кабальеро против коммунистов»⁹³⁰.

В момент своего военного триумфа Ларго Кабальеро оказался в максимальной изоляции. С коммунистами и либералами он уже поссорился, а сближение с анархо-синдикалистами только началось.

17 марта Степанов пишет о возможности в ближайшем будущем (десять дней) «форсировать реорганизацию министерства при другом министре войны или создать министерство без Кабальеро»⁹³¹. Из контекста видно, что во втором случае слово министерство употреблено в смысле «правительство».

Вывод Степанова на этот раз категоричен и недвусмыслен: «Здесь все согласны, что директивы-советы из дому абсолютно правильны во всех вопросах, только в одном вопросе они превзойдены событиями, это в вопросе, касающемся возможности найти общий язык с Кабальеро. (Подчеркнуто читателем в Москве. Этим читателем скорее всего был Димитров, может быть – Мануильский⁹³². Оба были обязаны донести столь важную информацию до Сталина – А. Ш.). Здесь все согласны признать, что дальнейшее согласие невозможно, что все возможности исчерпаны, что нужно взять руководящую позицию, заставить Кабальеро отказаться от поста

⁹²⁶ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.212.

⁹²⁷ Там же.

⁹²⁸ Там же. С.209.

⁹²⁹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.37.

⁹³⁰ Там же. Д.50. Л.21.

⁹³¹ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.222.

⁹³² Там же. С.285.

военного министра и, если это понадобится, то и от поста председателя совета министров»⁹³³. Именно этот план будет в реальности осуществлен в течение ближайших месяцев. При чем осуществлен с ведома Москвы. И было бы очень наивно думать, что это могло быть сделано вопреки воле Сталина (тем более, что по окончании войны проводник этой политики И. Минев не был репрессирован, а продолжил работу в секретариате Коминтерна).

Публично Сталин все еще поддерживал Ларго Кабальеро. 20 марта, на встрече с Р. Альберти и М. Т. Леон он говорил, что «Ларго Кабальеро продемонстрировал свою готовность бороться с фашизмом. Он должен был оставаться на посту председателя Правительства»⁹³⁴. Но при этом Сталин уже прощупывает почву для перемен в республиканском правительстве в соответствии с планом Степанова: «Было бы лучше, чтобы военное руководство перешло в другие руки»⁹³⁵.

Пытаясь понять Сталина, всегда нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, он далеко не всегда говорил то, что думал, первым встречным иностранцам (а иногда, особенно в 1937 г. – и в ближнем окружении). Во-вторых, никогда не забывая о стратегических целях, тактически Сталин обычно действовал по ситуации, маневрировал⁹³⁶.

Его люди сообщали из Испании, что пора свергать Ларго Кабальеро. Сталин не одергивал их, но предлагал пока начать с малого. 14 марта на встрече с Ворошиловым, Молотовым, Кагановичем, Димитровым, Марти и Тольятти Сталин высказался в том духе, что фигура Ларго Кабальеро на посту председателя правительства является, конечно, предпочтительной, и сейчас нет на этот пост лучшей кандидатуры. Но необходимо убедить его оставить пост военного министра и в ходе реорганизации правительства по возможности расширить позиции компартии⁹³⁷.

Советский полпред Л. Гайкис тактично разъяснял руководству, что невозможно отделить вопрос о военном ведомстве от проблемы конфликта Ларго Кабальеро и коммунистов в целом. Гайкис считал, что после Гвадалахары «успехи на Центральном фронте внесли самоуспокоение и ослабили нажим со стороны всех сторонников радикальных перемен в военном руководстве и военной политике, который Кабальеро воспринял как борьбу, направленную против него»⁹³⁸. Сторонники премьера стремились использовать победу для укрепления его авторитета, используя против критиков патриотическую карту. Как писала «Аделанте» 20 марта, Ларго Кабальеро не нравится кое-кому «из наблюдателей того или другого иностранного государства»⁹³⁹.

7 апреля, направляя донесение в Москву, Гайкис уже исходит из необходимости добиваться свержения Ларго Кабальеро, если он откажется сдать пост военного министра. Он сообщает, что окружение Ларго Кабальеро – Аракистайн, Барайбар и Агирре пытаются «путем закулисных комбинаций» сохранить «старика» в качестве премьер-министра, заняв пост военного министра одним из его сторонников⁹⁴⁰. Здесь Гайкис уже исходит из того, что Москва не собирается

⁹³³ Там же. С.231.

⁹³⁴ Viñas Á. El escudo de la República. P.469.

⁹³⁵ Ibid. А. Виньяс на основании этого интерпретирует Сталина так: «...но целью было одно: демократическая Республика». Я бы добавил: «народно-демократическая».

⁹³⁶ На мой взгляд, именно эти качества он проявлял в такие важные периоды, как 1929–1930 гг., и весной 1937 г., и в августе 1939 г., и в первой половине 1941 г. См. например: Шубин А. В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20-30-е гг.; Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941; Шубин А. В. 1937. «Антитеррор» Сталина. М., 2010.

⁹³⁷ The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949. New Haven, 2003. P.58.

⁹³⁸ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.35.

⁹³⁹ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.30.

⁹⁴⁰ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.50.

держаться за Ларго в качестве премьера.

Л. Гайкис утверждал: «Борьба реформистской верхушки с коммунистической партией облегчается рядом субъективных качеств престарелого и строптивного Ларго Кабальеро, действующего в силу специфических здешних условий в качестве политического диктатора»⁹⁴¹. Может быть, Ларго Кабальеро и вел себя иногда как строптивный и харизматический лидер, но вот с его уходом граждане республики узнают, что такое настоящий авторитаризм, направленный против революционеров.

Противники премьера возобновили атаку на военное руководство, невзирая на только что одержанную республиканской армией первую (и, как оказалось, – последнюю) очевидную военную победу. Но прокоммунистический блок критиковал и ее результаты как недостаточные. Гайкис надеялся, что растет поддержка идеи «смены военного руководства как решающей предпосылки обеспечения победы»⁹⁴².

Гвадалахара показала, что имеющаяся военная политика хорошо сработала, но для прокоммунистического блока ее изменение было уже делом принципа, путем к решению вопроса о власти. После Гвадалахары стало очевидно, что Ларго Кабальеро был прав, когда подозревал, что борьба за военное руководство – это борьба против сложившейся при нем системы власти. И, по мнению Гайкиса, Ларго Кабальеро это понимал: он не пойдет на обновление командования, «тем более, что это связано с привлечением людей, в той или иной степени связанных с Коммунистической партией»⁹⁴³. Поэтому «разрешение вопроса о смене военного руководства неотделимо от дальнейшего исхода борьбы с коммунистической партией»⁹⁴⁴. «Таким образом, в ближайшее время может встать вопрос, либо сохранить нынешнее военное руководство, подвергая тем самым серьезному риску объективно возможную победу, либо обеспечить условия для победы хотя бы ценою некоторого серьезного внутреннего потрясения, вызванного вынужденным уходом Кабальеро с поста военного министра, если в конечном счете не удастся добиться конечных перемен»⁹⁴⁵. Финал фразы особенно примечателен. Что это за «конечные перемены». Очевидно, что Ларго Кабальеро должен был воспротивиться уходу его с руководства военным ведомством и чистке от его военных сотрудников – как раз тогда, когда республиканцам наконец улыбнулась военная удача. С какой стати отправлять в отставку военное руководство, которое смогло одержать первую несомненную победу? Зачем менять его на людей, связанных с компартией, которые еще не доказали, что будут руководить лучше, зато в случае победы наверняка свернут голову партнерам по Антифашистскому фронту, опираясь на штыки? И что делать инициаторам нынешней военной чистки, если Ларго Кабальеро не согласится на разделение постов? А он скорее всего не согласится.

Гайкис понимает, что «подобный исход мыслим лишь в результате согласия на него самого Кабальеро», а это возможно только под «угрозой политического кризиса»⁹⁴⁶ – то есть снятия Ларго Кабальеро с поста премьера.

Если эта угроза не возымеет действия, «конечными переменами» станет свержение самого Ларго Кабальеро и его союзников, что не обойдется без «некоторого серьезного внутреннего потрясения».

1 апреля советник «Санчо» (Горев) также выразился вполне определенно: «Не стоит держаться во что бы то ни стало за Кабальеро. Он достаточно умный старик для того, чтобы понять, что компартия считает его участие в правительстве если не обязательным, то крайне

⁹⁴¹ Там же. Л.49.

⁹⁴² Там же. Л.46.

⁹⁴³ Там же. Л.38.

⁹⁴⁴ Там же. Л.47.

⁹⁴⁵ Там же. Л.50.

⁹⁴⁶ Там же.

желательным. Потому на каждый нажим компартии он отвечает угрозой кризиса... В случае его упрямства лучше выиграть войну без Кабальеро, чем проиграть ее с ним»⁹⁴⁷.

Таким образом, после Гвадалахары у советских представителей и в коммунистическом руководстве возникает ощущение, что пора делить шкуру неубитого, но серьезно раненного фашизма. А значит, даже ценой «некоторого внутреннего потрясения» необходимо отстранить Ларго Кабальеро от руководства армией, а если он будет этому сопротивляться – то и правительством. Пора установить контроль над армией, чтобы после победы над Франко не упустить плоды победы.

То, что в итоге этих потрясений и чистки военных кадров Республика может потерять только-только появившийся и еще слабый шанс на победу – это не приходило в голову ни Гайкису, ни Степанову, ни поддержавшим в итоге их линию советским лидерам.

В этих условиях коммунисты получили поддержку со стороны президента Асанья, который на встрече с представителями компартии выступил за отставку премьера с поста военного министра, «учитывая ряд личных качеств Кабальеро и его преклонный возраст». Но брать на себя ответственность Асанья не хотел и намекнул, что инициатива в этом вопросе должна исходить от партий, а не от президента⁹⁴⁸.

В политической стратегии Коминтерна каждому были отведены свои места и сроки. Крикливых «троцкистов» можно изолировать силовым путем. Анархисты, как казалось, были успокоены и умиротворены, готовы были остудить свой революционный пыл и уступить этатизации. В социалистической партии влиятельные «центристы» стали лучшими союзниками компартии. Сам президент Асанья забыл о своем антикоммунизме и готов был идти на поводу у Москвы. И только Ларго Кабальеро во главе левых социалистов продолжал держать правительственный руль в сторону испанского пути революции.

* * *

Последняя пристрелка перед решающим политическим сражением произошла во второй половине апреля. 17 апреля правительство приняло Декрет о политических комиссарах, который должен был поставить этот институт под контроль правительства, а не партий⁹⁴⁹. Теперь аппарат генкомиссариата подчинялся военному министерству через голову генкомиссара, военный министр лично должен был назначить комиссаров и руководителей аппарата.

В докладе советника «Патри» о политработе говорилось, что сформировались две концепции в дискуссии о комиссарах: коммунисты отстаивают революционную идею, что комиссары – «вожаки солдатской массы», а реформисты – что «армия вне политики»⁹⁵⁰. Эта ситуация лишней раз подтверждает, что коммунисты далеко не всегда действовали по принципу «сначала война, потом революция». Им не нравилась революция синдикалистов, но они готовы были поддерживать тонус политической активности и даже конфликтов среди солдат ради того, чтобы военная сила была под контролем комиссаров в неменьшей степени, чем офицеров.

Д. Ибаррури, выражая мнение КПИ, резко отрицательно отнеслась к декрету 17 апреля, который был издан как раз в ответ на кампанию тех же коммунистов за дисциплину в армии. Но, с точки зрения коммунистов, бойцы должны были подчиняться приказам комиссара, а вот подчинение комиссара командиру нравилась партийным лидерам куда меньше: «Теперь хотят погубить инициативу комиссара, ограничить его деятельность бюрократическими рамками, в результате чего работа их будет совершенно бесполезна»⁹⁵¹.

⁹⁴⁷ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.334. Л.26.

⁹⁴⁸ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.37.

⁹⁴⁹ Соответствующий приказ Ларго Кабальеро издал в качестве военного министра еще 14 апреля.

⁹⁵⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.348.

⁹⁵¹ «Frente Rojo». 17.4.1937. АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.66–67.

«Комиссары должны зависеть от военного министерства, проводника единого командования, необходимость которого признает весь антифашистский фронт», – ответила Пасионарии социалистическая газета «Аделанте». «Товарищи из „Аделанте“ смешивают политику Народного фронта с личной политикой одного человека». Народный фронт – это коалиция, и институт комиссаров имеет «такой же характер»⁹⁵², – парировала «Френте Рохо». «Аделанте» продолжила спор: «Некоторые военные комиссары, члены коммунистической партии, злоупотребляют своей должностью для вербовки многих членов для своей партии». Более того, «ежедневно говорится об укреплении политики коалиции, и вместе с тем ежедневно саботируется руководитель этой политики»⁹⁵³, – разоблачает «Аделанте» двойственность позиции коммунистов в отношении Ларго Кабальеро.

Тем временем 23 апреля «Аделанте» обвинила большинство коммунистов-комиссаров в «нелояльной деятельности», а Урибе – в появлении хлебных очередей⁹⁵⁴. Понимая, что сейчас конфликт не ко времени, 24 апреля коммунисты объявили о прекращении полемики по этому вопросу⁹⁵⁵, сопроводив это заявление многозначительным призывом: «Соцпартия должна для блага единства заставить замолчать людей, которые сеют развал в рядах пролетариата»⁹⁵⁶. Затишье в кампании коммунистов против сторонников Ларго Кабальеро оказалось затишьем перед бурей.

Нараставшая в Республике напряженность была связана и с политическими репрессиями, которые постепенно распространялись на левых.

На пленуме НКТ 16–20 апреля обсуждались репрессии, которые проводили коммунисты и их союзники против левых оппозиционеров. 15–16 апреля службой безопасности Хунты обороны Мадрида, действовавшей под руководством коммуниста (формально – члена ОСМ) Х. Касорлы⁹⁵⁷, были произведены аресты и физические избиения «фашистов» в Мадриде. Аналогичные события произошли в Мурсии⁹⁵⁸. «Фашистами» были объявлены поумисты и анархисты⁹⁵⁹. Среди арестованных оказался известный командир-анархист Ф. Марото. Разразился скандал. «Эти преступные действия вскрывают наличие в Испании „чекистского“ политического терроризма»,⁹⁶⁰ – писала анархистская «СНТ» 17 апреля.

Пленум решил послать делегацию в Мадрид, чтобы она могла оценить ситуацию, сложившуюся в результате деятельности Хунты. Из Мадрида поступала информация о серьезных злоупотреблениях коммунистов. Результаты расследования не заставили себя ждать. Социалисты и анархо-синдикалисты опубликовали информацию о репрессиях, организованных коммунистами против представителей других течений в Мадриде. «У нас нет соответствующих слов, – писала „Солидариадад обрера“, – чтобы охарактеризовать тиранию мадридских коммунистов, которые

⁹⁵² АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.67.

⁹⁵³ Там же. Л.68.

⁹⁵⁴ Там же. Л.69.

⁹⁵⁵ Там же. Л.68.

⁹⁵⁶ Там же. Л.72.

⁹⁵⁷ Х. Касорла был заместителем советника по вопросам общественной безопасности Хунты С. Карильо, который возглавит Компартию Испании в 60-70-е гг.

⁹⁵⁸ Поведение губернатора-коммуниста А. Претеля по подавлению оппозиции были столь грубыми, что против него выступил даже официоз ИСРП «Эль Социалиста», контролируемый правым крылом ИСРП, искавшим в это время сближения с КПИ. В результате скандала Ларго отправил Претеля в отставку (Graham H. Op. cit. P.63).

⁹⁵⁹ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.49.

⁹⁶⁰ Там же. Л.50.

захватили контроль над столицей. Здесь практикуются произвольные аресты, убийства без суда, секретные тюрьмы, преследования прессы...»⁹⁶¹ Скандал разрастался все шире. Директор тюрем М. Родригес заявил, что ему неподконтрольны коммунистические узилища.

21 апреля правительство Ларго Кабальеро заявило о роспуске Мадридской хунты. Этим премьер усиливал и контроль за генералом Миаха, который вместе с Хунтой сделал Мадрид самостоятельной вотчиной и стремился возглавить всю армию Республики. «Становится ясно, – утверждала „Солидаридад обрера“, – что чекистская организация, раскрытая сейчас в Мадриде, за создание которой отвечает комиссар безопасности Касорла, напрямую связана с подобными центрами, действующими под единым руководством и с определенным планом национального масштаба»⁹⁶². Эти события не только дополнительно ухудшили отношения коммунистов и анархистов, подтвердив худшие подозрения последних, но и драматически воздействовали на развитие ситуации в Каталонии.

Каталонский узел

Центральную роль в исходе политического кризиса в Республике весной 1937 г. сыграли события в Каталонии, где на противоречия общеиспанского характера накладывалась также специфика, связанная с национальной автономией. Каталония с ее промышленностью была ключом к политической победе Республики и в Республике. Она была оплотом НКТ и ПОУМ, а значит – главным препятствием для осуществления политической стратегии КПИ и ее союзников. Она была промышленным сердцем республиканской зоны. Без компромисса с каталонцами – и националистами, и анархистами, не могла состояться победа. Но проблема заключалась не только в отношениях Республики и Каталонии, но и в конфликтах внутри Каталонии. Они завязались в настоящий Гордиев узел.

После Гвадалахары политические процессы стали сдвигаться во встречных направлениях. С одной стороны, у Ларго Кабальеро стали наконец налаживаться отношения с НКТ, а у ОСПК – с Компанисом. Но с другой стороны, стал нарастать конфликт между анархо-синдикалистами и ПОУМ с одной стороны и другими каталонскими партиями – с другой.

Во время Гвадалахары в Каталонии усилилось движение за сплочение сил республиканцев и помощь фронту, была проведена неделя помощи Мадриду. Собрали 1 млн песет, 14 вагонов с 140000 кг муки⁹⁶³. Вопреки представлению об эгоизме вождей Арагонского фронта, они спорили о том, какие части снова послать на помощь Мадриду. Анархо-синдикалисты не соглашались, что под Мадрид нужно отправить дивизию Маркса. Иглиес настоял на формировании 9 батальонов разных партий, «чтобы и анархисты участвовали в боях центра»⁹⁶⁴. Однако под Гвадалахарой справились без новых подкреплений из Каталонии.

Этот эпизод показывает, что силы Арагонского фронта можно было привлечь и к операции в Эстремадуре, где так нужна была их артиллерия.

Правительство также пошло навстречу Каталонии. 8 марта было заключено соглашение, вводившее представительство Каталонии в Главном совете обороны и Центральном штабе⁹⁶⁵ для того, чтобы голос Арагонского фронта учитывался в общем военном планировании. Каталония признала право Центра назначать командующего фронтом, но по согласованию с Каталонией.

Отношения с центром постепенно налаживались. К этому времени в Каталонии был создан запас снарядов в 82000 штук, и в Центр отправлялось 1500 снарядов в день. В обмен каталонцы

⁹⁶¹ «Solidaridad obrera». 20.04.1937.

⁹⁶² «Solidaridad obrera». 25.04.1937.

⁹⁶³ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.9.

⁹⁶⁴ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.13.

⁹⁶⁵ Там же. Л.8.

требовали оружия⁹⁶⁶. Однако Прието и Асенсио не спешили удовлетворять каталонские заявки, а «роман» НКТ и Ларго Кабальеро только начинался. Советские специалисты признавали, что, «не давая Каталонии оружия, центральное правительство подрывает общереспубликанский фронт, содействует анархистам и сепаратистам»⁹⁶⁷. За этой неуклюжей формулировкой, вроде бы направленной против анархистов и националистов – признание их фактической правоты в вопросе об оружии.

Анархо-синдикалисты в это время обрушились на Прието с тяжкими обвинениями: «...Прието, человек, который не колеблется принести в жертву тысячи людей на Севере (имеется в виду Северный фронт, отрезанный от основной республиканской зоны – А. Ш.) ради того, чтобы добиться определенного финала...»⁹⁶⁸ Обвинения Прието в капитулянтстве на Северном фронте были связаны с отказом от переброски авиации на север основной республиканской зоны, откуда она могла бы помочь блокированной Стране Басков. Если в критические осенние дни 1936 г. анархисты отправили на Центральный фронт свои лучшие части, то теперь, когда напряжение войны сместилось на Север, министр не спешил отправлять туда силы, без которых активные боевые действия были невозможны.

В 1937 г. Прието был готов подчиняться сталинским требованиям, так как он также опасался усиления Каталонии. Военная сторона дела считалась второстепенной. В октябре 1937 г. пассивная стратегия Прието увенчается падением Северного фронта и разгромом Страны Басков. «Определенный финал» будет достигнут, и то, что в мае могло показаться домыслами анархистов, станет печальной реальностью.

* * *

Пытаясь как-то улучшить положение с оружием, анархисты развернули кампанию за хотя бы частичное разоружение тыла. 14 марта было принято воззвание барселонского комитета НКТ, испанского и краевого комитетов ФАИ и Либертарной молодежи: «Все вооруженные силы Каталонии – в распоряжение и под руководство военного министерства Каталонского правительства. Оружие – для фронта, люди – на фронт, средства питания – на фронт»⁹⁶⁹. Но когда Исглиес попытался отправить 2 тысячи национальных гвардейцев на фронт, Компанис отменил это решение⁹⁷⁰.

Дело было не только в том, чтобы отправить как можно больше вооруженных людей в окопы. Важно, чтобы после этого не оказаться в застенках у тех, кто сохранил козырь в рукаве – силовые структуры тыла. Советские специалисты с горечью отмечали: «Сейчас партии свои усилия направили не на то, чтобы бить фашизм, а на увеличение и вооружение своих частей, чтобы быть готовыми бить друг друга при разделе шкуры еще не убитого медведя»⁹⁷¹. «В комитетах (политических партий и организаций – А. Ш.) имеются элементы, которые считают неизбежным столкновение внутри единого фронта, а отсюда – каждый из партийных комитетов стремится различными путями, под разными предлогами сохранить для этой будущей работы живую силу и как следует самовооружиться»⁹⁷². Командир дивизии К. Маркса Дельбаррио прямо говорил советским товарищам: «Нам нужно кроме дивизии „К.М.“ сформировать еще одну

⁹⁶⁶ Там же. Л.15.

⁹⁶⁷ Там же.

⁹⁶⁸ ИИИ. Paquete P61... P.2.

⁹⁶⁹ АВП. Ф.97. Оп. 14. П.3. Д.5. Л.9.

⁹⁷⁰ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.5.

⁹⁷¹ РГВА Ф.35082. Оп.1. Д.284. Л.14–15.

⁹⁷² Там же. Д.292. Л.11.

дивизию для того, чтобы воевать с анархистами»⁹⁷³.

Анархо-синдикалисты не собирались оставлять силовые структуры Каталонии в руках их оппонентов, особенно – ОСПК. Поэтому в Каталонии развернулась острая борьба за контроль над органами безопасности. За этот вопрос отвечала Хунта внутренней безопасности. Во время обсуждения вопроса об организации внутренней охраны развернулась настоящая склока между членами Хунты от НКТ и ОСПК. Как докладывал Антонов-Овсеенко, «Фернандес приставил пистолет к виску начальника полиции совета Саласа, но Айгваде пригрозил своим пистолетом Фернандесу»⁹⁷⁴. Эта ненависть силовиков противостоящих политических блоков друг к другу (Фернандес – НКТ, Айгуаде – Эскерра, Салас – ОСПК) сыграет свою роль в дальнейшей эскалации конфликта.

Таким образом, сохранение части вооруженных сил в тылу было следствием взаимного недоверия партий и движений. Каждый призывал на фронт других и придерживал силы в тылу на случай столкновения. При этом анархо-синдикалисты, контролировавшие пост военного министра (советника) Каталонии, были в большей степени настроены на укрепление фронта за счет тыла, чем ОСПК и националисты.

Тем не менее, долгое время столкновения удавалось избежать. Спонтанные стычки вызывали возмущение всех сторон, и любители поиграть оружием тут же ретировались.

19 марта ФАИ выступила с манифестом, где потребовала коллегиального управления полицией, чтобы она не стала орудием одной партии. Компанис сначала возмутился опубликованием этого манифеста, назвал его «объявлением войны», но затем успокоился и только сказал, что анархисты могли бы выступить с этим месяца через 3–4, когда обстановка станет поспокойнее. Но анархистам нужно было именно сейчас сформулировать позицию по вопросу о силовых структурах, когда он стал центральной политической темой⁹⁷⁵.

ФАИ выдвинула Фабрегаса на пост генерального директора безопасности⁹⁷⁶. Компанис ответил, что можно назначить гендиректором и анархиста, но с безупречной репутацией⁹⁷⁷. Действительно, Фабрегас был человеком неуравновешенным. Однако теперь неуступчивость «включил» первый секретарь ОСПК Коморера. Антонов-Овсеенко с неудовольствием докладывал, что он «упорствует на требовании отстранения анархистов от ответственных постов»⁹⁷⁸.

Негрин, Прието, Альварес дель Вайо и Ларго Кабальеро советовали делегатам ОСПК не уступать анархистам⁹⁷⁹. Позиция первых трех понятна. Если верна информация о такой же позиции премьер-министра, это значит, что в марте он вел двойную игру с анархистами, нащупывая контакт с ними в противоборстве с коммунистами и смыкаясь в борьбе против них с правыми социалистами.

Неуступчивость Комореры серьезно накалила обстановку, генсек НКТ Васкес убеждал Антонова, что именно первый секретарь ОСПК является «основой раздора»⁹⁸⁰.

Последней каплей стал захват членами ОСПК с помощью поддельных документов 26

⁹⁷³ Там же. Д.284. Л.15.

⁹⁷⁴ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.5.

⁹⁷⁵ Там же. Л.21.

⁹⁷⁶ Там же. Л.17.

⁹⁷⁷ Там же. Л.18

⁹⁷⁸ Там же. Л.19.

⁹⁷⁹ Там же. Л.22.

⁹⁸⁰ Там же.

изготовленных анархо-синдикалистами бронемашин, предназначенных к отправке на фронт⁹⁸¹.

26 марта в знак протеста против этой выходки анархо-синдикалисты покинули Женералитат. Начался правительственный кризис.

Сначала относительно быстро удалось договориться о восстановлении коалиции, при котором НКТ получала 4 места (раньше 3) и пост комиссара полиции Барселоны. Однако теперь «уперлись» радикальный анархо-синдикалистский лидер Шена и вполне договороспособный прежде Доменеч⁹⁸². Их не устраивало, что безопасность отходила к ОСПК.

Вместо того, чтобы договариваться дальше, Компанис создал временный Женералитат, куда включил помимо себя еще двух националистов, двух представителей от НКТ, одного от ВСТ и одного представителя робасайрес⁹⁸³.

Областной комитет НКТ 28 марта потребовал провести чистку органов безопасности, создать хунту безопасности из представителей разных сил, проводить совместное расследование конфликтов делегациями НКТ и ВСТ. Ради поста генерального директора безопасности либо министра (советника) внутренних дел НКТ была готова пожертвовать постом военного министра⁹⁸⁴. Также предлагалось объединить все силовые структуры тыла в единый корпус безопасности⁹⁸⁵.

В итоге долгих переговоров только 20 апреля был сформирован новый Женералитат. Кабинет покинул Абад де Сантьян, его заменил бывший председатель Экономического совета Капдевила. Фернандеса переместили с безопасности на здравоохранение⁹⁸⁶. Это было проигрышем НКТ. Также ослабли и позиции военного советника – были созданы Высший военный совет и Совет военной промышленности под председательством Компаниса⁹⁸⁷.

По словам Антонова-Овсеенко, вся эта «„кризисная“ борьба резко обострила отношения социалистов и анархистов»⁹⁸⁸. Если в начале года рассматривались возможности организационного объединения НКТ и ВСТ через Комитет связи, то теперь эта работа заглохла. «Надо точно отметить – тут дело не в анархистах. И социалистическое руководство явно остыло к „Комитету связи“»⁹⁸⁹.

* * *

Отношения анархо-синдикалистов и коммунистов становились все более напряженными и в масштабах Республики. Острая критика компартии звучала на пленуме НКТ 16–20 апреля, который стал в этом отношении переломным. Пленум высказался за «отделение службы общественного порядка от коммунистических элементов», так как коммунисты используют свое положение для произвольных арестов⁹⁹⁰.

⁹⁸¹ Peirats J. Op. cit. V.2. P.172.

⁹⁸² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.22–23.

⁹⁸³ Там же. Л.25.

⁹⁸⁴ Там же. Л.28.

⁹⁸⁵ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.991. Л.141.

⁹⁸⁶ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.37.

⁹⁸⁷ Там же. Л.38.

⁹⁸⁸ Там же. Л.39.

⁹⁸⁹ Там же. Л.39.

⁹⁹⁰ IISH. Paquete 24 5, P.13. N13... Valencia a 20 Abril de 1937.

Выступая на пленуме, арагонцы отмечали «большой антагонизм между марксистскими силами и нами». Марксисты вмешиваются в управление, как они привыкли это делать на других фронтах, и пытаются указывать, кому оставаться в тылу, а каким подразделениям идти на фронт. Астурийцы также говорили об «обструкции марксистов».

Каталонская организация указывала на «бойкот со стороны центрального правительства» в отношении Арагонского фронта и Каталонии, особенно в отношении просьб об авиационной поддержке и закупке материалов для производства за границей. И это в то время, когда НКТ организовывала военное производство, поставляла амуницию и бойцов на другие фронты⁹⁹¹.

В этой накаленной обстановке росло влияние наиболее радикальных групп. 27 апреля 1937 г. две батареи Арагонского фронта и активистов НКТ-ФАИ в Колонхе приняли резолюцию, предложенную радикальной группой «Друзья Дуррути» (т. н. «Резолюция в Колонхе»): «19 июля НКТ и ФАИ могли воспользоваться положением, которое им давало оружие, отнятое у побежденного фашизма, и революционное положение, которое они почти контролировали, чтобы провозгласить водворение своей социальной доктрины, либертарного коммунизма...»⁹⁹² Провозгласить – дело не хитрое. А вот как воплотить в жизнь? Но 19 июля анархо-синдикалисты пошли другим путем, более благородным по мнению «Друзей Дуррути»: «НКТ, подавая пример великого либерального⁹⁹³ духа, подавая пример благородства и ясного антифашистского духа, призвала все организации и партии, чтобы вместе сотрудничать в деле строительства нового общества, которое не должно было принадлежать одной определенной группе, одной тенденции ... этому делу только она и посвятила свои усилия, не считаясь с тем, что должна была отступить от своих постулатов, от своих подлинных идеалов»⁹⁹⁴. И эти уступки не были по достоинству оценены коварными сторонниками государственности. Так что время уступок кончилось: «Мы не можем отождествить себя с ролью терпеливого Иова»⁹⁹⁵. Прежде чем вороны в тылу растолстеют «на внутренностях трупов наших павших в боях» товарищей, «мы предпочитаем, чтобы преступный сапог фашизма раздавил всех», как новый Атилла. «Но мы надеемся, что это не понадобится, так как революция еще не закончилась и сметет все препятствия в тылу»⁹⁹⁶. За этой перенасыщенной образами фразой крылось простая мысль – необходимость держать фронт против фашизма не может быть основанием для дальнейших уступок в тылу. Не нужно бояться франкизма больше, чем перерождения тыла. Это перерождение приведет или к поражению, или к новому подъему революции. Не нужно бояться новых столкновений, даже если это повредит фронту.

Такой дух авантюризма пока овладел лишь меньшинством анархо-синдикалистов. Но и «Солидарidad obrera» 30 апреля поставила своих оппонентов на одну доску с фашизмом: речи коммунистов против социализации – «самая лучшая контрреволюционная работа и потому – отдел (часть – А. Ш.) подстерегающего нас врага»⁹⁹⁷. Впрочем, коммунисты уже давно отождествляли с фашизмом ПОУМ и радикалов ФАИ.

* * *

⁹⁹¹ IISH. Paquete 6 °C 1. Acuerdos de Pleno Nacional.

⁹⁹² АВП. Ф.097. Оп.14. П.3. Д.8. Л.2.

⁹⁹³ В переводе неточность, имеется в виду «либертарного», «свободного».

⁹⁹⁴ АВП. Ф.097. Оп.14. П.3. Д.8. Л.3.

⁹⁹⁵ Там же. Л.5.

⁹⁹⁶ Там же. Л.6.

⁹⁹⁷ Там же. Д.7. Л.10.

Получив пост советника (министра) внутренних дел, лидер ОСПК Коморрера развернул борьбу против рабочих патрулей – вооруженных формирований профсоюзов в тылу. Патрули обвинялись в экспроприациях, несанкционированных арестах и даже убийствах. Анархо-синдикалисты отвергали большинство обвинений и соглашались расследовать каждый случай, в случае необходимости наказывая виновных. НКТ категорически воспротивилась роспуску патрулей, увидев в нем разоружение рабочего класса перед лицом внутренней контрреволюции. «Вооруженные рабочие – это единственная гарантия революции. Попытка разоружить рабочих – значит поставить себя по другую сторону баррикад», – писала «Солидарidad obrera»⁹⁹⁸. Этот новый конфликт накалил и без того беспокойную обстановку.

При этом ОСПК запасалась где только можно оружием. Так, в декабре 1936 г. Генеральный секретарь ОСПК и советник Женеалитата Х. Коморрера вел переговоры с басками о поставке 500 револьверов и пулеметов для удара по НКТ. «Он готов был платить наличными и ожидал получить оружие самолетом». Министр Центрального правительства от басков М. Ирухо советовал баскскому президенту Х. Агирре «принять предложение, потому что это способствовало бы разгрому анархистов и за счет этого увеличивало влияние баскских промышленников и политиков»⁹⁹⁹. Во Франции закупкой короткоствольного (то есть нужного в тылу, а не на фронте) оружия занимался член ОСПК Р. Кортада. Об этом было известно Х. Негрину¹⁰⁰⁰, которому подчинялись пограничники. Но у Негрина и республиканских пограничников был жесточайший конфликт с анархо-синдикалистами за право контролировать границу. Отряды НКТ еще в июле заняли несколько погранпостов, через которые перебрасывали оружие и добровольцев из Франции. Негрин решил силой восстановить правительственную монополию на пограничный контроль (и, следовательно, на помощь из-за рубежа). Он нашел для этого на редкость «удачный» момент. 25 апреля карабинеры Негрина атаковали занятый анархистами пост Пучерда, где завязались бои.

В этой обстановке 25 апреля Р. Кортада был убит при невыясненных обстоятельствах. Поскольку он был бывшим анархо-синдикалистом, ОСПК обвинила в убийстве «мстительных» анархистов (хотя причины его гибели могли быть и совсем другими). Национальный комитет НКТ содействовал аресту в Молен де Лобрегат подозреваемых в убийстве Кортады¹⁰⁰¹. Расследованию дела помешала вспыхнувшая вскоре междоусобица.

Гибель Кортады была использована Коморрерой, контролировавшим по должности национальную гвардию Каталонии, для попытки разоружить рабочие патрули. Вооруженные отряды ОСПК и националистов при этом не распускались. Попытки разоружения вызвали перестрелки и гибель нескольких рабочих НКТ. Взаимные убийства рабочих произвели на лидеров синдикалистов удручающее впечатление. Для них, воспитанных на классовой рабочей морали, это была трагедия. Обращаясь к Х. Коморрере на заседании кабинета, представитель НКТ А. Капдевила говорил: «Нельзя позволить, чтобы такое происходило. Рабочие убивают товарищей – рабочих». Коморрера, по-адвокатски повысив голос, ответил: «Это не имеет особого значения». Комментируя этот эпизод, Капдевила продолжает: «Он не был человеком, который испытывал какие бы то ни было чувства к рабочему классу. Буржуа, холодный и амбициозный, он душой и телом отдался коммунистам»¹⁰⁰². Эти люди не считали друг друга товарищами.

В ответ на попытку разоружать патрули НКТ в Барселоне 29 апреля анархо-синдикалисты стали возводить баррикады, но на следующий день договорились их разобрать¹⁰⁰³. Однако 1 мая

⁹⁹⁸ «Solidaridad obrera». 2.05.1937.

⁹⁹⁹ Viñas Á. El escudo de la República. P.340.

¹⁰⁰⁰ Op. cit. P.340.

¹⁰⁰¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.45.

¹⁰⁰² Fraser R. Op. cit. P.377.

¹⁰⁰³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.355. Л.7.

ОСПК отклонила предложение ФАИ обсудить возможности предотвратить взаимное столкновение между членами двух организаций¹⁰⁰⁴.

Анархо-синдикалисты ждали от ОСПК удара в спину. 2 мая «Солидарidad obrera» писала, что они «хвалят нас пером, а в другой руке держат флорентийский кинжал»¹⁰⁰⁵. «Кинжал» будет пущен в дело буквально на следующий день.

Обстановка в Каталонии накалилась до предела. Любой неосторожный шаг мог вызвать взрыв.

Глава VII **Баррикады Барселоны**

Что ж, человек? – За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?

Александр Блок

Атака на Телефоннику

3 мая «к Центральной телефонной станции, которую обслуживали преимущественно члены НКТ, подкатило несколько грузовиков, набитых вооруженными гражданскими гвардейцами, которые, спрыгнув на землю, вдруг бросились на штурм здания»¹⁰⁰⁶. Многоэтажное здание «Телефоники» охранялось примерно 30 анархо-синдикалистами при 4 пулеметах. Атака была предпринята внезапно, «без каких-либо предварительных переговоров»¹⁰⁰⁷. Акцией командовал член ОСПК, генеральный комиссар охраны порядка Р. Салас. Свои действия он согласовал с руководителем службы безопасности А. Айгуаде (партия Компаниса). Последний опросил несколько министров, но, по данным советского консула В. Антонова-Овсеевко, Л. Кампанис и Х. Таррадельяс находились вне Барселоны и были «застигнуты врасплох»¹⁰⁰⁸ этими событиями. Обосновывая необходимость захвата телефонной станции, лидер ОСПК Х. Коморрера говорил об этом объекте: «Это не чья либо собственность, и во всяком случае это будет собственность общества (коммуны), когда правительство республики национализирует ее»¹⁰⁰⁹. Однако будущее время, употребленное в речи, показывает, что коммунисты понимали – на момент атаки телефонная станция не была государственной собственностью и находилась в распоряжении коллектива (по декрету о коллективизации), в большинстве своем состоявшего из членов НКТ. Во главе рабочего совета станции стоял делегат Женералитата¹⁰¹⁰. Никаких правовых оснований для захвата станции не существовало.

¹⁰⁰⁴ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.45.

¹⁰⁰⁵ АВП. Ф.097. Оп.14. П.3. Д.7. Л.11.

¹⁰⁰⁶ Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. М., 1991. Т.2. С.38.

¹⁰⁰⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.45–46.

¹⁰⁰⁸ Там же. Л.54.

¹⁰⁰⁹ Cit: Richards V. Op. cit. P.124.

¹⁰¹⁰ The May days. Barcelona 1937. L., 1987. P.30.

Как вспоминал один из руководителей ОСПК П. Рибба, решение атаковать телефонную станцию было принято в самом конце апреля на заседании исполкома ЦК ОСПК при активном участии представителя Коминтерна Э. Гёре (Педро). Впоследствии приверженец силовых методов Э. Гёре станет одним из виновников кровопролития у себя на родине в Венгрии в октябре 1956 г. Педро говорил: «НКТ прослушивает все переговоры правительства, Женералитета и заграницы. Нельзя позволить, чтобы это продолжалось»¹⁰¹¹. Это заявление Гёре может показаться парадоксальным, если вспомнить, что НКТ входила и в правительство, и в Женералитат. «Подслушивание» само по себе не смущало коммунистов – они и сами прибегали к подобным методам¹⁰¹². К тому же на станции «технический контроль осуществлялся совместно НКТ-ВРС»¹⁰¹³, а не только анархо-синдикалистами. Рабочие телефонной станции не скрывали своего присутствия на линии, считая право «масс» контролировать «конспирации» правительства завоеванием революции¹⁰¹⁴. Поводом к нападению стало вмешательство телефониста в разговор президентов Испании и Каталонии. Конфликт, связанный с прослушиванием, мог быть решен с привлечением членов Женералитета от НКТ. Но радикалы в руководстве ОСПК стремились именно к столкновению. Характерно, что они не поставили в известность об акции ни Компаниса, ни Антонова-Овсенко, ни, по версии последнего, даже ЦК ОСПК: «попытка очистки станции была предпринята под руководством их человека, без ведома ЦК...»¹⁰¹⁵. Выше мы видели, что необходимость захвата здания «Телефоники» обсуждалась по крайней мере на исполкоме ЦК, но советское консульство не стали ставить в известность, тем более, что представитель Коминтерна был в курсе. Однако ни Гёре, ни лидеры ОСПК не представляли себе, чем обернется их «демонстрация силы», и, судя по всему, не согласовывали свое решение ни с Валенсией, ни с Москвой.

Готовя нападение на «Телефонику», Айгуаде распространял слухи о подготовке восстания анархистов, чтобы «смягчить свою ответственность за рискованную операцию»¹⁰¹⁶.

Гвардейцы ворвались на станцию, но «красивой» спецоперации «лицом на пол» не получилось. Рабочие оказали сопротивление. Началась пальба. К защитникам «Телефоники» присоединились рабочие НКТ. В итоге национальные гвардейцы закрепились только на первом этаже.

Айгуаде потребовал подкрепление в 150 гвардейцев – прибыло только 16¹⁰¹⁷. Остальные в этот момент были уже заблокированы.

Весть о нападении на станцию разнеслась по городу, вызвав возмущение рабочих НКТ и их союзников. Конфликт еще можно было погасить. Вскоре после начала столкновения НКТ и руководству Женералитета (но не коммунистам) удалось достичь соглашения об отводе национальных гвардейцев от телефонной станции. Но в это время стало известно, что по приказу Р. Саласа разоружаются рабочие патрули НКТ¹⁰¹⁸. Тогда лидеры НКТ предложили правительству

¹⁰¹¹ Fraser R. Op. cit. P.377.

¹⁰¹² Op. cit. P.378.

¹⁰¹³ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.53.

¹⁰¹⁴ Abad de Santillan D. La revolucion y la guerra en Espana. Mexico, 1938. P.133.

¹⁰¹⁵ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.45.

¹⁰¹⁶ Там же. Интересно, что В. Антонов-Овсенко сообщает эти детали, хотя уже скован в своих комментариях официальной версией о «троцкистском» и анархистском восстании против правительства. Чтобы совместить с ней известную ему реальность, он выдвигает версию о том, что существовал «Повстанческий центр», который «тот же час ухватил первую возможность развернуть демонстрацию в восстание». (Л.45–46). Получается, что коммунисты своей атакой действовали в интересах этого центра. Вряд ли Антонов-Овсенко продумал такое следствие своей гипотезы.

¹⁰¹⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.54.

¹⁰¹⁸ The May days. P.32.

немедленно отправить в отставку А. Айгуаде и Р. Саласа. Отклонение этого требования повлекло за собой всеобщую забастовку в Барселоне¹⁰¹⁹. Город быстро покрылся баррикадами. Началась стрельба уже по всей Барселоне. «В тот же день, между тремя и четырьмя часами, прогуливаясь по Рамблас, вдруг услышал позади несколько винтовочных выстрелов... – вспоминал Д. Оруэлл. – Я сразу же подумал: „Началось!“ Но подумал без особого удивления: уже несколько дней все жили в ожидании, что вот-вот „начнется“»¹⁰²⁰. Руководство НКТ, ФАИ и ПОУМ¹⁰²¹ не давало по этому поводу специальных указаний. «Никто из нас не принуждал массы Барселоны предпринять эту акцию. Это спонтанный ответ на сталинистскую провокацию... Максимальное требование – отставка комиссара, который спровоцировал развитие событий», – писал член исполкома ПОУМ Ю. Горкин¹⁰²².

По словам министра-анархиста Д. Абада де Сантьяна, «почти вся Барселона была под контролем наших вооруженных групп... Они не двигались со своих позиций. В противном случае им было бы не трудно преодолеть небольшие центры сопротивления». По мнению Сантьяна, в этот момент НКТ и ФАИ могли без труда захватить власть, «но это нас не интересовало, поскольку это очевидно противоречило нашим принципам единства и демократии»¹⁰²³. По оценкам советских наблюдателей соотношение сил действительно было не в пользу ОСПК и националистов, хотя и не столь сокрушительное, как считает Абад де Сантьян. Гражданская и национальная гвардия – 2500–3000 бойцов; ОСПК и ее союзники – 2000–2500 бойцов – всего 4500–5000 против 7000–7500 бойцов (из них до 1000 – ПОУМ)¹⁰²⁴. ОСПК смогла прибегнуть в тылу 20 тяжелых пулеметов¹⁰²⁵.

Лидеры НКТ стремились к скорейшему достижению компромисса. Их требования на переговорах о прекращении огня 3–4 мая были минимальны: переформирование Женеалитата без прежних его членов¹⁰²⁶. Уже 3 мая НКТ предложила ОСПК переговоры, но она не пошла на это, чтобы «не ослабить впечатления решимости дать отпор путчу»¹⁰²⁷ (так они объяснили свою позицию Антонову-Овсеенко).

«Наша кровь кипела. Барселона была окружена нами. Одно слово – и мы были готовы вычистить коммунистических заговорщиков и их неприкаемых, интригующих мелкобуржуазных лакеев, саботирующих революцию», – вспоминает о своих ощущениях анархо-синдикалист Х. Коста. Более проникательные участники движения уже тогда чувствовали серьезную угрозу. По словам умеренного синдикалиста Х. Манента, «коммунисты организовали провокацию, и НКТ, всегда готовая схватить приманку, попалась на нее»¹⁰²⁸. Однако стало очевидно, что противники

¹⁰¹⁹ Peirats J. Op. cit. V.2. P.192.

¹⁰²⁰ Оруэлл Д. Указ. соч. С.37.

¹⁰²¹ А. Виньяс высказывает гипотезу о том, что представитель НКВД А. Орлов, который имел агентов в ПОУМ, мог «этим манипулировать» (Viñas Á. El escudo de la República. P.635.). Однако куда очевидней то, что советские представители могли «манипулировать» своими связями в ОСПК и в прокоммунистическом крыле ИСРП.

¹⁰²² The May days. P.65.

¹⁰²³ Op. cit. P.64.

¹⁰²⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.355. Л.6.

¹⁰²⁵ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.47.

¹⁰²⁶ Там же. Л.55.

¹⁰²⁷ Там же. Л.47.

¹⁰²⁸ Fraser R. Op. cit. P.380.

анархо-синдикализма в Каталонии не могут добиться своих целей силовым путем. Теперь у них осталась только одна возможность уйти от ответственности за провокационное нападение на «Телефонику» – вывести конфликт на уровень всей республики.

Никто не хотел умирать

Союзники коммунистов были деморализованы дружной реакцией рабочих НКТ и чувствовали себя в роли мятежников 19 июля: «Мы были готовы к поражению, мы попали в западню», – вспоминает о своих ощущениях того времени каталонский националист М. Круэльс¹⁰²⁹. Столкнувшись с мощным сопротивлением, А. Айгуаде запросил помощи у Ларго Кабальеро, одновременно пытаясь убедить его в том, что началось восстание анархо-синдикалистов¹⁰³⁰. Но Ларго Кабальеро, сначала потребовав навести порядок, не спешил прийти на выручку Женералитату: под рукой нет свободных войск, да и «серьезных столкновений» в Барселоне пока не произошло¹⁰³¹. Премьеру было нужно время, чтобы выяснить, что же в действительности происходит в Барселоне. Получая такие ответы от центрального правительства, противники анархо-синдикалистов были заинтересованы в организации более серьезных столкновений, а не в поисках мира.

НК НКТ отметил, что противники анархо-синдикалистов склонны «затягивать улаживание конфликта до взятия центром общественного порядка в Каталонии»¹⁰³².

Кампанис и Таррадельяс были поставлены ОСПК перед фактом, но в операции против «Телефоники» участвовали их люди, так что каталонские националисты не стали искать примирения сторон и встали на сторону ОСПК.

Уже 4 мая национальная гвардия оправилась от первого испуга и перешла в наступление, захватив несколько зданий, контролировавшихся НКТ. Бойцы ОСПК действовали осторожнее – берегли силы, защищали свою штаб-квартиру и казармы. Всего за время конфликта в казармах ОСПК погибло 18 человек и 80 было ранено.

В своем воззвании 4 мая НКТ и ФАИ утверждали: «Мы не несем ответственности за происходящее. Мы никого не атаковали. Мы только защищали себя»¹⁰³³.

В это же время Ларго Кабальеро наконец определился и в ответ на очередную просьбу о присылке войск в распоряжение Айгуаде заявил, что правительство пока «не может этого сделать, потому что это значило бы передать силы тому, кто может быть имеет отношение к выявившемуся конфликту»¹⁰³⁴. Войска могут быть присланы при одном условии: «прежде чем выполнить эту просьбу, он приступил бы к взятию в ведение центра службы общественного порядка в Каталонии»¹⁰³⁵. Премьер-министр решил воспользоваться ситуацией, чтобы укрепить власть центра в Каталонии и не дать коммунистам воспользоваться силами правительства против их оппонентов. Однако, считая правительство «нейтральной силой», Ларго Кабальеро не учел, что и в госаппарате практически не осталось людей, сохранявших объективное отношение к этому конфликту. Пока премьер стремился установить контроль над национальной гвардией Каталонии и провести честный арбитраж конфликта, его оппонент в ИСРП, министр авиации и флота

¹⁰²⁹ Op. cit. P.379.

¹⁰³⁰ The May days. P.64.

¹⁰³¹ Op. cit. P.66.

¹⁰³² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.84.

¹⁰³³ Ibid.

¹⁰³⁴ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.84.

¹⁰³⁵ Там же.

И. Прието, «предложил ввести военное положение и передать управление вопросами общественного порядка военным. Правительство не последовало этому предложению, – возмущается А. Виньяс. – На одном из многочисленных собраний кабинета Ларго Кабальеро полагал, что следовало дождаться результатов действий уполномоченных. Прието продолжал им не доверять, так как если пришлось бы ждать и спасать общественный порядок тогда, когда город был бы уже захвачен повстанцами, дело было бы значительно более сложным»¹⁰³⁶. Разумеется, И. Прието представлял анархистов восставшими, не дожидаясь результатов каких-то там расследований.

Прието предоставил Компанису право отдавать приказы армии и флоту на территории Каталонии¹⁰³⁷. Правда, когда лидер ОСПК Коморера в ночь на 5 мая потребовал бомбить объекты НКТ, Компанис выступил против¹⁰³⁸.

Тогда Прието стал действовать на свой страх и риск: «пять авиационных рот со всей скоростью перемещались с базы Лос Алькасарес, а из Центра в аэропорт Реус направлялись несколько эскадрилий под командованием командующего Воздушных сил Республики полковника Идальго де Сиснероса»¹⁰³⁹.

* * *

Днем 4 мая представителями НКТ и ВСТ было достигнуто соглашение о прекращении огня. В своем совместном воззвании они заявляли: «Сложите оружие! Внимание только одному лозунгу: Каждый назад на работу, чтобы победить фашизм!»¹⁰⁴⁰ Однако на дальнейших переговорах, когда НКТ и националисты настаивали на удалении всех с баррикад, представители ОСПК выступили против¹⁰⁴¹. Они были заинтересованы в продолжении конфликта, хотя формально участвовали в переговорах. Радикальные анархо-синдикалисты тоже не понимали, почему они должны покинуть баррикады, если на них напали и противник слаб. Так что стрельба с обеих сторон продолжалась.

Лидеры НКТ, уже постигшие азы политического искусства, понимали сложность ситуации и стремились остановить кровопролитие. Большинство Национального комитета НКТ выступило за сдерживание конфликта, так как есть угроза развала фронта: «потеряв войну, потеряли бы и революцию и все революционные завоевания»¹⁰⁴². Решающую роль для анархо-синдикалистских вождей играла опасность крушения фронта в результате гражданской войны в тылу. Вторжение фашистов было страшнее победы коммунистов и других этатистов. НК НКТ решил «придерживаться оборонительной позиции взамен перехода в наступление»¹⁰⁴³. Антонов-Овсеенко сообщал в Москву: «Решающим моментом, приведшим к поражению троцкистско-фашистского „путча“, было поведение руководящих деятелей НКТ: они не только активно добивались прекращения вооруженной борьбы, но не обставили этого прекращения никакими условиями... они противодействовали втягиванию фронта в вооруженную борьбу

¹⁰³⁶ Viñas Á. El escudo de la República. P.505.

¹⁰³⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.55.

¹⁰³⁸ Там же.

¹⁰³⁹ Viñas Á. El escudo de la República. Barcelona, 2007. P. 504–505.

¹⁰⁴⁰ «La Vanguardia». 5.05. 1937.

¹⁰⁴¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.47.

¹⁰⁴² Там же. Л.85.

¹⁰⁴³ Там же.

тыла»¹⁰⁴⁴.

За все время событий анархистские командиры с трудом удерживали своих бойцов на фронте. Один из них, С. Карод, вспоминает: «Всегда ожидая удара в спину, мы знали, что если из-за нас возникнут проблемы, только враг выиграет от этого. Это была трагедия анархо-синдикалистского движения, но это была трагедия и гораздо большего – испанского народа»¹⁰⁴⁵.

Индивидуально с фронта в Барселону ушло около 400 поумистов¹⁰⁴⁶.

В Бухаралосе прошло совещание членов регионального комитета НКТ, представителей дивизий им. Дуррути, Аскасо, Жуберта и Ленина. Решили занять городки, важные в случае разрастания борьбы за пределы Барселоны. На день-два были заняты Тарагона, Тараса, Фугорас и Херон¹⁰⁴⁷. Командиры НКТ готовились блокировать дивизию Маркса, если она пойдет к Барселоне. Затем анархисты заняли Барбастро, продвинулись к Лериде и Бенифару. Здесь было проведено совещание с представителями регионального и национального комитетов НКТ, которые остановили дальнейшее продвижение¹⁰⁴⁸. Более того – министр центрального правительства от НКТ Гарсиа Оливер предотвратил вмешательство в бои подразделений дивизии Дуррути, которые находились в столице Каталонии¹⁰⁴⁹. Только 6 мая, когда события фактически завершились, два батальона дивизии Аскасо и батальон дивизии им. Ленина (ПОУМ) на 45 автобусах снялись с фронта¹⁰⁵⁰. Но и они были остановлены под угрозой бомбардировки с воздуха и вернулись.

Лидеры НКТ прилагали усилия к тому, чтобы покончить дело миром. В своем выступлении по радио Гарсиа Оливер заявил: «Все погибшие – мои братья... Я склоняюсь над ними и целую их»¹⁰⁵¹. Это выступление вызвало возмущение на баррикадах – ведь среди убитых были и те, кто организовал нападение на анархо-синдикалистов. В адрес Оливера раздавались обвинения в предательстве. После радиовыступления Ф. Монтсени, призывавшей прекратить борьбу и покинуть баррикады, бойцы стреляли в радиоприемники¹⁰⁵².

Подводя итоги конфликту, Антонов-Овсеенко писал: «В руководстве НКТ и ФАИ преобладают действительно презабоченные войной с фашизмом и способные идти в едином антифашистском фронте во имя этой войны, сдерживая экстремистские вождедения, но не решаясь открыто, даже перед массами собственной организации, осудить поведение своих так называемых „бесконтрольных“ групп»¹⁰⁵³.

Одновременно НКТ оказалась под сильным давлением ПОУМ, стремившейся использовать события для взятия власти: «Мы были уверены, что надо наступать, – вспоминает о позиции ПОУМ на встрече с представителями НКТ секретарь молодежной организации партии В. Солано, – что надо требовать роспуска Женералитета, ставить вопрос о создании правительства

¹⁰⁴⁴ Там же. Л.66.

¹⁰⁴⁵ Fraser R. Op. cit. P.394.

¹⁰⁴⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.355. Л.9.

¹⁰⁴⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.46.

¹⁰⁴⁸ Там же. Л.81.

¹⁰⁴⁹ Fraser R. Op. cit. P.380.

¹⁰⁵⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.355. Л.9.

¹⁰⁵¹ Fraser R. Op. cit. Op. cit. P.379.

¹⁰⁵² Op. cit. P.379, 380.

¹⁰⁵³ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.85.

рабочих организаций – брать власть». «Все это очень интересно, – говорили лидеры НКТ, – но нельзя, чтобы все было так запутано»¹⁰⁵⁴. Лидеры НКТ понимали, что попытка свергнуть Женералитат дает козыри противнику. Пока именно ОСПК и националисты были атакующей стороной, и казалось, что НКТ удастся сохранить выгодную политическую позицию жертвы коммунистического путча. Они рассчитывали, что майские события укрепят их авторитет, сплотят вокруг НКТ революционные силы и позволят потеснить коммунистов и их союзников. Однако в одном А. Нин был дальновиднее анархо-синдикалистов: «Нин боялся, и он был прав, что события совершенно неправильно понимаются в остальной Испании»¹⁰⁵⁵.

Медиа вступают в бой

В Республике развернулась борьба изданий по поводу событий в Барселоне. Каждая сторона, осуждая сам факт столкновений и сохраняя внешнюю лояльность правительству, пыталась воспользоваться кризисом для доказательства своей правоты.

Первоначально правительственная цензура в Валенсии пыталась смирять страсти. В эти дни она еще ориентировалась на Ларго Кабальеро и особенно бдительно следила за коммунистами.

5 мая коммунистическая «Френте Рохо» утверждала, что терпимость правительства во имя сохранения единства «была воспринята как признак слабости правительства». Кем воспринята? И что это вообще – поддержка правительства или критика его терпимости? Понять было мудрено – газета была «сильно искажена цензурой»¹⁰⁵⁶.

«Аделанте», защищавшая позицию Ларго Кабальеро, попробовала 6 мая расставить точки над *i*: события «были подготовлены безответственной критикой правительства»¹⁰⁵⁷. Больше всего правительство критиковали как раз коммунисты. Получалось, что они виноваты и в кризисе.

На это намекали и анархо-синдикалисты. «Солидаридад обрера» писала 5 мая: «Ряд безумных провокационных личностей обратил Барселону в боевое поле. Устраните их от должности, и мир водворится»¹⁰⁵⁸. Речь идет явно не о ПОУМ и анархистах, а о тех правительственных чинах, которые атаковали здание «Телефоники».

5 мая официоз коммунистов «Мундо обреро» вышел с передовицей «Беспощадность в борьбе против провокаторов». Что же это за провокаторы? На этот вопрос отвечал лозунг, выдвинутый коммунистами: «Все на поддержку Народного фронта против фашистов, орудующих в тылу!»

6 мая «Мундо обреро» расширила круг сил, которые устроили «мятеж»: фашисты, троцкисты и неконтролируемые анархисты¹⁰⁵⁹. Таким образом, предлагалась схема: фашисты контролируют ПОУМ («троцкистов») и часть анархистов, которых не в состоянии контролировать НКТ. Они и устроили «мятеж». «Мундо обреро» выходила в Мадриде и была недоступна для валенсийской цензуры.

Правое («центристское») крыло ИСРП, также формально защищая правительство, на деле поддерживало схему коммунистов. 7 мая приетистская «Эль социалиста», выходящая в Мадриде, комментировала: «Произошел мятеж против правительства, в котором представлены все антифашистские силы. Надо поддерживать именно такое правительство (вероятно, сам Прието уже так не считал – А. Ш.). Беда в том, что неконтролируемых очень много, слишком много...» На

¹⁰⁵⁴ Fraser R. Op. cit. Op. cit. P. 380–381.

¹⁰⁵⁵ Op. cit. P.381.

¹⁰⁵⁶ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.72.

¹⁰⁵⁷ Там же. Л.73.

¹⁰⁵⁸ Там же. Д.7. Л.76.

¹⁰⁵⁹ Там же. Д.5. Л.74.

словах одобряя лидеров анархо-синдикалистов, правые социалисты возлагали на их сторонников ответственность за события в Барселоне: «Хорошо сделали СНТ и ФАИ, резко осуждая движение в Каталонии». Они должны «контролировать их собственное поведение и отстранять нежелательные элементы»¹⁰⁶⁰. Но «Аделанте» настаивала 7 мая: «Это не мятеж против правительства, а столкновение между двумя профсоюзными организациями»¹⁰⁶¹.

5–6 мая анархо-синдикалистская «Фрагуа сосиаль», выходящая в Валенсии, предпочла вообще не упоминать события в Барселоне, чтобы не попасть под нож цензора, зато раскритиковала компартию как проводник «внешнего влияния»¹⁰⁶². «Френте Рохо» попробовала ответить, но ее опять порезала цензура¹⁰⁶³. 7 мая «Фрагуа социаль» утверждала: «Стремление к монополизму Коммунистической партии было фактом, отравившим атмосферу»¹⁰⁶⁴. Дискуссия приобретала все менее благоприятный для коммунистов уклон. Казалось, опасения Нина не оправдались.

Таким образом, были выдвинуты три версии событий. Первая – события организовали фашисты, троцкисты и часть анархистов. Соответственно, необходимо усилить позиции коммунистов, выступающих за чистку в тылу, провести репрессии против ПОУМ и «подозрительных», ослабить влияние анархистов. Вторая – события спровоцированы коммунистами и их союзниками, необходимо отстранить их от власти. Третья – экстремисты с двух сторон спровоцировали раскол, и теперь необходимо всем сплотиться вокруг Ларго Кабальеро. Но теперь о таком сплочении было трудно и мечтать.

Миротворцы и экстремисты

В любом случае столкновения в Барселоне были признаны недопустимыми всеми участниками антифашистской коалиции. Нужно было что-то срочно предпринять для их прекращения. Министры-синдикалисты выехали в Барселону, а коммунисты, республиканцы и правые социалисты оказали сильное давление на Ларго Кабальеро и добились решения о вмешательстве в конфликт и переходе власти в Каталонии к центральному правительству, если вооруженная борьба не прекратится к 5 мая¹⁰⁶⁵. Теперь было важно, кто станет контролировать Барселону после прекращения конфликта. 5 мая правительство впервые решительно вмешалось в прерогативы Каталонии и назначило ее военным министром генерала Посаса¹⁰⁶⁶. Компанис согласился с этим назначением.

В разгар событий И. Прието занялся эвакуацией из Барселоны «забытого» там президента М. Асанья. «Каталонские политики оказали мало почтения президенту Испании, оставив его незащищенным в президентском дворце, откуда он посылал панические телеграфные обращения Прието», – пишет П. Карр¹⁰⁶⁷.

Прието и Асанья «активно обсуждали детали поездки в Валенсию, которую Асанья предпочитал совершить на самолете. Переговоры по телетайпу иногда походили на главы из

¹⁰⁶⁰ Там же. Л.75.

¹⁰⁶¹ Там же. Л.73.

¹⁰⁶² Там же. Л.72.

¹⁰⁶³ Там же. Л.73.

¹⁰⁶⁴ Там же.

¹⁰⁶⁵ The May days. P.68.

¹⁰⁶⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.355. Л.8.

¹⁰⁶⁷ Carr R. The Civil War in Spain. L., 1986. P.175.

приключенческого романа, но финал оборвался. Командующий „Лепанто“ вернулся на судно и сообщил, что путешествие президента может быть опасным»¹⁰⁶⁸. В действительности президенту ничего не угрожало, но готовность Прието заняться проблемой его эвакуации не могла не тронуть Асанью.

Как справедливо отмечает А. Виньяс, «поведение Кабальеро в ходе барселонского кризиса не могло вызвать особую симпатию к нему со стороны Асаньи»¹⁰⁶⁹. Впрочем, очевидно, что недоверие Асаньи к Ларго возникло куда раньше. Просто, пока революция шла по восходящей линии, набирала силу, у Асаньи не было выбора. Когда же в ее ходе наметился кризис, раскол среди левых сил, роль президента как гаранта республиканских устоев, резко возросла.

Нежелание Ларго Кабальеро, Компаниса и синдикалистов «отвлечься» в разгар конфликта на эвакуацию президента имело важные психолого-политические последствия – президент еще теснее сблизился с противниками премьера, особенно с И. Прието (кстати, именно ему Асанья был во многом обязан своим постом, так как Прието настоял на поддержке Асаньи со стороны ИСРП)¹⁰⁷⁰.

5 мая после очередных консультаций противоборствующих сторон было достигнуто соглашение о формировании временного правительства Каталонии с равным представительством основных политических сил (кроме ПОУМ). Переформирование Женералитата означало смещение Р. Саласа и А. Айгуаде¹⁰⁷¹ (фактически Салас продолжал командовать гвардейцами до конца событий)¹⁰⁷². Формально требования анархо-синдикалистов были удовлетворены. Но они не чувствовали себя победителями – было ясно, что борьба шла не из-за двух фигур в местном руководстве.

После этого секретарь НКТ М. Васкес снова обратился к членам своей организации с призывом покинуть улицы: «Мы говорим вам, что эта ситуация должна закончиться... Необходимо, чтобы вы исчезли с улиц со своим оружием. Мы не должны ждать, пока другие это сделают. Мы должны сделать это первыми. А после мы поговорим»¹⁰⁷³. Если бы анархо-синдикалистам удалось отвести свои отряды с баррикад сразу после достижения соглашения 5 мая, то это выглядело бы как победа. Но лидеры НКТ не учли, что их «соглашательство» и самостоятельная от «низов» политика ослабили связь с массой рядовых членов. Не понимая, почему они должны уходить, бойцы продолжали удерживать баррикады.

Задержка с прекращением огня имела важные результаты. 5 мая был убит генеральный секретарь ВСТ Каталонии, советник Женералитата от ОСПК А. Сесе и серьезно ранен только что назначенный в результате переговоров делегат по охране порядка А. Эскобар.

Вышли из строя две фигуры из только что согласованного временного правительства. Оба министра были заменены противниками анархо-синдикалистов. Несмотря на то, что анархо-синдикалисты и ПОУМ отрицали свою вину (в условиях беспорядочной уличной стрельбы было невозможно установить, кто конкретно попал в министров), коммунисты и националисты обвиняли «троцкистов»¹⁰⁷⁴ (это обвинение было надуманным – Сесе погиб, когда его машина пыталась прорваться мимо здания, занятого анархистами)¹⁰⁷⁵.

¹⁰⁶⁸ Viñas Á. El escudo de la República. Barcelona, 2007. P.514.

¹⁰⁶⁹ Op. cit. P.549.

¹⁰⁷⁰ Largo Caballero F. Mis Recuerdos. Mexico, 1954. P.300.

¹⁰⁷¹ The May days. P.78.

¹⁰⁷² Op. cit. P.87.

¹⁰⁷³ «Solidaridad obrera». 6.05.1937.

¹⁰⁷⁴ «Frente rojo». 6.05.1937.

¹⁰⁷⁵ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.7. Л.104.

Одновременно, «под шумок», коммунистами, связанными с командой Орлова, были арестованы у себя дома, а затем убиты итальянские анархисты К. Бернери и Ф. Барбиери, известные своими выступлениями против сталинизма¹⁰⁷⁶. Произошло покушение на Васкеса¹⁰⁷⁷. Позднее были обнаружены 12 тел со следами пыток в районе Серданьола-Реполет на шоссе Вела terra. Они были выброшены из машины скорой помощи. Это были активисты Либертарной молодежи, которые 4 мая ехали из квартала Армония дель Паломар в Пасео Пухадас¹⁰⁷⁸ и были захвачены в районе парка и уведены в казармы противников анархистов¹⁰⁷⁹. Среди погибших был член регионального комитета организации А. Мартинес. Вероятнее всего, хотя бы часть этих убийств была связана с прибытием в Барселону во время майских событий агентов НКВД. Проанализировав доступные сегодня сведения об этом, А. Виньяс приходит к выводу: «Союз быстро воспользовался ситуацией, поскольку, как мы предполагаем, НКВД не имел особого отношения к развитию переворота в Барселоне»¹⁰⁸⁰. Но главной целью агентов А. Орлова был А. Нин. Однако пока шла стрельба, он тщательно охранялся.

После срыва соглашения 5 мая анархисты усилили натиск, и некоторые отряды национальной гвардии стали сдаваться¹⁰⁸¹. «К 6-му положение правительственных сил было почти критическое – недостаток патронов и колебания национальной гвардии»¹⁰⁸², – свидетельствовал Антонов-Овсеенко.

Ситуация осложнялась и тем, что рабочие, вышедшие на работу утром 6 мая, были обстреляны отрядами коммунистов и националистов, не скрывавших своей партийной принадлежности¹⁰⁸³. Несмотря на отчаянную ситуацию, коммунисты и часть националистов стремились продолжать борьбу до прихода правительственных войск, чтобы представить себя жертвой анархистского мятежа.

Этой ситуацией попытались воспользоваться противники «соглашательства». После неудачи попыток убедить анархо-синдикалистов в своей правоте, ПОУМ отказалась от действий, направленных на свержение Женералитата – без участия НКТ они теряли смысл. Радикальную позицию продолжала отстаивать небольшая группа «Друзья Дуррути» (по свидетельству одного из ее участников Х. Бальиса в Барселоне это были анархисты-дезертиры с Арагонского фронта, ушедшие из-за «несогласия с милитаризацией»¹⁰⁸⁴, и члены ПОУМ). Группа распространила листовки, в которых говорилось: «В Барселоне создана революционная хунта. Все виновные в путче, в маневрах под прикрытием правительства, должны быть казнены». Листовка призывала послать в Хунту представителей баррикад, а затем передать власть профсоюзам и ПОУМ¹⁰⁸⁵. Заметного резонанса эти призывы не имели. Сомневаясь в оправданности курса руководителей НКТ, рядовые члены Конфедерации все же не собирались менять своих лидеров и подчинились им.

¹⁰⁷⁶ The May days. P. 40–42.

¹⁰⁷⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.47.

¹⁰⁷⁸ «La Noche». 12.5.1937.

¹⁰⁷⁹ АВП. Ф.097. Оп.14. П.3. Д.8. Л.131, 135.

¹⁰⁸⁰ Viñas Á. El escudo de la República. P.548.

¹⁰⁸¹ АВП. Ф.097. Оп.14. П.3. Д.8. Л.56.

¹⁰⁸² Там же. Л.52.

¹⁰⁸³ «Cultura proletaria». 19.06.1937. The May days. P.45.

¹⁰⁸⁴ Fraser R. Op. cit. P.381.

¹⁰⁸⁵ Richards V. Op. cit. P.132; Fraser R. Op. cit. P.381.

Прекращение огня

6 мая лидеры НКТ продолжали переговоры с Компанисом о прекращении огня. Прибыв в Барселону, Васкес и Монтсени добивались, чтобы стороны справились с ситуацией своими силами – до прихода правительственных войск, и даже угрожали Компанису: «Не будет соглашения, если войска придут из Валенсии». Компанис, наивно полагая, что правительственные войска помогут именно ему, уговаривал: «Правительство республики имеет право прислать войска»¹⁰⁸⁶.

По справедливому замечанию Х. Гомеса Касаса, в итоге майских боев «автономисты, ведомые Компанисом, потеряли контроль над регионом. Центральная власть захватила все командные позиции и не ослабила своей власти, пока борьба не окончилась... Этот конфликт оказался фатальным для автономии каталонского правительства»¹⁰⁸⁷. Антисиндикалистская политика Компаниса оказалась политически самоубийственной.

Вечером новая коалиция была составлена, соглашение о прекращении огня было достигнуто. В воззвании нового правительства говорилось: «Правительство, которое наивысшее и подлинное представительство всего антифашистского фронта, просит всех трудящихся и весь каталонский народ оставить оружие, забыть месть и ненависть этих дней перед величием единственной борьбы, которая нас всех обязывает»¹⁰⁸⁸.

В условиях ухода с улиц обеих сторон правительственные войска должны были сыграть роль разъединительной силы. Гарсиа Оливер призывал оказывать им всякое содействие¹⁰⁸⁹. «Солидарidad obrera» в этих условиях была готова забыть об анархизме: «Общественная сила должна быть посвящена народу. Народ и представлен в своем правительстве. Не подчиняться его самодержавным приказам означает бессознательно становиться против народа»¹⁰⁹⁰.

Призывы лидеров НКТ, несмотря на возмущение бойцов, дали эффект – анархо-синдикалисты покидали баррикады. По словам одного из руководителей ПОУМ Х. Андраде, «они были совершенно взбешенными, но все же подчинились. Они могли быть анархистами, но когда дело касалось их собственной организации, они были ужасно дисциплинированными»¹⁰⁹¹.

А вот их противники не были столь же благородны. По данным Антонова-Овсеенко, Компанис и Коморера договорились утром 7 мая напасть на региональный комитет НКТ и затянуть борьбу до прихода войск из Валенсии¹⁰⁹². ЦК ОСПК отверг эту идею, так как правительственные силы были еще в Тортосе «и могли не поспеть»¹⁰⁹³. «Компанис недоволен социалистами» за то, что они не решились таким образом «подставить» анархистов¹⁰⁹⁴.

Монтсени и Оливер договорились с МВД о сохранении за анархистами оружия. «Опираясь

¹⁰⁸⁶ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.57.

¹⁰⁸⁷ Gomes Casas J. Op. cit. P. 208–209.

¹⁰⁸⁸ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.7. Л.77.

¹⁰⁸⁹ The May days. P.86.

¹⁰⁹⁰ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.7. Л.76.

¹⁰⁹¹ Fraser R. Op. cit. P.382.

¹⁰⁹² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.56.

¹⁰⁹³ Там же. Л.57.

¹⁰⁹⁴ Там же. Л.56.

на эти соглашения, анархи сохраняют вид победителей»¹⁰⁹⁵, – недовольно комментировал Антонов-Овсеенко. Хотя официально был выдвинут лозунг: «Ни победителей, ни побежденных»¹⁰⁹⁶, 6 мая редакция «Батайль» была занята полицией. ПОУМ первой почувствовала, кто проиграл в результате этих событий. Нин требовал возвращения помещений ПОУМ, которые были заняты полицией после прекращения огня (что в принципе нарушало соглашения)¹⁰⁹⁷.

На расширенном пленуме ЦК ПОУМ 11 мая член ЦК ПОУМ Сенц сетовал: ЦК ПОУМ напрасно поддержал движение ФАИ. Нин возражал, что это – спонтанное движение масс в ответ на провокацию. ЦК одобрил линию Нина¹⁰⁹⁸. Интересно, что об этой дискуссии было известно в советском консульстве. А ведь она исключала советскую версию о том, что ПОУМ выступила в качестве инициатора «мятежа». В принципе, и руководство КПИ, и Москва достаточно трезво представляли себе, что происходило в Барселоне, и продолжали распространять по всей Испании и миру версию о «анархо-троцкистском мятеже» в чисто пропагандистских целях, не веря в нее. Нужно было срочно скрыть неблагоприятную роль коммунистов в этих событиях.

7 мая в Барселону вошли правительственные войска, контролировавшиеся правыми социалистами и коммунистами. Д. Оруэлл вспоминает: «Назавтра повсюду в городе было полно штурмгвардейцев, которые расхаживали по городу с видом победителей... Это были отборные войска, бесспорно, лучшие из всех, что я видел в Испании, и, хотя они являлись как бы в некотором роде „противником“, я не мог не любоваться их молодцеватой выправкой... На Арагонском фронте я привык к виду оборванных, плохо вооруженных бойцов милиции и даже не подозревал, что Республика располагает такими войсками... У штурмгвардейцев один пулемет приходился на десять человек, а автоматический пистолет был у каждого; у нас же на фронте один пулемет приходился на полсотни бойцов, а что до пистолетов и револьверов, то их мы доставали только незаконным путем. Гражданские гвардейцы и карабинеры, чьи формирования отнюдь не предназначались для фронтовой службы, были лучше вооружены и гораздо лучше обмундированы, чем мы, фронтовики»¹⁰⁹⁹. Только после подавления демократии в Каталонии «штурмовиков» наконец бросят на фронт, но тут выяснится, что они очень плохо подготовлены и необстреляны. Лучше было бы их оружие отдать фронтовикам.

В мае 1937 г. по дороге в Барселону правительственные силы разоружали отряды НКТ и ПОУМ (сохраняя вооруженные формирования других организаций), громили их штаб-квартиры и даже производили расстрелы¹¹⁰⁰. После прибытия правительственных войск более 300 анархо-синдикалистов и «троцкистов» было арестовано¹¹⁰¹. Трагическим итогом майских событий стало 500 убитых и тысяча раненых¹¹⁰², а также начало перелома в ходе Испанской революции.

Кто виноват?

¹⁰⁹⁵ Там же. Л.50.

¹⁰⁹⁶ Там же.

¹⁰⁹⁷ Там же.

¹⁰⁹⁸ Там же. Л.81.

¹⁰⁹⁹ Оруэлл Д. Указ. соч. С.54.

¹¹⁰⁰ The May days. P. 53–57.

¹¹⁰¹ «Solidaridad obrera». 11.05.1937.

¹¹⁰² Richards V. Op. cit. P.122.

Майские события добились широкой антифашистской коалиции. Противоречия вышли на поверхность. Артподготовку решающего политического сражения начала пресса.

Впрочем, Ларго Кабальеро устами «Аделанте» 7 мая еще пытался восстановить хрупкий компромисс – ни одна сторона не виновата в конфликте. Это шпионы и провокаторы (подхвачен мотив, запущенный коммунистами) воспользовались «сектантством некоторых кругов». Произошел не мятеж против правительства, а «столкновение между двумя профсоюзными организациями». Отдел печати полпредства СССР в Испании отмечал, что 7–8 мая «Аделанте» «избегает всякого намека, который мог быть истолкован как выпад против даже части анархистов»¹¹⁰³. В случае раскола правительства Ларго Кабальеро попытается опереться именно на НКТ.

Антонов-Овсенко докладывал в Москву, что, хотя официальный лозунг: «Ни победителей, ни побежденных», «анархи сохраняют вид победителей»¹¹⁰⁴, а Нин требует возвращения помещений ПОУМ, которые были заняты полицией после прекращения огня¹¹⁰⁵. ПОУМ вовсе не считала себя побежденной.

Коммунисты потребовали наказания виновных за события в Барселоне. Ларго Кабальеро считал, что за это необходимо наказать не организации, а конкретных виновников, после тщательного предварительного расследования событий. Перспектива объективного расследования грозила коммунистам политической катастрофой. Поэтому они требовали немедленных репрессий против НКТ и ПОУМ.

«Аделанте» возражала: «Правительство Народного фронта не может принимать репрессивных мер, как правительство Хиль Роблеса или Леру»¹¹⁰⁶. Тогда еще казалось невероятным, что правительство «Народного фронта» может быть таким же авторитарным, как и правительство правых сил.

«Коммунисты были настроены дать бой Ларго на первом совете, который будет иметь место. Они не были согласны ни с военной политикой, ни с политикой в сфере общественного порядка. Они не хотели, чтобы Ларго продолжал занимать пост председателя Правительства и министра военных дел. Коммунисты не могли больше ждать, пока он проявляет свои капризы, не отчитываясь перед Правительством»¹¹⁰⁷, – негодует А. Виньяс. Да, коммунисты не могли ждать, но не капризов, а расследования.

Уже 7 мая Хираль сообщил Асанье, что коммунисты, «центристы» ИСРП и либералы договорились спровоцировать правительственный кризис: «На ближайшем Совете коммунисты будут требовать исправления политики, и если они ее не получают, то выйдут из Правительства. Социалисты и республиканцы поддержат их требования. От социалистов пришли Кордеро и Видарте, от коммунистов – Диас и Пасионария. В целом, все говорили об одном и том же: о непригодности Ларго, общественных беспорядках, преданности Ларго интересам НКТ, вредном влиянии личного окружения Ларго, отсутствии авторитета, инициативы и т. д., т. п.»¹¹⁰⁸. Коалиция трех политических сил оформилась именно на почве противостояния синдикалистской революции, на сторону которой перешел премьер. Его личные недостатки были бы вполне

¹¹⁰³ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.73.

¹¹⁰⁴ АВП. Ф.05. Оп.17. пап.131. Д.50. Л.50.

¹¹⁰⁵ Там же.

¹¹⁰⁶ Там же.

¹¹⁰⁷ Viñas Á. El escudo de la República. P.550. При описании этих событий А. Виньяс открыто тенденциозен: «Неудивительно, что Кабальеро спровоцировал сильнейшее раздражение не только коммунистов, но и всех социалистов и республиканцев, озабоченных будущим Республики» (Р.459). То есть, если политик испытывает раздражение против Ларго Кабальеро – он озабочен будущим Республики. Если не испытывает – надо понимать, что не озабочен.

¹¹⁰⁸ Cit.: Viñas Á. El escudo de la República. P.550.

терпимы, если бы не «преданность Ларго интересам НКТ».

«На совете министров 8 мая выявилось совершенно открыто следующее: четыре министра анархо-синдикалиста – Оливер, Монтсени, Лопес и Пеиро – занимали те же позиции, что Кабальеро и Галарса. Они защищали те же позиции. Против них, а значит и против позиции Кабальеро, выступили (с решительным осуждением путча, путчистов, троцкистов и анархистов) Дель Вайо (большое и очень сильное выступление), Урибе, Эрнандес, Хираль, Ирухо, Негрин. Прието не выступил, объясняя это невыступление в последующей дискуссии следующими аргументами: критика и осуждение были направлены исключительно против троцкистов-поумистов, в то время как я придерживаюсь той точки зрения, что нужно было концентрировать удар на анархистах.

Все ждали, что совет министров закончится правительственным кризисом. Тем более, что в предшествовавшие дни, 7 мая, были беседы между социалистической партией и республиканцами. Кроме того, президент республики беседовал с Диасом и Долорес (от компартии), Ламонеда, Кордера и Видарте (из исполкома социалистической партии), с Дель Вайо, Негриным, Хиралем и др. политическими деятелями», – докладывал И. Степанов. В ходе этих бесед обсуждалась необходимость «изменить состав правительства, но оставаясь в рамках и на основе народного фронта!»¹¹⁰⁹

В действительности, 8 мая Прието выжидал, чтобы эффективнее нанести удар по своему старому сопернику Ларго Кабальеро. Ларго выслушал дискуссию молча и сформулировал компромиссные решения¹¹¹⁰.

Что же, 9 мая огонь был перенесен на анархистов: «коммунисты предприняли основательную атаку против товарищей министров (то есть министров-синдикалистов – А. Ш.) по поводу происшедших событий, требуя крови и огня (против) активистов нашей организации»¹¹¹¹, – сообщал представитель ФАИ в Валенсии Х. Кампанья. Однако после этого заседания анархо-синдикалисты продолжали разъяснять свою точку зрения на происшедшие события и преуспели в этом. Премьер ждал результатов расследования событий в Барселоне. И годы спустя он считал: «Восстание не было направлено против правительства. Оно явилось результатом конфликта между двумя группами, каждая из которых пыталась взять под свой контроль руководство каталонскими рабочими»¹¹¹².

Либертарное крыло Народного фронта оборонялось. Что же, раз коммунисты и правые социалисты нашли провокаторов, анархо-синдикалисты прямо высказали свою версию. Газета «СНТ» прямо назвала провокаторами КПИ и ОСПК¹¹¹³.

9 мая коммунисты вынесли спор из кабинета на улицу, провели массовую манифестацию, на которой Диас задал немислимый прежде вопрос: «Будет ли это правительство тем, которое

¹¹⁰⁹ Коминтерн и Гражданская война в Испании. С. 280–281.

¹¹¹⁰ Там же. С.281. Асанья запямятовал или не был проинформирован об этой атаке коммунистов. Он полагал, что 8 мая обсуждался только вопрос о возможном перемещении Миахи (в связи с правительственным кризисом явно второстепенный – после смены правительства Миаху оставили на прежней должности). А Виньяс смущен расхождением свидетельств источников об этом заседании: «Тем не менее, на следующем собрании Совета, как пишет Асанья, ничего не произошло. Решение ситуации с Миахой Ларго Кабальеро просто довел до сведения, а коммунисты сказали, что если есть причины для смещения, они не будут возражать. Тем не менее, информация, поступившая к „Степанову“, сильно отличалась: взгляды существенно разошлись» (Op. cit. P.551). Конечно, А. Виньяс не может признать, что мемуары Асаньи, которыми он пользуется как весьма достоверным источником, тоже могут содержать ошибки, как и мемуары Эрнандеса. Но все же Степанов пишет по свежим следам событий со слов его непосредственных участников, а Асанья – спустя годы. Так что здесь прав вероятнее всего Степанов.

¹¹¹¹ IISH. Paquete P61 y 61 a. P1.1. FAI. Delegación del Comité Peninsular en Valencia. 74 P1.1. Informe de la crisis y su tramitación. P.1.

¹¹¹² Largo Caballero F. Op. cit. P.218.

¹¹¹³ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.90.

приведет нас к победе?»¹¹¹⁴ Раньше такое заявление можно было воспринять как капитулянтство. Теперь оно стало сигналом: коммунисты «валят» правительство. Выступления на митинге транслировались по радио, и их слушала вся страна.

11 мая анархо-синдикалистская «Кастилия либре» утверждала: «Компартия хочет создать новое правительство, более удобное для буржуазии». «Ла Баталья» поумистов конкретизировала: борьба против Ларго Кабальеро – это «маневр Москвы в согласии с Лондоном и Парижем»¹¹¹⁵. Что это – голословное обвинение? Как ни странно, эту обидную для коммунистов точку зрения поддержал и президент Асанья, как раз и представлявший «буржуазию» в Народном фронте. Во время правительственного кризиса Асанья сказал представителю басков, что необходимо такое разрешение кризиса, которое бы «не только внушило доверие республиканскому общественному мнению в стране, но и иностранным демократиям». Отношение к правительству с «подчеркнуто классовым характером» не может быть таким же, как к правительству «определенно республиканского, классового характера»¹¹¹⁶. «Демократия» тут, конечно, ни при чем. Важно было показать Западу, что правительство «Народного фронта» не угрожает капитализму.

30 сентября 1937 г. на совещании с коммунистами руководители ИСРП выступали против возвращения анархистов в правительство, так как «майский кризис имел целью именно удаление анархистов из правительства, ибо их участие в нем и их поведение в стране создавали правительству затруднения за границей»¹¹¹⁷. Редкое по откровенности признание, частично объясняющее мотивы действий правого крыла ИСРП в майском кризисе. Характерно, что они не только фактически признают вину антианархистских сил в провоцировании майского кризиса, но и называют главный мотив выдавливания анархистов из системы власти. Это не «развал экономики», «дезорганизация армии и тыла» или другие мифические обвинения. Это – внешнеполитические соображения: социальная революция, которую углубляли анархисты, вызывала недовольство за рубежами Испании.

Внешний фактор кризиса «Народного фронта» выражался не только в этом. 11 мая «Аделанте» раскрывала «секрет Полишинеля»: речи лидеров компартии должны согласовываться с представителями Коминтерна. Так что устами «Аделанте» Ларго Кабальеро пытался объясниться не столько с компартией, сколько с ее коминтерновским руководством: «Мы знали мнение Коминтерна в недалеком прошлом насчет проблем нашей страны, насчет того, что надо втягивать анархистов в политическую работу вплоть до их участия в правительстве. Этого достиг Кабальеро». При этом «работа министров – членов СНТ, доказала их лояльность и добросовестность в отношении к правительству»¹¹¹⁸.

Анархисты теперь выступали как главная опора правительства. «Солидаридад обрера» утверждала, что коммунисты хотят подчинить Испанию иностранному влиянию. «Ларго Кабальеро резко квалифицирует этот маневр, поэтому его атакуют и подрывают почву под ним»¹¹¹⁹. «СНТ» вторила: «Раскрыт маневр коммунистов: хотят исключить из правительства представителей пролетариата»¹¹²⁰. «Кастилия либре» делала вывод: «Но народ знает дела Ларго Кабальеро на посту министра войны и потребует счета от Коммунистической партии за ее

¹¹¹⁴ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.90.

¹¹¹⁵ Там же. Л.96.

¹¹¹⁶ Там же. Л.100.

¹¹¹⁷ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.214. Л.105.

¹¹¹⁸ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.90.

¹¹¹⁹ Там же. Л.94.

¹¹²⁰ Там же. Л.90.

разлагающую работу»¹¹²¹. Эти угрозы заставляли коммунистов торопиться, что как нельзя лучше соответствовало настроению противников Ларго Кабальеро в ИСРП.

По сообщению Степанова, прибыв в ЦК КПИ, «руководители соцпартии» (то есть ее правого исполкома) внесли «конкретные предложения о составе будущего правительства из тех же организаций и партий народного фронта, которые участвуют в данном правительстве, но без Кабальеро»¹¹²². Проект был предварительным. Предполагалось, что премьер-министром и министром финансов станет Негрин (совмещение двух постов на этот раз никого не смущало), министром иностранных дел – Альварес дель Вайо, министром обороны – Прието, министром внутренних дел – Эрнандес, министром индустрии, торговли и труда – Томас. Поводом к правительственному кризису должна была стать кампания коммунистов¹¹²³.

Таким образом, правое крыло социалистов, увидев затруднительное положение, в котором оказались коммунисты, предложили им размен: голову Ларго Кабальеро и возделенное для Прието место министра обороны в обмен на пост министра внутренних дел, спасительный в свете расследования дела о событиях в Барселоне и ключевой в дальнейшей борьбе за власть (в дальнейшем это обещание не будет выполнено). Пострадавшими оказывались и связавшие себя с левыми социалистами лидеры НКТ. Они при новом раскладе теряли не только место Лопеса, но главное – экономический блок, что могло стать преддверием сворачивания синдикализации.

В качестве «откупного» для Ларго Степанов называет пост в будущей объединенной партии ИСРП и КПИ¹¹²⁴ (понятно, что речь может идти о роли зиц-председателя, так как большинство коммунистов и правых социалистов отдавало в их руки реальный аппарат такой партии).

Однако пока коммунисты и их союзники конструировали свое правительство, Прието сообщил им страшную новость: «по его словам, Ларго Кабальеро хотел создать синдикалистское правительство, состоящее почти полностью из представителей Всеобщего союза трудящихся и НКТ (возможно, это объясняет его желание избежать конфронтации с национальным анархо-синдикалистским руководством). У него, Прието, оставался портфель министра сельского хозяйства. Без сомнения, это было унижительно. Прието поспешил заявить, что невозможно, чтобы Асанья принял кабинет, из которого будут устранены республиканцы и коммунисты»¹¹²⁵.

Последующие события показали, что для Ларго Кабальеро вариант профсоюзного правительства был резервным. Он не мог не понимать, что Асанья не пойдет на синдикализацию политической структуры. Следовательно, для этого нужно было переступить через конституционную структуру Республики. Синдикалистская, самоуправленческая революция переросла рамки парламентско-президентского государства. Коммунистическая революция вполне могла переживать в нем свой инкубационный период. Однако Ларго Кабальеро не сдвинулся настолько влево, чтобы бросить прямой вызов президенту и системе партийной власти. «Пугнув» своих противников призраком профсоюзного правительства, он продолжил партийные комбинации.

Исторический выбор

13 мая правительство собиралось для решающего объяснения, и «была инициирована энергичная атака на Галарсу (левосоциалистический министр внутренних дел – А. Ш.) со стороны коммунистов, обвинявших его в нерешительности (дословно, „в том, что он держал дряблую руку“ – А. Ш.) в отношении нас в Каталонии и остальной Испании», – писал Х. Кампанья. В ходе

¹¹²¹ Там же. Л.92.

¹¹²² Коминтерн и Гражданская война в Испании. С.283.

¹¹²³ Там же.

¹¹²⁴ Там же. С.284.

¹¹²⁵ Viñas Á. El escudo de la República. P.553.

этой дискуссии Ларго Кабальеро назвал коммунистических министров лжецами и заявил, что не предаст «рабочего братства». По сообщению Х. Кампанья «дискуссия была очень жесткой, и два министра-коммуниста подали в отставку и покинули Совет...»¹¹²⁶.

По словам Х. Гарсиа Оливера камнем преткновения была не столько НКТ, сколько ПОУМ. Он вспоминал об этом заседании: «Министры-коммунисты, послушные и подчинявшиеся приказам своего бюро, начали прения как коммунистическая ячейка городского района. Эти прения ожесточенно направлялись против ПОУМ, которую обвиняли в том, что она выступала зачинщиком майских событий. Слепленные яростью, они требовали, чтобы правительство приступило к уничтожению и преследованиям ПОУМ, расправившись, насколько это будет возможным, со всеми ее членами, начиная с Нина и заканчивая дворниками их помещений.

Ларго Кабальеро не вступил в дискуссию, не участвовал в голосовании при обсуждении предложения коммунистов. Сказал лишь, что он приказал бы расправиться с ПОУМ или теми, кто несет ответственность за похожие события, если бы обвиняющая партия предоставила доказательства такой виновности. Если говорить о майских событиях в Барселоне, ПОУМ в официальном заявлении, выпущенном ее Исполнительным комитетом, отрицала свое участие в этих событиях и выражала свое осуждение зачинщикам. В силу этого, он считал, что позиция, которую занимали в то время министры от коммунистов была такой, словно они хотели перебросить на плечи испанского правительства те проблемы, которые они делили с коммунистическими партиями по всему миру.

В качестве уполномоченного министра, присутствовавшего в Барселоне по соглашению с правительством, я объявил, что мое пребывание у президента Женералитата и его правительства за то время, что я здесь находился, выяснило очевидность того, что майские события произошли из-за провокационных действий Левой республиканской партии Каталонии и ОСПК. Дали толчок дальнейшим событиям те силы, которые попытались захватить телефонную станцию, а именно: политико-полицейские силы руководителя безопасности Родригеса Саласа, ОСПК, зависящей от министра внутренних дел, Артемио Айгуаде, Левая республиканская партия.

Федерика Монсени, также прибывшая в Барселону в качестве уполномоченного министра, высказалась в том же духе, что и я, уточнив, что за время своего пребывания в графском городе она не получила ни единого доказательства участия ПОУМ как партии в планировании и развитии тех событий»¹¹²⁷. После такого разбора впору было давать распоряжения об арестах лидеров ОСПК и примкнувших к ним каталонских националистов.

Коммунистам следовало разрушить правительство немедленно: «Хесус Эрнандес, „министр Сталина“, взялся добить правительство. Или, точнее, закончить этот фарс с правительством.

– Если руководитель правительства отказывается принимать наши обвинения против ПОУМ, тогда Коммунистическая партия отзовет своих министров, и мы уйдем.

Он и Урибе встали и ушли.

Ларго Кабальеро, скрыв переполнявшее его возмущение и взяв себя в руки, сказал нам:

– Господа, правительство только что пережило кризис. Само по себе это неважно. Однако мне надо подумать, как с ним справиться. Прошу вас извинить меня, однако так уж случилась, что придется отменить это заседание. Прощайте и большое спасибо всем вам»¹¹²⁸. Однако, судя по другим воспоминаниям, Ларго Кабальеро попрощался не сразу, а после того, как И. Прието заявил: «Без участия коммунистов нет правительства»¹¹²⁹. Вслед за И. Прието зал покинули еще четыре министра-социалиста (официально они заявили об отставке 14 мая). С Ларго Кабальеро остались два социалиста и четыре синдикалиста.

Уход большинства министров означал правительственный кризис. Согласие на новый состав правительства зависело от президента, так как роль кортесов была сведена на нет. Президент стоял

¹¹²⁶ IISH. Paquete P61... P.1.

¹¹²⁷ García Oliver J. Op. cit. P.435.

¹¹²⁸ Op. cit. P.436.

¹¹²⁹ Ибаррури Д. Указ. соч. С.384.

на позиции поддержки противников Ларго Кабальеро.

15 мая Асанья объявил о правительственном кризисе и поручил формировать новое правительство Ларго Кабальеро, уже понимая – он не сможет представить такой проект кабинета, который санкционирует президент.

* * *

Это был один из переломных моментов в развитии Испанской революции, а значит, и мира. Возникнет ли новая синдикалистская модель, которая будет существовать наряду с американским, советским и фашистским вариантами регулируемого индустриального общества? Будет ли стоять перед странами, вступающими на путь социального государства, выбор – создавать новое общество на основе авторитаризма, капиталистического плюрализма или, как в Испании, – на основе производственной демократии? Внимание мира было приковано к Испании. Скажет ли она ему что-то новое?

Очевидно, что правительство, ядро которого состояло бы из профсоюзных лидеров НКТ и ВСТ (в этот период здесь доминировали левые социалисты), продолжало бы социальные преобразования, направленные на упорядочение коллективизации и синдикализации. Это правительство провело бы расследование событий в Барселоне в невыгодном для коммунистов ключе, что могло привести к ослаблению позиций коммунистов и в силовых органах, а в конечном итоге – к поражению КПИ в борьбе за власть. Однако этот же вариант развития событий означал отстранение от власти не только коммунистов, но и правых социалистов, а также республиканцев.

Принципиальным было и сохранение за Ларго Кабальеро и поста военного министра – НКТ и кабальеристы не хотели допустить на этот пост Прието. Министры-синдикалисты решили «посетить Ларго Кабальеро для того, чтобы продемонстрировать, что НКТ не будет сотрудничать с таким правительством, которое не будет им возглавляться, и является организацией, которая примет участие в формировании правительства, в котором Кабальеро фигурирует в качестве председателя и военного министра»¹¹³⁰. 16 мая позицию НКТ поддержал исполком ВСТ – профсоюз не войдет в правительство, где Ларго Кабальеро не будет занимать посты премьера и военного министра. Орган ВСТ «Кларидад» уже 15 мая утверждала: «УХТ¹¹³¹ не будет сотрудничать с новым правительством, если в нем не будут представлены организации, участвующие теперь в правительстве, и если Ларго Кабальеро не останется председателем совета министров и военным министром». Ларго Кабальеро был назван в статье «мастером победы»¹¹³². О коммунистах было сказано намеками: «Кто маневрирует против правительства, представляющего всех нас, является врагом испанского народа»¹¹³³. Это была точка зрения левого крыла социалистической партии и руководства ВСТ. Анархо-синдикалисты уже открыто атаковали КПИ: «Коммунистическая партия доказала фактами, что она добивается раскола правительства, в котором имеются представители всех антифашистских, политических и профсоюзных организаций»¹¹³⁴ – писала «СНТ». Конфликт между двумя направлениями был очевиден и, похоже, непримирим. Антифашистская коалиция могла сохраниться только в новой форме. Перечень организаций оставался почти прежним, но направление политики правительства зависело от победы одной из двух команд, каждая из которых состояла из лидеров разных организаций.

Для того, чтобы продвинуть команду «своих» социалистов, коммунистам нужно было разрушить уже сложившийся авторитет Ларго Кабальеро. «Френте рохо» 15 мая выпустил

¹¹³⁰ IISH. Paquete P61... P. 1–2.

¹¹³¹ ВСТ.

¹¹³² АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.93.

¹¹³³ Там же. Л.94.

¹¹³⁴ Там же. Л.92.

передовицу: «Народный фронт – это организации, а не люди». Коммунисты выступили против того, чтобы в Народном фронте «процветала концепция людей, отмеченных провидением, неоспоримых вождей и т. д.».

В СССР такая «концепция» может процветать, а в Испании – нет. Во всяком случае сейчас, когда коммунисты взяли курс на смену Ларго Кабальеро. «Если необходимо менять людей, то нужно менять их решительно и без колебаний». Позднее коммунистическая пресса будет воспевать нового, прокоммунистического премьера Негрина, несмотря на все поражения республики в период его правления. К строптивому Ларго другой счет: «Кто был не способен десять раз, тот будет не способен и в одиннадцатый раз»¹¹³⁵. Нет, это не касается Прието – его политическая позиция нравится коммунистам. Это – о Ларго Кабальеро. Правда, коммунистические пропагандисты не перечисляют «десять ошибок» – ведь тогда придется вспомнить, что вслед за неудачей под Малагой была победа под Гвадалахарой.

«Мундо обреро» 15 мая писала о том, что в политике правительства Ларго Кабальеро были «ошибки, которые довели до кровавых событий в Каталонии, ошибки, которые отразились в пассивности на фронтах, в хаотическом состоянии индустрии»¹¹³⁶. Премьеру снова был дан «внятный сигнал» – можно сохранить кресло в обмен на кардинальное изменение политики и уступку поста военного министра.

При консультациях о формировании нового кабинета коммунисты дали предварительное согласие на кандидатуру Ларго Кабальеро в качестве премьера, если Прието возглавит вооруженные силы. Ларго Кабальеро категорически отказался. «Но гордыня Кабальеро, его видение собственной ответственности за формирование новой армии и его острое соперничество с Прието не позволили ему принять это предложение»¹¹³⁷, – комментирует Г. Джексон. Сведение революционных политических конфликтов к обычной игре амбиций нескольких лидеров почти всегда свидетельствует о непонимании подобными авторами причин событий или даже попытке скрыть от читателя эти причины, свести проблему до уровня понятной обывателю карьерной склоки. Но все дело в том, что за участниками этой драмы стояли интересы гораздо более широкого круга людей, массовых социально-политических групп, по отношению к которым «гордыня» и соперничество отдельных политиков были очевидно вторичны. Эти амбиции просто не могли бы повлиять на ситуацию, если бы не выливались в стратегии, пользовавшиеся массовой поддержкой. В мае 1937 г. столкнулись стратегии войны и социальных преобразований.

Для того, чтобы преодолеть сопротивление коммунистов и социал-либеральных политиков, сторонники Ларго Кабальеро должны были предложить стране ясную политическую альтернативу – власть союзам, а не партиям.

В принципе, этот подход и выдвинули лидеры НКТ, рассчитывая на поддержку Ларго Кабальеро. Однако инерция идей сплочения всех антифашистских сил была еще столь сильна, что уже в предложениях НКТ содержалась попытка совместить оба подхода, что было тогда нереалистично: НКТ и ФАИ призвали ВСТ выступить с согласованными обращениями, в которых необходимо было подчеркнуть, «что правительство должно конституироваться так, чтобы основываться на рабочих организациях и представительстве всех антифашистских направлений»¹¹³⁸. Руководство ВСТ в принципе было готово к участию в таком кабинете, но его конкретные предложения требовали компромисса с коммунистами и неравноправия двух профсоюзов: три места ВСТ, три – социалистам, два – НКТ, два – коммунистам, одно – левым республиканцам, одно – республиканскому союзу, одно – баскам, одно – левым каталонцам¹¹³⁹. Отвечая на предложения ВСТ, «организация (НКТ – А. Ш.) ответила, что это невозможно по ряду

¹¹³⁵ Там же. Л.95.

¹¹³⁶ Там же. Л.94.

¹¹³⁷ Jackson G. The Spanish Republic and the Civil War 1931–1939. Princeton, 1963. P.372.

¹¹³⁸ IISH. Paquete P61... P.2.

¹¹³⁹ Ibid.

причин: 1) НКТ не может уступать ВСТ; 2) нельзя уравнивать нашу организацию с коммунистами»¹¹⁴⁰. Таким образом, в профсоюзном фронте единства не оказалось. Поскольку речь шла не о концептуальном разногласии, оно было преодолимо, на что, однако, требовалось время.

Более принципиальная проблема заключалась в том, что сам Ларго Кабальеро не решился бросить вызов партийно-политической системе, во всяком случае, при первой попытке формирования нового кабинета. Собственно, в этот момент его политическое поражение было предreshено.

* * *

Уже 15 мая Ларго Кабальеро составил проект нового правительства и 16 мая представил его Асанье.

Ларго в этот момент не решился сразу выдвигать план профсоюзного правительства без коммунистов, а попытался еще раз сохранить конструкцию широкого антифашистского фронта, потеснив не коммунистов, а прежде всего правое крыло ИСРП, отобрав у Прието авиацию и флот, а у Негрина – финансы (которые передать Галарсе). Он предложил объединить военные ведомства в единое министерство обороны под своим началом, а для Прието оставить министерство общественных работ. Другому «центристу», де Грасиа, предлагался пост министра труда. Таким образом, кабальеристы претендовали также на министерства внутренних и иностранных дел, а, возможно, на министерство промышленности и торговли (которое также могло перейти и «центристу»), что было уже совсем неприемлемо для НКТ. На посты коммунистов Ларго не покушался, но был готов поменять сельское хозяйство на труд. Позиции либералов и националистов предлагалось оставить без изменений¹¹⁴¹.

Рассчитывая на заведомую лояльность НКТ, Ларго снизил ее представительство с четырех до трех мест (при четырех местах у ВСТ). Лидеры НКТ требовали дальнейших консультаций (но не нового премьера, как правые), чтобы восстановить баланс между профсоюзами. Ларго Кабальеро не учел эти возражения НКТ, что не дало анархо-синдикалистам поддержать его проект уже 16 мая. Это был тактический проигрыш Ларго Кабальеро, и А. Виньяс придает ему большое значение как «образцу явной близорукости, впрочем, очевидно обусловленной исключительно эмоциями»¹¹⁴². Однако, как показали дальнейшие события, недовольство НКТ было легко преодолимо¹¹⁴³. В сложившихся условиях позиция НКТ по поводу проекта правительства 16 мая уже не играла решающей роли. Асанья, правое крыло ИСРП, либералы и коммунисты были готовы одобрить только то правительство, в котором Ларго не будет военным министром. А на это уже не был готов Ларго.

«Подобающий вопрос – превратился бы он в декоративную фигуру в случае, если бы он остался во главе Правительства? Самый разумный ответ – нет. Ларго Кабальеро был личностью жесткой и тяжелой, но не лишенной достоинств. У него была прочная база в ВСТ и, частично, в самой ИСРП»¹¹⁴⁴. А. Виньяс словно забыл, что «прочная база» будет разрушена в ближайшие

¹¹⁴⁰ Ibid.

¹¹⁴¹ Graham H. Op. cit. P. 97–98; Viñas Á. El escudo de la República. P. 555–556.

¹¹⁴² Viñas Á. El escudo de la República. P.560.

¹¹⁴³ Х. Грэхэм, также относящаяся к политике Ларго Кабальеро резко критически, считает, что дело вовсе не в тактической ошибке, а в крахе всей стратегии сближения кабальеристов с анархо-синдикалистами, которые все равно остались «идеологически чуждыми» (Graham H. Op. cit. P.101). Однако это не мешало НКТ и ВСТ тесно сотрудничать в деле социальных преобразований. Более того, представители НКТ простили Ларго даже его бестактность при формировании правительства и 18 мая продолжали настаивать на том, что он должен остаться и премьер-министром, и военным министром. Так что линия кабальеристов на союз с НКТ в условиях конфликта с КПИ себя вполне оправдала, и причина падения правительства заключалась в чем угодно, но не в конфликте НКТ и ВСТ.

¹¹⁴⁴ Viñas Á. El escudo de la República. P.561.

месяцы путем систематической кадровой работы по сценарию «народной демократии». После майского столкновения возврата к прежнему сосуществованию двух политических стратегий не было. Это не сразу поняли Ларго и лидеры НКТ, но уже знали коммунисты и социал-либералы ИСПП. В случае потери силового блока сторонники Ларго Кабальеро и НКТ не могли бы остановить сворачивания революции и внедрения губительной стратегии войны.

Позднее Ларго так разъяснял свою позицию: «Коммунисты хотели выкинуть меня из Министерства военных дел и оставить меня как фигуру на носу корабля на посту Председателя Совета, под предлогом того, что два портфеля – слишком тяжелая работа. Тогда я заявил, что, как социалист и испанец, я обязан продолжать войну, и в противном случае я не могу принять пост председателя. Но я сказал это не потому, что считал себя незаменимым, ни в коем случае, а потому, что я был решительно настроен дать бой коммунистической партии и всем ее приспешникам, а это могло быть сделано только через министерство военных дел. Они это знали. Поэтому они меня выкинули». «Более того, я предполагал создать Правительство без участия коммунистов...»¹¹⁴⁵ Не сдать Прието и коммунистам военное министерство было принципиально важно для него потому, что их стратегия войны вела к поражению. Что, собственно, и подтвердилось. Здесь важна еще одна деталь. Судя по этим воспоминаниям, Ларго рассчитывал, что у него будет вторая попытка формирования правительства, возможно – без коммунистов. В парламентском государстве это нередко случается. Не получилось сформировать коалицию с одними – можно предложить и новую комбинацию. Отсюда возможная небрежность при составлении проекта 15–16 мая, мнимая уступчивость в отношении коммунистов, которые все равно отвергнут соглашение, и временное ущемление НКТ, которым позднее можно будет предложить больше. Ларго не учел, что Асанья в условиях паралича кортесов более свободен в выборе кандидатуры премьера, и просто не даст ему второй попытки.

Ссылаясь на его тактические ошибки в сложной политической игре середины мая, критики Ларго настаивают: он сам виноват в своем падении, и коалиция социал-либералов и коммунистов вовсе не подставляла ему ножку. Х. Грэхэм считает, что проект правительства, представленный им президенту, «подтвердил только совершенно нереалистичное представление Ларго о балансе политических сил, удерживаемом левыми»¹¹⁴⁶. Было ли оно в принципе нереалистичным? В мае 1937 г. власть в республике могла удерживаться либо левыми (лидеры ВСТ и НКТ), либо правым центром и коммунистами. Ставка на левый фланг сама по себе была реалистична. Нереалистично было добиваться ее одобрения заведомо правым Асаньей. Тактической, но поправимой и малозначимой в сложившейся ситуации ошибкой было ущемление НКТ.

Чтобы окончательно снять ответственность за кризис с противников Ларго, А. Виньяс даже назвал главу своей книги «Харакири Ларго Кабальеро». Мол, он сам во всем виноват: «он не мог выиграть и этим совершил самоубийство, желая того или нет»¹¹⁴⁷. А. Виньяс путает самоубийство с отказом от капитуляции. В политике как раз капитуляция аналогична самоубийству. Такую же ошибку совершают и те критики Республики, которые считают, что она изначально не могла победить, и потому ее борьба была самоубийственной. Что же, лучше такое «самоубийство», чем смерть капитуляции.

Пытаясь оправдать организаторов свержения Ларго Кабальеро, А. Виньяс изображает его уход чуть ли не как дезертирство по собственной воле: «Уйти из Правительства было худшим, что мог сделать Кабальеро, потому что возглавлять его не было синекурой»¹¹⁴⁸. Но Ларго потому и отправили в отставку, что он не был согласен получить почетную синекуру.

Нет ничего дурного в том, что А. Виньяс стремится защитить репутацию такой крупной исторической фигуры, как Хуан Негрин. Негоже, что он пытается делать это путем систематического очернения предшественника Негрина Франсиско Ларго Кабальеро. Разумеется,

¹¹⁴⁵ Cit.: Viñas Á. El escudo de la República. P. 560–561.

¹¹⁴⁶ Graham H. Op. cit. P.97.

¹¹⁴⁷ Viñas Á. El escudo de la República. P.560.

¹¹⁴⁸ Op. cit. P.562.

тот не был человеком безупречным. Но в работах А. Виньяса и других апологетов социал-либерального направления мы слишком часто сталкиваемся с попытками «переложить с больной головы на здоровую», закамфлировав действительные причины поражения Республики «наследием Ларго Кабальеро», который был отстранен от поста премьер-министра почти за два года до финала: «Но все же замена Кабальеро произошла слишком поздно. Ни Негрин, ни Прието не могли избежать цепи поражений, которые отнюдь не способствовали поднятию или поддержанию боевого духа. Но, несмотря на это, Республика продолжала бороться всеми правдами и неправдами. Густаво Дуран был прав, заметив, что „история гражданской войны в Испании – это история долгой агонии“»¹¹⁴⁹. Однако агония началась не сразу, а в второй половине 1937 г. Это косвенно подтверждает и сам А. Виньяс, чьей сильной стороной является тема «испанского золота»: «Мы доказали, что золото позволило выковать „щит Республики“ и, к лучшему или к худшему, сделать ее способной бороться с мятежниками и вести долгую кровопролитную гражданскую войну»¹¹⁵⁰. Это уже не похоже на агонию. Это – способность к борьбе. Испанское золото сыграло в этом свою роль. Но денег не достаточно для победы в гражданской войне. Нужна еще воля масс к победе. При Ларго Кабальеро она была – даже не благодаря старому премьер-министру, а благодаря тому, что он почти не мешал развиваться главному источнику этой энергии – социальной революции. Авторы, стремящиеся скомпрометировать Ларго Кабальеро, добавляя к его реальным грехам надуманные претензии, целят не столько в него, сколько в период его правления, время максимального подъема Испанской революции. Той революции, которую ненавидели Франко и его союзники, которой не доверял Сталин, которую боялись лидеры Франции и испанские социал-либералы, против которой продолжают информационную войну их нынешние наследники.

* * *

Ларго Кабальеро мог остаться во главе правительства при одном из двух условий: либо подчиниться диктату и превратиться в номинальную фигуру, либо, воспользовавшись неблагоприятной ролью коммунистов в событиях в Барселоне, ослабить их и создать правительство на новой профсоюзной основе (уравняв в правах ВСТ и НКТ) и проигнорировав мнение президента, апеллируя к организованным массам. Это, конечно, в очередной раз нарушало бы Конституцию, но после 18 июля ее только и делали, что нарушали. Такова революция. Но в мае 1937 г. Ларго Кабальеро не решился действовать революционно. «Испанский Ленин» не обладал решительностью Ленина настоящего.

Не решившись на разрыв с партийно-президентской системой, Ларго Кабальеро проиграл, и 17 мая М. Асанья поручил формирование правительства социалисту Х. Негрину, ориентированному на теснейшее сотрудничество с КПИ.

Выбор Негрина в качестве кандидата на пост премьера стал в тот момент несколько неожиданным, учитывая, что лидером «центристов» был Прието, кандидатура которого на премьерское кресло уже обсуждалась в 1936 г. Но Асанья не очень-то хотел получить Прието в качестве премьера. Асанья в своих воспоминаниях указывает, что он не доверял его «переменам настроения» и «приступам». Прието предложил собственную версию. Как он говорил, Асанья объяснял ему через Хиралья, что «он не назначил меня главой Правительства, т. к. я был слишком явным противником коммунистов для того, чтобы председательствовать в коалиции, где они бы присутствовали. Я был очень благодарен ему за объяснение и за то, что он избавил меня от должности, в которой я не мог и не хотел служить». Эти объяснения не противоречат друг другу. Асанья мог вполне найти в этом предлог для того, чтобы не назначать Прието¹¹⁵¹. Но это похоже на объяснение «постфактум». В этот период Прието не афишировал свои антикоммунистические взгляды. У Асаньи могли быть и личные мотивы. Получив ненадолго в свои руки реальную власть

¹¹⁴⁹ Op. cit. P.639.

¹¹⁵⁰ Ibid.

¹¹⁵¹ Op. cit. P.563.

(которая фактически выпала из них в июле 1936 г.), Асанья понимал, что новая сильная личность во главе правительства снова оттеснит его в сторону. После этого Прието оставалось делать вид, что «не очень-то и хотелось». Став «сильным человеком в правительстве», он мог во всяком случае серьезно повлиять на выбор премьера из своей фракции.

«Неясно, голосовал ли Исполнительный комитет формально за Прието или предложил Негрина. Напротив, Асанья утверждает, что именно он решил привлечь Негрина»¹¹⁵². Прието еще до объявления правительственного кризиса предлагал именно Негрина на пост премьера¹¹⁵³. Мотивируя свой отказ выдвигаться на пост премьера, Прието «подчеркнул, что не находится в хороших отношениях ни с НКТ, ни с коммунистами. В том, что касается последних, речь может идти о толковании *a posteriori*. Прието предположил, что он был бы полезнее на посту министра национальной обороны. Также он указал, что коммунисты уже разнесли на весь мир имя Негрина»¹¹⁵⁴. Это значит, что Прието не выдвинул Негрина, а согласился с уже более ранним предложением коммунистов.

Эрнандес сообщил Негрину, что коммунисты предложили президенту его кандидатуру на пост премьера. На возражение Негрина о том, что он мало известен в стране, Эрнандес ответил: «Популярность... она фабрикуется!»¹¹⁵⁵.

Культ личности Негрина, создававшийся тогда, жив и поныне. Апологет Х. Негрина А. Виньяс с восторгом перечисляет качества этого политика, которые делали его достойным кресла премьер-министра: «Ни один из членов кабинета не показал подобной решимости и отваги». (!?! – А. Ш.) «Негрин много работал в важнейших сферах – экономической и финансовой – о которых немногие министры имели хоть какое-то понятие»¹¹⁵⁶. Правда, стоило Негрину развернуть экономическую политику в соответствии со своими представлениями, как положение стало стремительно ухудшаться. Но это – «мелочи». Продолжим гимн Негрину: «Он создал себе репутацию на восстановлении общественного порядка, а Корпус карабинеров под его контролем получил впечатляющее развитие. Он сохранял прекрасные отношения с представителями СССР, не напрасно он был одним из немногих министров, которые активно с ними общались. Он владел иностранными языками, что являлось важным козырем для выхода на международную сцену, на которую Ларго Кабальеро даже не потрудился сделать шаг. Асанья был очень чувствителен к этим вопросам и держал Негрина на хорошем счету. В ретроспективе сложно представить другое лицо, которое мог бы выбрать президент вместо Прието для того, чтобы сформировать новое Правительство. Ввиду подобных преимуществ и малого количества недостатков, выбор был чрезвычайно разумен»¹¹⁵⁷.

В реальности список эксклюзивных достоинств Негрина был гораздо короче. Успехи Негрина на международной арене в сравнении с периодом Ларго Кабальеро, мягко говоря, спорны, что подтверждает уже следующая книга его адепта А. Виньяса. В Республике было немало и поборников порядка, и знатоков иностранных языков. Пожалуй, «прекрасные отношения с представителями СССР» можно выделить, но и здесь Альварес дель Вайо не уступал Негрину.

Коммунисты не питали иллюзий по поводу характера Негрина. Он не был идеалистом, подобным левым социалистам и анархо-синдикалистам, и хорошим организатором, подобно коммунистам. П. Тольятти писал о нем: «К числу слабых мест Негрина надо отнести и его стиль работы – стиль размагниченного интеллигента, болтуна, дезорганизованного и дезорганизующего,

¹¹⁵² Op. cit. P.562.

¹¹⁵³ Op. cit. P.553.

¹¹⁵⁴ Op. cit. P.562.

¹¹⁵⁵ Ernandes J. Op. cit. P.87.

¹¹⁵⁶ Viñas Á. Op. cit. P.563.

¹¹⁵⁷ Op. cit. P.564.

и его личная жизнь представителя богемы, не лишенная симптомов разложения (женщины)»¹¹⁵⁸.

Выбор был не столько разумен, сколько не велик. Главный выбор на этом этапе революции заключался в падении правительства Ларго Кабальеро. Это свершилось. После этого большого выбора альтернатива оставалась чисто тактической и практически predetermined. Коммунистическая поддержка сыграла решающую роль не в приходе на пост премьер-министра именно Негрина, а в приходе правого социалиста («центриста»). Прието уже достаточно проявил себя как конфронтационная и неустойчивая личность. Он, к тому же, был готов сосредоточиться на военной стороне политики Республики. Итак, нужен «центрист» ИСРП, но не Прието. Если выставляются такие условия – выбор минимален. Поэтому, даже если коммунисты и их зарубежные товарищи, решившие в итоге атаковать Ларго Кабальеро «до победы», не настаивали именно на фигуре Негрина, они выставили такие параметры нового премьера, под которые прежде всего подходили Негрин и Альварес дель Вайо. Выбор между ними делали не коммунисты, и не Москва, а ситуация. Альварес имел все же давнюю репутацию «левого». А Негрин был классическим «центристом».

Таким образом, во фракции «центристов» ИСРП Негрин оказался министром, который устраивал и СССР, и коммунистов, и Прието, и Асанью. Не удивительно, что есть указания на его выдвижение с этих трех сторон.

Строго говоря, кандидатура Негрина наряду с Прието обсуждалась уже давно – как только стало ясно, что предстоит борьба за свержение Ларго Кабальеро. Это обсуждение шло в таком секрете, что стало даже известно франкистам. Еще 21 февраля Кейпо де Льяно заявил: «По приказу из Москвы Ларго Кабальеро, к которому потеряно доверие, замещается доктором Негрин»¹¹⁵⁹.

* * *

Историки обсуждают, были ли события, спровоцированные атакой на телефонную станцию 3 мая, сознательной провокацией коммунистов и их союзников, направленной на свержение Ларго Кабальеро, разгром анархистов и «троцкистов». Р. Радош считает, что ответ на этот вопрос позволяет дать информационное письмо сотрудника Коминтерна, которое Г. Димитров направил К. Ворошилову 15 апреля 1937 г. Там говорится, что не следует просто ждать грядущий кризис, но «ускорить его и, если это будет необходимо, спровоцировать его»¹¹⁶⁰. «В этих словах, – комментирует Р. Радош, – которые предшествовали атаке на телефонную станцию всего чуть более двух недель, мы имеем доказательство того, что взгляд оппонентов коммунистов был в сущности верен. Испанская коммунистическая партия, при поддержке и с ведома Коминтерна и Москвы, решила спровоцировать столкновение, с полным пониманием, что результат даст им как раз те возможности, которые они так долго искали»¹¹⁶¹. Такая однозначная трактовка документа, которую допускает Р. Радош, совершенно неубедительна. С одной стороны, сравнив этот анонимный текст с материалами архива Коминтерна в РГАСПИ, мы можем легко установить авторство. Это письмо И. Степанова, написанное не «за две недели» до майских событий, а поступившее в ИККИ 28 марта¹¹⁶². В историографии, как мы видели, существует точка зрения, отстаиваемая прежде всего А. Виньясом, что Степанов в малой степени отражает позицию как КПИ, так и Москвы, что этот «злой гений» «фильтровал информацию», манипулируя коммунистами по разные стороны Европы в интересах своей позиции. Мы видели, что эта картина

¹¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф.495. Оп.20. Д.284. Л.10.

¹¹⁵⁹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.327. Л.24.

¹¹⁶⁰ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д. 991. Л.169.

¹¹⁶¹ Spain Betrayed. The Soviet Union in the Spanish Civil War. Ed. By Radosh R., Habeck M. R., Sevostianov G. New Haven, L., 2001. PP.172–174.

¹¹⁶² См. Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 223–247.

далека от действительности, но решительное отождествление Р. Радошем записки Степанова с планами Москвы и КПИ подставляет его под огонь во многом справедливой критики А. Виньяса¹¹⁶³. Однако, с другой стороны, и обратная точка зрения – мол, Степанов может отвечать только за себя, разбивается о маленькую записочку, которой Димитров 15 апреля сопроводил доклад Степанова Ворошилову: «Видимо, этот доклад выражает также настроения, мнения и установки самого Политбюро ЦК, так как устная информация, сделанная нам по Поручению Политбюро приехавшим из Валенсии товарищем, совпадает с содержанием доклада»¹¹⁶⁴. Однако в последний момент перед отправкой текста в нем были сделаны карандашные пометки (они отличаются от решительных подчеркиваний красным карандашом, сделанных читателем в Наркомате обороны – вероятно, самим Ворошиловым). Возможно, Димитров на всякий случай дистанцировался от позиции Степанова и его сторонников в КПИ. В частности, зачеркнуты слова «в полном согласии с советами, полученными из дому», когда речь идет о слиянии КПИ и ИСРП¹¹⁶⁵. Так вот, в наиболее сенсационных фрагментах о провоцировании правительственного кризиса таких зачеркиваний нет (как нет в тексте и ссылок на позицию Москвы).

Таким образом, мы можем лишний раз убедиться, что позиция Степанова была достаточно авторитетной (хотя и не единственной) как в Коминтерне, так и для КПИ. Однако значит ли это, что Р. Радош имел право сделать свой однозначный вывод о том, что коммунисты уже в марте (когда был в действительности написан доклад) планировали майские события? Увы, но приведенная цитата не дает оснований для столь однозначного вывода. Мнение о том, что политический кризис назрел и что по политическим противникам нужно нанести удар при первой возможности, было уже весьма распространенным с февраля-марта. Из текста письма, которое выражает мнение одного из представителей Коминтерна в Испании, вовсе не следует, что даже он предлагает организовать вооруженные столкновения в тылу – речь идет о политическом кризисе, который можно подтолкнуть самыми разными, в том числе и куда более мягкими средствами.

Убедительный ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Политическая ситуация в Республике обострялась в связи с конфликтом двух стратегий в широкой антифашистской коалиции. Коммунисты добивались смены правительственной стратегии и военной политики, не останавливаясь при необходимости на отстранении от власти главы правительства. Однако это не значит, что они заранее спланировали весь ход майского политического кризиса, начиная от вооруженных столкновений в Барселоне. Они были готовы действовать решительно и грубо, отыгрывая у оппонентов позицию за позицией, но когда их действия в Барселоне вызвали взрыв недовольства – в первый момент даже растерялись. Более того, результат их действий в Барселоне вовсе не гарантировал коммунистам разгром оппонентов и даже ставил под угрозу их собственные позиции. Чтобы выкрутиться из сложившейся ситуации, коммунистам пришлось предпринять сложные политические маневры, в которых их фактически спасли лидеры правого крыла ИСРП и президент Асанья. Это привело к новому разделу власти, в котором позиции коммунистов не были еще безусловно доминирующими, хотя и усилились. Коммунисты могли воспользоваться и другим, менее рискованным поводом, чтобы продвинуться по пути превращения Испанской республики в «народную демократию». Они не были всемогущими комбинаторами, их сила была в другом – в последовательности, с которой они шли по пути этатизации.

Защищая Х. Негрина от репутации марионетки Кремля (отчасти действительно незаслуженной), А. Виньяс переходит границы объективности, отрицая «импульс», который

¹¹⁶³ Viñas Á. El escudo de la República. P.468. Впрочем, А. Виньяс видит в Р. Радоше прежде всего идеологического врага. И Радоша, и любого, кто считает, что «в намерения Сталина входило вовлечь Испанию в орбиту своего влияния», А. Виньяс клеймит тем, что они «повторяют позицию Кривицкого» (Виньяс А. Почему Сталин решил оказать помощь Испанской республике? С.102.). Кривицкий здесь играет роль некоего пугала, что-то вроде Троцкого в глазах Сталина, с которым вообще нельзя иметь никаких общих точек зрения. Однако при чем же здесь именно Кривицкий? Точка зрения о том, что Сталин собирается «вовлечь Испанию в орбиту своего влияния» была банальной (что не значит – неверной) уже во время Гражданской войны.

¹¹⁶⁴ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д. 991. Л.150.

¹¹⁶⁵ Там же. Л.157.

придал Коминтерн событиям, увенчавшимся созданием правительства Негрина: «Где, в таком случае, документальные доказательства, *hard-core evidence*, которые подтверждали бы импульс Коминтерна в манипулировании процессом, который привел к „майским событиям“ и, следовательно, перевороту во власти, который, если верить стольким авторам – консерваторам, поумистам, проанархистам, кабальеристам, просто антиреспубликанцам – был подготовлен в пользу Хуана Негрина? Возможно, что такие доказательства существуют, но до сих пор ни один автор их не привел»¹¹⁶⁶. Но не все так просто. Напомню, что Коминтерн – это организация, которая включает и Сталина, и Степанова, и Диаса. Влияние такой организации «в манипулировании процессом», который привел к отстранению от власти Ларго Кабальеро и в повороте во всем ходе Испанской революции, можно считать безусловно доказанным. Ее «импульсы» были весьма весомыми, если не решающими (значение февральской демонстрации в начале кампании по ослаблению позиций Ларго Кабальеро признается практически всеми). Действия этой организации привели и к майским событиям, хотя организаторы авантюры с «Телефоникой» (как присягнувшие на верность Коминтерну, так и их союзники) вряд ли могли предположить, в какое опасное положение они поставят Республику и к каким последствиям это приведет.

Политический переворот подготовлялся не в пользу персон, а в пользу блока коммунистов и правого крыла социалистов. Дело не в Негрине – он был лишь представителем политической тенденции.

При этом коммунисты, разумеется, действовали не в одиночку, а в тесном союзе с противниками Ларго в ИСРП. Это породило в историографии еще один «перегиб». Как пишет Э. Грэхем, «Ларго Кабальеро не был свергнут хитростью и алчностью КПИ. Если о какой-то группе можно сказать, что она заставила его уйти в отставку, то это было реформистское крыло ИСРП, которое подорвало его полномочия как премьер-министра, отзывав его назначение в кабинет»¹¹⁶⁷.

Из огня да в полымя. Либо только те, либо только эти. В действительности – и те, и эти.

Очевидно, что без поддержки КПИ и ОСПК правые социалисты не смогли бы одержать верх над Ларго Кабальеро и социальной революцией. Советские представители и эмиссары Коминтерна непосредственно участвовали в этих комбинациях и пользовались большим влиянием на коалицию «майских победителей».

А. Виньяс горячо опровергает «легенду» о том, что советские дипломаты, советники и агенты НКВД «успешно заменили совершенно не склонного к сотрудничеству председателя Правительства Республики Ларго Кабальеро на более услужливого Хуана Негрина»¹¹⁶⁸. Однако полностью отрицать роль советско-коминтерновской стороны в выдвигании Негрина не может и сам А. Виньяс. Не случайно он упоминает среди достоинств Негрина его близость к советскому посольству. Мы видим, что эмиссары Коминтерна были среди инициаторов свержения Ларго Кабальеро и майской провокации. В то же время очевидно, что в этих действиях участвовали далеко не все «слуги Кремля», а те, «кому следует». А остальные, в том числе и сотрудники НКВД, решали другие задачи.

Победа над левым крылом политического спектра Республики – дело не только коммунистов, но в той же степени – и правого крыла ИСРП. Эти две силы разделяют ответственность за падение правительства Ларго Кабальеро практически в равных долях.

Антонов-Овсеенко докладывал в Москву, что лидеры КПИ «приписывают себе в актив свержение правительства Кабальеро, тогда как режиссура кризиса была полностью в руках Прието». Более осведомленные работники НКВД зачеркнули слово «полностью» и заменили на

¹¹⁶⁶ Viñas Á. El escudo de la República. P.540.

¹¹⁶⁷ Graham H. Op. cit. P.102. Впрочем, Х. Грэхем понимает, что такое формальное объяснение недостаточно, и далее развивает мысль о том, что Ларго в принципе сам виноват в своем падении, так как его политика представляется социал-либеральному исследователю неразумной.

¹¹⁶⁸ Viñas Á. Armas y hombres para España. P.400. А. Виньяс цитирует историка Д. Ковальского, который, впрочем, не является первым, кто высказал такую распространенную точку зрения. Она исходит от беглых сотрудников НКВД А. Орлова и В. Кривицкого.

«фактически»¹¹⁶⁹. Если Прието был режиссером кабинетной комбинации, то коммунисты – инициировали сам кризис. И пусть не все шло по нотам, но в итоге выиграли обе эти силы. Они и составили основу нового «майского» режима.

* * *

Правительство широкой антифашистской коалиции во главе с Ларго Кабальеро сменилось более узким по составу правительством Народного фронта во главе с Негрином. Негрин сохранил за собой также пост министра финансов. Военным министром стал И. Прието, что гарантировало сохранение старого стиля войны. Приетист Х. Сугасагоитиа получил пост министра внутренних дел (коммунисты, сохранившие свои прежние министерства, получили также очень важный в сложившейся ситуации пост главы службы безопасности). Иностранное дела перешли к Хиралю – либералы получили шанс договориться с Францией. Другой либерал Х. де лос Риос стал министром общественных работ и связи (общественные работы – традиционная вотчина левых, но теперь курс сдвигался вправо). Министром юстиции стал баскский националист М. Ирухо, а министром труда – каталонский Х. Айгуаде¹¹⁷⁰.

Власть на местах формально перешла в руки муниципалитетов, хотя реальная сила оказалась у партий, победивших в мае и доминировавших в комитетах Народного фронта. Отсутствие лидеров крупнейших профсоюзных организаций в правительстве (сторонники Ларго Кабальеро продолжали сохранять свои руководящие позиции в ВСТ до осени) ослабляло координацию борьбы с франкизмом, но облегчало решение внутривластных задач победившей группировки.

Новое правительство было сформировано к вечеру 17 мая. Но чиновники стали переориентироваться раньше. Уже 16 мая «Аделанте» и «Фрагуа социаль» вышли с цензурными пропусками¹¹⁷¹. Зато правительство поддержал не только официоз ИСРП «Эль Социалиста», но и орган ВСТ «Кларидад».

После напряжения последних дней Ларго Кабальеро заболел, и это не дало ему дать волю гневу. Альварес дель Вайо рассказал Кольцову, «что болезнь помешала Кабальеро выступить против коммунистов со специальным заранее подготовленным документом, в котором он обвиняет компартию в подготовке переворота и военной диктатуры во главе с коммунистом генералом Миаха»¹¹⁷².

Лидеры ВСТ и НКТ заявили, что не будут участвовать в правительстве без Ларго Кабальеро. «Хождение во власть» для анархо-синдикалистов закончилось¹¹⁷³. Ф. Елинек писал тогда об одном из министров-синдикалистов: «Х. Пейро вернулся к своей работе стекольщика в Матаро. Вероятно, это единственный министр в истории, который вернулся назад к ручной работе, с

¹¹⁶⁹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.108.

¹¹⁷⁰ Характерно, что его даже Негрин называл «бандитом» (РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.98).

¹¹⁷¹ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.98.

¹¹⁷² РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.214. Л.67.

¹¹⁷³ В. В. Дамье считает, что «итог эксперимента с „хождением во власть“ оказался для испанского анархо-синдикализма катастрофическим. Его министрам не удалось ни способствовать улучшению военной ситуации, ни остановить наступление на революционные завоевания» (Дамье В. В. Указ. соч. С.350). Этот суровый приговор не подтверждается, однако, конкретным материалом. Военная ситуация в ноябре 1936 г. – апреле 1937 г. заметно улучшилась (постоянные поражения сменились борьбой с переменным успехом, фронт по крайней мере стабилизировался). Трудно отрицать роль в этом промышленности и снабжения, которая координировалась представителями НКТ (не говоря уже о борьбе анархо-синдикалистов на антифашистском фронте, а не на каком-то особом фронте, направленном не только против Франко, но и против Республики). Не приводит В. В. Дамье и фактов каких-то катастрофических актов контрреволюции в это время. Зато после ухода НКТ из правительства наступление на демократические завоевания и коллективизированный сектор началось уже в полную силу. Это действительно катастрофическое наступление второй половины 1937 г. самим своим фактом опровергает «фундаменталистскую» анархо-коммунистическую критику «хождения во власть» НКТ.

которой ушел»¹¹⁷⁴.

18 мая «Кастилия либре» и «СНТ» охарактеризовали новое правительство как контрреволюционное. Выпуски были конфискованы¹¹⁷⁵. «Солидаридад обрера» вышла с передовицей «Создано контрреволюционное правительство». Иронизируя над лозунгом нового кабинета «Правительство мира и войны», «Солидаридад обрера» писала, что это правительство мира с буржуазией и войны с пролетариатом¹¹⁷⁶. НК НКТ принял решение, что «не дает ему никакого сотрудничества»¹¹⁷⁷. «Солидаридад обрера» писала, что началось возвращение «к позорному прошлому, существовавшему до 19 июля, идут к „реставрации“, к контрреволюции». Законные органы демократии – это не парламентаризм, это «ничего другого, как профсоюзы»¹¹⁷⁸. Анархо-синдикалисты надеялись, что все же «революция не провалилась и не провалится», потому что «причины, исторически определяющие необходимость политико-экономического переустройства общества, не исчезли»¹¹⁷⁹.

Действительно, революция будет продолжаться вплоть до окончания Гражданской войны, но уже «по нисходящей». Созданным ей структурам производственной демократии придется вести трудную борьбу за выживание.

После того, как политическая партия была выиграна, коммунисты предприняли первые шаги к возвращению НКТ в единую систему «Народного фронта», пытаясь представить смену кабинета как тактическое, личностное событие. 18 мая «Требаль» писала: «Мы скорбим, что испанские организмы НКТ и ВРС не дали товарищу Негрину свою непосредственную помощь и свое конкретное сотрудничество, вещь, означающая странную и неожиданную приверженность к известной личности, а не к программе; положение, полное опасностей, так как оно оставляет открытую дверь к главенству, вполне отвергаемому массами»¹¹⁸⁰. При этом обе стороны прекрасно понимали, что между курсами правительств Ларго Кабальеро и Негрина существуют именно программные различия. Призыв КПИ был обращен не столько к лидерам НКТ, сколько к анархо-синдикалистским массам, еще не осознавшим суть происходящих перемен.

Коммунисты пытались изобразить дело так, что «новое правительство представляет всех антифашистов». Хотя теперь в нем нет представителей профсоюзов, но правительство представляет «рабочие массы Испании... через их самые подлинные, самые соответствующие для представительства организмы: политические партии»¹¹⁸¹. Партократия возобладала.

«Френте рохо» победно выводила падение правительства Ларго Кабальеро из невыполнения им требований коммунистической манифестации 14 февраля (которая, собственно, и положила начало наступлению коммунистов на правительство) – сосредоточение власти в руках правительства, единое командование, сдача оружия правительству, чистка высшего состава¹¹⁸². Теперь можно было реализовать эту программу. Правда, это не поможет выиграть войну. Парализовав революцию, новое испанское руководство убьет стимулы

¹¹⁷⁴ Jelinek F. The Civil War in Spain. L., 1938. P. 561.

¹¹⁷⁵ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.98.

¹¹⁷⁶ Там же.

¹¹⁷⁷ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.9. Л.63.

¹¹⁷⁸ Там же. Л.61.

¹¹⁷⁹ Там же. Л.95.

¹¹⁸⁰ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.9. Л.21.

¹¹⁸¹ Там же. Л.54.

¹¹⁸² Там же. Л.100.

самоотверженной борьбы за победу.
Санчо Пансы свергли Дон Кихота.

Глава VIII Санчо Пансы против донкихотства

– Я хочу, чтобы ты знал, Санчо:
Не будет тебе никакого острова.
– Хозяин, не беспокойтесь об этом.
Я не хочу острова.

Мигель Сервантес

«Народная демократия»

На первый взгляд, в мае 1937 г. произошел обыкновенный термидор. На место революционного правительства пришла коалиция, заинтересованная в снижении, а затем и полном погашении накала революции. Однако сильнейшей фракцией майского режима были коммунисты, которые, при всей своей внешней умеренности, не отказывались от идеи превращения Испании в социалистическую страну (в их понимании слова). Правительство Негрина занялось деколлективизацией, но одновременно – и национализацией. Это было не только отступление от прежних революционных завоеваний, но смена вектора революции от самоуправления к этатизму, огосударствлению. Режим, который образовался в Испании в мае 1937 г., представлял собой раннюю форму «народной демократии» – режимов, получивших распространение в Восточной Европе после Второй мировой войны¹¹⁸³.

«Народная демократия» – это просоветский режим, сочетающий либеральный фасад с авторитарно-этатистским содержанием. Соотношение фасада и ядра режима зависит от внешнеполитических факторов, и под влиянием Запада фасад даже может в определенных условиях одолеть ядро. Но в Испании развитие событий шло в направлении, обычном для «народной демократии».

Авторы, которые не согласны с тем, что применительно к Испании можно говорить о «восточноевропейском пути», обращают внимание на сильные позиции, которые в майском режиме Республики занимали некоммунисты. Однако они забывают, что и в Восточной Европе в 1945–1948 гг. коммунисты далеко не всегда господствовали в политической системе, прозападные политики занимали ведущие позиции в Венгрии и Румынии, сильные позиции в Польше и Чехословакии. Более того, принадлежность человека именно к коммунистической партии вовсе не определяла его последующую судьбу в государстве «народной демократии». Такие лидеры, как О. Гротеволь и П. Грозу, не принадлежали к компартии, зато тысячи восточноевропейских коммунистов пали жертвой чисток 1948–1954 гг.

«Народная демократия» представляла собой не просто вытеснение союзников коммунистическим «кукушонком», а синтез двух этатизмов – коммунистического и социал-либерального на просоветской платформе. В такой режим вписывались те, кто был готов служить этой модели, и репрессировались даже коммунисты, если система подозревала их в излишней революционности или инакомыслии. Причиной репрессий могли быть и клановые конфликты, при этом бывшим членам компартии в объединенной «социалистической» или «рабочей» партии вовсе не был гарантирован успех.

Поэтому важнейшую роль в развитии режима «народной демократии» играет контроль над силовыми структурами. Первоначально майские победители были вынуждены отдать контроль над Службой безопасности Республики коммунистам. Но это вызывало опасения у партнеров

¹¹⁸³ См.: Шубин А. В. СССР и страны «народной демократии». // Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 386–401.

компартии. В остальном силовой блок оказался в руках приетистов – И. Прието и Х. Сугасагоитии. И на это уже без восторга смотрел Х. Негрин и близкие к нему социалисты, превратившиеся в центр новой политической конструкции. В июле даже произошел конфликт Прието с Негрином, так как министр хотел подчинить Генеральному штабу корпус карабинеров, которым традиционно руководил Негрин как министр финансов. «Негрин, поддерживаемый коммунистами, энергично выступил против, заявив, что корпус карабинеров представляет гарантию на тот случай, если бы профессиональные офицеры забыли, что они находятся на службе народа»¹¹⁸⁴. «Правда, щель, существующая между Негрином и Прието, пока незначительна, но все же Негрин, несмотря на отдельные трения с коммунистами, стоит ближе к последним»¹¹⁸⁵, – отмечал советский поверенный в делах в Испании С. Марченко.

Как сообщал информатор Коминтерна (вероятно, Степанов) в конце июля, «до настоящего момента трудно определить, кто является хозяином в правительстве: Негрин или Прието? Негрин полон добрых намерений, мечется как дьявол, почти всегда принимает советы нашей партии, часто обращается за советом к нашим товарищам, дает обещания, берет на себя выполнение ряда вопросов, но не выполняет их даже на 50 %. Почти никогда не бывает несогласен с нашими товарищами. Устраняет всегда трения и конфликты»¹¹⁸⁶. Эта картина отчасти подтверждает мнение о «развинченности» Негрина, некоей его общей бесхарактерности и необязательности. Но это впечатление может быть обманчиво или верно только отчасти. Негрину было выгодно опираться на компартию против Прието и либералов, но в то же время он не собирался связывать свою судьбу с компартией слишком тесно. Он мог давать обещания и коммунистам, и приетистам, и Асанье, и все выполнять меньше чем «на 50 %».

Прието оказался конструктором и самой сильной фигурой майского режима, и в то же время – самой неустойчивой. Его ненавидела часть собственной партии, не доверяли коммунисты и часть офицерства. Симпатии Прието давно были с либералами, но те были слишком слабы, чтобы на них опереться. Дошло до того, что Прието стал создавать себе виртуальные политические опоры. Он воссоздал Синдикалистскую партию, «которая ожила, стала выпускать три еженедельные газеты и через которые Прието получил возможность более открыто выступать против коммунистической партии и вести в то же время работу по разложению анархистов (идея единой либертарной партии, что по существу является ставкой на откол от ФАИ значительной части анархистов и переход их в синдикалистскую партию)». Однако эта структура была плохой заменой НКТ. Наиболее весомой внутривнутриполитической опорой Прието был министр внутренних дел Сугасагоития – «прямой антикоммунист»¹¹⁸⁷.

Советские специалисты докладывали о неудовлетворительном уровне выполнения И. Прието своих служебных обязанностей: «Можно прямо сказать, Прието саботирует строительство военной промышленности и укрепление флота»¹¹⁸⁸. Было понятно, что альянс с Прието является временным. Он не верит в победу, прекратил сближение с компартией. На заседании правительства Прието критиковал СССР за двойственную политику. Но у Прието был важный плюс – к анархистам он «питает зоологическую ненависть»¹¹⁸⁹, и он был главным соперником Ларго Кабальеро в ИСРП. А усиление противоречий в этой партии был важным звеном политической стратегии коммунистов в Испании.

При этом формально Прието сохранял лояльность правилам «народной демократии»,

¹¹⁸⁴ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.95. Правда, когда в марте 1939 г. офицеры действительно об этом «забыли», корпус карабинеров не спас правительство Негрина.

¹¹⁸⁵ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.82.

¹¹⁸⁶ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.93.

¹¹⁸⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.104.

¹¹⁸⁸ Там же. Д.49. Л.21.

¹¹⁸⁹ Там же. Л.22.

признавал возможность объединения ИСРП и КПИ в единую партию, хотя говорил, что его, возможно, «выбросят из этой партии»¹¹⁹⁰. Оставалось гадать, что это: самоотверженность, когда судьба Республики важнее, чем личная политическая карьера, или готовность идти на тактические уступки в преддверии борьбы после войны? Мол, создавайте объединенную партию, я потом смогу действовать и вне ее. Тем более, если война закончится не победой, а компромиссом под эгидой Великобритании и Франции.

Коммунисты наслаждались результатами майской победы. Урибе публично называл себя: «Первый крестьянин Испании». КПИ выдвинула лозунг «Весь народ идет за коммунистической партией»¹¹⁹¹ (а не за Народным фронтом и Негрином). Антонов-Овсеенко отмечал, что «головокружение от успехов» ведет коммунистов к изоляции¹¹⁹².

Изоляция не заставила себя ждать. В конце июля информатор Коминтерна сообщал, что в правительстве «медовый месяц прошел, и начались признаки „несходства характеров“... Верно, что при этом правительстве наша партия имеет больше возможностей для работы, для оказания влияния на политику правительства, чем это было при предшествующем правительстве. Но мы далеки еще от желаемого минимума»¹¹⁹³. Этот «желаемый минимум» – безусловное доминирование коммунистов, как это будет в «зрелой» «народной демократии» Восточной Европы. А пока коммунистам противостоят приетисты, баскские и каталонские националисты, и у каждой из этих групп – своя политика, «и политика уравнивающая Негрина»¹¹⁹⁴.

Каталонских националистов хотя и взяли в правительство, но фактически не включили в блок майских победителей. Компанис переиграл сам себя – после мая 1937 г. каталонская автономия существенно ослабла, а с конца 1937 г. стала почти формальной. 21 июля Компанис заявил: «Благодаря действиям представителя Валенсийского правительства, правительство Генералидада не имеет сейчас никакого авторитета»¹¹⁹⁵. Он перечислял накопившиеся примеры произвола центрального правительства в отношении Каталонии. Здесь были и мелкие унижения, и системные проблемы¹¹⁹⁶. Компанис даже выразил недовольство арестом бывших советников, намекая на Нина¹¹⁹⁷.

Впрочем, публично Компанис демонстрировал лояльность Испании. В своей речи в Мадриде 23 октября он говорил, что Каталония «стремится конкурировать в самопожертвовании и храбрости с остальной частью Республики за дело территориальной и духовной независимости Испании... Именно мы, каталонцы, кастильцы, астурийцы, баски, андалузцы, галисийцы, все народы Испании, это те, кто переделает ее и сделает ее более великой, освободив ее сначала от нашествия, и свободной впоследствии при общей свободе людей и народов, которые составляют

¹¹⁹⁰ Там же. Л.81.

¹¹⁹¹ Там же. Д.50. Л.108.

¹¹⁹² Там же. Л.107.

¹¹⁹³ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.92.

¹¹⁹⁴ Там же. Л.93.

¹¹⁹⁵ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.102.

¹¹⁹⁶ Секретарь Компаниса М. Раулет, бывший советник Женералитата, посетил П. Гомеса, делегата общественного порядка в Каталонии, назначенного правительством Республики. В приемной ему предложили на общих основаниях заполнить анкету, после чего дожидаться приема. Полиция в Валенсии и Барселоне конфисковала для своих нужд молоковозы, что дезорганизовало снабжение. Женералитат даже не ставили об этих мерах в известность. Правительство обещало платить Каталонии за продовольствие, но задолжало 35 миллионов песет. За военную продукцию и того больше – 170 млн. Сосредоточившие всю полноту власти в Каталонии представители центрального правительства требовали писать все документы по-испански, так как «не знают каталонского диалекта» (АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.102.).

¹¹⁹⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.103.

ее и обогащают»¹¹⁹⁸.

1 октября правительство переехало в Барселону, еще сильнее урезав каталонскую автономию. Это вызвало не просто недовольство националистов, но и опасную для ОСПК перегруппировку сил. Антонов-Овсеенко опасался сговора Эскерра, НКТ и ПОУМ¹¹⁹⁹. Но к этому времени ПОУМ уже была разгромлена.

* * *

После отстранения НКТ и левого крыла ИСРП от власти и фактической оккупации Каталонии правительственными войсками события в Барселоне были объявлены мятежом анархистов и троцкистов.

В республиканских средствах массовой информации развернулась травля «мятежников», к которым теперь однозначно причислялись анархисты и «троцкисты». Шла «унификация» прессы – превращение ее в проправительственную¹²⁰⁰. 28 мая была запрещена газета ПОУМ «Ла Баталья».

Репрессии не замедлили себя ждать, причем проводились они во внесудебном порядке при активном участии «интернациональных бойцов» НКВД СССР. 16 июня были арестованы члены ЦК ПОУМ, обвиненные в связях с франкистами. Начались чистки армии от членов ПОУМ. Было арестовано 250 руководящих работников партии и 30 иностранцев, которых объявили «троцкистами» (ареста чудом избежал английский писатель Д. Оруэлл). Прибывшая в середине сентября в Испанию анархистка Эмма Голдман обнаружила в тюрьме Валенсии 1500 анархо-синдикалистов и несколько сот марксистов, в том числе бойцов интербригад. Генсек НКТ М. Васкес оценивал количество арестованных членов НКТ в 800 человек, а судьба еще 60 была неизвестна¹²⁰¹. Возможно, часть из них была уничтожена.

Охота на ПОУМ стала прямым продолжением майских боев, и в ней принимали активное участие деятели ОСПК: «Родригеса Саласа отстранили от должности после майских событий. Разумеется, это не помешало ему организовать эффективную сеть связи и преследования ПОУМ с помощью агентов НКВД, участников Коминтерна, имеющих опыт гонений на поумистов и известных под псевдонимами Франсуа, Пабло Сальвадор и Б. Рокка. Характер Мартинеса Саласа как нельзя лучше подходил для таких действий. Он был человеком жестоким, славился тягой к насилию, действовал, не задавая лишних вопросов, решения исполнял быстро и продуманно»¹²⁰². Деятельность этого «квартета» началась 30 июня и завершилась 10 сентября 1937 года.

«Кастилия либре» протестовала: «Когда вопрос касается лидеров антифашистской партии, необходимо представить доказательства, а не пытаться создавать процессы при помощи софизмов и измышлений – фантазией в связи с разногласиями между Сталиным и Троцким»¹²⁰³. Анархистов не убеждали и ссылки на связь между ПОУМ и Троцким, который в свою очередь якобы является фашистским агентом. «Доказательства» сталинской фемиды на Московских процессах были сомнительны: «В советских тюрьмах находятся тысячи анархистов только потому, что протестовали против диктатуры». (Сталин учел критику – в 1937 г. оставшиеся в тюрьмах анархисты почти все были перебиты вместе с представителями оппозиционных партий и фракций). «Поэтому мы не верим в этот известный всем процесс и не хотим второго его издания в

¹¹⁹⁸ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.221.

¹¹⁹⁹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.103.

¹²⁰⁰ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.105.

¹²⁰¹ Дамье В. В. Указ. Соч. С.367.

¹²⁰² Puigsech Farràs J. Op. cit. P.67.

¹²⁰³ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.81.

Испании»¹²⁰⁴.

Кстати, настоящие троцкисты в Испании – Испанская большевистско-ленинская секция – в июне выпустили листок, в котором критиковали ПОУМ за стремление получить выгоду от сотрудничества с Народным фронтом, уклонение от борьбы за власть, за то, что «тащила, вместе с НКТ, движение вспять»¹²⁰⁵.

Анархо-синдикалисты хоть и пытались сопротивляться репрессивной политике правительства, но в условиях войны и развернувшейся в республиканской зоне кампании травли инакомыслия вынуждены были беспрестанно подчеркивать свою лояльность. Так, в письме к министру юстиции по поводу расправы над казначеем Иберийского комитета ФАИ Д. Альтамира, осужденного на 15 лет заключения в связи с покушением на председателя суда Барселоны Андреа (произошло 2 августа 1937 г.), Ф. Монтсени приводила доказательства того, что 24 июля – 8 августа 1937 г. Альтамира отсутствовал в городе. Свои аргументы экс-министр была вынуждена сопровождать такими оговорками: «Довожу до Вас нижеследующий документ, уважая исполнение долга совести и признавая, что каждый гражданин должен быть бдителен, для того, чтобы никогда юстиция не сбивалась с пути и не обращала кары на невинных по личным и политическим мотивам»¹²⁰⁶. Сотрудники НКТ внимательно следили за судьбой членов организации, оказавшихся в заключении, настойчиво добиваясь их освобождения¹²⁰⁷.

Против оппозиции стал оборачиваться и разработанный министерством юстиции еще в бытность министром Гарсиа Оливера закон о Народных трибуналах. Новый министр, баскский националист М. Ирухо, считал, что их основная задача – сделать «эффективной ответственность граждан за ущерб, произведенный действиями против легитимного правительства»¹²⁰⁸. (Но не против революции и других ценностей, которые вдохновляли республику в 1936–1937 гг.)

Чтобы не допустить превращения трибуналов в орудие партийной мести майских победителей, НКТ направила своих представителей в их состав¹²⁰⁹. Удалось сохранить коллегиальные и плюралистичные принципы организации трибуналов, предусмотренные в декрете 4 мая 1937 г. В руководство Верховным трибуналом вошли по три социалиста, коммуниста, левых республиканца и представителя Республиканского союза, по одному представителю Партии синдикалистов, Партии федералистов, левых каталонцев, баскских националистов, и по четыре представителя ВСТ и НКТ¹²¹⁰. В таком составе трибуналы уже не могли быть эффективным средством репрессивной политики. Однако постепенно анархо-синдикалистов стали вычищать из трибуналов.

7 июня были распущены рабочие патрули НКТ. 18 июня была введена правительственная монополия на радио. 23 июля были созданы специальные политические трибуналы. 14 августа была официально запрещена публичная критика СССР и введено право правительства приостанавливать выпуск газет.

«„Демократическое“ государство, построенное Ларго Кабальеро, превратилось в „сильное“ государство Негрина... Критика стала синонимом измены»¹²¹¹, – подводят итог П. Бруэ и Э. Темиме. А. Виньяс считает, что это была полезная замена: увы, песок – плохая замена овсу.

¹²⁰⁴ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.82.

¹²⁰⁵ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.84.

¹²⁰⁶ IISH. Paquete 45. Barcelona, 18 de Diciembre de 1937. Exelencimo... Obra de F. Montseny.

¹²⁰⁷ IISH. Paquete 45 B Sección Nacional de Coordinacion. Servicio de Información Exterior. El Asunto Nin. P.2.

¹²⁰⁸ IISH. Paquete 45. Oficio de Ministerio de Justicia. 29.7.37.

¹²⁰⁹ IISH. Paquete 45. Oficio de Comité Nacional. 21 de Agosto de 1937.

¹²¹⁰ IISH. Paquete 45. Ministerio de Justicia. Orden. 10 de setiembre de 1937.

¹²¹¹ P. Broue, E. Temime. The Revolution and the Civil War in Spain. L., 1972. P.313.

«Республика, тем не менее, получила новое сильное правительство во главе с Хуаном Негрином»¹²¹².

Убить Нина

Наиболее известной акцией репрессивной волны мая-июня 1937 г. стало убийство лидера ПОУМ А. Нина. Операция по его аресту проводилась сотрудниками НКВД СССР во взаимодействии со Службой безопасности, контролируемой коммунистами.

Расследованием похищения Нина уже по свежим следам занялись анархо-синдикалисты. Они выяснили, что Нин был арестован 15 июня и через некоторое время увезен в контролируемую коммунистами деревню Алкала де Энарес, а затем отправлен в неизвестном направлении. Анархо-синдикалисты следили также за ходом официального расследования исчезновения. В Барселоне следствие по делу вел судья М. Лагиа. Вопреки указанию представителя Директората безопасности, Лагиа арестовал двух полицейских агентов из Мадрида, которые были замешаны в деле о похищении. Тогда судья был арестован центральными властями. Позднее судья был освобожден, но дело таким образом было развалено. Все это позволило Службе внешней информации Национальной секции координации НКТ прийти к выводу, что к похищению Нина причастна полиция и правительство. Признавая, что пока нет возможности для развертывания широкой кампании протеста, анархо-синдикалисты решили продолжать расследование до того времени, «когда придет час довести до сознания страны и призвать к суду Истории их низости»¹²¹³.

Действительно, сотрудники Службы безопасности не сразу нашли место, где можно было изолировать Нина – тюрьмы были переполнены. Резидент НКВД А. Орлов предложил поместить арестованного в гостиницу в Алькала де Энарес, которую использовали для своих нужд сотрудники НКВД и Службы безопасности¹²¹⁴.

В Алькала Нина интенсивно допрашивали. Нужно было как можно скорее добиться от него признаний, чтобы потом уже действовать официально. Но Нин решительно отвергал все обвинения. С первого момента Нин заявил, что это «махинации политических противников, весьма вероятно, что компартии». Касательно участия ПОУМ в «барселонских событиях», он утверждал, что «так как они считали справедливой реакцию рабочего класса, они действовали солидарно с ним для того, чтобы дать ему конкретные и ограниченные цели». Нин до конца утверждал, что не имеет ничего общего со шпионажем, который ему пытаются вменить¹²¹⁵. Стало ясно, что в испанских условиях попытка повторить «московские процессы» кончится провалом, особенно, если на скамье подсудимых будет выступать Нин.

А. Орлов мог понять это заранее, но он недооценивал «испанской специфики». Возможно, до захвата Нина Орлов, глава Службы безопасности Ортега и их коллеги действительно верили в официальные версии о «заговорщической деятельности» ПОУМ и надеялись «расколоть» Нина. Когда это не удалось, Нина застрелили 22 июня под предлогом попытки его освобождения¹²¹⁶.

Убийство Нина стало крупным политическим провалом, дискредитирующим и майских победителей, и их советских союзников. Официально было заявлено, что он арестован, но затем появились слухи о его гибели. «Сугасагоитиа и Негрин столкнулись со множеством подозрений, но они были тщательно защищены. Очевидно, что они знали о том, что советские „спецслужбы“

¹²¹² Viñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. P.399.

¹²¹³ IISH. Paquete 45 B. Sección Nacional de Coordinación. Servicio de Information Exterior. El Asunto Nin. P. 1–2.

¹²¹⁴ Viñas Á. El escudo de la República. P.612.

¹²¹⁵ Op. cit. P.613.

¹²¹⁶ Op. cit. P. 615–617.

охотились за Нином»¹²¹⁷, – пишет А. Виньяс. Позднее Негрин писал: «Я не мог рассказать то, что знал о деле Нина и его задержании не республиканской полицией, а иностранной службой, поскольку это не могло быть обнародовано»¹²¹⁸.

Стремясь снять с Х. Негрина ответственность за репрессии и убийства этого периода, А. Виньяс пишет: «Нет необходимости говорить, что „славная“ эпоха НКВД и его контактов с испанской Службой военных расследований пришлась на период управления Прието»¹²¹⁹. Но также «нет необходимости» напоминать, что Прието правил не один, и не был премьер-министром и начальником служб безопасности.

Очевидно, что наибольшая ответственность за репрессии этого времени лежит на коммунистах – службу безопасности возглавлял коммунист Антонио Ортега, который действовал в контакте с эмиссарами НКВД. Но гибель Нина стала результатом травли ПОУМ, ответственность за которую несет весь майский блок, включая, конечно, и Негрина.

«В нормальных условиях Нину, возможно, грозило бы только тюремное заключение. Орлов пошел намного дальше, и Правительству пришлось терпеть это, потому что смерть Нина (таково, без сомнения, было действительное значение) стоила меньше, чем возможное осложнение отношений с Советским Союзом»¹²²⁰, – продолжает А. Виньяс. Трудно признать «нормальными» условия, при которых лидера оппозиционной партии отправляют в тюрьму без веских оснований. К тому же Негрин должен был понимать, что помощь СССР Республике зависела не столько от дела Нина, сколько от обстоятельств международной политики. Угодливость в деле Нина не спасла правительство Негрина от проблем, которые с августа 1937 г. стали возникать с советской помощью.

Вероятно Негрин (в отличие от его сегодняшних адвокатов) это понимал. Но репрессивная кампания (даже с учетом ее издержек) была выгодна ему не меньше, чем Сталину, а даже больше. Ведь она деморализовала оппозицию. А затем можно было «умывать руки», ссылаясь на тень СССР.

Однако скандал с убийством Нина помог социалистам укрепить свои позиции и в отношениях с коммунистами, которые скомпрометировали себя «топорной работой». Шумная известность начальника службы безопасности коммуниста А. Ортеги, которой способствовала и хвастливая коммунистическая пропаганда, сыграла с ним злую шутку – в июле его пришлось снять¹²²¹. Тише надо работать, осторожнее.

Впрочем, отставка Ортеги была связана и с его шокирующей ретивостью. В день отставки Ортега говорил: «Чтобы очистить Арагонию от анархо-троцкистских бандитских групп, располагающих большими запасами оружия и амуниции, нужно вести настоящие плановые бои от одной деревни к другой. Я боюсь, что после моего снятия эту работу прекратят»¹²²². Как показали уже августовские события в Арагоне, коммунисты преувеличивали вооруженность анархистов. Но в любом случае в планы республиканского руководства не входила еще одна гражданская война в тылу фронта, и от методов Ортеги пришлось отказаться. Задачу разоружения Арагона решили позднее, меньшей кровью.

* * *

После снятия с поста Ортеги репрессии стали ослабевать. Коммунисты с гневом отмечали,

¹²¹⁷ Op. cit. P.619.

¹²¹⁸ Cit.: Viñas Á. El escudo de la República. P.619.

¹²¹⁹ Viñas Á. El honor de la República. P.482.

¹²²⁰ Viñas Á. El escudo de la República. P.626.

¹²²¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.108.

¹²²² РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.105.

что Сугасагоития саботирует преследование ПОУМ (после отставки Ортеги министр освободил сотни политзаключенных и не вскрыл связи «троцкистов» и штаба Франко!). А Ирухо и вовсе стал заниматься тем, чего коммунисты так опасались в мае – расследованием произвольных расстрелов и жестокого обращения с заключенными в Мадриде, когда службой безопасности здесь руководил С. Карильо – коммунистический лидер ОСМ¹²²³. Отсюда нити могли потянуться и к другим аналогичным делам.

В начале августа 1937 г. Служба безопасности была реорганизована. Создается Служба военных расследований (СИМ, Servicio de Investigación Militar). Она должна была бороться с «пятой колонной», но фактически действовала также против ПОУМ и радикалов НКТ.

После создания СИМ позиции КПИ в репрессивной системе ослабли: «В полиции ее влияние не уступало влиянию социалистов, хотя она проигрывала последним в таких важных секторах, как СИМ (служба военной контрразведки), которая была создана по распоряжению Прието и традиционно обвинялась в том, что создана в вотчине коммунистов – под неявным покровительством НКВД – чтобы устранять противников в республиканском тылу. Несомненно, отношения между социалистами и коммунистами, согласно внутреннему докладу, датированному 30 мая 1938 года, были преимущественно радушными во всех подразделениях, исключая СИМ, где „тем немногим коммунистам, которые туда входили, устроили невозможную жизнь“»¹²²⁴. Это очень примечательно. В конце марта 1938 г. Прието ушел из правительства, а позиции социалистов в СИМ сохранились. Так что социалисты в СИМ ориентировались не на него, а как раз на Негрина. Это был его инструмент, который давал «страховку» на будущее.

Строительство репрессивной системы продолжилось и дальше: «Летом того же года начинают работу суды по делам шпионажа и государственной измены, а в декабре 1937 г. создание специальных гражданских судов привело к отставке министра юстиции Мануэля де Ирухо. Для преследования преступлений, совершенных в войсках, в октябре того же года создаются также постоянные военные суды, суды военных корпусов, независимых единиц и внутренних зон»¹²²⁵. Мы увидим, что это военное правосудие не мешало офицерскому своеволию. Его острое было направлено против солдатской массы.

Нанеся репрессивный удар по левой оппозиции, республиканский режим пытался продемонстрировать свой либеральный характер в тех вопросах, которые не могли подорвать монополию майских победителей на власть. 31 июля в Республике была провозглашена свобода совести. 7 августа были открыты первые церкви (в июле 1936 г. они были закрыты вооруженными сторонниками Народного фронта и анархистами).

Президент Асанья наслаждался картиной отступления социальной революции. 13 ноября он заявил: «Мы имеем вновь республику, республику, имеющую три цвета! И ничего более!»¹²²⁶ Синдикалистская газета «Эль Пуэбло» возразила Асанье: «Есть нечто большее, чем одна республика с тремя цветами на своем знамени. Для некоторых партий есть один цвет и скрытое желание направить победу к своим целям»¹²²⁷. Это был намек на коммунистов.

* * *

Формально Республика оставалась демократическим государством, и обвинения против «троцкистов» требовалось подтвердить в суде. За ПОУМ заступился Второй интернационал, что было важно для Негрина и Прието¹²²⁸. Анархо-синдикалисты также пытались обеспечить

¹²²³ Там же. Л.96–97.

¹²²⁴ Viñas Á, Hernández Sánchez F. El desplome de la República. Barcelona, 2009. P.148.

¹²²⁵ Juliá S. Op. cit. P.409.

¹²²⁶ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.228.

¹²²⁷ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.233.

¹²²⁸ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.105.

правовые гарантии в деле членов ЦК ПОУМ. В ответ на запрос НКТ министр юстиции сообщал о «распоряжении правительства республики, в соответствии с которым процесс против господ Нина, Горкина и других членов ПОУМ будет проводиться в соответствии с нормами Права, со всеми гарантиями, которые предоставляются судами гражданам, и с защитой, которую они стремятся получить от закона... Могу заверить, что никто из заключенных не получил ни царапины (применительно к Нину это была прямая ложь, лидера ПОУМ уже не было в живых – А. Ш.), ни плохого обращения, на них не оказывалось никакого другого давления, которое касается их собственного достоинства»¹²²⁹.

2 июля генсек НКТ М. Васкес выступил в защиту ПОУМ. Главный тезис: «Организация – это не лица»¹²³⁰. Если кто-то из поумовцев замешан в шпионаже или антиправительственных действиях, это еще не повод запрещать всю организацию. Тем более, что и эти обвинения не доказаны: «человека арестовывают, и он исчезает, как это имело место с Нином... Чего ни один человек не поймет и ни за что не поверит, это то, что Нин связан с Франко, что он фашист...» Эти тезисы были положены в основу протеста НК НКТ председателям кортесов и правительства, руководящим органам партий¹²³¹. 7 июля НКТ и ФАИ заявили, что у них нет блока с ПОУМ, и они просто требуют справедливости¹²³².

Защищая ПОУМ, лидеры НКТ апеллировали к национальной гордости. Х. Лопес провозглашал: «Наша революция не может так унижаться, чтобы соглашаться по приказу устранить антифашистскую партию... Испания не закладывала своей политической независимости в такой степени, чтобы так дорого оплачивать помощь, которую мы можем получить с благодарностью, если она дается незаинтересованно, и которую мы вынуждены отвергать, когда после помощи приходит счет за оплату»¹²³³.

Однако массированная кампания против ПОУМ и всех, кто с ней сотрудничает, привела к изменению позиции НКТ. 7 августа Национальный пленум НКТ принял такое решение: «Что касается близящегося процесса против элементов из ПОУМ, то пришли к заключению, что произошло то, что произошло, не следует шевелить и пальцем, защищая эти элементы, поскольку вполне возможно, что они осудят себя, возможна провокация в отношении этой партии и нашей Организации»¹²³⁴. НКТ опасалась повторения сценария «московских процессов» на испанской земле. Оказавшись между наковальной фронта и молотом репрессивной политики в тылу, НКТ вынуждена была маневрировать, «не давать поводов» в надежде на изменение ситуации.

И все же постоянное внимание независимых от правительства организаций к делу ПОУМ не позволило уничтожить оставшихся в живых лидеров партии. «Хватит нам скандала с Нином»¹²³⁵, – говорил представитель министерства юстиции накануне процесса над лидерами ПОУМ. После убийства Нина, по словам Марченко, социалисты «испугались и повернули». Министр внутренних дел Сугасагоития прекратил допросы лидеров ПОУМ¹²³⁶.

Впрочем, на местах борьба с «троцкистскими заговорщиками» продолжалась. 23 октября начальник полиции Испании заявил о раскрытии разветвленной фашистской организации с

¹²²⁹ IISH. Paquete 45. J. S. El Ministro de Justicia. Manuel de Irujo. Sr. Don Benito Pabon... 7.07.1937.

¹²³⁰ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.82–83.

¹²³¹ Там же. Л.83.

¹²³² Там же. Л.84.

¹²³³ «Nosotros». 19.6.1937. АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.82.

¹²³⁴ IISH. Paquete 36 D 3. «Acta de...» P.1.

¹²³⁵ Bolloten B. The Spanish Civil War. NY., 1991. P.498.

¹²³⁶ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.81.

центром в Каталонии и с участием поумистов. Якобы 25 августа они вывели из строя 7 орудий¹²³⁷.

В октябре 1938 г. члены ЦК ПОУМ были приговорены к различным срокам тюремного заключения (до 10 лет). Через три месяца франкисты подошли к Барселоне, и республиканская охрана тюрьмы открыла ворота. Поумисты спаслись во Франции.

Несмотря на трогательное единение коммунистов и социал-либералов в проведении репрессий против левой оппозиции, у союзников по майской коалиции были разные приоритеты. Если для коммунистов не было страшнее зверя, чем ПОУМ, то Негрин и Прието испытывали идиосинкразию к анархо-синдикалистам и настаивали на устранении их из правительственных структур¹²³⁸.

Осторожная анархия

Первая реакция анархистов на уход из правительства напоминала вздох облегчения: «Ну, теперь мы им покажем!»¹²³⁹ Не связанная союзническими обязательствами, НКТ могла бы действовать решительнее. «Уступчивый Мас» был заменен на посту каталонского секретаря НКТ более радикальным и «твердым» Эролесом¹²⁴⁰.

Однако в это время уже поднялась волна правительственных репрессий, шло разоружение анархистских формирований в тылу. НКТ ничего не стала «показывать». Да и какие действенные антиправительственные меры могли предпринять анархо-синдикалисты в условиях войны? Стачки на военных заводах? Этим они бы только помогли Франко.

Стало ясно, что в мае 1937 г. НКТ и ФАИ потерпели поражение. Циркуляр региональных комитетов НКТ-ФАИ призвал анархо-синдикалистов воздерживаться от столкновений, так как это может привести к конфронтации по всей стране¹²⁴¹.

Главным виновником майских событий анархо-синдикалисты сочли коммунистов, и 22 мая пленум Каталонского комитета НКТ решил вести борьбу за вытеснение коммунистов на всех уровнях власти¹²⁴². Делегаты пленума надеялись на поддержку ВСТ, преувеличивая степень его оппозиционности новому правительству. В действительности лишь часть актива ВСТ шла за Ларго Кабальеро, а остальные поддерживали умеренных социалистов и коммунистов.

Более того, на пленуме НКТ «почти все выражали недоверие Кабальеро»¹²⁴³. Раздражение партнером после неудачи понятно, но на кого же собирались опираться лидеры НКТ в ВСТ, выстраивая оппозиционный фронт, как не на Ларго Кабальеро и его сторонников? Больше не на кого было. Поражение дезориентировало НКТ.

Вскоре выяснилось, что ВСТ не может быть союзником в антиправительственной борьбе, и 3 июня новый пленум НКТ взял курс на примирение с Негрином, приняв решение продолжить политическое сотрудничество «на достойных и действительно пропорциональных условиях» («пропорциональность» означала требование участия в органах власти). Пленум принял предложенную М. Васкесом «Программу-минимум по проведению подлинной военной политики», которая предполагала создание множества общественно-государственных структур,

¹²³⁷ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.224.

¹²³⁸ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.76.

¹²³⁹ Там же. Л.67.

¹²⁴⁰ Там же. Л.68.

¹²⁴¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.71–72.

¹²⁴² Там же. Л.71.

¹²⁴³ Там же.

куда могла бы войти НКТ, оставаясь как бы вне правительства (подсекретариат по военной промышленности Министерства обороны, Национальный комитет по военной промышленности, Совет по общественной безопасности, Экономический совет, Национальный совет по вопросам образования). Формирование этих органов, назначение губернаторов, послов и других чиновников по мысли лидеров НКТ должно было проводиться на паритетных началах марксистами, республиканцами и либертариями¹²⁴⁴. Такая заявка на возвращение во власть совершенно не учитывала политическую ситуацию, сложившуюся после мая 1937 г. В Республике сформировался режим, который был готов интегрировать структуры и кадры анархо-синдикалистов исключительно на своих условиях в установленных сверху рамках.

НКТ не имела возможности оказать военное или экономическое сопротивление режиму, которое не было бы в то же время и прямой помощью франкистам. Конфедерация могла оставаться в политической оппозиции, сохраняя верность принципам, но не более. Однако в условиях второй половины 1937 г. НКТ и ФАИ стояли перед очень сложным выбором – можно ли сохранить хотя бы часть завоеваний 1936 года, оставаясь в непримиримой оппозиции. Фракция Васкеса считала, что единственная возможность обеспечить эффективное взаимодействие в борьбе с Франко и сохранение хотя бы основ коллективизации – это возвращение в государственные структуры.

Теперь, когда «оппортунистическая» стратегия НКТ увенчалась поражением, ее противники в анархо-синдикалистском интернационале Международное товарищество рабочих (МАТ) щедро сыпали соль на раны. 11–13 июня пленум МАТ в Париже принял резолюцию: «Проведение революционной войны одновременно с социальными преобразованиями должно бы исключить со стороны НКТ всякое прямое участие и всякое не прямое соглашение с правительствами Валенсии и Барселоны; требовало прекращения со стороны НКТ всяких концессий политических, экономических и доктринальных этим правительствам, делаемых с целью удержать так называемый антифашистский фронт, составленный из секторов, которые ведут переговоры с врагами рабочего класса, чтобы ликвидировать войну и удушить революцию»¹²⁴⁵. Представителям НКТ оставалось только разводиться руками: «А что было делать?» Убедительного ответа у критиков из МАТ не было.

На Пленуме Каталонской организации НКТ 13 июня прошли выборы генерального секретаря. При этом «экстремист» Шена получил 106 тысяч голосов, относительно умеренный Иглиес – 98 тысяч, а Эролес – 91 тысяч (из 550 тысяч). Но за него выступило больше организаций, и он был избран¹²⁴⁶. Эти выборы показывали, что радикалы-нонконформисты имели в НКТ крупную фракцию, но все же не имели права говорить от имени большинства членов, даже представленных на пленуме. Более того, по данным коммунистов, в НКТ были и прямо противоположные настроения – недовольство «тем, что руководители НКТ отказались в мае месяце от участия в правительстве»¹²⁴⁷.

После разгрома ПОУМ именно НКТ стала центром антисталинской агитации. 17 июля «СНТ» опубликовала фельетон по поводу футбольных побед басков в СССР: «Нельзя всегда выигрывать. Надо уметь проигрывать. Надо держать ноги в голове – иначе вы троцкисты»¹²⁴⁸. В своем выступлении 21 июля Ф. Монтсени говорила: «В России революция во время керенщины преодолела все препятствия и шла вперед, разрушив тиранию царей, но затем диктатура сбилась, в результате коллективного заблуждения, на диктатуру Сталина»¹²⁴⁹. Впрочем, Монтсени

¹²⁴⁴ Дамье В. В. Указ. соч. С.369.

¹²⁴⁵ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.72. О дискуссии на пленуме см. Дамье В. В. Указ. соч. С. 436–440.

¹²⁴⁶ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.72.

¹²⁴⁷ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.103.

¹²⁴⁸ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.112.

¹²⁴⁹ «Solidaridad Obrera». 22.7.1937.

оговаривалась: мы благодарны СССР. «Но это не значит, что те (люди – А. Ш.), которые в Испании представляют партию, держащую власть в СССР, могут присвоить себе право на все, сделанное СССР в пользу Испании»¹²⁵⁰. Сталинская диктатура – дело советских людей. Острые критики направлены против испанских коммунистов.

Секретарь НКТ М. Васкес 3 августа разъяснял официальную позицию НКТ: «В мозгу ни одного анархиста не может быть даже мысли о вражде к России». Но мы выступаем против коммунистической партии, мы – «идеологические противники государственного коммунизма, ибо мы – поклонники свободы, в то время как последний (государственный коммунизм) – враг свободы... Россия сделала большой шаг в социальном прогрессе, показывая пример пролетариату мира, который, конечно, может быть превзойден в потрясениях, которые происходят в других странах... Мы должны быть благодарны России за поддержку делу испанского антифашизма, хотя считаем, что речь идет лишь о проблеме взаимной помощи, так как если Россия нам помогла, то мы также помогаем России, которая заинтересована в победе антифашизма». Эту мысль он повторил 5 августа: «Россия также заинтересована в нашей победе, как заинтересованы Германия и Италия в победе Франко»¹²⁵¹.

Анархо-синдикалисты добавляли ложки дегтя в медовые репортажи правительственной прессы об СССР. Когда «Аделанте» 12 декабря написала, что выборы в СССР «показали, что весь советский народ поддерживает свое правительство»¹²⁵², «Солидаридад обрера» напомнила, что в СССР нельзя выставить альтернативного кандидата¹²⁵³.

Критикуя СССР и коммунистов, лидеры НКТ продолжали искать приемлемые для них условия примирения с правительством. В Народный фронт НКТ не входила. Тогда анархисты развернули кампанию за замену Народного фронта Антифашистским фронтом. 8 июля эту идею высказал генсек НКТ Васкес в интервью нескольким газетам: «Антифашистский фронт, слияние всех антифашистских партий и профсоюзов – вот, что необходимо»¹²⁵⁴. Для анархистов это было мостиком для возвращения в систему власти «без потери лица». Компанис поддержал эту идею. Однако Компанис и Коморера договорились создать Женералитат без анархистов¹²⁵⁵, и сближение сорвалось.

30 июля был подписан пакт ВСТ-НКТ. Был создан комитет связи, договорились не нападать друг на друга в прессе, готовить объединение двух профцентров, которые к тому же претендовали на монополию в рабочем движении: «СНТ и УХТ не признают никаких профсоюзов, которые не подчинены дисциплине УХТ и СНТ»¹²⁵⁶. Впрочем, два профобъединения действительно объединяли почти всех рабочих. Анархо-синдикалисты в «Кастилия либре» повторяли старые лозунги: «Пролетариат вырос и не желает больше принадлежать к политическим партиям...»¹²⁵⁷ Однако после майского перелома это было не более, чем идеологическое заклинание. В действительности речь шла о выработке условий реинтеграции анархо-синдикализма в систему Республики через зависимую от правительства объединенную профсоюзную структуру. Но если до мая 1937 г. НКТ была мотором социальных преобразований в Республике, то теперь это была совсем другая Республика, отторгающая эти преобразования.

¹²⁵⁰ «Fragua Social». 1.8.1937. АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.121.

¹²⁵¹ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.120.

¹²⁵² Там же. Л.240.

¹²⁵³ Там же. Л.246.

¹²⁵⁴ Там же. Л.103–104.

¹²⁵⁵ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.78–79.

¹²⁵⁶ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.124.

¹²⁵⁷ Там же.

Коммунисты поспешили поправить своих партнеров. «Френте рохо» писала: «Организованные в профсоюзах рабочие горячо желают единства, но не для борьбы против политических партий и против правительства, которое они сами поддерживают через свою партию»¹²⁵⁸. Режим останется прежним, и НКТ через это соглашение должна быть привязана к его колеснице. Впрочем, как отметили советские наблюдатели по поводу соглашения профцентров, «похоже, что это – пакт двух врагов, заключивших перемирие для нападения на третьего»¹²⁵⁹. «Третьим» могли быть приетисты. Но вскоре действия Прието и коммунистов сорвут такой «пакт».

В начале августа ЦК КПИ предложил НКТ-ФАИ начать переговоры о возобновлении соглашения о единстве действий и совместной борьбе с «неконтролируемыми элементами»¹²⁶⁰. Таким образом, делался реверанс в сторону «контролируемых» анархо-синдикалистов. Обсуждение отношений с коммунистами на конференции представителей регионов НКТ было бурным. Нормализация отношений с КПИ, как казалось части делегатов, могла бы прекратить наступление на позиции НКТ и обеспечить сближение с ВСТ. В то же время Национальный комитет и часть региональных организаций понимали, «что на этом пути уступок коммунистам мы идем к поражению»¹²⁶¹. Новое поражение наступило в августе – «народная демократия» ударила по Арагону.

* * *

Реальная власть в Арагоне принадлежала Арагонскому совету – территориальному органу, образовавшемуся в 1936 г. и контролировавшемуся анархистами. Арагонский совет опирался на коллективы и профсоюзы. Его статус как территориального органа самоуправления де-факто был признан правительством. Летом 1937 г. были предприняты попытки легализации Совета де-юре, но они натолкнулись на правительственное требование принять губернатора из центра¹²⁶². В июле 1937 г. правительственные карабинеры стали конфисковывать грузовики коллективов, дезорганизуя производство. В начале августа арагонцы обнаружили опасную концентрацию правительственных военных сил вблизи границ региона. В Барбастро был создан марионеточный «Совет Арагона», который призвал правительство установить «федеральное правление» Арагоном¹²⁶³. Сюда был назначен губернатор, не признававший прежних прав Арагонского совета. Тогда же стало известно об исключении анархо-синдикалистов из Астурийского совета¹²⁶⁴.

Национальный пленум НКТ обсуждал 7 августа опасное положение, сложившееся вокруг Арагона. Дискутировалась возможность оказания вооруженного сопротивления в случае нападения на Арагон. Арагонская делегация «заявила, что существуют две позиции: защищаться с ловкостью и дипломатией или прибегнуть к насилию; в любом случае Арагонский совет готов действовать так, как укажет пленум»¹²⁶⁵. Лидер Совета Аскасо также спрашивал, следует ли ему

¹²⁵⁸ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.127.

¹²⁵⁹ Там же.

¹²⁶⁰ «Mundo Obrero». 4.08.1937.

¹²⁶¹ IISH. Paquete 36 D 3, «Acta de ...» P. 2, 6.

¹²⁶² Op. cit. P.14.

¹²⁶³ Thomas H. Op. cit. P.724.

¹²⁶⁴ IISH. Paquete 36 D 3, «Acta de ...» P.16.

¹²⁶⁵ Op. cit. P.14.

сдаваться властям, если будет выписан ордер на его арест¹²⁶⁶. Мнения разделились. Представители Каталонии и ФАИ настаивали, что пассивное сопротивление наступлению коммунистов будет недостаточным. Организация Центрального региона считала вооруженное сопротивление недопустимым и выступала за активизацию переговоров с правительством по этому поводу. Эту позицию поддержало большинство. «Необходимо выяснить военные возможности, потому что существует возможность крушения – фашизм ликвидирует нас за восемь дней, а если он этого не сделает, то это сделают коммунисты»¹²⁶⁷, – говорилось на пленуме.

Трагическая ситуация, в которой любое столкновение в тылу могло привести к крушению фронта, заставила анархо-синдикалистов воздержаться от военного сопротивления. Как показали дальнейшие события, коммунисты не были столь же щепетильны. Они не опасались, что действия их военных подразделений в тылу вызовут обвинения в разжигании братоубийственной войны – у правящей группировки сохранялся перевес в средствах массовой информации. Предлагалось также активизировать давление на коммунистов через государственные структуры. Скованная условиями гражданской войны, предполагавшей непривычную для анархистов лояльность Республике, НКТ просто не могла эффективно действовать в оппозиции.

Оставалось использовать противоречия в лагере майских победителей, прежде всего между Прието и коммунистами. Заигрывания коммунистов с НКТ можно было рассматривать как подготовку к новому столкновению в борьбе за власть. Президент М. Асанья склонялся к поддержке Прието. Национальный комитет НКТ предложил делегатам встретиться с президентом, чтобы доказать ему необходимость «срочного включения нашего организма во власть... Люди правительства и Асаньи начали чувствовать заметный страх не только по нашему поводу, но и по поводу своих вчерашних друзей, располагающих властью»¹²⁶⁸. Было решено создать комиссию для переговоров с президентом. Однако эта идея была неудачной – ведь президент был давним и жестким противником анархо-синдикализма. Коммунистам с их умеренной тактической линией было гораздо легче найти ключи к сердцу президента, чем сторонникам широкомасштабных социальных преобразований. Эти политические маневры НКТ были вызваны безысходностью. Анархо-синдикалисты не хотели становиться сателлитами коммунистов, понимая, куда это их приведет. Но и союзников против коммунистов НКТ не нашла.

Анархо-синдикалистам не удалось найти выход из положения, сложившегося к моменту наступления коммунистов на Арагон. Пленум НКТ предоставил возможность Арагонской организации действовать по своему усмотрению¹²⁶⁹.

11 августа силы 11-й дивизии под командованием коммуниста Э. Листера напали на Каспе и разогнали Арагонский совет, арестовав его лидеров и несколько сот анархо-синдикалистов. Акция не встретила значительного сопротивления, так как анархо-синдикалисты не стали использовать даже небольшое количество оружия, имевшееся у них на складах в тылу, и не сняли войск с фронта. Листер утверждал, что операция была согласована с И. Прието, руководством КПИ и советскими представителями¹²⁷⁰. А вот Антонов-Овсеенко считал, что от этой акции выиграл Прието: «Характерно, что Прието использовал для этой задачи дивизию Листера с тем, чтобы направить против коммунистической партии все недовольство анархистов»¹²⁷¹. Действительно, игры коммунистов в блок с анархистами против Прието после разгона Арагонского совета пришлось отложить.

Обосновывая новый удар по либертарному движению, Х. Негрин говорил: «Моральные и

¹²⁶⁶ Op. cit. P.16.

¹²⁶⁷ Op. cit. P.14.

¹²⁶⁸ Op. cit. P.7.

¹²⁶⁹ Op. cit. P.17.

¹²⁷⁰ Листер Э. Указ. соч. С. 170–173.

¹²⁷¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.105.

материальные нужды войны неминуче требуют концентрации всей власти в руках государства»¹²⁷². Офицер дивизии Листера Т. Руис утверждал, что «крестьяне встречали нас как освободителей», но тут же добавляет, что частью операции было разоружение крестьян¹²⁷³. Сам факт наличия у крестьян оружия показывает, что коллективизация большинства из них не могла быть насильственной. Коммунистическая пресса так комментировала разоружение анархо-синдикалистов: «Любое оружие, которое прячут в тылу, не оправдывает своего назначения, оно способствует предателю Франко и интервентам в нашей стране... Оружие должно служить фронтам. В тылу нужны трудолюбивые руки...»¹²⁷⁴. Характерно, что именно отсутствие в тылу значительных вооруженных формирований, подконтрольных Арагонскому совету, и обеспечило успех операции Э. Листера. Зато майский режим позаботился о том, чтобы в тылу действовали преданные ему воинские части. Даже коммунист А. Росель признает, что после разгона Арагонского совета «мы перешли от анархистской диктатуры к коммунистической»¹²⁷⁵. Новый губернатор Арагона Х. Мантекон, левый республиканец и бывший член Арагонского совета, рассказывал Асанье, что Листер собирался расстрелять захваченных членов Совета, но Монтекон отговорил его¹²⁷⁶.

Во время этого похода Листеру удалось распустить часть коллективов. Однако, несмотря на провозглашенную победителями свободу выхода из коллективов и сильное давление, оказанное на крестьян, разрушить созданную анархистами систему не удалось – в разных районах от четверти до большинства крестьян остались в коллективах¹²⁷⁷. Уже в июле 1937 г., после того, как анархисты потеряли политическую власть, около 1000 участников коллективов Леванта направились в Кастилию для помощи в организации там коллективов. Это привело к распространению движения на новые районы в разгар наступления коммунистов на коллективы в Арагоне¹²⁷⁸. Более того, количество членов коллективов вновь стало расти и в 1938 г. достигло 290000 домовладельцев, то есть около 40 % населения Арагона¹²⁷⁹. Коллективы продолжали существовать вплоть до прихода франкистов¹²⁸⁰.

После августовских событий анархистам удалось достичь компромисса с правительством и «вписать» коллективы в правовую систему Республики. Анархисты приняли участие в разработке Министерством труда типовых положений о кооперативах – сельских и потребительских. Эти документы, созданные на основе закона 1931 г. и правительственных декретов 1931 г. и 1936 г., должны были придать правовую базу коллективизации по всей республиканской зоне. Типовой устав сельскохозяйственного кооператива, обобщающий первый опыт коллективизации, носит антикапиталистический характер: «Ничто не может принадлежать этому коллективу на принципах предпринимательства, найма, капиталистического общества и т. п.» (ст. 6 устава сельских кооперативов)¹²⁸¹. Однако признавалась возможность использования на работах людей, не

¹²⁷² Fraser R. Op. cit. P.390.

¹²⁷³ Op. cit. P.391.

¹²⁷⁴ Листер Э. Указ. соч. С.179.

¹²⁷⁵ Fraser R. Op. cit. P.391.

¹²⁷⁶ Thomas H. Op. cit. P.725.

¹²⁷⁷ Fraser R. Op. cit. P.393.

¹²⁷⁸ Richards V. Op. cit. P. 103–104.

¹²⁷⁹ Leval G. Op. cit. P.150.

¹²⁸⁰ Fraser R. Op. cit. P.394.

¹²⁸¹ IISH. Paquete 42 A 6 (10) C. Estatutos de la Colectividad Cooperativa Confederal de Trabajadores Campesinos de

являющихся членами кооператива с назначением им зарплаты и социального страхования (ст.43)¹²⁸². Проекты типовых уставов, разработанные Министерством труда при участии НКТ, демонстрируют компромиссную модель кооперативного сектора в рамках плюралистичной экономики, в которой сохраняется и рынок, и государственное регулирование, но решающую роль играют самостоятельные, объединенные в добровольные федерации коллективы. Эти документы стали плодом политического компромисса: правительство получило дополнительные права в отношении кооперативной экономики, а анархисты добились ее правовой защиты. Тем не менее, анархо-синдикалистская система продолжала разрушаться, что уже в конце 1937 г. вызвало острый продовольственный кризис в Каталонии.

Разгром Арагонского совета стал новым тяжелым поражением либертарного движения. Тщетными оказались попытки играть на противоречиях майских победителей. Не удалось наладить контакт с противниками коммунистов в коридорах власти. Одновременные переговоры с КПИ выглядели капитулянтством. 15 августа НКТ заключила соглашение с коммунистами. Оно предусматривало прекращение полемики в печати и установление «сердечных отношений»¹²⁸³. Однако в это время стали известны подробности действий Листерера в Арагоне, и соглашение было разорвано. 21 и 25 августа ЦК КПИ обратился к анархистам с новыми предложениями о сотрудничестве, но на этот раз «понимания» не встретил. Под угрозой всеобщей забастовки коммунистам пришлось освободить арестованных в Каспе анархистов¹²⁸⁴.

Прието стремился добить главный источник социальной революции в лице анархистов. Но коммунисты сочли, что после августовских ударов НКТ достаточно ослаблена, и можно вернуться к политике «приручения» конца 1936 г. В сентябре 1937 г. коммунисты выступили против дальнейшего преследования анархистов и оппозиционной прессы, формально – так как это ведет к изоляции правительства от масс¹²⁸⁵. К этому времени им понадобился противовес против правых социалистов.

«Кастилия либре» выражала настроение анархо-синдикалистских масс: «В интересах смертельной борьбы, которую мы ведем против фашизма, мы дошли до максимальной границы наших уступок. Пусть никто не требует от нас большего»¹²⁸⁶. Но уступок будет еще много.

* * *

Столкнувшись с авторитарно организованной силой и проиграв схватку с ней, анархо-синдикалисты стали искать причины поражения в своей децентрализации. Под давлением обстоятельств анархо-синдикалисты стали переходить к более «партийной» структуре. По словам историка Х. Гомеса Касаса, «НКТ и ФАИ выжили, приспособившись к изменениям. Но они потеряли свой характер, свое лицо»¹²⁸⁷. Это высказывание, сделанное в завершенной форме, является преувеличением. НКТ и ФАИ никогда не были лишены некоторой внутренней авторитарности, но в то же время до конца войны эти организации не потеряли и своего демократизма. Но все же авторитаризм в НКТ и ФАИ заметно усилился. На пленуме 4–7 августа 1937 г. ФАИ взяла курс на организационную перестройку, которая могла бы фактически

Provincia de...

¹²⁸² Подробнее см.: Шубин А. В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания (1917–1939). М., 1998. С.217.

¹²⁸³ «Solidaridad obrera». 16.08.1937.

¹²⁸⁴ Листер Э. Указ. соч. С. 175–176.

¹²⁸⁵ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.214. Л.106.

¹²⁸⁶ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.233.

¹²⁸⁷ Gomez Casas J. Op. cit. P.214.

превратить ее в структуру партийного типа¹²⁸⁸. Если раньше ФАИ состояла из «групп единомышленников», то теперь должна была быть создана территориальная структура – объединялись все члены ФАИ на данной территории, независимо от оттенков их анархистских взглядов. При этом члены территориальных ячеек должны были участвовать в «публичных институтах, которые могут способствовать обеспечению и развитию нового положения вещей»¹²⁸⁹, то есть – режима Негрина.

Характерно, что именно эта тенденция привела к усилению в ФАИ влиятельной оппозиции (ряд делегатов июльского регионального пленума покинули зал), – централизация не укрепляла, а раскалывала движение. После этого руководство ФАИ пошло на уступки оппозиции.

Постепенно возрастало влияние аппарата в НКТ и ФАИ. В начале 1938 г. был создан исполком НКТ. Существенные изменения в организации НКТ проявились и на национальном пленуме по проблемам экономики в январе 1938 г. По словам Х. Пейратса, «одной из заметных аномалий стало предварительное выдвигание мнения Национального комитета по всем вопросам повестки. Это противоречило традиционной процедуре»¹²⁹⁰. Давление руководителей НКТ на делегатов значительно усилилось по сравнению со съездом в Сарагосе – предыдущим форумом такого же масштаба.

* * *

Когда возникла опасность национализации коллективной собственности под предлогом ее нелегитимности, анархо-синдикалисты развернули борьбу за узаконивание коллективизированных предприятий, проявив удивительную для анархистов осведомленность в вопросах права. В циркуляре Национального комитета НКТ говорилось, что «не существует пока закона, который говорит трудящимся: „отныне и вовеки официально признаем инкаутацию, коллективизацию и социализацию...“, однако не существует и закона, который признавал бы обратное»¹²⁹¹. Ссылаясь не только на акты 1936–1937 гг., но и на законодательство 1887, 1905, 1932 гг., анархо-синдикалисты обосновывали юридическую неприкосновенность коллективной формы собственности и невозможность ее произвольного отчуждения¹²⁹². Подчеркивая вспомогательную роль права в отношении социальной революции, Национальный комитет все же рекомендовал использовать его для защиты революционных завоеваний¹²⁹³, что было новым словом в теории анархизма. Правовая подкованность анархо-синдикалистов дала эффект – в критический период второй половины 1937 г. правительство не решилось отменить городскую коллективизацию. Впрочем, анархо-синдикалисты в принципе не отказывались и от традиционных для них средств борьбы. В январе 1938 г. угроза забастовки НКТ остановила огосударствление отрасли зрелищ.

В то же время синдикалистский сектор в сложившихся условиях стал по своей структуре сближаться с государственным. Эту тенденцию отразил январский пленум НКТ, который принял программу централизации экономики, планирования, укрепления дисциплины, нормирования и роста производительности труда. В условиях войны признавалось, что это возможно даже за счет благосостояния трудящихся¹²⁹⁴.

¹²⁸⁸ Впрочем, как сообщалось в Москву и раньше: «В организации ФАИ царствует железная дисциплина, которой могут позавидовать другие испанские организации» (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.340. Л.3.).

¹²⁸⁹ Цит. по: Дамье В. В. Указ. соч. С.371.

¹²⁹⁰ Peirats J. Op. cit. V.3. P.12.

¹²⁹¹ IISH. Paquete 36, D1, doc. «La socialización...» P.3.

¹²⁹² Op. cit. P. 1–2.

¹²⁹³ Op. cit. P.1, 3.

¹²⁹⁴ См. Дамье В. В. Указ. соч. С. 374–375.

Разрушение коллективизированного сектора и подчинение коллективов государственным администраторам деморализовали рабочих, и теперь трудовая дисциплина катастрофически падала, а вместе с ней – и производительность труда. В этих условиях НКТ взяла курс на консолидацию коллективизированного сектора, превращение его в целостный уклад, автономный от государства. Для этого создавался Экономический совет НКТ и экономические советы на местах, которые должны были действовать во взаимодействии с отраслевыми федерациями. При этом НКТ была согласна создать совместно с ВСТ Национальный экономический совет для планирования экономики в целом. Экономический совет должен был в четырехмесячный срок разработать план экономического развития, согласованный с нижестоящими структурами. Выполнить эту громоздкую задачу не удалось. Зато отраслевые федерации в соответствии с решением конгресса стали назначать на предприятия технических делегатов, «ориентировавших» работу предприятий и разрабатывавших санкции против нарушителей дисциплины. Однако функции этих специалистов были совещательными, окончательное слово оставалось за коллективом.

Была регламентирована и оплата труда. После долгих споров делегаты приняли компромиссное решение. Работники получали оклады по пяти категориям (высшая могла отличаться от низшей не более, чем в два раза). При этом создавались кассы семейной компенсации, из которых работник получал выплаты в соответствии с количеством членов семьи.

Было решено также создать систему потребкооперации («синдикатов распределения»), страхования и инвестиционный Иберийский банк (к его работе предполагалось привлечь также ВСТ)¹²⁹⁵. Эти проекты так и остались памятником социалистической мысли – в условиях 1938 г. они были явно не ко времени. В условиях военных поражений авторитарный режим не собирался содействовать укреплению синдикалистской экономики, а без благожелательного отношения властей запустить такую структуру в условиях войны было нельзя.

Одновременно продолжалось упорядочение синдикалистской экономики. Была укреплена система учета производства и распределения. Было принято решение, по которому Конфедерация отвечала по обязательствам отдельных синдикатов. В феврале 1938 г. Пленум НКТ подтвердил, «что распространение учетных купонов синдикатов не будет иметь отношения к распространению конфедеративных купонов, которые будут продолжать приниматься синдикатами посредством ответственных локальных федераций и конфедеративных торговых организаций»¹²⁹⁶. Самостоятельное хождение векселей (купонов) конфедерации и синдикатов создавало рыночные условия уже внутри НКТ.

Как пишет современный исследователь В. В. Дамье, «в кругах Национального комитета НКТ во главе с занимавшим пост генерального секретаря Мариано Васкесом и „теневым“ лидером О. Прието усиливалось стремление к пересмотру ряда основных концепций анархо-синдикализма в сторону социал-демократической модели „демократии трудящихся“ и „смешанной экономики“, к превращению ФАИ в политическую партию, возглавляющую профсоюз НКТ»¹²⁹⁷. О. Прието даже выдвинул идею создания партии как инструмента синдикалистского движения¹²⁹⁸. Против этой неотриентистской линии выступали лидеры ФАИ Абад де Сантьян, Монтсени, Пейро и др. Но при этом ФАИ требовала своего представительства в Народном фронте, а НКТ – в правительстве. Так что при всех протестах против стратегии Васкеса-Прието, ФАИ все равно шла в ее фарватере.

В случае победы линии Васкеса-Прието, НКТ-ФАИ превращалась в левосоциалистическую партию, занимая нишу, оставленную ИСРП после поражения группы Ларго Кабальеро. Идеологически НКТ становилась испанским аналогом российских эсеров. В этот период идеологи

¹²⁹⁵ Там же. С. 376–379.

¹²⁹⁶ IISH. Paquete 42 A, 10 Dictamen... P.2.

¹²⁹⁷ Дамье В. В. Указ. соч. С.387.

¹²⁹⁸ Gomez Casas J. Op. cit. P.225.

НКТ апеллировали уже не к анархии, а к реальной демократии, экономическому коллективизму, выступали в «защиту территориальной, моральной и социальной целостности Испании: ее обычаев, ее темперамента, ее психологии»¹²⁹⁹. Это было своего рода испанское народничество.

В случае победы над фашизмом этот курс НКТ способствовал бы возникновению двух-трехпартийного политического спектра, сильно сдвинутого влево (НКТ-ФАИ как левосоциалистическая, КПИ с частью социал-демократов в центре (такая модель использовалась позднее в странах «народной демократии») и либералы с частью социал-демократов справа. Эта расстановка стала бы стартовой для послевоенной Испании, и при этом левый фланг опирался бы на сохранившийся коллективизированный сектор экономики, структуру НКТ, а возможно – и части ВСТ, где также сохранялось влияние левых социалистов.

Предел отступления от анархо-синдикализма к левому социализму, на который НКТ была готова пойти в условиях военных неудач и авторитарного давления режима, был «достигнут» во время (и во имя) заключения пакта о сотрудничестве с ВСТ. Единство с ВСТ во время всей гражданской войны было важной задачей НКТ, поскольку только в условиях этого союза можно было проводить политику, санкционированную большинством трудящихся.

В феврале 1938 г. ВСТ, откликаясь на предложения НКТ, предложил принять совместную платформу. Однако сами предложения разочаровывали анархо-синдикалистов: широкая национализация, милитаризация, поддержка сдельной оплаты. Несмотря на очевидное их различие с концепцией НКТ, в предложениях ВСТ была и основа для сближения. ВСТ соглашался с идеей Высшего экономического совета при условии, что он будет действовать в соответствии с директивами правительства, выступил за принятие закона о рабочем контроле на национализированных предприятиях. НКТ приветствовала саму инициативу ВСТ по сближению, приняла часть его предложений по части национализации (при условии сохранения коллективизированного сектора в оставшихся отраслях) и сделала предложения иного рода – необходимо «эффективное включение пролетариата в управление Испанским государством»¹³⁰⁰, то есть возвращение профсоюзов во власть. Обсуждение общей платформы продолжилось. Руководство ВСТ стремилось вымарать упоминания о «социалистической», «федеративной» республике и другие идеологические пункты. Если НКТ предлагала создать государственно-общественные органы, то ВСТ настаивал, что они должны быть государственными с участием профсоюзов. Неприемлемыми для новых лидеров ВСТ были и требования освобождения политзаключенных. «Тем не менее позиции лидеров обоих профсоюзов были теперь близки, как никогда прежде»¹³⁰¹, – считает В. В. Дамье. Можно добавить – как никогда прежде с апреля 1937 г. ВСТ и НКТ договорились прекратить полемику, изучать «доктринальные различия», не признавать профсоюзы, вышедшие из другого объединения (эта мера направлена против перебежчиков из союза в союз). Новый пакт о единстве действий профсоюзов 12 марта 1938 г. предусматривал создание Национального комитета по связям, признание успехов правительства в создании армии, поддержку правительства. НКТ согласилась на национализацию тяжелой и военной промышленности, шахт, железных дорог, авиасообщения, банков и др. Но там должен был быть установлен рабочий контроль, включающий «вмешательство в управление и распределение прибылей», сильное социальное законодательство (включая минимум зарплаты при сдельной оплате). Сельскохозяйственные коллективы должны были работать в рамках закона и при государственной поддержке. НКТ признавала индивидуальное землепользование для желающих. Теперь уже не только на время войны, но и после войны стороны выступали за создание демократического правительства¹³⁰². Это

¹²⁹⁹ Цит. по: Дамье В. В. Указ. соч. С.387. Если О. Прието выступал за руководство государством и придание ему «морального характера» (Там же. С.388), то Абад де Сангилян резко критиковал Прието и настаивал на сохранении прежней анархо-коммунистической доктрины, осуществление которой просто откладывалось на время войны.

¹³⁰⁰ Цит. по: Дамье В. В. Указ. соч. С.381.

¹³⁰¹ Дамье В. В. Указ. соч. С.383.

¹³⁰² Дамье В. В. Указ. соч. С. 385–386.

происходило в то время, когда Республика стремительно теряла демократический характер.

Глиняный кулак

После мая 1937 г. в Республике шло постепенное «засыпание» общественно-политической жизни, ее превращение в бюрократическую рутину, контрастирующую с энтузиазмом первого года революции. С 1938 г. это можно объяснить поражениями на фронте. Но во второй половине 1937 г. военная ситуация еще не была безысходной. Зато полным ходом шло удушение демократии и революции.

После ударов по ПОУМ и НКТ пришло время заняться партией премьер-министра – ИСРП. Здесь важнейшей фигурой стал генеральный секретарь Р. Ламонеда. «Как социалистические лидеры государства и партии соответственно, Негрин и Ламонеда имели близкие суровые взгляды на дисциплину»¹³⁰³. Ламонеда развернул систематическое наступление на кабальеристов и на низовые инициативы вообще – кроме организации митингов в поддержку правительства. Он проводил линию, которую историограф ИСРП Х. Грэхем характеризует как «молчание социалистической партии», твердую идентификацию партии и государства¹³⁰⁴. Однако если в тоталитарных системах это приводит к мобилизации партийного актива на проведение государственных решений, то в условиях негриновского авторитаризма политика Ламонеды привела к тому, что партийные организации ИСРП стали вариться в собственном соку и терять влияние на массы.

Первое время партийная жизнь еще кипела, так как аппарат Ламонеды вел войну с кабальеристами, вытесняя их из руководства парторганизаций. Кабальеристы обличали беспринципность политики правительства. 15 июля «Аделанте» сравнивала нынешнюю ситуацию с прежней покупкой голосов на выборах: «Мы знаем много случаев, когда люди стали коммунистами из-за того, что Россия предоставила им банку консервов и кило сахара. Рассуждая слишком поспешно, эти люди не замечают цены полученного. Конечно, нельзя просить помощи и желать, чтобы она была бескорыстной. Но есть люди, которые поступают так, будто эта помощь бескорыстна. Вы понимаете, – говорят они, – Россия – единственная страна, которая нам помогает, – я вступил в коммунистическую партию... Возможно, что завтра мы получим помощь от другой страны, например, от Англии. Следуя этой логике, мы должны были бы стать монархистами, так как в Англии монархический режим»¹³⁰⁵.

Негрин серьезно беспокоила активность предшественника, и он подумывал о репрессиях: «Кабальеро уже стал личностью и знаменем контрреволюции, и я вынужден буду в скором времени посадить его в тюрьму, тем более, что мы имеем уже доказательства того, что он и Ассенсио сильно скомпрометированы в сдаче Малаги»¹³⁰⁶. Впрочем, Негрин так и не решился осуществить эту мечту – доказательства были хлипкими, да и арест такой крупной фигуры, как Ларго, буквально взорвал бы политическую ситуацию и еще сильнее скомпрометировал бы Республику в мире.

Сторонников Негрина и коммунистов также тревожило, что кабальеристы сблизились с анархо-синдикалистами, Ларго Кабальеро выступал на митингах НКТ.

Кабальеристы стали бороться за демократизацию ИСРП и превращение Национального комитета в делегированный орган, состоящий из представителей парторганизаций. Но на пленуме Нацкома 19–21 июля левакам-демократам объяснили, что такие изменения может проводить только съезд, он же может переизбрать Нацком. А до конца войны съезда все равно не будет.

Членов Нацкома будоражил и другой вопрос – перспективы объединения с КПИ. Близкий к

¹³⁰³ Graham H. Op. cit. P.107.

¹³⁰⁴ Op. cit. P.109.

¹³⁰⁵ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.113–114.

¹³⁰⁶ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.101.

Негрину Х. Бугеда требовал скорейшего объединения и обвинял противников этого шага в предательстве, что вызвало возмущение более умеренного крыла – Де Грасиа даже подал в отставку из Нацкома¹³⁰⁷. Негрину нужна была «своя партия», которая могла проводить его решения¹³⁰⁸, но этот новый шаг по пути от Народного фронта к «народной демократии» вызывал опасения в одолевшем леваков правом крыле ИСРП. Возобладала аппаратная позиция Ламонеды – объединяться, но не торопясь, путем верхушечных переговоров, «длительного сотрудничества».

Получив власть над партией, правое крыло стало «чувствовать нарастающее желание мести в адрес левых», которые в 1934–1936 гг. сдвинули партию влево¹³⁰⁹. Орудием этой мести стало государство. 25 июля Ламонета распустил исполком Валенсийской федерации ИСРП, где преобладали кабальеристы, обвинив его во фракционизме. Главой новой столичной организации Ламонета назначил губернатора-социалиста М. Молину. Валенсийцы не подчинились, и тогда Сугасагоития направил карабинеров и сотрудников службы безопасности, которые 26 июля захватили горком и редакцию «Аделанте». Чистки организаций ИСРП продолжились по всей Республике. Хотя полностью вычистить кабальеристов из партии не хватило времени, их воздействие на большую политику Республики было парализовано.

Одновременно блок коммунистов и правого крыла ИСРП развернул наступление на кабальеристское руководство ВСТ. Как перевес Ларго над реформистами в ВСТ в 1936 г. был достигнут благодаря вступлению коммунистов в это профобъединение, так теперь благодаря коммунистам перевес получили реформисты. Однако дело было не только в механическом перевесе, но и в падении революционной активности членов профсоюза во второй половине года. Применялось и исключение неудобных федераций из ВСТ под разными формальными предложениями (позднее они вернулись в состав Союза). Хотя полностью вытеснить кабальеристов из руководства ВСТ и его профорганизаций не удалось, профсоюз перешел под контроль майской коалиции.

Решающий удар был нанесен перед сессией Кортесов, где Негрин опасался контратаки Ларго как формального лидера фракции. 29 сентября кабальеристы потеряли руководство фракцией социалистов. 30 сентября был избран новый исполком ВСТ. Ларго был смещен с поста председателя ВСТ, который занял Р. Гонсалес Пенья. 1 октября кабальеристы были выведены из исполкома. 17 октября Ларго выступил с развернутой публичной речью. Хотя экс-премьер подверг режим Республики критике, однако ее лидеры напрасно опасались, что Ларго начал политическое контрнаступление. Он не планировал провоцировать раздоры, и его речь была политическим прощанием.

* * *

Республика стремилась подтвердить свою легитимность в глазах «демократий». 1–2 октября 1937 г. были созваны Кортесы. На них приехали даже некоторые правые депутаты – Маура, Портела, Гера дель Рио, Салаканизарес. Мстительные франкисты распространили письмо М. Портелы Вальядареса в поддержку Франко, направленное в октябре 1936 г. Республиканцы не стали мстить слабовольному Портеле.

Обсуждалась даже идея проведения новых выборов на территории Республики, чтобы доказать ее демократический характер Западу и собственной левой оппозиции. Но 30 сентября на совещании с коммунистами исполком ИСРП выступил против выборов. Ведь они увековечат раздел Испании – парламент перестанет быть общеиспанским.

Коммунисты склонялись к выборам, чтобы мобилизовать массы вокруг Народного фронта и вовлечь в систему власти анархистов, парировав их требование Национальной ассамблеи как

¹³⁰⁷ Graham H. Op. cit. P.116.

¹³⁰⁸ В декабре 1937 г. Негрин посетует: «Если бы у меня была собственная партия» (АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.88.).

¹³⁰⁹ Graham H. Op. cit. P.114.

временного представительного органа¹³¹⁰.

Негрин и Прието считали идею перевыборов в принципе правильной, но неосуществимой. Негрин настаивал на перевыборах парламента в Каталонии¹³¹¹. Прието вообще называл кортесы «комедией», а в декабре заявил: «Народный фронт – это труп»¹³¹².

В октябре 1937 г. президиум ИККИ рекомендовал КПИ способствовать проведению новых выборов, но руководство КПИ отнеслось к этой идее отрицательно¹³¹³. Сложившееся положение в структуре исполнительной власти вполне устраивало коммунистов, и они опасались, что выборы могут изменить эту расстановку.

В то же время насущной задачей оставалась консолидация всех антифашистских сил (за исключением разгромленной и оболганной ПОУМ). Без этого организация тыла сталкивалась со множеством лишних конфликтов. Но для майских победителей было принципиально важно, чтобы создание широкой координации сил не повлияло на характер верховной власти. В итоге возвращение профсоюзов (в том числе НКТ) во власть было допущено на региональном уровне при условии лояльности правительству Народного фронта.

8 октября в Валенсии был создан Народный антифашистский фронт. В него вошли партии Народного фронта, ВСТ, НКТ и ФАИ. Его программа требовала «покончить с кампаниями, которые могут повредить антифашистскому единству; помогать и содействовать делу экономико-индустриального преобразования, проводимого трудящимися и их профсоюзами на основе норм, которые будут установлены правительством». Другие пункты этой программы также были выдержаны в духе поддержки правительства. Не обошлось даже без поддержки «чистки профсоюзов и политических организаций». За все это партии Народного фронта были готовы признать себя (но только на городском уровне) частью некоего «Антифашистского Народного фронта», который объединяет партии и анархистов. В документе и кабинет министров Негрина был назван «правительством Антифашистского Народного фронта»¹³¹⁴. Но характер кабинета от этого не изменился. Просто анархо-синдикалисты нашли форму возвращения в политическую систему Республики.

* * *

Поражение НКТ-ФАИ в борьбе за власть в Каталонии привело к оттоку части анархо-синдикалистов в ОСПК. Во многом это было связано с тем, что ОСПК была радикальней КПИ, но имела сильные властные позиции в Каталонии. ОСПК даже провозгласила, что в Каталонии началась пролетарская революция¹³¹⁵. КПИ не поддержала эту идею¹³¹⁶. Ее планам пока соответствовало эволюционное наращивание влияния коммунистов за фасадом «демократического правительства». Но, во всяком случае в Каталонии, майские победители подтвердили: они тоже хотят углублять революцию, но только не в том направлении, как до мая 1937 г.

¹³¹⁰ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.214. Л.105.

¹³¹¹ Там же. Л.106.

¹³¹² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.87.

¹³¹³ РГАСПИ. Ф.495. Оп.20. Д.262. Л.185.

¹³¹⁴ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.202–203.

¹³¹⁵ Мещеряков М. Т. Указ. соч. С.132.

¹³¹⁶ В руководстве КПИ были свои радикалы. Так, Ибаррури тоже стремилась к «рабочему правительству», открыто призывала «солдат направлять оружие на внутренних врагов», рассматривало «мелкую буржуазию в целом как массу подлецов» (РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1149. Л.148.). Но Ибаррури и другие радикалы были дисциплинированы и сдерживали свой радикализм, когда на этом настаивала Москва.

Торопливость каталонских товарищей вызывала новые опасения в Москве. Руководителей Коминтерна смущал также национализм ОСПК, не желавшей становиться частью КПИ.

27-28 января 1938 г. разразился конфликт между эмиссарами Коминтерна Тольятти и Гёре по поводу ОСПК. Гёре защищал своих подопечных от жесткой критики Тольятти за пережитки каталонского национализма. Тольятти утверждал, что ОСПК допускает «серьезные и постоянные ошибки в политической и экономической линии. А именно: противодействие во время передачи контроля над каталонскими военными заводами правительству Республики; давление на свободу крестьян, чтобы вынудить их продавать свои продукты, поскольку не было разработано никаких законодательных норм, которые помешали бы принуждать каталонского крестьянина уступать продукты кооперативам¹³¹⁷; согласие с тезисами для подписания сепаратного мира в Каталонии, выдвинутыми ЭРК и ЭК¹³¹⁸. Наконец, националистическая идеология, свойственная мелкобуржуазному национализму и сепаратизму, далекая от позиций национального освобождения, основанного на марксистских принципах и солидарности народов Республики». Таким образом, каталонским товарищам досталось и за экстремизм, и за национализм, и за рискованные мирные инициативы за спинами Негрина и Коминтерна. Попытки каталонских националистов заинтересовать Францию превращением Каталонии в «зону мира» нервировали Коминтерн, несмотря на явную утопичность. Гёре с трудом убедил коллег, что ОСПК не поддерживает сепаратный мир без согласия партнеров по Народному фронту. Унаследовав роль заступника каталонцев у Антонова-Овсеенко, Гёре убеждал коллег, что часть проблем вытекает из шовинизма КПИ, которая «чинила препятствия каталонской партии, поскольку проводила политику, основанную на нежелании каким-либо образом сотрудничать с ОСПК»¹³¹⁹.

По итогам правления ОСПК в Каталонии во второй половине 1937 г. Тольятти считал ее политику не соответствующей принципам коммунистического интернационализма и требовал «быстрого и непреклонного вмешательства интернационального органа, которое превратит ОСПК в чисто коммунистическую организацию, преданный Москве филиал КПИ в Каталонии». Гёре возражал, что ОСПК и сама идет к этой цели. По мнению историка ОСПК Ж. Пучсека, «интерпретация Гере соответствовала действительности в большей степени, нежели интерпретация Тольятти. Отношения КПИ и Коминтерна с ОСПК укрепились со времени майских событий. Каталонская партия осознала свои конкретные слабые места благодаря представителю Коминтерна. Процесс преодоления ее характера объединенной партии был реальностью»¹³²⁰. В итоге, хотя и не сразу, возобладала позиция Гёре. Вскоре после поражения Республики ОСПК была принята в Коминтерн уже официально, а еще через десятилетие добровольно слилась с КПИ.

* * *

Несмотря на то, что синдикалистский сектор продолжал борьбу за выживание, новацией экономической политики Негрина стало резкое усиление роли государства в экономике. Это соответствовало мировым тенденциям и, как казалось, должно было помочь вести войну. Однако разочаровывающие результаты экономической политики Негрина лишний раз подтверждают – не все то полезно, что считается общепринятым. Внедрение бюрократического управления экономикой и вытеснение ею синдикализма усугубило социально-экономическое положение Республики и ситуацию в военном производстве.

Как пишут историки Ф. Комин и С. Лопес, «национализация, мобилизация и усиление государственного регулирования были главными целями военной экономики Негрина... Сначала, с мая 1937 г., он попытался направить республиканское производство в сторону увеличения ресурсов, вырабатываемых внутри страны, и направить их на воинские нужды. Централизация

¹³¹⁷ Характерно, что ОСПК, критиковавшая анархистов за принуждение крестьян, как раз этим на деле и занялась.

¹³¹⁸ Две каталонские левые националистические партии – Эскера републикана Каталана и Эскера Каталана.

¹³¹⁹ Puigsech Farràs J. Op. cit. P. 85–86.

¹³²⁰ Op. cit. P.87.

экономических решений не имела успеха. Затем, с апреля 1938 г., Негрин попытался осуществить такую централизацию через Министерство обороны, в частности, посредством декрета о мобилизации, изданного в августе 1938 г. В конце 1938 г. Негрин попытался создать новое учреждение для усиления мобилизации, то есть, для ориентации экономической продукции на военные нужды»¹³²¹. Как видим, систематические провалы политики централизации не разочаровали в ней Негрина. Даже занятие им поста министра обороны тоже имело экономические мотивы – через это министерство он надеялся установить контроль за всеми ресурсами Республики¹³²². По мнению П. Тольятти, «Негрин склонялся к централизованному руководству всей экономической жизнью через государственный аппарат и полному подавлению частной инициативы»¹³²³.

16 сентября 1937 г. Министерство промышленности получило право вводить государственное управление на промышленных предприятиях, но с условием, что при этом «на предприятиях могли сосуществовать прежние собственники, уполномоченный правительственный управляющий и контрольный рабочий комитет»¹³²⁴. Это решение еще было компромиссом с производственной демократией.

20 ноября 1937 г. был принят декрет «Об особых случаях введения государственного управления», который расширил возможности введения государственного управления предприятиями. Еще в октябре было введено государственное управление в «Объединенных электрических службах»¹³²⁵.

23 сентября 1937 г. Министерство обороны создало свою Комиссию по военной промышленности, которая изъяла из рук КВП Женеалитата координацию военного производства, оставив каталонской структуре только 15 предприятий, которыми она фактически управляла (совместно с их рабочими советами, разумеется).

Сообщая рабочим предприятий, входивших в налаженную с таким трудом сеть военного производства, о том, что она прекращает существование, Ж. Таррадельяс писал: «Комиссия вас благодарит за то, что вы помогли нам в отношении материалов, используемых на производстве заводов... Я пользуюсь этой возможностью, чтобы от имени всех членов Комиссии и от себя лично выразить нашу признательность за активное сотрудничество, которое все это время мы находили у вас.

Я также прошу Вас принять нашу глубокую благодарность за постоянные жертвы, которые приносили все рабочие заводов ради того, чтобы Каталонии удалось мобилизовать такую эффективную промышленность и создать условия для снабжения военными материалами, необходимыми для борьбы, которую мы ведем, что обеспечит возможность нашей победы»¹³²⁶.

Реорганизация военного производства, предпринятая в этот момент Прието, а затем Негрином, стала, наряду с радикальным этатизмом ОСПК, одной из важнейших причин падения уровня производства каталонской экономики во второй половине 1937 г.

Рост государственного вмешательства и притеснения самоуправляющихся предприятий и синдикатов привели к тяжелым экономическим последствиям. Если в декабре 1936 г. производство в Каталонии составило 71 % от уровня июня 1936 г., а в июне 1937 г. держалось на уровне 70 %, то к декабрю 1937 г. произошло резкое падение – до 59,8 %, а к июню 1938 г. – до

¹³²¹ Comín F., López S. Hacienda del gobierno de la República española (1936–1939). // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. P.891.

¹³²² Op. cit. P.896.

¹³²³ Коминтерн и Гражданская война в Испании. С.423.

¹³²⁴ Bricall J. M. Op. cit. P.527.

¹³²⁵ Op. cit. P.527.

¹³²⁶ Javier de Madariaga F. Op. cit. P.50.

32,9 %¹³²⁷. Мероприятия майских победителей особенно больно ударили по военному производству. В январе 1938 г. производство корпусов снарядов в Каталонии упало до 38817 в месяц (при анархистах было 120000) – меньше, чем даже в Леванте (41918)¹³²⁸. Восстановить положение с помощью советских специалистов удалось, как мы увидим, только накануне падения Каталонии.

* * *

В 1938 г. милитаризация труда в Каталонии приняла еще более жесткие формы: «Автономная полиция должна следить во время рабочего дня за работником, оставляющим место, если он не имел временного разрешения от Управления...»¹³²⁹. В то же время росло социальное расслоение. Рекордсменом в этом отношении был как раз не синдикалистский, а государственный сектор Каталонии: «В начале июня 1938 года по указанию президента ежемесячные оклады были установлены в размере 1500 песет для директоров заводов, 1250 для помощников директоров и администраторов, 1000 для врачей, 750 для практикующих врачей и пациентов, и 500 для медсестер. Зарплата технических и административных работников варьировалась. Так, зарплата неквалифицированных работников составляла около 100 песет в неделю. Эти величины относятся ко всем подразделениям в собственности Женералитата, то есть, к государственному сектору. На частных заводах, которые к 1938 году находились под контролем правительства, существовали все виды подобных ситуаций: было и повышение заработной платы на заводах обрабатывающей промышленности, поддерживаемой правительством, которое придавало ей большое значение; были заводы, получающие финансирование от Женералитата; и те, которые получали финансирование от результатов своего производства и реализации сырья; и даже те, которые получали финансирование от зам. министра, поддерживающего существующие стандарты, несмотря на то, что большую часть времени они ничего не делали»¹³³⁰. Таким образом, усиление роли государства не повысило эффективности многосекторной экономики. Но Женералитат пытался сохранять хотя бы часть социальных завоеваний, которые теперь уже не опирались на экономическую стабильность и поддерживались инфляционным бюджетом.

Ситуация усугублялась и из-за роста числа беженцев, которое в марте 1938 г. достигло 700 000 человек¹³³¹. Рабочие в Каталонии голодали, норма питания составляла 100 гр. хлеба¹³³². «Мука, сваренная с водой, зачастую была единственной пищей в течение рабочего дня. Невозможность достать на рынке продукты питания и отсутствие какого-либо снабжения или¹³³³ рабочих завода, приводили к тому, что часто рабочие вместо того, чтобы быть на заводе, ходили по полю и собирали корни», – сообщали советские специалисты о военных предприятиях. А вот для руководства действовали спецстоловые¹³³⁴.

¹³²⁷ Fraser R. Op. cit. P.235. Теперь Негрин не справлялся и с финансовыми делами. Рост цен в Республике усилился. Если в мае 1937 г. песета составляла 55,4 % от уровня начала войны, то через 10 месяцев правления Негрина – 15,3 % (Sánchez Asiain J. A. La economía española durante la Guerra Civil: dos modelos enfrentados. // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. P.452.). Прежние успехи Негрина на поприще министра финансов опирались на полнокровие экономики. Теперь его экономическая политика подрывала это полнокровие.

¹³²⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.240. Л.379–380.

¹³²⁹ Javier de Madariaga F. Op. cit. P.72.

¹³³⁰ Ibid.

¹³³¹ Bricall J. M. Op. cit. P.510.

¹³³² РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.471. Л.1об.

¹³³³ Так в тексте.

¹³³⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.471. Л.14.

В августе коллективизация была отменена в металлургии, горной и военной промышленности Республики. После ликвидации самоуправления на бывшем заводе Женеалитата производство винтовок упало в октябре-ноябре с 600 до 450¹³³⁵.

В то же время правительство приступило к экономическому удушению синдикализованной промышленности, отказывая предприятиям в кредитах. «Необходимо ориентироваться на ликвидацию режима „синдикализации“ промышленности, который дает пищу корпоративистским тенденциям в недрах самого рабочего класса, ставя частные интересы той или иной группы превыше интересов рабочего класса и народа в целом»¹³³⁶, – указывал Секретариат ИККИ в сентябре 1938 г. Имелось в виду, что интересы рабочего класса и народа в целом выражают КПИ и государственная бюрократия Республики.

Когда выяснилось, что возжеленная национализация не улучшила, а существенно ухудшила положение, советские специалисты стали искать новый источник проблем. Они подозревали в саботаже связанных с И. Прието руководителей военной промышленности (так же, как раньше искали саботаж среди анархо-синдикалистов на коллективизированных заводах)¹³³⁷. Но примеры, которые приводятся в советских донесениях, доказывают одно – с ликвидацией самоуправления, в котором раньше видели источник всех зол в промышленности, ситуация стала только хуже. «Наряду с добросовестной интенсивной работой большинства рабочих и мастеров, имеют место равнодушие и полное безразличие к работе со стороны ряда ответственных руководителей»¹³³⁸. Пока действовала производственная демократия, работу предприятий направляли как раз эти добросовестные рабочие и мастера, а вот теперь, после осуществления национализации и прочих спасительных идей коммунистов и социал-либералов – равнодушные начальники.

Бесконтрольные начальники отправили в армию квалифицированных специалистов, сковывали работу инициативных сотрудников. Вопреки ожиданиям, что установление авторитарного управления позволит более рационально планировать работу военной промышленности, ее руководитель Л. Трехо утверждал, что «в военное время нельзя вообще говорить о каких-либо твердых планах»¹³³⁹. «Суб-секретариат, который руководит промышленностью, сильно засорен враждебными элементами, которые используют каждый промах и ошибку наших людей с целью их компрометации»¹³⁴⁰, – жаловались советские специалисты.

Впрочем, в сбоях сборки самолетов, о которой шла здесь речь, была виновата и советская сторона – детали поступали с дефектами и нехватками. «Нужно понять, – писал главный советник авиации полковник Арженухин, – что грубые недостатки, которые мы обнаруживаем на присланной нам новой материальной части, компрометируют здесь, в Испании, не только нас, а всю нашу родину»¹³⁴¹. Правда, у советской стороны было хорошее оправдание всех проблем – в подготовке оборудования участвовали «разоблаченные враги народа»¹³⁴².

Но дело не только в престиже СССР, ставки – куда выше. Арженухина волнует грядущее

¹³³⁵ Там же. Д.233. Л.2об.

¹³³⁶ РГАСПИ. Ф.495. Оп.20. Д.262. Л.185, 347.

¹³³⁷ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.471. Л.1об.

¹³³⁸ Там же. Л.14.

¹³³⁹ Там же. Л.13.

¹³⁴⁰ Там же. Л.4.

¹³⁴¹ Там же. Л.19.

¹³⁴² Там же. Л.5.

мировое столкновение: «Если наша промышленность будет нас снабжать в нашей будущей войне материальной частью с таким большим количеством грубых недоделок и дефектов, то она поставит нас в очень тяжелое положение»¹³⁴³.

Правительство Негрина устанавливало свой прямой контроль над промышленностью Каталонии, игнорируя мнение каталонских властей. В итоге даже Коморера стал противником Негрина (чему, впрочем, способствовала отчаянная ситуация, когда участники трагедии стали видеть главного виноватого в своем премьер-министре). «Он с плохо скрываемой ненавистью к правительству и к Негрину говорил мне о губительной экономической политике последнего, о нарушениях прав Каталонии, о захвате рудников поташа, произведенных в самой грубой форме центральным правительством в последние дни, о губительной военной политике и т. д.»¹³⁴⁴ – рассказывал Марченко. В итоге мероприятия центрального правительства в Каталонии саботировали и анархо-синдикалисты, и каталонские партии, включая даже ОСПК.

«Романтизм и спонтанность революции не имели большой пользы против того железного кулака, который угрожал Республике»¹³⁴⁵. Это предположение, которое тогда отстаивали коммунисты, Прието, Негрин и их сторонники, а сегодня поддерживает апологет Негрина А. Виньяс, оказалось опровергнуто на практике. Революция позволила хотя бы уравновесить силы и дать Республике шанс. Отказ от революционной стратегии оказался губительным, создать железный кулак Республика во главе с Негрином не смогла. И у Франко-то кулак не был железным, если сравнить с тем, что мы видели во Второй мировой войне. А уж у Негрина кулак и вовсе получился глиняным.

Как проиграть войну

Став военным министром, Прието принялся за реорганизацию армии. Если прежний план Генштаба, согласованный с советскими специалистами, предполагал, что лучше пополнять существующие части, чем создавать новые, Прието принялся формировать новые бригады¹³⁴⁶. Они не были «заражены» милиционной традицией, но не имели боевого опыта. К тому же из 16 новых бригад оружия не хватало и на 8¹³⁴⁷.

Соотношение сил на фронте и без новых бригад было неплохим. На 1 км фронта приходилось по 1209 республиканских солдат и 625 франкистских под Мадридом и Харамой. На Арагонском фронте это соотношение было 120 к 60, на Гвадалахарском участке 180 к 50, на Гвадаррамском – 100 к 50, на Южном фронте 150 к 100. На Северном фронте, где Франко сосредоточил наибольшие силы, соотношение было обратным – 146 к 150 в пользу франкистов. А вот в Эстремадуре на 100 республиканцев приходилось неопределенно малое количество франкистов¹³⁴⁸. Там бы и наступать. Но нет...

Как сообщал новый главный военный советник Г. Штерн, «с новым премьер-министром и новым Генеральным штабом работать стало легче». Впрочем, «много еще косности, нерешительности, медлительности у наших руководителей». Новый начальник Генерального штаба Висенте Рохо все еще держится за старое офицерство, не продвигает командиров-революционеров (то есть коммунистов) отчасти из соображений корпоративной солидарности, «отчасти сознательно, боясь полного овладения армией настоящими

¹³⁴³ Там же. Л.29.

¹³⁴⁴ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.5.

¹³⁴⁵ Viñas Á. El escudo de la República. P.212.

¹³⁴⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.371. Л.3.

¹³⁴⁷ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.75.

¹³⁴⁸ Там же. Л.42.

революционерами»¹³⁴⁹. Еще сильнее, чем Рохо, «овладения армией» коммунистами боялся Прието. Он (как до него и Ларго Кабальеро) считал серьезной проблемой доминирование коммунистов среди комиссаров. Из 1373 комиссаров, на которых были получены данные, социалистами был 201 (14 %), 441 – коммунистами, 260 представляли ОСМ, 107 – ОСПК, то есть 59 % комиссаров находились под влиянием коммунистов¹³⁵⁰. По существу, коммунисты выстраивали параллельный офицерский корпус.

Прието настаивал, что армия должна стать «аполитичной, иначе имеется опасность трений и столкновений между антифашистскими организациями»¹³⁵¹. Он считал, что слава командиров-коммунистов – результат «определенной газетной кампании»¹³⁵². Причины такой политики Прието коммунисты не без основания видели в опасениях, что после победы «революционная армия будет играть решающую роль в определении экономической и социальной жизни, политического строя будущей Испании»¹³⁵³.

27 июня был принят декрет о запрете политической пропаганды в армии. Сначала он был поддержан основными политическими силами: «Каждая газета в отдельности утверждает, что декрет является осуществлением желаний организации, которую газета представляет, и что эта организация всегда защищала эту мысль, которую теперь выражает декрет»¹³⁵⁴, – сообщали советские наблюдатели. Причем противники коммунистов получили повод для злорадства. «Синдикалиста» писала: «С самого начала существовала партия, которая исключительно занималась вербовкой сторонников, „новообращенных“ в офицерском корпусе новой армии»; «декрет необходим для прекращения вербовочной работы компартии»¹³⁵⁵.

1 июля до коммунистов «дошло», что Прието собирается использовать декрет против их «борьбы за войско». «Мундо обреро» стала осторожно возражать против декрета: «В частных разговорах нельзя запретить говорить о партиях»¹³⁵⁶. По сообщению С. Марченко, «когда в беседе Урибе потребовал от него объяснений, Прието в очень раздраженной форме сказал, что он не будет действовать по чужой указке, что он делает то, что считает необходимым делать»¹³⁵⁷. Стало ясно, что блок майских победителей неустойчив.

Росло число комиссаров – выдвиженцев Прието, но, по словам советских военных советников, они не могли объяснить солдатам, «за что они должны рисковать своей жизнью или отдавать свою жизнь»¹³⁵⁸. Но могли ли это теперь убедительно объяснить комиссары-коммунисты?

Прието предложил генеральному комиссару Альваресу дель Вайо установить квоту по 25 %

¹³⁴⁹ Там же. Л.72.

¹³⁵⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.421. Л.2–3.

¹³⁵¹ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.214. Л.89.

¹³⁵² РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.94. При этом коммунистам, расхваливающим своих командиров, не нравилось, если Прието хвалил кого-то еще, например «некоего Хурадо». А ведь это как раз тот Хурадо, который командовал республиканцами при Гвадалахаре.

¹³⁵³ Там же.

¹³⁵⁴ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.85.

¹³⁵⁵ Там же. Л.86–87.

¹³⁵⁶ Там же. Л.87.

¹³⁵⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.81.

¹³⁵⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.68.

для коммунистов, социалистов, анархистов и республиканцев¹³⁵⁹. Урибе опротестовал эту идею. Тогда Прието стал утверждать назначения только республиканцев и социалистов. 700 комиссаров работало без утверждения министра, и он планировал провести увольнение неутвержденных¹³⁶⁰.

25 октября Прието официально запретил офицерам, занимающим командные посты, участвовать в политических мероприятиях и выступать с политическими заявлениями без разрешения министерства обороны. Министр выступил против персональных «героев»: «победа должна быть анонимной, и нельзя отвлекать общественное мнение от общего героизма масс»¹³⁶¹. Это вызвало неудовольствие не только лидеров КПИ и НКТ, защищавших право на агитацию в армии, но и самих «героев», привыкших заявлять свое мнение по политическим вопросам. Однако прославленным республиканским полководцам предстояло показать себя в деле.

* * *

После прихода к власти правительства Негрина и Прието планы наступления в Эстремадуре были оставлены. На обновленном Высшем военном совете¹³⁶² прошла идея, которую давно лоббировали руководители Центрального фронта и которая соответствовала военным идеям Прието: вместо маневренной войны в Эстремадуре нужен менее «авантюристичный» удар в тыл группировке франкистов близ Мадрида. Эту идею поддержал и Штерн: «В конце июня – начале июля переходим в решительное наступление, наносим первый крупный удар белым. Целью этого удара мы ставим освободить Мадрид от осады и тем самым вытянуть в поле главные наши силы – мадридскую армию». Когда эти силы наконец придут в движение, можно будет нанести еще несколько ударов, и «к осени враг покатится»¹³⁶³. Такие обещания Штерн давал не только Ворошилову, но и Сталину, к которому также апеллировал в письме (а Ворошилов переслал письмо вождю). И Сталин строил на них свои макрополитические расчеты. А враг к осени «не покатился».

Беда в том, что прорвать фронт под Мадридом было практически невозможно. В своей стратегии Прието и Рохо ориентировались на опыт Первой мировой войны. Антонов-Овсеенко докладывал: «Прието, который решает в основном линию правительства, ориентируется на пассивную военную политику, строя расчеты на победу, главным образом, ориентируясь на возможности фашистского тыла, он не убежден в необходимости активных действий»¹³⁶⁴. Впрочем, воздействовать на состояние франкистского тыла, поддерживая партизанское движение, Прието тоже не собирался. Он надеялся на изменение международной обстановки, и прежде всего позиции Франции. Для этого было полезно сохранять баланс на фронтах – без поражений и с локальными победами. По наблюдениям советских военных специалистов, руководство Министерства обороны и Генерального штаба «в успешный исход войны не верят и ищут путей для ее ликвидации, но не путем военной победы»¹³⁶⁵.

То, что Генеральный штаб возглавил В. Рохо, вызвало ревность генерала Миахи, который таким образом оказался в формальном подчинении у своего бывшего начальника штаба. По

¹³⁵⁹ Там же. Д.421. Л.3.

¹³⁶⁰ Там же. Д.421. Л.3.

¹³⁶¹ АВП. Ф.97. Оп.14. П.3. Д.5. Л.174.

¹³⁶² Совет стал работать активнее, чем при Ларго, но его решения все равно могли не выполняться, если этого не хотел Прието или Негрин. Так, вопреки решению ВВС Прието утвердил 40 комиссаров-либералов (РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.93).

¹³⁶³ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.74.

¹³⁶⁴ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.50. Л.104.

¹³⁶⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.421. Л.9.

мнению Р. Малиновского, ситуация была бы более здоровой, если бы самого Миаху при этом назначили главнокомандующим. Но этого уже не допустил Прието. В итоге Миаха фактически саботировал решения Рохо и Прието¹³⁶⁶. Впрочем, достоинства главнокомандующего с такими чертами характера весьма спорны¹³⁶⁷.

Другие генералы тоже были настроены против Рохо. Его считали выскочкой и не готовы были беспрекословно выполнять указания Генштаба. «В армии нет главнокомандующего. Эта должность формально выполняется министром обороны и председателем Совета министров Негриным, но он со всеми своими задачами справиться физически не может. Начальнику генерального штаба Рохо командующие фронтами не подчинены и он всегда упрощает там, где надо твердо решить и провести в жизнь»¹³⁶⁸, – докладывал советник Арженухин.

Рохо замыслил под Мадридом взять франкистов в клещи двумя ударами – через Брунете и непосредственно в районе Университетского городка. Но надежда пробить оборону противника вспомогательным ударом непосредственно под Мадридом была наивной. В итоге республиканское командование само загоняло свои войска в клещи. По мнению военного советника Р. Малиновского, замысел наступления на Брунете изначально был порочен, так как втягивал войска в долину, над которой господствует противник¹³⁶⁹.

«Брунетская операция республиканцев в целом была очень хорошо подготовлена и началась для противника с полной оперативной внезапностью»¹³⁷⁰, – сообщал Р. Малиновский. Действительно, мудро было ожидать, что республиканское командование решится на такой абсурдный удар. К началу сражения республиканцы сосредоточили под Брунете 50 тысяч солдат, свыше 100 орудий, 100 танков, 40 бронемашин, свыше 100 самолетов. Противник имел 40 тысяч солдат, до 150 самолетов, около 60 орудий. Все эти силы сконцентрировались на фронте в 10–12 км.¹³⁷¹

Начав наступление 5 июля, республиканцы почти без боя прорвались между опорными пунктами противника и 6 июля, после бомбардировки, взяли городок Брунете. Но пробиться дальше уже не могли. До 7 июля франкисты удерживали опорный пункт Вильянуэва де Куньяда, контролировавший шоссе. Так что республиканцы сидели практически в мешке и не могли сразу развить успех. Франкисты получили возможность подтянуть резервы. Только 9 июля с шестой попытки взяли укрепленную деревню Кихорна. Части были переутомлены на жаре. В разгар сражения под Брунете Э. Хурадо сказал советскому военному советнику Г. Штерну, что не верит в успех¹³⁷². А Хурадо знал толк в военном деле – он командовал войсками при Гвадалахаре.

В районе Университетского городка республиканцы не смогли прорвать оборону противника. В результате удар республиканцев вылился в бесперспективную «мясорубку». Франкисты стали опасно нависать над флангами республиканцев. Ожесточенные бои 24–26 июля закончились оставлением Брунете с потерями почти половины армии. Республиканская пехота была настолько деморализована ситуацией, что бежала даже от собственных танков, возвращающихся из атаки (где эта пехота свои танки не поддержала). По мнению советского

¹³⁶⁶ Там же. Д.483. Л.76.

¹³⁶⁷ Не только советские советники, но и коммунисты считали Миаху своим – он же вступил в компартию. Но в 1939 г. С. Марченко сетовал, что офицеры-масоны, вступившие в компартию, оказались затем почти все дезертирами и изменниками – Миаха, Камачо, Бурильо, Куэвас де ла Пенья, Ортега. А компартия слепо доверяла им по принципу членства в ее рядах (АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.31.).

¹³⁶⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.67.

¹³⁶⁹ Там же. Л.17.

¹³⁷⁰ Там же. Л.15.

¹³⁷¹ Там же. Л.17–18.

¹³⁷² Viñas Á. El honor de la República. P.71.

автора А. Г. Серебрякова, командование франкистов не ударило по флангам и не разгромило республиканскую группировку полностью, потому что «не было уверенно в наступательной способности своей пехоты, особенно в трудной для наступления местности»¹³⁷³. И нужно было гнать лучшие силы республиканцев по этой трудной для наступления местности? Кихорну удалось удержать, но это было сомнительное приобретение, так как из-за изменения линии фронта пришлось здесь держать вместо 2–3 батальонов 15–18 ¹³⁷⁴. Шанс перехватить инициативу, который Республика получила весной 1937 г., теперь был практически упущен.

* * *

Однако до 1938 г. ситуация все еще была неопределенной. Франко сосредоточил значительные силы против страны Басков и Астурии, стремясь покончить с этим анклавом республики в своем тылу. Это отвлекло силы франкистов от остальных фронтов. Характерно, что в летних операциях противник еще не имел очевидного перевеса в авиации, а иногда и уступал республиканцам. Более того, по советским оценкам, «усиленные действия авиации, нанесшие, по показаниям пленных, противнику очень большие физические потери, земными войсками почти не использованы»¹³⁷⁵. Таким образом, Республика Негрина не смогла использовать стратегическую инициативу вовсе не потому, что франкисты имели технический перевес. Он будет существенно сказываться только в 1938 г.

Сохранялась возможность для наступления в Арагоне. Но вместо того, чтобы помочь имеющимся анархистским частям, центральные власти принялись за реорганизацию фронта, что изрядно его дезорганизовало. Прибывший в Каталонию и Арагон эмиссар правительства генерал Себастьян Посас решил показать анархистам, как умеют командовать профессиональные военные. Сюда же была переброшена и 12-я интербригада. В условиях дезорганизации фронта и тыла Посас 11–19 июня атаковал Уэску и потерпел поражение. Напрасно анархисты объясняли ему, что для взятия хорошо укрепленного города нужна техника, артиллерия, авиационная поддержка. Зато Посас значительно ослабил силы фронта – потери составили 1000 бойцов. От чаши некомпетентности Посаса испила и 12-я интербригада – погиб ее командир генерал Лукач (Мате Залка). По признанию коммуниста М. Штерна (генерала Клебера), неудаче под Уэской способствовали и другие факторы: раздражение бойцов поумовской дивизии репрессиями, развернутыми против «троцкистов», склонностью 12-й интербригады к «барахольству»¹³⁷⁶, противоречия командующих. Стало ясно, как несправедливы упреки в адрес анархистов – мол, не могут решить «легких» задач взятия Уэски и Сарагосы.

Неудачу под Уэской новое военное руководство республики восприняло как результат недостаточной реорганизованности фронта. Коммунисты и офицеры принялись за дело с новой силой. Была создана новая структура Восточного фронта. «Троцкистская» дивизия была распущена. Особенно тяжело на состоянии фронта сказался разгром Арагонского совета и связанной с ним социальной структуры – в том числе снабжения фронта¹³⁷⁷. При этом анархистские командиры говорили о нежелании солдат драться, когда «их идеалы топчутся в

¹³⁷³ Гражданская война в Испании. Центральный фронт и Брунетская операция. М., 2010. С. 312–319. Очерк А. Г. Серебрякова, опубликованный в 1941 г., представляет собой очень подробное, но несколько приукрашенное описание Брунетского сражения.

¹³⁷⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.16.

¹³⁷⁵ Там же. Д.416. Л.6.

¹³⁷⁶ Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 360–361.

¹³⁷⁷ Ситуация со снабжением армии стала ухудшаться в целом по Республике практически сразу после отстранения от власти Ларго Кабальеро. Как отмечали советские специалисты, до марта-апреля 1937 г. в республиканской армии обеспечивалась калорийность питания на принятом в европейских армиях уровне 3150 калорий, а во второй половине года она упала до 2560 калорий (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.240. Л.383).

тылу» (правда, в бою они все же показали себя хорошо)¹³⁷⁸.

В этих условиях всеобщей дезорганизации республиканское командование 24 августа начало наступление в Арагоне. Целью наступления было взять Сарагосу и остановить наступление Франко на Астурию. Командовали все тот же Посас и его начальник штаба коммунист Кордон. На этот раз в Арагон были переброшены значительные силы – целый 5-й армейский корпус, командование которого было почти сплошь коммунистическим – комкор Модесто, комдивы Листер, Эль Кампесино и Вальтер; 45-я дивизия Клебера (тоже преимущественно коммунистическая) и 27-я дивизия Труэбы. Здесь же были четыре интербригады. Для наступления на Сарагосу было сосредоточено 22–23 бригады, до 120 орудий, до 120 самолетов, около 65 танков Т-26, 45 бронемашин. Если бы такое подкрепление прибыло на Арагонский фронт в начале 1937 г., Сарагосе было бы трудно устоять. Но теперь анархистские силы были деморализованы, а коммунисты, уверенные в своем превосходстве, не слушали советов тех, кто знал особенности этого театра военных действий.

Советский военный советник Нестеренко анализировал эту операцию: «Операция по овладению Сарагосой, начавшаяся 24 августа, войдет в историю здешней войны как еще одна упущенная возможность. Как и под Брунете была достигнута внезапность, силы республиканцев намного превосходили противника, решительное наступление вызвало в его рядах панику, о чем говорят и количество перебежчиков, и действия батальонов 13 бригады „Домбровского“. Характер действий относительно немногочисленной авиации противника был исключительно оборонительный»¹³⁷⁹.

Ошибкой республиканского командования было распыление сил. Они наступали сразу с восьми направлений, и успеха достигли только в районе городка Бельчите, который был взят 35-й дивизией Вальтера (в дальнейшем республиканская пропаганда и называла Сарагосскую операцию битвой при Бельчите, чтобы представить неудачу победой). 26 августа появились слухи (как оказалось, неверные) о переброске итальянцев в Арагон. Республиканское командование тут же перешло к обороне. Как комментировал Р. Малиновский, «республиканское командование приняло решение провести операцию с целью отвлечь силы фашизма с севера на себя, и при первом сведении, что силы фашизма поворачиваются лицом к этой операции, оно (республиканское командование) пришло в испуг и прекратило операции»¹³⁸⁰. Франко не стал отвлекаться от наступления на Астурию. Было достаточно переброски подкреплений из-под Мадрида, так как было очевидно – сейчас республиканцы там не ударят.

Нестеренко называл такие причины неудачи, как ввод в бой частей «не восстановленными после брунетских боев» (дивизия Литера «не оправилась ни физически, ни морально после катастрофы под Брунете»), враждебность Листера и комкора Модесто, неверие в успех операции Рохо и Прието. Они имели на это основание, но ведь они же и дали добро на проведение неподготовленной операции¹³⁸¹.

В результате политики Прието в июне – августе не были устранены прежние недостатки, но добавилась новая проблема. С подавлением милиционной системы офицерство, неконтролируемое со стороны бойцов, стало своевольной кастой, в которой усилились прежде сдерживаемые негативные черты. Как сообщали советские военные советники, «старый офицерский состав совершенно обособленно держится от бойцов и никаких бесед с ними вне службы не проводит, и поэтому и нужд солдат офицеры не знают. А если и знают, то мер по удовлетворению нужд солдат не принимают. Полная косность и беззаботность в этом вопросе. Молодые офицеры воспринимают традиции старых офицеров и в заботах о бойцах несколько не отличаются от старых офицеров»¹³⁸².

¹³⁷⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.421. Л.8.

¹³⁷⁹ Там же. Л.7.

¹³⁸⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.19.

¹³⁸¹ Там же. Д.421. Л.7–8.

¹³⁸² Там же. Д.478. Л.45. «Господствующее положение пытается сохранить за собой кадровое офицерство. Оно

При этом командиры оставались своевольными и в отношениях с командованием. И этому способствовала дисциплинарная политика Прието. Комиссар Центральных войск, социалист Пиньюэла рассказывал: «Ответственность за поражения все больше и больше возлагается на солдата, на которого со всей тяжестью падает ...наказание по кодексу военной юстиции, который слишком строго трактуется постоянными судами. Ответственность, которая должна быть тем больше, чем выше пост, практически испаряется полностью по мере восхождения по иерархической лестнице»¹³⁸³.

На фоне других выделялся Э. Листер – гордость компартии. «Листер остался прежним, точно феодал, независимым ни от кого и не желающим повиноваться кому бы то ни было Листером. Никто из старших начальников не был наказан за формализм и саботаж; о подготовке войск некому было позаботиться, как и раньше все стремились к созданию новых бригад, вооружаемых для того, чтобы в первом же столкновении снабдить противника нашими же винтовками и пулеметами», – считал комдив Вальтер (Сверчевский). Он вообще утверждал, что первая Сарагосская операция конца августа – сентября «была тактически сорвана головной дивизией Листера, не выполнившего ни одного приказа командования»¹³⁸⁴. При этом Листер враждовал и с другими командирами-коммунистами. Вальтер писал о «глубокой вражде» Листера и Модесто, «в основе которой лежат исключительно личные моменты зависти функции и чинов». В феврале 1938 г. проводилось даже специальное совещание с членами ЦК, чтобы их примирить¹³⁸⁵.

Вальтер, которому удалось все же взять штурмом укрепленную деревню Бельчите, обращал внимание, что за последние месяцы противник создал в Арагоне сеть укреплений, которой не было раньше¹³⁸⁶. Ах, если бы танки и самолеты поступили на Арагонский фронт весной 1937 г.

«Наконец, и это наиболее важно и существенно – операция не могла быть доведена до конца, вследствие недопустимо низкой устойчивости и боеспособности войск, примером чему могут служить бригады 24 дивизии, с первого дня операции взявшие курс на отход при малейшем нажиме противника, а нередко и без всяких признаков активности с его стороны»¹³⁸⁷, – продолжает Вальтер.

Политика Негрина и Прието не улучшила подготовки армии и существенно ухудшила положение в тылу: «Испанская пехота слаба тем, что не имеет хорошего обученного младшего состава. Солдат обучен плохо. Снабжение последнее время ухудшилось. Нет ботинок, солдаты ходят в тапочках-туфлях, нет шинелей, теплого обмундирования. Резко ухудшилось питание; солдаты жалуются на недоедание, нет табаку. Все это создает нездоровые настроения. Кроме того, во многих частях состав и солдаты не получают несколько месяцев зарплаты; поэтому их семьи голодают. В тылу нет хлеба»¹³⁸⁸, – сообщали советские специалисты. Военные преобразования и администрирование Прието серьезно ухудшили положение солдат. Не обеспечивалось мытье, распространялась вшивость. Пищу солдаты иногда не получали несколько дней. Это вело к падению морального состояния и устойчивости в бою. «Буквально без куска

ограждает себя всеми мерами от некадрового офицерства...» (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.483. Л.3.), – сообщил Р. Малиновский. Кадровые офицеры довоенного времени добились закона о запрете на присвоение звания выше майора (команданте) тем командирам, кто выдвинулся в офицеры после начала гражданской войны. Эта защита кастовых привилегий старого офицерства привела к путанице подчинения: команданте Модесто командовал корпусом, а комдивами назначались полковники. Только после снятия Прието было разрешено производить в подполковники офицеров из бывшей милиции. Полковниками могли быть только довоенные офицеры.

¹³⁸³ Pío Moa. Op. cit. P.445.

¹³⁸⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.412. Л.8–9.

¹³⁸⁵ Там же. Д.490. Л.10.

¹³⁸⁶ Там же. Д.412. Л.9.

¹³⁸⁷ Там же. Л.8–9.

¹³⁸⁸ Там же. Л.4.

хлеба и воды, измотанные, целые части вынуждены были бросать позиции и в панике отступать. Солдаты в таких случаях группами, уходя с фронта, искали воду и пищу»¹³⁸⁹. Реорганизация Арагонского фронта в соответствии с принципами «регулярности» по Прието не улучшила, а ухудшила ситуацию.

Вторая Сарагосская операция оказалась хуже первой. Планировался удар с юга на север. Как рассказывает советский военный специалист Леонидов, «сразу выявились все противоречия, интриги, склоки и дразги между испанскими офицерами, имевшие довольно большую давность»¹³⁹⁰. «В 21-м корпусе командир 11-й дивизии Листер прямо заявил, что не отдает приказа на атаку, так как его дивизия „бросается контрреволюционерами на убой“»¹³⁹¹. «Командир 21-го корпуса подполковник Кассадо заявил, что задача невыполнима и операция абсурдна. Командир 11-й дивизии Листер заявил, что хотят уничтожить актив коммунистов и разгромить его дивизию. В 25-й анархистской дивизии были разговоры, что их дивизию хотят уничтожить коммунисты». Характерно: у анархистов – только разговоры, понятные после антианархистских действий последнего времени. А у коммунистов – комдив не хочет сражаться. То, что раньше вменялось в вину анархистам, теперь стало реальностью после победы над ними коммунистов. Впрочем, коммунисты были не хуже и не лучше. Начштаба Рохо стремился подставить Касадо (это было характерно и для других офицеров). Касадо и другие комкоры и комдивы произвольно меняли направление удара¹³⁹². «В успех повторной операции не верил никто, начиная от старшего начальника и кончая последним солдатом, правда, за исключением двух наших советников востфронта»¹³⁹³. Леонидов и Григорьев не знали состояния фронта и вымучили операцию. Они никого не слушали и вели себя высокомерно. «К сожалению, оба они не составляют исключения среди нашего советнического аппарата»¹³⁹⁴, – утверждает Вальтер.

11 октября после артподготовки пехота в атаку не пошла. Пришлось повторить артподготовку, после чего двинулась 45-я дивизия. Другие остались на своих позициях. Но через 200–300 м залегли и эти бойцы.

Но тут в Арагон прибыл полк новейших советских танков БТ-5. Вера в танки (тем более – не Т-26, а невиданные скоростные БТ) была столь велика, что в условиях провала второго Сарагосского наступления их восприняли как манну небесную. Вот что позволит переломить ситуацию и добиться желанной победы!

Было решено бить танками на Фуэнтес де Эбро – практически в лоб франкистам. Полк только что прибыл. Пока выдвигались на позицию, приготовления заметили франкисты. Но главная проблема была в другом: место совершенно не годилось для танковой атаки – болотистая местность, укрепленные позиции противника. Советские военные советники Леонидов и Григорьев погнали полк в атаку, не подумав об этом. Советская армия показала себя полной противоположностью республиканской вольницы, которой так возмущался Леонидов: командир полка Кондратьев подчинился заведомо ошибочному приказу без рассуждения.

Свои приказы совсоветники мотивировали скорее политически, чем оперативно-тактически. Как рассказывал командир полка Кондратьев, советник Леонидов поддерживал начштаба Кордона как «единственного коммуниста на востфронте... Для создания авторитета и поддержания Кордона нужно всегда быть готовым к выполнению его приказа». Тем более, что все его приказы

¹³⁸⁹ Там же. Д.478. Л.45–46.

¹³⁹⁰ Там же. Д.412. Л.2.

¹³⁹¹ Там же. Л.4.

¹³⁹² Там же. Л.2.

¹³⁹³ Там же. Л.9.

¹³⁹⁴ Там же. Л.10.

готовили совсоветники¹³⁹⁵. Кордон, впрочем, честно предупредил, что сейчас фронт не сможет помочь танкам: «Вы танки, да еще быстроходные, проскочите самостоятельно»¹³⁹⁶. С миру по нитке собрали пехотный десант на броню.

Кордон сообщил, что якобы у противника под Фуэнтес де Эбро нет сил¹³⁹⁷. «Насчет укреплений можете не сомневаться. У противника люди такие же лентяи, как и у нас, укреплений не делают»¹³⁹⁸. И это при том, что Фуэнтес де Эбро – крупный укрепленный пункт, который уже штурмовали полтора месяца без успеха¹³⁹⁹.

13 октября БТ ринулись на врага. Пехота фактически не поддержала атаку, танки оторвались. Увидев бесперспективность атаки, Кондратьев отдал приказ «все кругом». Но в это время часть танков уже увязла в болоте на хорошо пристрелянном противником пространстве. В итоге атака БТ под Фуэнтес де Эбро закончилась полным провалом. Полк потерял 19 танков из 43¹⁴⁰⁰. Разгром полка деморализующе подействовал на республиканцев, которые очень надеялись на танки. Помимо общего головопатыства командования (включая и советских военных советников), важная причина провала – отсутствие энтузиазма у пехоты. Ни старые арагонские бойцы, ни коммунисты Листера, ни тем более недавно призванные солдаты регулярных бригад не хотели бежать на хорошо подготовленные к обороне позиции. У республиканцев в этой операции было все: и танки, и патроны, и снаряды, и иностранные советники. А вот люди уже потеряли энтузиазм. И это важно понимать тем авторам, которые видят причину поражения Республики только в техническом превосходстве противника и ослаблении советских поставок.

В октябре 1937 г. Восточный (Арагонский) фронт подвергся полной реорганизации. Бригады, оставшиеся под командованием анархистов, были сведены в 10-й корпус, а остальные серьезно «вычищены». Были ликвидированы остатки милиционной системы. Как показали последующие события, это привело к дальнейшему ослаблению боеспособности фронта.

Северный анклав

Северный анклав Республики, состоявший из страны Басков, Астурии и Сантандера, был вторым по значению очагом промышленности после Каталонии, а в некоторых отношениях превосходил ее. В Басконии были расположены металлургические, машиностроительные и кораблестроительные предприятия, в Астурии – добыча полезных ископаемых. На Севере были расположены важные предприятия военного значения¹⁴⁰¹.

Поэтому расчленение территории Республики на две части имело такое большое значение – поставки из Басконии и Астурии, которые были важны для обеспечения центральной части Республики боеприпасами (например, орудийные капсюли), приходилось везти по воздуху через

¹³⁹⁵ Там же. Л.23.

¹³⁹⁶ Там же. Л.27.

¹³⁹⁷ Там же. Л.28.

¹³⁹⁸ Там же. Л.29.

¹³⁹⁹ Там же. Л.19.

¹⁴⁰⁰ Там же. Д.412. Л.5–6.

¹⁴⁰¹ В Бильбао – патронно-оружейный завод (создан из эвакуированного оборудования), производивший 40–50 тыс. патронов в сутки; снарядно-капсюльный завод, производивший 300 снарядов в день, 1000 трубок и капсюлей, 30 тысяч патронов; ремонтные ружейно-пулеметные мастерские; «Бабкок-Вилькокс» (крупнейший паровозо-вагоностроительный завод, производивший станки для снарядов и ремонт бронемашин); металлургический завод «Альтос Орнос», верфь «Конструксьон Наваль» (стала производить и танки). В Асуа (20 км от Бильбао) производилось 35–40 тыс. патронов, в Дуранго на «Ихос де Мендисаваль» – 10 тысяч гильз. В Гернике находился завод авиабомб, производивший 550 бомб в сутки, гранаты и взрыватели (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.306. Л.10–11.).

территорию франкистов, а Арагон и Каталония не могли поставлять продовольствие голодающему Северу. Блокада болезненно сказалась на положении северо-западного анклава Республики. В конце 1936 г. население не получало мяса. Молоко, сахар, хлеб выдавались скудно по карточкам¹⁴⁰².

В промышленности Басконии преобладала частная собственность. Это не способствовало высокой эффективности производства. Многие предприятия простаивали, даже если их можно было бы загрузить военной продукцией. Управленцы не утруждали себя экономией. При дефиците алюминия предприятие «Фарле» выпускало коммерчески выгодную алюминиевую посуду. На других предприятиях транжирили импортный каучук¹⁴⁰³. Как видим, эта проблема не была связана с синдикализмом.

В ноябре 1936 г. у республиканцев на Севере было 25–30 тысяч бойцов¹⁴⁰⁴. Еще в марте 1937 г. у республиканцев на Северном фронте сохранялся количественный перевес в силах – 70 тыс. бойцов при 200 орудиях, 20 танках и 35 бронемашинах против 48 тыс. франкистов при 70 орудиях и 30 танках. Очевидный перевес на этом театре у франкистов был только в авиации (80 самолетов против 34 старых республиканских) и флоте (о чем ниже)¹⁴⁰⁵. Однако попытка республиканцев наступать в декабре 1936 г. на Витория не удалась. В феврале 1937 г. они неудачно атаковали занятый франкистами Овьедо.

Слабость республиканцев здесь имела две основные причины: низкая подготовка бойцов (их обучение шло медленнее, чем на Центральном и Арагонском фронтах), горный рельеф (но его потом преодолеют франкисты) и политическая раздробленность. Если даже анархисты, коммунисты и каталонские националисты в Каталонии смогли договориться о правилах игры, то на Северном фронте договариваться приходилось по каждому конкретному поводу.

Камнем преткновения антифашистского единства были баски, располагавшие самыми многочисленными силами (36 батальонов, в то время как у Астурии и Сантандера соответственно – 26 и 16 батальонов¹⁴⁰⁶). Советские наблюдатели докладывали, что делу мешают, с одной стороны, «непонимание национального вопроса со стороны руководящих работников-испанцев на севере и, с другой стороны, „петлюровщина“ басков, особенно президента Агирре...» Баскский президент характеризуется как «очень способный администратор». «Он хорошо знает местные условия и людей, ловкий, предприимчивый капиталист, немного жуликоватый – „одессит“, как мы называем его в шутку, но как политический деятель – это самая крупная и авторитетная фигура на севере»¹⁴⁰⁷. Во главе армии басков стоял капитан Арамбарри, настроенный открыто враждебно к СССР.

При этом баскское руководство не было чуждо «великобаскского шовинизма» – на переговорах в Мадриде его представители претендовали даже на Наварру¹⁴⁰⁸. Однако Баскония не была такой проблемой для центрального правительства, как Каталония. Ведь Северо-запад был отрезан франкистами и «варился в собственном соку». Зато на баскских националистов не было управы, кроме угрозы поражения в борьбе с фашистами. Но и она не очень действовала. Командующего фронтом Ф. Льяно де Энкомьенда баски не признавали, в каждом случае требовалось согласование решения командованиями всех трех секторов фронта. В результате, как сообщали советские наблюдатели, «астурийцам не оказывается надлежащей помощи со стороны

¹⁴⁰² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.43.

¹⁴⁰³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.352. Л.10.

¹⁴⁰⁴ Там же. Д.335. Л.5.

¹⁴⁰⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.306. Л.2.

¹⁴⁰⁶ Там же. Д.548. Л.5.

¹⁴⁰⁷ Там же. Д.335. Л.5.

¹⁴⁰⁸ АВП. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.62. Л.88.

басков и сантандерцев»¹⁴⁰⁹. При попытке начать наступление на Виторию президент басков Агирре забрал баскскую колонну, которая должна была обойти противника, и тем сорвал операцию¹⁴¹⁰.

После сложных переговоров 13 января 1937 г. под давлением испанского премьер-министра Ларго Кабальеро и советских советников правительство страны Басков (Эускади) пошло на частичные уступки и приняло следующее постановление: «Все вопросы, связанные с ведением войны, касающиеся использования людей и материальных ресурсов на территории Эускади, за исключением руководства военными операциями, остаются в прямой зависимости от правительства Эускади и его военного министра». Баскское командование готово координировать свои действия с общим командованием, оказывать всю возможную помощь. Формально признавалось, что баскские военные силы входят в Северную армию¹⁴¹¹. Это был максимум уступок, на который готовы были пойти баскские националисты. На практике, как мы увидим, баскские лидеры продолжали политику военной самостоятельности и при «руководстве военными операциями», что будет иметь печальные последствия. Такое поведение баскских националистов было во многом обеспечено тем, что у него, в отличие от националистов Каталонии, не были связаны руки. Общеиспанские движения были в Эускади значительно слабее, чем в Каталонии.

Однако это не мешало им бороться друг с другом. Так, коммунисты гордились своей работой по разложению анархистской милиции: «в анархистские батальоны под видом анархистов-добровольцев были подброшены настоящие коммунисты, которые провели соответствующую работу»¹⁴¹². Влияние анархо-синдикалистов сохранилось только в нескольких батальонах и в городе Хихон¹⁴¹³. В испанских регионах Севера доминировали социалисты и коммунисты.

1 апреля 1937 г. Франко начал наступление на страну Басков с востока. 26 апреля авиалегион «Кондор» разрушил древний баскский город Гернику, надеясь деморализовать обороняющихся. В начале июня франкисты подошли к Бильбао. Агирре в отчаянии молил Прието помочь авиацией. «В ответ ссылались то на „плохую погоду“, то на „малый радиус действия истребителей“. Однако „плохая погода“ не мешала самолетам легиона „Кондор“ контролировать воздушное пространство до десяти часов в день и, сменяя друг друга, непрерывно бомбить позиции басков»¹⁴¹⁴, – пишет Ж. Сориа.

* * *

Особую роль в судьбе Севера играли военно-морские операции – ведь он мог снабжаться только по морю и по воздуху. Северный флот республики был очень скромен – всего два эсминца, три подводные лодки, торпедный катер и несколько вооруженных пароходов. Им противостояли 1–2 крейсера (каждый из которых мог без труда потопить надводные суда республиканцев), миноносец, минный заградитель и вооруженные пароходы¹⁴¹⁵. Однако в апреле 1937 г. франкистский линкор «Эспанья» взорвался недалеко от Сантандера и утонул. Скорее всего, его утопила британская подводная лодка при попытке задержать английский пароход. Это событие имело большое значение, так как без этого линкора франкисты не смогли надежно блокировать

¹⁴⁰⁹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.306. Л.3.

¹⁴¹⁰ Там же. Д.548. Л.4.

¹⁴¹¹ Там же. Д.306. Л.4.

¹⁴¹² Там же. Д.548. Л.11.

¹⁴¹³ Там же. Д.335. Л.3.

¹⁴¹⁴ Сориа Ж. Указ. соч. Т.2. С.48.

¹⁴¹⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.520. Л.9.

порты северного анклава Республики¹⁴¹⁶.

1 июня 1937 г. на Северном флоте произошел так называемый «путч Наварро», оказавшийся своеобразной моделью развития республиканской военно-политической элиты от майского кризиса 1937 г. к мятежу, покончившему с республикой в марте 1939 г. Командующий Северным флотом капитан Э. Наварро, бывший адъютант Асаньи, позиционировался как военный вне политики. Но в частных разговорах печалился, что «испанцы убивают испанцев». «Матросский состав кораблей в большинстве своем был стихийно-революционно настроен» и не доверял командующему (как потом выяснилось – не без оснований), – свидетельствовал советский советник А. Александров. Тогда Наварро решил одним ударом «устранить из числа команд кораблей революционно-настроенных моряков, не веривших комфлоту и угрожавших ему расправой». По согласованию с Наварро баскская полиция подъехала к эсминцам, захватила охрану и арестовала команды кораблей. Подводные лодки трогать не стали – их команды просто нечем было заменить. Команды эсминцев заменили басками. В итоге переворота «флот фактически переходил в ведение баскского правительства». С учетом того, что баски предпочитали действовать самостоятельно, не очень считаясь с нуждами соседей, это должно было ослабить силы фронта.

Но сам Наварро проводил свои действия так же, как и майские победители на остальной территории республики – под флагом порядка: «если до сих пор мы (т. е. офицеры) работали под угрозой револьвера, то сейчас под такой угрозой будут работать матросы». Емкое объяснение, которое вполне устроило и Валенсию. Прието одобрил действия Наварро, а министр от басков Ирухо поздравил его с удачно проведенной операцией. Правда, морские операции под командованием Наварро не активизировались – ведь басков еще нужно было обучить обращению с благоприобретенной техникой. Впрочем, как потом выяснилось, Наварро и не собирался драться с франкистами, и смысл его желания избавиться от матросского револьвера был совсем в другом. В откровенных беседах Наварро возражал тем, кто предлагал облегчить участь арестованных матросов: «А они были к нам гуманными 18 июля?». Имелось в виду, что матросы убили морских офицеров, попытавшихся поддержать мятеж в 1936 г. Не удивительно, что советские советники стали выступать за снятие Наварро. Но ситуация развивалась быстрее¹⁴¹⁷.

Франко методично наступал на Бильбао. Республиканцы рассчитывали на линию укреплений Сентурон. Но строивший ее инженер перебежал к франкистам, и стало ясно, что она и построена негодно, а все ее детали известны врагу. За короткое время республиканцы успели построить новые укрепления, заткнуть часть дыр. Когда устремившиеся в брешь Сентурона франкисты напоролась на свежие оборонительные линии, они решили не рисковать, и сосредоточили для прорыва 30 орудий на километр и продвигались очень осторожно – по 4 км в день и поставили Бильбао под угрозу окружения. Горев рассказывал, что «артиллерия буквально уничтожала укрепления»¹⁴¹⁸. Но ожесточенные бои вокруг города продолжались. На высотах Арчанда под обстрелом и бомбовыми ударами держались остатки 4-й астурийской бригады и два-три батальона басков. Потеряв десятую часть своего состава, «синие»¹⁴¹⁹ были сброшены с высот, белая пехота заняла высоты, и когда ушла авиация и ослаб артиллерийский огонь, синие пошли в контратаку и высоты захватили»¹⁴²⁰. Но эта героическая борьба не могла спасти город от противника, выходявшего в тыл обороняющимся.

Когда падение Бильбао стало неизбежным, республиканцы принялись уничтожать мосты и предприятия, но баскская полиция мешала им. Эвакуация происходила почти стихийно, дороги

¹⁴¹⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.520. Л.2.

¹⁴¹⁷ Изложение событий глазами советского военного специалиста капитана второго ранга А. П. Александрова см.: РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.520. Л.10–21.

¹⁴¹⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.213. Л.297–299.

¹⁴¹⁹ Республиканцы.

¹⁴²⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.213. Л.302–303.

были запружены беженцами и обстреливались флотом противника. Подводные лодки перешли в Сантандер, а вот Наварро 14 июня повел эсминцы во Францию. Оказалось, что цель «наведения порядка» Наварро заключалась в том, чтобы беспрепятственно вывести во Францию часть баскских лидеров с семьями и сбежать самому. Матросы (включая и басков) были возмущены этим бегством. 21–22 июня команды вернули корабли в Сантандер. Здесь флот очень пригодился, так как франкисты попытались полностью заблокировать Север¹⁴²¹.

19 июня Бильбао пал, республиканцы с трудом закрепились у Кастро-Урдиалес. Поражение на время сплотило северян, они создали объединенную Хунту севера во главе с командующим Гамиром Уррибари, в которую вошли губернаторы Сантандера Руис, Астурии – Томас и президент басков Агирре.

На оставшейся у республиканцев территории скопилось до 175 тысяч беженцев, англичане и французы согласились вывозить их. Но после того как было вывезено меньше десятой части, к республиканцам поступило письмо: «Адмирал английского флота в Кантабрике напоминает о поддержке, оказываемой республиканцам для эвакуации гражданского населения и, в знак благодарности за таковую, просит губернатора Сантандера выпустить на свободу всех арестованных фашистов и разрешить последним, равно как и всем желающим элементам правого направления, выехать за границу; отправка всех таких лиц могла бы производиться в пропорции 15–20 % от общего числа эвакуированных республиканцев, то есть на 1000 человек приходилось бы 800 или 850 республиканцев и 150–200 фашистов и всякого рода реакционеров. Губернатор мог бы удержать в Сантандере некоторое количество очень провинившихся фашистов, имея последних как заложников, но держа их на свободе...»¹⁴²² Этот профашистский ультиматум британского командования был отвергнут. Треть беженцев удалось вывести гражданскими пароходами несмотря на угрозу их потопления.

Из-за морской блокады в конце июля продовольствия в северном анклаве оставалось на несколько дней. Но 11 августа республиканский флот под фактическим руководством советских специалистов провел изящную операцию «Маятник». Своими небольшими силами республиканцы смогли отвлечь крейсер «Сервера», подбить минный заградитель «Юпитер» и провести в Хихон целый конвой с продовольствием и горючим. Признав неудачу, франкисты сняли блокаду¹⁴²³.

Однако судьба фронта решалась на суше. 14 августа франкисты и итальянцы начали наступление на Рейносу, рассекая территорию республиканцев. Почти половина баскских сил не стала отступать дальше и капитулировала у Сантоньи¹⁴²⁴. 24 августа Сантандер был окружен. Около 3000 бойцов и 2000 гражданских эвакуировались по морю в Хихон, около 2500 солдат и более 3000 населения – во Францию.

На последнем этапе борьбы, во время обороны Астурии, сопротивление возглавили губернатор Томас и командир полковник-баск Прадо (он уплыл из Сантандера под носом франкистов на лодке даже без весел – гребли саперными лопатками и добрались до республиканцев)¹⁴²⁵. Несмотря на то, что республиканцы в конце августа попытались предпринять наступление на Арагонском фронте, оно было недостаточно сильным, чтобы нарушить планы Франко. 4 сентября он начал наступление в Астурии. 21 сентября Хихон пал.

По советским оценкам, «с ликвидацией севера мятежники получили великолепные атлантические порты – Бильбао, Сантандер, Хихон для свободной и прямой связи с Германией; развитую горно-металлургическую промышленность и, наконец, освободили свои войска,

¹⁴²¹ Там же. Д.520. Л.29–30.

¹⁴²² Там же. Д.520. Л.45.

¹⁴²³ Там же. Л.63–64.

¹⁴²⁴ Этот «Пакт Сантоньи» предусматривал отказ от репрессий и возможность для желающих басков эвакуироваться во Францию, но победители не выполнили обещаний. Солдаты баскской армии и политический актив были направлены в лагерь (половина через несколько месяцев освобождена, более 500 казнено).

¹⁴²⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.520. Л.71–78.

воевавшие против республиканского севера»¹⁴²⁶. Это означало, что стратегическая инициатива, которую Республика могла перехватить после Гвадалахары, возвращалась к Франко. Он получал свободные силы для удара.

Но войска, штурмовавшие Север, были утомлены, Франко еще не был уверен в своих силах, и это дало Республике передышку и последний шанс самой выбрать место для удара. Этим местом стал Теруэль – форпост франкистов между центральной частью Республики и Каталонией.

Рассечение Республики: от Теруэля до Арагона

Сражение под Теруэлем стало крупнейшим разочарованием республиканцев. Некоторое время казалось, что преобразования Негрина и Прието, военное искусство Рохо действительно дают плоды. Это впечатление было ошибочным, и Теруэль запустил цепную реакцию неудач.

Теруэль был «костью в горле» Республики уже давно, франкистским плацдармом, опасно приближенным к морю, между Центральной территорией Республики и Каталонией. Начальник Генштаба В. Рохо направил под Теруэль 12–15 бригад, добившись восьмикратного превосходства в живой силе. 15 декабря 22-й корпус (11-я, 25-я дивизии) и 18-й корпус (34-я, 64-я дивизии), поддержанный 68-й дивизией, нанесли удары навстречу друг другу в обход Теруэля. «Удар для противника был неожиданным и ошеломляющим (он и мысли не допускал, что республиканцы способны на превентивные удары), и первый день операции принес большой успех»¹⁴²⁷, – сообщал Р. Малиновский. На этот раз были успешно применены танки – постепенно приходил опыт. Правда, на этот раз героический Кондратьев вел полк, «идя впереди танков пешим порядком»¹⁴²⁸.

19 декабря 11-я дивизия Листера и 64-я дивизия соединились, окружив Теруэль. Но после этого республиканцы развивать успех не стали, отбросив франкистов от Теруэля недостаточно далеко.

По мнению Р. Малиновского, «ясно, что противник все бы бросал на встречу, и его можно было бы бить по частям. Это была бы величайшая победа республики. Противник медленно вообще реагирует на навязанную ему обстановку, только через 5 дней появились на теруэльском направлении наваррские части мятежников»¹⁴²⁹. Однако В. Рохо воспринимал эту операцию как локальную. 25 декабря главным командованием было решено, что операция закончилась, что противник смирился со сдачей Теруэля и что часть авиации можно отвести на береговые аэродромы, а штабу авиации вернуться в Барселону¹⁴³⁰.

Не успели республиканцы добить окруженных в Теруэле франкистов (они сопротивлялись до 7 января¹⁴³¹), а Республика уже воспряла духом. Еще бы – вот она, наконец, долгожданная победа, свидетельство оправданности проводимых в Республике преобразований. Однако скоро выяснилось, что сражение только начинается. Но 21 декабря Рохо вывел из-под Теруэля 22, 18 и 20-й корпуса.

Как отмечал Р. Малиновский, учитывая моральный и международный эффект взятия города республиканцами, «не могло быть и речи, чтобы Франко смирился с падением Теруэля и начал

¹⁴²⁶ Там же. Д.503. Л.22.

¹⁴²⁷ Там же. Л.23.

¹⁴²⁸ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1149. Л.25.

¹⁴²⁹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.23.

¹⁴³⁰ Там же. Д.447. Л.22.

¹⁴³¹ Там же. Д.222. Л.1. В городе было взято в плен 3500 франкистов, не считая 2500 захваченных в ходе сражения.

где-то новую операцию»¹⁴³².

Рохо и его сотрудники утверждали, что операция «уменьшила угрозу наступления Франко от Теруэля к морю для разделения территории республиканцев на две»¹⁴³³. Р. Малиновский (советник Маневренной армии) возражал: «Эта оптимистическая оценка результатов, как показали события, была преждевременной и ввела в заблуждение наших руководящих товарищей в самом основном – в оценке потерь с обеих сторон; в вопросе истощения – изматывания своих сил и противника, и, наконец, в том, что эта операция уже окончена»¹⁴³⁴.

«Вырвав на пять минут инициативу из рук фашистов, оно испугалось своей решительности и добровольно от нее отказалось, приказав войскам храбро умирать под тоннами чугуна и стали в полной пассивности»¹⁴³⁵, – писал о республиканском командовании полковник Богданов.

Уже 26 декабря возобновились атаки противника. Командование приказало вернуть силы авиации, но сразу это нельзя было сделать из-за погодных условий.

Здесь важно отметить, что во всех операциях второй половины 1937 г. проблемы с авиацией возникали у республиканцев не из-за недостатка поставок из СССР. Именно под Теруэлем стал чувствоваться перелом в этом отношении, но только с января.

30–31 декабря противник нанес контрудар. «Уставшие части республиканцев не выдержали контрудара и начали отходить. На участках некоторых бригад возникла паника»¹⁴³⁶, – сообщалось в сводке боевых действий. Франкисты прорвали оборону левого фланга республиканцев и заняли Кампилья и Муэлья де Теруэль, подойдя вплотную к городу. Воспользовавшись тем, что республиканская авиация улетела, франкисты обрушили на республиканские позиции удар 50 «Хейнкелей» и 80 истребителей, «то есть всю авиацию, способную летать»¹⁴³⁷, на этом фронте. В январе 1938 г. республиканская авиация вернулась, и стало ясно, что время упущено – противник стянул сюда превосходящие воздушные силы. Как сообщал главный военный советник Г. Штерн, «авиация белых, в действительности, в период его 3-х контрнаступлений не давала жить нашим войскам, нанося очень большие потери, в то время как воздействие нашей авиации на войска белых было по крайней мере в пять раз более слабым. Командиры пехотных частей страшно ругают нашу авиацию; они, правда, не знают, насколько количественно она слабее авиации белых. Должен заметить, что сама наша авиация качественно стала работать хуже, чем раньше, что в основном объясняю некоторой подавленностью настроения летсостава, видящего количественное превосходство белой авиации»¹⁴³⁸.

На новый год пошел снег. По словам советника Троценко, «если бы не снежный буран, то Теруэль был бы взят фашистами еще 2.1.»¹⁴³⁹ «Под Теруэлем было холодно, нестерпимо холодно для испанцев; кажется, мороз доходил до двенадцати градусов при сильном ветре. Камни покрывались слоем льда, люди падали и ползли вверх на четвереньках»¹⁴⁴⁰, – рассказывал И. Эренбург.

¹⁴³² РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.49.

¹⁴³³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.26.

¹⁴³⁴ Там же.

¹⁴³⁵ Там же. Д.511. Л.31.

¹⁴³⁶ Там же. Д.222. Л.1.

¹⁴³⁷ Там же. Д.447. Л.26.

¹⁴³⁸ Там же. Л.41.

¹⁴³⁹ Там же. Д.503. Л.48.

¹⁴⁴⁰ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.647.

Попытки республиканцев отбить высоты к западу от Теруэля не удались. Противник навис над городом. 15 января франкисты нанесли удар по правому флангу республиканцев на высоты Альто де лас Селадас и взяли их.

Под Теруэлем выяснилось, что «пехота республиканцев – неплохая пехота, она способна на любой героический поступок и способна к упорному и длительному бою. Но все дело в том, что руководители (офицеры) порой никудышные... Офицер во время боя как правило оставался в тылу или прятался в кусты. Пехота была предоставлена сама себе. А среди нее всегда были и будут отдельные паникеры, стоило им крикнуть: „Фашисты нас обходят!“, как начиналось бегство, которое потом стоило больших трудов остановить»¹⁴⁴¹. 5 февраля франкисты снова перешли в наступление и 23 февраля отбили Теруэль.

По мнению Р. Малиновского, несмотря на наличие технического превосходства у мятежников, «основными и решающими причинами теруэльской неудачи все же являются грубейшие, резко бросающиеся в глаза ошибки оперативного руководства»¹⁴⁴². «Тот, кто после этой операции еще продолжает думать и писать, что теруэльская операция есть единственно успешная операция республиканцев, что эта операция сорвала наступательный план фашистов под Гвадалахарой и спасла республиканцам Мадрид, тот или плохо усвоил уроки войны в Испании и не дал себе труда по-серьезному анализировать ход операции, или перепевает то, что дуэтом пели Прието и Рохо в свое оправдание»¹⁴⁴³, – заключает Богданов.

Инициатива была окончательно утеряна республиканцами. Министр обороны Прието пришел к выводу, что победа невозможна, и стал убеждать Негрина в необходимости примирения с Франко даже на тяжелых для республиканцев условиях.

* * *

Окрыленный первым успехом под Теруэлем, Рохо в январе 1938 г. вернулся к оставленной в мае-июне 1937 г. идее наступления в Эстремадуре. Эти полгода качественно изменили ситуацию и в отношении боевого духа, и в соотношении военных поставок франкистам и республиканцам. Но Рохо пребывал в эйфории и говорил Малиновскому: теперь у республики такая армия, что он «придет в Лиссабон во главе этой армии». Кандидат в Бонапарты присматривался и к политической власти. Рохо жалуется на «отсутствие власти в его руках» в условиях, когда «Прието твердости власти проявить не может»¹⁴⁴⁴. Переоценивая военные силы республики, Рохо бросал их направо и налево, вместо того, чтобы закрепить успех под Теруэлем и качественно подготовить новую операцию. «Фактически же Теруэль перемолол все республиканские резервы, генерал Рохо прямо точно нарочно старался все измотать, что он не смог бросить в бой под Теруэлем, так он его бросил в бой на других фронтах»¹⁴⁴⁵, – писал Малиновский.

Даже если бы Рохо вел себя грамотно и осмотрительно, анализ Р. Малиновского показывает, что к началу 1938 г. время для операции в Эстремадуре было упущено. Для удара на Бадахос можно было выделить 240 батальонов при 200 орудиях и 150 самолетах. Чтобы парировать этот удар, франкисты могли выделить чуть меньшие силы пехоты, но при 300 орудиях и 600–700 самолетах¹⁴⁴⁶. Вывод – «у республики не хватало сил для успешного завершения этой в целом

¹⁴⁴¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.478. Л.2.

¹⁴⁴² Там же. Д.503. Л.49.

¹⁴⁴³ Там же. Д.511. Л.31.

¹⁴⁴⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.27.

¹⁴⁴⁵ Там же.

¹⁴⁴⁶ Там же. Л.29–30.

выгодной операции»¹⁴⁴⁷. Напомним, что в мае-августе значительная часть сил франкистов была скована на севере. Малиновский считал, что после Теруэля нужно перевести дух и заняться разложением тыла мятежников, «а не отвергать эту работу совершенно, как это сделал Прието»¹⁴⁴⁸. Теперь и советские советники видят недостатки стратегии Прието, против которой боролись анархисты.

Бои под Теруэлем стихли 23 февраля. Затишье продолжалось всего две недели. На этот раз Франко решил, что нельзя медлить, давая республиканцам новый шанс.

* * *

Франко выбирал направление нового удара: продолжать ломиться к Мадриду, или воспользоваться утерянными республиканцами возможностью – прорвать один из более слабых фронтов. Руководствуясь шаблонным военным мышлением, Рохо был уверен, что главный удар франкисты нанесут на Мадрид¹⁴⁴⁹.

В действительности Арагонский (Восточный) фронт – дезорганизованный и деморализованный – был первым кандидатом для наступления франкистов. Тем более, что в Арагоне осталось мало сил республиканцев. После осенних боев 1937 г. фронт снова стал парией Республики. Оборонительных рубежей здесь не подготовили. 470 км фронта обороняли 3 корпуса в составе 8 дивизий. В центрально-южной зоне у республиканцев было 500 орудий, на восточном – 60.

Франко сосредоточил в Арагоне до 300 тыс. солдат под командованием Ф. Давилы. Отныне во всех сражениях франкисты имели превосходство в технике. В сражениях первой половины 1938 г. превосходство авиации франкистов достигало 5–6 раз (и обычно составляло 2–3 раза)¹⁴⁵⁰. В Арагоне у Франко было превосходство и в живой силе. Генштабу Рохо удалось наскрести для отражения удара около 200 тыс. солдат, да и то не сразу.

9 марта 1938 г. Арагонский фронт был прорван. Марокканцы ударили по 12-му корпусу на Бельчите, и он побежал¹⁴⁵¹. Сводка констатирует: «Под давлением превосходных сил и, главным образом, под воздействием авиации интервентов, части республиканцев были вынуждены отойти, и противник к исходу 10 марта овладел Кодо и Бельчите, на южном направлении – Муньеса»¹⁴⁵². Войска, отступающие не столько под ударами сухопутных сил, сколько от бомбежек – свидетельство нестойкости республиканцев в этот период. При этом преимущество франкистов над республиканцами по количеству самолетовылетов не было подавляющим – 250 на 130–150. Это вело к большой усталости республиканских пилотов¹⁴⁵³.

Франкисты не ожидали такого успеха¹⁴⁵⁴. Сначала они даже не сразу стали его развивать.

¹⁴⁴⁷ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.30. Немаловажно, что в январе 1939 г. республиканцы все же предприняли наступление в Эстремадуре. Теперь это было не генеральное наступление, а отвлекающий удар – без резервов, без техники, почти без боеприпасов. И тем не менее республиканцам сопутствовал успех – они дошли до города Пиньяройя, но штурмовать его своими слабыми силами не могли. Вот если бы это направление было выбрано для наступления в 1937 г.

¹⁴⁴⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.30.

¹⁴⁴⁹ Там же. Л.50–51.

¹⁴⁵⁰ Там же. Д.483. Л.41; Д.499. Л.8.

¹⁴⁵¹ Там же. Д.503. Л.30.

¹⁴⁵² Там же. Д.222. Л.10.

¹⁴⁵³ Там же. Л.11, 14.

¹⁴⁵⁴ Там же. Д.503. Л.33.

Без труда вернув с таким трудом взятый республиканцами Бельчите, франкисты были ненадолго остановлены 5-м корпусом Модесто у Каспе. Затем от Уэски франкисты стали продвигаться к французской границе и в Каталонию.

При этом к началу марта «Рохо не позаботился из под Альфамбра вывести маневренную армию, хотя с 23 февраля по 9 марта было достаточно времени. Причем характерно, когда командующий маневренной армией полковник Менендес предложил Рохо вывести маневренную армию в резерв, как только был сдан Теруэль, то он ему иронически, но вежливо заметил, что в тылу, конечно, легче обучать армию, чем быть на фронте... С началом наступления, когда образовался прорыв и обозначились отдельные ударные фашистские дивизии, то и тогда Рохо, да и кажется наши с ним товарищи, продолжали рассматривать это наступление как вспомогательное и продолжали стоять на месте»¹⁴⁵⁵. Так что дело было не только в Рохо. Ситуация изменилась 14 марта, когда противник оказался под Каспе: «в это время, как казалось, Рохо потерял голову». И не только Рохо. «Прието на военном совете заявил, что война проиграна»¹⁴⁵⁶. Рохо двинул в Арагон и Каталонию маневренную армию и 5-й корпус.

Но тут дали себя знать старые конфликты среди республиканских военных вождей: «А когда старик Миаха узнал, что если мятежники выйдут к морю, то он возглавит в качестве главкома центр и юг Испании, то он ждал выхода к морю противника как манны небесной»¹⁴⁵⁷. «Перепуганное высшее командование и правительство республиканцев, считаясь с возможностью ликвидации Каталонии, спешно перебрасывало все, что могло вырвать из цепких рук генерала Миаха и других командующих армиями на юге и центре Испании в Каталонию, совершенно не заботясь о том, чтобы подкрепить истекающие кровью части 22 корпуса и не допустить проникновения противника к морю»¹⁴⁵⁸, – рассказывал Р. Малиновский.

Ввод войск в сражение проводился неудачно: «пачками» кидали бригады, которые ударные дивизии противника без труда перемалывали, о накоплении сил для контрудара никто не думал¹⁴⁵⁹. По мнению Р. Малиновского, вместо того, чтобы кидать бригады в прорывы, нужно было наносить контрудар Маневренной армией. Только 13 апреля удалось уговорить Рохо, что Маневренная армия должна нанести контрудар. «Характерно отметить, что когда 13 апреля Рохо ставил задачу на контр-удар, то он в него сам не верил и ничего не делал, чтобы его осуществить. Это было сделано для истории. Он этим хотел показать, что попытка контр-удара была, но по обстоятельствам ее не удалось провести»¹⁴⁶⁰. К этому времени от Маневренной армии остались 22-й и 21-й корпуса в неполном составе, а 5-й корпус уже отошел за Эбро¹⁴⁶¹. После выхода франкистов к морю проводить контрудар было поздно – фронт Республики был рассечен, и стало неясно, куда Франко повернет основные силы – на Валенсию или Барселону.

15 апреля франкисты вышли к Средиземному морю южнее Эбро, отрезав таким образом центральную территорию республики от Каталонии и Франции на суше (сообщение по воздуху и морю сохранялось). Перед Франко встала альтернатива – продолжить наступление против Каталонии с шансом захватить промышленную базу республики, или попытаться взять фактическую столицу республики Валенсию. Он избрал второй вариант, но наступление на юг

¹⁴⁵⁵ Там же. Л.52.

¹⁴⁵⁶ Там же. Л.53.

¹⁴⁵⁷ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.483. Л.76. Мечта Миахи сбылась, он стал командовать Центрально-южной зоной, что освободило пост командующего Центральным фронтом (Мадридской армией). На этот пост был назначен полковник С. Касадо, что имело далеко идущие последствия.

¹⁴⁵⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.503. Л.34.

¹⁴⁵⁹ Там же. Л.53.

¹⁴⁶⁰ Там же. Л.57.

¹⁴⁶¹ Там же. Л.58.

выдохлось к началу мая. Боевые действия в Леванте шли с переменным успехом.

Существует мнение, что Франко мог закончить войну уже в мае, повернув на «беззащитную» Каталонию¹⁴⁶². Однако, столь однозначное суждение сомнительно. Даже если допустить, что Каталония пала бы к ногам уже выдыхающейся армии франкистов в мае, война не закончилась бы немедленно. Ведь после реального падения Каталонии в январе-феврале 1939 г. Республика располагала некоторым ресурсом сопротивления (ее падение было ускорено мятежом Касадо). Тем более это относится к середине 1938 г. К тому же Франко не мог не учитывать опасности республиканского удара в тыл франкистам от Валенсии, если начнется наступление на Барселону.

В боях 9 марта – 15 апреля Восточная и Маневренная армии потеряли треть своего состава, свыше 100 тысяч винтовок, 3000 пулеметов, около 50 орудий и 2000 автомобилей¹⁴⁶³. Под огнем противника некоторые части просто рассыпались, и затем бойцов приходилось собирать в тылу с помощью заградотрядов, формируя из них части. При отступлении только через один заградотряд прошло 8000 человек. Испанские заградотряды не стреляли по отступающим, а задерживали их и возвращали в части. В Барселоне нашли 800 неучтенных офицеров. В 209-й бригаде 11 апреля осталось 65 бойцов, а 14 апреля заградотряды собрали беглецов, и в бригаде было уже 980 солдат¹⁴⁶⁴.

Республиканцам оставалось утешать себя тем, что при таких успехах франкисты не смогли уничтожить живую силу разбитых частей, а просто вытолкнули их.

Захват Арагона франкистами усугубил продовольственные трудности. Теперь Республика не могла обеспечить себя продовольствием. В разговоре с Марченко 27 апреля 1938 г. Негрин признавал, что «народ буквально голодает, во многих районах рабочие неделями не получают хлеба, ибо у правительства нет средств на большие закупки зерна»¹⁴⁶⁵.

Объясняя причины поражения Восточного фронта, Малиновский сначала ритуально пишет об окопавшейся в НКТ «банде шпионов, диверсантов, вредителей, скрытых и открытых фашистов», но затем переходит и к более реальным обстоятельствам: бедности вооружения, безынициативности и плохой подготовке офицерских кадров, бедственному положению солдат, которые вынуждены ходить по холоду в парусиновых тапочках, когда магазины ломаются от кожаной обуви. Синдикалистская система снабжения армии осталась в прошлом – и вот результат. Малиновский считает, что «только великое терпение, привычка к нужде и безработность испанского народа сдерживали массы бойцов от разгрома магазинов с обувью и теплыми куртками»¹⁴⁶⁶. Малиновский не застал времени, когда всего год назад испанские трудящиеся не были столь безработными, а производители обуви были куда альтруистичнее, чем нынешние хозяева магазинов. Революция подавлялась силой, и это бедственно сказывалось на положении как тыла, так и армии.

Умиротворение, невмешательство и «непредсказуемый» Сталин

Длющаяся в Испании гражданская война воздействовала на ситуацию в Европе как болезнь, к которой привыкают. Ощущение драматической борьбы и многообразных угроз, связанных с войной в 1936–1937 гг., в начале 1938 г. уже притупилось. Германия выполнила свою задачу 1936–1937 гг., привязав к себе Италию. Британское руководство начинало ощущать, что Испания уже не выполняет роль отвлекающего фактора для Германии и Италии. Франция колебалась между двумя угрозами – образования прогерманского режима в тылу и, с другой стороны, втягивания в войну с

¹⁴⁶² Престон П. Указ. соч. С.235.

¹⁴⁶³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.240. Л.369.

¹⁴⁶⁴ Там же. Д.466. Л.3–5.

¹⁴⁶⁵ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.214. Л.145.

¹⁴⁶⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.483. Л.10–11.

Германией из-за Испании. Опасность революционных искр, разлетающихся из испанского очага, стала не столь актуальной после падения радикального правительства Ф. Ларго Кабальеро. Зато более умеренное правительство Х. Негрина имело (и не без оснований) репутацию прокоммунистического, что ставило в повестку дня появление на западе Европы советского плацдарма.

В этих условиях перед дипломатией Великобритании и Франции встала альтернатива: поддерживать конфликт в равновесии или открыто встать на сторону Франко, чтобы сделать его режим из прогерманского нейтральным в возможном мировом конфликте. Республиканское руководство так и не поняло этой альтернативы, продолжая рассчитывать на то, что Франция «одумается» и поддержит Республику. Однако шанс на это возникал только в случае прямого военного столкновения Франции и Великобритании с одной стороны и Германии и Италии – с другой.

К войне в Испании «привыкал» и Сталин. Во второй половине 1937 г. там возникло равновесие, что нельзя было сказать об остальном мире. Важнейшее значение для СССР играло начало японо-китайской войны 7 июля 1937 г. Япония давно была потенциальным противником СССР, и, несмотря на старые обиды, Сталин решил поддержать Чан Кайши. Теперь советская помощь поступала и в Китай, и ее объем «вычитался» из того, что СССР мог поставлять в Испанию. Этот театр был даже важнее для СССР, чем Испания – ведь на этот раз борьба развернулась в непосредственной близости от советских границ. Сдерживание Японии на дальних подступах к СССР было для него крайне важным на протяжении всех 30-х гг.

А с весны 1938 г. нарастала и военная угроза на Востоке Европы в связи с Чехословацким кризисом. Так что СССР и сам нуждался в вооружениях. Тем не менее, помощь Испании продолжалась.

Более того, Сталина раздражали и двойственные внешнеполитические маневры Республики за спиной СССР. Негоже стране «народной демократии» иметь самостоятельную внешнюю политику – этим наверняка воспользуются враги.

Хотя посол Гайкис и докладывал, что Асанье и Барриосу близки взгляды о долгосрочном союзе¹⁴⁶⁷ с СССР, однако Сталину уже сообщили, что Асанья ведет рискованную игру со странами Запада за спиной Советского Союза. Во время майского кризиса Асанья, по выражению А. Виньяса, «двинул пешку» – направил Х. Бестейро в Лондон на коронацию Георга VI. «Ларго Кабальеро предложил Мартинеса Баррио как председателя Кортесов, но Асанья был против. Несомненно, он хотел видеть в качестве представителя Бестейро, одного из немногих политиков, которые разделяли его мнение на предмет малой вероятности победы»¹⁴⁶⁸. Коронация Георга VI 12 мая стала европейской дипломатической «тусовкой», где можно было обсудить животрепещущие политические проблемы в неформальной обстановке. Бестейро стал уговаривать английских и французских дипломатов выступить в качестве посредников в достижении мира с Франко. При этом Бестейро так скрывал свои переговоры о мире, что они стали всем известны.

Как справедливо пишет А. Виньяс, «вмешательство Асаньи могло иметь очень тяжелые последствия. Иден говорил об этом с Литвиновым, который также присутствовал на коронации. Последнему подобное вмешательство также не показалось пустячным. Когда в следующем месяце Паскуа¹⁴⁶⁹ проводил одну из своих периодических встреч со Сталиным, Молотовым и Ворошиловым, Сталин спросил о его впечатлениях в связи с ситуацией. Посол передал последнее устное сообщение Ларго Кабальеро, выражавшее твердую уверенность в конечной победе. Трудности заключались в несоответствии и недостаточности вооружения. Посол также добавил, что новое Правительство следует той же линии. Сталин холодно посмотрел на него и бросил ему в лицо: „Так то, что Вы мне говорите, не согласуется с недавними хлопотами представителя президента Республики о приостановлении военных действий и, затем, о посредничестве в

¹⁴⁶⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.70.

¹⁴⁶⁸ Viñas Á. El honor de la República. P.41.

¹⁴⁶⁹ Посол Испании в СССР.

достижении мира“»¹⁴⁷⁰.

Однако этот эпизод хоть и огорчил Сталина, но пока не определял его политики в отношении Республики. Ведь теперь, после свержения строптивного Ларго, она могла воевать «как надо», опираясь не на самоуправленческую социальную революцию, а на твердую дисциплину. Ведь именно это обещали Сталину майские победители, а Штерн заверил, что осенью противник «покатится». От выполнения обещаний зависела и политика Сталина.

* * *

После прихода к власти Негрин всячески демонстрировал советским представителям готовность к самой тесной связи. 23 мая 1937 г. посол Гайкис на встрече с Негрином обсуждал перспективы долгосрочного сотрудничества Испанской республики и СССР как на основе взаимовыгодных экономических отношений, так и идейной близости советских людей и испанцев, готовых сплотиться под руководством объединенной социалистической партии, которая завоюет «в Испании руководящее место» и направит «все дальнейшее развитие Испании по определенному пути»¹⁴⁷¹. Готовность идти «по определенному пути» должна была выгодно отличать «своего» Негрина от «чужого» Ларго.

Так будут говорить с посланниками Сталина лидеры стран «народной демократии» на начальном этапе их существования. Беседа ведется так, будто победа над Франко уже достигнута. Но пока сумели победить только «внутреннего врага» (да и то не окончательно). Гайкис прагматично добавляет, что основа сохранения таких настроений Негрина – советская помощь Испании¹⁴⁷².

Каковы были планы Сталина в отношении Испании Негрина? Следуя за советской историографией и доверяясь официальной позиции СССР, историк А. Виньяс уверен: «Вопреки страхам Франции, Британии, США и прочих, Сталин не собирался устанавливать в Испании начальную стадию народной республики, как в Центральной и Восточной Европе после Второй мировой войны... Этого не позволяли ни геостратегические, ни геополитические обстоятельства»¹⁴⁷³. Сталин, однако, руководствовался не только геополитикой. Если бы не так – он и вовсе не «влез» бы в Испанию. Впрочем, вот-вот Вторая мировая война серьезно переменит и эти геополитические «расклады». Уже в 1939 г. Гитлер будет готов идти на большие уступки СССР. Но для запуска своего плана завоевания Польши Гитлер дождетя падения Испанской Республики. История, таким образом, была полна альтернатив, в которых Республике было место, пока она сражалась.

Мотивы Сталина представляют нерешаемую проблему для историков, которые отрицают его намерение контролировать внутривосточный процесс в Республике. Такие усилия – и ради чего? Чтобы после завершения Гражданской войны просто уйти с доброй улыбкой? А. Виньяс нашел такой мотив: «Сталин надеялся наугад и часто посредством скромной поддержки левых слегка подтолкнуть французов к сопротивлению экспансионистским действиям Оси, хотя и знал, что не стоит ждать от Парижа многого»¹⁴⁷⁴. «Слегка подтолкнуть», хотя уже в 1937 г. очевидно, что «не стоит ждать»? И это должно объяснить те жертвы, которые Сталин принес на алтарь Испанской республики? Все-таки Сталин был кем угодно, только не наивным альтруистом.

Сталин решал в Испании более важные задачи, чем сомнительное «вразумление» Франции. В случае сохранения Республики возникала возможность получить плацдарм на западе Европы с вытекающими из этого многочисленными возможностями. Даже если Республика уже не могла

¹⁴⁷⁰ Viñas Á. Op. cit. P.43.

¹⁴⁷¹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.69.

¹⁴⁷² АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.71.

¹⁴⁷³ Viñas Á. El honor de la República. P.529.

¹⁴⁷⁴ Op. cit. P.529.

победить, ее борьба имела для СССР большой смысл, отвлекая Германию и Италию в направлении, противоположном от Советского Союза. В любом случае для Сталина было важно, чтобы Республика продолжала сопротивляться, а не маневрировать за его спиной. А для этого важно было держать пальцы на пульсе политической системы Республики. Причем желательно недалеко от горла.

* * *

В 1936 г. Испания для СССР была важнейшим направлением европейской политики, но в условиях нарастания угроз и ограниченности ресурсов Советского Союза это не могло продолжаться вечно. Отношение Сталина к Испанской республике нередко связывают с его капризным характером, ставя этот волюнтаристский фактор на первое место наряду с более рациональными мотивами советского лидера. Так, Ю. Рыбалкин утверждает: «Позиция Сталина в отношении Испанской республики была непредсказуемой и менялась в зависимости от его настроения, обстановки на фронтах Пиренейского полуострова и международной арене. Постепенно интерес Сталина к стране „X“ пропал, наоборот, возникло неприятие. С середины 1937 г. на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) чаще стали обсуждать вопросы помощи не Испании, а Монголии и Китаю (страна „Z“), а также проблемы борьбы с „антигосударственными элементами“ внутри страны. Перемены в настроении Сталина сказались на объемах и интенсивности военных поставок Республике»¹⁴⁷⁵. «Капризный» Сталин. Нет бы забыть о Китае и внутриполитических проблемах и заниматься только Испанией...

А. Виньяс комментирует мнение Ю. Рыбалкина: «Наконец, такие авторы как Рыбалкин (2007), вводят личный фактор. Сталин перестал интересоваться Республикой так, как раньше.

Вряд ли это можно объяснить переменами настроения, хотя такой вариант тоже нельзя исключать»¹⁴⁷⁶. Так исключать или не исключать? Все-таки этот вопрос принципиален, ибо категорически поставлен Ю. Рыбалкиным. Были ли паузы в снабжении вызваны настроением Сталина или конкретными военно-политическими причинами? А причины такие были. Помощь «стране Z» (Китаю) была обусловлена не капризным настроением Сталина, а вполне конкретной угрозой с востока.

Несмотря на некоторые колебания, А. Виньяс все же развивает версию о «парадоксальности», то есть в данном случае неразумности поведения Сталина в отношении к Испании в 1937 г.: «Начиная с лета 1937 в динамике внешних поставок создалась парадоксальная ситуация, которая имела драматические последствия для республиканцев. Муссолини продолжил и даже усилил поддержку Франко»¹⁴⁷⁷. А Сталин ослабил поддержку своих верных друзей.

С точки зрения сторонников республиканской «партии порядка», при Ларго Республика не могла победить, потому что это правительство было слишком уж революционным, а при умеренных и рассудительных Негрине и Прието победа забрезжила на горизонте, но помахала Республике ручкой. Кто виноват? Ну конечно Сталин, кто же еще. В самый удачный момент после мая (летом) «парадоксальный» Сталин перекрыл кислород, подчиняясь капризу, перемене настроения: «В свете событий, Негрин и Прието в качестве председателя правительства и министра обороны соответственно, быстро заметили, что ветер с востока больше не дует в том же направлении и с той же силой, что раньше»¹⁴⁷⁸.

Но так ли «быстро» это произошло? Летом ли? И парадоксальным ли образом?

Для А. Виньяса и сторонников версии «Сталин – человек настроения» важно показать, что СССР перестал помогать Республике именно в тот момент, когда она получила надежные шансы на победу. «Когда Республика наконец получила сильное правительство и покончила с

¹⁴⁷⁵ Рыбалкин Ю. Указ. Соч. С. 45–46.

¹⁴⁷⁶ Viñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. P.401.

¹⁴⁷⁷ Op. cit. P.399.

¹⁴⁷⁸ Op. cit. P.407.

внутренними разногласиями, которые сделали безрезультатными многие ее усилия в течение первого года войны, новые руководители, начиная с Негрина и Прието, столкнулись с некоторой отчужденностью Советского Союза. Сталин снова изменил подход в ноябре 1938 г., но было уже слишком поздно»¹⁴⁷⁹. Но испанские лидеры столкнулись с «отчуждением» Сталина не сразу, и новые поставки шли в Испанию все же не только с ноября 1938 г., но и раньше. Поставки продолжались во второй половине 1937 г. и были относительно регулярными – в среднем по одной в месяц, в марте 1938 г. – три, а в апреле – две¹⁴⁸⁰.

Утверждение о том, что Сталин «отвернулся» от Испании именно тогда, когда в Республике образовался «дееспособный» режим, призвано «объяснить», почему эта «дееспособность» вылилась не в победы (а ведь прежде была Гвадалахара), а в сплошные неудачи. В действительности Сталин дал Негрину и Прието достаточно времени, чтобы проявить себя. Советские поставки могли позволить республиканскому командованию успешнее действовать и в июле 1937 г., и в октябре 1937 г., и в январе – феврале 1938 г., и даже в марте – апреле 1938 г. Но оказалось, что между советскими поставками и ходом военных действий нет прямой связи. В декабре 1937 г. республиканцы действовали успешнее, чем в июле – октябре 1937 г. Причины неудач второй половины 1937 г., как мы видели, находились не столько вовне, сколько внутри Республики.

Советские руководители не могли не испытывать разочарования новым республиканским руководством. Если весной Республика, по существу, получила возможность перехватить инициативу, то летом 1937 г. она все еще не сделала этого. Ради чего тогда была вся эта кампания против Ларго Кабальеро? Обещали побед – и не справились, лишь время потеряли на политическую междоусобицу.

Пытаясь переложить на СССР ответственность за неудачи Республики Негрина, А. Виньяс пишет, что помощь Сталина «ослабела в течение двенадцати критических месяцев, с ноября 1937 г. по ноябрь 1938 г. В любом случае она не была достаточной ни для того, чтобы покрыть материальные недостатки Народной армии ни, тем более, быть противовесом постоянных поставок, которые Франко до конца получал от Италии и Третьего Рейха... Когда Негрин принял пост председателя Правительства, Республика, говоря технически, уже проиграла войну»¹⁴⁸¹.

Но Негрин пришел к власти не в ноябре 1937 г. С мая по ноябрь 1937 г. – достаточный срок, чтобы продемонстрировать, что республиканцы стали сражаться лучше. А они при Негрине и Прието стали сражаться хуже. И это был результат их политики, а не изменения политики Сталина.

Решающим был период не 1938 года, а весны – лета 1937 г., когда республиканцы получили возможность перехватить инициативу, когда Франко, сконцентрировав силы на Севере, воевал на два фронта. Вместо того, чтобы сосредоточить усилия на деле победы, на подготовке наступательной операции, коммунисты и социал-либералы увлеченно боролись за власть, а Республика теряла время. Летом они провели операцию в своем стиле и стало ясно, что их методы не лучше, а хуже, чем стиль войны Ларго Кабальеро. После июля 1937 г. шанс перехватить инициативу был практически упущен.

В марте 1937 г. республика еще не проиграла войну. Что же такого случилось за два месяца, прошедшие до прихода Негрина к власти? Ничего катастрофического, кроме падения Ларго Кабальеро и прихода к власти коалиции во главе с Негрином. И хоть это стало ясно не сразу – да, с приходом Негрина Республика проиграла войну. И прежде всего – вследствие

¹⁴⁷⁹ Op. cit. P.411.

¹⁴⁸⁰ Op. cit. P.400.

¹⁴⁸¹ Viñas Á. El honor de la República. P.545. «В том, что касается Сталина, то мог ли он сделать больше? Без сомнения. Республиканцы просили о дополнительной помощи всех, от Штерна до Малиновского, от Марченко и Майского до Литвинова, от Димитрова и Тольятти до Гере, рассчитывая не на любезные „толчки“, но на ходатайства. Сталин игнорировал их все до Мюнхена» (P.532.). Послушать Виньяса, так Сталин должен был разоружить РККА и забыть о Китае, лишь бы спасти Республику в Испании, в которой у него, к тому же, по Виньясу, почти не было интересов. Впрочем, утверждать, что Сталин вообще игнорировал просьбы о поставках оружия до октября 1938 г. – черная неблагодарность идейного наследника Негрина.

внутриполитических причин, установления нового режима в Республике. Именно в силу этого, а также самого политического кризиса, спровоцированного противниками Ларго Кабальеро, в решающий момент войны время было упущено¹⁴⁸².

* * *

Летом 1937 г., «как только советское правительство ослабило помощь, фашистские диктаторы резко увеличили свою. Нет ничего удивительного в том, что Республика оказалась в совершенно проигрышной ситуации»¹⁴⁸³, – утверждает А. Виньяс. Когда точно уменьшили? На какие операции могли повлиять проблемы с поставками? Во всяком случае, не на бездарно упущенные возможности под Брунете и в Арагоне.

Советская помощь к середине мая 1937 г. составила 333 самолета, 256 танков, 60 броневиков, 236 орудий среднего калибра¹⁴⁸⁴. И поставки продолжались. К июню было поставлено 409 самолетов, из которых в строю было 343¹⁴⁸⁵. Это не так мало.

А. Виньяс оценивает соотношение поставок самолетов советского и итало-германского производства с июля 1937 г. как 239–271 к 740–798¹⁴⁸⁶. Присоединяя поставки первых двух с половиной месяцев правления Негрина к поставкам времени Ларго Кабальеро, А. Виньяс стремится доказать, что при Ларго Кабальеро Республика получала значительную помощь, а с приходом Негрина – уже нет. Если 1.10.1936 – 1.8.1937 гг. СССР поставил в Испанию 496 самолетов и 714 орудий, то 14.12.1937 – 11.8.1938 гг. – 152 самолета и 469 орудий¹⁴⁸⁷. Получается, что в первый период было направлено 49,6 самолета и 71,4 орудия в месяц, а во второй – 19 самолетов и 58,6 орудия. Однако эти арифметические манипуляции А. Виньяса как раз и подрывают его аргументацию: получается, что первые месяцы Негрина относятся к периоду «хороших поставок». Более того, поставленная тогда техника продолжала действовать и оказывать влияние на ход войны в следующие месяцы. Одновременно испанцы стали собирать самолеты по лицензии сами (было собрано 230 самолетов, что значительно улучшает статистику – более чем в два раза)¹⁴⁸⁸. Так что считать, что ситуация в середине 1937 г. была заведомо проигрышной, можно только существенно преувеличивая значение внешних факторов по сравнению с внутренними, что является важной чертой концепции А. Виньяса.

Не будем также забывать, что Франко должен был делить свои силы надвое до падения Севера, а республика концентрировала советскую авиацию в центре. И только с началом войны в Китае и серией разочаровывающих военных неудач Республики летом-осенью 1937 г. советская помощь стала ослабевать, но вовсе не прекратилась.

К тому же динамика поставок зависела и от позиции французских властей. Именно поэтому пришлось придерживать их осенью 1937 г. – зимой 1938 г. (блокада на границе и подводное

¹⁴⁸² Г. Штерн писал Ворошилову 1 июня 1937 г.: «Медлительность наших действий, конечно, дает многие козыри противнику, дела которого отнюдь не блестящи, хотя в связи с нашей пассивностью и политическими осложнениями за последний месяц несколько поправились» (РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1015. Л.74.).

¹⁴⁸³ Viñas Á. *Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil*. P.405.

¹⁴⁸⁴ *Op. cit.* P.371.

¹⁴⁸⁵ *Op. cit.* P.375.

¹⁴⁸⁶ *Op. cit.* P.406.

¹⁴⁸⁷ *Op. cit.* P.409.

¹⁴⁸⁸ Не случайно, что при этом А. Виньяс предлагает не принимать в расчет самолеты, которые строились в Испании по лицензии: «Во-первых, в этом случае задействовались собственные ресурсы (которые отвлекались от других видов деятельности), хотя был некоторый зарубежный вклад, как, например, двигатели и, возможно, более сложные элементы, которых в Испании не было» (Viñas Á. *Armas y hombres para España*. P.406.). Но самолеты-то были сделаны и приняли участие в боях.

пиратство в море), а затем лихорадочно проталкивать в марте – июне 1938 г. Как пишет А. Виньяс: «Недостаточная воля увеличивать поставки, которая вменяется в вину Сталину, не смягчалась препятствиями, которые устанавливали французы»¹⁴⁸⁹. Это мягко сказано в отношении французов. Сталин давал столько помощи, сколько мог в сложившихся условиях. А вот французы существенно «регулировали» их поступление через границу, что могло оказаться критически важным. Дорого яичко ко Христову дню.

Ситуация зависела далеко не только от количества самолетов. Так, в июле под Мадридом у франкистов было всего лишь полуторное превосходство авиации. Но начальник республиканской авиации Лопатин слишком часто вызывал истребители и измотал летчиков, в результате чего даже опытные стали биться при посадке. А вот в Сарагосской операции Птухин действовал аккуратнее, в результате чего при равенстве сил обеспечил превосходство республиканской авиации¹⁴⁹⁰.

Как отмечал в своем докладе советский военный советник Арженухин, «переоценивать роль авиации в бою, как это делало испанское командование и некоторые наши товарищи, – неправильно... одна авиация не может заставить покинуть окопы достаточно устойчивую пехоту противника»¹⁴⁹¹. Поэтому даже в условиях превосходства авиации противника республиканцы смогли в декабре 1937 г. взять Теруэль (что обернулось поражением, но, как мы видели, не из-за дефицита авиации у Республики в целом). А затем авиация фашистов сбивала с позиций в Арагоне пехоту республиканцев. Эта пехота здесь теперь была неустойчивой.

Есть и другие претензии к Сталину: «с июля 1937 г., т. е. в переломный момент войны, после падения Бильбао, советская помощь сконцентрировалась на оборонительном вооружении, больше всего на артиллерии, более половины пулеметов и (предполагая более или менее единые критерии) ружей было отправлено в это время.

Изложенное выше подводит нас к очень важным выводам. После того, как Негрин занял пост председателя правительства, т. е. в тот период, когда, по мнению целого ряда авторов, настроенных профранкистски (или антиреспубликанцев, антикоммунистов, сторонников ПОУМ, анархо-синдикалистов, консерваторов, воинов холодной войны или новоиспеченных неоконсерваторов), Сталин устанавливал базу для осуществления своих предполагаемых планов по установлению в Испании народной Республики *avant la lettre*, на самом деле происходило совершенно иное. Если Сталин перестал оказывать помощь с той же или подобной интенсивностью, как раньше, и которая, кроме того, была несравнима с поддержкой, которую предоставляли Франко фашистские державы, стоит спросить себя, как можно было надеяться на то, что республиканцы выиграют войну»¹⁴⁹². Смешав своих оппонентов в одну кучу и по сути объявив их сторонниками профранкистской позиции, А. Виньяс примитивизировал их аргументацию и без труда справился с этим фантомом. Но прочерченные им логические связи сами по себе весьма уязвимы.

По логике Виньяса получается, что Сталин чуть ли не «сдал» Республику в тот момент, когда к власти пришло «оптимальное» правительство. Но трудности с поставками усиливаются позднее. Как мы видели, разбирая ход конкретных операций, весь 1937 год техническое превосходство франкистов не играло решающей роли, а иногда и отсутствовало. Предыдущей помощи и собственных возможностей Республики хватало для того, чтобы пережить перебои в поставках осенью 1937 г.

А. Виньяс исходит из того, что если Сталин не собирался нанести решающий удар по Франко сразу после установления режима Негрина, то он и вовсе отказался от установления контроля над Республикой. Однако одно из другого не следует. Раз уж республиканцы не могут пока победить, несмотря на помощь, оказанную летом 1937 г., они должны сохраняться как фигура в более сложной игре. Сталин вел борьбу не только в Испании, но и на других площадках.

¹⁴⁸⁹ Viñas Á. El honor de la República. P.406.

¹⁴⁹⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.441. Л.20.

¹⁴⁹¹ Там же. Д.499. Л.2.

¹⁴⁹² Viñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. P. 406–407.

И от исхода этой международной борьбы во многом зависела и внешнеполитическая ситуация вокруг Испании. Республика может и должна держаться даже без прежней помощи, пока не изменится обстановка в Европе, после чего можно будет изменить баланс сил на Пиренеях в пользу Республики.

Раз Республика показала свое неумение наступать, даже с помощью современных танков, надо помочь ей обороняться, отправляя артиллерию и пулеметы. Правда, не могло не огорчать, что республиканцы теряют и это оружие. Комдив Вальтер сообщал, что под Медианой часть солдат противника была вооружена «Максимами» и «Дегтяревыми», взятыми под Брунете¹⁴⁹³. Республике нужно помогать, спору нет. Но она должна беречь полученное. А вот такие испанцы, как А. Виньяс, упрекают Сталина: мог бы и больше присылать. Но если бы республиканцы не бросали оружия, его было бы у них больше.

Регулируя помощь в зависимости от сложной внешнеполитической ситуации, Сталин не отказывался от продолжения борьбы в Испании и не собирался отказываться от позиций, которые коммунисты приобрели в Республике. Чтобы оценить замыслы Сталина этого периода в отношении Испании, совершенно недостаточно наблюдения над динамикой советской помощи Испании во второй половине 1937 г. Как показывает опыт «народных демократий», Сталин и в куда более благоприятных условиях действовал постепенно, и устанавливал коммунистические режимы совсем не так, как этого ожидает А. Виньяс. По его мнению, победа в войне была «минимальным условием для установления Сталиным некоего режима, хоть отдаленно похожего на советский, независимо от того, был ли этот вариант реалистичным. Поспешу заметить, что, по моему мнению, таковым он не был (что Сталин, помимо прочего, ясно дал понять самим республиканцам). Геостратегическое положение Испании и геополитические условия тридцатых годов прошлого века существенно отличались от тех, что позволили возвести имперский заслон в Центральной и Восточной Европе, занятых победоносной Красной Армией, которая в этих регионах разбила фашистов и могла устанавливать общие границы с Советским Союзом»¹⁴⁹⁴. Ссылка на обстоятельства Центральной Европы как раз опровергает логику А. Виньяса. Трудно отрицать, что там при Сталине установились коммунистические режимы (причем и в тех странах, с территории которых советская армия была выведена или где ее не было вообще). «Народно-демократические» правительства стали создаваться в 1944 г., еще до разгрома Германии. Однако и до завершения войны, и в первые годы после войны Сталин проводил здесь такую же политику, как и в Испании в 1937–1938 гг. – заверял республиканские власти в том, что многопартийность будет сохранена, в то время как коммунисты и их сторонники занимали важные посты в силовых структурах. Когда время придет, можно будет объединить коммунистов и сторонников просоветской политики в объединенную партию, и зачистить оппозицию. Негрин был не против такого сценария, но Сталин не торопился. Момент был не подходящим – всякому овощу свое время.

* * *

Испанское правительство, говоря словами посла Паскуа, признавало, что «главной опорой этого правительства была до сих пор активная помощь, оказываемая ему со стороны СССР в военном и экономическом отношениях»¹⁴⁹⁵. Но за это испанцы требовали усиления помощи, причем не только оружием, но и продовольствием. А если у СССР нет возможностей «подкормить» испанцев, то и дружба может оказаться под сомнением. Поэтому сохранение просоветского курса Республики требовало внутривнутриполитических гарантий.

На первый взгляд, у Республики «внешняя стратегия не менялась, в отличие от того, что произошло с внутренней политикой. Внешняя стратегия может быть сведена к одной линии поведения: вместе с демократическими государствами – в той мере, в какой будет возможно, с

¹⁴⁹³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.412. Л.9.

¹⁴⁹⁴ Viñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. P.407.

¹⁴⁹⁵ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1149. Л.32.

Советским Союзом – обязательно»¹⁴⁹⁶. Однако в конкретном воплощении эти два курса мешали друг другу и имели разных политических носителей. С одной стороны – коммунисты, которые играли в большую макрополитическую игру под руководством Сталина. Их ставка была больше, чем Испания, и именно в силу этого они готовы были защищать Республику до последнего патрона.

Но в СССР знали, что сохраняет значительное влияние «партия мира», которая может сорвать игру, сдать важную испанскую позицию. Часть республиканцев, Эскера, баски при «сочувствии Асанья» обсуждали возможность создания республиканского правительства без коммунистов, которое могло бы заручиться поддержкой Англии и Франции¹⁴⁹⁷.

Равнодушие Франции к просьбам Республики о помощи лишало перспективы либеральную внешнеполитическую альтернативу. Но если бы курс Франции изменился, это усилило бы правое крыло правительства, что сказалось бы на внутреннем курсе, поставив под угрозу политику коммунистов в Испании.

Негрин пытался удерживать баланс между «партией мира» и коммунистами. Он не был принципиальным сторонником борьбы до конца, но понимал, что в условиях поражений надежды на почетный мир с Франко нереалистичны. И Негрин, и Прието, и Асанья видели выход уже не в победе, а в том, чтобы «укрепив», усилив Республику, заставить Франко пойти на перемирие, закончить войну «вничью». По мнению У. Гарсиа, «это был общий ключевой вопрос, который, тем не менее, с весны 1938 г. разделил политические силы республиканцев на два блока»¹⁴⁹⁸. Разумеется, это разделение началось задолго до весны 1938 г. Речь идет о сторонниках более активного ведения войны и более активных поисков мира, «партии войны», ядром которой была КПИ, и «партии мира», которую уже давно возглавлял Асанья и теперь укрепил Прието. Усиление «партии мира» активизировало правых политиков, которые вынуждены были выжидать в обстановке «разгула революции» 1936–1937 гг. На арену все активнее стал выходить Х. Бестейро, с позицией которого сблизился И. Прието. Это привело к новой перегруппировке сил в ИСРП, когда правое («центристское») крыло партии Прието-Негрин, существовавшее в 1936–1937 гг., разделилось на центристское (Негрин) и правое (Прието – Бестейро).

Кроме «партии мира» в Республике проявляла себя и «партия войны» – большой войны. При чем это могли быть одни и те же люди. Ведь Большая война в Европе давала Испании шанс на мир.

29 мая 1937 г. республиканцы при бомбардировке франкистского порта Ибица попали в немецкий крейсер «Дойчланд». 31 мая немцы в ответ обстреляли Альмерию и взяли курс на выход из Комитета по невмешательству.

31 мая Генеральный штаб направил записку совету министров об обстреле немцами Альмерии со «свежей идеей» – не утопить ли в ответ немецкие суда? «Генеральный штаб полагает, что необходимо внести ясность на международной арене, покончив с нынешней фикцией, будто Германия и Италия не ведут на деле войны, что является единственной возможностью выявить нынешнее действительное положение, когда Испания ведет борьбу против трех государств»¹⁴⁹⁹. Однако Испания вела эту войну не одна, а в союзе с СССР (во всяком случае, танкисты и пилоты прямо участвовали в военных действиях). Но это не смущало начальника Генштаба В. Рохо. Чтобы противостоять Германии, необходимо «вызвать международную войну большого объема»¹⁵⁰⁰. Доклад подписал также и.о. главного военного комиссара – коммунист Михе.

¹⁴⁹⁶ Viñas Á, Hernández Sánchez F. El desplome de la República. Barcelona, 2009. P.410.

¹⁴⁹⁷ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.87.

¹⁴⁹⁸ García H. La charca política republicana (1936–1939). // Economía y economistas españoles en la Guerra Civil. V.1. P.216.

¹⁴⁹⁹ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.75.

¹⁵⁰⁰ АВП. Ф.05. Оп.17. П.131. Д.49. Л.77.

Это предложение вызвало паническую реакцию в правительстве, распоясавшимся военным объяснили их место в политической иерархии и запретили атаковать немецкие суда. Большая война не входила в это время в планы как СССР, так и Франции и Великобритании. Так что Испания осталась бы в изоляции как формальный агрессор перед лицом открытого нападения Германии и Италии. Но именно в эти дни с полной обнаженностью была сформулировано условие выживания Республики – дожить до большой войны в Европе.

После инцидента с «Дойчланд» республиканской авиации было запрещено бомбить базы фашистов¹⁵⁰¹. Однако республиканский флот продолжал вести себя «неосторожно». 15 и 18 июня был обстрелян германский крейсер «Лейпциг».

23 июня Италия и Германия заявили о прекращении участия в патрулировании испанского побережья. Это был серьезный удар по игре в «невмешательство», который обеспокоил дипломатов Франции и Великобритании, вызвав раздражение авантюризмом республиканцев.

Сняв с себя ответственность за патрулирование в интересах «невмешательства», союзники Франко перешли к более решительным действиям на море. Италия развернула подводный террор в Средиземном море. Поскольку страдали суда даже «владычицы морей», это привело в июле 1937 г. к нарастанию напряженности в англо-итальянских отношениях¹⁵⁰². Оказалось, что и Великобритания, и Италия привыкли считать Средиземное море своим. Муссолини грезил о возрождении Римской империи, для которой Средиземное море было внутренним озером, а для Британии это была магистраль в Суэцкий канал и дальше в Индию.

Но главной мишенью фашистов были, конечно, советские корабли. 30 октября 1936 г. – 9 апреля 1937 г. был задержан 81 советский корабль, к июлю 1937 г. потоплено 3 советских корабля. В августе 1937 г. «неизвестные подводные лодки» разбушевались еще сильнее. Они атаковали 17 нейтральных судов, в том числе 7 британских, топили суда не только в испанских территориальных водах, но и в Эгейском море и даже у Дарданелл.

Итальянские подводные лодки атаковали суда без предупреждения и не помогали спастись командам потопленных судов. В ночь на 1 сентября итальянцы торпедировали английский эсминец. В следующие два дня они утопили английский танкер и три советских парохода. За первую половину сентября еще шесть британских кораблей были атакованы в Средиземном море. Это было уже слишком.

Великобритания и Франция предложили заинтересованным сторонам провести конференцию по этому вопросу. Италия отказалась, СССР и Испанская республика решили участвовать, чтобы разоблачить итальянских пиратов¹⁵⁰³.

14 сентября 1937 г. в Нионе было подписано соглашение, по которому британскому и французскому флотам поручалось поддержание безопасности судоходства в Средиземном море, при содействии других желающих держав. Их кораблям разрешалось топить подводные лодки, которые атакуют торговые суда. Но СССР не планировал участвовать в патрулировании – у него не было баз в этом регионе. Создать базу на территории Испании Сталин не решился, чтобы окончательно не оттолкнуть Францию советским военно-морским присутствием в непосредственной близости от Марселя.

Агрессор назван не был, что вскоре позволило Италии... присоединиться к патрулированию. Соответствующее соглашение было подписано 30 сентября. Англо-французская эскадра не заходила в итальянскую зону ответственности, где флот Муссолини «искал» собственные подводные лодки.

¹⁵⁰¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.409. Л.1об.

¹⁵⁰² Подробнее см.: Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и Европа: международные аспекты конфликта. М., 2011.

¹⁵⁰³ Советская дипломатия серьезно готовилась доказывать англичанам и французам то, что они знали и так: пиратствуют не испанские, а именно итальянские фашисты. 1 сентября 1937 г. НКВД СССР специально запросил испанского посла М. Паскуа: «Можно ли утверждать, что в распоряжении мятежников не имеется подводных лодок, которые до мятежа входили в состав испанского флота» (АВП. Ф.097. Оп.14. П.2. Д.1. Л.8.).

Для обеспечения Ниона было выделено 35 английских и 25 французских эсминцев¹⁵⁰⁴. Через два дня после подписания Нионского соглашения Великобритания и Франция заявили, что раз их флот будет занят поиском подводных лодок, он прекращает патрулирование испанского побережья.

3 октября 1937 г. был атакован британский эсминец. С января 1938 г. возобновились систематические потопления нейтральных, в том числе британских судов.

Министр иностранных дел Великобритании Э. Иден маневрировал между СССР и фашистскими государствами, стараясь удерживать равновесие сил. Он стремился к тому, чтобы война увенчалась созданием в Испании правительства либерально-консервативной коалиции. Если бы СССР не согласился на это, то Иден считал возможным добиться той же цели в согласии с Италией и Германией¹⁵⁰⁵. Одна загвоздка – ни Франко, ни Гитлер, ни Муссолини не собирались идти на уступки в испанском вопросе, считая, что время работает на них (а с мая 1937 г. по осень 1938 г. это действительно было так). В итоге Идену осталось придерживаться классического невмешательства, то есть осторожного сдерживания фашистского вмешательства в Испании.

20 февраля 1938 г. Иден ушел в отставку, и его сменил один из адептов умиротворения Э. Галифакс. После этого премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен взял курс на масштабные уступки Германии, включая и «сдачу» Испанской республики.

Однако результаты перемен в Лондоне не могли сразу проявиться на Пиренеях. Дело в том, что для Франко и Муссолини было принципиально важно перекрыть морские пути поступления помощи Республике, и в этой своей борьбе они зашли слишком далеко, продолжая топить британские суда. Британский представитель был отозван из Бургоса. Скандал достиг таких масштабов, что возникла «угроза» возвращения Идена. Чтобы сохранить лицо, Чемберлену пришлось выжидать. Только в июле Франко обратился к Чемберлену с заискивающим письмом, после которого Лондон счел конфликт исчерпанным, и смог повернуться лицом к Бургосу¹⁵⁰⁶.

16 апреля 1938 г. был подписан англо-итальянский договор о дружбе и сотрудничестве, по которому Италия согласилась на вывод войск из Испании за признание своих прав на Эфиопию. Но при этом с согласия Великобритании Италия не обозначила сроков вывода войск. Муссолини обещал в конце концов (то есть по окончании Гражданской войны, которое Дуче ждал через месяц) вывести свои войска из Испании кроме Балеарских островов, где планировал создать итальянскую базу.

Англо-итальянское соглашение вызвало неприятные чувства в Париже. Туманный Альбион опять решил свои проблемы за счет партнера, согласившись на создание итальянской военной базы в самом «подбрюшье» у французов, между Марселем и Алжиром.

Но вместо того, чтобы осознать опасность «невмешательства» для военно-политических интересов самой Франции, парижские политики решили задобрить Лондон, а через него и Рим, еще теснее привязавшись к колеснице «умиротворения». Литвинов докладывал Сталину 29 мая о том, что партнеры взяли курс на изоляцию СССР ради сближения с Италией: «Английское и французское правительства считают нынешнее положение в Лондонском комитете камнем преткновения для дальнейшего развития своих переговоров с Италией и ослабления оси Берлин-Рим... Я указал сегодня английскому поверенному в делах на странное понятие Галифакса и Бонне о сотрудничестве. Они согласовывают между собой и с представителями фашистских стран определенные схемы, и нам предлагают к ним присоединиться, – и это называется сотрудничеством»¹⁵⁰⁷. Один из отцов политики коллективной безопасности Литвинов, с болью

¹⁵⁰⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.431. Л.2.

¹⁵⁰⁵ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004. С.80.

¹⁵⁰⁶ См.: Престон П. Указ. соч. С. 236–238. «Мы не можем оценить, какой опыт получил Сталин в результате гражданской войны в отношении поведения демократий и его влияния, если таковое было, на его личное руководство внешней политикой в беспокойный период с марта по июнь 1939 г.» (Viñas Á. El honor de la República. P.530.), – пишет А. Виньяс. Вывод, который мог сделать Сталин, был очевиден: Великобритании и Франции нельзя доверять.

¹⁵⁰⁷ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1149. Л.158–159.

воспринимавший ее распад, пытался таким образом показать, что война в Испании мешает отношениям СССР и Запада. Но этим отношениям мешала не война в Испании, а политика умиротворения в принципе (препятствием для проведения которой была Испания).

Политика умиротворения была не просто интригой западных элит, она соответствовала настроению общества. Эренбург рассказывал: «Многие из левых интеллигентов, хотя они и кричали с другими: „Долой невмешательство!“ – слушая рассказы о Мадриде, о Гернике, про себя думали: „Все-таки хорошо, что у нас мир! До Мюнхена было уже недалеко...“»¹⁵⁰⁸. Негрин тщетно добивался у французов военной помощи. Максимум, что они были готовы сделать для Республики – это иногда пропускать советскую помощь.

События в Испании развивались параллельно с нарастанием кризиса в Центральной Европе. 9 марта 1938 г. Франко начал наступление в Арагоне, 10–11 марта был осуществлен Аншлюс Австрии, приковавший к себе внимание мировых держав.

13 марта к власти во Франции вернулся Л. Блюм – сторонник политики «невмешательства» в ее изначальном смысле. Столкнувшись с тем, что равновесие в Испании нарушено в пользу франкистов, 17 марта он открыл границу для скопившихся на юге Франции грузов, предназначенных республиканцам (фактически они просачивались уже с октября 1937 г., но теперь помощь пошла быстрее). Эта мера оказалась запоздалой.

Переход от «невмешательства» к более радикальной фазе «умиротворения» нес прямую угрозу не только Испанской республике, но и СССР, причем далеко не только на испанском направлении. Со ссылкой на итальянских дипломатов советские разведчики сообщали в мае-июле 1938 г., что не позднее января 1939 г. на СССР будет произведено нападение широкой коалиции от Великобритании до Японии. При этом основной удар будет нанесен Германией через территорию Польши¹⁵⁰⁹. Сейчас эти сообщения выглядят фантастически, но некоторые их детали затем подтвердились – прежде всего о соглашении Британии и Германии при решении «чешского» и «испанского» вопросов, о полном подчинении Чехословакии Берлину. Также разведка заранее сообщила, что создание коалиции тормозится из-за затяжки в решении «испанского вопроса»¹⁵¹⁰. Скорее всего, информация (дезинформация) итальянцев отражала надежды Муссолини, которые сбылись лишь отчасти и приватно обсуждались с немецкими и британскими кругами. Даже если эта информация была частично верной (а считать так у советских руководителей были все основания), СССР был кровно заинтересован в продолжении сопротивления Республики. Пока она боролась, откладывалось решение «советского вопроса».

При этом после поражения в Арагоне начинается период, когда республиканские заявки на советские поставки удовлетворяются медленно или не удовлетворяются вовсе. Этот период длится с апреля до ноября-декабря 1938 г., когда Сталин, по выражению Ю. Рыбалкина, «сменил гнев на милость»¹⁵¹¹. Впрочем, это не значит, что в апреле-ноябре 1938 г. «операция X» замораживается полностью, хотя с марта 1938 г. проводится в кредит (в августе Испания гасит задолженность перед СССР, что, впрочем, привело к исчерпанию золотого запаса, ранее вывезенного в СССР)¹⁵¹². Однако факт спада помощи в апреле-ноябре 1938 г. был вызван не мифическим «гневом» Сталина, а куда более прагматическими обстоятельствами – нужно было протолкнуть уже выделенную помощь в Испанию, а затем приготовиться к событиям, назревающим в Центре Европы. Здесь становилось «жарко», и Испания окончательно отошла на задний план. Но СССР вовсе не был намерен отказываться от Республики как запасной фигуры – ведь она продолжала сковывать Италию и тем срывать план создания широкой антисоветской коалиции.

Франция тоже продолжала колебаться, и это сказывалось на ритме поставок. Характерно,

¹⁵⁰⁸ Эренбург И. Г. Указ. соч. С.635.

¹⁵⁰⁹ Вестник Архива Президента РФ. СССР – Германия 1933–1941 гг. М., 2009. С.163.

¹⁵¹⁰ Там же. С.164.

¹⁵¹¹ Рыбалкин Ю. Указ. соч. С.47

¹⁵¹² См. Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 98–99.

что, несмотря на падение правительства Блюма в апреле, правительство будущего «мюнхенца» Э. Даладье продолжает проталкивать советские вооружения через границу до 13 июня. То есть до этого момента новые поставки не имели смысла, ибо становится очевидно – французы вот-вот снова закроют границу, когда переправят то, что накопилось. Относительная «пауза» в советских поставках фактически сужается до июля-ноября 1938 г., и связана как с позицией Франции, так и с кризисом в Центральной Европе.

«Партия войны» против капитулянтов

В конце 1937 г. майская коалиция могла наслаждаться ощущением политических и военных успехов. Однако уже в начале 1938 г. стало ясно, что Теруэльская операция обернулась поражением, и настало время «искать виноватых». В начале 1938 г. майская коалиция раскололась, и новым объектом атаки стал Прието.

Во второй половине 1937 г., как отмечали советские специалисты, Прието предпринимал усилия «по упрочению своего влияния: сначала соцпартия, где процесс вышибания кабальеристов из местных организаций почти закончен, затем профсоюзы, где после создания нового исполкома УГТ дело Кабальеро можно считать проигранным. Теперь – политическое руководство армии, которое он имеет основание рассматривать как кабальеровское наследство и потому он не доверяет»¹⁵¹³. Но Прието не мог подкрепить свои политические успехи военными. К тому же даже после победы над кабальеристами он не контролировал ИСРП из-за противоречий с фракцией сторонников союза с коммунистами и СССР (Альварес дель Вайо и другие)¹⁵¹⁴, за которыми стоял и сам Негрин.

«Действительным вопросом, стоявшим за полемикой между Негрином и Прието, который никто из них не затрагивал, была опека Советского Союза, выражавшаяся, помимо прочего, в огромном влиянии коммунистов. Будучи главным действующим лицом в деле отправки золота в Москву, Негрин оказался неисправимо связан последствиями этого и без колебаний последовал за политикой Сталина и коммунистов, в которых он видел, или хотел видеть, гарантию победы того, что он называл „основой свободы и демократии“. Загадка, созданная вокруг его поведения, в большой степени искусственна, как и другие, связанные с войной. Негрин просто вел себя последовательно в рамках создавшейся ситуации и в разных случаях выражал свою горячую приверженность Сталину и коммунистам...»¹⁵¹⁵, – пишет испанский историк Л. Пио Моа. Эта распространенная точка зрения является несколько упрощенной. Между Негрином и коммунистами существовало небезосновательное недоверие. Тем более наивно считать, что Негрин был как-то «повязан» передачей испанского золота – ведь золото передавалось официально в счет оплаты поставок вооружений и с ведома Ларго и Асаньи – вовсе не столь лояльных. Так что А. Виньяс прав, когда возмущается: «Негрину, в частности, изображают марионеткой КПИ, или, еще хуже, кремлевских деятелей»¹⁵¹⁶. Но и обратное – Негрин как самостоятельный, свободный от коммунистического влияния политик – тоже неверно. 4 июля 1938 г. Негрин писал Бланко: «Несмотря на то, что в качестве председателя Правительства я мог бы налагать вето на кандидатуры, предлагаемые моими коллегами, я привыкаю не делать замечаний, даже в том случае, когда это назначения в Совет министров»¹⁵¹⁷. Бланко, конечно, знал, что при его собственном назначении решающим был голос не НКТ, а Негрина. Однако высказывание Негрина не было простым кокетством, тем более, что дискуссия возникла из-за

¹⁵¹³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.421. Л.2.

¹⁵¹⁴ Там же.

¹⁵¹⁵ Pío Moa. Op. cit. P.445.

¹⁵¹⁶ Viñas Á. El honor de la República. P.532.

¹⁵¹⁷ Cit. Viñas Á. El honor de la República. P.483.

назначения коммуниста Э. Кастро. Если кандидатуру предлагала КПИ, Негрин не мог возражать.

Как считает историк У. Гарсиа, «растущая изоляция Негрина постепенно усиливала его зависимость от „партии войны“, несмотря на его попытки освободиться от этого неудобного союзничества. Зная о том, что связь с Испанской коммунистической партией увеличивает его непопулярность, в начале декабря Негрин предложил слить все партии республиканского толка в некий „народный фронт“. Эта запоздалая попытка покончить на раз с пресловутой раздробленностью испанских левых провалилась в результате единодушного отказа партий»¹⁵¹⁸. Но мнение партий – дело поправимое. Собственно, нужно было согласие одной партии – КПИ, а от остальных можно было включить «прогрессивные крылья», как это делалось в Восточной Европе десятилетие спустя.

А. Виньяс считает союз Негрина и коммунистов ситуативным. Но без этого союза Негрин не мог оставаться у власти. «Коммунисты и Негрин (вместе с сектором ИСРП) шли вместе в течение долгого времени, веря в способность усиленной Народной армии к сопротивлению и в то... что обстоятельства на международной арене в последний момент помогут делу Республики. По мере ухудшения ситуации возрастала тенденция коммунистов к упорному сопротивлению. Когда разница в стратегии КПИ и Негрина стала очевидной, последний попытался главным образом спасти как можно больше республиканцев. То, что стратегия совпадала только временно, подтверждает, помимо прочего, намерение Негрина обойтись без коммунистических министров и командующих, если брешь будет заполнена демократиями»¹⁵¹⁹.

В Москве замечали некоторую двойственность в поведении Негрина. Он дружил с коммунистами нехотя. В случае гипотетической победы республики Испания оказывалась в том же положении, что и «народные демократии», в том числе не занятые советскими войсками. При дальнейшем расширении власти коммунистов Негрину и Асанье пришлось бы выбирать между судьбами Э. Бенеша и П. Грозу. Однако под давлением Великобритании и Франции республика могла остаться в западном лагере. Вот это положило бы конец власти Негрина, который уже скомпрометировал себя в глазах Запада слишком тесным сотрудничеством с коммунистами. Аналогично, Негрин терял власть в случае компромисса с Франко, хотя и сохранялся как лидер прокоммунистического блока или одной из мелких социалистических фракций. Таким образом, в случае сохранения Республики Негрину снова пришлось бы выбирать между политической маргинализацией и прокоммунистической политикой. Судьба связала его политический успех с коммунистами. И только крах Республики освободил его от этих оков (впрочем, и от членства в ИСРП тоже – из своей партии Негрин был исключен в 1946 г. за прокоммунистическую политику периода Гражданской войны).

«Казалось, Испания обрела своего Шарля де Голля, но не сохранила и потеряла»¹⁵²⁰, – ищут место в истории для своего героя историки А. Виньяс и Ф. Эрнандес. Это – удачное сравнение, но не в связи с их государственной деятельностью, а с обстоятельствами более важными для судеб Негрина и де Голля. Де Голль в 1944 г. вернулся во Францию в обозе союзников. У Негрина не нашлось союзников, которые побили бы за него Франко и вернули его на родину в 40-е годы. Но известно, что после Второй мировой войны судьба Франко висела на волоске из-за перипетий Мировой и «Холодной» войн. Так что у Негрина и в эмиграции оставался шанс стать де Голлем. Но зависело это уже не от испанцев.

Политическая судьба Негрина зависела от внешних обстоятельств – даже если бы Республика устояла до начала Второй мировой войны. От него самого зависело уже совсем мало, но это малое было важно – сколько месяцев в 1939 г. продержится Республика.

Негрин не был готов сражаться до последнего патрона, но собирался держаться, сколько получится. Прието решил, что сражаться дальше бессмысленно, и потому сам уже не держался за место в правительстве. Военный министр выступал за скорейшие мирные переговоры с

¹⁵¹⁸ García H. Op. cit. P.217.

¹⁵¹⁹ Viñas Á. Op. cit. P.532.

¹⁵²⁰ Viñas Á, Hernández Sánchez F. Op. cit. P.463.

противником. Его поддержал президент Асанья¹⁵²¹. Против выступили коммунисты и Негрин. На улице шли манифестации коммунистов, негринистской части ИСПП, ВСТ и НКТ против капитулянтов за «правительство войны». НКТ после колебаний сделала свой выбор, выступив против Прието вместе с коммунистами.

После очередной атаки на Прието на массовом коммунистическом митинге 27 февраля, где Д. Ибаррури прямо обвинила его в поражениях, 1 марта Прието написал заявление об отставке. Однако Негрин колебался. Казалось, Прието нечем заменить, кроме коммунистов. А КПИ не была готова взять на себя всю ответственность за войну вместе с постом военного министра. 6 марта Диас заявил, что КПИ готова поддержать Негрина, если он сам готов разорвать с капитулянтами.

Начавшееся сражение за Арагон заставило отложить принятие решения, но лишь усугубило проблему. Новое поражение окончательно лишило Прието веры в успех дела, о чем он прямо говорил на заседании правительства 29 марта, после которого подал в отставку 30 марта.

Начался новый правительственный кризис. Асанья, собрав представителей партий для консультаций о новом правительстве, снова стал обсуждать возможность соглашения с Франко. Тогда Диас заявил президенту, что он начинает «злоупотреблять своей властью»¹⁵²², обсуждая вопрос о заключении мира. Президенту указали его место – не он будет решать вопрос войны и мира, а будущее правительство.

В сложившихся условиях Сталин предпочитал отвести компартию в тень, сохранив за ее членами теневые посты (на уровне заместителей), сделав фасад Республики более социал-демократическим. Но испанские коммунисты предпочитали остаться в правительстве, а Эрнандес, узнав об «основном совете» Москвы, разочарованно сказал: «Это означает потерять все»¹⁵²³. 20 марта Сталин согласился на то, что коммунисты могут остаться в правительстве¹⁵²⁴.

* * *

В условиях наступления франкистов НКТ все же решила пойти на сближение со своими оппонентами. 15 марта было подписано соглашение о сотрудничестве НКТ и ВСТ и создан комитет связи (переговоры о его создании не прекращались все предыдущие месяцы¹⁵²⁵). В апреле 1938 г. был заключен пакт о сотрудничестве между НКТ и ВСТ, который предполагал «признание, что коллективы должны получить законные формы и что, таким образом, узаконение вопроса необходимо, чтобы установить, какие из них могут продолжать существовать, условия их существования и работы, и в каких вопросах государство может иметь в них право слова». Согласие коллективов на дополнительную легализацию обуславливалось оказанием им государственной помощи. Предусматривалось планирование всего испанского хозяйства Национальным комитетом экономики, введение минимальной зарплаты, зависимость зарплаты от количества и качества труда¹⁵²⁶. В обмен на признание НКТ государственного планирования промышленности ВСТ обязался поддерживать рабочий контроль и препятствовать насильственному роспуску коллективов¹⁵²⁷.

Объясняя необходимость соглашения со вчерашними противниками, газета НКТ «Земля и

¹⁵²¹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.20. Д.284. Л.2. Его представитель в правительстве Хираль, как докладывал представитель Коминтерна, «заявляет всем, что война проиграна» (РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1149. Л.147.).

¹⁵²² РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1149. Л.147.

¹⁵²³ Там же. Л.149.

¹⁵²⁴ Viñas Á. El honor de la República. P. 376–379.

¹⁵²⁵ IISH. Paquete 36 D 3, «Acta de...» P.1.

¹⁵²⁶ Richards V. Op. cit. P. 172–174.

¹⁵²⁷ Thomas H. Op. cit. 816.

воля» писала: «Те, кто разделяет идеи Бакунина и те, кто разделяет идеи Маркса, объединились сегодня и будут объединены завтра, чтобы спасти народ Испании и его революцию... Но между диктатурой и свободой, между государственной централизацией и прямым объединением людей – огромная дистанция...»¹⁵²⁸.

Отношения с государственниками продолжали вызывать разногласия в руководстве НКТ. П. Тольятти относил к сторонникам единства М. Васкеса и О. Прието, а к противникам – каталонских лидеров НКТ, Гарсиа Оливера, Монтсени и Лопеса. По данным коммунистов ФАИ саботировала через свои ячейки работу «коллорабационистской» группы Васкеса. Но и Васкес не допускал проникновения коммунистов в НКТ¹⁵²⁹, так что разногласия двух крыльев либертарного движения были чисто тактическими.

В тяжелых условиях 1938 г. пакт с ВСТ стал все же успехом анархо-синдикалистов. ВСТ, контролируемый марксистскими партиями, был вынужден признать коллективизированную собственность и необходимость оказания коллективизированным предприятиям финансовой помощи. Устами ВСТ режим признал синдикалистский сектор экономики, против которого несколько месяцев назад вел настоящую войну. Коммунистам нужен был союз с НКТ, поскольку анархо-синдикалисты по-прежнему пользовались большим влиянием на рабочих. П. Тольятти писал: «Профсоюзы, принадлежащие к Национальной конфедерации труда, в частности их низовые организации, были более активны, нежели профсоюз ВСР и больше интересовались нуждами масс»¹⁵³⁰.

Новый правительственный кризис поставил анархо-синдикалистов в трудное положение – любая позиция в этом конфликте заставляла их поддержать вчерашнего противника. Среди лидеров НКТ и ФАИ все заметнее проявлялись разногласия по поводу перспектив войны. О. Прието и С. Бланко считали, что военным путем победить франкизм уже не удастся. Категорически против этой позиции выступили Х. Доменек и поддерживавший в это время политику Негрина М. Васкес. О. Прието заявил, что республика превратилась в игрушку СССР и что военное превосходство Франко скоро позволит ему диктовать свои условия. Поэтому мирные переговоры необходимы уже сейчас. Х. Доменек в ответ нарисовал романтическую картину: «война не закончится, пока живо древо Каталонии и хотя бы один член ФАИ, стоящий перед ним»¹⁵³¹. 1 апреля НКТ, ФАИ и Федерация либертарной молодежи вошли в Народный фронт и призвали к мобилизации 100000 новых добровольцев в республиканскую армию.

В апреле 1938 г. было создано Либертарное движение Испании (НКТ-ФАИ), включившее в себя НКТ, ФАИ и Федерацию либертарной молодежи.

НКТ согласилась войти в правительство Негрина. Негрин выбрал в качестве министра образования и здравоохранения кандидатуру Сегундо Бланко из предложенного НКТ перечня (впоследствии министр НКТ тяготел скорее к Негрину, чем к Конфедерации¹⁵³²). Но его присутствие в правительстве помогло ограничить репрессии против анархо-синдикалистов¹⁵³³.

Право премьера выбирать, кто будет представлять либертарное движение в правительстве, возмутило лидеров ФАИ. Несмотря на это, сама ФАИ не отказывалась от теснейшего сотрудничества с правительством. 8 апреля Иберийский комитет ФАИ направил письмо министру юстиции, в котором говорилось: «После ее (федерации – А. Ш.) вступления в Народный фронт Испании и Народный фронт Каталонии считаем принципиальной обязательную необходимость

¹⁵²⁸ Richards V. Op. cit. P.175.

¹⁵²⁹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.20. Д.284. Л.29.

¹⁵³⁰ Там же. Л.28–29.

¹⁵³¹ Op. cit. P.315.

¹⁵³² Gomez Casas J. Op. cit. P.248.

¹⁵³³ Thomas H. Op. cit. P.815.

нашего представительства во всех структурах, созданных жаром революции и войны»¹⁵³⁴. За этой витиеватой формулировкой – стремление к усилению своего присутствия в государственных структурах республиканской Испании.

Теперь, после ослабления анархо-синдикалистов и отставки Прието, коммунисты могли не скрывать своих стратегических намерений, во всяком случае внутри страны. 23 марта передовица «Мундо обреро» провозгласила перспективу борьбы вплоть до коммунистической революции¹⁵³⁵.

* * *

6 апреля было сформировано новое правительство Негрина без приетистов. Но на этот раз правительство формировали не партии и организации коалиции, а лично Негрин, подбиравший в свою команду политиков разной окраски. Негрин ушел с поста министра финансов и занял пост министра обороны. Близкий к нему П. Гомес возглавил министерство внутренних дел. Человеком Негрина давно стал и Альварес дель Вайо, близкий также к коммунистам – он занял важный пост министра иностранных дел. Республиканцы А. Велао и Б. Хинер де лос Риос заняли соответственно кресла министров общественных работ и связи и транспорта. Каталонский националист Айгуаде продолжил занимать пост министра труда, Ирухо и Хираль остались в правительстве без портфеля. В правительство вошел анархо-синдикалист Бланко, который стал министром образования и здравоохранения. Представитель ВСТ Рамон Гонсалес Пенья занял пост министра юстиции. Министры этого кабинета, принадлежавшие к разным партиям и организациям, принадлежали на деле к «партии Негрина» – «последовательно проводили политику правительства, несмотря на пропасть, которая ширилась между последним и взглядами их соратников по партии»¹⁵³⁶. Исключение составляли коммунист Урибе (сельское хозяйство) и представители национальных меньшинств, следовавшие политике своих организаций. Однако националисты потеряли реальное влияние – у басков не было территории, а Эскерра потеряла власть в Каталонии. Таким образом, формально коалиционное правительство Негрина, которое с виду опиралось на целую сеть структур Народного фронта, висело в воздухе (аналогичный процесс происходил с российским Временным правительством А. Керенского осенью 1917 г.). На определенных условиях Негрина поддерживала лишь одна влиятельная сила – КПИ.

В целом режим Негрина уже вполне можно характеризовать как мягкую форму авторитаризма, причем не только на уровне правительства, но и на местах. Как сообщал П. Тольятти, «в каждой провинции наблюдалась тенденция к созданию небольшого государства в государстве и к подчинению масс местным властям административными мероприятиями путем устранения всяких форм демократии»¹⁵³⁷. Гражданское общество было ослаблено, хотя и не разрушено, но продолжало протестовать против каждого нового шага по усилению автократии. Власти уже могли игнорировать большинство таких протестов или характеризовать их как «капитулянтство» (универсальное клеймо тех дней).

16 августа 1938 г. правительство покинули Айгуаде и Ирухо – они не выдержали наступления Негрина на права автономий, прежде всего – установление центрального контроля над военной промышленностью Каталонии. Возмущение автономистов и даже Асаньи вызвали и другие меры, направленные на усиление власти военного министерства, а также намерения премьера провести казни диверсантов и шпионов (не было уверенности, что все подозреваемые были действительно виновны). Негрин угрожал отставкой, если его предложения не будут утверждены, Асанья склонялся к тому, чтобы поручить формирование правительства Бестейро, но под давлением коммунистов отказался от этого шага, означавшего курс на капитуляцию.

¹⁵³⁴ IISH. Paquete 45. FAI. Comité Peninsular. Ministro de Justicia. 8 abril 1938.

¹⁵³⁵ Viñas Á. El honor de la República. P. 379–380.

¹⁵³⁶ García H. Op. cit. P.216.

¹⁵³⁷ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.421.

Действительно, было уж совсем глупо менять курс в этот момент, когда был неясен исход сражения на Эбро и европейского кризиса вокруг Чехословакии.

С согласия Москвы коммунисты с апреля 1938 г. довольствовались одним местом в правительстве, чтобы не раздражать Запад. Правда, с августа Каталонию в кабинете представляла ОСПК. А вот в силовом блоке коммунисты продолжали удерживать важные позиции – в офицерском и комиссарском корпусе. Они фактически руководили военным министерством, коммунист М. Фернандес возглавлял корпус карабинеров. Однако Негрин заботился о том, чтобы СИМ осталась под его контролем. С середины 1938 г. «взаимодействие НКВД с испанскими службами... начало разлаживаться»¹⁵³⁸. Это говорит о том, что Негрина волновали перспективы «народной демократии», что не значит, будто Негрин готовился именно к схватке с коммунистами. Его по-прежнему устроило бы слияние КПИ и ИСРП в одну партию. Но он предпочитал возглавить эту партию, а не быть исключенным из нее после победы. А для этого не мешало иметь силовые козыри. Союз Негрина и коммунистов не был основан на доверии, но их стратегия была предельно близкой. Они стремились к созданию нового государства, где за демократическим фасадом выстраивается сильное правительство, опирающееся на силовые структуры. В то же время и «партия мира» пока сохраняла влияние. Негрин учитывал это, но его «мирные инициативы» в это время не были рассчитаны на отклик с другой стороны фронта.

1 мая 1938 г. Негрин выступил с 13 пунктами программы правительства. Документ уже не исходил из неизбежности военной победы и предлагал решить вопрос о послевоенном устройстве Испании путем плебисцита. Правительство гарантировало право частной собственности и обещало компенсации иностранному капиталу. Негрин предлагал отказаться после войны от репрессий. По существу эта позиция стала первым предложением компромисса Франко, сделанным в завуалированной форме. Впрочем, среди пунктов были заведомо неприемлемые для Франко: провозглашение Испании народно-демократической республикой, аграрная реформа, свобода совести и др. Эту речь, как и дальнейшие инициативы подобного рода, Франко оставил без ответа. Он видел, что время работает на него. Так было всегда, кроме короткого периода Чехословацкого кризиса.

Эбро и Чехословакия

Перегруппировавшись и получив новую порцию помощи, республиканцы попытались взять реванш. В 2 часа 15 минут 25 июля армия под командованием Модесто общей численностью около 100 тыс. бойцов приступила к форсированию Эбро, чтобы в случае успеха воссоединить территорию Республики. В директиве Генштаба командующему армии Эбро от 16 июня ставилась задача занять занять плацдарм с городом Гандеса и, «если обстоятельства будут благоприятствовать, установить наземные коммуникации между районом Каталонии и Центральной зоной». Однако Рохо не очень верил в то, что удастся воссоединить территорию Республики (что только и придавало смысл всей операции) и рассматривал наступление за Гандесу «в качестве второстепенной цели»¹⁵³⁹. По крайней мере хотелось отвлечь франкистов от Леванта.

Форсирование прошло успешно, хотя «о наступлении красных (республиканцев) фашисты знали, но не знали (это говорили пленные) дня и часа»¹⁵⁴⁰, – докладывал советник 15-го корпуса Сологуб. Противник был также дезориентирован отвлекающими ударами севернее и южнее основного плацдарма.

Однако чтобы получить шанс на стратегический успех, республиканцы должны были выйти на оперативный простор из излучины Эбро, взяв Гандесу. Передовые части шли стремительно, не задерживаясь на подавлении укрепленных точек противника. Но маневренной войны снова не

¹⁵³⁸ Viñas Á. El honor de la República. P.482.

¹⁵³⁹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.249. Л.196–197.

¹⁵⁴⁰ Там же. Д.213. Л.123.

получилось – основные силы слишком долго переправлялись и штурмовали Аско, Фликс, Фатарелью и Пинель. Как сообщал советник 3-й дивизии 15-го корпуса Якименко, переправу затянула «негодность некоторого количества лодок, в связи с чем пришлось пересматривать и расчет людей», наступление задерживали боязнь переправляться под огнем противника (его подавили не сразу), медленная переправа боеприпасов и слабая поддержка своей артиллерии¹⁵⁴¹. При этом республиканская авиация была переброшена в район сражения только через неделю после начала наступления¹⁵⁴², что затруднило подавление огневых точек противника и переправу боеприпасов. Из-за действий авиации противника она шла только ночью. При появлении авиации противника республиканцы останавливались и укрывались в складках местности. «А так как самолеты фашистов почти непрерывно находились в воздухе, то на движение оставалось мало времени»¹⁵⁴³, – говорилось в советском анализе операции.

В результате 26 июля франкисты успели «организовать систему огня, произвести укрепления и подтянуть новые силы»¹⁵⁴⁴, отстоять Гандесу и запереть республиканцев на небольшом пятачке в излучине Эбро. Республиканцы сумели захватить лишь небольшой горный плацдарм, вокруг которого развернулось ожесточенное сражение, длившееся до 14 ноября. Авиация и артиллерия франкистов перемалывали здесь республиканцев, которые мужественно сражались за каждый холм против 230 тысячной армии противника. «Бои были настолько упорные, что было бы напрасно искать подобных во всех прошлых боях настоящей кампании. Штаб мятежников считал большой для себя победой, если фашистские части в течение дня брали 1–2 высоты. Вся тактика и все искусство Франко сводилось лишь к тому, что ценой громадных расходов снарядов и авиабомб он стирал все траншеи и сооружения защитников, и когда последние уходили, его пехота занимала „новую“ территорию.

Правда, первое время он еще пытался после артподготовки и авиабомбежки посылать в атаку свои части, но после первых горьких неудач, стоивших ему громадных потерь, и после ряда неповиновения своих частей, отказавшихся идти в атаку, он почти полностью перешел на метод „стирать огнем все живое“... Это был кульминационный пункт падения престижа Франко»¹⁵⁴⁵, – говорилось в анализе операции, подготовленном в Генштабе РККА. Франкистский кулак, как видим, тоже был глиняным. И в условиях непредсказуемой международной ситуации судьба Испании еще не была предрешена.

Несмотря на то, что битва на Эбро была позиционной, она требовала от обеих сторон огромного напряжения сил. Это касалось и союзника Франко Муссолини, который уже в августе ощутил, что фашисты в Испании находятся на пределе своих возможностей. Муссолини, недовольный пассивностью действий Франко, сказал Чиано: «Запиши в своем дневнике, что сегодня, 29 августа, я предсказываю поражение Франко... Красные – это бойцы, а Франко-нет»¹⁵⁴⁶.

«До сентября 1938 г. республиканцы чувствовали, что ситуация еще может повернуться в их сторону, и были готовы проиграть все битвы, кроме последней. Тем не менее, несмотря на все

¹⁵⁴¹ Там же. Л.108-109 об.

¹⁵⁴² Когда республиканская авиация прибыла в район боевых действий, она серьезно затруднила действия фашистских бомбардировщиков. Несмотря на двукратное превосходство фашистов по истребителям (100 на 49), по самолетовылетам это превосходство существенно меньше – 6072 на 5776 часов (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.249. Л.223–224, 248).

¹⁵⁴³ Там же. Д.249. Л.210.

¹⁵⁴⁴ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.213. Л.110 об. Более того, 26 июля взвод 11-й дивизии республиканцев ворвался в Гандесу, еще не занятую крупными силами франкистов. Но комдив не оказал ему поддержку, потому что занятие Гандесы не входило в его задачу. 35-я дивизия в это время завязла под Фатарельей. В итоге пришел батальон франкистов и выбил республиканцев из Гандесы (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.249. Л.209).

¹⁵⁴⁵ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.249. Л.214–215.

¹⁵⁴⁶ Ciano's diary, 1937–1938. L., 1952. P.148.

усилия республиканцев, они не смогли справиться с силами в таком важнейшем столкновении, как битва при Эбро, несмотря на то, что Союз в этот раз, как в целом после Мюнхена, действовал очень быстро»¹⁵⁴⁷, – комментирует ситуацию А. Виньяс. На Эбро действовало оружие, переправленное через французскую границу еще «до Мюнхена», в апреле – июне. Уже в августе стало ясно, что республиканское наступление выдохлось, и дальнейшее сражение является моделью Первой мировой войны, борьбой на истощение. В то же время произошло резкое ужесточение пограничного режима, связанное с мюнхенским дрейфом политики Даладье. И, наконец, оружие было нужно самому Сталину – он начинал игру с Чехословакией, тогда еще куда более перспективную, чем зашедшее в тупик испанское противостояние. Именно вовлеченность СССР в чехословацкие дела является важнейшим объяснением тайм-аута, который Сталин взял в Испании. Исход Чехословацкого кризиса автоматически повлиял бы и на ситуацию в Испании. В известном смысле судьба Испании в это время и решалась в центре Европы.

В случае военного конфликта между Великобританией, Францией, Германией и Италией стороны испанского конфликта автоматически превратились бы в участников большой войны. Это значит, что французы могли послать войска в Каталонию, что резко ухудшило бы положение Франко. В сентябре 1938 г. мир висел на волоске. Гитлер угрожал войной Чехословакии. Великобритания и Франция были связаны с последней союзническими обязательствами. СССР выражал готовность помочь Чехословакии. Если бы СССР, Франция и Великобритания стали бы военными союзниками, политика невмешательства немедленно умерла бы¹⁵⁴⁸.

12 сентября поверенный в делах при Франко докладывал в Берлин, что в Бургосе считают: европейская война сделает невозможной победу над Республикой. Франко приступил к срочному строительству укреплений на границах с Францией в Пиренеях и в Марокко. Гитлер держал Франко в неведении относительно своих планов, что вызывало нервную реакцию со стороны испанского союзника, интересы которого не принимались в расчет. Более того, Франко сообщил в Лондон, что в случае начала войны он сохранит нейтралитет¹⁵⁴⁹. Информация об этом вызвала недовольство Фюрера и Дуче. Даладье обещал не трогать Испанию в случае войны¹⁵⁵⁰. Но это – до начала вооруженного столкновения. А в случае реальной войны отношение Франции к фашистскому режиму в своем тылу вряд ли осталось бы столь же благожелательным. Германии и Италии пришлось бы найти лучшее применение войскам и оружию, которое пока направлялось в Испанию. Тем более, что в случае начала европейской войны Великобритании и Франции пришлось бы договариваться с СССР, и Франко был бы хорошей разменной монетой. В лучшем для него случае Великобритания, Франция и СССР согласились бы на создание нейтральной Испании на основе компромисса.

* * *

26 сентября Чемберлен вынужден был предупредить Гитлера – если он вторгнется в Чехословакию, Франция и Великобритания объявят Германии войну. В ответ в своей очередной речи Гитлер разразился проклятьями в адрес Чехословакии и не оставил сомнений у мира – фюрер Германии готов к нападению. Несмотря на крайнее возбуждение, Гитлер не забыл поблагодарить Чемберлена за миротворческие усилия и напомнить: «Это мое последнее территориальное притязание к Европе»¹⁵⁵¹.

Как ни подсчитывай соотношение сил, «1 октября 1938 года Германия была не готова вести войну против Чехословакии, Англии и Франции одновременно, не говоря уже о России. Развязав

¹⁵⁴⁷ Viñas Á. El honor de la República. P.547.

¹⁵⁴⁸ Подробнее см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 275–290.

¹⁵⁴⁹ Престон П. Указ. соч. С.241.

¹⁵⁵⁰ Прицкер Д. П. Указ. соч. С. 357–359.

¹⁵⁵¹ Цит: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1. М., 1991. С.142.

войну, Германия быстро бы ее проиграла, и это стало бы концом для Гитлера и третьего рейха»¹⁵⁵².

Чемберлен не оставлял надежд спасти мир. Мотивы западной политической элиты, стремившейся к компромиссу с нацизмом, Чемберлен изложил в своей речи вечером 27 сентября: «Страшно, невероятно, невысказано! Мы роём траншеи... здесь... из-за спора, разгоревшегося в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем...»¹⁵⁵³ Полезно больше знать о людях, судьбы которых берешься решать. Еще раньше «великие люди» пытались решать судьбы Испании, тоже не понимая, какие силы столкнулись на ее земле.

Отвечая на категорические требования Гитлера, Чемберлен заявил: «Я не поверю, что из-за задержки на несколько дней решения давно возникшей проблемы вы возьмете на себя ответственность начать мировую войну, которая может привести к гибели цивилизации»¹⁵⁵⁴. Даже непродолжительная война в Европе могла, по мнению Чемберлена, привести к гибели неустойчивого порядка вещей, который Чемберлен считал цивилизацией. Муссолини говорил своему министру Чиано: «Англичане не хотят воевать. Они стараются отступить, отступить как можно медленнее, но не воевать»¹⁵⁵⁵.

Испания, опыт которой стоял перед глазами европейских политиков, позволяла им извлекать из событий те уроки, какие они хотели. Картина кровавой затяжной войны пугала их. Париж и Лондон не хотели стать Мадридом. Вожди Запада не понимали, что фашизм несет с собой войну неизбежно, просто в силу сущности своей идеологии как национал-тоталитаризма, тотального господства одного этноса над другими по праву силы. А могущественные лидеры, предававшие Испанскую республику, рассуждали о мире в Западной Европе (что означало войну за ее пределами). Если Испания – модель европейского будущего, то оно ужасно. В Испании необходим компромисс – это понимает даже Негрин. Значит, и в Европе необходим компромисс. И пусть фашизм ищет свои жертвы на периферии «цивилизации».

Одновременно и Муссолини, в чьи планы война с сильным противником совершенно не входила, стал уговаривать Гитлера пойти на соглашение с британцами. Откликнувшись на призыв Чемберлена и Рузвельта, Дуче выступил с инициативой новой международной конференции по Чехословакии. Поняв, к чему клонится, французы, которым предстояло воевать на суше, решили превзойти Чемберлена по щедрости за чужой счет. Министр иностранных дел Франции Бонне предложил план, по которому почти все требования Гитлера удовлетворялись немедленно.

В ночь на 30 сентября Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладье встретились в Мюнхене и поставили свои подписи под соглашением о передаче Судет Германии. Был открыт путь к разделу Чехословакии. Война против фашизма была отложена, и это делало положение Испанской республики почти безнадежным. Отныне и Франция не намерена была использовать ее как противовес против Италии, отношения с которой быстро улучшились.

После подписания соглашения Чемберлен не отказал себе в удовольствии еще раз побеседовать с Гитлером, предложив ему дальнейшее развитие мюнхенской дипломатии для решения оставшихся в Европе кризисов и проблем, включая проблему Испании и... России. Гитлер подписал предложенное Чемберленом коммюнике, в котором определялось, «что метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран», что позволит «содействовать обеспечению мира в Европе»¹⁵⁵⁶. Но использовать Мюнхенский механизм для решения проблемы Испании он не хотел – там хватало «невмешательства», то есть блокады Республики.

2 октября Негрин в радиовыступлении задал вопрос: неужели националисты хотят

¹⁵⁵² Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т.1. С.463.

¹⁵⁵³ Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С.440.

¹⁵⁵⁴ Там же. С.440.

¹⁵⁵⁵ Там же. С.486.

¹⁵⁵⁶ Там же. С.457.

продолжать войну до полного уничтожения испанского народа? Этот новый призыв к миру повис в воздухе – после Мюнхена у Франко отлегло от сердца, а выступление Негрина выглядело криком отчаяния.

* * *

Единственным успехом «дела мира» в Испании стало соглашение 1 октября о выводе из страны интербригад в обмен на вывод примерно такого же количества итальянских «добровольцев». Обмен был неравноценным, так как при выводе примерно 10 тысяч бойцов с каждой стороны у немцев и итальянцев оставалось еще значительная часть их войск в Испании. Ведь в октябре 1938 г. в Испании оставалось около 36000 иностранных солдат на стороне Франко. Всего «если в лагере франкистов сражалось около 187 000 иностранцев, которые обучали более 80 000 человек, то Республика могла противопоставить в лучшем случае 40 000 и 20 000 соответственно»¹⁵⁵⁷.

Значение интербригад в 1938 г. снизилось. Тысячи испанцев уже приобрели боевой опыт. Приток новых бойцов в интербригады почти прекратился.

К 27 августа 1938 г. в интербригадах в строю было 15992 бойцов, реально включая больных и раненых – 17–20 тысяч. Всего через интербригады прошло, по разным данным, 30–42 тыс. (скорее около 40000), из них 9000 французов, 3000 поляков, 3000 итальянцев, по 2000–2500 американцев, немцев, балканцев, по 1000–2000 англичан, бельгийцев, чехов, менее 1000 – граждан прибалтийских государств, австрийцев, скандинавов, голландцев, венгров, швейцарцев, канадцев. Было убито 5000–7000 человек, около 500 попали в плен¹⁵⁵⁸. В ноябре прошли прощальные парады по обе стороны фронта. Итальянские фашисты остались в стране. Впрочем, вывод интербригад продолжался до февраля, и последним их подразделениям пришлось отступать во Францию под огнем противника.

* * *

У Франко отлегло от сердца. Можно было передохнуть. 8 октября франкисты прекратили атаки на Эбро. Республиканцы решили, что выиграли битву. «Эти успехи вскружили голову командованию армии, возомнившему о своей непогрешимости»¹⁵⁵⁹. Пока республиканцы пребывали в беспечности, франкисты готовили ударную группу, подготовленную для штурма господствовавшего над местностью Сьерра де Пандольс. 30–31 октября эта группа в 10–12 батальонов при 200 орудиях взяла эти горы, отбросив части 5-го корпуса Листеря. «Кто владел этими высотами, тот является хозяином всей долины на восток и северо-восток от этой возвышенности»¹⁵⁶⁰.

3 ноября франкисты заняли Пинель и стали двигаться вдоль Эбро, отрезая республиканцев от переправ. В ночь на 4 ноября 5-й корпус переправился за Эбро. «Переправа частей через Эбро проводилась без нажима фашистов, вследствие чего республиканцы потерь не имели, матчасть и боеприпасы вывезли полностью»¹⁵⁶¹. Это было начало поэтапной эвакуации плацдарма.

6–11 ноября республиканцы провели отвлекающий удар, форсировав реку Сегре, но создание этого плацдарма не повлияло на общий ход событий.

На Эбро некоторое время оборону продолжал держать 15-й корпус, но 16 ноября вся обескровленная армия Эбро вернулась за реку. Республиканцы потеряли около 40 тысяч человек.

¹⁵⁵⁷ Vi ñas Á. Armas y hombres para España. Los apoyos exteriores en la guerra civil. P.411.

¹⁵⁵⁸ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.490. Л.2–3.

¹⁵⁵⁹ Там же. Д.249. Л.216.

¹⁵⁶⁰ Там же.

¹⁵⁶¹ Там же. Д.222. Л.98–99.

Франкисты – вдвое больше, но у них и человеческие ресурсы были богаче.

Теперь, где бы ни ударил Франко, у республиканцев не было достаточных резервов, чтобы парировать.

Глава IX Агония республики

Теперь я мучительно старался убедить себя, что не все еще предрешено, и что чудо может спасти республику.

Илья Эренбург

Памяти Каталонии

Социально-экономическое положение Республики продолжало ухудшаться. Во второй половине 1938 г. из-за потери Арагона и изоляции центральной части территории Республики были затруднены поставки продовольствия в Мадрид. Не хватало средств на закупку продовольствия. Впрочем, были и внутренние причины продовольственных трудностей, о которых докладывали советские дипломаты: «Крестьяне особенно недовольны тем, что государство, покупая у них продукты по твердым ценам, продает их зачастую вдвое и втрое дороже в городах»¹⁵⁶². Время синдикалистского продуктообмена кончилось. Из-за тотального призыва в армию (около миллиона человек, хотя оружия на всех не хватало) не хватало рук для уборки урожая. При этом пришлось задействовать армию на уборку хотя бы части урожая¹⁵⁶³.

Рабочие были вынуждены искать продовольствие сами – невыходы на работу в ноябре достигали 15 % рабочей силы¹⁵⁶⁴. В декабре прошла голодная демонстрация в Мадриде¹⁵⁶⁵. Голодала и Барселона. Паек на предприятиях составлял 150 грамм хлеба, 100 грамм мяса или рыбы, 50 грамм жиров, и еще 2 литра вина и 1–2 кг бобовых в месяц¹⁵⁶⁶. Обеспечивался он нерегулярно. Столкнувшись с враждебностью к себе государства, коллективы укрывали произведенную продукцию¹⁵⁶⁷.

В январе 1939 г. США продали Испании 500 тыс. бушелей пшеницы по 9 долларов за тонну, за полцены. Американцы не упустили возможность для пиара – в прессе сообщалось, что продовольствие поставлено «бесплатно»¹⁵⁶⁸.

Как докладывал С. Марченко, «положение усугублялось тем, что руководство экономической политикой правительства было передоверено Негрином некоему Дельгадо Торресу, темные политические связи которого были достаточно известны. В результате этого экономическая политика правительства творилась без участия и контроля народного фронта и коммунистической партии, которая, кстати, недостаточно занималась вопросами экономики. Она сводилась в деревне к административному изъятию излишков (без компенсации – зачеркнуто – А. Ш.), что не мешало богатым крестьянам и анархистским „колхозам“ прятать колоссальное

¹⁵⁶² АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.6.

¹⁵⁶³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.240. Л.384.

¹⁵⁶⁴ Там же. Д.233. Л.1.

¹⁵⁶⁵ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.2.

¹⁵⁶⁶ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.240. Л.384.

¹⁵⁶⁷ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.16.

¹⁵⁶⁸ Там же. Л.4.

количество продуктов, натравливая остальных крестьян против центрального правительства»¹⁵⁶⁹. Сначала автор написал более нейтрально: «было по среднему и беднейшему крестьянству и раздражало остальных крестьян», но потом «заострил» против злонамеренных кулаков и анархистов. По мере правки документ приобрел форму, более соответствующую настроению начальства в НКВД. Дипломаты должны были учитывать судьбу своих предшественников, расстрелянных в 1937–1938 гг. Впрочем, в условиях характерных для бюрократической экономики злоупотреблений нет ничего удивительного в том, что крестьяне и коллективы не хотели отдавать продукцию государству¹⁵⁷⁰.

Но на военном производстве рабочие продолжали самоотверженно трудиться. Как докладывал советник при субсекретариате вооружений М. Неделин (будущий командующий ракетными войсками стратегического назначения СССР), в Барселоне в ноябре было произведено 210000 корпусов снарядов (на 20000 больше, чем в октябре, на 50000 больше, чем в центральной зоне). Дальнейшее наращивание производства было бессмысленно, потому что после падения Севера не удавалось производить достаточное количество взрывателей – только 134000 в октябре, а в ноябре – и вовсе 109000 из-за аварии (считалось, что это – диверсия, но и опыта в этом производстве барселонцам не хватало). Однако даже имеющееся производство покрывало потребности фронта кроме ПТО и зенитной артиллерии. Производились также броневики и стрелковое оружие. Чтобы найти сырье, ввоз которого практически прекратился еще в сентябре, «промышленность вынуждена была мобилизовать все остатки и весь лом и брак литья, чтобы как-нибудь сохранить уровень выпуска литья на прежнем уровне»¹⁵⁷¹.

* * *

23 декабря Франко начал наступление на Каталонию. В принципе этот удар не был сюрпризом для республиканцев. В декабре внимание их разведки было приковано к передвижениям противника на этом фронте, а 20 декабря она доложила, что здесь передвижения войск «обнаруживают полностью приготовление противника к ближайшей операции, которая может начаться в любую минуту»¹⁵⁷².

250 тысячам солдат Франко противостояло 176 тысяч республиканцев (на которых приходилось 86 тысяч винтовок)¹⁵⁷³. На 260 истребителей и 300 бомбардировщиков франкистов приходилось 95 истребителей и 29 бомбардировщиков республиканцев¹⁵⁷⁴. П. Тольятти, ссылаясь на советского главного военного советника К. Качанова, считал, что «соотношение сил не было для нас слишком неблагоприятным», так как часть республиканского фронта была хорошо укреплена¹⁵⁷⁵. Но войска были деморализованы, и после сражения на Эбро у республиканцев не было здесь достаточных резервов. Удар был нанесен по 56 дивизии, состоявшей из карабинеров, моряков и пополнения. Фронт был прорван.

¹⁵⁶⁹ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.17.

¹⁵⁷⁰ Анализируя ту, во многом безвыходную ситуацию, историки иногда прописывают сомнительные рецепты: «Значительной ошибкой стало то, что в заранее известных условиях, которые мы подтвердили документами, не было объявлено военное положение. Огромная историческая ответственность ложится здесь на КПИ, которая этому воспротивилась» (Viñas Á. El honor de la República. P.547.). И что бы это дало? Ну, стало бы еще одним поводом для недовольства, раскола Народного фронта.

¹⁵⁷¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.233. Л.1-1 об.

¹⁵⁷² РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.218. Л.75.

¹⁵⁷³ Там же. Д.240. Л.357.

¹⁵⁷⁴ Там же. Л.293.

¹⁵⁷⁵ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.439.

При этом политическое недоверие к анархо-синдикалистам продолжало пагубно сказываться на ходе сражения. «26-я анархистская дивизия, которая при Галане неплохо дралась, перебрасывается на север, к 10-му корпусу, где она бездействует до конца кампании»¹⁵⁷⁶, – писал С. Марченко, для которого эти действия командования – пример саботажа и предательства. Но это – и пример надуманного недоверия анархистам, который в итоге ведет к подрыву боеспособности фронта.

К 20 января республиканцы в Каталонии потеряли убитыми, ранеными, больными и разбежавшимися 71069 человек – 40 % сил. Из них убитыми – всего 2500 человек. При этом было потеряно 34–36 % винтовок и пулеметов¹⁵⁷⁷. И при этом республиканское руководство продолжало жаловаться на нехватку оружия.

Потери оружия были важны еще и потому, что республиканская армия продолжала пополняться – прибыло 44576 мобилизованных и солдат с юга (их было 12000)¹⁵⁷⁸. Но Миаха послал в Каталонию людей без оружия, что обрекло этих бойцов на гибель или интернирование во Франции¹⁵⁷⁹.

В конце декабря – начале января республиканцы еще оказывали организованное сопротивление, держали фронт. Итальянцы давили на армию Эбро от Лериды на Монтблан, стремясь отрезать приморский угол республиканской обороны в районе Тортосы и Таррагоны. Республиканцы стали отходить от Тортосы к Таррагоне, чтобы не попасть в котел. Но поздно – 14 января итальянцы взяли Монтбланш и 15 января рубанули по выступу, прорвавшись к Таррагоне и к морю. Три республиканские дивизии были разгромлены, что деморализовало всю армию. «Моральное состояние командования резко упало, управление войсками у корпусов потеряно»¹⁵⁸⁰, – сообщалось в советском дневнике боевых действий.

Начался исход республиканцев из Каталонии во Францию. Советник группы армий в Каталонии полковник Ветров докладывал: «Главная причина падения морального состояния войск кроется не в характере боев, которые уже потеряли напряженность первых дней операции, и не в потерях людского состава. Все дело в работе командования всех степеней. Управление войсками потеряно. Люди не чувствуют командира. Последний поддался общему настроению обреченности, пассивности, не только не воодушевляет солдат, не останавливает их, а зачастую сам идет впереди их пути отхода в тыл»¹⁵⁸¹. Регулярная армия Негрина – армия своевольного бесконтрольного офицерства – проявила в этой обстановке свои худшие черты.

Республиканцы откатывались к границе с Францией, сдавая даже укрепления без боя, если противник прорывался на фланге. Боялись окружения, контрудары практически не наносили. Так был сдан мост на Марторель, что облегчило падение Барселоны. Казалось, Барселона будет обороняться – столица Каталонии, окруженная горами, имевшая запасы боеприпасов и снаряжения, могла выдержать осаду. И выдержала бы, будь дело в 1936–1937 гг. Но не теперь. Когда противник стал обходить Барселону, 5000 карабинеров покинули свои позиции. 26 января в Барселону прорвались моторизованные части противника. На улицах развернулись бои 60 танков, танкеток и броневигов франкистов против 28 танков и броневигов республиканцев¹⁵⁸². Если бы в городе были построены укрепления или хотя бы баррикады, если бы во время этого боя пехота не бежала из города, у франкистов не было бы шансов взять Барселону сходу. Теперь же шансов на

¹⁵⁷⁶ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.20.

¹⁵⁷⁷ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.251. Л.3–6.

¹⁵⁷⁸ Там же. Л.8.

¹⁵⁷⁹ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.22.

¹⁵⁸⁰ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.252. Л.45.

¹⁵⁸¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.251. Л.9.

¹⁵⁸² Там же. Д.240. Л.137–138.

успех не было у республиканских танкистов. К вечеру Барселона пала.

П. Тольятти называет одной из важнейших причин падения Каталонии «сильную усталость масс». Речь может идти не только об усталости, но и о разочаровании рабочих в режиме. Правительство Негрина отобрало социальные завоевания 1936 г., и люди не хотели защищать эту власть даже против франкистов. «Бригады молодежи, воздвигавшей баррикады, встречали сопротивление со стороны групп женщин из народа, которые со слезами вырывали у них из рук лопаты и кирки»¹⁵⁸³, – рассказывает Тольятти. Как эта картина отличается от ситуации 1936 г.!

Республиканцы не эвакуировали из Барселоны запасы, включая 17 млн л бензина, который был остро необходим в остальной части Республики¹⁵⁸⁴. Республиканское командование не смогло эвакуировать авиацию из Каталонии¹⁵⁸⁵, в том числе из-за недостатка горючего.

Вместе с войсками к Пиренеям отходило население. Этот исход создал пробки, через которые по дорогам не могли пройти войска и снаряжение. Впрочем, в начале февраля движение происходило в одну сторону – к спасительной французской границе через заснеженные горные проходы.

Несмотря на то, что оборона Центральной зоны не была прорвана, поражение в Каталонии произвело сильное впечатление на руководство Республики.

28 января В. Рохо, поддержанный генералом Э. Хурадо, доложил Асанье и Негрину, что возможности сопротивления исчерпаны. Он «предложил Негрину начать переговоры о посредничестве Франции и Великобритании с целью приостановить военные действия и договориться о лучших условиях мира, „которые уже могут иметь не политический, а только лишь гуманитарный характер, и быть направлены на обеспечение выезда из Испании руководства и офицеров армии, политиков и государственных служащих и прочих, которые находятся под наибольшей угрозой, и получение гарантий жизни и свободы тех, кто остается“. На следующий день Правительство не пришло к какому-либо решению по этому вопросу, но было поражено оценкой Рохо»¹⁵⁸⁶. Так были сформулированы условия перемирия, которые будет выдвигать Касадо, сдавая, правда, шаг за шагом эти «гарантии жизни и свободы». Сам же Рохо в это время уже терял управление войсками. По советским оценкам, «Рохо был далеким от политики военным, профессионалом-одиночкой, лояльно выполнявшим свою работу, пока он верил в возможность сопротивления. Как только он потерял эту веру, он упустил управление армией»¹⁵⁸⁷.

По свидетельству П. Тольятти, «ясно было, что Негрин сам тоже потерял веру в дальнейшую борьбу, но он еще держался своей старой политической линии – линии сопротивления... Противоречивым моментом в позиции Негрина было то, что, платонически отстаивая сопротивление, он ничего не делал для того, чтобы его организовать. Его серьезнейшая вина заключалась в том, что в последние дни в Фигерасе он не распорядился отправить в Валенсию и Мадрид по крайней мере часть оружия, которое к нам прибывало»¹⁵⁸⁸.

Ответственность западной либеральной элиты за «невмешательство» и «умиротворение» естественным образом вызывает поиск оправданий, и одно из них – СССР вел себя также. «Когда в Мюнхене в сентябре 1938 г. стало ясно, что западные демократии не готовы выступить против фашистской агрессии, – пишет Д. Пуццо, – Кремль решил сформулировать и проводить иную политику. С конца 1938 г. СССР прекратил поставки оружия в Испанию»¹⁵⁸⁹. Это

¹⁵⁸³ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.441.

¹⁵⁸⁴ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.22.

¹⁵⁸⁵ Там же. Л.23.

¹⁵⁸⁶ Viñas Á. El honor de la República. P.500.

¹⁵⁸⁷ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.31.

¹⁵⁸⁸ Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 444–445.

¹⁵⁸⁹ Puzzo D. A. Spain and the Great Powers, 1936–1941. NY., 1962. P.148.

распространенное на западе мнение, которое априори исходит из национального эгоизма Сталина, верно «с точностью до наоборот».

Поставки возобновились в декабре 1938 г., причем в кредит. В декабре 1938 г. на эти нужды было выделено 100 млн долл. (для сравнения – в марте 70 млн долл.), на 55 млн оружие было переправлено во Францию¹⁵⁹⁰. В условиях изоляции после Мюнхена Сталин попытался «зайти с тыла» к консолидировавшемуся Западу.

12 января 1939 г. СССР представил Республике заем в 50 миллионов долларов США. В этом соглашении, в отличие от прежней практики, не было условий гарантии займа и даже условий его возврата. По сути, Сталин просто оплатил поставки. Закупки, совершенные за счет этого кредита, дошли до Франции.

Пока было можно, это оружие перебрасывалось в Каталонию. 30 января – 4 февраля было отправлено 41955 винтовок, 3446 пулеметов, 319 тысяч снарядов и 31,5 миллионов патронов. 4 февраля 1939 г. поставки оружия в Каталонию были остановлены республиканским руководством. Около 400 вагонов военного снаряжения пришлось эвакуировать назад во Францию. Попытка переправить 2 февраля часть боеприпасов в Центральную зону пароходами не удалась – они были уничтожены итальянской авиацией¹⁵⁹¹. Больше французы не допускали таких экспериментов. Склады во Франции были переполнены советским оружием, но не могли пойти по назначению.

Когда Негрин обратился с очередной просьбой о поставках, Ворошилов предложил так ответить ему:

«1. СССР всегда относился благожелательно к нуждам Испанского правительства и все его просьбы о помощи оружием и прочими боевыми средствами, в силу возможности, своевременно выполнял.

2. Последняя просьба Испанпра, заявленная через Сиснероса, о продаже вооружения была нами в значительной мере выполнена, и если Испанпра не смогло договориться с французским правительством о своевременной переброске этого вооружения в Испанию полностью, то мы можем только сожалеть об этом.

3. Требовать в данное время новых поставок вооружений Испании, когда доставленное нами оружие в огромной массе находится на территории Франции и рискует попасть в качестве трофеев французским фашистам, по меньшей мере несвоевременно»¹⁵⁹².

Конечно, этот документ не мог быть направлен за границу без существенной правки (в частности, «французские фашисты» в это время не могли претендовать на советское оружие, зато оно могло попасть в руки испанских фашистов после того, как Франция признала Франко представителем Испании). Но предложения Ворошилова отражают раздражение советского руководства ситуацией, когда существенные для СССР затраты пропали впустую из-за нерасторопности Негрина. Надо признать, что дело было не столько в Негрине, сколько в Даладье, но просить новые вооружения в этих условиях действительно было неуместно.

1 февраля, эвакуируясь вместе с остатками восточной армии во Францию, правительство собралось в замке в Фигересе, недалеко от французской границы, 62 депутатов кортесов. Негрин выдвинул только три условия прекращения сопротивления – независимость страны, проведение выборов и отказ от преследований противников после войны. Однако Франко ответил очередным отказом на этот жест отчаяния. 13 февраля он объявил, что наказанию подлежат все, кто занимался «подрывной деятельностью» с октября 1934 г. и препятствовал «правительству националистов».

2 февраля Негрин обратился к испанцам, пытаясь убедить республиканцев и мир, что не все потеряно, сплотить республиканское руководство: «Нас сбили с позиций, но мы не побеждены. Не важно, что некоторые, стоявшие у руля правления, захваченные волной паники, которая поднялась вследствие падения Барселоны, изменили своему долгу, бежав за границу; но законное правительство стоит на своем посту. Нас меньше, но мы лучше, потому что атмосфера вокруг нас

¹⁵⁹⁰ Рыбалкин Ю. Указ. соч. С. 98–99.

¹⁵⁹¹ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.240. Л.90–92.

¹⁵⁹² РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1266. Л.6.

не отравляется ни пораженчеством, ни разложением... Мы хотим быть хозяевами нашей страны без позорной опеки, и хотя все тоталитарные страны нас преследуют и, так называемые демократические страны постыдно покидают нас, у нас достаточно храбрости и достоинства для того, чтобы защищать нашу землю и наше дело»¹⁵⁹³.

4 февраля пала Жерона, 7 февраля франкисты преодолели последний оборонительный рубеж на реке Флувия. Республиканцы уходили во Францию, где их ждали новые унижения: «На границе французские жандармы (гар мобиль) занимались грабежом. Забирали у солдат и офицеров все, что им понравилось, а если этот предмет не хотели отдавать, то предлагали вернуться в Испанию к Франко. Ничего не оставалось делать, как только отдать эту вещь жандарму»¹⁵⁹⁴, – рассказывал боец-интернационалист Э. Штейнтольд. Затем массы интернированных были размещены в лагерях под открытым небом в сырой местности. Смертность в одном из них достигала 100 человек в день, пока французы, наконец, не предоставили материалы для строительства бараков¹⁵⁹⁵.

8 февраля границу пересекли Негрин и Рохо. 9 февраля последние республиканцы перешли границу с Францией и были там интернированы – война кончилась для 70 тысяч республиканских солдат.

Последний шанс

Положение Республики становилось почти безнадежным. Минимум боеприпасов, сырья и продовольствия, промышленная база почти целиком захвачена противником. Авиация почти не могла действовать без горючего (аукнулась и неспособность вывезти его из Барселоны). В феврале 1939 г. Франко располагал 1028941 солдатом (без учета интервентов), а республиканцы – 750000 солдат. Но у франкистов были вооружены все, а в Центрально-южной зоне было лишь 250000 винтовок. На 469 самолетов фашистов приходилось 163 республиканских. Республиканские оружие и самолеты оказались у французов – и то, что было отобрано у республиканцев, перешедших границу, и то, что поставил СССР.

Однако концентрация войск на Центральном фронте была высокой, и франкисты не могли бы сокрушить эту закопавшуюся в землю армию быстрым ударом. Республиканцы могли создать дополнительные внутренние рубежи обороны, чтобы продержаться дольше. Ведь теперь время работало на Республику.

* * *

Испанскую республику перестали учитывать как фактор европейской игры. Тем не менее, сама эта игра перешла в решающую фазу, и большая развязка стала вопросом нескольких месяцев. Ресурс существования Республики также исчислялся месяцами. В этом заключался последний шанс Республики на выживание.

Эти надежды Альварес дель Вайо позднее связал с традициями испанской истории: «Мы мечтали об испанском бастионе, каким бы маленьким он ни был, где бы мы держались до тех пор, пока не пробил бы час реконкисты. Воспоминание об испанских либералах начала XIX века, которые на своем островке, осажденные войсками Наполеона (Кадис в 1812 году), в течение шести месяцев сопротивлялись натиску реакционных сил, казалось особенно воодушевляющим в эпоху, когда вся европейская политика претерпевала стремительные изменения. Хотя мы никогда не рассматривали мировую войну как выход, было очевидным, что если бы в Испании остался республиканский опорный пункт в тот момент, когда вспыхнул бы неизбежный конфликт между „западными демократиями“ и тоталитарными государствами, ужасные жертвы, принесенные

¹⁵⁹³ РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.251. Л.11.

¹⁵⁹⁴ Там же. Оп.3. Д.32. Л.5.

¹⁵⁹⁵ Там же. Л.6–7.

испанским народом, не были бы напрасными»¹⁵⁹⁶.

Негрин 10 февраля через Францию вернулся в Испанию. Здесь к нему приходили плохие новости. 16 февраля он встретился с командующими фронтами, и большинство из них стало настаивать на том, что сопротивление невозможно. 27 февраля Великобритания и Франция признали правительство Франко. В тот же день Асанья подал в отставку, чем еще сильнее ослабил международные позиции Республики. Она осталась без легитимного президента. Отставка Асаньи была большим ударом для Негрина, «который всегда старался сохранять в глазах мира демонстративную легальность республики»¹⁵⁹⁷, – писал С. Марченко. Спикер кортесов Мартинес Барриос формально получил право исполнять обязанности президента, но не поехал в Испанию из Франции, требуя себе права на заключение мира. В сложившихся условиях это означало право подписать капитуляцию.

Формально признавая право Барриоса быть президентом, если тот приедет в Испанию, Негрин пока не собирался допускать капитуляцию. «Как и Асанья, и Прието, он прекрасно понимал, что выиграть войну невозможно. И они знали, что он это знал. Но, в отличие от них, Негрин не смирился. Тем не менее, он не мог обойти три препятствия, которые находились вне его влияния: поведение Асаньи, неуклонная тенденция к признанию Франко со стороны Франции и Англии, и ощущение, широко распространенное вне коммунистических кругов, что продолжать сопротивление невозможно»¹⁵⁹⁸. «То, что действительно кажется очевидным, так это то, что Негрин все еще цеплялся за соломинку и хотел продолжать сопротивление, пусть и до определенной точки. Он прибег к помощи тех, которые были ближе всего к этой идее: коммунистов»¹⁵⁹⁹, – пишет А. Виньяс. И это было не так глупо, учитывая кризис в Европе.

Но Негрин, вероятнее всего, не рассчитывал продержаться, а преследовал другие задачи, выдвигая вперед коммунистов. «Именно в этом контексте он приступил к последним назначениям, которые породили миф, с тех пор лелеемый профранкистски и антинегринистски настроенными историками, что он готовил государственный переворот (!) с целью передачи власти коммунистам. По моему мнению, эти действия должны толковаться с точностью до наоборот: это был маневр с целью обеспечить спасение наибольшего количества республиканцев. Эти действия стали превосходным алиби для тех лиц „из военных“, которые были готовы капитулировать. Последние также хотели спасти жизни, но ошибались насчет средств спасения и действовали без адекватной оценки природы противника»¹⁶⁰⁰. Таким образом, биограф Негрина признает, что формально продолжая курс на сопротивление и в силу этого выдвигая вперед наиболее склонных к нему коммунистов, Негрин уже внутренне смирился с капитуляцией, не рассчитывал дотянуть до начала мировой войны, а преследовал те же цели, что потом Касадо. Но, по мнению А. Виньяса,

¹⁵⁹⁶ Цит. по: Сориа Ж. Указ. соч. Т.2. С. 258–259.

¹⁵⁹⁷ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.28.

¹⁵⁹⁸ Viñas Á. El honor de la República. P.548. «Со своей стороны, исполненные благих намерений Асанья и Бестейро совершенно не понимали, что именно поставлено на карту, и, в конце концов, нанесли удар остаткам сопротивления, самому по себе бесперспективному. Своим поведением они прикрывали отчаяние военных и, как в случае с полковником Касадо и его непосредственными подчиненными, обыкновенное и совершеннейшее предательство» (Op. cit. P.545.), – продолжает А. Виньяс. Трудно, конечно, считать благими намерения Бестейро, и в то же время признавать предательский характер поведения Касадо. Не случайно, когда «все кончилось», Бестейро остался в Мадриде, не ожидая, какой «черной неблагодарностью» ответят ему франкисты. Когда стало ясно, что Франко не собирается идти на компромисс, позиция Бестейро стала политическим прикрытием капитуляции. Что до Асаньи – он дезертировал, и в очень неподходящий для Республики момент.

¹⁵⁹⁹ Viñas Á. El honor de la República. P.510. Когда правительство «взяло курс на политику безоговорочного мира, предложенную Мартинесом Барриосом (как условие своего президентства), чтобы взять на себя ответственность за руководство Республикой, КПИ подчинилась» (Viñas Á, Hernández Sánchez F. Op. cit. P.459.), – считают А. Виньяс и Ф. Эрнандес. Однако нельзя сказать, что коммунисты согласились именно с безоговорочным миром. 22 февраля Политбюро КПИ приняло решение, что партия выступает за мир на основе трех условий Негрина, и считает необходимым сопротивляться, пока они не будут приняты. А вот намерения Негрина не были столь же ясными.

¹⁶⁰⁰ Viñas Á. El honor de la República. P.519.

Негрин успешнее выполнил бы миссию спасения кадров перед капитуляцией. Негрин не разделял стратегии, которую затем, после начала мировой войны, столь романтично изложил Альварес дель Вайо. Получается, что «центристские» лидеры Республики не очень рассчитывали продержаться до большой войны. Они не знали, когда начнется эта война. Но Гитлер уже принял решение начать ее в 1939 г.

Увы, «миссия спасения» в любом случае была обречена на неудачу в главном – можно было спасти вождей (многие и спаслись), но нельзя было спасти республиканские массы. Начнешь эвакуацию – рухнет фронт. Почему одни должны были его держать, когда другие спасаются? У Негрина не было ответа на этот вопрос. Зато у него были те, кто готов был сопротивляться до последнего патрона – коммунисты. И он решил выдвинуть их на более ответственные посты, в том числе и для того, чтобы обезопасить правительство от офицеров, уже смирившихся с неизбежностью капитуляции.

В сложившейся ситуации создавалось впечатление, что Негрин подставлял компартию. Впрочем, коммунисты не прочь были сами взойти на приготовленную им Голгофу. Рохо писал Негрину 18 февраля: «Нет необходимости говорить тебе, что из всех политических партий была и есть только одна, которой я отдал свои симпатии. Думаю, они совершают большую ошибку уже в том, что берут на себя общую ответственность за руководство и направление этой фазы борьбы, потому что окажутся в таком положении, когда на них сконцентрируются усилия противника и всех стран. А это приведет к тому, что их партия – единственная относительно здоровая партия в нашей политической системе – будет окончательно раздавлена»¹⁶⁰¹.

* * *

Сторонники скорейшего завершения войны в свою очередь тоже нашли «материальную силу» – в командующем Центральным фронтом полковнике Сигизмундо Касадо¹⁶⁰². В конце января – начале февраля он установил канал связи с франкистами.

Назначению Касадо на пост командующего фронтом в 1938 г. способствовал его антикоммунизм. Негрин не прочь был приберечь кастет против своих левых партнеров: «Все наводит на мысль о том, что наперекор традиционному подходу, сложившемуся в историографии, он доверился Касадо. Речь идет о поведении, о причинах которого мы должны задуматься. Возможно, он верил полковнику, не зря же за несколько месяцев до этого тот ему доказал как свои антикоммунистические настроения, так и преданность. Может статься, он подумал, что в случае столкновений с коммунистами, Касадо может послужить ему опорой»¹⁶⁰³. «В моменты в высшей степени критические он не доверял никому, даже Рохо, и играл в одиночку. Мы думаем, что также он не верил коммунистам, а те, разумеется, интуитивно чувствовали, что он не раскрывает до конца свои намерения. Его поведение с Касадо, возможно, объясняется подспудным желанием воспользоваться им при первой же возможности, в том числе, вполне вероятно, и против коммунистов»¹⁶⁰⁴.

Но к началу марта 1939 г. Негрин все же решился на новые перестановки в пользу коммунистов. Пусть они и сражаются до конца, если им хочется, пока умные люди будут «смазывать лыжи».

Коммунисты убеждали премьера, что необходимо провести чистку военных, но это только

¹⁶⁰¹ Cit.: Viñas Á, Hernández Sánchez F. Op. cit. P.147.

¹⁶⁰² Все время войны С. Касадо не производил впечатление представителя «пятой колонны», да и не относился к ней. Советские специалисты положительно оценивали его качества и преданность революции (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.438. Л.28.). Впрочем, были указания и на то, что он «подозрителен в политическом отношении» (РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.991. Л.61.). Как и Рохо, он просто служил Республике и прикрывался лозунгами, которые в действительности не вызывали у него энтузиазма. Но, в отличие от Рохо, придя к выводу о бесперспективности борьбы, Касадо не растерялся, а решил действовать.

¹⁶⁰³ Viñas Á, Hernández Sánchez F. Op. cit. P.188.

¹⁶⁰⁴ Op. cit. P.461.

усиливало антикоммунистические настроения старого офицерства. К Касадо, который был основным организатором военного заговора, присоединился и главнокомандующий Миаха¹⁶⁰⁵. 27 февраля Касадо запретил распространение «Мундо Обреро» в Мадриде за статьи, оскорблявшие ведущих политиков Республики.

2 марта Негрин начал перестановки в командовании. Касадо, 25 февраля произведенный в генералы, был назначен начальником Генштаба, на его место был назначен коммунист Буэно. Модесто должен был возглавить новую Маневренную армию, а Листер – Андалузский фронт. Коммунисты были назначены комендантами крупнейших городов. Для Касадо Негрин приготовил важнейший пост, но не связанный с непосредственным командованием. Этим Негрин бил сразу трех вальдшнепов – и снижал угрозу переворота со стороны Касадо, и менял растерявшегося Рохо, и умиротворял коммунистов. Только «выстрелил» Негрин поздно. Касадо отказался подчиниться этим решениям. Более того, Буэно и некоторые другие коммунисты отказались принять новые посты, опасаясь раскола в офицерском корпусе.

Касадо считал, что препятствием для сколько-нибудь достойных условий капитуляции являются коммунисты, к которым Франко особенно непримирим. Негрин, уже имевший негативный опыт поисков мира, не разделял эту – как показал опыт – наивную мысль. Тогда Касадо стал готовить переворот, чтобы осуществить свой план помимо Негрина. Поскольку авторитет премьера в это время пал низко, Касадо без большого труда договорился с представителями всех основных организаций Народного фронта, кроме коммунистов – необходимо отстранить от власти КПИ и Негрина и попытаться завершить войну миром, раз уж все равно нельзя победить. О безоговорочной капитуляции речь не шла, хотя Касадо, как станет ясно, не исключал и ее.

4 марта в связи с прибытием нового командира базы Ф. Галана начался мятеж на военно-морской базе Картахена¹⁶⁰⁶. Он нес огромную угрозу Республике. Как писал П. Тольятти, «если бы самые незначительные фашистские силы смогли войти в Картахену, неминуемо последовало бы быстрое крушение повсюду»¹⁶⁰⁷, так как противник наступал бы с тыла.

Командование базы арестовало Галана, а фалангисты воспользовались ситуацией и захватили радиостанцию и артиллерийский парк. Формально флот не поддержал мятеж, но адмирал М. Буиса получил хороший повод для дезертирства, которое он и его офицеры замыслили еще до начала событий.

Тем временем мятежники призвали франкистов на помощь по радио, и в Картахену был направлен десант. Но он опоздал – 5 марта коммунистическая бригада вернула город, франкистский десант был разгромлен. Когда коммунисты штурмовали город, флот по приказу адмирала М. Буиса и комиссара Б. Алонсо ушел в Тунис. Это было трагическое событие, учитывая, сколько республиканцев мог бы спасти флот в условиях краха Республики.

Удар «миротворцев»

Узнав о событиях в Картахене, Касадо решил, что тянуть больше нельзя, и выступил против правительства в ночь на 6 марта. Было объявлено о создании Национального совета обороны (НСО) без коммунистов. Председателем НСО стал прославленный Миаха. Реальным лидером мятежа был Касадо. В НСО вошли три беспартийных военных, 2 республиканца, два социалиста и 2 анархо-синдикалиста. Важной боевой силой мятежа были анархо-синдикалистские части 4

¹⁶⁰⁵ Миаха возглавил армию по приказу Негрина 12 февраля, но почти автоматически – как командующий единственной оставшейся зоны после падения Каталонии и фактического отказа Рохо продолжать руководство Генштабом.

¹⁶⁰⁶ Еще весной 1938 г., после единственного очевидного успеха республиканцев на море – потопления 6 марта 1938 г. крейсера «Болеарес», советские представители докладывали: «Вырос авторитет офицерского состава. Командование флота более решительно использует этот момент для „очистения“ флота и береговой обороны от коммунистов» (РГВА. Ф.35082. Оп.1. Д.469. Л.3.)

¹⁶⁰⁷ Коминтерн и гражданская война в Испании. С.459.

корпуса С. Меры.

Идеологом НСО и его министром иностранных дел стал «Бестейро, обуреваемый ложными представлениями, предубежденно оценивающий реальность и обремененный антинегринистскими и антикоммунистическими настроениями»¹⁶⁰⁸. Причем в своем первом выступлении от имени НСО он обвинил Негрина как раз в том, что было бы разумно делать в сложившейся ситуации – в том, что он тянет время в надежде, «что осложнение международной обстановки разрешится международной катастрофой...». В качестве альтернативы Бестейро предложил «проиграть с честью и достоинством»¹⁶⁰⁹.

Манифест Хунты был направлен против дезертирства и капитулянтства, в котором обвинялись Асанья (справедливо) и Негрин, который якобы «позорным образом» отказался от своих полномочий. Хунта подтвердила, что ее устраивает лозунг Негрина «Или мы спасемся все вместе, или же погибнем все», но только она может его осуществить¹⁶¹⁰.

Командующий армией Леванта Менендес колебался, но под давлением вооруженных коммунистов воздержался от открытого участия в движении Касадо. Это позволило коммунистам организовать эвакуацию части своих кадров через Валенсию и Картахену.

На сторону Касадо перешел также начальник штаба авиации коммунист Алонсо, но большинство командиров-коммунистов вступили в борьбу с мятежом. Однако командующие корпусами-коммунисты Э. Буэно, Л. Барсело и Д. Ортега медлили 6 марта, надеясь избежать широкомасштабного военного столкновения в тылу. Начальник СИМ Педреро отказался арестовывать Касадо. Однако комдив Асканио развернул наступление на ставку Касадо в Мадриде, захватив центральную часть столицы. 7 марта Барсело тоже вступил в борьбу с мятежом.

Большинство министров не считало возможным сопротивляться и предлагало подать в отставку, передав всю власть Барриосу. Против этого воспротивился коммунист Урибе, и тогда министры решили просто уехать – невозможно работать в таких условиях! «Успех Касадо был облегчен, по видимому, тем, что он восстал против правительства, которое и не думало защищаться. Уже в конце января большинство членов правительства было настроено пораженчески»¹⁶¹¹, – писал С. Марченко. Анархисты Меры восстали именно против такого пораженческого правительства, не зная о капитулянтских планах Касадо.

В этот момент еще, как рассказывает Тольятти, «Негрин не хотел выехать, покидая коммунистов, как он говорил, он был связан долгом чести»¹⁶¹². Однако после недолгих колебаний Негрин все же вылетел во Францию, лишив сопротивление перевороту необходимой в этих условиях легитимности. Как писал С. Марченко, «правительство уехало из Испании, довольное поводом, который дал ему Касадо, считая себя морально освобожденными от ответственности за сдачу центральной Испании»¹⁶¹³.

Коммунисты пытались организовать сопротивление в Мадриде и на побережье, но в целом эта ситуация «выбила из колеи» большинство их лидеров. Тольятти обратил внимание на такую особенность коммунистических кадров в этой обстановке: «Привыкшие к власти и к тем возможностям работы, которые она предоставляла, им не удавалось работать быстро при полулегальном положении»¹⁶¹⁴. Часть Политбюро ЦК КПИ и Тольятти были арестованы

¹⁶⁰⁸ Viñas Á, Hernández Sánchez F. Op. cit. P.461.

¹⁶⁰⁹ Сория Ж. Указ. соч. С. 275–276.

¹⁶¹⁰ Там же. С.274.

¹⁶¹¹ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.27.

¹⁶¹² Коминтерн и гражданская война в Испании. С.461.

¹⁶¹³ АВП. I Западный отдел НКВД. Испания. 1939. П.104. Д.43. Л.28.

¹⁶¹⁴ КИ и ГВ467

касадистами (в силу их малой публичной известности позднее им удалось бежать). Касадисты захватили Аликанте, разрушив надежды на создание надежного очага сопротивления перевороту в Центральной Испании.

Выступление Касадо с самого начала было направлено против Негрина и коммунистов, но официально оно не было капитулянтским. Выступая по радио 11 марта, Касадо заявил: «Наша борьба не закончится до тех пор, пока не восторжествует независимость Испании. Испанский народ не сложит оружие, пока не получит гарантию мира, свободного от преступлений. Либо мир для Испании, либо борьба не на жизнь, а на смерть. Мы, независимые и свободные испанцы, готовы принять любое из этих двух решений. Солдаты! Да здравствует Испания, свободная от чужеземного вмешательства! Да здравствует Республика!»¹⁶¹⁵ Поэтому нельзя обвинять в капитулянтстве всех, кто поддержал НСО. В крайнем случае – в глупости. Но их мотивы отчасти были продиктованы подозрительным поведением Негрина: «Мы не можем согласиться с тем, что пока народ готовится к смертельному сопротивлению, его руководители готовятся совершить комфортабельное жульничество... Мы заявляем, что мы не дезертируем и не потерпим дезертирства... Мы обещаем, что никто (из лидеров – А. Ш.) не покинет Испанию, прежде чем смогут уехать все желающие»¹⁶¹⁶. Мы видели, что Негрин действительно готовил эвакуацию «самых нужных» за спинами остальных. В результате выступление Касадо получило столь широкую поддержку. Что особенно важно, выступление Касадо было поддержано командующим 4 корпусом анархо-синдикалистом С. Мерой. По его мнению, целью НСО было заключение «мира, почетного мира, основанного на незыблемых принципах справедливости и братства, мира без унижений и слабости». По мнению Меры, если предложение мира «упрется в стену непонимания», следовало продолжать вооруженную борьбу против Франко¹⁶¹⁷. Политическая неопытность опять подвела анархистов – они поверили, что речь идет об отстранении от власти авторитарной силы коммунистов, о переговорах о достойном мире, а не о капитуляции. Как вскоре выяснилось, Касадо «решал „свою“ личную проблему, обрекая людей на настоящее массовое смертоубийство. На расстоянии от него наблюдается другая личность, которая играет роль настоящего цепного пса: выдающийся борец против фашизма, героический анархист Сиприано Мера. Несомненно, Касадо и его обманул, но почему-то нам кажется, что Мера слишком легко позволил себя обмануть»¹⁶¹⁸. Заклеймив таким образом идейно чуждого Мери, А. Виньяс и Ф. Эрнандес готовы проявить снисходительность к своему герою Негрину: «В трагедии республиканцев, которой явился финал войны, каким он сложился исторически, можно ли найти оправдания хотя бы кому-нибудь из них? По нашему мнению, можно сделать исключение для заблуждающегося Негрина, несмотря на две его основные ошибки: его управление флотом и его стратегия одиночной игры, без раскрытия своих карт. Несомненно, такое поведение можно понять, если подходить к этому с точки зрения той эпохи. Ход событий вынудил его спастись бегством (хотя, конечно, он мог решить сдаться, подобно тому библейскому агнцу, который безропотно пустился в путь на заклание), а также избавил от необходимости спускать флаг»¹⁶¹⁹. Что же будем снисходительны к заблуждающимся (но тогда уж не только к Негрину, но и к Мере). Однако не забудем и то, что, во-первых, игра «без раскрытия карт» спровоцировала анархо-синдикалистов на поддержку НСО (ну не хотели они, чтобы их держали «за болвана в старом добром польском преферансе», когда Негрин готовит эвакуацию «своих»). И, во-вторых, что бегство Негрина лишило антикасадистов остатков легитимности, окончательно дезорганизовав Республику административно-политически. Исход борьбы в республиканском лагере еще не был ясен, корабль еще только накренился, а капитан уже прыгнул в шлюпку,

¹⁶¹⁵ Cit.: Viñas Á, Hernández Sánchez F. Op. cit. P.360.

¹⁶¹⁶ Peirats J. Op. cit. V. III. P.298.

¹⁶¹⁷ Сория Ж. Указ. соч. Т.2. С.276.

¹⁶¹⁸ Viñas Á, Hernández Sánchez F. Op. cit. P.462.

¹⁶¹⁹ Op. cit. P. 462–463.

оставив пассажиров и экипаж, в том числе – и верную часть команды.

* * *

Касадисты начали арестовывать коммунистов, коммунисты требовали вхождения в состав НСО и прекращения их преследования. Последовал отказ. 7 марта верные Негрину части под командованием командующего 1-м корпусом Барсело установили почти полный контроль над Мадридом, коммунисты расстреляли несколько офицеров из штаба Касадо. Авиация касадистов бомбила штаб-квартиру КПИ. 9 марта подошли новые части Меры, которые выбили коммунистов из центра Мадрида.

12 марта перед угрозой наступления франкистов коммунисты прекратили сопротивление, потребовав от НСО заключить почетный мир, гарантирующий независимость Испании. Касадисты провели аресты коммунистов и расстреляли Барсело, отомстив за казненных касадистов. Анархо-синдикалисты настаивали, что коммунисты должны получить право на политическую деятельность, им также должно быть обеспечено право на беспрепятственную эвакуацию.

Но Франко не собирался идти на переговоры даже с правительством без коммунистов. Это обрекало политику НСО на крах. Провалились и официальные попытки Касадо добиться почетной капитуляции с разрешением уехать всем желающим.

16 марта Франко напомнил Касадо, что требует только безоговорочной капитуляции. 19 марта НСО согласился вступить в технические переговоры о сдаче позиций. Их результатом стала капитуляция авиации, что еще сильнее затруднило эвакуацию. Таким образом, как пишут испанские историки, «Касадо и его товарищи по мятежу (социалисты, анархо-синдикалисты, буржуазные республиканцы) оказали великолепную услугу Франко, предоставив ему возможность, спутав все планы эвакуации, захватить и приступить к систематическому уничтожению самых известных личностей из тех, кто мог оказаться ядром внешней оппозиции и имел за плечами огромный военный и политический опыт»¹⁶²⁰. Впрочем, значительной части опытных политиков удалось уехать, но они не сумели организовать эффективного противодействия Франко из-за границы. Касадо сделал нечто большее, чем срыв планов Негрина по эвакуации. Он не дал Республике продержаться считанные месяцы, которые оставались до европейской войны.

Поняв, что Франко не будет разговаривать с ним как с партнером, Касадо стал общаться как агент: «Я заявил и подкрепил словом чести, что, когда закончится война, моим намерением будет остаться в Испании, поскольку таков мой воинский долг. Однако 23 марта мои уполномоченные в переговорах о мире в Бургосе передали мне предложение Генералиссимуса с просьбой о том, чтобы я и все члены Национального совета обороны покинули Испанию по окончании войны, и в случае, если у нас не будет средств для отъезда, он предоставит нам самолет. Учитывая положение Генералиссимуса и свое, я воспринял это предложение как приказ»¹⁶²¹.

Касадо пытался доказать франкистам, как много он сделал для них, придумывая и дополнительные заслуги: «В конце концов, если бы я не предотвратил переворот, который готовило коммунистическое государство, то какой была бы судьба фалангистов и их родных, профессиональных военных, тех, кто нашел пристанище в посольствах, анархистов, церквей, подвалов Мадрида, рудников Альмадена?»¹⁶²² Даже рудники отдам в целости и сохранности! (Впрочем, республиканцы и не планировали какого-то тотального уничтожения.)

22 марта НСО выдвинул откровенные требования, которые боялся сформулировать ранее, но ради которых и брал власть – Республика готова капитулировать, если Франко даст возможность эвакуироваться тем, кто хочет уехать.

Незадолго до этого комитет связи НКТ-ФАИ принял воззвание, в котором утверждал, что НСО не капитулирует, и если Франко не согласится на почетные демократические условия мира

¹⁶²⁰ Op. cit. P.465.

¹⁶²¹ Op. cit. P. 360–361.

¹⁶²² Op. cit. P.361.

(выдвинутые 6 марта), «мира не будет. Мы будем стоять насмерть»¹⁶²³. Реально вести войну теперь было возможно только в партизанских формах. Это не были просто слова. Анархисты вели партизанскую войну вплоть до 50-х гг. До 1948 г. вместе с анархистами действовали и коммунистические партизанские отряды.

* * *

Трагедия мартовских событий 1939 г. заключается и в том, что аккурат после начала мятежа Касадо обстановка в Европе стала быстро меняться. Когда республика стала агонизировать, у нее вдруг снова появились шансы на выживание в связи с общеевропейским конфликтом.

15 марта немцы вошли в Прагу. После некоторых колебаний¹⁶²⁴ Чемберлен был вынужден признать, что Гитлер его «кинул», нарушив Мюнхенское соглашение. В гневной речи 17 марта 1939 г. Чемберлен сделал вид, что отказывается от политики умиротворения. 31 марта он предоставил Польше гарантии вступления Великобритании в войну, если страна подвергнется «прямой или косвенной агрессии». После оккупации Албании гарантии были предоставлены балканским странам. Напряженность в англо-германских отношениях резко возросла. Чемберлену пришлось обратиться к претившей ему политике «коллективной безопасности», что вызывало одобрение и французов. Чемберлен утверждал: «Наш общий курс в отношении Германии направлен не на защиту отдельных стран, которые могут оказаться под угрозой с ее стороны, а на предотвращение германского господства на континенте, в результате чего Германия усилится настолько, что сможет угрожать нашей безопасности»¹⁶²⁵.

В этих условиях британская и французская дипломатия проявили интерес к сближению с СССР, что уже через месяц вылилось в предложение о переговорах о военно-политическом союзе. Интересно, что во время этих консультаций англичане и французы учитывали и фактор пиренейских государств, который ставили даже выше, чем возможную помощь со стороны СССР¹⁶²⁶. В этих условиях Франция вполне могла бы переправить советское оружие в Испанию.

Такое стремительное изменение международной ситуации ставило перед Испанией вопрос о том, что нужно «только день простоять, да ночь продержаться». Но, увы, мятеж Касадо подрезал тот волосок, на котором еще держалась жизнь Испанской республики. Вывод о невозможности дальнейшего сопротивления был сделан организаторами НСО в одних условиях, а Республику они обрушили уже в других – в непосредственной преддверии Второй мировой войны, которая изменит в мире все. Все, кроме судьбы Испании, которая решилась накануне.

* * *

Касадо боялся, что когда выяснится невозможность «почетного мира», его выступление провалится. Он телеграфировал Франко 25 марта: «Возможно, что... та поддержка, которую мне до настоящего момента оказывал народ, завтра утром превратится уже в неприкрытую ненависть, поскольку он будет считать меня предателем его желаний, прислушавшись к доводам коммунистов, которые распространяют преступный приказ оказывать сопротивление ...»¹⁶²⁷. Так бы и вышло, если бы Республика просуществовала еще хотя бы неделю.

Мятеж Касадо показал всем – дело идет к капитуляции. На каких условиях – это вопрос. Но было ясно, что Франко не пойдет на демократический мир. Начался исход политических лидеров и офицеров с территории Республики – спасались как могли. Потоки беженцев заполнили порты.

¹⁶²³ Peirats J. Op. cit. V. III. P.381.

¹⁶²⁴ Подробнее см.: Шубин А. В. Указ. соч. С. 308–311.

¹⁶²⁵ 1939. Предвоенный кризис в документах. М., 1992. С.74.

¹⁶²⁶ Там же. С.77.

¹⁶²⁷ Viñas Á, Hernández Sánchez F. Op. cit. P.362.

Солдаты толпами уходили с позиций. Если до мятежа Республика могла бы продержаться еще месяц-другой (а при условии благожелательной позиции Франции и переброске через ее территорию советского оружия и снаряжения – то и несколько месяцев), то теперь никто не мог остановить катастрофу.

Осознав, что Франко не станет церемониться со своими незадачливыми партнерами, члены НСО 27 марта стали разбегаться из Мадрида. В столице остался лишь наивный Бестейро, полагавший, что миротворчество избавит его от франкистской тюрьмы (он умрет в заключении в 1940 г.)

27 марта фашисты перешли во всеобщее наступление, 28 марта – без сопротивления заняли Мадрид. 1 апреля организованное сопротивление республиканцев прекратилось. 4 апреля итальянские танкетки вошли в Аликанте, где скопилось несколько тысяч беженцев. Западные корабли отказались взять их на борт. Часть антифашистов покончили с собой в Средиземном море, остальных ждала безжалостная расправа.

Испания была под контролем франкистских войск. Война, которая только в ходе военных действий унесла более 300 000 человек, закончилась. Но начался пир победителей – оставшиеся в стране бойцы республиканской армии, члены профсоюзов и партий Народного фронта отправились в концлагеря. Несколько десятков тысяч человек было расстреляно, более миллиона человек – отправлено в тюрьмы и на принудительные работы. Таково было лицо антикоммунистического тоталитаризма.

Нынешние адвокаты франкизма пытаются сгладить впечатление от развернувшегося в Испании социцида: «Критика послевоенных репрессий также должна учитывать тот факт, что, пусть среди жертв и были невинные, но большинство были осуждены, весьма вероятно, за тягчайшие преступления»¹⁶²⁸. Никаких доказательств этой идеи не приводится – достаточно трогательного доверия к фашистской юстиции.

Тот факт, что среди репрессированных вскоре после войны оказались люди самых разных идей, радикальности, вовлеченности в насильственные действия – как раз доказывает, что Франко и исполнителям его воли было совершенно все равно, каковы реальные преступления репрессированных. Он проводил тотальный террор против политической и социальной культуры Республики. И попытки Л. Пиа Моа оправдать это явное проявление тоталитаризма на испанской почве голословными рассуждениями о преступном «большинстве» репрессированных, показывает, что от современного консерватизма до фашизма может быть ближе, чем от троцкизма до сталинизма. Прошлое рядом, только тряхни социальную почву – и чудовища ползут из закоулков вполне уважаемой политической культуры.

* * *

Прямое столкновение двух авторитарных режимов, ориентированных на тоталитарные режимы за рубежом, завершилось победой связанного с фашистскими державами франкизма. Военно-авторитарная машина франкизма изначально была более эффективной, и победить ее можно было «несимметричными» методами. Подавление революционного импульса в Республике ослабило принципиальную альтернативность «двух Испаний» и поставило республиканцев в полную зависимость от внешнеполитических факторов. Блокада со стороны западноевропейских режимов и вынужденное ослабление вмешательства СССР в конфликт обрекли республиканцев на поражение. Испанская республика агонизировала, практически забытая миром, который напряженно следил за событиями в Центральной и Восточной Европе. Это равнодушие к Испании, которое так контрастировало с напряженным вниманием к ней всего мира в 1936–1937 гг., можно объяснить и переменчивостью «общественного мнения», и новыми, более опасными угрозами миру на планете. После мая 1937 г. Испания перестала нести миру что-то новое, неведомое. Она стала одной из малоценных фигур в сложной предвоенной политической игре. Республика лишилась обоих источников жизни – революционной энергии и внешней помощи.

И все же, и все же... Подводя итог борьбе за Республику в письме к Молотову 14 апреля 1939 г., Негрин писал: «Совокупность испанской проблемы не может быть отделена от борьбы,

¹⁶²⁸ Pío Moa L. Op. cit. P.490.

открытой и с каждым днем все более откровенной, между тоталитаризмом и антифашизмом. Мы еще должны будем, я в этом убежден, сыграть в ней значительную роль. Во всяком случае, моя страна показала пример. Бессильная против значительно ее превосходящих сил вторжения, преданная внутри и во вне, покинутая демократиями, она все же смогла бороться в течение почти трех лет»¹⁶²⁹. И пусть Негрин преувеличивает роль внешних факторов, пусть он покинул свой пост, пусть он ошибался по поводу роли Испании в будущих битвах, пусть... В этот горький час поражения он словно передавал эстафетную палочку борьбы антифашизма против коричневой тоталитарной чумы. И борьба продолжилась, и были новые предательства и поражения, но была и Победа. И эта победа предопределила не только судьбу мира, но в конечном итоге и судьбу Испании, где фашизм тоже стал не магистралью, а тупиком. Значит, не напрасной была и борьба Республики.

Испанская революция пала под ударами, но она открыла фронт сопротивления наступлению мировой реакции. Она показала пример. Как писал И. Эренбург, «в Европе тридцатых годов, взбудораженной и приниженой, трудно было дышать. Фашизм наступал, и наступал безнаказанно. Каждое государство, да и каждый человек мечтали спастись в одиночку, спастись любой ценой, отмолчаться, откупиться. Годы чечевичной похлебки... И вот нашелся народ, который принял бой. Себя он не спас, не спас и Европы, но если для людей моего поколения остался смысл в словах „человеческое достоинство“, то благодаря Испании. Она стала воздухом, ею дышали»¹⁶³⁰. А чем сегодня дышите вы? Есть ли вам чем дышать?

Эпилог Звездный час Испании

[ru]

Великая испанская революция стала результатом резонанса нескольких глубинных социальных конфликтов: противоборства «двух Испаний» – консервативной религиозной и светской прогрессистской; противоречий перехода от аграрного общества к индустриальному; выбора стратегий перехода к социальному государству в условиях начавшейся Великой депрессии. Это наложение привело к формированию усложненного идеологического спектра от анархистов до фашистов. Либеральный центр в этих условиях размывался и пользовался все меньшей поддержкой. Бурное развитие анархизма, особенно анархо-синдикализма, стало важной особенностью Испанской революции даже в сравнении с Российской революцией, где анархизм тоже играл важную роль. Развитию социалистических идей способствовали и традиции социальной солидарности испанских трудящихся.

Каждая из влиятельных политических сил испанской трагедии не была монолитной. Правая СЭДА колебалась между фашизмом и консерватизмом, а фашизм пытался совместить итальянские образцы, испанскую консервативную традицию и синдикализм. Либеральные организации сдвигались то в сторону консерватизма (радикалы), то к социал-демократическим ценностям. ИСПП раздиралась борьбой левых социалистов (кабальеристов) и социал-либералов (приетистов и др.). Либертарный лагерь располагался в широком спектре от анархистского экстремизма до умеренного синдикализма, близкого к левой социал-демократии. Острее всего были противоречия между марксистами-ленинцами. КПИ и национал-коммунистическая (прокоммунистическая) ОСПК считали своим главным врагом наряду с фашизмом антисталинскую марксистско-ленинскую ПОУМ, искавшую союза с НКТ. Важную роль в политической жизни играли профсоюзы, реально контролировавшие свою членскую базу не только в социальном, но и в политическом отношении.

Ситуация в Испании зависела и от мировых процессов: Великой депрессии, борьбы между фашистами и коммунистами. Большое значение в испанских условиях имела политика Народного фронта, инициированная Коминтерном. Она предоставила организационную форму для

¹⁶²⁹ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1266. Л.13.

¹⁶³⁰ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. М., 1963. С.545.

консолидации левых сил и способствовала переходу КПИ на умеренные позиции. Однако победа Народного фронта на выборах была в значительной степени обеспечена поддержкой анархо-синдикалистов.

Накал страстей после прихода к власти Народного фронта диссонировал с умеренностью проводившихся либеральным правительством преобразований. Массовые настроения искусственно «накручивались», радикализировались идеологической элитой. Возможность победы политических противников рассматривалась как катастрофа. Умеренная политика либералов не соответствовала глубине социального кризиса. Ситуация была использована профашистскими военными для попытки захватить власть и уничтожить Республику. Хотя Франко и его генералы самоидентифицировались весьма многозначным термином «националисты», их идеология носила фашистский характер.

Попытка военных положить конец правлению «левых» привела к немедленному контрудару со стороны профсоюзов и социалистических партий. Они обеспечили мобилизацию общества и добились раздачи оружия народу. Республиканская армия стала формироваться как милиционная. Это обеспечило первоначальный успех республиканцев на большей части территории страны.

И мятеж, и борьба с ним сопровождалась террором. Правый террор был более систематическим, республиканско-анархический – более спонтанным.

Помощь стран «Оси» помогла мятежникам оправиться от первого удара, полученного в июльские дни. И тут стало ясно, что республиканская милиция, превосходившая армию в условиях противоборства в городах, не может вести наступательную войну. Попытка наступления милиции НКТ на Сарагосу не удалась. Здесь фронт стабилизировался. В других регионах, где милиционная система не опиралась на прочную синдикалистскую структуру в тылу, милиция не могла организовать и достаточного сопротивления фронтальному наступлению армии.

Интернационализация конфликта в Испании оказалась неожиданностью для европейской дипломатии. Сначала казалось, что дело быстро решится или победой переворота, или его разгромом. Вместо этого началась затяжная война, причем во многом – из-за внешнего вмешательства. Бурная дипломатическая активность вокруг испанской трагедии создает у некоторых авторов впечатление, что судьба Испании решалась не в Мадриде. Именно из этого и исходили «вершители судеб мира» в Лондоне, Париже, Берлине и Риме. Однако испанцы своей борьбой «смешивали карты» европейской дипломатии. Если бы республиканцы не отстояли Мадрид, не продолжали борьбу до 1939 г., то «испанский вопрос» быстро сошел бы с повестки дня. Судьба Испании решалась не только в Мадриде – но и в Мадриде тоже. Вопреки мнению и ряда политиков Республики (включая президента Асанью), и некоторых современных историков, война не была проиграна республиканцами изначально, тем более, что они получили своевременную помощь от СССР, которая до 1938 г. наряду с интербригадами уравнивала фактор фашистской интервенции.

Испания, оказав сопротивление фашизму, изменила ситуацию в Европе. Она создавала напряжение в отношениях консервативного правительства Великобритании и «идеологически близкого» Республике «Народного фронта» Франции. Однако лидеры французского «Народного фронта» по существу предали Испанскую республику, опасаясь и революции, и фашизма. Война в Испании способствовала сближению Германии и Италии, и ради возвращения Италии в «Антанту» Великобритания и Франция были готовы пожертвовать Испанской республикой. Политика умиротворения, венцом которой стал «Мюнхенский сговор», сначала была «апробирована» в Испании в виде политики «невмешательства». По тактическим соображениям СССР принял в ней участие. Убедившись, что фашисты не остановили помощь мятежу, советское руководство также стало оказывать помощь Республике. Для СССР и по идеологическим, и по внешнеполитическим соображениям было принципиально важно, чтобы Республика не была разгромлена. Война в Испании не только была первой широкомасштабной битвой с фашизмом. Она отвлекала внимание Запада, в том числе и нацизма, в противоположном от границ СССР направлении.

Испания повлияла на ход событий в переломную вторую половину 30-х гг. еще и тем, что стала важнейшим военно-политическим полигоном. Испания предоставила бесценный военно-политический опыт в таких вопросах, как роль авиации и артиллерии в современной войне (меньше проявили себя танки), соотношение фронта и тыла и т. д. Не всегда этот опыт был воспринят, а отчасти – и устарел с началом Второй мировой войны и ее блицкригов. Военные

эксперты и СССР, и Франции могли убедиться, что «война моторов» может быть позиционной – как Первая мировая. И это вело к трагическим ошибкам 1940–1941 гг.

* * *

Старт Гражданской войны, всеобщее вооружение активных граждан в Республике привели к началу уже не просто социально-политической, а глубокой социальной революции – качественных изменений системы собственности и власти. В результате проведения индустриальной коллективизации (инкаутации, социализации) в Испании, прежде всего в Каталонии и Арагоне, возник новый сектор экономики, качественно отличавшийся как от капиталистического, так и от государственного – прежде всего развитой системой производственной демократии, участия труженика в принятии производственных решений. Отрицательное отношение анархистской доктрины к «демократии» как многопартийной парламентской системе не помешало анархо-синдикалистам распространить демократию на сферу производства. Опираясь на профсоюзные структуры, анархо-синдикалисты и левые социалисты сделали практический шаг к ликвидации отчуждения производителя от средств производства. Но это был только шаг.

На место диктатуры менеджера пришла власть коллектива в лице его актива (прежде всего профсоюзных вожakov из структуры НКТ) и почти религиозное воздействие анархистских лозунгов, противодействие которым могло рассматриваться как контрреволюция. Однако влияние идеологии, разделявшейся значительной массой рабочих, играло мобилизующую роль, в том числе на производстве. Анархо-синдикалистам и левым социалистам удалось создать относительно эффективную и относительно демократическую социальную систему (насколько это возможно в условиях гражданской войны), основанную на производственной демократии. Несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, вызванную войной и расколом страны, коллективизированная промышленность не допустила резкого падения производства. Введение системы производственной демократии обеспечило ту эффективность производства, которая вообще была возможна на испанских предприятиях того времени в условиях войны и частичной экономической блокады. Миф о том, что «анархо-синдикалисты развалили производство» можно считать окончательно опровергнутым. Получив в свои руки фабрики, рабочие и инженеры сделали максимум возможного. Производство, необходимое для нужд войны, смогло превысить довоенные показатели. Однако модель самоуправления и производственной демократии, координируемой профсоюзами и полугосударственными общественными структурами, не устраивала представителей других политических сил. В 1937 г. это привело к резкому обострению политической борьбы в республиканском лагере. Борьба против производственной демократии, предпринятая в период правления Негрина (1937–1939), способствовала падению экономических показателей по сравнению с временами правительства Ларго Кабальеро.

Также в Республике широкое распространение приобрела инициированная анархистами сельская коллективизация. В отличие от СССР, она не была вызвана давлением на крестьянство со стороны государства. В некоторых случаях большинство крестьян принуждало к коллективизации меньшинство, в некоторых единоличное хозяйство сохранялось. Иногда принуждением к коллективизации занимались отряды радикалов-анархистов, но НКТ и лидеры анархо-синдикалистов выступали против этого. Массовую поддержку коллективизации и ее добровольный характер для большинства крестьян подтверждает и тот факт, что после поражения анархо-синдикалистов в столкновении с коммунистами в мае – августе 1937 г., когда никакой возможности применять насилие в отношении противников у анархистов уже не было, массовое движение аграрных коллективов продолжалось и даже расширялось. В целом коллективизация дала хороший эффект и в масштабах всей страны. Положение с продовольствием весной 1937 г. заметно улучшилось, расширялись посевные площади, что признавали и противники анархистов. Успехи и неудачи конкретных коллективов зависели от их лидеров, но в целом движение, явочным порядком ликвидировавшее налоговый гнет, латифундизм и мелкое parcelлярное хозяйство, показало свою жизнеспособность.

С сентября 1936 г. по май 1937 г. правительство Республики во главе с Ф. Ларго Кабальеро содействовало глубоким социальным преобразованиям. С ноября в нем участвовали анархо-синдикалисты, и таким образом это было правительство не просто Народного фронта, а широкой антифашистской коалиции. Деятельность министров-анархистов в правительстве в

основном носила не какой-то специфически анархический, а общедемократический характер, вписывалась в рамки социального государства. Пока НКТ оставалась в правительстве, противники анархо-синдикалистского социально-экономического эксперимента не могли развернуть серьезное наступление против сектора производственной демократии. Как только НКТ покинула правительство, это наступление началось и привело к существенному свертыванию социальной революции. Пребывание НКТ в правительстве было условием сохранения той глубины революции, которая была достигнута осенью 1936 г. После вхождения в правительство Испании синдикалисты проводили здесь относительно плюралистичную экономическую политику, которая поддерживалась Ларго Кабальеро и по существу стала основой социально-экономического курса кабинета в целом.

В период правления Ларго Кабальеро военное строительство Республики основывалось на сочетании принципов милиционности на уровне подразделений и регулярности – на уровне управления частями. Это сочетание не уберегло Республику от поражения в Малаге, но позволило отстоять Мадрид и одержать победу над итальянским экспедиционным корпусом под Гвадалахарой. Правительство Негрина-Прието стало разрушать милиционную систему, но побед не добилось. Падение энтузиазма солдат и рост кастовости и бесконтрольности офицерства способствовали падению боеспособности республиканской армии во второй половине 1937 г. и ее поражениям. Свержение Ларго Кабальеро сорвало подготовку операции в Эстремадуре, которая могла вывести войну из губительной для республики позиционной фазы.

Внутренние раздоры, более характерные для Республики, чем для режима Франко, были опасны для нее не сами по себе. Лишь в короткие моменты они могли нести угрозу фронту, и Франко этими моментами не воспользовался. Внутриполитические конфликты негативно сказались на судьбе Республики не столько своим ходом, сколько исходом в мае 1937 г.

В первой половине 1937 г. нарастали противоречия в республиканском лагере. Коммунисты выступали против той революции, которая разразилась в Испании, они считали, что эта революция ведет в сторону от общества советского образца, к которому они стремились, и к тому же мешает победе Республики. В последнем они сходились с Ананьей, Прието и Негрином. Политический центр Республики уходил вправо, коммунисты становились центром консолидации «партии порядка», противостоявшей социальной революции. Ларго Кабальеро стоял на стороне происходившей в Испании революции и потому, что считал ее средством мобилизации активности масс, необходимой для победы над фашизмом, и потому, что революция придавала борьбе ясный смысл – победа нового общества над старым, а не просто сохранение той Испании, которая существовала до 1936 г. Ларго Кабальеро и его сторонники искали модель нового общества, которое образуется в ходе революции и будет соответствовать принципам демократического социализма. Познакомившись поближе с идеями, которые отстаивали вошедшие в правительство синдикалисты, кабальеристы стали склоняться к идее создания общества, основной структурой, ядром которого являются профсоюзные организации трудящихся.

3 мая 1937 г. ОСПК и каталонские националисты спровоцировали вооруженные столкновения с анархо-синдикалистами в Барселоне, которые объявили «анархо-троцкистским мятежом». Несмотря на то, что сторонам удалось достичь соглашения о прекращении огня, столкновения 3–6 мая были использованы противниками НКТ и ПОУМ для установления контроля над Барселоной и начала репрессий против оппозиции. Но пока сохранялось правительство Ларго Кабальеро, расследование событий в Барселоне могло привести к компрометации ОСПК и коммунистов в целом. Поэтому для коммунистов стало делом принципа скорейшее свержение Ларго Кабальеро, не соглашавшегося с трактовкой столкновений как «анархо-троцкистского» мятежа. Таким образом задуманное коммунистами еще в марте отстранение Ларго от реальной власти стало в мае непосредственной задачей. При этом КПИ была готова сохранить Ларго в качестве формальной фигуры главы правительства при условии сосредоточения реальной власти и прежде всего контроля над силовыми структурами в руках блока коммунистов и «центристов» ИСРП.

Коммунисты добивались смены правительственной стратегии и военной политики, не останавливаясь при необходимости на отстранении от власти главы правительства. Однако это не значит, что они заранее спланировали весь ход майского политического кризиса, начиная от вооруженных столкновений в Барселоне. Они были готовы действовать решительно и грубо, отгрызая у оппонентов позицию за позицией, но когда их действия в Барселоне вызвали взрыв

недовольства – в первый момент даже растерялись. Более того, результат их действий в Барселоне вовсе не гарантировал коммунистам разгром оппонентов и даже ставил под угрозу их собственные позиции. В сложившейся ситуации коммунистов фактически спасли лидеры правого крыла ИСРП и президент Асанья. Это привело к новому разделу власти, в котором позиции коммунистов не были еще безусловно доминирующими, хотя и усилились. Коммунисты могли воспользоваться и другим, менее рискованным поводом, чтобы продвинуться по пути превращения Испанской республики в «народную демократию». Они не были всемогущими комбинаторами, их сила была в другом – в последовательности, с которой они шли по пути этатизации, увлекая за собой этатистов ИСРП.

После майских событий Ларго Кабальеро мог остаться во главе правительства при одном из двух условий: либо подчиниться диктату и превратиться в номинальную фигуру, либо, воспользовавшись неблагоприятной ролью ОСПК в событиях в Барселоне, ослабить коммунистов и создать правительство на новой профсоюзной основе (уравняв в правах ВСТ и НКТ), проигнорировав мнение президента, апеллируя к организованным массам. Это, конечно, в очередной раз нарушало бы Конституцию, но после 18 июля ее нередко нарушали. Такова революция. Это был один из переломных моментов в развитии Испанской революции, а значит, и мира. Возникнет ли новая синдикалистская модель, которая будет существовать наряду с американским, советским и фашистским вариантами регулируемого индустриального общества? Будет ли стоять перед странами, вступающими на путь социального государства, выбор: создавать новое общество на основе авторитаризма, капиталистического плюрализма или, как в Испании, – на основе производственной демократии?

Очевидно, что правительство, ядро которого состояло бы из профсоюзных лидеров НКТ и ВСТ, продолжало бы социальные преобразования, направленные на упорядочение коллективизации и синдикализации. Это правительство провело бы расследование событий в Барселоне в невыгодном для коммунистов ключе, что могло привести к ослаблению позиций коммунистов и в силовых органах, а в конечном итоге – к поражению КПИ в борьбе за власть. Однако этот же вариант развития событий означал отстранение от власти не только коммунистов, но и правых социалистов, а также республиканцев. Но в мае 1937 г. Ларго Кабальеро не решился действовать революционно. «Испанский Ленин» не обладал решительностью Ленина настоящего. В то же время Ларго Кабальеро отказался от роли украшения «на носу корабля», который резко менял курс.

Не решившись на разрыв с партийно-президентской системой, Ларго Кабальеро проиграл, и 17 мая М. Асанья поручил формирование правительства социалисту Х. Негрину, ориентированному на теснейшее сотрудничество с КПИ. Политический переворот подготавливался весной 1937 г. не в пользу персон, а в пользу блока коммунистов и правого крыла социалистов. Выбор социал-либеральных и коммунистических политиков пал на Х. Негрина как наиболее удобную компромиссную фигуру.

Эмиссары Коминтерна непосредственно участвовали в этих комбинациях и пользовались большим влиянием в коалиции «майских победителей». Очевидно, что без их поддержки правые социалисты не смогли бы одержать верх над Ларго Кабальеро и социальной революцией.

* * *

У антифашистов был не один (внешний), а как минимум два фактора сопротивления (что доказывает уже оборона Мадрида) – революция и помощь СССР. В сложившихся условиях нельзя было победить, имея только один из них. Поражение вытекало из ослабления не только советской помощи, но и революции. Парализовав революцию, новое испанское руководство убило стимулы самоотверженной борьбы за победу. Ларго Кабальеро мог совмещать оба этих источника силы Республики. Негрин отказался от одного из них, после чего от поражения Республику могло спасти только начало Второй мировой войны.

До 1938 г. советская помощь уравновешивала материально-техническое вмешательство Германии и Италии, а интербригады отчасти – присутствие итальянского военного контингента. В конце 1937 г. советская помощь стала ослабевать, в то время как фашистская – нарастала. Ослабление советской помощи было связано как с разочарованием советского руководства неспособностью нового правительства Негрина-Прието добиться обещанного перелома в войне,

так и усложнением международной ситуации, когда испанская проблема становилась менее важной по сравнению с кризисами в Китае и Чехословакии.

Со второй половины 1937 г. советская помощь поступала также в Китай, и объем поставок на Восток «вычитался» из того, что СССР мог направлять в Испанию. Китай был даже важнее для СССР, чем Испания – ведь на этот раз борьба развернулась в непосредственной близости от советских границ. Сдерживание Японии на дальних подступах к СССР было для него крайне важным на протяжении всех 30-х гг.

Весной-летом 1937 г. Республиканцы получили возможность перехватить инициативу, когда Франко, сконцентрировав силы на Севере, воевал на два фронта. Вместо того, чтобы сосредоточить усилия на деле победы, на подготовке наступательной операции, коммунисты и социал-либералы увлеченно боролись за власть, а Республика теряла время. Летом они провели операцию в своем стиле, и стало ясно, что их методы не лучше, а хуже, чем стиль войны Ларго Кабальеро. А в июле – декабре 1937 г. шанс перехватить инициативу был упущен.

Несмотря на это, СССР продолжал оказывать поддержку Республике, сохранение которой (даже без шанса на победу) отвлекало Германию и особенно Италию от действий на востоке Европы.

Регулируя помощь в зависимости от сложной внешнеполитической ситуации, Сталин не отказывался от продолжения борьбы в Испании и усиления контроля над политической системой Республики. Как показывает опыт «народных демократий», Сталин и в куда более благоприятных условиях при установлении коммунистических режимов действовал постепенно.

* * *

В мае 1937 г. на место революционного правительства пришла коалиция, заинтересованная в снижении, а затем и полном погашении накала революции. Однако сильнейшей фракцией майского режима были коммунисты, которые, при всей своей внешней умеренности, не отказывались от идеи превращения Испании в социалистическую страну (в их понимании слова). Правительство Негрина занялось деколлективизацией, но одновременно – и национализацией. Это было не только отступление от прежних революционных завоеваний, но смена вектора революции от самоуправления к этатизму, огосударствлению. Режим, который образовался в Испании в мае 1937 г., представлял собой раннюю форму «народной демократии» – режимов, получивших распространение в Восточной Европе после Второй мировой войны. «Народная демократия» – это просоветский режим, сочетающий либеральный фасад с авторитарно-этатистским содержанием. Соотношение фасада и ядра режима зависит от внешнеполитических факторов, и под влиянием Запада фасад даже может в определенных условиях одолеть ядро. «Народная демократия» представляла собой не просто вытеснение союзников коммунистическим «кукушонком», а синтез двух этатизмов – коммунистического и социал-либерального на просоветской платформе.

Более решительные шаги по пути «народной демократии» в Испании были возможны после завершения гражданской войны в условиях изменившейся международной ситуации. Когда время придет, можно будет объединить коммунистов и сторонников просоветской политики в объединенную партию, и зачистить оппозицию.

Упустив возможность одержать военную победу над франкистами, Республика сохраняла только один шанс на выживание – продержаться до начала Второй мировой войны. Такой шанс возник в сентябре 1938 г. в связи с Судетским кризисом, он сохранялся и в 1939 г., так как Республика имела пусть и небольшой, но достаточный ресурс сопротивления, чтобы продержаться несколько месяцев в непредсказуемой ситуации предвоенной Европы.

Однако ведущие политические силы Республики, включая и премьер-министра Негрина, пришли к выводу о неизбежности поражения и стали искать пути минимизации издержек этой катастрофы. Коммунисты, вовлеченные в глобальную борьбу с фашизмом, были готовы сражаться до последнего солдата. Но и они были вынуждены действовать в фарватере политики Негрина, маневры которого вызывали недоверие у все большей части республиканцев, боявшихся остаться за бортом эвакуации.

В результате мятеж Касадо получил широкую политическую поддержку – в том числе и со стороны противников безоговорочной капитуляции. Мятеж спровоцировал крах Республики тогда, когда до начала Второй мировой войны оставалось пять месяцев.

Ее падение стало одним из сигналов (хотя уже далеко не важнейшим) для Сталина о необходимости смены внешнеполитической стратегии. Падение Испанской республики стало зримым доказательством краха стратегии Народного фронта и коллективной безопасности, на которую Сталин с таким трудом пошел в 1934–1936 гг.

В итоге гражданской войны Франко определился с позицией нейтралитета, к которой стал склоняться уже в тревожные мюнхенские дни. Хотя бы в этом Республика победила – она обескровила франкизм и не дала втянуть Испанию во Вторую мировую войну.

В то же время в Испании было дано первое сражение в противоборстве, которое закончится крахом фашистского блока в 1945 г.

* * *

Движение к производственной демократии было прекращено не в результате внутренних процессов, порожденных им, а в итоге силового подавления революции. Факт военного поражения сам по себе еще не дает оснований для вывода о принципиальной нежизнеспособности тех или иных моделей. Известны многие примеры уничтожения военным путем социально-политических структур, которые в условиях другой военно-политической обстановки давали пример высокой эффективности и жизнеспособности. Проблема жизнеспособности синдикалистской альтернативы сводится к вопросу о том, могло ли это общество существовать, сохраняя своеобразие в отношении «капиталистической» и «государственно-коммунистической» моделей.

Вероятно, в те годы идеалы самоуправления и последовательной демократии могли пробиваться на почву реальности только в экстремальных обстоятельствах. Трудно сказать, удалось бы анархистскому самоуправлению сохраниться в условиях спокойной повседневной жизни. Опыт многих стран Запада и «социалистической» Югославии показывает, что самоуправление и федерализм в условиях индустриально-бюрократического общества осуществимы больше по форме, чем по содержанию, но все же улучшают условия жизни людей. Глобальные исторические тенденции оказываются сильнее идей, родившихся раньше своего времени. Но только стремясь за горизонт, можно преодолеть замкнутый круг повседневности.

Само появление некапиталистической системы, которая была основана на принципах самоуправления, а не государственного управления, сделало Испанскую революцию одним из ключевых событий мировой истории. Оно показывает, что в словосочетании «социальное государство» ключевым является первое слово. Социальные преобразования, порожденные коллапсом стихийного капитализма, могли проводиться с помощью усиления государства – по-американски, немецки, итальянски и советски. А могли – путем усиления структур саморегулирования общества, таких как профсоюзы, органы территориального самоуправления, демократические общественные движения. Одним словом, по-испански.

При всем могуществе законов исторического развития, очень многое в направлении потоков истории зависит от ее «звездных моментов», выражаясь словами Стефана Цвейга. Социальные силы приходят в равновесие, и тогда все зависит от «субъективного фактора». Исход «звездного момента» определяет направление судеб миллионов людей на десятилетия вперед.

«Звездный час» истории Испании – это время Великой Испанской революции 30-х годов. Этот период испанской истории является неисчислимым кладом уроков для тех, кто стремится к преобразованию мира на началах свободы и солидарности, кто ищет реальную альтернативу авторитаризму и капитализму.

Испания оказалась в эпицентре мировой политики, и от нее зависели судьбы мира. Такая роль требует жертв. Но в то же время она дает жизнь, а не прозябание.

В череде событий мировой политики 30-х гг., когда узкая каста государственных деятелей решала судьбы миллионов людей, события в Испании отличаются тем, что история делалась «снизу», и простые люди дерзнули обустроить жизнь по-своему и сопротивляться приказам «начальств». Поэтому, несмотря на всю кровь и грязь, которой в истории Испанской республики тоже хватало, ее лидеры всерьез считались с волей простых людей. Это редко случается и дорогого стоит.

Список сокращений

Аббревиатуры (с вариантами, встречающимися в документах)

НКТ (CNT, CNT) – Национальная конфедерация труда
НК НКТ – Национальный комитет НКТ
ВСТ (UGT, UXT, UGT, VCP) – Всеобщий союз труда
ФРЗ – Федерация работников земли
СИМ – Служба военной разведки
МАТ – Международная ассоциация трудящихся
ИСПП (PSOE, PCOE) – Испанская социалистическая рабочая партия
КПИ – Коммунистическая партия Испании
ОСПК (PSUK, PCSUK) – Объединенная социалистическая партия Каталонии.
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.
ПОУМ (POUM) – Рабочая объединенная марксистская партия
ЭРК – Республиканская каталонская левая.
ЭК – Каталонская левая.
НСО – Национальный совет обороны.